

63.310/4
272

Э. ЛАВИССЪ и А. РАМБО
ЭПОХА
КРЕСТОВЫХЪ
ПОХОДОВЪ
ЧАСТЬ I

МОСКВА.

1914г.

Издание
М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

9(М)1 63.3/0/У *резюме*

Э72 | 80684

Лависс Э. РамбоА.

Эпоха крестовых походов
ч.Т.

1914

80684

м/ф

Р.ф.

633/0/4
9-72

ЭПОХА КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Э. ЛАВИССА и А. РАМБО

~~Handwritten scribble~~

21112

Часть I

Переводъ М. Гершензона

съ предисловіемъ проф. А. Н. Савина

Издание 2-е

+

1950

ЦЕНТРАЛЬНИ
МУЗ.

МОСКВА

Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ

1914

✓

✓

1942 г.

К

ЭКОЛОГИЯ
И ЭКОНОМИКА
ОХОТОВОГО РАЙОНА

В. М. СЛЕДИНА

Том I

Москва, 1942 г.

Издательство Московского университета

1950

Типография В. М. Следина.

Москва, Петровка, д. 26.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второй томъ той коллективной работы, которую обычно зовутъ „Всеобщей исторіей Лависса и Рамбо“, появился въ 1893; русскій переводъ второго тома, сдѣланный М. О. Гершензономъ, былъ напечатанъ въ 1897. Къ чему переиздавать въ 1914 такую старую книгу? Въдь съ тѣхъ поръ должны были накопиться новыя наблюденія, должны были измѣниться направленія исследовательскихъ интересовъ, должна была обнаружиться неточность многихъ частныхъ утверждений и общихъ выводовъ, въ 1893 казавшихся чуть не безспорными. Съ чувствомъ профессиональной гордости историкъ долженъ засвидѣтельствовать, что въ изученіи XII и XIII вѣковъ, которымъ посвященъ второй томъ, за послѣднія двадцать лѣтъ сдѣланы немалые успѣхи. Въ нѣкоторыхъ своихъ утвержденияхъ второй томъ успѣлъ состариться. Возьмемъ для примѣра главу о крестовыхъ походахъ. Сеньобо думалъ въ 1893, что въ Сиріи образовалось четыре независимыхъ другъ отъ друга государства; мы знаемъ теперь, что графство триполійское было фьефомъ іерусалимскаго королевства, а графство эдесское фьефомъ антиохійскаго княжества. Сеньобо замѣтилъ въ крестопосной Сиріи только французскихъ рыцарей да итальянскихъ купцовъ; мы знаемъ теперь, что въ Сиріи существовалъ классъ не-итальянской буржуазіи, притомъ не чисто городской. Въ іерусалимскомъ королевствѣ тридцатыхъ годовъ XIII вѣка французскому историку больше всего бросились въ глаза войны и грабежи; насъ теперь не менѣе поражаетъ исторія акреской коммуны.—

поръ нельзя указать никакой книги о томъ же предметѣ, которая была бы въ такой мѣрѣ насыщена фактами. Далѣе, второму тому Лависса и Рамбо посчастливилось найти себѣ исключительно хорошаго переводчика. За переводы иногда — и въ Россіи, кажется, чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ — берутся тѣ люди, которые непригодны ни для какой ученой или литературной работы. Нерѣдко переводчикъ не обладаетъ ни малѣйшимъ проблескомъ литературнаго дарованія, не знаетъ путемъ того языка, съ котораго переводить, и о предметѣ, которому посвящается переводимая книга, впервые почерпываетъ основательныя свѣдѣнія изъ самой этой книги. Наоборотъ, на второмъ томѣ Лависса и Рамбо можно учиться тому, какъ надо переводить. Поклонники „Декабриста Кривцова“ сами хорошо знаютъ, какимъ мастеромъ русскаго стиля является М. О. Гершензонъ: но имъ слѣдуетъ напомнить, что М. О. Гершензонъ былъ ученымъ „всеобщимъ“ историкомъ раньше, чѣмъ сталъ историкомъ русскаго общества и русской литературы, что онъ хорошо зналъ исторію феодальнаго періода еще тогда, когда второго тома Лависса и Рамбо не было на свѣтѣ. Читатели второго тома могутъ быть увѣрены въ томъ, что читаютъ то самое, что хотѣли сказать авторъ, и притомъ въ самомъ выгодномъ для авторской мысли русскомъ нарядѣ. Только очень внимательный критикъ разглядитъ въ переводѣ чрезвычайно рѣдкіе и маловажные промахи.

По моему мнѣнію второй томъ „Всеобщей исторіи“, несмотря на нѣкоторую устарѣлость, все еще можетъ быть очень полезенъ всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ познакомиться съ исторіей феодальнаго періода въ популярномъ, но серьезномъ изложеніи.

А. Савинъ.

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ *).

Часть I-я.

ГЛАВА I.

Феодальный порядокъ

отъ его возникновенія до конца XIII вѣка.

(Составилъ *Шарль Сеймьобо*).

I. — Крестьяне.

Крупныя помѣстья, 2. — Деревня, 6. — Крѣпостные, 8. — Отпущеніе на волю, 11. — Свободные крестьяне, 12. — Сеньеріальная эксплуатація, 13. — Платежи, 15. — Помѣщичьи права, 16. — Судебныя поплины, 17. — Повинности, 19. — Барщины, 19. — Управитель, 20. — Характеръ и размѣры сеньеріального режима, 22.

II. — Дворяне и высшее духовенство.

Дворяне; ихъ вооруженіе, 25. — Дворянская іерархія, 27. — Рыцарство, 30. — Башни, замки и дома, 32. — Оммажъ и феодеъ, 35. — Феодалныя обязанности, 38. — Женщины и дѣти въ феодальной системѣ, 42. — Духовенство въ феодальной системѣ, 43. — Министеріалы, 45. — Сложность феодальныхъ отношеній, 46.

III. — Обычаи и управленіе.

Собственность, аллодеъ, феодеъ, держаніе, 49. — Право наследованія, 51. — Войны и турниры, 52. — Божій миръ и Божье перемиріе: королевскій миръ, 53. — Судъ, 54. — Ордалия, 57. — Дуэль, 57. — Признаніе, наказанія, 58. — Кутюмъ, 58. — Рыцарская мораль, 59. — Феодалныя государства, 60.

*) Въ подлинникѣ настоящая книга составляетъ второй томъ коллективнаго изданія „Histoire générale du IV-e siècle à nos jours“, вышедшаго подъ редакціей проф. Ernest Lavisse и Alfred Rambaud. Русскій переводъ этой книги былъ впервые изданъ въ 1897 г., какъ второй томъ предпріятого покойнымъ К. Т. Солдатенковымъ русскаго изданія означенной „Всеобщей исторіи“ Лависса и Рамбо.

ГЛАВА II.

Папство и имперія. Споръ объ инвеститурѣ.

1049 — 1122.

(Составилъ *Байе*).

I. — Гильдебрандъ и папство отъ 1049 до 1073 г.

Гильдебрандъ; его характеръ; его принципы, 64. — Преобразование папскихъ выборовъ, 67.

II. — Григорій VII и преобразование церкви.

Избрание Григорія VII, 71. — Папство и церковное управление, 72. — Избрание епископовъ, 74. — Преобразование правовъ духовенства, 75. — Кардиналы и легаты, 77. — Доходы св. престола, 80. — Каноническое право, 81.

III. — Григорій VII и Генрихъ IV.

Начало спора объ инвеститурѣ, 83. — Генрихъ IV въ Каноссѣ, 87. — Григорій VII и короли, 89. — Возобновленіе распри между Григоріемъ VII и Генрихомъ IV, 95. — Генрихъ IV въ Римѣ; смерть Григорія VII, 97. — Послѣдніе годы Генриха IV, 99. — Генрихъ V и Пасхалій II, 101.

IV. — Окончаніе спора объ инвеститурѣ.

Вормскій конкордатъ 104. — Послѣдніе годы Генриха V, 105. — Торжество папства, 106. — Палскій авторитетъ въ Германіи, 107. — Папство и Италія, 108.

ГЛАВА III.

Папство. Германія и Италія. Фридрихъ Барбаросса.

1125 — 1190.

(Составилъ *Байе*).

I. — Германія; императоръ Лотарь, Гогенштауфены.

Второй періодъ борьбы, 110. — Лотарь: борьба съ Гогенштауфенами, 111. — Германія и ея восточные сосѣди, 112. — Споръ между Иннокентіемъ II и Анаклетомъ II, 113. — Лотарь въ Италіи, 115. — Воцареніе Гогенштауфеновъ: Конрадъ III, 117. — Фридрихъ Барбаросса, 120.

II. — Италия и Фридрих Барбаросса.

Ломбардские и тосканские города, 122. — Морские республики, 127. — Рим: папство; Арнольд Брешийский, 128. — Рожер Сицилийский и Южная Италия, 133. — Фридрих Барбаросса в Италии, 135. — Столкновение с Адрианом IV, 136. — Война с Миланом, 138. — Александр III, 140. — Ломбардская лига, 141. — Венецианский и констанцский договоры, 143.

III. — Германия и Фридрих Барбаросса.

Союз с Генрихом Львом, 146. — Генрих Лев, Альбрехт Медведь и славянские земли, 148. — Измена и осуждение Генриха Льва, 150. — Королевская власть в Германии, 152. — Культурное состояние Германии в эпоху Барбароссы, 157. — Литература, 158. — Смерть Фридриха Барбароссы, 159.

ГЛАВА IV.

Папство, Германия и Италия.

Генрих VI и Фридрих II.

1190 — 1268.

(Составил *Байс*).

I. — Царствование Генриха VI.

Генрих VI и сицилийское королевство, 161. — План завоевания Востока, 163.

II. — Деятельность Иннокентия III.

Иннокентий III: его характер и убеждения, 164. — Возстановление государства св. Петра, 166. — Вмешательство Иннокентия III в немецкие дела, 167. — Иннокентий III и короли, 171. — Иннокентий III и крестовый поход, 173. — Иннокентий III и церковь, 175. — Латеранский собор, 176.

III. — Фридрих II: сицилийское королевство, крестовый поход.

Фридрих II, как король Сицилии, 177. — Просвещение при сицилийском дворе, 181. — Религиозные взгляды Фридриха II, 183. — Фридрих II и Гонорий III, 186. — Григорий IX, 188. — Крестовый поход Фридриха II, 188. — Сан-Джерманский договор, 191.

III.—Ереси XII и XIII вв.

Размноженіе ересей, 250. — Монтанистскія секты: петробрузійцы и вальденцы, 252. — Пантеистическія секты, 253. — Манихейская секта: катары или альбигойцы, 254. — Альбигойскій крестовый походъ, 257. — Инквизиція, 261.

IV. — Упроченіе папской власти.

Конклавъ и кардиналы, 264. — Отношенія папы къ церкви; упадокъ власти архіепископовъ, 266. — Отношенія папы къ свѣтскимъ князьямъ: папское верховенство, 271.

ГЛАВА VI.

Крестовые походы.

(Составилъ *Шарль Сеймбо*).

I. — Востокъ въ XI вѣкѣ.

Мусульманскія государства Востока, 276. — Христіанскія государства Востока, 279. — Святой Гробъ, 280.

II.—Первый крестовый походъ.

Клермонскій соборъ, 281. — Выступленіе крестоносцевъ, 283. — Крестоносцы въ Константинополь, 285. — Крестоносцы въ Малой Азіи, 286. — Взятіе Одессы, 287. — Взятіе Антиохіи, 287. — Раздоры между крестоносцами, 289. — Взятіе Іерусалима, 290.

III. — Франкскія государства на Востокѣ.

Іерусалимское королевство, 291. — Основаніе христіанскихъ княжествъ въ Сиріи, 292. — Организациія христіанскихъ владѣній на Востокѣ, 296. — Іерусалимскія ассизы, 298. — Рыцарскіе ордена, 299.

IV. — Крестовые походы XII вѣка.

Второй крестовый походъ, 302. — Гибель Іерусалима, 305. — Третій крестовый походъ, 308.

V. — Св. Людовикъ; его политика.

Король, 358. — Королевская власть въ 1236 году, 359. — Внутренняя политика Людовика Св.; феодальная война и война съ Англійей, 361. — Монархическое правленіе въ Лангедокѣ: Людовикъ Св. и Альфонсъ Пуатье-скій, 364. — Вѣшняя политика Людовика Св., 365. — Пресобладаніе Франціи въ Европѣ, 367.

VI. — Людовикъ Св.; его учрежденія.

Общія отношенія между короной и феодализмомъ, 369. — Национальное духовенство. Гильомъ Оверньскій, 370. — Людовикъ Св. и нищенствующіе ордена, 371. — Отношенія къ папству. Прагматическая санкція, приписываемая Людовику Св., 372. — Подчиненіе коммунъ монархической власти, 372. — Развитие королевской администраціи; слѣдователи, 373. — Королевскій дворъ и совѣты; парламентъ, 375. — Административныя и финансовыя реформы, 377. — Законодательство Людовика Св.; популярность короля, 380.

ГЛАВА VIII.

Освобожденіе городовъ. Коммуны. Буржуазія.

(Составили А. Жири и А. Ревиль).

I. — Зачатки городской самостоятельности.

Судьба древнихъ римскихъ городовъ, 383. — Образованіе новыхъ городскихъ центровъ, 384. — Положеніе городовъ до XI вѣка, 386. — Первые соединенія городскихъ жителей, 388.

II. — Коммунальная революція.

Происхожденіе городскихъ учреждений, 390. — Благопріятное положеніе городовъ южной Европы, 392. — Города Прованса и Лангедока, 393. — Бунты въ городахъ Лангедока, 396. — Города сѣвера, 397. — Духовенство и города, 398. — Сеньеры и города, 399. — Французскій король и города, 399. — Присяжная коммуна, 401. — Коммунальныя возстанія; Ланъ, Сансъ, Камбрэ, 402. — Другіе способы освобожденія, 406. — Города германской имперіи, 408. — Сельскія коммуны, 409.

III. — Коммуны.

Коммунальная грамота, 411. — Коммуна—коллективная сеньерія, 414. — Отношенія между коммуною и ея сюзереномъ: оммажъ, повинности, 414. —

Военная служба коммунъ, 415. — Сенъеріальныя права коммунъ, 417. — Право войны и мира, 418. — Союзы между коммунами, 419. — Внутреннее устройство коммуны; граждане и горожане, 420. — Общее собраніе жителей; парламентъ, 422. — Муниципальная магистратура: южные города, 423. — Магистратуры сѣверныхъ коммунъ, 426. — Компетенція коммунальныхъ магистратовъ: судъ, 428. — Дробленіе городовъ въ судебномъ отношеніи, 429. — Законодательная и административная власть коммунальныхъ магистратовъ, 430. — Коммунальная печать, 431. — Вѣчевая башня, 432. — Общественный миръ въ коммунахъ, 433. — Столкновенія съ церковью, 433. — Братства горожанъ въ городахъ южной Франціи, 434. — Внутренніе раздоры и социальная борьба, 435. — Захватъ французскихъ коммунъ королевскою властью, 436.

IV. — „Города буржуазіи“; „новые города“.

Города буржуазіи, 438. — Новые города, 440. — Заключеніе, 443.

ГЛАВА I.

Феодальный порядокъ отъ его возникновенія до конца XIII вѣка.

Въ странахъ, составлявшихъ имперію Карла Великаго, произошелъ въ теченіе X вѣка глубокий переворотъ, подробности котораго намъ неизвѣстны вслѣдствіе отсутствія документальныхъ данныхъ. Когда мракъ начинаетъ проясняться—около конца XI столѣтія—общество и государство оказываются преобразованными. Эту-то новую организацію историки и назвали феодальнымъ порядкомъ. Она возникла въ тотъ темный періодъ, который слѣдовалъ за распаденіемъ каролингской монархіи, и сложилась медленно, безъ вмѣшательства государственной власти, безъ помощи писаннаго закона, безъ какого бы то ни было общаго соглашенія между частными людьми,—исключительно вслѣдствіе постепеннаго преобразованія обычаевъ, которое произошло, хотя съ нѣкоторой разницей во времени, но почти одинаковымъ образомъ, во Франціи, въ Италіи, въ христіанской Испаніи и въ Германіи. Позже она была перенесена въ Англію и Южную Италію—начиная съ конца XI вѣка, въ латинскія государства Востока—въ XII и XIII, и въ скандинавскія страны—начиная съ XIV столѣтія.

Эта система, образовавшаяся, такъ сказать, путемъ естественнаго роста, безъ всякаго общаго плана, никогда не была единообразна и никогда не функционировала вполне правильно. Ее невозможно резюмировать въ совершенно точной таблицѣ, ни одинъ изъ обычаевъ этого времени не укладывается въ формулу, которая была бы строго вѣрна, о ней нельзя высказать ни одного общаго положенія, которому не противорѣчило бы множество частныхъ случаевъ. Поэтому еще ни одинъ ученый не отважился выступить съ общимъ сочиненіемъ о феодальномъ порядкѣ. Един-

ственное, на что можетъ въ настоящее время рѣшиться ученый, это—попытаться собрать тѣ особенности общественнаго строя и обычаевъ, которыя были наиболѣе распространены въ феодальныхъ государствахъ въ періодъ отъ X-го по XIII вѣкъ.

Во всей имперіи Карла Великаго господствовали надъ обществомъ и созидали его слѣдующіе три фактора: крупное землевладѣніе, обязанность свѣтскихъ собственниковъ вооружаться и вести войну на свой счетъ, и положеніе духовенства, какъ собственника.

Общество раздѣлилось на два класса: на массу крестьянъ, водвсрєнныхъ въ крупныхъ помѣстьяхъ, и на землевладѣльческую аристократію, состоявшую изъ двухъ группъ: изъ военныхъ людей и людей церкви ¹⁾.

I.—КРЕСТЬЯНЕ.

Крупныя помѣстья.—Начиная съ IX вѣка въ каролингской имперіи болѣе не остается мелкихъ собственниковъ, которые сами обрабатывали бы свою землю,—исключая, можетъ быть, городскихъ округовъ Юга и отдаленныхъ областей, лежавшихъ въ высокихъ горахъ или на берегу моря. Почти вся земля принадлежитъ крупнымъ собственникамъ, которые сами не работаютъ. Такъ какъ она представляетъ небольшую цѣнность, то она раздѣлена на помѣстья, по объему превосходящія все, что мы теперь называемъ крупной собственностью; ихъ можно сравнить только съ вотчинами русскихъ помѣщиковъ до уничтоженія крѣпостного права или съ плантаціями Соединенныхъ Штатовъ въ эпоху невольничества.

Помѣстье занимало всю территорію современной намъ деревни. Большинство современныхъ коммунъ Франціи суть ничто иное, какъ древнія помѣстья, и многія изъ нихъ сохранили даже свои имена (Clichy, Palaiseau, Issy, Ivry и др.).

Въ каждомъ помѣстьи земля была раздѣлена на двѣ части различной величины. Меньшая часть (обыкновенно земли, смежныя съ господскимъ домомъ) составляла запасъ, который собствен-

---

¹⁾ Жители городовъ (bourgeois) составляютъ, начиная съ конца XI вѣка, особый классъ, средній между крестьянствомъ и знатью. Но города возникаютъ уже послѣ установленія феодальнаго порядка и даже содѣйствуютъ его уничтоженію; поэтому ихъ можно оставить въ сторонѣ. (Образованіе и исторія буржуазіи изложены ниже, въ VIII главѣ.)

никъ удерживалъ за собою, чтобы эксплуатировать ее непосредственно и въ свою пользу; это была господская земля (*indominicata*). Все, что она производила, принадлежало собственнику. На ней находился господскій домъ, въ которомъ жилъ или самъ владѣлецъ, или, по крайней мѣрѣ, его приказчикъ.

Остальная часть помѣстья была распределена между извѣстнымъ количествомъ крестьянскихъ семействъ, водворенныхъ въ помѣстье. Они жили обыкновенно въ избахъ, скученныхъ возлѣ господскаго дома на подобіе деревни. Каждая семья обрабатывала изъ рода въ родъ одинъ и тотъ же участокъ земли, состоявшій обыкновенно изъ нѣсколькихъ клочковъ, разбросанныхъ по всему помѣстью. Урожай принадлежалъ крестьянамъ, по взаимнъ они обязаны были платить оброкъ и оказывать услуги собственнику и жили въ зависимости отъ него.

Размѣры оброка и услугъ были разнообразны до безконечности, смотря по договорамъ, заключеннымъ въ началѣ, или по мѣстнымъ обычаямъ; никакой законъ не опредѣлялъ ни размѣра повинностей, которыя собственникъ могъ налагать на своихъ крестьянъ, ни количества земли, которое онъ обязанъ былъ дать имъ. Но чрезвычайно однообразныя условія жизни привели къ установленію почти вездѣ весьма сходныхъ порядковъ.

Эту организацию мы встрѣчаемъ уже въ описи имущества аббатства Сень-Жерменъ де-Пре, составленномъ въ концѣ царствованія Карла Великаго. Каждому помѣстью посвящена глава, въ которой перечислены—сначала запасная земля собственника и сборъ съ нея, затѣмъ крестьяне, ихъ семейства, размѣры участка, который держитъ каждый крестьянинъ, оброкъ и барщина. Вотъ, напримѣръ, опись помѣстья Палезо: «Въ Палезо есть господская земля съ домою и другими нужными строениями. Тамъ есть 6 полосъ пахатной земли, содержащихъ 287 боннь, на которыхъ можно посѣять 1300 четвериковъ хлѣба; подъ виноградникомъ находится 127 десятинъ, которыя могутъ дать 800 мѣръ вина, подъ лугомъ 100 десятинъ, съ которыхъ можно получить 150 возовъ сѣна. Лѣсъ, въ которомъ можно выкормить 50 свиней ¹⁾, имѣетъ, круглымъ счетомъ, одну милю въ окружности. Есть три мельницы, которыя приносятъ оброкъ въ 154 четверика. Есть церковь со всеми принадлежностями...»

¹⁾ Наибольше употребительная говядина въ эту эпоху—свинина; лѣсъ (духовый) разсматривается, главнымъ образомъ, какъ пастбище для свиней. Такъ было, даже еще въ прошломъ вѣкѣ, и въ Кроаціи и Сербіи.

«Вальфридъ и его жена, колоны, родомъ изъ Сенъ-Жермена, имѣютъ при себѣ двухъ дѣтей по имени... Онъ занимаетъ 2 свободныхъ мансы. За каждую мансу онъ платитъ 1 быка, вспахиваетъ подъ озимь 4 перши, отбываетъ барщину, извозъ и задѣльную работу, когда ему прикажутъ, платитъ 3 цыпленка и 15 яицъ.—Эрмонъ и его жена, колоны, родомъ изъ Сенъ-Жермена, имѣютъ при себѣ пятерыхъ дѣтей... Онъ занимаетъ одну свободную мансу, въ которой пахатной земли 10 боннье, виноградника 2 десятины, луга $\frac{1}{2}$ десятины. Платитъ столько же». (Слѣдуютъ 110 подобныхъ статей о колонахъ, занимавшихъ по одной мансѣ).

«Мавръ, крѣпостной, и его жена, свободная, люди изъ Сенъ-Жермена, имѣютъ при себѣ двухъ дѣтей... Гентольдъ, колонъ изъ Жермена. Эти люди занимаютъ 1 крѣпостную мансу, содержащую 2 боннье пахатной земли, $2\frac{1}{2}$ десятины виноградника, $1\frac{1}{2}$ десятины луга. Они отбываютъ барщину на 8 десятинахъ виноградника, доставляютъ обычныя мѣры вина, 2 сѣтье горчицы, 3 курицы, 15 яицъ, отбываютъ задѣльную работу, барщину, извозъ...»

Глава о помѣстьи Палезо оканчивается такъ: «Это составляетъ всего 117 мансъ, какъ свободныхъ, такъ и крѣпостныхъ».

Исключая запасной земли, которую собственникъ эксплуатируетъ непосредственно при помощи барщины, помѣстье раздѣлено на держанія (мансы), распадающіяся здѣсь на двѣ группы: на свободныя, большаго размѣра, которыя, судя по названію, первоначально были заняты свободными держателями, и крѣпостныя, меньшаго размѣра, занятая нѣкогда рабами господина. Но это дѣленіе не удержалось; мы видимъ, что въ той же самой описи, изъ которой мы узнаемъ о немъ, оно уже не соблюдается: крѣпостные сидятъ на свободныхъ мансахъ и наоборотъ.

Опись помѣстій Карла Великаго, 810 года, свидѣтельствуетъ о существованіи совершенно такихъ же порядковъ на островѣ одного небольшого озера въ Баварскихъ горахъ (Staffelsee). «Отъ этого помѣстья зависятъ 83 свободныя мансы. Изъ нихъ 6 доставляютъ ежегодно по 14 четвериковъ хлѣба, 4 свиньи, 2 курицы, 10 яицъ, 1 сѣтье льняного сѣмени, 1 сѣтье чечевицы каждая, отбываютъ ежегодно по 5 недѣль барщины, вспахиваютъ по 3 морга, косятъ на господскомъ лугу и свозятъ по 1 возу сѣна, и т. д.».

Крайне малочисленные документы IX и X столѣтій не даютъ права утверждать, что всѣ помѣстья были организованы такимъ образомъ. Намъ извѣстны даже нѣкоторыя помѣстья, въ которыхъ

нѣтъ и слѣда того правильнаго порядка, какой мы впдѣли въ Сень-Жерменѣ,—въ которыхъ ни въ чемъ нѣтъ однообразія—ни въ объемѣ держаній, ни въ размѣрахъ оброка и барщины, отбываемыхъ держателями. Самая манса ¹⁾, которая въ Сень-Жерменскихъ помѣстьяхъ соотвѣтствуетъ, повидимому, опредѣленной стоимости (если не пространству),—въ большинствѣ южныхъ округовъ представляетъ лишь неопредѣленное имя, которое примѣняется ко всякому держанію, связанному съ деревенскимъ домомъ. Часто вмѣсто мансы встрѣчается так. и. *colonica* ²⁾ (держаніе колона), которая состоитъ, повидимому, изъ земель, зависящихъ отъ одинокаго дома; въ этомъ случаѣ избы держателей, вмѣсто того, чтобы составлять поселокъ вблизи господскаго дома, разсѣяны по всему помѣстью.

На какия страны распространялся этотъ способъ обработки земли? Статистика, которая могла бы намъ отвѣтить на этотъ вопросъ, невозможна за недостаткомъ документовъ. Но вѣроятно, что эта форма хозяйства была римскаго происхожденія и господствовала почти на всемъ протяженіи древне-римской Галліи, исключая горныхъ областей Пиренеевъ и окрестностей древнихъ римскихъ городовъ, особенно лежавшихъ на югѣ и въ долинахъ Роны и Соны. По крайней мѣрѣ, разрозненные документы этого темнаго періода говорятъ только о ней, и въ XIII вѣкѣ она распространена почти по всей Франціи.

Она же является обычной формой хозяйства и въ Италіи XIII-го столѣтія; но въ городскихъ округахъ, составляющихъ здѣсь значительную и при томъ наиболѣе богатую часть территоріи, собственники отдаютъ свои земли арендаторамъ или фермерамъ, часто по вѣчному договору—эмфитеоза древнихъ.

Въ Испаніи также существовалъ классъ крестьянъ-держателей; но въ областяхъ, которыя остались христіанскими, многіе земледѣльцы жили въ укрѣпленныхъ мѣстечкахъ, а въ областяхъ, отвоеванныхъ у мавровъ, удержалась отчасти сельская организація Востока.

Въ Германіи, гдѣ, можетъ быть, еще во времена Карла Великаго оставалось много мелкихъ собственниковъ,—эксплуата-

¹⁾ Слово *mansa*—латинскаго происхожденія и первоначально обозначало, вѣроятно, домъ (*manere*). Въ діалектахъ Юга оно превратилось въ *mas*: отъ уменьшительной формы произошли какъ часто встрѣчающіяся на Югѣ имена *Mazel*, *Mazet*.

²⁾ Отсюда имена *Coulanges*, *Coullonche*.

ція земли при помощи держателей, введенная, вброятно, монастырями и князьями, распространилась вскорѣ по всей странѣ, исключая нѣкоторыхъ альпійскихъ округовъ и равнинъ, смежныхъ съ Сѣвернымъ моремъ, гдѣ удержались крестьяне-собственники. То же самое произошло и въ скандинавскихъ государствахъ, но только послѣ XIV вѣка.

Что касается Англии, то кадастръ, составленный нормандскими королями, представляетъ намъ всю страну покрытою крупными помѣстьями, которыя раздѣлены на участки, занимаемые держателями за оброкъ и барщину. Эта организація, повидимому, предшествовала нормандскому завоеванію.

Такимъ образомъ, во всей цивилизованной Европѣ господствуютъ крупная поземельная собственность, наслѣдственныя держанія, оброкъ и барщина; они распространяются на западъ вплоть до горъ Уэльса и Шотландіи, на югъ—до мусульманскихъ государствъ, а на востокъ захватываютъ все далѣе и далѣе, по мѣрѣ того, какъ цивилизуются славянскіе народы.

Въ основныхъ чертахъ эта организація установилась въ X-мъ вѣкѣ. Она оказывается вполне сложившейся въ документахъ конца XI-го столѣтія и до XIV-го почти не измѣняется. Поэтому можно попытаться дать понятіе о положеніи крестьянъ въ этотъ періодъ.

Деревня. — Крупное помѣстье все еще господствуетъ надъ всей жизнью крестьянина. Господскій домъ обратился въ укрѣпленный домъ, иногда въ замокъ, съ усадебной землей (полями, виноградниками, лугами, прудами, рощами), занимающей, по нашимъ представленіямъ, очень большое пространство. Вблизи сгруппированы жилища держателей, принадлежація къ двумъ различнымъ типамъ: полный домъ, построенный вокругъ двора ¹⁾ и прилегающій къ саду, домъ зажиточнаго крестьянина ²⁾, обладающаго запряжкой воловъ,—и хижина, состоящая изъ одной постройки, гдѣ живетъ земледѣлецъ, не имѣющій ничего другого, кромѣ своихъ рабочихъ рукъ.

По мѣрѣ увеличенія числа жителей, такая кучка домовъ становится деревней, иногда (впрочемъ рѣдко)—даже бургомъ, окруженнымъ стѣною. Во Франціи этотъ поселокъ сохраняетъ древнее римское названіе помѣстья (*villa*): его называютъ *ville*, а

¹⁾ По-нѣмецки дворъ и домъ обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ—*Hof*.

²⁾ По-нѣмецки такой крестьянинъ называется *Vollbauer* (полный хлѣбопашецъ).

крестьянъ—*vilains*. Аналогичный смысл имѣютъ окончанія *ham* въ англійскомъ языкѣ, *heim* и *hausen*—въ нѣмецкомъ.

Отъ этой деревни зависитъ территория (на сѣверѣ Франціи ее называютъ *finage*), границы которой остались тѣ же, какія имѣло древнее помѣстье. Часто случалось, что въ теченіе вѣковъ помѣстье распадалось между нѣсколькими собственниками, которые дѣлили между собою усадебную землю и крестьянъ; но территория, какъ и поселокъ, остаются неизмѣнными. Повсюду, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, границы помѣстья вслѣдствіе долгой привычки сдѣлались неподвижными; большинство помѣстій обратилось въ современныя коммуны. Такимъ образомъ, крупные собственники минувшаго времени начертали планъ и создали основную единицу современнаго административнаго дѣленія Франціи.

Такъ какъ—особенно въ Германіи—оставались еще пустынные земли и нерасчищенные лѣса, то въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и преимущественно въ XIII столѣтіи, возникали новыя селенія ¹⁾; но они устраивались по образцу старыхъ.

Территория деревни, за исключеніемъ запасной земли, раздѣлена между крестьянами, которые передаютъ свои участки отъ отца къ сыну. Если въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи и существовалъ въ древности обычай время отъ времени соединять всѣ земли и дѣлить ихъ заново между жителями,—что еще вовсе не доказано,—то въ теченіе среднихъ вѣковъ этотъ обычай исчезъ повсюду и держанія изъ рода въ родъ оставались въ однѣхъ и тѣхъ же семьяхъ.

Держаніе очень рѣдко представляетъ цѣльный кусокъ земли въ одной межѣ: обыкновенно оно состоитъ изъ нѣсколькихъ полей, разбросанныхъ по различнымъ частямъ территоріи и имѣющихъ форму длинныхъ узкихъ лентъ, какія еще теперь можно видѣть на равнинахъ сѣверо-восточной Франціи и западной Германіи, гдѣ до сихъ поръ сохранился традиціонный способъ разверстки полей. Раздробленіе часто восходило ко временамъ первоначальнаго устроенія помѣстья; оно соотвѣтствовало трехпольной системѣ, очень распространенной въ IX и X столѣтіяхъ (озимое, яровое и паръ). Съ теченіемъ времени оно еще усиливалось,

---

¹⁾ Въ Германіи названія селъ, устроившихся на мѣстѣ расчищеннаго лѣса, кончатся словомъ *rode* или *roda*, что значитъ *сечь* (*Wernigerode, Osterode, Friedrichsroda*).

потому что держатель, по крайней мѣрѣ во Франціи, имѣлъ право подраздѣлять свое держаніе, лишь бы только новые владѣльцы продолжали отбывать повинности. Число участковъ, какъ и число держателей, могло возрастать безпредѣльно, поскольку это допускали продовольственные силы территоріи. Какъ только переступали эту границу, голодъ или эпидемія возстановляли равновѣсіе между количествомъ населенія и количествомъ припасовъ. Въ Германіи держанія часто становились недѣлимими, и пачиная съ XII вѣка здѣсь образовался классъ зажиточныхъ крестьянъ.

Было бы нелѣпо пытаться опредѣлить количество сельскаго населенія Европы, даже въ XIII столѣтіи, потому что документы и недостаточно полны, и мало достовѣрны. Можно только, опираясь на примѣръ Индіи и мусульманскихъ странъ, сказать съ вѣроятностью, что населеніе, будучи бѣднымъ, плодовитымъ и прикрѣпленнымъ къ землѣ, должно было достигнуть очень большой густоты.

Все сельское населеніе обозначали однимъ именемъ: *rustici* (крестьяне), *vilains*, *Bauer* (хлѣбопашцы). Смыслъ, который придавали во Франціи слову *vilain*, ясно показываетъ, что остальные классы общества не дѣлали различія между крестьянами и всѣхъ ихъ объединяли въ одномъ и томъ же чувствѣ презрѣнія. Между тѣмъ, этотъ низшій классъ представлялъ собою смѣсь людей, занимавшихъ первоначально совершенно различныя положенія, и это различіе оставило еще такъ много слѣдовъ, что образовались двѣ группы, обозначавшіяся во французскихъ актахъ того времени двумя различными именами: рабовъ и свободныхъ.

Крѣпостные. — Крѣпостные (*serfs*) были потомками или, по крайней мѣрѣ, преемниками древнихъ римскихъ рабовъ (*servi*). Но въ теченіе вѣковъ ихъ положеніе постепенно улучшилось. Господинъ былъ въ то же время собственникомъ: онъ видѣлъ въ крѣпостномъ лишь сельско-хозяйственное орудіе и не требовалъ отъ него ничего другого, какъ только чтобы онъ извлекалъ выгоду изъ его помѣстья. Сельскихъ крѣпостныхъ болѣе не продавали; они могли вступать въ бракъ и оставались безсмѣнно въ одномъ и томъ же помѣстьи, начиная собою здѣсь поколѣнія хлѣбопашцевъ. Каждая семья получала отъ господина домъ и участокъ земли, которые и переходили въ ней изъ рода въ родъ, такъ какъ господинъ отказывался отъ права взять ихъ обратно. Крѣпостной сдѣлался держателемъ. Тѣмъ самымъ, что крѣпостные были переведены на роль хлѣбопашцевъ и что господинъ пере-

стать требовать отъ нихъ личной службы ¹⁾, рабство было превращено въ крѣпостное состояніе, какъ, наоборотъ, въ Россіи XVIII вѣка помѣщики, отрывая своихъ крѣпостныхъ отъ земли и обращая ихъ въ лакеевъ и горничныхъ, вновь создали рабство, подобное античному.

Крѣпостной не получалъ своего держалія, какъ безвозмездный даръ; собственникъ, оставшись его господиномъ, требовалъ отъ него болѣе тяжелыхъ оброка и барщины, часто опредѣляемыхъ имъ по произволу. По энергическому выраженію того времени, крѣпостной былъ «*taillable et corvéable à merci*» (повиненъ оброкомъ и барщиной по всей волѣ господина). Однако, сила обычая въ средніе вѣка была такъ велика, что часто онъ опредѣлялъ, въ концѣ-концовъ, даже размѣры повинностей крѣпостныхъ: собственникъ не могъ требовать отъ нихъ больше того, что они искони платили. Наоборотъ, не всегда нужно было быть крѣпостнымъ, чтобы быть повинну оброкомъ по всей волѣ господина.

Повидимому, специальными повинностями крѣпостного, характеризовавшими его положеніе, были въ средніе вѣка тѣ, которыя свидѣтельствовали также и о его личной зависимости: *capitation* (подушная подать), *formariage* (плата за вступленіе въ бракъ) и *main morte* («мертвая рука»).

Capitation есть подать съ каждой головы, выплачиваемая, обыкновенно, ежегодно; эту повинность господинъ наложилъ на своихъ крѣпостныхъ въ силу своего абсолютнаго права; она представляетъ собою пережитокъ рабства.

Formariage²⁾ есть налогъ, уплачиваемый собственнику крѣпостнымъ или крѣпостной при вступленіи въ бракъ съ лицомъ, стоящимъ внѣ его власти. Если держатели одного и того же владѣльца вступаютъ въ бракъ между собою, то они не выходятъ изъ подъ его зависимости и ихъ бракъ для него безразличенъ; въ этомъ случаѣ только изрѣдка устанавливается небольшая повинность.

---

¹⁾ Мы не хотимъ сказать, что въ средніе вѣка не было рабовъ, исполнявшихъ роль домашней прислуги; но ихъ было очень мало, и здѣсь, гдѣ мы говоримъ о крѣпостныхъ, намъ нѣтъ надобности касаться положенія челяди.

²⁾ Пресловутое „сеньеріальное право“, возбуждившее столько жестокихъ споровъ между панегиристами и хулителями среднихъ вѣковъ, относится, безъ сомнѣнія, къ рабству. Въ той формѣ, въ какой его прославила популярная литература, оно упоминается очень рѣдко, притомъ лишь въ документахъ ранней эпохи, допускающихъ, въ добавокъ, противоположныя толкованія.

Но вступалъ въ бракъ съ чужакомъ, крѣпостная выходитъ изъ подъ власти господина; понятно, что она можетъ сдѣлать это только съ его согласія. Formariage и есть, повидимому, цѣна, уплачиваемая господину съ цѣлью получить его согласіе на бракъ.

Main-morte есть право господина завладѣть наслѣдствомъ своего крѣпостного въ томъ случаѣ, когда послѣдній не оставляетъ послѣ себя дѣтей, живущихъ при немъ. Крѣпостная семья владѣетъ своимъ домомъ и полемъ только въ силу соизволенія господина, единственнаго настоящаго собственника. По установившемуся обычаю держаніе оставляютъ за семьей до тѣхъ поръ, пока она живетъ вмѣстѣ. Но разъ семья вымерла или разсѣялась, держаніе возвращается къ собственнику, при чемъ онъ не обязанъ считаться съ побочными родственниками или даже съ дѣтьми своего крѣпостного, живущими на сторонѣ, потому что держаніе принадлежитъ ему. Если же онъ соглашается отдать его родственникамъ своего крѣпостного, то не иначе, какъ подъ условіемъ довольно большого выкупа. Именно это право на выморочное имѣніе и называется *main-morte* (самый терминъ появляется въ XI вѣкѣ). Обычай или частные договоры часто устанавливали постоянный размѣръ выкупа. Во многихъ германскихъ странахъ (Англія, Германія, Фландрія) право господина сводилось къ вычету изъ наслѣдства какой-нибудь вещи или головы скота.

По той же причинѣ, по которой крѣпостной не можетъ завѣщать своего держанія при смерти, онъ при жизни не можетъ продавать или отчуждать его безъ особаго разрѣшенія своего господина.

Болѣе характерна другая черта первоначальнаго рабства, сохранившаяся въ теченіе долгаго времени. Крѣпостной, водворенный въ помѣстьи, не могъ быть оторванъ отъ него своимъ господиномъ; но и самъ онъ, въ свою очередь, не имѣлъ права покидать помѣстье, чтобы поселиться гдѣ-нибудь на сторонѣ ¹⁾. Уходя безъ разрѣшенія, онъ причинялъ убытокъ своему господину, такъ какъ лишалъ его своихъ услугъ; господинъ имѣлъ право преслѣдовать бѣглеца и заставить его вернуться: это было право преслѣдованія.

Мы узнаемъ, что сеньеры принимаютъ мѣры противъ этихъ побѣговъ, вступая въ соглашеніе съ сосѣдными владѣльцами и взаимно обязываясь возвращать другъ другу своихъ бѣглыхъ крѣ-

¹⁾ Выраженіе „serf de la glèbe“, которымъ въ обыденной рѣчи часто обозначаютъ средневѣковыхъ крѣпостныхъ, въ документахъ не встрѣчается.

постныхъ. Другіе производятъ цѣлыя слѣдствія, чтобы розыскать крѣпостныхъ, которые стараются ускользнуть отъ нихъ, либо скрывая свое званіе, либо поселяясь на земляхъ другихъ сеньеровъ, либо вступая въ духовное званіе. Графъ фландрскій, Карль, былъ убитъ въ 1127 году за то, что произвелъ слѣдствіе, при которомъ была скомпрометирована одна знатная фамилія, происшедшая отъ крѣпостного.

Это жестокое право преслѣдованія рано смягчается. Во Франціи уже въ XII столѣтіи господствуетъ обычай, по которому крѣпостной можетъ уйти и поселиться на сторонѣ, обыкновенно подъ двумя условіями: онъ долженъ торжественно предупредить объ этомъ своего господина (отречься отъ него), и долженъ отказаться отъ всего имущества, которымъ владѣлъ въ его помѣстьяхъ.

Подъ разными именами крѣпостное право существовало во всей Европѣ ¹⁾. Повидимому, крѣпостные составляли главную массу сельскаго населенія со времени Карла Великаго, и ихъ потомки рождались крѣпостными. Самое держаніе въ концѣ-концовъ усвоило всѣ черты ихъ крѣпостного положенія и передавало послѣднее всякому, кто становился держателемъ; живя на крѣпостномъ держаніи, свободный человѣкъ обращался въ крѣпостного ²⁾; юристы называли это вещественнымъ рабствомъ.

Отпущеніе на волю. — Съ другой стороны, и крѣпостной могъ сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ. Подобно античному рабу, онъ могъ быть лично освобожденъ своимъ господиномъ посредствомъ символическаго обряда или письменнаго акта (*х а р т і и*); въ теченіе среднихъ вѣковъ господствовала исключительно вторая форма. Но отпущеніе на волю отдѣльныхъ лицъ становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ: почти всегда господинъ освобождалъ сразу всѣхъ крѣпостныхъ помѣстья, однимъ актомъ измѣняя положеніе цѣлой деревни или цѣлаго округа.

Понятно, что онъ поступалъ такимъ образомъ вовсе не изъ великодушія. Крѣпостные покупали свою свободу, сначала—платя извѣстную сумму, особенно начиная съ XII вѣка, когда деньги стали не такъ рѣдки, позже—обязываясь на вѣчныя времена за

¹⁾ Въ Германіи крѣпостные назывались *leibeigen*.

²⁾ Другіе источники рабства — война, судебные приговоры, дареніе-жертвованіе на церковь, точно такъ же, какъ и *colliberti* (совмѣстно отпущенные на волю),—имѣли слѣшкомъ ничтожное практическое значеніе, чтобы заслуживать чего-нибудь больше простаго упоминанія.

себя и за своихъ потомковъ платить спеціальныя повинности, которыя напоминали бы объ ихъ прежнемъ положеніи.

Взамѣнъ этого господинъ отказывался отъ своего права взыскивать съ нихъ собственно рабскія повинности, особенно *main-morte*. Часто онъ также отказывался отъ произвольныхъ обложеній и обязывался впредь вѣзать только опредѣленныя повинности, но это не было непремѣннымъ послѣдствіемъ освобожденія. Положеніе вольноотпущенныхъ зависѣло исключительно отъ условій, заключенныхъ ими съ собственникомъ и точно обозначенныхъ въ письменномъ контрактѣ (*хартіи*). Во всякомъ случаѣ, они оставались держателями помѣстья. А такъ какъ единственнымъ различіемъ между держателемъ - крѣпостнымъ и свободнымъ держателемъ была разница въ величинѣ повинностей, то ихъ положеніе измѣнялось вовсе не такъ сильно, какъ можно было бы думать судя по высокопарнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ хартій, превозносящимъ благотворное дѣйствіе свободы. Иногда крѣпостные отказывались платить за это благо ту цѣну, которую требовали за него, и самъ господинъ заставлялъ ихъ покупать его.

Свободные крестьяне. — Въ крупныхъ помѣстьяхъ, на ряду съ крѣпостными, искони жили и свободные люди; во времена имперіи это были такъ наз. колонны, позднѣе—также германскіе литы. Чтобы обозначить обитателей помѣстья, хартіи говорили: «какъ свободные, такъ и крѣпостные».

Свободные, въ противоположность крѣпостнымъ, не были ничѣмъ обязаны господину; они зависѣли отъ него только какъ отъ собственника, потому что жили на его землѣ. Это были вѣчные фермеры или арендаторы. Ихъ держаніе было отрѣзкомъ большого помѣстья, который они обрабатывали подъ условіемъ уплаты опредѣленнаго тягла, сходнаго съ нашей арендной платой, или извѣстной части сбора, подобно нашимъ фермерамъ. Въ противоположность фермеру или арендатору, ихъ положеніе было утверждено навсегда: собственникъ не могъ ни отнять у нихъ землю, ни увеличить ихъ повинности. Подъ условіемъ уплаты исконной дани, они могли свободно распоряжаться своимъ держаніемъ, завѣщать его по своей волѣ, отчуждать и даже (по крайней мѣрѣ во Франціи) дѣлить на части.

Находившіеся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ платили только опредѣленную годовую сумму, *цензъ* или *цензивъ* (оброкъ), размѣръ которой былъ установленъ въ незапамятныя времена и, вслѣдствіе пониженія цѣны денегъ, сдѣлался очень

незначительнымъ. Большая часть несла различныя повинности, можетъ быть измѣнявшіяся, иногда даже произвольныя, но сдѣлавшіяся правильными въ силу обычая. Часто сеньерь за наличныя деньги соглашался заключать «наемный» договоръ, освящавшійся хартіей, по которому каждая повинность ограничивалась извѣстной цифрой или опредѣленною прокурціей. Держатели обращались въ «нашимателей». Возможно, что въ XIII вѣкѣ еще оставались свободные держатели, подверженные произвольнымъ оброку и барщинѣ, но ихъ было, безъ сомнѣнія, очень немного.

Многочисленные въ нѣкоторыхъ провинціяхъ гости также были свободными людьми; ихъ имя указываетъ на происхождение отъ чужеземцевъ, допущенныхъ въ помѣстье вѣроятно для того, чтобы распахивать еще не обработанныя земли.

Нормандскіе *bordiers*, англійскіе *cottagers*, германскіе *kossath* были мелкіе держатели, жившіе въ хижинахъ, лишенные крупнаго скота и платившіе за свое держаніе болѣе барщинами, нежели податями.

Количественное отношеніе различныхъ классовъ крестьянъ колебалось по странамъ и по времени. Въ началѣ преобладали, повидимому, крѣпостные, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ. Но ихъ число постоянно уменьшалось. Крѣпостной классъ былъ остаткомъ античнаго рабства и германскаго крѣпостного состоянія, прикрѣпленнымъ къ землѣ землею же; но онъ пересталъ пополняться, потому что людей болѣе не обращали въ рабство. Каждая освободительная хартія, выданная рабскому селенію, сокращала территорію господства крѣпостнаго права, и затѣмъ эта территорія уже болѣе не увеличивалась, потому что свободная земля никогда не становилась опять рабскою. Въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ (въ Италіи, южной Франціи, Нормандіи), гдѣ развитіе совершалось быстрѣе, оно было почти закончено въ XII столѣтіи; тамъ оставались только свободные крестьяне.

Сеньеріальная эксплуатація.—Отличительной чертой средневѣковаго крестьянина является его зависимость отъ собственника его деревни, называемаго по-латыни *dominus*, по-нѣмецки *Heerr*, по-французски *seigneur*. Этотъ собственникъ можетъ быть крупнымъ или мелкимъ, рыцаремъ, графомъ или королемъ, воиномъ, епископомъ, аббатомъ или женщиной,—отношенія между нимъ и крестьянами остаются тѣ же. Они всегда основываются на правѣ сеньера требовать отъ своихъ крестьянъ оброка и услугъ, взамѣнъ чего онъ не имѣетъ по отношенію

къ нимъ никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ той, чтобы оставлять въ ихъ владѣніи свою землю. Это называлось эксплуатациею (самое слово относится къ тому времени).

Какимъ образомъ она установилась? Это одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ средневѣковой исторіи, и документы слишкомъ малочислены и плохо изучены, чтобы сдѣлать возможнымъ его рѣшеніе. Организациа крупнаго помѣстья по самому своему характеру дѣлала неизбѣжнымъ принужденіе держателей къ уплатѣ оброка и отправленію барщины и подчиненіе его приказчику собственника. Это явленіе мы наблюдаемъ еще и въ настоящее время. Но на дѣлѣ достовѣрно извѣстны примѣры эксплуатаціи, установленной путемъ захвата или насилія,—примѣры должностныхъ лицъ, обращающихъ въ право вѣчной собственности права своей должности (напримѣръ, право взимать дорожную пошлину, реквизицію или штрафы),—свѣтскихъ владѣльцевъ, которые заставляли платить себѣ десятину, учрежденную первоначально въ пользу церкви,—сеньеровъ, требовавшихъ оброка съ крестьянъ чужого помѣстья подъ предлогомъ охраны, т. е. въ обезпеченіе отъ ихъ же собственнаго грабительства,—накопецъ, собственниковъ, незаконно увеличивавшихъ повинности своихъ держателей. Какъ возникло въ той или другой деревнѣ то или другое обязательство ея обитателей? Или даже какая доля во всемъ строѣ феодальнаго порядка принадлежитъ насилію, захвату и обману, и какая—первоначальному праву собственника? На это могла бы отвѣтить намъ только статистика, а она никогда не будетъ составлена. Однако мракъ, покрывающій зачатки этого строя, не мѣшаетъ намъ составить себѣ ясное понятіе о немъ, какъ онъ установился въ XIII столѣтіи. Нѣкогда крестьяне умѣли отличать повинности, признанныя законными, отъ взысканій незаконныхъ, введенныхъ путемъ насилія или обмана и носившихъ у нихъ названіе «дурныхъ пошлинъ» (*mauvaises coutumes*; это выраженіе встрѣчается особенно часто въ XI вѣкѣ). Съ теченіемъ времени обычай узаконилъ «дурныя пошлины» и закрѣпилъ всѣ обязательства крестьянъ. Эти обязательства, называвшіяся позже неточно феодальными правами (потому что они не имѣютъ ничего общаго съ феодаломъ), мало различались отъ села къ селу. Одна и та же повинность въ разныхъ мѣстахъ часто носила разныя названія, поэтому перечень этихъ названій занялъ бы слишкомъ много мѣста (у Дюканжа онъ занимаетъ 27 столбцовъ *in quarto*). Но подъ этими различными именами скрывается во всей Европѣ одинъ и тотъ же режимъ.

Принимая во вниманіе исключительно форму, а не происхождение обязательствъ, ихъ можно раздѣлить на платежи, повинности и барщину.

Плѣты — Платежи взимаются или деньгами, или нату-рою, и уплачиваются или въ опредѣленные сроки, или при извѣстныхъ случаяхъ.

Опредѣленными денежными платежами являются, главнымъ образомъ (исключая подушной подати крѣпостныхъ), цѣна выкупа, оброкъ и бирочная подать.

Оброкъ (сe n s) есть денежная рента, уплачиваемая держателемъ за свое держаніе, — родъ арендной платы, закрѣпленной древнимъ обычаемъ. Если держатель не вноситъ ее въ установленный срокъ, то сеньеръ можетъ отобрать у него держаніе или, по крайней мѣрѣ, взыскать сумму съ добавочнымъ штрафомъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ существовали также подати съ дома или съ очага (masurage, foscage, fumage).

Бирочная подать (taille или quête) есть налогъ, взимаемый одинъ или нѣсколько разъ въ годъ съ каждой семьи держателей. Самый терминъ taille («зарубка»), не встрѣчающійся ранѣе XI вѣка, обозначаетъ только надрѣзъ, который дѣлали ножомъ на кускѣ дерева (биркѣ) въ моментъ уплаты этой подати. Каково бы ни было ея происхождение, — представляетъ ли она видъ рабской подушной подати или новый поборъ, наложенный на всѣхъ держателей, — но она сдѣлалась настолько всеобщею, что въ обыденной рѣчи ея имя употреблялось для обозначенія всѣхъ податей вообще; говорили: *taillables à merci*. Въ началѣ бирочная подать была, повидимому, произвольною (по волѣ господина, à merci) ¹⁾. Кажется, что крестьяне сильно стремились къ тому, чтобы сдѣлать ее неизмѣнною; къ концу XIII вѣка они почти повсюду достигли этого, часто путемъ покупки у сеньера «наемнаго договора», по которому онъ обязывался взимать только опредѣленную сумму ²⁾. Иногда ходатаемъ за бѣдныхъ держателей являлась жена сеньера, и такимъ ходатайствамъ мы обязаны нѣкоторыми трогательными легендами, на примѣръ легендою о леди Годивѣ.

1) Т. е. безъ всякаго другого ограниченія, кромѣ милосердія господина.

2) Кромѣ обычной подати, господинъ взимаетъ иногда *чрезвычайный* налогъ, именно въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ, на примѣръ при выдачѣ замужъ дочери.

Выкупные платежи (*taxes de rachat*) представляют древнія натуральныя повинности, отмѣняемыя по соглашенію съ сеньеромъ.

Подати натурою, вносимыя въ опредѣленные сроки, состоятъ, главнымъ образомъ, изъ части полевыхъ продуктовъ, взимаемой послѣ жатвы, какъ это практикуется еще и въ настоящее время въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ аренда. Такъ, господинъ удерживаетъ въ свою пользу часть сноповъ хлѣба (*champart*, *gerbage*), овса (*avénage*), сѣна (*fenage*), винограда (*vinage*, *complant*, куръ, воска¹⁾). Онъ взимаетъ также налогъ деньгами или зерномъ за каждую голову скота (быка, барана, свиньи или козы).

Многіе платежи связаны съ извѣстными актами, и мы видимъ, какъ увеличивается въ теченіе среднихъ вѣковъ число такихъ актовъ, подлежащихъ оплатѣ; по крайней мѣрѣ, ихъ названія начинаютъ встрѣчаться только послѣ X вѣка. Въ XIII столѣтіи мы находимъ въ дѣйствиіи цѣлую систему передаточныхъ пошлинъ: т. н. *lods (laudes) et ventes*, пошлина, которую платитъ держатель при дареніи или продажѣ своего держанія для того, чтобы сеньеръ утвердилъ эту передачу,—пошлина съ наслѣдства (*relief* или *rachat*), не считая «мертвой руки» на наслѣдство крѣпостныхъ и выморочныя имущества (*échoite*). Мы находимъ также группу пошлинъ за проѣздъ, иногда очень древнихъ: за проѣздъ по дорогамъ (*carriage*, *rouage* и др.), по мостамъ, по рѣкамъ, въ пристани и чрезъ ворота, группу торговыхъ и промышленныхъ пошлинъ, пошлины съ продажи зерна, соли, мяса, товаровъ, съ мясныхъ лавокъ, рынковъ, ульевъ, ярмарокъ.

Помѣщичьи права.—Съ обязательствами, налагаемыми сеньеромъ, связана цѣлая система повинностей, принимающихъ форму монополій. Это помѣщичьи права (*banalités*); въ документахъ они появляются только послѣ X вѣка. Ихъ названіе показываетъ, что они были установлены путемъ «бана» (*ban*), который обозначаетъ право сеньера обнародовать свои постановленія и требовать ихъ исполненія подъ страхомъ штрафа; но происхожденіе этого права неясно и спорно²⁾. Держатели обязаны мо-

¹⁾ Воск былъ нуженъ для выдѣлки церковныхъ свѣчей и печатей, которыя привѣшивались къ оффиціальнымъ документамъ. Поэтому ульи были въ средніе вѣка гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ теперь.

²⁾ Наиболѣе спорный вопросъ заключается въ томъ, дѣйствовалъ ли сеньеръ въ этихъ случаяхъ по праву собственника, или въ силу какого-нибудь общественнаго права, законнаго (т. е. утвержденного сувереномъ), либо присвоеннаго путемъ захвата.

лоть свое зерно на помѣщицкѣй мельницѣ, печь свой хлѣбъ въ помѣщицкѣй печи, давить свой виноградъ въ помѣщицкѣй давильнѣ, и каждый разъ обязаны платить извѣстный сборъ (обыкновенно часть зерна, муки или винограда).

Сеньерь требуетъ со своихъ держателей платы за то, что позволяетъ имъ рубить деревья въ его лѣсахъ, или пасти скотъ на его пастбищахъ¹⁾, или ловить рыбу въ его водахъ. (Что касается права охоты, то сеньерь обыкновенно удерживаетъ его исключительно за собою).

Сеньерь дѣлаетъ также обязательнымъ исключительное употребленіе своихъ вѣсовъ и мѣръ, и это опять поводъ къ платежамъ.

Сеньерь запрещаетъ своимъ держателямъ продавать ихъ зерно или вино въ теченіе извѣстнаго срока послѣ сбора, и въ это время продаетъ свои продукты безъ конкуренціи. Всѣ эти монополіи болѣе стѣснительны для держателей, чѣмъ прибыльны для сеньера.

Судебныя пошліны — Это также оброки; это — подати, взимаемыя сеньеромъ въ силу принадлежащаго ему права суда. Такъ именно смотрѣли на нихъ и въ средніе вѣка, потому что въ актахъ, гдѣ перечисляются доходныя угодья помѣстья, вслѣдъ за землями, виноградниками, лугами, лѣсами и мельницами фигурируетъ и *justice* (право суда). Почти во всѣхъ средневѣковыхъ документахъ *justice* обозначаетъ право взимать штрафы, или доходъ съ штрафовъ. Очень часто это право раздѣлено на части и говорятъ о половинѣ или четверти *justice* такого-то селенія.

Въ концѣ-концовъ стали различать высшій и низшій судъ (*haute justice* и *basse justice*), а позднѣе — даже средній, смотря по величинѣ дохода. Обыкновенно высшій судъ начинался съ права взимать штрафъ выше 60 су. Сюда включали право присужденія къ смерти, съ которымъ было связано право конфискаціи имущества осужденнаго.

Каково происхожденіе этихъ судебныхъ порядковъ? Получилъ ли, или захватилъ сеньерь право производить публичный судъ,

¹⁾ Ученые расходятся во взглядахъ, принадлежали ли лѣса и пастбища искони собственнику, который только уступалъ держателямъ пользованіе ими, или они раньше были общественной собственностью и позже были захвачены сеньеромъ. Последній взглядъ связанъ съ общей теоріей, которая сводитъ первобытный строй всей Европы къ господству коллективной собственности. Онъ не опирается ни на одинъ документъ и былъ сильно оспариваемъ Фюстель де-Куланжемъ.

которое раньше принадлежало суверену и его чиновникамъ (герцогамъ, графамъ, сотникамъ)? Или онъ только расширилъ домашнюю власть, искони принадлежавшую сеньеру надъ рабами его дома и собственнику—надъ держателями его земель? Этотъ вопросъ до сихъ поръ не считается рѣшеннымъ. Но надо остерегаться естественнаго побужденія представлять себѣ высшій судъ, какъ привилегію, предоставленную исключительно нѣкоторымъ знатымъ сеньерамъ. Особенно во Франціи даже сеньерь, владѣвшій одной деревней (а каждая деревня представляла въ началѣ одно помѣстье), почти всегда имѣлъ право высшаго суда надъ своими держателями. Бомануаръ, писавшій въ концѣ XIII вѣка, говоритъ, что всѣ вассалы графа Клермонтскаго имѣютъ въ своихъ земляхъ право высшаго суда. Если Нормандія составляетъ исключеніе, то лишь потому, что герцогъ, который ее организовалъ, удержалъ за собою право присужденія къ смертной казни (*justice du glaive*). Не надо также забывать, что право суда, съ которымъ обращались, какъ со всякою доходною собственностью, часто расчленилось, такъ что невозможно было опредѣлить первоначальные размѣры приносимыхъ имъ доходовъ, особенно въ XIII вѣкѣ¹⁾.

Въ томъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ его въ XII вѣкѣ, право суда есть форма эксплуатаціи держателей сеньеромъ (самое слово *exploit* обозначаетъ судебныя формальности); говорятъ: «*taillables et justiciables*» или «*exploitables*» (подсудны). Судъ, какъ и оброкъ, можетъ быть произвольнымъ или ограниченнымъ, то-есть размѣръ штрафа можетъ или зависѣть отъ воли сеньера, или представлять опредѣленную, неизмѣнную величину. Въ большинствѣ случаевъ такса штрафовъ сдѣлалась постоянною. Обычай опредѣлилъ, въ концѣ-концовъ, извѣстный штрафъ за каждый проступокъ. Часто также сеньерь заключалъ съ крестьянами контрактъ, которымъ опредѣлялась постоянная величина штрафовъ. Вотъ примѣръ, относящійся къ одной бельгійской деревнѣ (*Sirault*), отъ 1239 года; онъ показываетъ, съ какой точностью предусматривались всѣ случаи:

«За брань 4 су, за безчестіе 5 су. Кто ударитъ другого,

---

¹⁾ Начиная съ XV вѣка юристы перестали понимать социальную организацію среднихъ вѣковъ и содѣйствовали тому, что по вопросу о происхожденіи правовыхъ нормъ скопилось множество предразсудковъ, сводомъ которыхъ является книга *Championnière'a: Traité sur la propriété des eaux courantes*, 1846.

платить 10 су, а если потечетъ кровь, то 20. Кто извлечетъ отточенное оружіе, но не ударитъ, платитъ 30 су. За ударъ палкою 20 су, а до крови—40. За ударъ отточеннымъ оружіемъ 60 су».

По отношенію къ тяжкимъ проступкамъ (убійству, поджогу, похищенію и обыкновенно также воровству) власть сеньера неограничена. Наказаніе—смерть или изгнаніе, и сеньерь конфискуетъ все имущество осужденнаго.

Изъ права суда произошли также поборы, уплачиваемые держателями за увольненіе ихъ отъ участія въ трехъ годичныхъ судебныхъ собраніяхъ (*plaidс g n raux*), пошлины, взимаемыя съ держателей, которые ведутъ между собою тяжбу передъ судомъ сеньера, и вѣроятно также пошлины за печать, регистратуру и нотариатъ, взимаемыя при составленіи и засвидѣльствованіи частныхъ актовъ (эти пошлины существуютъ еще теперь, точно такъ же, какъ и конторы нотариусовъ и гражданскія регистратуры).

Повинности.—Гораздо менѣе значительныя, чѣмъ оброки,—повинности суть неправильныя поборы, взимаемыя сеньеромъ, часто даже неизвѣстно по какому праву.

Чаще всего встрѣчается повинность постоя и прокорма (*g te et procuration*), слѣдуемая нерѣдко какому-нибудь чужому сеньеру, не владѣльцу данной деревни. Крестьяне обязаны принять сеньера, когда онъ пріѣзжаетъ въ деревню, отвести помѣщенія ему, его свитѣ, его лошадымъ, собакамъ, соколамъ, дать обѣдъ его людямъ и накормить животныхъ. Это разорительное обязательство мало-по-малу урегулировалось. Обычай установилъ, какъ часто сеньерь могъ пользоваться правомъ постоя (обыкновенно три раза въ годъ), сколько людей и животныхъ онъ могъ приводить съ собою, какое количество блюдъ и хлѣба онъ могъ требовать. Позже эта повинность превратилась въ годовой оброкъ.

Правс *prise* есть право сеньера брать то, что ему нужно для дома,—провизию, вьючный скотъ, плуги, кормъ для животныхъ, даже постели,—обыкновенно за извѣстное вознагражденіе, произвольное или опредѣленное.

Право кредита позволяетъ сеньеру брать у купцовъ въ кредитъ предметы, которые онъ спрашиваетъ; срокъ кредита обыкновенно ограниченъ.

Барщины.—Барщина, т. е. обязанность лично исполнять извѣстную работу, существовала ранѣе среднихъ вѣковъ, и притомъ въ двухъ формахъ: собственникъ требовалъ отъ своихъ дер-

жателей барщину въ свою пользу, государство налагало барщину на населеніе для поддержки дорогъ и мостовъ. Обѣ формы встрѣчаются и въ средніе вѣка, но сеньеріальныя барщины несравненно значительнѣе государственныхъ.

Держатели обязаны помогать сеньеру въ обработкѣ его помѣстья,—пахать его поля, обрабатывать его виноградники, жать его хлѣбъ, косить его луга, убирать его хлѣбъ и сѣно. Обыкновенно эти услуги носятъ правильный характеръ: тотъ, кто подлежитъ барщинѣ, работаетъ на господина опредѣленное число дней въ году; онъ обязанъ работать или однѣми руками (*man oeuve*—ручныя работы), или предоставлять господину своей скотъ, плугъ, повозки (*charrois*—извозъ). Иногда обычай опредѣляетъ, что сеньеръ будетъ кормить его и какъ будетъ кормить

Держатели обязаны для надобностей сеньера перевозить топливо, камень, мебель или провизію, должны исполнять его порученія, должны держать въ исправности дороги, поправлять постройки, чистить рвы зѣмка и пруды сеньера, обязаны оказывать ему помощь въ случаѣ наводненія или пожара. Они должны помогать сеньеру въ его войнахъ, держать въ его зѣмкѣ денной или ночной караулъ (это называлось *guet*), строить укрѣпленія, копать рвы, дѣлать частоколы; они обязаны даже идти съ нимъ на войну, когда онъ предпринимаетъ походъ по сѣздству (это называлось *ost et chevauchée*).

Остаткомъ старинной государственной барщины являются, можетъ быть, барщины для поддержки дорогъ, мостовъ и плотинъ; но ихъ уже трудно отличить отъ барщинъ, установленныхъ сеньеромъ въ свою собственную пользу.

Управитель.—Взять столько разнообразныхъ податей, требовать столько услугъ было сложнымъ и хлопотливымъ дѣломъ. Сеньеръ и не думалъ брать его на себя. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мужскихъ монастырей, мы не нашли бы въ средніе вѣка, можетъ быть, ни одного примѣра, когда бы крупное помѣстье управлялось непосредственно сеньеромъ. Повсюду онъ передаетъ свою власть управителю; держатели имѣютъ дѣло только съ управителемъ. Аналогичное устройство существуетъ до сихъ поръ въ крупныхъ помѣстьяхъ Венгріи и Россіи.

Мы имѣемъ слишкомъ мало документальныхъ свѣдѣній о помѣстьяхъ мелкихъ свѣтскихъ владѣльцевъ, чтобы можно было выяснитъ, какъ было поставлено въ нихъ дѣло. Мы знаемъ только способъ эксплуатаціи помѣстій, принадлежавшихъ церкви и крупнымъ сеньерамъ,

Повидимому, первоначально въ каждомъ помѣстьи былъ одинъ управитель, обыкновенно изъ крестьянъ, иногда даже крѣпостной. Латинскіе тексты называютъ его то *major*, то стариннымъ римскимъ именемъ *villicus*; по-нѣмецки онъ называется *Meier* или *Schultheiss* ¹⁾ (сборщикъ податей). Онъ пользовался болѣе крупнымъ держаніемъ, чѣмъ остальные держатели. Часто эта должность становилась постоянною въ какой-нибудь семьѣ, и помѣстье, начиная съ XI вѣка, управлялось наслѣдственнымъ мѣромъ, котораго собственникъ уже не могъ смѣстить. Если помѣстье распадалось между нѣсколькими сеньерами, то приказчикъ часто продолжалъ управлять имъ отъ имени всѣхъ совладѣльцевъ, и послѣдніе входили въ соглашеніе между собой относительно дѣлежа доходовъ и прибылей.

Но въ XIII вѣкѣ большое число деревень оказываются раздѣленными между нѣсколькими приказчиками, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ въ пользу другого сеньера. Съ другой стороны, очень часто можно встрѣтить, особенно въ монастырскихъ помѣстьяхъ, приказчика, которому поручено управление держателями, разбѣянными по нѣсколькимъ деревнямъ. Это результатъ распаденія «виллы». Изолированныя держанія искусственно связываются съ центромъ эксплуатаціи, лежащимъ внѣ территоріи селенія; домъ управителя помѣщается въ одномъ изъ окрестныхъ селеній; въ Германіи онъ носитъ названіе *Frohnhof* (барщинный дворъ).

Когда сеньеръ имѣлъ нѣсколько деревень въ одномъ и томъ же округѣ, онъ составлялъ изъ нихъ группу, которую поручалъ высшему управителю, называвшемуся на Сѣверѣ *prévôt* (*praepositus*), на Югѣ *baile* (*bajulus*), въ Германіи *Amman*, иногда *châtelain*. Эта должность также становилась часто наслѣдственною, и существовали даже превотства, данныя въ феоде (*prévôtés inféodées*); прево называли также приказчика, управляшаго однимъ селеніемъ.

Приказчикъ былъ представителемъ собственника, который поручалъ ему осуществленіе своихъ правъ. Онъ эксплуатировалъ усадебную землю, заставлялъ чинить постройки, обрабатывать землю, свозить полевые продукты. Онъ назначалъ барщины и слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Онъ взималъ тѣ подати, размѣръ которыхъ былъ установленъ, и опредѣлялъ размѣръ переменныхъ повинностей, обыкновенно посовѣтовавшись предварительно съ де-

---

¹⁾ Во французскій языкъ это слово перешло въ формѣ *écoute*.

ревенской знатю, «чтобы знать силы каждаго». Онъ отдавалъ на откупъ пекарню, мельницу, давилню, рынокъ. Онъ обнародовалъ банъ (господскій приказъ) черезъ глашатая. Онъ подвергалъ аресту преступниковъ, творилъ судъ, взималъ штрафы и казнилъ осужденныхъ. Онъ приводилъ держателей въ армию сеньера.

За свою службу управитель обыкновенно не получалъ жалованья: онъ самъ вознаграждалъ себя, удерживая часть доходовъ. Начиная съ XII вѣка во Франціи стали отдавать превотство на откупъ; объявлялся торгъ на откупъ срокомъ въ извѣстное число лѣтъ. Управитель вовсе не былъ приказчикомъ, получающимъ жалованье за управленіе помѣстьемъ; его должность давала ему столько, сколько онъ хотѣлъ получать отъ нея, потому что въ его власти было взимать съ держателей больше или меньше. Сколько притѣсненій и мелкаго грабительства вытекало изъ этого режима,—ясно показываетъ примѣръ помѣнничьихъ управителей въ Россіи до отмѣны крѣпостного права.

Характеръ и размѣры сеньеріальнаго режима.—

Невозможно посредствомъ единичнаго примѣра дать полное представленіе о такомъ сложномъ и разнообразномъ порядкѣ. Слѣдующій примѣръ взятъ изъ исторіи одного церковнаго помѣстья въ XIII вѣкѣ, лежавшаго въ провинціи (Нормандіи), гдѣ положеніе крестьянъ было довольно благопріятно. Свѣдѣнія, извлеченныя изъ небольшой сатирической поэмы, которая рисуетъ картину жизни крестьянъ деревни Версонъ, подтверждаются картуларіемъ аббатства Mont-Saint-Michel, отъ котораго зависѣла эта деревня.

Держатели обязаны доставлять камень, растворять известъ и помогать каменщикамъ. Въ Ивановъ день они должны, по требованію, косить, сушить и свозить сѣно въ обитель. Въ августѣ они должны жать монастырскій хлѣбъ, вязать его въ снопы и перевозить въ ригу. За свое держаніе они платятъ подать хлѣбомъ: они не могутъ увезти свои снопы съ поля, не сходявъ предварительно за сборщикомъ хлѣбной подати, который отбираетъ свою часть, и эту подать они обязаны на своей повозкѣ отвозить до податной риги; а въ это время ихъ собственный хлѣбъ остается на вѣтру и подъ дождемъ. Въ Рождество Богородицы, въ сентябрѣ, крестьянинъ платитъ подать со свиней: одну на восемь; онъ имѣетъ право выключить двухъ, третья идетъ сеньеру. На Св. Діонисія вносятся оброкъ. На Рождествѣ крестьянинъ обязанъ доставить куръ. Онъ платитъ также bresage—два сѣтье ячменя и четверть

Допуская наследственную передачу одного и того же участка изъ поколѣнія въ поколѣніе, собственникъ, въ силу нѣкоторой давности, теряетъ свое абсолютное право распоряжаться землею. Въ отплату за это наследственное пользованіе держатели обязаны ему денежными и личными повинностями, которыя составляютъ родъ арендной платы. Слѣдовательно, эти подати и барщины, уплачиваемыя сеньеру, не могутъ быть сравниваемы съ государственными податями и налогами; онѣ вытекаютъ изъ того же принципа, какъ и обязательства современныхъ фермеровъ и арендаторовъ,—изъ права собственника требовать отъ держателей вознагражденія за ту услугу, которую онъ оказываетъ имъ, предоставляя въ ихъ пользованіе свою землю. Разница лишь въ томъ, что участокъ средневѣковаго держателя былъ закрѣпленъ за нимъ и обложенъ неизмѣнными повинностями, тогда какъ современный фермеръ сидитъ на своей землѣ лишь временно и сплошь и рядомъ по истеченіи найма долженъ соглашаться на повышение наемной платы. Такимъ образомъ, положеніе средневѣковаго держателя было болѣе прочно и болѣе приближалось къ положенію поземельнаго собственника. Между тѣмъ феодальныя повинности (какъ ихъ неточно называли въ болѣе позднее время) сдѣлались настолько ненавистными, что во всей Европѣ пришлось уничтожить ихъ. Дѣло въ томъ, что крестьяне, ставъ наследственными владѣльцами, въ концѣ-концовъ начали смотрѣть на свое держаніе, какъ на собственность, обремененную повинностями. Они чувствовали себя собственниками, а не фермерами. Сеньеръ казался имъ паразитомъ, который не оказывалъ имъ никакой услуги взамѣнъ того, что онъ бралъ у нихъ.

Другая характерная черта этого порядка состоитъ въ томъ, что надъ сеньеромъ нѣтъ государства, которое могло бы быть посредникомъ между нимъ и его крестьянами, какъ современное государство служитъ посредникомъ между землевладѣльцами и фермерами. «Между твоимъ крестьяниномъ и тобою нѣтъ другого судьи, кромѣ Бога», говоритъ одинъ французскій юристъ XIII вѣка. Въ большинствѣ странъ держатели не имѣютъ даже права собираться для обсужденія своихъ общихъ нуждъ безъ разрѣшенія своего сеньера. Недозволенное собраніе есть проступокъ, наказуемый произвольнымъ штрафомъ. Такимъ образомъ, крестьяне совершенно беззащитны противъ власти сеньера и его управляющаго. Сеньеръ вмѣстѣ и судья, и сторона, и никакая высшая власть не можетъ заставить его оставаться въ предѣлахъ его правъ. Зна-

чить, положеніе крестьянъ зависить отъ личныхъ свойствъ сеньера и управляющаго и, слѣдовательно, всегда ненадежно.

Невѣрно было бы думать, будто режимъ, который сейчасъ былъ описанъ, распространялся на всѣхъ крестьянъ Европы. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ оставались между крестьянами полные собственники, независимые отъ сосѣднихъ сеньеровъ, подчиненные лишь государю страны, иногда даже организованные въ общины; таковы аллодіальные крестьяне Аквитаніи, горцы Беарня, Бигорры и страны басковъ, свободные люди Швица и Аппенцеля, свободные крестьяне Альпъ, Вестфалии и Фрисландіи, не говоря уже о нормандскихъ фермерахъ, англійскихъ *franc-tenants* (свободныхъ держателяхъ) и эмфитевтахъ (долгосрочныхъ арендаторахъ) Италіи. Но они составляли лишь очень удаленныя другъ отъ друга группы. И еще гораздо болѣе ошибочно было бы представлять себѣ хотя бы четвертую часть средневѣковаго крестьянства въ положеніи этихъ привилегированныхъ.

II. — Дворяне и высшее духовенство.

Дворяне; ихъ вооруженіе. — Во всей Европѣ, въ средніе вѣка, люди, достаточно богатые для того, чтобы не имѣть надобности работать, составляютъ привилегированный классъ, строго отдѣленный отъ остальной части общества. Въ этомъ высшемъ классѣ всѣ, исключая духовныхъ лицъ,—воины по профессіи.

Уже Карлъ Великій обязалъ всѣхъ свободныхъ людей своей имперіи носить оружіе. Необходимость защищать себя, склонность къ праздности и приключеніямъ, предрасположеніе въ пользу воинской жизни привели во всей Европѣ къ образованію военной аристократіи. Чтобы привлекать людей въ военную службу, не было надобности въ высшемъ авторитетѣ государства. Такъ какъ свѣтскіе люди считали военную жизнь единственнымъ почетнымъ образомъ жизни, то каждый и стремился къ ней; военный классъ заключалъ въ себѣ всѣхъ, кто имѣлъ достаточно средствъ, чтобы вступить въ него.

Первымъ условіемъ для этого была возможность вооружиться на свой счетъ. Между тѣмъ, начиная съ IX вѣка, сражались исключительно на лошадяхъ. Поэтому средневѣковый воинъ назывался во Франціи *chevalier*, на Югѣ *saver*, въ Испаніи *caballero*, въ Германіи *Ritter*; въ латинскихъ текстахъ древнее названіе солдата, *miles*, сдѣлалось синонимомъ рыцаря.

Во всей Европѣ война ведется однимъ и тѣмъ же способомъ, и воины вооружены почти одинаково.

У человѣка, вполне вооруженнаго для битвы, у рыцаря, тѣло защищено доспѣхами. До конца XI-го столѣтія это—броня, туника изъ кожи или матеріи, покрытая металлическими бляхами или кольцами; позже броню повсюду вытѣсняеть кольчуга ¹⁾, рубашка изъ металлическихъ колець съ рукавицами и капюшономъ и съ прорѣзомъ сверху, такъ чтобы ее можно было надѣвать, какъ рубаху. Въ началѣ кольчуга доходила до ступней; когда ее укоротили до колѣнъ, то ноги для защиты стали закрывать чулками изъ колець; къ этимъ чулкамъ придѣлывали шпоры, имѣвшія форму наконечника копыя. Капюшонъ закрывалъ затылокъ и голову и доходилъ до подбородка, оставляя открытыми только глаза, носъ и ротъ.

Въ минуту битвы рыцарь падѣвалъ на голову шлемъ—стальную шапку конической формы, окруженную ободкомъ и кончавшуюся металлическимъ или стекляннымъ шарикомъ (cimier); шлемъ былъ снабженъ желѣзной пластинкою, защищавшей носъ (nasal—наносникъ) ²⁾ и привязывался къ кольчугѣ кожаными ремнями. Только въ XIV вѣкѣ появляются доспѣхи изъ металлическихъ пластинъ и шлемъ съ забраломъ, удержавшіеся до XVII вѣка,—вооруженіе Баярда и Генриха IV, которое, однако, часто принимаютъ за обычное вооруженіе средневѣковаго рыцаря.

Чтобы отражать удары, рыцарь носилъ щитъ изъ дерева и кожи, обитый металлическими полосами и украшенный въ серединѣ бляхой (boucle) изъ позолоченнаго желѣза (отсюда названіе щита—bouclier). Въ началѣ круглый, щитъ становится потомъ продолговатымъ и удлиняется до того, что закрываетъ всадника отъ плечъ до пятъ. Его вѣшали на шею на широкомъ ремнѣ; во время сраженія его надѣвали на лѣвую руку посредствомъ ручекъ, находившихся на внутренней сторонѣ. Именно на щитахъ и стали, начиная съ XII вѣка, рисовать гербъ, признанный той или другой фамиліей за свою эмблему.

Наступательнымъ оружіемъ были мечъ (b g a n c), обыкновенно широкій и короткій, съ плоской рукояткой,—и копье съ длиннымъ и тонкимъ древкомъ изъ ясеня или граба, кончавшееся желѣзнымъ

¹⁾ На Байескомъ (Bayeux) коврѣ, сдѣланномъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ завоёванія Англій (1066), большинство рыцарей изображены въ броняхъ, но на нѣкоторыхъ уже кольчуги.

²⁾ Наносникъ исчезъ къ концу XII столѣтія.

наконечникомъ въ формѣ ромба. Пониже наконечника прибавляли гвоздями прямоугольную полосу матеріи (g o n f a n o n—знамя), которая развѣвалась по вѣтру. Копье можно было воткнуть въ землю рукояткой, копчавшейся желѣзнымъ остриемъ.

Одѣтый и вооруженный такимъ образомъ, рыцарь былъ почти неуязвимъ, и съ теченіемъ времени вооруженіе все болѣе совершенствовалось, дѣлая война похожимъ на живую крѣпость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ становится настолько тяжелымъ, что для битвы ему нужна особаго рода лошадь. Рыцарь имѣетъ при себѣ двухъ коней: обыкновеннаго (palefroi) для ѣзды, и боевого (dextrier), котораго ведетъ подъ узды слуга. При началѣ сраженія рыцарь надѣваетъ свои доспѣхи, садится на боевого коня и устремляется въ битву, направивъ копье впередъ.

Только рыцари считались настоящими воинами; рассказы о сраженіяхъ говорятъ намъ только о нихъ и только они составляли боевыя колонны. Но ихъ сопровождали въ походахъ еще другіе всадники, одѣтые въ тунику и шапку, снабженные болѣе легкими и менѣе дорогими доспѣхами, вооруженные небольшимъ щитомъ, узкимъ мечемъ, пикой, топоромъ или лукомъ, и на менѣе выносливыхъ лошадяхъ. Безъ этихъ спутниковъ рыцарь не могъ обойтись: они вели его боевого коня ¹⁾, несли его щитъ, помогали ему одѣвать доспѣхи въ минуту сраженія и садиться въ сѣдло. Поэтому ихъ обыкновенно называли *valets* (слуги) или *écuyers* (щитоносцы), а по-латыни—*scutifer* (щитоносецъ) или *armiger* (оруженосецъ). Долгое время рыцари держали этихъ оруженосцевъ въ положеніи подчиненныхъ. Еще въ концѣ XI вѣка Пѣснь о Роландѣ говоритъ о нихъ, какъ о низшемъ классѣ. Они стригли голову, какъ слуги, и получали за столомъ болѣе грубый хлѣбъ. Но мало-по-малу братство по оружію сблизило оруженосцевъ съ рыцарями; въ XIII вѣкѣ обѣ группы составляли уже одинъ классъ—высшій классъ свѣтскаго общества, и какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ примѣняли древнее латинское названіе благородныхъ (*nobilis*), составлявшее принадлежность высшаго класса (по-нѣмецки *edel*).

Дворянская іерархія. —Чтобы вести жизнь воина, надо было имѣть средства жить не работая. Въ средніе вѣка дворянинъ—лишь тотъ, кто получаетъ достаточный доходъ, чтобы содержать себя. Обыкновенно этотъ доходъ доставляется землею.

---

¹⁾ Съ правой стороны, отсюда названіе *dextrier*.

Дворянинъ владѣеть помѣстьемъ ¹⁾, а такъ какъ честь не позволяеть ему обрабатывать его лично, то оупъ возлагаетъ эту обязанность на своихъ держателей. Такимъ образомъ, дворянинъ почти всегда эксплуатируетъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько крестьянскихъ семействъ. По отношенію къ этимъ держателямъ оупъ сеньеръ (полатыни *dominus*, отсюда испанское *don*). Обладаніе доходомъ есть практическое условіе для того, чтобы быть дворяниномъ. Но по размѣрамъ богатства между дворянами существуютъ рѣзкія неравенства, на основаніи которыхъ устанавливается рядъ степеней, начиная съ оруженосца и кончая королемъ. Современники очень ясно различали эти степени и даже отмѣчали ихъ особыми именами.

Высшую ступень занимаютъ князья, обладающіе титуломъ (короли, герцоги, маркизы, графы), суверены цѣлыхъ провинцій, владѣльцы сотенъ деревень, способные приводить на войну нѣсколько тысячъ рыцарей.

За ними слѣдуютъ знатнѣйшіе изъ дворянъ, обыкновенно владѣльцы нѣсколькихъ деревень, ведущіе съ собой на войну цѣлый отрядъ рыцарей. Такъ какъ они не имѣютъ оффиціального титула, то ихъ обозначаютъ простонародными названіями, смыслъ которыхъ неясенъ и нѣсколько растяжимъ; эти названія различны, смотря по странѣ, но употребляются какъ синонимы. Наиболѣе употребительныя изъ нихъ: *baron* на западѣ, въ южной Франціи и въ нормандскихъ странахъ, *sire* или *seigneur* ²⁾ на востокѣ (*baron* обозначаетъ мужа, мужчину по преимуществу; *sire* содержитъ въ себѣ понятія вождя и господина). Въ Ломбардіи ихъ называютъ *capitaines*, въ Испаніи *ricos hombres* (богатые люди). Въ Германіи говорятъ *Heerr*, что соотвѣтствуетъ названію *seigneur*, въ Англии—*lord*; на латинскій эти названія переводятся словомъ *dominus* (господишъ). Позднѣе ихъ называли также *bannerets* ³⁾, потому что, чтобы собрать своихъ людей, они прикрѣпляли къ концу своего копья четырехугольное знамя (*bannière*).

Еще ниже стоитъ вся масса древней знати,—рыцари (франц. *chevalier*, нѣм. *Ritter*, англ. *knight*, исп. *caballero*, лат. *miles*), владѣльцы одного помѣстья, которое, смотря по бо-

1) Ниже мы увидимъ, какъ разнообразны были способы, которыми дворянинъ могъ сдѣлаться владѣльцемъ имѣнія.

2) *Sire*—именительный падежъ, *seigneur*—винительный.

3) Перешло въ англійскій языкъ въ искаженной формѣ *baronet*.

гатству страны, состоятъ изъ цѣлаго села или изъ части его. Почти каждый изъ нихъ служитъ какому-нибудь крупному собственнику, отъ котораго онъ получаетъ помѣстье; они сопровождаютъ его въ его походахъ, что однако не мѣшаетъ имъ воевать и на свой рискъ. Ихъ называютъ иногда *bacheliers*, въ Ломбарди—*vavasseurs*. Встрѣчается и мѣткое названіе *miles unius scuti*, воинъ объ одномъ щитѣ, т. е. рыцарь, не имѣющій въ своемъ распоряженіи другого воина.

На послѣдней ступени лѣстницы стоятъ оруженосцы. Первоначально—простые военные слуги рыцаря, они становятся потомъ владѣльцами нѣкотораго количества земли (равнаго тому, что мы теперь называемъ крупнымъ помѣстьемъ) и въ XIII вѣкѣ живутъ господами среди своихъ держателей. Въ Германіи ихъ называютъ *Edelknecht* (благородный слуга), въ Англіи *squire* (испорченное *escuyer*—щитоносець), въ Испаніи *infanzon*. Они то въ XIII вѣкѣ будутъ составлять массу дворянства, и въ послѣдующія столѣтія горожанинъ, возведенный въ дворянство, будетъ гордиться титуломъ оруженосца.

Такимъ образомъ, можно различать четыре ступени, которыя въ общихъ чертахъ соотвѣтствуютъ современнымъ военнымъ чинамъ: князья, герцоги и графы—наши генералы, бароны—капитаны, рыцари—солдаты, оруженосцы—прислуга. Но въ этой странной арміи, состоящей изъ воюющихъ другъ съ другомъ отрядовъ, гдѣ рангъ опредѣляется богатствомъ, совмѣстная жизнь въ концѣ-концовъ настолько смягчаетъ неравенства, что всѣ, отъ генерала до слуги, начинаютъ чувствовать себя членами одного и того же класса. Тогда дворянство окончательно складывается, и тогда же оно окончательно замыкается и изолируется.

Въ XIII вѣкѣ привыкаютъ строго различать двѣ категоріи людей: дворянъ или благородныхъ (*gentilshommes*) и недворянъ, которыхъ во Франціи называютъ *hommes coutumiers* (людьми обычая, *coutume'a*) или *homme de poste* (т. е. *rotestatis*—подвластными людьми); названіе *roturier* (разночинець) не употребляется въ средніе вѣка. Эти категоріи становятся строго наследственными. Дворянскія семьи отказываются вступать въ родство съ потомками не-дворянскихъ фамилій. Тотъ, кто не родился отъ дворянина, не можетъ сдѣлаться рыцаремъ, даже если онъ достаточно богатъ, чтобы вести жизнь рыцаря; дочь недворянина не можетъ выйти замужъ за дворянина; тотъ, кто женится на ней, вступить въ неравный бракъ и этимъ обезщечиваетъ

себя; дворянскія семьи не будутъ принимать его супруги, и къ его дѣтямъ дворяне не будутъ относиться, какъ къ равнымъ себѣ. Эта наследственность, менѣе строгая въ документахъ предшествующихъ столѣтій, становится потомъ преобладающей чертой общества и господствуетъ вплоть до XVIII вѣка. Но мѣръ того, какъ различія между дворянами сглаживаются, дворянство все болѣе отдѣляется отъ остальной части націи. Прочіе всего дворянскій духъ утвердился во Франціи и Германіи. Въ Испаніи, и особенно на югѣ, онъ слабѣе, вслѣдствіе соприкосновенія съ богатымъ населеніемъ мавританскихъ городовъ,—въ Италіи и, можетъ быть, также на югѣ Франціи—вслѣдствіе могущества купеческаго класса. Въ Англій, гдѣ военныя привычки рано исчезли, сквайръ ничѣмъ не отличается отъ богатаго крестьянина; здѣсь граница устанавливается гораздо выше—между лордами и остальной частью народа; привилегированный классъ состоитъ лишь изъ высшей аристократіи, которая очень малочисленна.

Рыцарство.—Военное общество, образуемое рыцарями, имѣетъ свои особые обычаи, которымъ все обязано подчиняться. Обращаться съ оружіемъ рыцаря не легко; поэтому, прежде чѣмъ носить его, надо пройти ученіе. Носить это оружіе есть честь; поэтому, прежде чѣмъ возложить его на себя, надо быть объявленнымъ достойнымъ этой чести. Никто не рождается рыцаремъ: человѣкъ становится рыцаремъ въ силу торжественнаго акта; самъ король долженъ быть произведенъ въ рыцари.

Всякій молодой дворянинъ начинаетъ съ того, что изучаетъ ремесло военного человѣка: учится ѣздить верхомъ, владѣть оружіемъ, взбираться по лѣстницѣ. Но онъ можетъ проходить выучку или въ домѣ своего отца (такъ дѣлаютъ особенно сыновья знатныхъ родителей) или у чужого человѣка (какъ, повидимому, и поступали обыкновенно). Въ большинствѣ случаевъ отецъ посылаетъ своего сына къ какому-нибудь сеньеру богаче себя, который принимаетъ молодого человѣка въ свою службу и кормитъ его; отсюда выраженіе *pou rri* (питомецъ), часто встрѣчающееся въ средневѣковыхъ балладахъ (сеньеръ говоритъ: *mon pourri*).

Выучка сопровождается службой въ качествѣ оруженосца, а съ послѣдней связана служба въ качествѣ комнатнаго слуги, характерная для рыцарскихъ нравовъ. Оруженосецъ помогаетъ своему господину одѣваться и раздѣваться; онъ подаетъ блюда и служить за столомъ; онъ дѣлаетъ постели. Эти услуги, которыя древній человѣкъ считалъ унижительными и возлагалъ на своихъ

рабовъ, становятся почетными въ глазахъ средневѣковаго дворянства (онѣ были такими уже въ глазахъ германцевъ; объ этомъ упоминаетъ Тацитъ).

Въ теченіе этого періода, который продолжается отъ пяти до семи лѣтъ, молодой дворянинъ, посвящій имя оруженосца или *damoiseau* (маленькій господинъ), не имѣетъ права носить оружіе.

Когда онъ кончилъ свое ученіе,—обыкновенно между 18 и 20 годами—если онъ достаточно богатъ, чтобы вести жизнь рыцаря, онъ вступаетъ въ рыцарское сословіе посредствомъ военнаго обряда, который описываютъ рыцарскія поэмы.

Молодой человѣкъ, выкупавшись въ ваннѣ, падѣваетъ кольчугу и шлемъ. Рыцарь,—иногда отецъ посвящаемаго, но чаще—кормившій его сеньеръ,—привѣшиваетъ къ его поясу мечъ, который онъ съ этой минуты будетъ носить постоянно. Это называется *adouber* и есть главная часть церемоніи. Обыкновенно рыцарь сильно ударяетъ молодого человѣка кулакомъ по затылку; это называется *colée*. Затѣмъ новый рыцарь садится на коня, беретъ копьё и на всемъ скаку поражаетъ заранѣе приготовленное чучело; это называется *quintaine*. Таково посвященіе въ XII вѣкѣ.

Иногда оно ограничивается даже однимъ актомъ—ударомъ по затылку; это дѣлаютъ тогда, когда хотятъ избѣгнуть расходовъ. Бомануаръ рассказываетъ объ одномъ слѣдствіи, которое, чтобы считаться дѣйствительнымъ, должно было быть произведено опредѣленнымъ числомъ рыцарей. Такъ какъ одного не доставало, то одного дворянина тутъ же посвятили въ рыцари. Одинъ изъ рыцарей ударилъ его и сказалъ: «Будь рыцаремъ».

Позже ¹⁾ духовенство ввело обряды, превратившіе рыцарское посвященіе въ сложную религиозную церемонію. Молодой человѣкъ, послѣ поста, проводилъ ночь, предшествовавшую посвященію, въ молитвѣ; это называлось *veillée d'armes*. Утромъ онъ присутствовалъ при обѣднѣ; шпагу клали на алтарь, какъ бы посвящая ея на служеніе Богу; священникъ благословлялъ ее, говоря: «Услышь, Господи, мои молитвы и благослови твоей всемогущей десницею этотъ мечъ, которымъ хочеть препоясаться твой рабъ (такой-то)». Затѣмъ онъ произносилъ проповѣдь, въ

¹⁾ Известенъ итальянскій обрядникъ благословенія шпаги, относящійся къ концу XI вѣка, но общепринятымъ этотъ обычай становится только въ XIII столѣтіи.

которой напоминалъ будущему рыцарю его обязанности по отношению къ церкви, бѣднымъ и вдовамъ.

Для церемоніи выбирали обыкновенно или дни большихъ праздниковъ, особенно Пасху и Троицу, или какой-нибудь исключительный случай, въ родѣ бракосочетанія или крещенія принца, или даже моментъ сраженія. Тогда сразу посвящали цѣлую толпу новыхъ рыцарей.

Только богатые становились рыцарями. Бѣдные дворяне избѣгали издержекъ на церемоніи и расходовъ рыцарской жизни: они оставались оруженосцами всю жизнь. Такимъ образомъ, существовали оруженосцы двухъ родовъ: однимъ недоставало лѣтъ, другимъ—средствъ, чтобы сдѣлаться рыцарями. Въ Англіи, гдѣ кавалерія была бесполезна, дворяне почти совершенно перестали принимать рыцарское посвященіе и предпочитали оставаться *с к в а й р а м и*.

Башни, замки и дома.—Дворянинъ среднихъ вѣковъ не только воинъ: онъ дѣлаетъ изъ своего жилища крѣпость. Уже крупные римскіе собственники иногда укрѣпляли свои деревенскіе дома; но общераспространеннымъ этотъ обычай становится во Франціи, повидимому, только въ X вѣкѣ.

Изъ старинныхъ укрѣпленій этого времени ни одно не уцѣлѣло. Мы знаемъ ихъ только по очень малочисленнымъ развалинамъ и по намекамъ, встрѣчающимся у писателей. Повидимому, эти укрѣпленія (*fortés*, т. е. *firmitates*) строились исключительно изъ дерева и земли. Вокругъ того мѣста, на которомъ хотѣли строить, выкапывали широкій и глубокій ровъ; земля, выброшенная изъ него внутрь, образовала искусственный холмъ (*la motte*); вокругъ послѣдняго вбивали четырехугольные брусья и крѣпко связывали ихъ другъ съ другомъ, такъ что составлялся непрерывный частоколъ, который часто укрѣпляли деревянными башнями, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой. Въ этой оградѣ возводили изъ дерева постройки, служившія помѣщеніями для прислуги, конюшнями, амбарами и кладовыми. Надъ ними возвышалась огромная квадратная деревянная башня, которую въ случаѣ осады покрывали снаружи только-что содранными шкурами животныхъ, чтобы обезопасить ее отъ пожара: это былъ *donjon* (*dominium*), т. е. домъ господина. Дверь открывалась нѣсколько выше земли; въ нее можно было войти только по досчатой лѣстницѣ, которая вела черезъ ровъ въ поле. Такъ строились башни на Сѣверѣ въ X вѣкѣ.

На Югѣ землю и дерево замѣняли камнемъ. По образцу римскихъ укрѣпленныхъ поселеній (*castra*), здѣсь строили толстыя стѣны и квадратныя башни изъ камня. Этотъ обычай господствовалъ въ Европѣ около XII вѣка. Позже четырехугольныя башни и прямыя углы были замѣнены круглыми башнями и округленными углами, болѣе удобными для защиты. Эти сооруженія сохранили латинское названіе *castellum* (уменьшительное отъ *castra*); на Югѣ они назывались *castel*, на Сѣверѣ *château*, по-англійски—*castle*. Ихъ часто называли также «Plessis» (*palissade*).

Замокъ (*château*) состоитъ изъ цѣлаго ряда укрѣпленій. Онъ построенъ на крутомъ холмѣ, на скалистомъ мысѣ или на искусственномъ возвышеніи, такъ что господствуетъ надъ окрестностью. Онъ всегда изолированъ—или непрерывнымъ рвомъ, который, если можно, наполняютъ водою, или, по крайней мѣрѣ, траншеей со стороны горы. На каждомъ шагу устраивали препятствія. Идѣ съ поля, натыкаешься прежде всего на *barbacane* (изобрѣтенный въ XIII столѣтіи), укрѣпленіе, находящееся еще внѣ рва. Затѣмъ слѣдуетъ ровъ, часто наполненный водою. За рвомъ возвышается частоколъ. Позади частокола находится тропинка, идущая вокругъ всей внѣшней стѣны ограды. Осажденные могутъ ходить кругомъ по-верху по дозорной дорожкѣ, проложенной по толщѣ стѣны. Метательные снаряды они бросаютъ въ промежутки между зубцами, называемые *créneaux* (амбразуры). Они могутъ даже швырять камни, лить растопленную смолу или кипящее масло сквозь галереи, въ которыхъ прорѣзана щель; эти галереи выходятъ за амбразуры, такъ что выдаются впередъ дальше основанія стѣны (до XIII вѣка онѣ строились изъ дерева и назывались *hourds*; позже ихъ замѣнили каменными *mâchicoulis*). Эта ограда защищаетъ всѣ строенія.

Чтобы пройти въ ограду въ мирное время, переходятъ черезъ ровъ, но уже не по намосту, а по подъемному мосту, который виситъ на цѣляхъ и поднимается, когда надо прекратить сообщеніе. Затѣмъ приходишь къ массивнымъ воротамъ, защищеннымъ запоромъ, а позже желѣзной рѣшеткою, которую достаточно опустить, чтобы преградить доступъ внутрь. Пройдя сводчатыя ворота, охраняемая привратникомъ, попадаешь наконецъ въ задній дворъ, окруженный строеніями (амбарами, кладовыми, часовой, кухней, службами). Въ нѣкоторыхъ большихъ замкахъ этотъ дворъ представляетъ цѣлое селеніе. Здѣсь во время войны укрываются окрестные держатели со своимъ скотомъ и движимостью.

Главнымъ зданіемъ является, по-прежнему, donjon, обратившійся въ колоссальную трехъ или четырехъ-этажную башню; къ дверямъ ведетъ каменное крыльцо. Башня Божанси имѣла 40 метровъ въ вышину и 24 въ діаметръ, башня Куси—64 метра въ вышину и 31 въ діаметръ. Здѣсь живетъ господи́нь; здѣсь находятся его «большой залъ», въ которомъ онъ принимаетъ приглашенныхъ ¹⁾, его комната, комнаты его семейства, его сокровищница, въ подвальномъ этажѣ—его тюрьма (chartre), темная, сырая, грязная, куда узниковъ спускаютъ по трапу или на веревкѣ, на верхушкѣ башни—помѣщеніе для караульнаго, который наблюдаетъ за окрестностями. Въ башнѣ сеньерь можетъ защищаться даже тогда, когда непріятель уже проникъ въ ограду.

Эти укрѣпленія сдѣлались во всей Европѣ жилищами сеньеровъ, такъ что слово «зámокъ» (château) до сихъ поръ сохранило значеніе роскошнаго жилища. Но расходы, какихъ требовала постройка этихъ массивныхъ сооружений, были по силамъ только богатому человѣку. Поэтому въ началъ зámками обладали только владѣльцы небольшихъ городовъ или большого числа деревень, такъ что въ нѣкоторыхъ странахъ позже называли кастелянствомъ (châtellenie) территорию, состоящую изъ цѣлой группы деревень, зависѣвшихъ отъ одного и того же зámка. Число зámковъ возрастало съ увеличеніемъ богатства; но никогда, до самаго конца среднихъ вѣковъ, оно не было равно числу рыцарей.

Менѣе богатые дворяне довольствовались крѣпкимъ домомъ съ толстыми стѣнами, съ массивной дверью, иногда защищенной бойницею, съ высоко-прорѣзанными окнами. Это—manoir (отъ manere—жить), достаточный для отраженія внезапнаго нападенія. Дворяне, живущіе въ городахъ,—а такихъ дворянъ много, особенно въ Италіи, Испаніи и на югѣ Франціи,—строятъ себѣ тамъ крѣпкіе дома, похожіе на деревенскіе manoirs.

Башни, зámки и укрѣпленные дома имѣютъ толстыя и высокія стѣны, витыя лѣстницы, освѣщенные бойницами, сырыя и полутемныя комнаты, куда дневной свѣтъ проникаетъ только чрезъ узкія отверстія. Это крѣпости, а не уютныя жилища. Въ нихъ мрачно, особенно въ зимніе вечера. Въ хорошую погоду обитатели предпочитаютъ проводить время въ саду, что за оградой.

Одинъ ученый, влюбленный въ средніе вѣка ²⁾, попытался

¹⁾ Очень знатные сеньеры имѣютъ иногда специальную гостиную въ башни—palais (по-пѣм. Pallas).

²⁾ Léon Gautier, *La Chevalerie*.

составить списокъ удовольствій, которыми могъ пользоваться сеньерь. Ихъ оказывается пятнадцать, а именно: охотиться, ловить рыбу, фехтовать, биться на коньяхъ, играть въ шахматы, ѣсть и пить, слушать пѣнье жонглёровъ, смотрѣть на бой медвѣдей, принимать гостей, бесѣдовать съ дамами, устраивать торжественныя собранія вассаловъ, гулять по лугамъ, грѣться, ставить себѣ бабки и пускать кровь, смотрѣть, какъ падаетъ снѣгъ. Однако эти удовольствія не удерживаютъ дворянъ дома. При первой возможности они уѣзжаютъ ко двору короля или князя, и не останавливаются даже передъ далекими путешествіями. Насколько крестьянинъ—домосѣдъ, настолько же дворянинъ охочъ до переѣздовъ. Но они сохраняютъ связь съ землей: это ихъ замокъ или домъ. Они принимаютъ его имя; въ XII вѣкѣ почти всѣ имена дворянскихъ фамилій суть названія помѣстій (Bouchard de Montmorency, Enguerrand de Coucy¹).

Оммажъ и феодеъ.—Читателя, можетъ быть, удивляетъ, что въ этомъ описаніи феодальнаго общества до сихъ поръ еще ни разу не упоминалось о феодальныхъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что соціальный строй среднихъ вѣковъ не обусловливалъ необходимости существованія феодализма. Въ нѣкоторыхъ странахъ (въ Англіи до XI вѣка, въ Польшѣ, въ Венгріи) строй общества представлялъ всѣ описанныя сейчасъ черты, нисколько не будучи феодальнымъ, и даже въ наиболѣе феодализованныхъ странахъ долго существовали не только держатели, но и рыцари, чуждые всякихъ феодальныхъ отношеній.

Дѣйствительно, военные люди среднихъ вѣковъ не жили особнякомъ другъ отъ друга. Уже въ капитуляріяхъ Карла Великаго мы встрѣчаемъ воиновъ, связанныхъ, вѣроятно, на всю жизнь съ вождемъ, который ведетъ ихъ на войну. Вождь уже носитъ названіе сеньера, его люди—вассалы (это слово означаетъ, повидимому, домашнихъ слугъ). Эти названія сохраняются въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Сеньеромъ является всегда богатый человѣкъ, сановникъ или крупный собственникъ. Онъ вооружаетъ, кормитъ, содержитъ,

---

¹) Эти имена имѣютъ при себѣ, конечно, предлогъ *de*; откуда предразсудокъ, будто „частица“, какъ ее называютъ (*de* въ романскихъ языкахъ, *von* въ нѣмецкомъ), есть признакъ знатности. Это двойная ошибка: даже въ XVI вѣкѣ существуютъ рыцари, носящіе только фамильное имя, и, наоборотъ, — тысячи не-дворянъ, носящихъ имя не помѣстью или деревнѣ.

можетъ быть даже обезпечиваетъ жалованьемъ, отрядъ рыцарей и оруженосцевъ, которые служатъ ему обществомъ и тѣлохранителями ¹⁾).

Сеньеръ и его люди живутъ вмѣстѣ въ одной той же комнатѣ, вмѣстѣ ѣдятъ, вмѣстѣ идутъ въ походъ. Вассаль дѣйствительно слуга: онъ прислуживаетъ своему сеньеру за столомъ, обязанъ повиноваться ему и всюду за нимъ слѣдовать; въ сраженіи онъ долженъ дать убитъ себя, чтобы защитить своего сеньера. Это служебное положеніе соединяется съ чувствомъ товарищества, которое, не уничтожая разстоянія между господиномъ и слугою, создаетъ между ними тѣсную связь взаимной преданности. Символомъ этой связи является клятва, которую даетъ вассаль, вступающій въ службу сеньера.

Въ такихъ же чертахъ изображаютъ эту систему, на которую намекаютъ документы IX вѣка, и рыцарскія поэмы (*chansons de gestes*) болѣе поздняго, впрочемъ, времени (XII-го и XIII-го столѣтій). Продолжала ли она существовать и въ X и XI столѣтіяхъ, — этого мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать; воины не писали, а лѣтописи свѣтскихъ знатныхъ семействъ, если и существовали, то до насъ не дошли. Такимъ образомъ, происхожденіе феодализма остается не только спорнымъ, но и неразрѣшимымъ вопросомъ.

Несомнѣнно, повидимому, то, что съ X вѣка во Франціи устанавливается обычай вознаграждать вассала не деньгами и не натурою, а помѣстьемъ, снабженнымъ держателями. Этотъ видъ даренія не новъ: это бенефиціи. «Бенефиціи» есть единственное названіе, употреблявшееся въ латинскихъ актахъ Германіи и Италіи до конца XI столѣтія. Во Франціи появляется названіе *feuum* ²⁾ или *feodum* (феодъ); первые достовѣрные примѣры этого словоупотребленія, которые намъ извѣстны, относятся къ началу X вѣка. На востокъ это имѣніе, пожалованное сеньеромъ, называютъ *châsement* (*casamentum*, помѣстье). Съ этихъ поръ вассаль, вмѣсто того, чтобы оставаться при своемъ сеньерѣ, поселяется въ полученномъ имъ имѣніи, но продолжаетъ быть слугою сеньера. Не доказано, чтобы каждый вассаль, даже въ XII вѣкѣ, непременно получалъ феодъ. Но крайней мѣрѣ, ликто

1) Въ *chansons de gestes* этотъ отрядъ называется „домомъ“ (*maisnie*, т. е. *maison*) сеньера.

2) Форма *feuum* ближе всего подходитъ къ французскому слову *fief* (феодъ).

не можетъ получить феода иначе, какъ ставъ вассаломъ того, кто дастъ ему помѣстье, и почти все вассалы обладаютъ феодами.

Какъ и во времена Карла Великаго, вассаль связывается съ сеньеромъ посредствомъ торжественнаго обряда, потому что вассаломъ не родятся, а дѣлаются, и потому что имъ надо сдѣлаться, чтобы получить возможность пользоваться феодомъ. Вотъ почему обрядъ, которымъ устанавливалась вассальная зависимость, сохранялся въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ: онъ служилъ для засвидѣтельствованія правъ сеньера. Старинный церемоніаль былъ, по видимому, почти одинаковъ во всехъ странахъ.

Будущій вассаль является къ будущему сеньеру съ обнаженной головой и безоружный. Онъ опускается передъ нимъ на колѣни, кладетъ свои руки въ руки сеньера и объявляетъ, что становится его человекомъ. Сеньерь цѣлуетъ его въ уста и поднимаетъ на ноги. Такова церемонія *оммажа* (*homage*). Она сопровождается присягой: положивъ руку на мощи или на евангеліе, вассаль клянется оставаться вѣрнымъ сеньеру, т. е. исполнять обязанности вассала. Это — присяга въ вѣрности (*foi* или *féaulté*). Оммажъ и присяга въ вѣрности суть два различныхъ акта: одинъ есть обязательство, другой — клятва; но такъ какъ нѣтъ оммажа безъ клятвы вѣрности, то ихъ въ концѣ-концовъ стали смѣшивать.

Въ награду за это обязательство, сеньерь предоставляетъ въ пользованіе вассалу принадлежащей ему феода; обыкновенно это земля; но феодомъ можетъ быть всякій доходный предметъ и всякое доходное право.

Сеньерь передаетъ свое право посредствомъ торжественнаго обряда: онъ вводитъ вассала во владѣніе феодомъ, вручая ему соломнику, или палку, или конье, или перчатку, служащую символомъ передаемаго предмета. Это *инвеститура* (*investiture*) значитъ вводить во владѣніе).

Сеньерь уступаетъ не право собственности на феода, а только пользованіе послѣднимъ; легально онъ остается полнымъ собственникомъ феода. Договоръ обязываетъ только тѣхъ, кто заключаетъ его, и сохраняетъ силу лишь пока они живы. Со смертью вассала феода возвращается къ сеньеру; по смерти сеньера вассаль можетъ сохранить феода лишь въ томъ случаѣ, если стизнова обяжется новому сеньеру.

Въ началѣ сеньерь, по видимому, пользовался, по смерти вассала, своимъ правомъ брать обратно феода, чтобы отдать его,

кому захочетъ. Такъ поступаютъ часто герон рыцарскихъ поэмъ, и мы встрѣчаемъ примѣры пожизненныхъ феодевъ даже еще въ XII вѣкѣ. Но обычай, по которому сынъ наслѣдуетъ званіе отца, былъ такъ силенъ въ средніе вѣка, что сеньеры принуждены были предоставлять своимъ вассаламъ право завѣщать ихъ званіе сыновьямъ. Такъ установилась наслѣдственность феодевъ, или, выражаясь болѣе точно, наслѣдственнымъ сдѣлалось право заключать договоръ вассальной вѣрности съ сеньеромъ феода. Самъ по себѣ феодеъ никогда не становился наслѣдственнымъ, потому что сеньеръ всегда оставался его законнымъ собственникомъ; контрактъ пользованія всегда былъ только пожизненнымъ; онъ долженъ былъ возобновляться съ каждымъ поколѣніемъ вассаловъ и съ каждымъ поколѣніемъ сеньеровъ. Наслѣдственнымъ становится только право возобновлять этотъ контрактъ; но на практикѣ это было равносильно наслѣдственности владѣнія.

Во Франціи развитіе этой системы было почти закончено въ концѣ X вѣка; въ Ломбардіи она была освящена эдиктомъ короля Конрада II въ 1037 году; въ Германіи процессъ ея развитія продолжался до XIII столѣтія.

Феодалныя обязанности.—Феодеъ не давался даромъ. Онъ налагалъ на вассала обязанности по отношенію къ сеньеру. Эти обязательства вытекали изъ одного и того же общаго начала, которое всегда и вездѣ формулировалось въ одинаковыхъ выраженіяхъ; измѣнялись только способы его примѣненія.

Прежде всего вассалъ обязанъ совершить клятву вѣрности и оммажъ—формальный актъ, посредствомъ котораго онъ «признаетъ себя человѣкомъ» сеньера и клянется ему въ вѣрности. Онъ обязанъ сдѣлать это, вступая во владѣніе феодеомъ, и долженъ дѣлать это каждый разъ, когда его сеньеръ замѣщается другимъ: это называютъ возобновленіемъ феода. Если онъ отказывается совершить обрядъ, онъ отвергаетъ сеньера и, вслѣдствіе этого, теряетъ свое право на феодеъ (это называется *forfaire*). Онъ долженъ заявить сеньеру, за какой феодеъ онъ становится его человѣкомъ; это объявленіе феода. Если феодеъ состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, онъ долженъ перечислить всѣ. Если есть сомнѣніе относительно того, что содержитъ въ себѣ феодеъ, то онъ обязанъ допустить господина къ провѣркѣ, которая состоитъ въ осмотрѣ на мѣстѣ (*montree* или *vue*). Если онъ недобросовѣстно скроетъ часть феода, то лишается своего права. Эти словесныя формальности замѣнялись, особенно послѣ XIII вѣ-

ка, письменнымъ актомъ, который назывался эбъявленіемъ и перечисленіемъ феода.

Возобновляя феоде, вассаль принимаетъ на себя отрицательныя обязательства пользователя по отношенію къ настоящему собственнику. Онъ обязуется (часто особой формулой) поддерживать и обезпечивать феоде: поддерживать—т. е. заботиться, чтобы онъ не терялъ своей стоимости, не измѣнять его положенія, не отдѣлять отъ него частей (это называется «сокращать»); обезпечивать—т. е. быть всегда готовымъ признать право настоящаго собственника и защищать феоде противъ постороннихъ лицъ.

Принося клятву вѣрности, вассаль обязуется не причинять вреда сеньеру, не покушаться ни на его личность, ни на его имущество, ни на его честь, ни на его семейство. Часто встрѣчаются акты оммажа, въ которыхъ вассаль клянется уважать «жизнь и члены» сеньера. Эти отрицательныя обязательства были, повидимому, взаимны. «Сеньерь», говоритъ Бомануаръ, «обязанъ своему человѣку такую же вѣрностью и преданностью, какъ человѣкъ—своему сеньеру». Сеньерь и вассаль обязаны любить другъ друга. Каждый изъ нихъ воздерживается отъ какого бы то ни было враждебнаго поступка по отношенію къ другому. Поэтому сеньерь не долженъ ни нападать на своего вассала или оскорблять его, ни соблазнять его жену или дочь. Если онъ сдѣлаетъ это, вассаль можетъ порвать связь съ сеньеромъ, сохраняя все-таки феоде. Этотъ разрывъ обозначается актомъ, который составляетъ противоположность инвеституры: вассаль бросаетъ соломинку или перчатку; это называется *défi* (уничтоженіе вѣрности).

Положительныя обязанности вассала то выражаются однимъ словомъ *service* (служба), то разлагаются въ формулу, которая появляется съ X вѣка: *aide et conseil* (*auxilium et consilium*, помощь и совѣтъ).

Подъ помощью разумѣется, прежде всего, военная помощь: вассаль—солдатъ сеньера; онъ долженъ помогать ему въ его войнахъ; именно для этого онъ получилъ свой феоде. Въ нѣкоторыхъ формулахъ вассальной присяги этотъ пунктъ оговоренъ особо; вассаль клянется служить сеньеру «противъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ».

Это обязательство—въ началѣ, безъ сомнѣнія, неограниченное (такимъ оно является еще въ рыцарскихъ поэмахъ)—позже, благодаря ограниченіямъ, точно опредѣлилось, и въ немъ стали различать нѣсколько родовъ службы.

Ost и *chevauchée* суть обязательство сопровождать сеньера какъ въ его походахъ (*ost*), такъ и въ его разъѣздахъ по непріятельской странѣ (*chevauchée*). Эта служба, особенно въ XIII вѣкѣ, ограничена пространствомъ и временемъ: вассаль слѣдуетъ за сеньеромъ (по крайней мѣрѣ, на свой счетъ) только въ предѣлахъ извѣстной области, часто очень небольшой; онъ служить ему только въ теченіе извѣстнаго срока, утвержденного обычаемъ,—обыкновенно 40 дней. *Estage* есть обязанность держать гарнизонъ въ замкѣ сеньера, одному или съ семействомъ. Вассаль обязанъ, по требованію сеньера, отдавать въ его распоряженіе свой собственный замокъ; такой замокъ называется *jugable et rendable*, и въ актахъ, особенно XIII вѣка, часто постановляется, что вассаль обязанъ отдать его сеньеру «спокоенъ ли тотъ, или разгнѣванъ, съ большимъ войскомъ или съ малымъ». Сеньерь можетъ поставить въ замокъ гарнизонъ, но обязанъ возратить его въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ, и не брать изъ него ничего другого, кромѣ соломы и сѣна.

Другой видъ помощи, правда второстепенный, состоитъ въ помощи натурою или деньгами, которую вассаль обязанъ оказывать сеньеру въ опредѣленныхъ случаяхъ. Обыкновенно вассаль, получая инвеституру, даетъ подарокъ, установленный обычаемъ. Часто это предметъ, служащій символомъ вассальныхъ отношеній: кошь, золотая или серебряная шпора, пара перчатокъ; въ Орлеанѣ это боевой конь, въ Гени—денежная сумма (*l'esprogle*). Обыкновенно при каждой смѣнѣ сеньеровъ, иногда и при каждой смѣнѣ вассаловъ, сеньерь получаетъ вознагражденіе (*relief* или *rachat*), очень тяжелое на сѣверѣ Франціи (годовой доходъ) и еще болѣе тяжелое, если новый вассаль только побочный наслѣдникъ прежняго. Точно такъ же, въ случаѣ продажи вассаломъ феода, покупатель долженъ получить согласіе сеньера на переходъ феода и уплатить ему покупную пошлину (*quint*), доходящую иногда до тройной суммы годового дохода.

Сеньерь имѣетъ право требовать отъ своихъ вассаловъ денежной помощи для покрытія нѣкоторыхъ своихъ исключительныхъ расходовъ. Этотъ видъ помощи въ нѣкоторыхъ странахъ носитъ названіе *aide aux quatre cas* (помощь въ четырехъ случаяхъ). Эти случаи въ разныхъ странахъ не одинаковы; даже ихъ число бываетъ и больше и меньше 4. Наболѣе обычные суть: выкупъ сеньера, если онъ попалъ въ плѣнъ,—его отправленіе въ крестовый походъ,—выходъ замужъ его дочери,—посвяще-

ніе въ рыцари его сына. Субсидію должны платить благородные вассалы; но они не платятъ ее своими деньгами, а вычитываютъ ее съ держателей своего помѣстья.

Сеньерь имѣеть право требовать отъ вассала помѣщенія и пищи для себя и своей свиты или охотничьей команды; это есть право постоя (*gîte*, на югѣ *albergement*), часто замѣняемое опредѣленнымъ вознагражденіемъ. Въ XIII вѣкѣ это право строго регулировано. Такъ, владѣлецъ Комьера (въ Пени) обязанъ, въ случаѣ пріѣзда своего сеньера, герцога Аквитанскаго, приготовить для него и десяти рыцарей обѣдъ, состоящій изъ свиного или коровьяго мяса, капусты, жареныхъ цыплятъ и горчицы; онъ долженъ самъ прислуживать герцогу, въ брюкахъ ярко-краснаго сукна, съ золотыми шпорами. Другой вассаль долженъ принимать шестерыхъ изъ сопровождающихъ герцога егерей, давать имъ хлѣба, вина, мяса и на другой день отвозить ихъ въ лѣсъ.

Служба совѣта обязываетъ вассала помогать сеньеру своими совѣтами въ затруднительныхъ обстоятельствахъ: эту службу называютъ также придворной (*service de cour*). Сеньерь созываетъ сразу всѣхъ своихъ вассаловъ и собираетъ ихъ на своемъ дворѣ. Обязанность принимать участіе въ этихъ собраніяхъ часто ограничена тремя сѣздами въ годъ, происходящими обыкновенно по большимъ праздникамъ—въ Пасху, Троицу и Рождество.

Это собраніе играетъ роль почетной свиты на торжествахъ, которыя сеньерь устраиваетъ по случаю своего бракосочетанія, или бракосочетанія своихъ дѣтей, или посвященія въ рыцари своихъ сыновей; оно удовлетворяетъ его тщеславію, увеличивая пышность церемоніи. Оно служитъ политическимъ совѣтомъ по важнымъ вопросамъ, касающимся сеньеріи,—по вопросамъ о войнѣ, о мирѣ, объ измѣненіи кутюмовъ. Оно является судебной инстанціей (*plaid*) для разбирательства споровъ между вассалами сеньера. Сеньерь созываетъ и предсѣдательствуетъ въ судебномъ собраніи (*cour de plaid*), которое произноситъ приговоръ. Участіе въ судебныхъ сѣздахъ—не право, а повинность, которая не приноситъ никакой выгоды и можетъ вовлечь судью въ дуэль съ проигравшимъ дѣло. Притомъ, это строго-узаконенная обязанность: ни вассаль не можетъ отказаться отъ участія въ судебномъ сѣздѣ, ни сеньерь не можетъ отказаться отъ созванія сѣзда. Это было бы «нарушеніемъ права» (отказъ въ правосудіи), которое разрѣшило бы вассала отъ его клятвы вѣрности.

Женщины и дѣти въ феодальной системѣ.—Каза-лось бы, что въ феодальномъ строѣ не было мѣста ни для жен-щинъ, ни для дѣтей, потому что вассальныя обязанности могъ нести только воинъ; но сила собственности и наслѣдства одер-жали верхъ надъ логикой. Сеньеръ былъ еще болѣе собственни-комъ, чѣмъ вождемъ отряда. Ребенокъ или женщина могли наслѣ-довать крупное помѣстье, розданное въ феодеъ вассаламъ, и та-кимъ образомъ эти вассалы становились людьми новаго собствен-ника.

Такъ какъ малолѣтній не могъ самъ осуществлять свои права, то ближайшій родственникъ съ отцовской стороны принималъ опе-ку, т. е. владѣніе помѣстьемъ. Онъ пользовался доходами и зани-малъ мѣсто сеньера; онъ носилъ даже его титулъ. Въ началѣ на его обязанности лежали также охрана и воспитаніе малолѣт-няго собственника. Но такъ какъ наслѣдникомъ ребенка являлся опекунъ (baillistre), то, чтобы отнять у него искушеніе содѣй-ствовать освобожденію наслѣдства, установился обычай поручать охрану ребенка ближайшему родственнику по женской линіи, ко-торый ничѣмъ не былъ заинтересованъ въ его смерти. Достигнувъ совершеннолѣтія (между 14 и 21 годами, смотря по странѣ), мо-лодой человѣкъ приказывалъ посвящать себя въ рыцари и затѣмъ принималъ присягу вассаловъ.

Дочь—наслѣдница сеньерин,—если она была совершеннолѣт-няя, пользовалась правами сеньера, вытекавшими изъ обладанія помѣстьемъ: вассалы были обязаны ей оммажемъ и службою. Были примѣры, когда женщины лично управляли своей сенье-ріей, предсѣдательствовали въ своемъ феодальномъ судѣ и даже сражались. Въ феодальномъ языкѣ не было термина для обозна-ченія сеньера-женщины: ее называли латинскимъ словомъ *domina* (domina—госпожа), по-испански *doña*.

Дѣти и женщины вошли въ феодальный строй, какъ наслѣд-ники сеньеровъ; они вступали въ него также въ качествѣ наслѣд-никовъ вассаловъ. Если вассаль умеръ, оставивъ малолѣтнихъ сыновей, то сеньеръ первоначально имѣлъ право отобрать феодеъ и передать его человѣку, способному къ службѣ; но, начиная съ XI вѣка, онъ ограничивался тѣмъ, что бралъ феодеъ вмѣстѣ съ опекой надъ ребенкомъ до его совершеннолѣтія (это была сеньериальная опека, которая позже была замѣнена опе-кою родственниковъ малолѣтняго). Достигнувъ совершеннолѣтія, молодой человѣкъ вступалъ во владѣніе феодеомъ.

Больше затрудненій встрѣтило признаніе права дочерей. Женщина не могла нести службу за феода. Поэтому были страны, гдѣ феода не переходилъ къ дочерямъ; его наслѣдовали сыновья, даже младшіе, или болѣе далекіе родственники. Но привычка смотрѣть на дочерей, какъ на законныхъ наслѣдницъ, была настолько сильна, особенно на югѣ Франціи, что въ концѣ-концовъ, въ XI и XII столѣтіяхъ, она распространяется и на феода. Женщины стали получать ихъ въ наслѣдство, даже въ приданое; онѣ дѣлались вассалами, какъ могли сдѣлаться сеньерами. Отъ прежней системы, исключавшей наслѣдованіе женщинъ, осталась только привилегія въ пользу побочныхъ наслѣдниковъ мужского пола.

Для службы за феода женщина должна была представлять сеньеру замѣстителя. Она не имѣла права выходить замужъ безъ согласія сеньера, и въ нѣкоторыхъ странахъ (въ Испаніи, въ Іерусалимѣ) сеньерь указывалъ наслѣдницѣ феода двухъ или трехъ рыцарей, между которыми она должна была выбрать себѣ мужа.

Духовенство въ феодальной системѣ.—Духовенство сохранило свою древнюю организацію, основанную на іерархіи степеней и безусловномъ подчиненіи низшихъ степеней высимъ. Даже во времена величайшихъ смутъ, въ тѣ эпохи, когда «духъ вѣка» наиболѣе глубоко проникалъ въ духовенство, церковь никогда не допускала въ свою организацію ни одного феодальнаго начала, никогда низшіе не вступали въ вассальныя отношенія къ высшему и не получалъ своего мѣста въ ленъ.

Духовныя лица, какъ и женщины, должны были остаться чужды феодализму, потому что религіозный законъ запрещалъ имъ носить оружіе. А между тѣмъ духовенство, по крайней мѣрѣ высшее, такъ же, какъ женщины, вошло въ феодальный строй,—вошло потому, что священники приходовъ, слуги своего епископа или патрона ихъ церкви, и монахи, подчиненные своему аббату, оставались въ строгой и безконтрольной зависимости, похожей на прямую зависимость держателей отъ сеньера.

Высшее духовенство обладало большими имѣніями, которыя составились изъ накопившихся въ теченіе вѣковъ дареній, потому что во всѣхъ христіанскихъ странахъ свѣтскіе собственники старались снискать расположеніе какого-нибудь святого, патрона церкви или аббатства, чтобы онъ заступился за нихъ на небѣ. Поэтому они приносили въ даръ и, особенно, завѣщали святому или его церкви—«для искупленія своихъ грѣховъ» или «ради

спасенія своей души»—часть своей «земной собственности», часто нѣсколько участковъ земли, иногда цѣлыя деревни. Не было епископства, аббатства, капитула канониковъ или коллегіи, которая не сдѣлалась бы такимъ образомъ крупнымъ собственникомъ. Благодаря доходамъ съ этихъ помѣстій, епископы, аббаты и каноники занимали положеніе богатыхъ сеньеровъ.

Какъ и свѣтскимъ сеньерамъ, имъ пужна была, для защиты и почета, свита изъ военныхъ людей; поэтому они раздавали часть церковнаго помѣстья въ ленъ и пріобрѣтали вассаловъ, обязанныхъ имъ оммажемъ и службою.

Сами прелаты (епископы и аббаты) со времени Карла Великаго, сравнившись съ высшими должностными лицами, были обязаны приносить присягу королю и приводить въ войско своихъ людей. Этотъ обычай сохранился въ сѣверной части французскаго королевства, и такъ прочно утвердился въ германскомъ королевствѣ, что прелаты начали смотрѣть на самый свой духовный санъ, какъ на феодръ, полученный отъ короля; король утверждалъ ихъ въ церковномъ званіи посредствомъ инвеституры, вручая имъ знамя, какъ мірянамъ.

Такимъ образомъ, прелаты составили высшій классъ, смѣшавшійся съ высшимъ феодальнымъ дворянствомъ. Будучи во всѣхъ христіанскихъ странахъ безбрачнымъ, духовенство не могло пополняться путемъ наслѣдованія; поэтому епископомъ или аббатомъ могло сдѣлаться только духовное лицо благороднаго происхожденія. На церковныя должности пристраивали также младшихъ членовъ большихъ семействъ. Многие приносили на свои церковныя мѣста привычки дѣтства; они оставались охотниками, пьянцами и воинами, какъ извѣстный майнцскій архіепископъ, который, во избѣжаніе пролитія крови, сражался дубиной. Вообще, единственное, чего удалось духовенству добиться отъ этихъ сыновей воинствъ, состояло въ томъ, что они не вооружались какъ рыцари.

Монастырямъ приходилось защищаться отъ сосѣднихъ рыцарей, которыхъ не всегда можно было запугать отлученіемъ отъ церкви. Многие монастыри заключали условіе съ какимъ-нибудь сеньеромъ, который бралъ на себя ихъ защиту, за что получалъ право взимать подать съ ихъ держателей; его называли защитникомъ (*gardien*) или новѣреннымъ (*avoüé=advocatus*), по-нѣмецки *Voigt*. Возникновеніе этого института относится ко временамъ Каролинговъ. Обыкновенно повѣренный обиралъ помѣ-

стве, вмѣсто того, чтобы защищать его; монастырскія грамоты полны жалобъ на повѣренныхъ. Иногда и епископства имѣли такого рода свѣтскихъ защитниковъ (*vidame, viceseigneur*).

Министеріалы.—Наиболѣе богатые изъ сеньеровъ—короли, князья, прелаты—содержали при себѣ отрядъ вооруженныхъ слугъ. По-латыни ихъ называли *ministeriales*, слуги (*ministerium*—служба, должность), по-нѣмецки—*Dienstmannen* (служители). По домашняя служба у знатнаго сеньера была почетнымъ занятіемъ, вслѣдствіе чего эти слуги занимали среднее положеніе между дворянами и народомъ; домъ знатнаго сеньера представлялъ собою полное маленькое государство, въ которомъ служба очень походила на общественныя должности.

Министеріалы были домашними должностными лицами; они управляли отраслями, на которыя дѣлилось домашнее хозяйство. Ихъ было въ каждомъ дворѣ по крайней мѣрѣ четыре ¹⁾: етоломъ завѣдовалъ *dapifer (sénéchal, Truchsess)*, погребомъ—*buticularius (bouteiller, Schenk)*, конюшней и фуражомъ—*comes stabuli (connétable, Marschalk)*, кладовою (платье и провизія)—*camerarius (chambrier, Kämmerer)*. Въ самыхъ богатыхъ домахъ были и другіе высшіе служители: старшій ловчій, лѣсничій, главный поварь. Кромѣ того, во дворѣ находились ремесленники сеньера—портные, сапожники, оружейные мастера, пекари и т. д.; они соединялись по роду работы въ цехи (*ministeria*), и во главѣ cadaго цеха стоялъ министеріалъ ²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, министеріалы исполняли и должность рыцарей: они составляли свиту своего господина, сопровождали его на войну, охраняли его замки.

Во Франціи этотъ институтъ пришелъ въ упадокъ, и министеріалы скоро смѣнялись съ вассалами. Напротивъ, въ Германіи *динстманны* до конца XIII вѣка являлись важнымъ классомъ, который составлялъ силу королей и прелатовъ.

Динстманны сохранили признакъ своего происхожденія (ихъ предки были выбраны между рабами господина). Даже достигнувъ рыцарства, они оставались крѣпостными: ихъ называли *unfreie Ritter* (несвободные рыцари), и въ официальныхъ документахъ они подписывались послѣ свободныхъ людей. Они не могли ни

¹⁾ Эти четыре должности упоминаются начиная съ IX вѣка.

²⁾ Въ VIII главѣ будетъ указана роль, которую играли эти министеріалы въ образованіи городскихъ корпорацій.

покупать, ни продавать, ни завѣщать, ни жениться безъ разрѣшенія своего господина: они были подчинены праву мертвой руки наравнѣ съ крѣпостными.

Динстманны одного и того же сеньера составляли замкнутое общество. Они носили платьѣ одинаковаго цвѣта (цвѣта господина); они вступали въ бракъ только съ членами этого же общества; они не должны были сражаться другъ противъ друга, должны были все споры передавать на разсмотрѣнiе домашняго суда господина, состоявшаго изъ ихъ товарищей и судившаго на основанiи обычая въ даннаго господскаго двора (Hofrecht),—потому что они не имѣли права являться въ судъ свободныхъ людей, гдѣ судили на основанiи законовъ страны (Landrecht).

Ихъ положенiе сдѣлалось наследственнымъ; господинъ не могъ снова обратить ихъ дѣтей въ крѣпостныхъ; онъ долженъ былъ держать ихъ при своемъ дворѣ, давать имъ службу или средства къ жизни.

Мало-по-малу сеньерь спимаетъ служебныя обязанности съ своихъ динстманновъ, которые становятся теперь исключительно рыцарями. Онъ даетъ каждому бенефицiй, т. е. пользованiе помѣстьемъ. Около конца XIII вѣка бенефицiи смѣшиваются съ феодами, и динстманны уподобляются вассаламъ. Динстманны короля принимаютъ даже титулъ Freiherr (свободный господинъ), который переводятъ словомъ «баронъ». Но уже до тѣхъ поръ динстманны, сгруппировавшiеся вокругъ князей, создали при германскихъ дворахъ рыцарское общество, привыкшее считаться съ мельчайшими правилами приличiя и вѣжливости. Это называли «придворными правами», куртуазiей (höfische Sitte). Самая оригинальная черта этихъ правовъ есть уваженiе къ дамамъ, супругамъ сеньеровъ, которое очень близко напоминаетъ уваженiе слуги къ госпожѣ, потому что оно не распространяется на простыхъ женщинъ, женъ динстманновъ. Оно относится къ рангу, а не къ полу ¹⁾.

Сложность феодальныхъ отношенiй.—Первоначально отношенiя между рыцарями основывались на «вѣрности»,

¹⁾ Вопросъ о происхожденiи средневѣковой galanterie очень теменъ. Chansons de gestes не знаютъ ея. Она появляется, съ сильной примѣсью чувственности, въ XII вѣкѣ въ произведенiяхъ трубадуровъ южной Францiи и поэмахъ галльскаго цикла. Въ германскую поэзiю она проникла изъ Францiи. Мы встрѣчаемъ ее также у испанскихъ мавровъ, но здѣсь она соединяется съ чувствомъ состраданiя къ слабому полу, которое повидимому чуждо нашей средневѣковой galanterie.

Оммажъ, сдѣлавшись, вмѣсто безусловной клятвы въ вѣрности, простымъ договоромъ, обратился въ обычную процедуру для установленія связи между двумя дворянами. Аллодіальный сеньеръ признавалъ себя вассаломъ другого сеньера; онъ фиктивно уступалъ ему свое помѣстье; тотъ, сдѣлавшись законнымъ собственникомъ, возвращалъ ему это самое помѣстье въ видѣ феода и принималъ его къ себѣ въ вассалы; это называлось «брать аллоды въ ленъ (въ феоды)». Этотъ приемъ не былъ новъ, но, войдя во всеобщее употребленіе, онъ установилъ между сеньерами цѣлую градацію номинальныхъ зависимостей.

Наоборотъ, вассалъ давалъ часть своего феода въ феоды другимъ дворянамъ (напримѣръ, старшій братъ—младшимъ). Такимъ образомъ являлись подъ-вассалы, которые, въ свою очередь, также могли имѣть вассаловъ. По буквѣ закона для этихъ суб-инфеодацій необходимо было согласіе сеньера, потому что они уменьшали цѣнность его феода.

Прежніе каролингскіе сановники, герцоги и графы, будучи сами вассалами короля въ силу своихъ должностей, обращенныхъ въ феоды, привлекали къ себѣ въ вассалы главныхъ сеньеровъ своей провинціи, и такимъ образомъ возникла чрезвычайно сложная сѣть феодальныхъ связей, начиная съ короля и кончая оруженосцемъ, владѣтелемъ крошечнаго феода.

Эта запутанность безъ сомнѣнія такъ же стара, какъ самый феодальный порядокъ, потому что переуступка феода и оговорка вѣрности встрѣчаются уже въ древнѣйшемъ документѣ, въ которомъ употреблено слово фео́ды,—въ подробномъ актѣ 954 года, написанномъ на варварской латыни съ примѣсью каталонскихъ словъ: «Я, Раймундъ, виконтъ Серданьи, уступаю вамъ, Петръ Раймундъ, виконтъ Уржелъскій, и вашей супругѣ Сивиллѣ, замокъ Сень-Мартэнъ и даю вамъ Эрменгода съ феодомъ, который онъ держитъ отъ замка Сень-Мартэнъ, и съ его рыцарями. Также жалую я вамъ замки Мираль и Шераль и даю вамъ Беранже д'Арагалья съ феодомъ, который онъ держитъ отъ виконтства, и съ его рыцарями... А за этотъ даръ я, Петръ Раймундъ, и моя жена Сивилла признаемъ, что мы ваши вѣрные люди противъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ, и склячая графа Уржелъскаго, что мы изъ нашего помѣстья будемъ помогать вамъ нашими совѣтами относительно владѣнія, охраны и защиты противъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ вѣрно и безъ обмана».

Эту-то сѣть феодальныхъ отношеній называли «феодальной

іерархіей». Названіе неточно: оно предіюлагаетъ, что вся територія занята феодами и вассалами, правильно расположенными по этажамъ, одинъ выше другого, какъ въ чиновничьей іерархіи. Такой режимъ описываютъ, повидимому, авторы Іерусалимскихъ Ассизъ ¹⁾. Можетъ быть онъ дѣйствительно существовалъ въ Іерусалимскомъ королевствѣ, гдѣ рыцари, завоевавъ страну, могли создать правильную организацію, основанную на общемъ принципѣ ²⁾. Ничего подобнаго мы не находимъ ни въ одной европейской странѣ, даже въ Англии, гдѣ король сдѣлалъ всѣхъ рыцарей своими прямыми вассалами.

Въ Германіи, гдѣ оказалось необходимымъ классифицировать рыцарей, сопровождавшихъ короля въ итальянскихъ походахъ, попытались распределить дворянъ по категоріямъ, которыя называли щитами. Первую категорію составляетъ одинъ король, вторую—духовные князья, вассалы короля, третью—свѣтскіе князья, отнесенные въ третій разрядъ потому, что они держатъ феоды отъ духовныхъ князей, четвертую—бароны и даже графы, если они вассалы свѣтскаго князя, пятую—свободные рыцари, вассалы бароновъ, шестую и послѣднюю—динстманны. Каждый разрядъ строго ограниченъ, никто не можетъ принадлежать одновременно къ двумъ щитамъ. Дворянинъ, становясь вассаломъ равнаго себѣ, переходитъ въ низшій разрядъ; князь, ставъ вассаломъ другого князя, переходитъ въ рангъ бароновъ.

Очевидно, въ Германіи оммажъ болѣе сохранилъ свое первоначальное значеніе. Во Франціи дворянство не знало этой іерархіи. Феодалная связь перестала здѣсь устанавливать превосходство сеньера надъ вассаломъ. Въ XI вѣкѣ графъ Анжуйскій, побѣдивъ графа Блуасскаго, отнялъ у него графство Турэнъ и заставилъ своего плѣнника отдать его себѣ въ ленъ, вслѣдствіе чего сдѣлался его вассаломъ. Во Франціи каждый могъ быть сразу и сеньеромъ, и вассаломъ. Феодалная связь объединяла лишь земли.

III.—Обычаи и управленіе.

Собственность, аллодъ, феодеъ, держаніе.—Самой замѣтной чертой феодалнаго порядка, заставившей дать ему это имя, является форма землевладѣнія.

¹⁾ Именно въ этомъ намятникѣ старинные феолисты искали изображеніе феодалной системы.

²⁾ См. ниже, гл. V.

До IX вѣка нормальнымъ видомъ владѣнія былъ аллодъ, полная собственность, безъ всякой подати, съ безусловнымъ правомъ отчужденія. Но съ тѣхъ поръ, какъ собственники раздали свои земли въ видѣ державнй крестьянамъ и въ видѣ феоdorfъ рыцарямъ, существовало три способа владѣнія: аллодъ, — феоdorfъ, пользование подъ условіемъ благородной службы ¹⁾, — и держаніе (въ видѣ цензивы, виленажа и серважа), пользование подъ условіемъ уплаты повинностей. На основаніи обычнаго права среднихъ вѣковъ эти владѣнія сдѣлались наследственными, и явилось три вида наследованія. Эти формы владѣнія могутъ соединяться, подчиняясь одно другому: три различныхъ владѣльца ²⁾ владѣютъ одной и тою же землей какъ цензивой, феоdorfомъ и аллодомъ, — не считая наследственнаго приказчика, который также имѣетъ непреложныя права. Въ этомъ смыслѣ выраженія «аллодъ», «феоdorfъ», «цензива» неточны; слѣдовало бы говорить: владѣніе «въ видѣ аллода», «въ видѣ феоdorfа», «въ видѣ цензивы».

Но положеніе владѣльца, въ концѣ-концовъ, прикрѣпилось къ его участку, такъ что всякая земля получила неизмѣнное качество, которое переходитъ на всякаго новаго владѣльца. Теперь эти земли называются уже цензивами, виленажами, феоdorfами, аллодами ³⁾, а такъ какъ феоdorfомъ можетъ владѣть только дворянинъ, то стали различать дворянскія и недворянскія земли. Недворянскую землю составляютъ держанія крестьянъ; дворянская земля — это запасная часть (*indominicata*), эксплуатируемая благороднымъ владѣльцемъ феоdorfа или аллода. Дворянинъ, приобретающая цензиву, уже не можетъ обратить ее въ дворянскую землю; крестьянинъ, владѣя феоdorfомъ (когда обычное право позволяетъ ему это), уже не лишаетъ его качества дворянской земли.

Аллодъ можетъ быть обращенъ собственникомъ въ феоdorf ⁴⁾; феоdorfъ уже нельзя сдѣлать аллодомъ. Поэтому аллоды встрѣчаются все рѣже и рѣже. Наконецъ, въ XIII вѣкѣ, особенно на сѣверѣ

1) Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ встрѣчаются примѣры недворянскихъ феоdorfовъ, и даже не доказано, что феоdorfъ не былъ первоначально недворянскимъ держаніемъ. Здѣсь идетъ рѣчь лишь о наиболѣе обычной формѣ.

2) Кромѣ того есть еще много другихъ вторичныхъ феодальныхъ правъ, когда (какъ это обыкновенно бываетъ) существуетъ нѣсколько степеней вассаловъ.

3) Крайне неточный языкъ среднихъ вѣковъ примѣняетъ иногда названіе аллода къ феоdorfамъ, когда хочетъ обозначить, что они наследственны, или что подлежатъ незначительнымъ повинностямъ.

4) См. выше, стр. 48.

Войны и турниры.—Каждый дворянинъ—воинъ. Если онъ не связанъ специальнымъ договоромъ, то имѣетъ право воевать съ кѣмъ хочетъ. Поэтому въ клятвахъ вѣрности обѣ стороны обязуются уважать «жизнь и члены» другъ друга. Война (которую мы неточно называемъ «частной войною») есть общее право. Самое большее, если считаютъ долгомъ, прежде чѣмъ начать войну, формально объявить ее.

Войну объявляютъ, посылая своему врагу какой-нибудь символъ, обыкновенно перчатку: это знакъ того, что узы вѣрности порваны (*défi*). Иногда довольствуются угрозой или даже прямо начинаютъ непріятельскія дѣйствія. Въ войну вовлекаются, въ силу закона, фамилии обонхъ противниковъ, такъ какъ родственники обязаны помогать другъ другу до седьмого колѣна. Въ XIII вѣкѣ Бомануаръ задаетъ вопросомъ, возможна ли война между двумя братьями; нѣтъ, отвѣчаетъ онъ,—если они братья по отцу и по матери,—потому что оба они принадлежать къ одному и тому же роду; да—если они имѣютъ лишь одного общего родителя,—потому что тогда за каждого будетъ стоять его семья. Тѣ, у кого есть вассалы, сзываютъ ихъ на службу, и война начинается.

Феодалныя войны чрезвычайно однообразны ¹⁾. Конные воины дѣлаютъ набѣгъ на помѣстья врага, угоняютъ стада, срубаютъ деревья, жгутъ хлѣбъ на полѣ, поджигаютъ деревни, дѣлаютъ насилие надъ крестьянами и иногда избиваютъ ихъ. Цѣль войны—овладѣть замками и захватить самихъ противниковъ, и этого стараются достигнуть или хитростью, или правильными дѣйствіями—сраженіями и осадой. Для осады употребляютъ древнія машины, усовершенствованныя на Востокѣ ²⁾. Сраженіе есть стычка двухъ массъ рыцарей, бросающихся другъ на друга крупной рысью; стараются, главнымъ образомъ, выбить противника изъ сѣдла и повалить его на землю; оруженосецъ, стоящій позади воина, подбѣгаетъ, чтобы схватить сброшеннаго съ коня противника и овладѣть его лошадыю. Плѣнниковъ лишаютъ оружія и увозятъ, обыкновенно привязанными къ лошади. Побѣдитель держитъ ихъ въ своемъ замкѣ, часто скованными или даже запертыми въ под-

¹⁾ Наибольше живыя описанія даютъ *Chansons de gestes*, особенно *Garin de Loherain*.

²⁾ Подробное описаніе осады (именно, осады *Château-Caillard*) можно найти у *Viollet-le Duc*, *Diction. d'architecture*, подъ словами *Siege* и *Château*.

земную тюрьму, пока они не выкупятъ себя за условленную сумму (ransom). Точно такъ же выкупали и замки.

Война была развлеченіемъ и доходнымъ занятіемъ. Опасность была не такъ велика, какъ кажется. Ордерикъ Виталій, рассказывая о Бремюльскомъ сраженіи (1119), прибавляетъ: «Я слышалъ, что изъ 900 сражавшихся рыцарей были убиты только трое; дѣйствительно, они были съ головы до ногъ закованы въ желѣзо и... щадили другъ друга, стараясь не столько убивать, сколько забирать въ плѣнъ».

За недостаткомъ въ войнахъ, рыцари устраивали турниры. Они выстраивались на гладкомъ мѣстѣ двумя отрядами и вступали—иногда съ обыкновеннымъ оружіемъ—въ сраженіе, столь же опасное, какъ и настоящія битвы: на турнирѣ въ Нейссѣ (близъ Кельна), въ 1240 г., пало 60 рыцарей. На турнирахъ также брали противниковъ въ плѣнъ и заставляли ихъ выкупать себя.

Выкупы представляли настолько доходное дѣло, что рыцари и даже сеньеры простирали свои операціи за предѣлы военнаго класса,—на купцовъ, горожанъ, даже духовныхъ лицъ. Они захватывали ихъ на дорогахъ, сажали въ тюрьму и мучили ихъ, чтобы получить выкупъ. Немцы называли этихъ авантюристовъ Raubritter (рыцари-разбойники).

Божій миръ и Божье перемиріе; королевскій миръ.—Этотъ военный режимъ правился только рыцарямъ; на остальномъ населеніи онъ отзывался очень тяжело. А такъ какъ война была общимъ правомъ, то, чтобы прекратить ее, нуженъ былъ спеціальныи актъ, миръ, и, чтобы водворить миръ,—власть, которая могла бы заставить уважать его.

Въ концѣ X-го вѣка церковь сдѣлала попытку водворить миръ, отбирая у рыцарей обязательство прекратить войну. Попытка началась на югѣ Франціи рядомъ провинціальныхъ соборовъ. Сначала имѣлось въ виду только покровительство беззащитнымъ людямъ—крестьянамъ, монахамъ, церковнослужителямъ: кто падалъ на нихъ, подлежалъ отлученію отъ церкви. Это былъ Божій миръ.

Соборъ въ Тулузѣ (1041) пошелъ дальше. Онъ постановилъ, что всѣ войны должны прекращаться на время праздниковъ и воскресенья, на Филипповскій и Великій постъ и на вторую половину каждой недѣли. Это было Божье перемиріе. Оно было утверждено и распространено на всѣ христіанскія страны

Клермонтскимъ соборомъ (1095), на которомъ былъ рѣшенъ первый Крестовый походъ. Это перемиріе дало бы въ году 240 дней мира и свѣло бы войну на 120 дней. Однако, не замѣтно, чтобы оно соблюдалось въ точности.

Чтобы привести въ исполненіе постановленія соборовъ, въ XI вѣкѣ для каждой епархіи (по крайней мѣрѣ, въ одной части Франціи) учредили общество мира подъ управленіемъ епископа. Оно имѣло свою казну, свой судъ и даже свою «армію мира», состоявшую, главнымъ образомъ, изъ прихожанъ, организованныхъ въ видѣ милицій и предводимыхъ священниками. Отъ всѣхъ этихъ учрежденій, которыми ученые много занимались, мы въ концѣ XII вѣка только съ большимъ трудомъ можемъ отыскать нѣкоторые слѣды.

Въ странахъ, гдѣ государь обладаетъ достаточной силой, онъ объявляетъ миръ и всякому, кто нарушитъ его, угрожаетъ большимъ штрафомъ или даже смертью. Въ Нормандіи господствуетъ «миръ герцога», и тотъ же режимъ нормандскіе герцоги вводятъ въ Англии и въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Графъ Барселоны водворяетъ свой миръ въ Каталоніи, графъ Фландрскій—во Фландріи. Въ Германіи многіе императоры объявляютъ королевскій миръ (называемый также «миромъ страны» *Landfrieden*); Фридрихъ Барбаросса издаетъ особый актъ—«письмо мира» (*Friedensbrief*); но всѣ эти попытки терпятъ крушеніе, сталкиваясь съ все болѣе и болѣе укореняющимися привычками, и война становится въ Германіи общимъ правомъ. Что касается короля Франціи, то онъ слишкомъ слабъ, чтобы установить миръ даже только въ своемъ помѣстьи. Самъ Филиппъ Красивый ограничился тѣмъ, что запретилъ войны и турниры на время своихъ войнъ.—Миръ есть въ средніе вѣка исключительное положеніе.

Судъ.—Феодальное общество не знало суда, равнаго для всѣхъ. Судъ, какъ и миръ, не общее право: въ средніе вѣка судъ—привилегія. Для каждаго класса существуетъ особое правосудіе и спеціальныя суды. Духовное лицо подсудно церковнымъ судамъ, горожанинъ—городскому трибуналу. Свободные люди должны были бы являться въ областной судъ, гдѣ председательствуетъ графъ; но эти сѣзды прекратились во Франціи въ X вѣкѣ; въ Германіи, гдѣ они сохранились до XIII столѣтія, кругъ ихъ дѣятельности все болѣе и болѣе суживается. Общественныя суды замѣщаются частными: держатель судится въ сенъеріальномъ,

т. е. домашнемъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ управителя ¹⁾, благородный вассаль—въ феодальномъ судѣ, состоящемъ изъ его пэровъ (равныхъ ему).

Однако, обычное право выработало нѣкоторыя формы, общія всѣмъ свѣтскимъ судамъ. Начало, на которомъ основывается средневѣковое судопроизводство, противоположно принципу римскаго права, продолжающему дѣйствовать въ церковныхъ судахъ. Римскій судъ производился единолично судьей, во имя общества и въ его интересахъ: судья долженъ былъ преслѣдовать преступленія и арестовывать тѣхъ, на кого падало подозрѣнiе; прежде, чѣмъ произнести приговоръ, онъ долженъ былъ выяснитъ себѣ дѣлю, собирая справки, особенно письменныя доказательства; онъ долженъ былъ судить согласно съ разумомъ.

Средневѣковый судъ производится цѣлой группой лицъ—«судомъ», состоящимъ изъ жителей страны (въ феодальномъ судѣ судьями являются «пэры»—люди, по рангу равные сторонамъ); роль предсѣдателя ²⁾ сводится къ тому, что онъ руководитъ судомъ и произноситъ приговоръ.

Судъ дѣйствуетъ не въ интересахъ общества: онъ оказываетъ услугу сторонамъ; поэтому истецъ долженъ обратиться къ нему. Даже вопросъ о существѣ преступленія судъ разсматриваетъ лишь по просьбѣ потерпѣвшаго или его родственниковъ, и уголовный процессъ носитъ характеръ тяжбы между обвинителемъ и обвиняемымъ. Съ обоими обращаются одинаково, обоихъ сажаютъ въ одинаковыя тюрьмы и оба подвергаются одному и тому-же наказанiю, потому что между обвиняемымъ и обвинителемъ нѣтъ разницы. Это называется «accusation par partie formée».

Суду нѣтъ дѣла до выясненія существа тяжбы, до разслѣдованiя истинной исторiи преступленія: онъ рѣшаетъ исключительно на основанiи тѣхъ доказательствъ, которыя представляютъ ему стороны; онъ обязанъ судить не согласно съ разумомъ и справедливостью, а согласно съ формами, установленными обычаемъ. Это судъ формальный, строго-правильный, какъ игра: судьи только слѣдятъ за соблюденiемъ правилъ, судятъ объ ударѣ и объявляютъ, за кѣмъ побѣда. Судопроизводство состоитъ изъ нѣсколь-

¹⁾ О характерѣ сенъерiального суда см. выше, стр. 17—19;—о феодальномъ судѣ см. выше, стр. 41.

²⁾ Нельзя утверждать, что управитель въ судѣ держателей всегда ограничивался этой ролью, по крайней мѣрѣ во Францiи. Произнесенiе приговора держателями было, повидимому, обычно въ Германiи въ XIII вѣкѣ.

кихъ сакраментальныхъ дѣйствій, сопровождаемыхъ установленными словами и слѣдующихъ одно за другимъ, какъ сцены драмы. Истецъ (или обвинитель) проситъ назначить день для суда. Въ назначенный день истецъ излагаетъ свою жалобу и подтверждаетъ ее клятвой. Отвѣтчикъ тотчасъ отвѣчаетъ, повторяя клятву слово за словомъ, и приноситъ присягу. Свидѣтели клянутся въ свою очередь. Затѣмъ слѣдуетъ вызовъ (appel), потомъ поединокъ и наконецъ приговоръ. Достаточно одного слова или движенія, противнаго правиламъ, чтобы тяжущійся былъ осужденъ¹⁾. Въ Лиллѣ тотъ, кто во время присяги шевельнетъ рукой, лежащей на евангелии, теряетъ дѣло. Особенной осторожности требуютъ слова, которыми начинается судопроизводство, потому что они рѣшаютъ, на какой почвѣ будетъ развиваться процессъ. Отсюда происходитъ пословица: «разъ слово вылетѣло, его нельзя призвать назадъ» (Parole une fois envolée—Ne peut plus être rappelée)²⁾.

Въ уголовномъ процессѣ клятва двухъ свидѣтелей влечетъ за собою осужденіе обвиняемаго. Обвиняемый можетъ дать первому свидѣтелю принести присягу, но въ ту минуту, когда второй опускается на колѣни и протягиваетъ руку для клятвы, онъ долженъ объявить, что отвергаетъ его, какъ лжесвидѣтеля и клятвопреступника.

Процессъ можетъ быть рѣшенъ посредствомъ доказательствъ, присяги, поединка или Божьего суда. Доказательство есть древняя римская форма, клятва—варварская. Обычаи Барселонскаго графства различаютъ ихъ очень точно: «доказательствомъ служатъ или показанія свидѣтелей, или письменные акты, или доводы разума, или сужденія. Присяга не есть доказательство, но, за неимѣніемъ доказательства, ее даютъ отвѣтчику или истцу, тому, кого судья считаетъ болѣе правдивымъ и кто обнаруживаетъ болѣе страхъ передъ клятвой».

Доказательство требуетъ вниманія со стороны судей; съ другой стороны, дворяне считаютъ оскорбительнымъ для себя допустить обсужденіе своихъ показаній. Поэтому судъ обыкновенно предпочитаетъ предоставлять рѣшеніе Божьему суду (ордали) или дуэли.

1) Составитель Нормандскаго кутюма сравниваетъ это судопроизводство съ игрой „огъ sus Bernart“, гдѣ играющій долженъ встать при произнесеніи своего имени, подъ страхомъ наказанія (ему мажутъ углемъ лицо).

2) Строгость этой процедуры смягчаютъ, позволяя тяжущемуся спрашивать совѣтовъ и оставлять за собою право *исправлять* (amender) свои слова.

Ордалія.—Ордалія есть древній варварскій институтъ, принятый церковью. Этотъ способъ примѣняютъ къ сторонамъ, которыя не могутъ сражаться,—особенно къ женщинамъ, иногда и къ крестьянамъ. Многія испытанія, примѣнявшіяся въ IX вѣкѣ (испытаніе водой, крестомъ, кускомъ хлѣба), позже вышли изъ употребленія. Въ XI и XII столѣтіяхъ обычный приѣмъ—испытаніе огнемъ, имѣвшее двѣ формы: отвѣтчикъ погружалъ руку въ котель съ кипяткомъ, или бралъ въ руку кусокъ раскаленнаго до красна желѣза. Это желѣзо называлось *juice* (отъ *judicium*, судебное рѣшеніе). Руку завязывали и открывали черезъ нѣсколько дней; если она не была повреждена, то испытываемый выигрывалъ дѣло. Церковь, которая урегулировала Божій судъ, внослѣдствіи уничтожила его (на соборѣ 1215 г.).

Дуэль.—Для мужчинъ, по крайней мѣрѣ для всѣхъ дворянъ, нормальнымъ исходомъ процесса является дуэль, судъ поединкомъ (*appel par bataille*). Отвѣтчикъ (или обвиняемый), вмѣсто того, чтобы оправдываться, вызываетъ истца или его свидѣтеля. Тяжба превращается въ войну: роль суда ограничивается уже только тѣмъ, что онъ опредѣляетъ условія битвы и объявляетъ ея результатъ.

Сраженіе, какъ и все судопроизводство, состоитъ изъ ряда sacramентальныхъ дѣйствій: вызовъ посредствомъ врученія залога битвы (*gage de bataille*), выборъ дня, опредѣленіе «браннаго поля» (*champ clos*) (обыкновенно 125 шаговъ), присяга, объявленіе поединка, сраженіе, признаніе побѣжденнаго. Выборъ оружія опредѣленъ до мельчайшихъ подробностей: въ рыцарскихъ судахъ это—доспѣхи, щитъ и мечъ, въ недворянскихъ судахъ—щитъ и дубина.

Дуэль—излюбленный приѣмъ средневѣковаго общества. Ее примѣняютъ къ крестьянамъ и въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ разрѣшаютъ, какъ привилегію, рабамъ. Даже женщины и немощные могутъ выставлять за себя бойца (*champion*).

Къ дуэли прибѣгаютъ не только въ случаѣ преступленія, но и въ тяжбахъ о собственности или наслѣдствѣ. Ее примѣняли даже для разрѣшенія вопросовъ права. Въ Германіи въ X вѣкѣ Оттонъ I заставилъ биться двухъ бойцовъ, чтобы рѣшить, исключаетъ ли сынъ своихъ внучатныхъ племянниковъ изъ наслѣдства. Въ XIII вѣкѣ Альфонсъ Кастильскій прибѣгаетъ къ дуэли, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли ему ввести въ своемъ королевствѣ римское право.

Въ дворянскихъ судахъ дуэль является даже средствомъ для уничтоженія приговора. Въ принципѣ средневѣковый судъ не знаетъ апелляціи: всякій приговоръ неотмѣнимъ; но проигравшій можетъ *fausser le jugement* (объявить приговоръ ложнымъ), вызывая тѣхъ, кто произнесъ его. Если онъ побѣдитъ въ этомъ сраженіи, приговоръ отмѣняется. Точно такъ же дуэль служитъ и для отвода свидѣтеля.

Признаніе, наказаніе.—Все это формальное судопроизводство примѣняется къ сомнительнымъ случаямъ, когда отвѣтчикъ отрицаетъ проступокъ, въ которомъ его обвиняютъ; осужденіе достигается лишь съ большимъ трудомъ и значительнымъ рискомъ для обвинителя и его свидѣтелей. Наоборотъ, когда преступникъ захваченъ на мѣстѣ преступленія, судъ коротокъ: свидѣтельства схватившихъ его достаточно для его осужденія; крохотокъ судъ и тогда, когда преступникъ признается въ своемъ преступленіи, въ особенности если это чужой или бродяга. Поэтому для судьи—большой соблазнъ довести преступника до признанія путемъ пытки. Такимъ образомъ «допросъ» становится въ концѣ XV вѣка всеобщимъ обычаемъ ¹⁾.

Наказаніе строго опредѣлено обычаемъ, но крайней мѣрѣ въ недворянскихъ судахъ. Убийцу обезглавливаютъ, вора вѣшаютъ, душегубца сажаютъ на колъ и потомъ вѣшаютъ. Женщинъ вмѣсто того, чтобы вѣшать, зарываютъ живыми въ землю. Если преступникъ умеръ, то казнятъ его трупъ, если бѣжалъ—его избраженіе. Съ самоубійцей поступаютъ, какъ съ убійцей самого себя. Животное, которое убило человѣка, вѣшаютъ или зарываютъ живымъ.

Кутюмъ.—Средневѣковое общество не знаетъ никакого другого правила, кромѣ кутюма (обычая). Оно плохо усваиваетъ законъ, установленный законодательной властью. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда государь чувствовалъ необходимость измѣнить обычай, онъ дѣлалъ это лишь послѣ того, какъ созывалъ всѣхъ знатныхъ страны и спрашивалъ ихъ совѣта.

Въ разныхъ странахъ кутюмы различны. «Во всемъ королевствѣ», говоритъ Бомануаръ, «нельзя было бы найти двухъ кастелянствъ, гдѣ во всѣхъ случаяхъ примѣнялись бы одни и тѣ же кутюмы».

¹⁾ Судопроизводство путемъ *следствія*, послужившее образцомъ, съ одной стороны, для англійскаго *жюри*, съ другой—для церковной инквизиціи, является до конца XIII вѣка лишь исключительнымъ способомъ.

Они различны для дворянъ, горожанъ, духовныхъ и крестьянъ; и это еще больше заставляет уважать кутюмъ, потому что онъ составляет частную собственность (привилегію) каждого класса. Онъ не изложенъ на бумагѣ: онъ основывается на прецедентахъ, сохраняющихся въ памяти живыхъ. Когда его хотятъ опредѣлить, то производятъ слѣдствіе и каждый излагаетъ то, что на его памяти дѣлалъ въ аналогичныхъ случаяхъ. Для средневѣковаго человѣка справедливое—то, что всегда дѣлалось,—«добрый обычай»; несправедливое—новшество (*nouvelle*). Каждое поколѣніе старается подражать предыдущему и прогрессируетъ только по незначію или необходимости. Послѣдствіемъ этого уваженія ко всему, что установлено, является послѣдственности, которая въ средніе вѣка простирается не только на собственность, но и на всякое пріобрѣтенное положеніе: сынъ естественно занимаетъ мѣсто своего отца.

Рыцарская мораль.—Нравы феодальнаго рыцарства вносятся въ это общество, которое кутюмъ сдѣлалъ неподвижнымъ, безпрестанную смуту. Рыцарская мораль основывается на началахъ, расходящихся съ кутюмомъ и противорѣчащихъ другъ другу. Феодальная (вѣрнѣе—вассальная) мораль предписываетъ рыцарю соблюдать клятву вѣрности своимъ товарищамъ, своему сеньеру и вассалу. Закономъ по преимуществу является вѣрность; лойяленъ (*loyal, legalis*) тотъ, кто сохраняетъ вѣрность; лойяльность есть вѣрность своему слову; честный человѣкъ (*le preux, probus*)—вмѣстѣ и вѣренъ, и храбръ. Между людьми, связанными вѣрностью, не должно быть ссоръ; такъ и понимается дѣло въ *Chansons de gestes* (напр., въ *Renaud de Montauban*, гдѣ герой, будучи вынужденъ сражаться со своимъ сеньеромъ, старается не причинить ему вреда, или въ *Raoul de Cambrai*, гдѣ Бернъ остается вѣренъ своему сеньеру Раулю, который поступилъ съ нимъ дурно).—По строгой логикѣ, если возникаетъ несогласіе между вассаломъ и его сеньеромъ или даже между вассалами одного и того же сеньера, они должны передать дѣло на рѣшеніе сеньеріальнаго суда, составленнаго изъ пэровъ вассала; такъ говорятъ и теоретики феодальнаго права, составившіе Іерусалимскіе Ассизы. Во имя вѣрности вассалъ можетъ заклинать (*conjuger*) сеньера оказать ему правосудіе; сеньеръ можетъ требовать (*semondre*) своего человѣка къ себѣ на судъ (*venir faire droit*). Творить судъ сеньеръ предоставляетъ своимъ людямъ; онъ долженъ быть «уравновѣшанными вѣсами

для исполненія того, что рѣшилъ судъ». Такимъ образомъ, всякій дворянинъ можетъ получить судъ равныхъ себѣ и обязанъ подчиняться ихъ приговору.

Но, съ другой стороны, идеаль рыцаря—сильный и смѣлый воинъ, Карлъ Великій псевдо-тюрпиновской хроники, который «однимъ ударомъ меча разрубаеъ воина на конѣ и въ доспѣхахъ, отъ макушки донизу вмѣстѣ съ лошадыю», который «безъ труда разгибаеъ заразъ четыре подковы», «поднимаеъ до головы рыцаря въ доспѣхахъ, стоящаго на его рукѣ», «сѣдаеъ за обѣдомъ четверть барана, или двухъ куръ, или гуся». Такой человекъ никогда не отступаетъ и никого не боится. Поэтому онъ и дорожитъ своей репутаціей: «Лучше умереть, чѣмъ быть названу трусомъ».

И чтобы не заслужить имени труса, рыцарь способенъ на всякое насиліе. Его правило жизни—честь (слово новое, незнакомое древнимъ), чувство, состоящее изъ гордости и тщеславія, руководящее дворянствомъ Европы до XVIII столѣтія. Честь обязываетъ рыцаря не допускать ничего, что, по его мнѣнію, кѣмъ-либо въ мірѣ можетъ быть понято, какъ отступленіе. На практикѣ это чувство обращается въ обязанность драться со всякимъ, кто оспариваетъ у него какое-нибудь право, на которое онъ претендуетъ.

Такимъ образомъ, честь сталкивается съ вѣрностью, и феодальная мораль не разрѣшаеъ этого противорѣчія. Оно служитъ завязкой дѣйствія во многихъ *Chansons de gestes* ¹⁾, и въ дѣйствительности не было недостатка въ такихъ фактахъ, о какихъ сообщаетъ намъ ²⁾ одинъ документъ XI вѣка, написанный варварской латынью, изъ исторіи распріи между Гуго Лузиньяномъ и его сеньеромъ Вильгельмомъ Аквитанскимъ.

Феодальныя государства.—Феодальный порядокъ не устанавливалъ между жителями одной и той же страны ни одного изъ тѣхъ отношеній, которыя кажутся намъ необходимыми для образованія государства. Тогда не было ни государственнаго налога, ни государственной военной службы, ни государственныхъ судовъ,—а исключительно частныя повинности, частная военная служба, частные суды (судъ собственника, судъ сеньера).

Общимъ правомъ была безусловная независимость всякаго

¹⁾ Girard de Roussillon, Garin le Loherain, Raoul de Cambrai, Renaud de Montauban.

²⁾ *Historiens de France*, т. XI, стр. 534 и слл.

собственника, достаточно богатаго для содержанія себя самого и своихъ людей; а съ тѣхъ поръ, какъ вассальная связь ослабѣла, феодальный сеньеръ сдѣлался такимъ же сувереномъ, какъ и владѣлецъ аллода. Въ этомъ смыслѣ говорили въ XIII вѣкѣ: «Всякій баронъ—суверенъ въ своей бароніи», и вотъ почему Гизо опредѣляетъ феодальный порядокъ, какъ «смѣшеніе собственности съ самодержавіемъ». Точнѣе было бы сказать, что собственность становится на мѣсто самодержавія, которое вышло изъ употребленія. Сеньерія есть государство въ миниатюрѣ, со своимъ собственнымъ войскомъ, своимъ кутюмомъ, своимъ *ban* (приказъ сеньера), своимъ судомъ, своей висѣлицей; люди, населяющіе его, называютъ тѣхъ, которые живутъ за его предѣлами,—*forains* (чужеземцы).

Во Франціи, особенно въ X вѣкѣ, такихъ самостоятельныхъ государствъ было больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Ихъ число не установлено, но оно безъ сомнѣнія превышало десять тысячъ. Меньше была раздроблена Испанія, гдѣ христіане оставались сгруппированными вокругъ своихъ военныхъ вождей; еще меньше—Германія, гдѣ король сохранилъ нѣкоторую силу: здѣсь продолжало господствовать правило, что *ban* (право уголовного суда) не долженъ переходить въ третьи руки, т. е. ниже вассаловъ короля.—Но по мѣрѣ того, какъ общество пріобрѣтало осѣдлость и цивилизовалось, обособленность уменьшалась и начали складываться, даже во Франціи, настоящія феодальныя государства.

Въ каждой области былъ одинъ сеньеръ, болѣе могущественный, чѣмъ остальные, обыкновенно потомокъ каролингскаго должностнаго лица, почти всегда облеченный должностнымъ званіемъ, обратившимся въ титулъ (герцогъ или графъ), но иногда лишенный всякаго титула (какъ, на примѣръ, *sire de Bourbon*, *sire de Beaujeu*). Онъ былъ первымъ лицомъ страны; онъ унаслѣдовалъ или пріобрѣлъ огромныя помѣстья, которыя давали ему княжескій доходъ и дѣлали его господиномъ нѣсколькихъ тысячъ держателей; почти вся территорія находилась отъ него въ феодальной зависимости, потому что остальные сеньеры рано или поздно признавали себя его вассалами; такимъ образомъ, почти все дворяне округа были его вассалами.

Къ этимъ правамъ собственника и сеньера присоединялись права, не стоявшія въ связи съ феодализмомъ,—господство надъ древними городами, доставлявшее ему доходъ и милицію, покровительство церквамъ, и часто государственныя права (регалія, че-

канка монеты, подать съ евреевъ, съ рѣкъ, съ кладовъ). Его дворъ былъ объединяющимъ центромъ всей страны: тамъ давались рыцарскія празднества, тамъ находился высшій судъ, который въ нѣкоторыхъ провинціяхъ обратился въ парламентъ, тамъ была отчетная палата, сдѣлавшаяся Счетной Камерой, тамъ происходило собраніе нотаблей, обратившееся въ Штаты.

Размѣры этихъ территорій были очень различны, смотря по географическимъ условіямъ и по могуществу главнаго сеньера. Они не были утверждены и безпрестанно измѣнялись, увеличиваясь путемъ завоеваній, браковъ и наслѣдствъ, уменьшаясь благодаря дѣлѣжамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ территорій исчезли (герцогство Гасконское, графство Вермандуа), другія возникали (Артуа). Въ общемъ онѣ скорѣе увеличивались. Главные сеньеры въ концѣ-концовъ (около XII вѣка) установили, чтобы ихъ помѣстье, какъ и титулъ, впредь не дѣлилось между дѣтьми и дѣликомъ переходило къ старшему. Съ этихъ поръ образованіе феодальныхъ государствъ можетъ считаться почти законченнымъ и границы провинцій—упроченными.

Этотъ процессъ совершился не одинаковымъ образомъ во всей Европѣ.

Во Франціи, гдѣ дробленіе въ X вѣкѣ достигло крайнихъ предѣловъ, образованіе феодальныхъ государствъ совершается въ XI вѣкѣ и заканчивается въ XII; ихъ около сорока. Лишь немногія принадлежатъ епископамъ; въ большей части господствуютъ свѣтскіе князья; они называютъ себя сначала герцогами или графами, а позже (въ XII вѣкѣ) прибавляютъ къ этому титулу имя своей области (герцогъ Бургундскій, графъ Анжуйскій, графъ Провансскій). Такъ сложились провинціи. Каждая изъ нихъ остается независимымъ государствомъ, пока французскій король не присоединяетъ ее къ своимъ владѣніямъ, становясь на мѣсто герцога или графа.

Въ Англіи, гдѣ король сохранилъ непосредственную власть надъ всѣмъ королевствомъ, феодальныхъ государствъ не было.

Въ Испаніи, гдѣ древнее христіанское королевство было уничтожено мусульманами, главы христіанскихъ областей поступали такъ, какъ поступилъ въ концѣ IX вѣка князь Наваррскій, о которомъ одна хроника говоритъ: «Возсталъ король въ Нампелунѣ». Каждый изъ нихъ принималъ титулъ короля и было столько же королевствъ, сколько провинцій.

Въ Италіи и Германіи дробленіе, благодаря противодѣйствию

императорской власти, совершилось позже. Феодальныя государства образовались только въ XIII вѣкѣ, и въ болѣе разнообразныхъ формахъ, нежели во Франціи:—въ Италіи—благодаря папству, сицилійскимъ норманнамъ и могуществу городовъ,—въ Германіи—потому, что часть земель принадлежала духовнымъ князьямъ и что между свѣтскими князьями долѣе держался обычай дѣлить помѣстье между всѣми сыновьями.

Но во всѣхъ странахъ феодальныя государства, разъ сложившись, дѣятельно способствовали разрушенію того, что еще оставалось отъ феодальнаго порядка.

ГЛАВА II.

Папство и имперія. Споръ объ инвеституръ.

(1049 — 1122).

I.—Гильдебрандъ и папство отъ 1049 до 1073 г.

Около середины XI вѣка имперія кажется всемогущей, папство—безсильнымъ. Императоръ господствуетъ въ церкви, онъ выбираетъ папъ, и сами римляне уступили ему это право; но чрезмѣрность этого униженія вызываетъ могущественную реакцію. Существуетъ многочисленная партія, которая, въ виду расколовъ и беспорядковъ въ церкви, требуетъ реформъ; ее вдохновляетъ и руководитъ ею клонійскій орденъ, вліяніе котораго распространяется по всему христіанскому міру. Изъ среды этой партіи встаетъ человѣкъ рѣдкихъ дарованій и рѣдкой энергіи, Гильдебрандъ, позже Григорій VII; онъ задается цѣлью укрѣпить церковь и папство, освободить ихъ отъ земныхъ властей и подчинить имъ императора и королей. Поэтому Римъ—то мѣсто, откуда можно наблюдать, какъ развиваются, въ теченіе второй половины XI вѣка, судьбы папства и имперіи.

Гильдебрандъ; его характеръ; его принципы.— Гильдебрандъ родился въ Соанѣ въ Тосканѣ, около 1020 года. Его отецъ, Бонизо, былъ крестьянинъ. Къ этому надо прибавить, что онъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ въ монастырь; любопытно отмѣтить плебейское и монастырское происхожденіе великаго преобразователя церкви. Онъ рано сталъ жить въ Римѣ, въ монастырѣ св. Маріи на Авентинѣ. Онъ жилъ здѣсь въ то время, когда во всемъ христіанскомъ мірѣ, и особенно въ монастыряхъ, говорили о необходимости возстановить порядокъ и дисциплину въ церкви. Онъ присутствовалъ при вступленіи на престолъ Григорія

VI, который купилъ первосвященство, но хотѣлъ воспользоваться имъ для проведенія реформъ; онъ присутствовалъ и при его низложеніи, когда на соборѣ въ Сутри (1046) Григорій смиренно призналъ свою вину: «Я, Григорій, слуга слугъ Божьихъ, признаю себя недостойнымъ римскаго первосвященства по причинѣ позорной симоніи и продажности, которая, благодаря коварству дьявола, исконнаго врага людей, вкралась въ мое избраніе на Святой Престолъ». Вслѣдъ за этими событіями Гильдебрандъ покинулъ Римъ и вступилъ въ Ключи; по ошибкѣ думали, что онъ сдѣлался здѣсь настоятелемъ. Эти первыя впечатлѣнія молодости оставили въ немъ глубокіе слѣды. Съ этихъ поръ его пламеннымъ духомъ всецѣло овладѣваетъ мысль поднять церковь изъ ея упадка. Все окружающее поддерживало и усиливало въ немъ эти чувства: онъ жилъ въ томъ могущественномъ монастырѣ, который былъ тогда какъ бы сердцемъ христіанскаго міра; всегда занятая одной и той же мыслью, его душа скоро закалилась. Когда онъ вышелъ изъ Ключи, онъ былъ уже вооруженъ тѣми безусловными и ясными принципами, отъ которыхъ позже ничто не могло заставить его уклониться.

Никогда верховенство императора надъ папою не казалось болѣе упроченнымъ: престолъ Святого Петра занимали исключительно нѣмцы, избранные императоромъ: послѣ Климента II, умершаго въ октябрѣ 1047 года, — Дамасій. Когда послѣдній вскорѣ умеръ (августъ 1048 г.), Генрихъ III на вормсеккомъ сеймѣ выбралъ епископа тульскаго Бруна, своего вѣрнаго совѣтника. Новый папа сблизился съ императорскою фамиліею, но былъ горячимъ приверженцемъ ключійской реформы. Онъ принялъ имя Льва IX. Готовясь къ путешествію въ Римъ, онъ — не то въ Вормсѣ, не то въ Безансонѣ — познакомился съ Гильдебрандомъ. Если устранить легенды, которыми окружили эту встрѣчу, то останется тотъ несомнѣнный фактъ, что Гильдебрандъ покинулъ Ключи, вернулся въ Римъ въ февралѣ 1049 года вмѣстѣ съ Львомъ IX и сдѣлался однимъ изъ его совѣтниковъ. Такъ началась его политическая дѣятельность. Хронологически она дѣлится на два обширныхъ періода: до, и послѣ его избранія на папскій престолъ. По существу она представляетъ полное единство: Гильдебрандъ на дѣлѣ былъ папою задолго до того, какъ получилъ это званіе; онъ правилъ церковью съ молодыхъ лѣтъ и по принципамъ, которые не измѣнялись.

Во внѣшности Гильдебранда не было ничего внушительнаго: онъ былъ малъ ростомъ, довольно тученъ и коротконогъ. Духовно

въ немъ соединились страстность характера и ясный, точный, истинно-политическій умъ. Его воля была непреклонна; какъ всё, посвятившіе свою жизнь одной идеѣ, обратившіе свои взоры на одну цѣль, онъ не зналъ состраданія къ врагамъ, былъ недоступенъ вліянію чувства, не обращалъ вниманія на личность. Будучи убѣжденъ въ законности той абсолютной власти, которой онъ требовалъ, онъ не допускалъ возможности злоупотребленія ею съ своей стороны. Онъ не видѣлъ опасности церковной тиранніи, которая, подъ предлогомъ преобразованія церкви, отдала бы ее на произволъ личнымъ качествамъ папъ и подорвала бы жизнеспособность ея учрежденій.

Онъ самъ изложилъ свои принципы на многихъ страницахъ своей переписки. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ документовъ извѣстенъ подъ именемъ *Dictatus papae*; его подлинность теперь, повидимому, уже не оспаривается, но это былъ, вѣроятно, не официальный документъ, а нѣчто въ родѣ памятной записки, служившей ему для личнаго употребленія. Онъ состоитъ изъ двадцати семи положеній, сухихъ, острыхъ какъ мечъ, проникнутыхъ одной мыслью: верховенство папы надъ церковью и князьями. «Только римскій первосвященникъ можетъ быть называемъ вселенскимъ.—Его имя едино въ мірѣ.—Только онъ можетъ низлагать епископовъ и вновь возвращать имъ санъ.—Только онъ можетъ издавать новые законы, соединять или дѣлить епархіи.—Безъ его повелѣнія никакой соборъ не можетъ называться всеобщимъ.— Онъ не можетъ быть судимъ никѣмъ.—Никто не можетъ осудить того, кто ашелируетъ на приговоръ къ апостольскому престолу.— Важныя дѣла каждой церкви должны подлежать его рѣшенію.— Римская церковь никогда не ошибалась и никогда не впадетъ въ ошибку.— Римскій первосвященникъ имѣетъ право низлагать императоровъ.— Онъ можетъ разрѣшать подданныхъ отъ клятвы вѣрности неправеднымъ государямъ». Вся его дальнѣйшая дѣятельность есть лишь развитіе и примѣненіе этихъ положеній.

Онъ не изобрѣлъ этихъ теорій; онъ нашелъ ихъ элементы въ арсеналѣ каноническаго права, въ постановленіяхъ соборовъ, въ посланіяхъ папъ, въ сборникѣ Лже-исидоровыхъ декреталій, пріобрѣвшемъ официальный авторитетъ; но приведя въ систему эти матеріалы, онъ сообщилъ имъ новую силу и важность, онъ построилъ изъ всѣхъ этихъ частей то теократическое государство, о которомъ мечтали и которое подготавливали столько папъ до него. Такимъ образомъ, онъ является одновременно и человѣкомъ тра-

диціи—по текстамъ, на которые онъ опирается, и новаторомъ—по употребленію, которое онъ дѣлаетъ изъ нихъ. Это выразилъ уже одинъ изъ его современниковъ: «онъ тщательно отыскивалъ всѣ апостольскія преданія, и, собравъ ихъ, направилъ свои усилія къ тому, чтобы осуществить ихъ».

Преобразование папскихъ выборовъ.—По отношенію къ имперіи папство было рабомъ; для того, чтобы оно могло возстановить церковь, его надо было освободить. Уже новый ставленникъ императора, Левъ IX, — безъ сомнѣнія, подчиняясь совѣтамъ Гильдебранда, — тотчасъ по вступленіи въ Римъ созываетъ жителей, объявляетъ имъ, что останется папою только при ихъ согласіи, и этимъ отвергаетъ самый актъ, которымъ была вручена ему власть. На соборахъ въ Реймсѣ и Майнцѣ (1049), на нѣсколькихъ римскихъ соборахъ онъ предаетъ проклятію епископовъ, запятнавшихъ себя симоніей. Въ Италіи онъ старается упрочить свою власть. Жители Беневента, возмущившіеся противъ своихъ князей Пандульфа и Ландульфа, отдають себя подъ его власть: онъ принимаетъ ихъ. Онъ соединяется съ сеньерами южной Италіи противъ норманновъ, но терпитъ пораженіе при Чивителлѣ (1053) и принужденъ отступить грѣхъ своимъ побѣдителямъ.

Мы имѣемъ мало точныхъ свѣдѣній о роли, которую игралъ Гильдебрандъ во время правленія Льва IX. Сдѣлавшись настоятелемъ монастыря Св. Павла, что за стѣнами (S. Paolo fuori le mura), онъ преобразовываетъ его. Въ 1054 году, будучи посланъ легатомъ во Францію, онъ собираетъ синодъ въ Турѣ для разрѣшенія спора между Ланфранкомъ и Беренгаромъ, архидиакономъ анжерскимъ, который отрицалъ истинное присутствіе тѣла и крови Христовой въ евхаристіи. По смерти Льва IX (апрѣль 1054 г.), уже всемогущій при папскомъ дворѣ, онъ однако еще не пытается свергнуть императорское иго: его удерживаетъ, безъ сомнѣнія, страхъ—съ одной стороны, передъ Генрихомъ III, съ другой—передъ римскими феодальными партіями. Онъ лично отпрапляется въ Германію просить у императора новаго папы; выборъ падаетъ на эйхштадтскаго епископа, который принимаетъ имя Виктора II. Но со смертію послѣдняго (іюль 1057 года) картина совершенно мѣняется. Генриха III уже нѣтъ въ живыхъ (онъ умеръ въ октябрѣ 1056 г.): минута благоприятна для плановъ Гильдебранда.

Могущество франконскаго дома было, дѣйствительно, въ большой опасности. Два первыхъ франконскихъ императора заставили своихъ противниковъ смириться; но это была лишь видимая по-

корность. Саксонія сожалѣетъ о томъ времени, когда имперіей правила саксонская династія. На западѣ снова возсталъ герцогъ Готфридъ Бородатый, требуя себѣ всю Лотарингію. Война господствуетъ во всѣхъ углахъ этой Германіи, унизанной замками, гдѣ даже аббатства похожи на крѣпости. На востокѣ, въ Венгріи, вспыхиваетъ въ 1047 г. новая революція: король Петръ, вассалъ Генриха III, свергнуть. Въ другой части страны венды, въ самый годъ смерти императора, уничтожили имперскую армію. Въ Италіи, на сѣверѣ, при переходѣ черезъ Альпы, маркизы Сузскій и Туринскій держатъ въ своихъ рукахъ сообщеніе съ югомъ. Въ центрѣ образовалась грозная сила: Бонифацій, маркизь Тосканскій, графъ Мантуи, Модены и Реджин, уже представилъ доказательство того, какъ мало можно полагаться на его вѣрность; и вотъ, два года спустя послѣ его смерти (онъ былъ убитъ въ 1052 году) его вдова Беатриче выходитъ замужъ за Готфрида Бородатаго, герцога Лотарингіи, который былъ изгнанъ послѣ своего возстанія. Возбѣщенный Генрихъ III заключилъ въ тюрьму Беатриче и ея дочь Матильду—позже маркграфиню Тосканскую; но Готфридомъ онъ не могъ овладѣть, и, потерявъ надежду, онъ попытался примириться съ нимъ, освободивъ своихъ плѣнницъ.

Лицомъ къ лицу со столькими опасностями оказался шестилѣтній ребенокъ, сынъ Генриха III, Генрихъ IV, помазанный на царство въ Ахенѣ, въ 1054 году, и находившійся подъ опекою императрицы Агнесы и архіепископа кельнскаго Ганнона. Смерть Генриха III была сигналомъ къ анархіи. «Князья», говоритъ Адамъ Бременскій, «возмущаются тѣмъ, что принуждены подчиняться власти женщины или ребенка; они требуютъ назадъ свою древнюю свободу; затѣмъ они спорятъ о первенствѣ; наконецъ они составляютъ заговоръ съ цѣлью свергнуть своего короля и господина». Повсюду идетъ кровопролитная война, и правительницѣ удается спасти франконскій домъ только урѣзавъ императорскую власть многочисленными уступками.

Итакъ, въ Римѣ поле дѣйствій свободно для Гильдебранда. По смерти Виктора II (іюль 1057 года) римляне выбрали и посвятили на первосвященство брата Готфрида Бородатаго, монтекассинскаго аббата кардинала Фридриха. Гильдебранда не было въ Римѣ, но новый папа, Стефанъ IX, былъ ему по сердцу. Его приверженцы утверждали, что императорскій престолъ свободенъ, такъ какъ Генрихъ IV не былъ вѣнчанъ въ императоры, и что право избранія принадлежитъ римлянамъ. Стефанъ IX возводитъ

въ санъ кардинала Остинъ Петра Даміана, пылкаго представителя духа реформы; одинъ изъ его вѣрныхъ совѣтниковъ, кардиналъ Гумбертъ, издаетъ сочиненіе противъ симонистовъ, гдѣ страстно нападаетъ на присвоенное себѣ свѣтскими князьями право давать инвеституру епископамъ посохомъ и кольцомъ. Но Стефанъ IX вскорѣ умираетъ (мартъ 1058 г.), и политика Гильдебранда подвергается большой опасности. Съ IX вѣка папскіе выборы были игрушкою въ рукахъ то императоровъ, то феодальныхъ партій; въ 1058 г. тускуланскіе графы и Кресценціи, когда-то враги, соединились, и лига бароновъ провозгласила папою епископа Веллетри, который принялъ имя Бенедикта X. Стефанъ IX запретилъ на синодѣ подъ страхомъ анаемы приступать къ новымъ выборамъ до возвращенія Гильдебранда, который былъ тогда въ Германіи. Въ виду этого насилія, Гильдебранду удается примирить на минуту императрицу Агнесу и Готфрида Бородатаго; онъ возводитъ на папскій престолъ епископа флорентійскаго, Николая II. Готфридъ, имперскій канцлеръ Гвибертъ, архіепископъ равеннскій и Гильдебрандъ берутъ на себя трудъ провести новаго папу въ Римъ и прогнать Бенедикта X (1059). Въ этомъ году Гильдебрандъ становится архидіакономъ римской церкви.

Чтобы обуздывать римскихъ бароновъ, надо было имѣть подъ рукою проворныхъ союзниковъ. Гильдебрандъ отправился вести переговоры съ норманнами; они обязались защищать папу. Въ февралѣ они уже ведутъ борьбу съ приверженцами Бенедикта X. Въ іюніѣ Николай II отправляется на югъ Италіи; онъ созываетъ соборъ въ Мельфи, уступаетъ Роберту Гюискару, вмѣстѣ съ титуломъ герцога Калабріи, Апулію и, условно, Сицилію; взаменъ этого Робертъ клянется быть вѣрнымъ союзникомъ римской церкви.

Не пора ли было измѣнить систему папскихъ выборовъ, недостатки которой обнаружались теперь лишній разъ, и рѣшительной реформой предупредить безпрестанно возобновляющіяся смуты? Въ апрѣлѣ 1059 года, на соборѣ въ Римѣ, Николай II обнародовалъ знаменитый декретъ, который въ основѣ измѣнилъ организацію папства: «Вооружившись авторитетомъ нашихъ предшественниковъ и другихъ святыхъ отцовъ, мы приказываемъ и постановляемъ, чтобы, въ случаѣ смерти первосвященника римской церкви, кардиналы-епископы предварительно обсудили съ величайшимъ вниманіемъ вопросъ о выборѣ, потомъ привлекли къ совѣщанію кардиналовъ-священниковъ, и затѣмъ спросили у остальнаго духовенства и у народа согласія на новое избраніе; чтобы

предупредить всякую попытку къ подкупу, пусть производятъ избраніе церковнослужители, а остальные слѣдуютъ за ними. Если церковь (римская) предлагаетъ кого-нибудь, обладающаго необходимыми качествами, пусть его выберутъ; если нѣтъ, пусть возьмутъ его изъ другой церкви. Почетъ и уваженіе, слѣдуемые сыну нашему королю Генриху, теперь королю, а въ будущемъ, если будетъ на то воля Божья, императору, да будутъ сохранены, какъ мы уже обѣщали ему, — точно такъ же и его преемникамъ, которые лично получаютъ этотъ санъ отъ апостольскаго престола. Если злоба нечестивыхъ и дурныхъ людей будетъ настолько сильна, что окажется невозможнымъ приступить въ Римѣ къ непорочному, правдивому и свободному отъ симоніи избранію, — пусть кардиналы-епископы присоединятъ къ себѣ священство и свѣтскихъ католиковъ, хотя бы въ небольшомъ числѣ, и пусть они имѣютъ право, въ согласіи съ Царемъ непобѣдимымъ, выбрать первосвященника апостольскаго престола въ томъ мѣстѣ, гдѣ то покажется имъ наиболѣе удобнымъ. Вѣчная анаѣема и отлученіе дерзкому, который не послушается нашего указа и въ самонадѣянности своей будетъ пытаться поработить и смутить церковь римскую! Да испытаетъ онъ въ этой жизни и въ жизни будущей гнѣвъ всемогущаго Бога и ярость апостоловъ Петра и Павла, церковь которыхъ онъ хотѣлъ погубить! Да будетъ домъ его пусть, да сдѣлаются его дѣти сиротами, его жена вдовою, да будутъ изгнаны онъ и его сыновья, да будутъ они принуждены выпрашивать свой хлѣбъ и лишены жилища! Пусть лихоимецъ изведетъ себя надъ своимъ добромъ, да будетъ разграбленъ плодъ его трудовъ, да возстанетъ на него вся земля, да будутъ ему враждебны всѣ стихіи» ¹⁾).

Слѣдствіемъ этой смѣлой мѣры было образованіе лиги изъ римскихъ бароновъ и приверженцевъ императорскихъ правъ. Въ іюль 1061 года, когда умеръ Николай II, феодальная партія рѣшила поднести молодому Генриху IV званіе патриція, вмѣстѣ съ правомъ избранія папы. Во главѣ этого заговора стоялъ Гвибертъ, архіепископъ равеннскій и канцлеръ Ломбардіи. Въ то самое время, когда Гильдебрандъ заставилъ кардиналовъ избрать въ папы Александра II, не спрашивая даже согласія императора, нѣмецкіе епископы и нѣсколько ломбардскихъ, съ своей стороны, избрали

¹⁾ Существуютъ три редакціи этого декрета, представляющія нѣкоторые важные варіанты; всѣ три синоптически изданы Hinschius'омъ (*Kirchenrecht*, т. I. стр. 248). См. также Scheffer-Boichorst, *Die Neuordnung der Papstwahl durch Nikolaus II*, и два текста, приведенные у Doeberl, *Monumenta Germaniae selecta*, стр. 11 и сл.

въ Базелѣ (октябрь 1061 г.) анти-папу Кадала, епископа Пармскаго. Петръ Даміанъ, союзникъ Гильдебранда, въ своей *Disceptatio synodalis* изложилъ аргументы, которые одна партія выставяла противъ другой. Кадалъ вступилъ въ Римъ. Началась настоящая война, въ которой Александра II поддерживали норманны; побѣда осталась за нимъ, и въ 1064 г., на соборѣ въ Мантуѣ, Германія, благодаря вліянію архіепископа кельпскаго Ганяона, признала его папой.

II.—Григорій VII и преобразование церкви.

Избраніе Григорія VII.—Гильдебрандъ торжествовалъ; онъ одинъ избиралъ папъ; выше его въ церкви не было авторитета. «Я уважаю папу», писалъ ему иронически Петръ Даміанъ, «но тебѣ я поклоняюсь, простершись ницъ: ты дѣлаешь его господиномъ, а онъ тебя—Богомъ»:

*Param rite colo, sed te prostratus adoro,
Tu facis hunc dominum, te facit ipse deum,—*

и, жалуясь на его непреклонную и суровую энергію, на его честолюбіе, онъ называетъ его «своимъ святымъ саганой». Тиранія Гильдебранда надъ церковью уже тревожила того, кто страстиѣ всѣхъ требовалъ реформъ. Петръ Даміанъ умеръ въ 1072 г. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Гильдебрандъ былъ избранъ въ папы; онъ взялъ въ свои руки ту первосвященническую власть, которою уже много лѣтъ распоряжался отъ имени другого. Его избраніе не было произведено согласно съ декретомъ 1059 года, изданнымъ по его мысли и настоянію; на другой же день послѣ смерти Александра II народъ, собравшись въ Латеранской церкви св. Іоанна, поднялъ крикъ: «Да будетъ Гильдебрандъ нашимъ епископомъ!» Кардиналь Гуго обратился къ толпѣ со словами: «Братья, вы знаете, насколько Гильдебрандъ со времени Льва IX возвысилъ римскую церковь и освободилъ нашъ городъ. Мы не найдемъ папы, который былъ бы лучше его или даже равенъ ему; поэтому слѣдуетъ избрать его, который, будучи посвященъ въ нашей церкви, извѣстенъ въ ней всѣмъ и въ ней показалъ свои дарованія». Со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: «Св. Петръ избралъ Григорія въ папы!» Гильдебранда привели въ церковь *S. Pietro in Vincoli* и приступили къ его посвященію, несмотря на его сопротивленіе.

Такъ начинается это правленіе, которое какъ въ религіозной, такъ и въ политической исторіи является началомъ новой эпохи. Если выдѣлить изъ среды наполняющихъ его драматическихъ моментовъ его основныя черты, то онѣ сведутся къ двумъ главнымъ фактамъ: Григорій VII хотѣлъ преобразовать вселенскую церковь, подчинивъ ее абсолютной власти папы; онѣ хотѣлъ освободить ее отъ вліянія свѣтскаго общества и отъ власти императоровъ и королей. Обѣ части этой программы тѣсно связаны между собою; однако, для болѣе стройности изложенія, ихъ удобіе разсмотрѣть одну встѣдъ за другой.

Папство и церковное управленіе.—Въ первые вѣка своего существованія христіанская церковь представляла совокупность общинъ, главы которыхъ избирались папствоу путемъ голосованія и которыя были связаны одна съ другой непрерывными сношеніями. Въ средѣ этой организаціи рано обнаружилось первенство римской церкви, возникшее благодаря причинамъ религіознаго и вмѣстѣ политическаго свойства. Начиная съ IV вѣка всѣ условія содѣйствовали усиленію этой власти. Если въ IX и X столѣтіяхъ беспорядки въ куріи, предпріятія римскихъ бароновъ и вмѣшательство императоровъ значительно ослабили ее на практикѣ, то въ теоріи папа оставался главою христіанства. Однако, власть папы надъ церковью никогда не считалась абсолютной; ее ограничивало множество различныхъ учрежденій: соборы, патріархи, митрополиты, епископы.

Соборы играли важную роль въ эпоху устроенія и перелома, которая наступила для христіанскаго міра по окончаніи гоненій. Вселенскіе соборы—Никейскій, Сардійскій, Эфесскій, Халкедонскій и др.—старались упорядочить управленіе и дисциплину церкви и установить догму, хотя не разъ обнаруживалось, какъ трудно было водворять миръ и согласіе въ этихъ многочисленныхъ собраніяхъ. Папа или его представители занимали здѣсь первое мѣсто, постановленія соборовъ подлежали его утвержденію, но пренія были свободны. Мало-по-малу авторитетъ соборовъ падалъ; съ 869 года не было вселенскихъ соборовъ; вліяніе областныхъ соборовъ и провинціальныхъ синодовъ было лишь относительное и мѣстное; тѣ, которые папа созывалъ въ Римѣ, подчинялись его авторитету. Такимъ образомъ, это было учрежденіе, въ значительной степени утратившее свою жизненную силу, и которое энергичный папа могъ принудить къ исполненію его предначертаній.

религіозно. «Я хотѣлъ бы», писалъ онъ въ январѣ 1075 года аббату клюнійскаго монастыря, «чтобы ты зналъ все скорби, которыя осаждаютъ мою душу. Твоя братская любовь заставила бы тебя тогда молить Бога, чтобы Іисусъ протянулъ мнѣ, несчастному, руку и избавилъ меня отъ моихъ мукъ. Сколько разъ я просилъ Его отнять у меня жизнь или сдѣлать меня полезнымъ нашей матери, св. церкви; между тѣмъ Онъ не избавилъ меня отъ огорченій и также не далъ мнѣ возможности оказать церкви тѣ услуги, которыя я хотѣлъ бы оказать ей. Глубокая скорбь и всеобъемлющая печаль тѣснятъ меня, потому что Восточная церковь отстранилась отъ католической вѣры. Взгляну ли на западъ, на югъ или на сѣверъ,— я едва нахожу нѣсколькихъ епископовъ, избраніе и жизнь которыхъ были бы сообразны съ законами церкви,—которые управляли бы народомъ Божиимъ съ любовью, а не подъ вліяніемъ земного честолюбія. Среди князей я не знаю ни одного, который предпочиталъ бы честь Божью своей и справедливость выгодѣ. Если бы я не надѣялся на то, что моя жизнь измѣнится, что я буду въ состояніи сдѣлаться полезнымъ церкви, я ни за какую цѣну не оставался бы въ Римѣ, въ которомъ живу уже двадцать лѣтъ—свидѣтель тому Богъ—помимо моей воли».

Избраніе епископовъ.—Изъ всѣхъ реформъ, какихъ требовали религіозные люди, на первомъ планѣ стояла реформа епископства. Ниже мы увидимъ, какъ Григорій VII пытался отнять у королей и князей вліяніе на епископскую власть путемъ уничтоженія свѣтской инвеституры. Чтобы достигнуть своей цѣли, онъ въ случаѣ надобности готовъ былъ даже пожертвовать мирскими имуществами; лучше было, по его мнѣнію, отказаться отъ нихъ, чѣмъ совершать актъ подчиненія земнымъ властямъ; онъ предпочиталъ церковь бѣдную, но независимую. Нужно было также преобразовать епископство въ его членахъ, путемъ болѣе тщательнаго подбора ихъ. Епископскіе выборы существовали только по имени; система свѣтскихъ инвеституръ привела къ продажѣ церковныхъ должностей, къ симоніи. Григорій VII борется противъ свѣтскихъ инвеституръ; но въ системѣ выборовъ онъ не пытался произвести коренной реформы вродѣ той, какую онъ провѣлъ для избранія папъ; только послѣ него избраніе епископовъ будетъ передано капитулу канониковъ, какъ избраніе папъ—коллегіи кардиналовъ. Итакъ, старый принципъ избранія духовенствомъ и народомъ остается въ силѣ; но папа слѣдитъ за правильностью выборовъ и утверждаетъ ихъ; иногда онъ даже указы-

ваетъ кандидатовъ или кассируетъ выборы. Онъ часто посылаетъ своихъ нунціевъ для руководства выборами и совѣтуетъ вѣрующимъ слушаться ихъ «съ полнымъ довѣріемъ». Изъ такого представленія о роли папы естественнымъ образомъ вытекало право отрѣшати недостойныхъ епископовъ; Григорій VII формулировалъ это право въ своихъ *Dictatus* и неуклонно осуществлялъ его. Впрочемъ, папы пользовались имъ уже раньше при содѣйствіи римскихъ соборовъ. Какъ только началось дѣло преобразованія, Левъ IX на соборѣ 1049 г. отрѣшилъ отъ должности всѣхъ епископовъ, уличенныхъ въ симонію; онъ хотѣлъ смѣстить также всѣхъ священниковъ, назначенныхъ ими; но это была слишкомъ радикальная мѣра, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ нея.

Преобразованіе нравовъ духовенства.—Съ раннихъ временъ на Заладѣ установился обычай, по которому духовныя лица не должны были вступать въ бракъ, а тѣ изъ нихъ, которыя были женаты до посвященія, должны были прекращать всякія плотскія сношенія со своими женами. Но такъ какъ при назначеніи на духовныя мѣста религіозныя соображенія часто не играли никакой роли, то въ среду духовенства проникъ страшный развратъ. Чтобы составить себѣ представленіе о послѣднемъ, достаточно прочитать акты духовныхъ соборовъ и синодовъ X и XI вѣковъ, *Præloquia* Патерія Веронскаго, сочиненія Петра Даміана и, особенно, *Libellus Gomorrhianus*, съ которымъ онъ обратился къ Льву IX. Тѣ, которые хотѣли воздержаться отъ самыхъ постыдныхъ пороковъ, по крайней мѣрѣ вступали въ бракъ. Епископы, не стѣняясь, брали себѣ наложницъ (епискописсы); у нихъ были дѣти, и духовенство слѣдовало ихъ примѣру.

Если папы, которыхъ Гильдебрандъ былъ совѣтникомъ, если онъ самъ съ такой энергіей силились установить безбрачіе въ средѣ духовенства, то не слѣдуетъ думать, что ихъ побуждали къ этому исключительно соображенія аскетическаго свойства. Они боролись, прежде всего, противъ жажды земныхъ благъ, противъ вторженія въ церковь феодальнаго духа. Эти брачныя союзы часто обуславливаются стремленіемъ къ наживѣ; подъ влияніемъ фамильныхъ представленій духовное лицо начинаетъ смотрѣть на свою должность, какъ на имѣніе, какъ на бенефицію, который оно и старается передать по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Какое влияніе могъ имѣть на епископа и священника папскій авторитетъ, какъ его хотѣлъ утвердить Григорій VII,—если ему безпрестанно

противодѣйствовали вліяніе женщины и заботы родительской любви? «Церковь не можетъ быть освобождена отъ порабощенія мірянами», писалъ онъ, «пока духовенство не освобождено отъ узъ брака».

Отсюда эти запрещенія вступать въ бракъ, которыя мы такъ часто встрѣчаемъ въ постановленіяхъ синодовъ того времени и въ письмахъ Григорія VII. Борьба длилась долго, и сопротивленіе по многимъ пунктамъ было ожесточенное. Какъ на образчикъ этой борьбы, можно указать на событія, происшедшія въ Миланѣ въ началѣ дѣятельности Гильдебранда. Бракъ священниковъ, говорилъ архіепископъ, былъ привилегіей миланской церкви, полученной ею отъ св. Амвросія,—и одинъ изъ лѣтописцевъ того времени, Ландульфъ старшій, въ своей *Historia Mediolanensis*, признавалъ его лучшей гарантіей чистоты нравовъ. Противъ этого женатаго и предагнаго симоніи духовенства возсталъ одинъ священникъ, Ансельмъ изъ Баджьо, краснорѣчіе котораго имѣло большое вліяніе на народъ. Позже онъ сдѣлался папою подъ именемъ Александра II. Совмѣстно съ двумя другими духовными лицами, Аріальдомъ и Ландульфомъ, онъ выступилъ противъ самого архіепископа Гвидо, проповѣдуя повсюду—на улицахъ, на площадяхъ. Народъ былъ на ихъ сторонѣ; поэтому ихъ приверженцевъ называли патарами, т. е. оборванцами. Миланъ становится ареною мятежей и стычекъ; патары преслѣдуютъ женатыхъ клириковъ, грабятъ ихъ имущество. Ихъ не останавливаетъ ни отлученіе, которое произноситъ надъ ними синодъ, созванный архіепископомъ, ни поддержка, оказываемая духовенству знатью. Въ 1059 году Николай II посылаетъ въ Миланъ Петра Даміана, чтобы онъ возстановилъ тамъ миръ. До насъ дошелъ отчетъ объ этомъ посольствѣ; изъ него видно, что вмѣшательство папы придадо борьбѣ совершенно новый характеръ; противники реформы заявляли, «что церковь св. Амвросія не должна подчиняться законамъ Рима, что папа не имѣетъ права суда надъ нею». Жизнь Петра Даміана подвергалась опасности, но онъ не пошелъ на уступки. При Александрѣ II волненія возобновились. Въ 1066 году патары въ церкви напали на архіепископа Гвидо и избили его до полусмерти; но и ихъ вождь Аріальдъ, попавъ въ руки враговъ, подвергся невѣроятнымъ мученіямъ. Вскорѣ въ Миланѣ оказалось два архіепископа-соперника, изъ которыхъ одинъ опирался на Германію, другой на папу. Такія же волненія вызвалъ вопросъ о celibatѣ и за предѣлами Италіи. Въ Пассау,

въ 1074 году, епископъ Альтманнъ потребовалъ отъ священниковъ своей епархіи, которые почти всѣ были женаты, чтобы они подчинились указамъ Григорія VII относительно целибата. Они заявили, «что не могутъ и не хотятъ отказаться отъ обычая, который держится столько времени и былъ терпимъ всѣми прежними епископами». Когда Альтманнъ въ день праздника повторилъ свое запрещеніе съ каеэды, «всѣ священники бросились на него съ такой яростью, что разорвали бы его въ клочки, если бы знатные и его слуги не защитили его». Въ томъ же году въ Парижѣ епископы, аббаты и священники, собравшись въ синодъ, отказались подчиниться декреталіямъ Григорія VII о безбрачїи: «То, чего онъ хочетъ», говорили они, «неосуществимо и противно разуму». Когда одинъ аббатъ произнесъ рѣчь, въ которой совѣтовалъ подчиниться требованіямъ папы, члены синода «съ помощью королевскихъ слугъ выгнали Божьяго человѣка, били его, плевали ему въ лицо и всячески оскорбляли». Въ Камбрѣ каноники объявляютъ, что намѣрены держаться обычаевъ, «мудро устатовленныхъ предками», и привлекаютъ народъ на свою сторону. Эти смуты были бессильны сломить волю Григорія VII, и безбрачїе духовенства сдѣлалось однимъ изъ основныхъ принциповъ преобразованной церкви.

Кардиналы и легаты.—Главнымъ правительственнымъ орудіемъ Григорія VII, при помощи котораго онъ преодолѣвалъ всѣ эти сопротивленія и во всѣхъ пунктахъ христіанскаго міра давалъ чувствовать вліяніе папства, была его личная энергія. Его мысль всегда бодра, его духъ всегда ясенъ, его воля всегда настойчива. Его переписка, отъ которой до насъ дошла только часть, показываетъ, что онъ исполнялъ одновременно, безъ замѣшательства и смущенія, самыя разнообразныя дѣла. Тѣмъ не менѣе, эта задача была ему не по силамъ, и римскій дворъ (*curia romana*), организація котораго и раньше была очень сложна, теперь еще увеличивается и расширяетъ кругъ своего вѣдѣнія. Коллегія кардиналовъ, которой онъ ввѣрилъ избраніе папъ, получаетъ громадное значеніе. Каждая церковь имѣла своихъ кардиналовъ-священниковъ, и такъ обстояло дѣло въ XI вѣкѣ еще во многихъ городахъ ¹⁾. Въ Римѣ они были причислены къ семи «титуламъ» или церквамъ, которыя соотвѣтствовали старинному дѣленію города на семь церковныхъ округовъ. Къ кардиналамъ-священни-

¹⁾ Только Пій V въ 1567 году издалъ постановленіе, въ силу котораго званіе кардинала предоставляется исключительно членамъ римской церкви.

онъ сзываетъ одинъ соборъ въ годъ, въ началѣ Великаго поста, а иногда еще и второй въ день Всѣхъ Святыхъ. Онъ желаетъ, чтобы соборы были многолюдны; онъ пользуется ими, чтобы придать своимъ заявленіямъ и дѣйствіямъ больше торжественности. Но, въ сущности, на этихъ собраніяхъ дѣйствуетъ, руководить ими и рѣшаетъ дѣла онъ одинъ; епископы, окружающіе его, присутствуютъ здѣсь не для того, чтобы разсуждать, но для того, чтобы слушать папу, вдохновляться его политикой и получать отъ него указанія.

Доходы св. престола.—Безъ денегъ невозможно управлять: Григорій VII долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы увеличить и правильно организовать финансовыя средства куріи. Св. Петръ съ давнихъ поръ владѣлъ многочисленными помѣстьями. Папа, его намѣстникъ, уступалъ пользованіе ими за извѣстный оброкъ (ц ен з ъ). Съ другой стороны, какъ мелкіе собственники отдавали себя и свое имущество подъ защиту могущественныхъ сеньеровъ, такъ и церкви и монастыри съ IX вѣка начали во множествѣ вступать подъ защиту св. Петра, т. е. подъ покровительство папы. Въ силу подобнаго акта апостольство часто становится высшимъ собственникомъ церковныхъ или монастырскихъ земель, но не можетъ ни пользоваться, ни свободно распоряжаться ими. Однако монастырь (или церковь), освобождаясь отъ всякой человѣческой власти и защищаемый противъ всякихъ покушеній апостольскимъ проклятіемъ, выражаетъ свою признательность за эту защиту ежегодной податью. Случается также, что патронатъ ограничивается простымъ покровительствомъ, которое нисколько не влечетъ за собою права собственности, но можетъ обусловливать платежъ подати; эта форма часто встрѣчается въ Германіи. Въ томъ или иномъ видѣ этотъ институтъ распространился во Франціи, Бургундіи, Германіи и Италіи. Григорій VII закрѣпилъ его: онъ видѣлъ въ немъ, съ одной стороны, средство распространить свой авторитетъ, ослабить вліяніе епископовъ на монастыри, съ тѣмъ чтобы болѣе непосредственно подчинить послѣдніе св. престолу; съ другой стороны, подобный патронатъ представлялъ собою обильный источникъ доходовъ.

Откупщиками римской церкви являются не только церковныя учрежденія, но и города и сеньеры до королей включительно. Въ 1085 году Петръ, графъ субстантскій и мельгейльскій, уступаетъ всѣ свои земли въ полную собственность Григорію VII и его преемникамъ, чтобы затѣмъ получить ихъ обратно въ качествѣ

узуфрукта за ежегодную подать въ одну унцію золота. Впрочемъ, это пользованіе не пожизненное; но наслѣдники Петра должны будутъ платить ту же подать. Такимъ образомъ пала становится, по справедливому выраженію историка, «настоящимъ сюзереномъ, которому повинны оммажемъ и податью», и уступленное ему помѣстье получаетъ характеръ феода. Въ 1059 году Робертъ Гюискаръ отдалъ св. престолу и получилъ въ ленъ свои владѣнія въ Южной Италіи и свои будущія завоеванія въ Сициліи и обѣщаль платить ежегодно подать въ двѣнадцать денье за пару воловъ. Въ серединѣ XI вѣка король Арагоніи Рамиръ предложилъ свое государство св. Петру за ежегодную подать. Впрочемъ, Григорій VII, основываясь безъ сомнѣнія на ложномъ дарственномъ актѣ Константина, считалъ всю Испанію собственностью св. Петра. Въ ту же эпоху въ числѣ лицъ, платившихъ цензъ св. престолу, были короли польскій, датскій и англійскій и герцогъ богемскій. Димитрій, герцогъ Кроаціи и Далмаціи, коронованный въ короли папскимъ легатомъ въ 1076 году, обѣщаль платить ежегодно двѣсти безантъ. Эти подати извѣстны подъ именемъ динарія св. Петра.

Къ этимъ доходамъ присоединялись другіе; всѣ они сосредоточивались въ Латеранскомъ дворцѣ, въ папской камерѣ. Во время своего архидіаконства Гильдебрандъ былъ «экономомъ римской церкви» и пытался преобразовать финансовое управленіе, упорядочить сборъ податей. Сдѣлавшись папою, онъ продолжалъ работать въ этомъ направленіи. Для каждаго пательщика назначалось духовное лицо той области, которому и поручалось взиманіе подати.

Каноническое право. — Этому правительству нуженъ былъ и сводъ законовъ. Онъ существовалъ уже до Григорія VII и заключалъ въ себѣ постановленія соборовъ и указы папъ. Изъ этихъ документовъ, частью подправленныхъ, частью поддѣльныхъ, составился въ IX вѣкѣ знаменитый сборникъ Ложныхъ Декреталій, о происхожденіи и цѣли которыхъ такъ много спорили и которыя, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, были составлены, повидимому, въ мапесской церкви. Григорій VII пользовался ими, какъ и его современники, и нѣтъ никакого основанія думать, что онъ подозрѣвалъ ихъ подложность; но онъ хотѣлъ имѣть такой кодексъ, который былъ бы лучше приноровленъ къ его политикѣ. По его приказанію (какъ указываетъ замѣтка, находящаяся въ одной рукописи XIII вѣка), Ансельмъ Луккскій составилъ свою

Collectio Canonum въ 13 книгахъ, помѣченную, правда, только 1087 годомъ. Документы расположены здѣсь такимъ образомъ, чтобы рѣзко выдвинуть абсолютную власть папы въ церкви: первыя двѣ книги трактуютъ «о первенствѣ и превосходствѣ римской церкви и о свободѣ аппеляціи къ ней». При Григоріи же VII Теодотъ (Deusededit), возведенный имъ въ кардиналы, составилъ свою Collectio Canonum, которую онъ посвящалъ Виктору III. Онъ написалъ это сочиненіе, какъ сказано въ его предисловіи, для того, «чтобы уяснить тѣмъ, кто этого не знаетъ, первенство римской церкви, въ силу котораго она господствуетъ надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ». И онъ безъ смущенія заявляетъ, что отцы Никейскаго собора «установили, чтобы соборы не созывались и епископы не были осуждаемы безъ вѣдома папы, и чтобы всѣ важныя дѣла представлялись на его усмотрѣніе». Если редакторы этихъ сборниковъ и не сочиняютъ цѣликомъ новыхъ документовъ, то они пользуются тѣми, которые были сфабрикованы до нихъ; то тамъ, то сямъ замѣна одного слова другимъ мѣняетъ смыслъ цѣлой фразы, и папѣ оказывается приписанной власть, принадлежавшая въ дѣйствительности соборамъ. Самъ Григорій VII истолковываетъ тексты чрезвычайно свободно, чтобы пригнать ихъ къ своимъ теоріямъ. Правда, его противники поступали точно такъ же.

Такимъ путемъ Григорій VII силится создать въ церкви то, что можно назвать абсолютной монархіей. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ не стремился произвести переворотъ въ церкви: онъ выдавалъ себя за представителя древнихъ традицій. Онъ не создалъ ни одного новаго учрежденія, какъ онъ самъ часто заявляетъ объ этомъ,—но онъ непосредственно подчинилъ себѣ всѣ тѣ, которыя уже существовали; онъ отмѣтилъ ихъ папскою печатью. Съ этихъ поръ мѣстная жизнь церквей прекращается; епископы должны быть только послушными слугами Рима и чиновниками центральной администраціи, которая стремится сама все регулировать, всѣмъ управлять. Ниже мы увидимъ, какія послѣдствія имѣло для церкви это преобразование; но нельзя не признать величіе замысла. Притомъ, Григорій VII былъ искрененъ, и его политика, стремившаяся установить единство власти въ христіанскомъ обществѣ, согласовалась съ воззрѣніями среднихъ вѣковъ.

III.— Григорій VII и Генрихъ IV.

Начало спора объ инвеститурѣ.—Для того, чтобы папа могъ сдѣлаться господиномъ церкви, послѣднюю надо было освободить отъ всѣхъ узъ, которыя ставили ее въ зависимость отъ свѣтскаго общества: въ ней не должна была дѣйствовать никакая другая власть, кромѣ папской. Требованіе этой независимости, предъявленное Григоріемъ VII, неизбѣжно должно было вызвать столкновеніе съ императоромъ и королями, потому что епископы только тогда могли сдѣлаться орудіями папы, когда перестали бы быть креатурами князей.

Въ ту минуту, когда начинается борьба папства съ германской имперіей, положеніе Германіи благоприятствуетъ замысламъ Григорія VII. Генрихъ IV, похищенный у своей матери въ 1062 г. архіепископомъ кельнскимъ Ганнономъ, подпадаетъ подъ власть епископовъ, которые борются другъ съ другомъ за власть, но не умѣютъ обращаться съ нею и лишаютъ ее популярности. Самымъ могущественнымъ соперникомъ Ганнона является архіепископъ бременскій Адальбертъ, который энергично работалъ надъ возстановленіемъ христіанства въ сѣверныхъ областяхъ и при Генрихѣ III даже отказался отъ избранія въ папы. Ему удалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держать подъ своей опекой молодого императора; но свѣтскіе и духовные князья соединились противъ него и на Трибурскомъ сеймѣ (1066) принудили его отказаться отъ власти. Въ мартѣ 1065 года Генрихъ IV достигъ совершеннолѣтія. Никто не заботился о томъ, чтобы подготовить его къ дѣламъ правленія; онъ былъ уменъ, но вспыльчивъ, склоненъ къ насилию, и велъ беспорядочный образъ жизни. Въ 1069 году онъ снова призвалъ къ себѣ Адальберта Бременскаго. Намѣренія Генриха беспокоили Саксонію, которая ревниво оберегала свою независимость и всегда готова была считать ее въ опасности. Враждебныя дѣйствія уже начались, когда, въ мартѣ 1072 года, умеръ Адальбертъ. Высокомѣріе Генриха окончателно раздражило саксонцевъ, какъ знать, такъ и простой народъ; въ 1073 году Оттонъ Нордгеймскій, герцогъ баварскій и саксонецъ по происхожденію, поднялъ знамя возстанія въ Саксоніи и Тюрингіи. Была уже рѣчь о томъ, чтобы выбрать другого императора, Рудольфа Швабскаго, и одну минуту Генрихъ казался погибшимъ. Нача-

лась борьба, которая потомъ нѣсколько разъ возобновлялась и дала возможность папѣ бороться съ Генрихомъ IV въ самой Германіи.

Въ эту минуту Григорій VII становится папой. Избранный безъ участія германскаго императора, онъ сообщилъ ему о происшедшемъ и, повидимому, просилъ его утвердить избраніе. Ломбардскіе и нѣмецкіе епископы хотѣли, чтобы Генрихъ IV объявилъ выборы незаконными; онъ не рѣшился на это, и 30 іюня состоялось посвященіе Григорія VII. Его положеніе кажется въ это время настолько же прочнымъ, насколько положеніе Генриха IV ненадежнымъ. На югѣ Италіи норманнъ Ричардъ Капуанскій обѣщаетъ ему свою помощь противъ всѣхъ; на сѣверѣ Беатриче выдала свою дочь отъ перваго мужа Матильду за сына своего втораго мужа отъ его перваго брака, и маркграфиня Матильда, владѣнія которой обнимаютъ Тоскану, Генуэзскій заливъ и басейнъ нижняго теченія По, становится пылкой и неутомимой союзницей папы. Повсюду въ христіанскомъ мірѣ оживляется движеніе въ пользу реформы, и сторонники ея работаютъ подъ руководствомъ Григорія VII; повсюду начинается борьба противъ церковнослужителей, которые покупаютъ у свѣтскихъ князей духовныя званія и принимаютъ отъ нихъ не только инвеституру на бенефиціи, принадлежащія епископствамъ и аббатствамъ, но и церковную инвеституру посохомъ и кольцомъ.

Разрывъ между папою и императоромъ неизбеженъ. Едва вступивъ на папскій престолъ, еще до посвященія, Григорій VII въ нѣсколькихъ письмахъ заявилъ, что отнюдь не питаетъ ненависти къ Генриху, но что готовъ бороться за свободу церкви. Онъ пишетъ Беатриче и Матильдѣ, что пошлетъ къ императору легатовъ, чтобы вернутъ его къ «любви римской церкви»; «но», прибавляетъ онъ, «если онъ не послушаетъ насъ, то мы предпочитаемъ, защищая истину, противиться ему ради его спасенія до пролитія нашей крови, чѣмъ погубить себя вмѣстѣ съ нимъ, сдѣлавшись соучастникомъ его неправедности». Императоръ въ началѣ, повидимому, уступилъ: «Церковь и государство», писалъ онъ папѣ въ концѣ сентября 1073 года, «нуждаются во взаимной помощи, чтобы имѣть возможность существовать и управляться въ духѣ Христа». Онъ признавалъ, «что не всегда, какъ слѣдовало, уважалъ законныя права и честь церкви, но, просвѣтленный божественной благодатью и возвращаясь къ самому себѣ, онъ сознается въ своихъ прежнихъ грѣхахъ и ждетъ прощенія отъ

отеческой снисходительности папы». Шла рѣчь о свиданіи, о соборѣ нѣмецкихъ епископовъ, который занялся бы вопросомъ о преобразованіи церкви.

Возстаніе саксонцевъ заставляло Генриха IV выжидать болѣе удобнаго времени; но, въ то же время, онъ долженъ былъ считаться съ требованіями нѣмецкихъ епископовъ, которые отнюдь не соглашались допустить вмѣшательство папы въ управленіе ихъ церковей. Съ своей стороны и Григорій VII не хотѣлъ довольствоваться неопредѣленными обѣщаніями. На римскомъ синодѣ въ февралѣ 1075 года онъ издалъ слѣдующій декретъ: «Если кто-нибудь впредь приметъ изъ рукъ свѣтскаго лица епископство или аббатство, да не считается онъ епископомъ и да лишится онъ милости св. Петра и доступа въ церковь. Если какой-нибудь императоръ, король, герцогъ, маркизь, графъ или вообще какая-нибудь свѣтская власть или свѣтское лицо притязаетъ на право давать инвеституру епископамъ или кому бы то ни было изъ служителей церкви, онъ подлежитъ отлученію».

Въ это время обстоятельства измѣнились въ пользу Генриха. Послѣ того, какъ въ февралѣ 1074 года онъ принужденъ былъ подписать унижительный договоръ съ саксонцами, который они же первые и нарушили, ему удалось въ іюнѣ 1075 года собрать сильную армію. При Гогенбургѣ на Унструтѣ онъ одержалъ блестящую побѣду; осенью Саксонія была усмирена: вожди возстанія изъявили покорность. Въ Миланѣ патары, вождь которыхъ, Эрлембальдъ, захватилъ власть въ городѣ, были побѣждены противной партіей (май 1075), и послѣдняя отдалась подъ покровительство императора. Старая партія анти-папы Кадала подняла голову. Въ самомъ Римѣ духовенство, недовольное реформами Григорія, соединилось съ баронами и архіепископомъ-канцлеромъ Гвибертомъ, приверженцемъ Генриха. Ободренный этими обстоятельствами, императоръ посылаетъ въ Италію графа Эбергарда Нелленбургскаго для переговоровъ съ врагами папы, пытается, хотя и тщетно, отвлечь отъ него норманновъ, назначаетъ новаго епископа въ Миланъ, чтобы подтвердить свое право давать инвеституру, наконецъ, отдаетъ нѣмецкимъ священникамъ епископства Сполето и Фермо, принадлежавшія къ римскому церковному округу. На эти оскорбленія Григорій отвѣчаетъ 8 декабря: онъ упрекаетъ короля въ томъ, что послѣдній своими поступками нарушаетъ свои постоянныя увѣренія въ покорности; онъ напоминаетъ ему, съ какой готовностью онъ всегда шелъ на

встрѣчу переговорамъ, но требуетъ, чтобы онъ прервалъ сношенія съ отлученными, чтобы уважалъ свободу церкви и исполнялъ постановленія римскаго синода, засѣдавшаго въ февралѣ этого года. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изъясняетъ готовность продолжать переговоры.

Въ то время, когда послы везли это письмо къ германскому двору, куда они прибыли 1-го января, въ Римѣ, на Рождествѣ, Григорій VII едва не сдѣлался жертвою смѣлаго покушенія. Онъ совершалъ богослуженіе въ церкви S. Maria Maggiore; глава феодальной партіи, Ченчо, съ толпой своихъ приверженцевъ, бросился на него и окровавленнаго увезъ и заперъ въ своемъ укрѣпленномъ домѣ. Но Римъ поднялся на защиту папы и освободилъ его. Участвовалъ ли Генрихъ IV въ этомъ покушеніи? Ничто не доказываетъ этого; но съ своей стороны, получивъ письмо папы, онъ объявилъ, что Григорій VII посягаетъ на его власть и жизнь, что онъ требуетъ его въ Римъ подъ угрозой отлученія. Эта версія, искусно распространенная, была принята и современными нѣмецкими лѣтописцами, напримѣръ, Ламбертомъ Герсфельдскимъ, хотя она не соотвѣтствуетъ самымъ выраженіямъ папскаго письма. Затѣмъ, 24 января 1076 года, собрался въ Вормсѣ созванный имъ сеймъ, на которомъ Григорій VII былъ объявленъ недостойнымъ папскаго сана. Вслѣдъ за этимъ сеймомъ Генрихъ IV пишетъ ему: «Генрихъ, король не по захвату, а по волѣ Божіей, Гильдебранду, теперь уже не папѣ, а лже-монаху. Христосъ призвалъ меня на царство, тогда какъ тебя онъ не призвалъ на священство... Ты напалъ на меня, царя-помазанника, который, по преданію св. отцовъ, не можетъ быть судимъ никѣмъ кромѣ Бога и низвергнуть ни по какой винѣ, развѣ вслѣдствіе измѣны вѣрѣ... Преданный анаемѣ, осужденный приговоромъ нашихъ епископовъ, изыди, оставь захваченное тобою мѣсто, чтобы возсѣлъ на престолѣ св. Петра другой, который не скрывалъ бы насилія подѣ покровомъ вѣры и возвѣщалъ бы истинное ученіе св. Петра. Я, Генрихъ, король Божьей милостью, я говорю тебѣ вмѣстѣ со всѣми нашими епископами: изыди! изыди!»

Это письмо было вручено папѣ пармскимъ священникомъ Роландомъ 22 февраля на великомъ синодѣ, засѣдавшемъ въ Латеранской церкви. На объявленіе войны Григорій VII отвѣтилъ отлученіемъ отъ церкви короля и его сообщниковъ и, основываясь на своемъ правѣ распоряжаться коронами, лишилъ его престола: «Блаженный Петръ, глава апостоловъ», воскликнулъ онъ,

нымъ; до тѣхъ поръ онъ долженъ жить въ Шпейерѣ и временно отказаться отъ управленія. Генрихъ съ виду покорился; онъ хотѣлъ выиграть время, чтобы поискать средствъ для борьбы съ мятежными князьями.

Его положеніе было ужасно. Въ февралѣ 1077 года въ Аугсбургѣ долженъ былъ собраться съѣздъ подъ предсѣдательствомъ самого Григорія VII; Генрихъ чувствовалъ, что если этотъ проектъ будетъ осуществленъ, онъ погибъ; итакъ, надо было силою или хитростью помѣшати прїѣзду папы. Въ Германіи онъ былъ безсиленъ, но ему сообщали, что сѣверная Италія стоитъ за него и ждетъ его съ нетерпѣніемъ. Въ концѣ декабря онъ внезапно покинулъ Шпейеръ въ сопровожденіи своей жены Берты и малолѣтняго сына Конрада, проѣхалъ Бургундію и, несмотря на необыкновенно суровую зиму, на снѣгъ и препятствія всякаго рода, перешелъ черезъ Альпы при Мон-Сенисѣ и достигъ Павіи. Здѣсь вокругъ него соединились ломбардскіе епископы и сеньеры, ожесточенные противники папы.

Однако Генрихъ покинулъ Германію не для того, чтобы начать борьбу, сомнительный исходъ которой страшилъ его. Прежде всего онъ хотѣлъ порвать союзъ папы съ нѣмецкими князьями. Надо было торопиться: Григорій уѣхалъ изъ Рима и находился въ Каноссѣ, въ замкѣ своей союзницы, а по словамъ его враговъ—любовницы, графини Матильды. По желанію императора, Матильда, приходившаяся ему родственницей, и клюнійскій аббатъ Гуго, который былъ его крестнымъ отцомъ и теперь сопровождалъ папу, употребляли все усилія, чтобы примирить обоихъ противниковъ. Вдругъ Генрихъ является въ Каноссу. Удивленный Григорій отказывается принять его. Какія условія хотѣлъ онъ поставить Генриху? Если оба главныхъ лѣтописца, Бертольдъ изъ Рейхенау и Ламбертъ изъ Герсфельда, по этому вопросу расходятся, то, по крайней мѣрѣ, въ одномъ пунктѣ они согласны: въ теченіе трехъ дней, съ 25 до 27 января, король принужденъ былъ босикомъ и не принимая пищи ожидать въ снѣгу передъ оградой, чтобы Григорій смиловался и простилъ его. Наконецъ, на четвертый день папа допустилъ его къ себѣ и снялъ съ него отлученіе; но онъ долженъ былъ предварительно дать клятву (текстъ ея сохранился) примириться съ нѣмецкими епископами и князьями въ теченіе срока, который назначитъ папа, и согласно съ его совѣтами, и не препятствовать Григорію прїѣхать въ Германію, когда онъ того пожелаетъ. Въ тотъ же день Григорій

написалъ своимъ союзникамъ, извѣщая ихъ о происшедшемъ; изобразивъ униженіе короля, онъ прибавляетъ: «всѣ, окружавшіе пастъ, ходатайствовали за него мольбами и слезами, удивляясь необычайной непреклонности нашего духа; нѣкоторые восклицали даже, что мы обнаруживаемъ не строгость служителя церкви, а жестокость тирана».

По разсказу нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, Григорій отслужилъ обѣдню въ присутствіи Генриха. Когда гостя была освящена, онъ обратился къ императору со слѣдующими словами: «Уже давно я получаю отъ тебя и отъ твоихъ приверженцевъ письма, въ которыхъ вы обвиняете меня, что я достигъ первосвященства путемъ симоніи и что и до, и послѣ этого я осквернилъ свою жизнь преступленіями, которыя по правиламъ церкви дѣлаютъ меня недостойнымъ духовнаго званія... Вотъ тѣло Христово, котораго я приобщусь; пусть всемогущій Господь, если я невиненъ, освободитъ меня отъ подозрѣнія въ проступкахъ, въ которыхъ меня обвиняютъ; если же я виновенъ, да поразитъ онъ меня мгновенной смертью». И онъ предложилъ королю подвергнуться тому же испытанію, но послѣдній въ страхъ уклонился. Не доказано, что этотъ драматическій анекдотъ вѣренъ, но многіе современники вѣрили ему и видѣли въ немъ самоосужденіе императора.

Таково было знаменитое покаяніе Генриха въ Каноссѣ; оно представляетъ собою самую блестящую побѣду, какую папство когда-либо одержало надъ свѣтскою властью. Папство, столько разъ покорявшееся волѣ императоровъ, поднялось энергическимъ усиленіемъ, снова потребовало и, повидимому, снова получило господство не только надъ душами, но и надъ тѣломъ. Идея единства, которую такъ лелѣяли люди среднихъ вѣковъ, казалось, осуществилась въ немъ: римскій епископъ господствуетъ надъ этой идеальной монархіей, которая состоитъ изъ столькихъ разнообразныхъ государствъ и границы которой совпадаютъ съ границами самого христіанства; онъ управляетъ ею; онъ притязаетъ на право распоряжаться ея коронами, какъ церковными званіями, и низлагать нечестивыхъ королей, какъ симонистовъ-епископовъ.

Григорій VII и короли.—Именно въ эту минуту, когда папа находится въ апогеѣ своей славы и могущества, надо изучать его отношенія къ другимъ христіанскимъ государямъ. Его политика остается все та же: какъ онъ заявляетъ на синодѣ 1080 года, онъ имѣетъ въ виду освободить церковь повсюду, отнять церковную инвеституру у королей, герцоговъ, маркизовъ и гра-

фовъ, такъ же, какъ и у императора. Этому исключительному и самовластному уму всякая власть внѣ церкви представляется незаконной. Въ одномъ изъ самыхъ любопытныхъ его писемъ, гдѣ его мысли изложены съ наибольшей обстоятельностью,—въ письмѣ къ мецкому епископу Герману отъ 1081 года,—онъ пишетъ: «Кто не знаетъ, что власть королей и князей была создана людьми, которые, не зная Бога и подстрекаемые дьяволомъ, посредствомъ захвата, грабежей, вѣроломства, убійствъ и преступленій всякаго рода достигли господства надъ подобными себѣ?» Въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда полемическій пылъ не заставлялъ его доходить до крайностей, онъ признавалъ за королевской властью божественное происхожденіе, но лишь подъ условіемъ ея подчиненія церкви.

Этого подчиненія онъ не встрѣчалъ во Франціи. Здѣсь, какъ и въ Германіи, королевская власть захватила въ свои руки выборы епископовъ: она продаетъ епископства и аббатства тому, кто больше заплатитъ, или раздаетъ ихъ своимъ приверженцамъ. При Филиппѣ I, современникѣ Григорія VII, симонія становится государственнымъ учрежденіемъ, источникомъ правильнаго дохода для короля. Поэтому столкновенія между нимъ и папою перѣдки. Въ 1073 году Ландри, избранный въ епископы Макона, принужденъ купить королевскую инвеституру. Григорій пишетъ одному изъ совѣтниковъ короля, шалонскому епископу Роклену, негодующее и грозное письмо: «Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ извѣстій, что между всѣми князьями этого времени, которые по гнусной алчности продали и ограбили, попрали ногами и повергли въ рабство церковь Божью, свою мать, которой, по велѣніямъ Господа, должны были бы оказывать уваженіе и почетъ,—Филиппъ, король франковъ, притѣснялъ галльскія церкви настолько, что своими отвратительными преступленіями превзошелъ всѣхъ остальныхъ... Необходимо, чтобы онъ, отказавшись отъ отвратительныхъ прибылей симоніи, позволилъ ставить на священство людей, достойныхъ этого, или чтобы французы, пораженные мечомъ всеобщей анаемы, отказались впредь повиноваться ему, если не предпочитаютъ оставить христіанскую вѣру». Въ томъ же году собравшійся въ Парижѣ синодъ отказался принять папскіе декреты противъ брака священниковъ. Съ другой стороны, король обиралъ итальянскихъ и другихъ чужеземныхъ купцовъ, которые пріѣзжали во Францію. Въ письмахъ къ реймскому архіепископу Манассіи, въ сентябрѣ и декабрѣ 1074 года, Григорій повторяетъ свои угрозы; онъ изображаетъ

Францію запятнанной всевозможными преступленіями и вину въ нихъ приписываетъ Филиппу, «котораго слѣдуетъ называть не королемъ, а тираномъ, который оскверняетъ свою жизнь проступками и злодѣяніями и, неспособный управлять, не только не отвлекаетъ народъ отъ зла по недостатку авторитета, но толкаетъ его на дурной путь примѣромъ своего поведенія и своихъ страстей». Онъ называетъ его «хищнымъ волкомъ» и требуетъ, чтобы епископы и высшіе сеньеры указали ему на его беззаконія и убѣдили исправиться. «Если онъ откажется», писалъ онъ въ ноябрѣ Вильгельму, графу Пуатье, «мы созовемъ синодъ въ Римѣ и лишимъ его исповѣди и причастія святой церкви,—его и всякаго, кто будетъ оказывать ему почетъ и повиновеніе, слѣдуемая королю; и это отлученіе будетъ ежедневно подтверждаться съ кафедръ святого Петра».

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это рѣзкое столкновение. Изъ одного письма Григорія VII къ королю, отъ декабря 1080 года, можно заключить, что Филиппъ I умилостивилъ его извиненіями и обѣщаніями, которыя, разумѣется, нисколько не измѣнили его поведенія. Споръ изъ-за инвеституры не имѣлъ во Франціи ни того характера, ни тѣхъ послѣдствій, какъ въ Германіи. Какъ бы незаконно ни было въ глазахъ Григорія VII вмѣшательство капетингскаго короля въ дѣла церкви,—этотъ соперникъ былъ для него далеко не такъ опасенъ, какъ германскій императоръ. Со стороны имперіи папству приходилось не только защищать свободу церкви: добившись или не добившись ея, оно должно было мстить за прежнія униженія; кромѣ того, ему приходилось охранять свою политическую независимость въ Италіи. Что же касается Франціи, то еще не настало время, когда королевская власть будетъ держать папство въ покорности, а потомъ въ рабствѣ, и Григорій VII не могъ предвидѣть такой опасности. Притомъ нашелъ ли бы онъ средства, чтобы бороться съ Филиппомъ I въ его собственномъ королевствѣ, какъ боролся съ Генрихомъ IV въ Германіи? Во всякомъ случаѣ, большинство французскаго духовенства было на сторонѣ короля. Даже образованные и умные люди не могли понять, почему папа придавалъ такое большое значеніе формѣ инвеституры: «Какая важность», писалъ Ивъ Шартрскій папскому легату Гуго de Die, «передается ли епископство посредствомъ руки, движеніемъ головы, словомъ, или врученіемъ посоха? Важно то, что короли не могутъ передавать ничего духовнаго».

вѣтамъ папы. Какъ извѣстно, въ 1016 году сорокъ норманнскихъ паломниковъ, возвращаясь изъ Святой земли и проходя черезъ Салерно, помогли герцогу Ваймару отразить сарациновъ. Ихъ вознаградили; вернувшись домой, они рассказали своимъ соотечественникамъ о богатствахъ страны, о выгодныхъ предпріятіяхъ, какія можно сдѣлать тамъ, вмѣшавшись въ войны грековъ, ломбардцевъ и арабовъ; вскорѣ южная Италія наполнилась норманнами, пришедшими искать счастья. Эти паемники готовы служить всякому, кто имъ заплатитъ, исключая арабовъ, и такъ какъ они отличные воины, то ихъ охотно берутъ на службу. Около 1040 года три сына Танкреда Готвильскаго, Вильгельмъ Желѣзная Рука, Дрого и Гумфридъ возмутили Апулію, разбили грековъ и, въ 1043 г., въ Мельфи, подѣлили между собою страну. Вильгельмъ Желѣзная Рука принялъ титулъ «норманскаго графа Апуліи». Побѣдивъ Льва IX, который хотѣлъ прогнать ихъ изъ Италіи, они принудили его благословить ихъ; въ 1059 году они сдѣлались союзниками и вассалами папы. Во главѣ ихъ стоитъ въ это время младшій сынъ Танкреда Готвильскаго, Робертъ Гюискаръ, т. е. хитрый; около 1047 года онъ прибылъ къ старшимъ братьямъ, а въ 1057 г. сдѣлался графомъ Апуліи. Ему помогаетъ послѣдній сынъ Танкреда, Рожеръ, который также около этого времени является въ Италію, чтобы получить свою долю добычи.

На окраинѣ христіанскаго міра, въ Испаніи, гдѣ продолжается борьба между христіанами и сарацинами, Григорій VII старается положить основаніе вліянію папства. Онъ посылаетъ туда легатовъ, уполномоченныхъ произвести реформу церкви, поздравляетъ короля Арагоніи, Санчо, съ припятіемъ римской литургіи, убѣждаетъ короля Леона, Альфонса, и короля Кастиліи, Санчо, послѣдовать этому примѣру, но въ то же время пытается распространить на эту страну и свѣтскую власть св. престола. Графъ Руси получаетъ въ ленъ отъ св. престола, взаменъ годовой дани, всѣ земли, какія онъ завоюетъ у арабовъ. Тотчасъ по своемъ избраніи, въ апрѣлѣ 1073 года, Григорій VII пишетъ сеньерамъ, которые отправляются въ Испанію искать счастья: «Вы должны знать, что королевство испанское издревле принадлежало св. Петру и что и теперь, хотя оно давно занято язычниками, оно не можетъ принадлежать на законномъ основаніи никому другому, кромѣ апостольскаго престола». И извѣщая ихъ о пожалованіи лена графу Руси, онъ запрещаетъ имъ вступать въ Испанію иначе,

какъ подъ условіемъ, что они присоединятся къ послѣднему и признають права св. Петра.

На другой окраинѣ Европы онъ вмѣшивается въ распрю между герцогомъ богемскимъ Вратиславомъ и братомъ его Яромиромъ. Въ Венгріи онъ порицаетъ короля Соломона за то, что въ борьбѣ со своимъ соперникомъ Гейзой II онъ обратился за помощью къ Генриху IV и призналъ себя его вассаломъ. «Королевство венгерское», пишетъ онъ ему въ 1074 году, «принадлежитъ св. престолу. Король Стефанъ отдалъ его блаженному Петру со всѣми своими правами и со всею своею властью. Когда блаженной памяти императоръ Генрихъ завоевалъ его во имя св. Петра, онъ прислалъ въ Римъ, ко гробу апостола, королевскія инсигніи». Далмачія признала себя подвластной греческому императору: Григорій VII посылаетъ туда легатовъ съ порученіемъ отклонить ихъ отъ этого, и кроатскій король Звонимиръ присягаетъ на вѣрность папѣ (1076). Въ Польнѣ папа отлучаетъ отъ церкви Болеслава II, виновнаго въ убійствѣ краковскаго епископа Станислава. Въ Россіи онъ вручаетъ власть «по праву св. Петра» претенденту на кievскій престолъ Изяславу, который призналъ себя вассаломъ св. престола.

Такимъ образомъ, во всей Европѣ Григорій VII выступаетъ одновременно и духовнымъ главою, и государемъ. Повидимому, онъ мечталъ даже о расширеніи границъ этой христіанской монархіи, которую онъ съ такой энергіей подчинялъ своей власти. Въ 1071 году турки-сельджуки разбили греческаго императора Романа Диогена при Манцикертѣ въ Азін; его преемникъ, Михаилъ VII Дука, вступилъ въ сношенія съ папою; безъ сомнѣнія, онъ просилъ помощи. Въ шести письмахъ, которыя всѣ помѣчены 1074 годомъ, Григорій VII говоритъ о необходимости помочь Константинополю; въ декабрѣ онъ даже извѣщаетъ Генриха IV, что готовъ лично отправиться на помощь грекамъ и на освобожденіе Святого Гроба; онъ взываетъ ко всѣмъ, кто хотѣлъ бы стать на защиту вѣры.

Большая часть историковъ видѣла въ этихъ документахъ полный планъ крестоваго похода. Но тѣ два современныхъ ученыхъ, которые съ наибольшей эрудиціей и осторожностью изслѣдовали этотъ вопросъ,—Зибель и Ріанъ,—держатся иного взгляда. Они видятъ здѣсь только «мимолетный проблескъ идеи», а не зрѣлый планъ экспедиціи, имѣющей цѣлью освобожденіе Святыхъ мѣстъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на этотъ вопросъ,—нельзя отрицать, что

возстанія. На сеймѣ, который Генрихъ созвалъ въ Ульмѣ въ маѣ 1077 года, Рудольфъ, Вельфъ и Бертольдъ были осуждены и объявлены лишенными своихъ владѣній.

Въ началѣ Григорій, повидимому, колебался, чью сторону принять. Онъ говорилъ, что хочетъ отправиться въ Германію, чтобы разобрать споръ между обоими соперниками; если въ ноябрѣ его легаты въ Госларѣ возобновили отлученіе надъ Генрихомъ, то это произошло безъ его вѣдома. Наконецъ, въ мартѣ 1080 года онъ рѣшился на синодѣ объявить Генриха лишеннымъ власти и королевскаго званія. «Покажите теперь всему міру», восклицалъ онъ, обращаясь къ свв. Петру и Павлу, «что какъ на небѣ вы имѣете власть вязать и разрѣшать, такъ и на землѣ вы можете отнимать у недостойныхъ и отдавать достойнымъ имперіи, королевства, княжества, герцогства, маркграфства, графства и всякую землю» ¹⁾.

Въ это время война въ Германіи достигла крайняго напряженія. Въ августѣ 1078 года при Мельрихштадтѣ, между Мейцингенномъ и Киссингенномъ, произошло сраженіе, оставшееся нерѣшеннымъ. Въ январѣ 1080 года Рудольфъ одержалъ побѣду при Мюльгаузенѣ, и именно эта побѣда, повидимому, побудила папу высказаться за него; но въ октябрѣ, неподалеку отъ берега Эльстера, Рудольфъ былъ тяжело раненъ и умеръ вскорѣ послѣ сраженія. Положеніе папы было поколеблено въ ту самую минуту, когда онъ готовился торжествовать. Въ августѣ слѣдующаго года саксонцы и швабы, руководимые Вельфомъ, провозгласили въ Оксенфуртѣ новаго короля, Германа Люксембургскаго, но послѣдній былъ совершенно безсиленъ. Поэтому, въ іюнѣ 1080 года, Григорій счелъ благоразумнымъ снова сблизиться съ норманнами, съ которыми онъ былъ ще въ ладахъ. На свиданіи въ Аквино онъ снялъ съ Роберта Гюискара отлученіе, которое раньше паложилъ на него, и снова далъ ему въ ленъ Апулію и Калабрию, взаменъ чего Робертъ обязался защищать римскую церковь отъ ея враговъ. Современники утверждаютъ даже, что папа обѣщалъ ему императорскую корону. Но Робертъ былъ въ это время ненадежнымъ союзникомъ: онъ отдалъ свою дочь за сына греческаго императора Михаила VII, и теперь, когда послѣдній былъ низло-

---

¹⁾ Легенда, по которой папа будто бы послалъ Рудольфу корону съ надписью: *Petra dedit Petro, Petrus diadema Rodolpho*, не заслуживаетъ довѣрія.

женъ, старался возратить ему престоль, такъ что вся его политика была обращена фронтомъ къ Востоку.

Генрихъ IV въ Римѣ; смерть Григорія VII. — Итакъ, къ концу 1080 года Генрихъ снова взялъ верхъ какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи. Возвращая Григорію VII всѣ удары, какіе тотъ нанесъ ему, онъ хотѣлъ создать и анти-папу, какъ ему самому противопоставляли анти-королей. Уже на Пасхѣ 1080 года епископы, собравшись въ Бамбергѣ, объявили, что не признаютъ Григорія папою; въ іюнѣ, на синодѣ въ Бриксенѣ, въ присутствіи короля, тридцать епископовъ объявили Григорія низложеннымъ и провозгласили папою архіепископа равенскаго Гвиберта, который принялъ имя Климента III. Въ слѣдующемъ году (май 1081) Генрихъ явился подъ стѣнами Рима; потерпѣвъ неудачу, онъ вернулся въ 1082 году, и такъ какъ взять городъ штурмомъ ему не удалось, то онъ занялъ Тиволи. Здѣсь онъ водворилъ своего папу. Въ іюнѣ 1083 года онъ взялъ città Leonina, и, наконецъ, въ 1084 г., вступилъ въ Римъ. Занявъ Латеранскую церковь, онъ велѣлъ посвятить въ ней на папство Климента III, а 31 марта самъ короновался императоромъ.

Римляне, которые такъ долго оставались вѣрны Григорію VII, покинули его. Осажденный въ замкѣ св. Ангела, онъ обратился съ убѣдительнымъ воззваніемъ къ Роберту Гюискару, и послѣдній, сознавая опасность, которая грозила ему самому въ случаѣ пораженія Григорія, явился въ маѣ съ 30,000 пѣхотинцами и 6,000 всадниками; въ этой арміи, прибывшей на помощь римской церкви, было нѣсколько отрядовъ сицилійскихъ сарацинъ. При приближеніи Роберта, Генрихъ, чувствуя себя не въ силахъ одолѣть такое многочисленное войско, оставилъ городъ. Римляне пытались защищаться, но черезъ четыре дня норманнскому герцогу удалось, благодаря измѣнѣ, проникнуть въ городъ. Отданный на произволъ норманнскихъ, итальянскихъ и сарацинскихъ полчищъ, Римъ подвергся всѣмъ ужасамъ рѣзни, насилій и пожаровъ. Цѣлые кварталы исчезли, и еще теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно между Латераномъ и Колизеемъ, развалины зданій, разрушенныхъ солдатами Роберта Гюискара, образуютъ глубокой пластъ. Тысячи римлянъ были проданы въ рабство. Григорій больше не могъ оставаться въ этомъ городѣ, опустошенномъ и обезлюдившемъ изъ-за него. Онъ послѣдовалъ за Робертомъ Гюискаромъ въ Салерно; здѣсь онъ созвалъ синодъ и повторилъ анаѣму на Генриха IV, Климента III и ихъ привер-

женцевъ. Въ сентябрѣ 1084 года Робертъ Гюискаръ предпринялъ походъ противъ Восточной Имперіи, а въ іюлѣ 1085 года онъ умеръ на Корфу. Между тѣмъ Григорій заболѣлъ. Когда кардиналы напоминали ему о великихъ дѣлахъ, которыя онъ совершилъ, онъ отвѣчалъ имъ: «Я не придаю никакого значенія моимъ трудамъ; единственное, что внушаетъ мнѣ надежду, это то, что я всегда хранилъ завѣтъ Господа и ненавидѣлъ беззаконіе, и вотъ почему я умираю въ изгнаніи»¹⁾. Своимъ преемникомъ онъ назначилъ аббата Монте-Кассино, Деидерія. Тѣмъ, которые спрашивали его, оставляетъ ли онъ въ силѣ свои проклятія, онъ отвѣчалъ, что отпускаетъ грѣхъ всѣмъ, кромѣ Генриха, Гвиберта и ихъ главныхъ приверженцевъ. Онъ умеръ 25 мая 1085 года и былъ погребенъ въ Салерно, въ церкви св. Матвѣя, гдѣ прахъ его лежитъ и до сихъ поръ.

Григорій VII изнемогъ въ борьбѣ. Самое упорство его неукротимаго характера было одною изъ главныхъ причинъ его неудачи. Безпрестанно показывая, какъ далеко простирались притязанія папства по отношенію къ свѣтской власти, онъ тѣмъ самымъ давалъ чувствовать ихъ опасность; стремясь во что бы то ни стало унижить Генриха IV, онъ вызвалъ реакцію въ пользу послѣдняго. Духовный мечъ, который былъ въ его распоряженіи, имѣеть свойство тѣмъ скорѣе притупляться, чѣмъ сильнѣе имъ разячь; потрясеніе, вызванное отлученіемъ Генриха IV, было сильно, но непродолжительно. Что же касается свѣтскаго оружія папы, то оно было еще гораздо слабѣе. Григорій VII, притязавшій на господство во всемъ христіанскомъ мірѣ, былъ государемъ безъ войска, а союзники, на которыхъ онъ думалъ опереться, всѣ, кромѣ Матильды, поддерживали папскую политику лишь въ мѣру собственныхъ интересовъ: саксонцы и нѣмецкіе князья извлекали выгоду изъ нея, не принимая ея принциповъ, а норманны видѣли въ ней только новый поводъ къ наживѣ.

Въ области мысли самая смѣлость его притязаній и ноступковъ привела къ тому, что явилось множество теоретиковъ, изслѣдовавшихъ относительныя права той и другой власти. Эти изслѣдованія составляютъ одну изъ важнѣйшихъ страницъ въ исторіи политическихъ взглядовъ и споровъ средневѣковья. Самъ Григорій писалъ дѣльные полемическіе трактаты, какъ, напримѣръ,

¹⁾ „*Dilexi justitiam et odio habui iniquitatem*“. Доказано, что *justitia* обозначаетъ здѣсь Божій законъ, свободу Церкви.

то пространное письмо къ мецкому епископу Герману, гдѣ онъ подтверждаетъ всемогущество папской власти ссылками на Священное Писаніе, на сочиненія Отцовъ церкви, на декреталии папъ, на историческія событія, вродѣ того, какъ Амвросій останавливаетъ Θεодосія у дверей церкви, или Захарія вручаетъ Пипину юрелевскую власть. Съ своей стороны защитники правъ императора также не обнаруживали недостатка ни въ смѣлости, ни въ эрудиціи. «Это новое явленіе, невиданное въ прежніе вѣка», писалъ верденскій епископъ Дитрихъ, «что папы думаютъ такъ легко распоряжаться царствами». Нѣмецкій епископъ Вальтрамъ, въ своемъ трактатѣ *De unitate ecclesiae conservanda* («О необходимости сохранить единство церкви»), сопоставляетъ и истолковываетъ тексты изъ сочиненій св. Отцовъ, чтобы доказать, что власть надъ царствами принадлежитъ одному Богу, а не папамъ. Итальянскій юристъ Петръ Крассъ, въ письмѣ къ Генриху IV, объявляетъ приговоръ папы незаконнымъ, противнымъ принципу наслѣдственности императорской власти. Такъ, съ неизвѣстной до сихъ поръ горячностью, былъ начатъ споръ, который затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ будетъ волновать общество.

Послѣдніе годы Генриха IV.—Споръ объ инвеститурѣ не прекратился со смертью Григорія VII; самъ Генрихъ еще далеко не восторжествовалъ надъ своими врагами. Въ то время, какъ монтекассинскій аббатъ Дезидерій становится папою подъ именемъ Виктора II, Генрихъ старается упрочить свою власть въ Германіи и борется со своимъ соперникомъ, Германомъ Люксембургскимъ. Его преслѣдуютъ неудачи; при Блейхфельдѣ (августъ 1086) онъ терпитъ даже пораженіе. Если смерть Германа, въ 1088 году, увеличила его шансы на успѣхъ, то, напротивъ, Виктора, отличавшагося кроткимъ характеромъ, смѣнили, въ мартѣ 1088 года, энергичный папа Гуго, епископъ Остіи, нѣкогда настоятель Клоуни, который заявилъ, что принимаетъ всѣ планы и постановленія Григорія VII. Урбанъ II былъ искуснымъ политикомъ. Благодаря своему союзу съ Рожеромъ, сыномъ Роберта Гюискара, онъ вступилъ въ Римъ, занятый анти-папою Гвибертомъ (ноябрь 1088), однако принужденъ былъ снова покинуть его. Первые годы своего правленія онъ провелъ преимущественно на югѣ Италіи, и можно думать, что именно здѣсь родилась въ немъ мысль о крестовомъ походѣ. Между тѣмъ онъ искусно успѣлъ сплотить враговъ императора въ Италіи и Германіи: маркграфиня

Матильда, несмотря на то, что ей уже за сорокъ лѣтъ, выходитъ замужъ за девятнадцатилѣтняго юношу, сына страшнаго Вельфа Баварскаго (1089). Тщетно Генрихъ IV предпринимаетъ походъ въ сѣверную Италію, овладѣваетъ послѣ долгой осады Мантуей, беретъ одинъ за другимъ города Матильды (1090); въ ту минуту, когда его успѣхъ кажется уже обезпеченнымъ, его вторая жена, русская княжна Евпраксія, перемѣнившая свое имя на Аделаиду, покидаетъ его и безчеститъ своими навѣтами; его сынъ Конрадъ, котораго онъ провозгласилъ королемъ Италіи, переходитъ на сторону враговъ (1093). Признанный первою ломбардскою лигою, въ которую вошли Миланъ, Кремона, Лоди и Пiacенца, коронованный въ Моццѣ архіепископомъ миланскимъ, Конрадъ присягаетъ въ вѣрности папѣ. На соборѣ въ Пiacенцѣ (мартъ 1095) Урбанъ II господствуетъ какъ побѣдитель среди необыкновеннаго стеченія духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Уже борьба противъ императорской власти не поглощаетъ его мыслей и дѣятельности: онъ проповѣдуетъ крестовый походъ, который и былъ рѣшенъ въ слѣдующемъ году на Клермонскомъ соборѣ.

Итакъ, Генрихъ IV видѣлъ, какъ христіанское общество соединялось подъ руководствомъ папы. Его анти-папа, Климентъ III, умеръ въ 1100 г. ¹⁾, въ то время, какъ Урбана II, скончавшагося въ іюлѣ 1099 года, смѣнилъ Пасхалій II, сторонникъ политики своего предшественника. Наконецъ, чтобы довершить его гибель, — его второй сынъ, Генрихъ, котораго онъ, низложивъ Конрада, короновалъ въ Ахенѣ, въ свою очередь измѣнилъ ему (декабрь 1104) и призналъ себя вассаломъ папы. Въ Кобленцѣ Генрихъ IV на колѣняхъ умоляетъ своего сына; несмотря на данныя ему обѣщанія, его заключаютъ въ тюрьму; онъ отрывается отъ престола; въ Игелъгеймѣ, въ присутствіи папскаго легата, онъ признаетъ незаконными всѣ свои притязанія и постановленія. Наконецъ, послѣ послѣдней попытки вернуть себѣ власть, онъ умираетъ въ Люттихѣ, 7 августа 1106 г. Только въ 1111 году его останки, на которыхъ тяготѣло проклятіе, могли быть преданы погребенію по церковному обряду. Такимъ образомъ, въ этомъ страшномъ поединкѣ перевѣсъ склонялся то на сторону императора, то на сторону папы. Внутри Германіи

---

¹⁾ Послѣ смерти Климента III были избраны одинъ за другимъ еще нѣсколько анти-папъ: въ 1100 г. — Дитрихъ, въ 1102 — Альбертъ, 1105 — Сильвестръ IV, — по они не играли никакой серьезной роли.

Генрихъ IV въ промежуткахъ борьбы старался водворить порядокъ. Онъ опирался на народъ, и его царствованіе представляетъ въ исторіи городовъ эпоху расцвѣта и благосостоянія.

Генрихъ V и Пасхалій II.—Генрихъ V былъ провозглашенъ королемъ; но преступный сынъ, отравившій своимъ возстаніемъ и вѣроломствомъ послѣдніе дни отца, не могъ быть вѣрнымъ слугою папства. Онъ воспользовался помощью палы, чтобы захватить власть, но когда это удалось ему, онъ обратился противъ палы. Во время собора, созваннаго въ Труа Пасхаліемъ II (1107), представители Генриха V, при свиданіи съ папою въ Шалонѣ на Марнѣ, опираясь на апокрифическую привилегію Адріана I, потребовали для императора «власть ставить епископовъ, данную нѣкогда Карлу Великому», т. е. инвеституру посохомъ и кольцомъ. Папа отказалъ, и императорскіе послы отвѣтили: «Не здѣсь, а въ Римѣ мечъ рѣшить этотъ споръ». Итакъ, послѣ столькихъ войнъ, смуть и измѣнъ, вопросъ снова оказался открытымъ

Судьба благопріятствовала Генриху. Послѣ двухлѣтней войны съ Венгріей, Польшей и Богеміей (1108—1110), онъ отправился въ Италію, ведя съ собою многочисленную армію. Впрочемъ, онъ позаботился, по словамъ Оттона Фрейзингенскаго, «запастись учеными людьми, которые были бы готовы оправдать кого угодно». Ломбардскіе города, за исключеніемъ Милана, покорились императору. Сама графиня Матильда не рѣшилась сопротивляться. Въ началѣ 1111 года Генрихъ черезъ Флоренцію двинулся къ Риму. Въ Сутри его встрѣтили послы Пасхалія II, которые заявили, что папа готовъ отказаться отъ всѣхъ феодальныхъ имуществъ и привилегій, приобрѣтенныхъ церквами въ теченіе вѣковъ,— «отъ герцогствъ, маркграфствъ, графствъ, отъ права назначать защитниковъ церквей, отъ права чеканки и другихъ регалій»; взамѣнъ онъ требовалъ свободы церковныхъ выборовъ и отмѣны свѣтской инвеституры. Будучи не въ силахъ отстоять свои права оружіемъ, папа хотѣлъ спасти независимость церкви цѣною ея мірскаго достоянія. Генрихъ V принялъ эти условія, которыя и были утверждены официальнымъ актомъ. 12 февраля онъ вступилъ въ Римъ и въ храмѣ св. Петра начался обрядъ императорскаго коронованія, причемъ двери храма охранялись нѣмецкими рыцарями. Но какъ только былъ прочитанъ договоръ, заключаемый между обѣими сторонами, поднялся невообразимый шумъ. Епископы и аббаты не соглашались признать уступки, ко-

торыя дѣлалъ папа, т. е. лишиться своихъ помѣстій и феодальныхъ правъ; съ своей стороны, князья и сеньеры также не соглашались отказаться отъ церковныхъ угодій, которыми они владѣли. Обрядъ вѣнчанія былъ прерванъ; въ церкви произошла свалка и король овладѣлъ папою и кардиналами. Тщетно римское население на слѣдующій день пыталось освободить ихъ; Генрихъ V отразилъ римлянъ и отослалъ своихъ плѣнниковъ въ Альбано; здѣсь онъ въ притворномъ раскаяніи просилъ прощенія у Пасхалія, но въ то же время заставилъ папу признать за нимъ права его предшественниковъ: «Король въ своемъ королевствѣ будетъ давать инвеституру посохомъ и кольцомъ епископамъ и аббатамъ, избраннымъ свободно и безъ симоніи; затѣмъ они будутъ получать церковное посвященіе отъ архіепископа своей епархіи. Кандидатъ, который будетъ избранъ духовенствомъ и народомъ безъ согласія короля, можетъ быть посвященъ не прежде, какъ по полученіи королевской инвеституры; что касается раздоровъ, которые часто возникаютъ при выборахъ, то они должны быть усмиряемы королевскою властью». 13 апрѣля Генрихъ V былъ наконецъ коронованъ въ храмѣ св. Петра. Какая месть за Капоссу! И какъ бы для того, чтобы подчеркнуть смыслъ своей побѣды, Генрихъ V по возвращеніи въ Германію, въ августѣ, торжественно предалъ землѣ въ Шпейерѣ останки своего отлученнаго отъ церкви отца.

1111 годъ представляетъ апогей могущества Генриха V. Оттопъ Фрейзингенскій изображаетъ его полновластнымъ господиномъ имперіи, «въ которой всѣ смиренно несутъ иго покорности», грозю сосѣднихъ народовъ. Однако, если побѣда надъ папствомъ и произвела то глубокое впечатлѣніе, о которомъ говоритъ иѣмецкій лѣтописецъ, она все-таки была недолговѣчна. Церковь не приняла условій, на которыя согласился папа. Римское духовенство упрекало его въ томъ, «что онъ, вопреки правиламъ церкви, возложилъ императорскую корону на короля Генриха, тирана-разрушителя государства и церкви, и далъ ему нечестивую привилегію». На Латеранскомъ соборѣ въ мартѣ 1112 года Пасхалій сдѣлалъ слѣдующее торжественное заявленіе: «Я принимаю decretы моего учителя Григорія и Урбана блаженной памяти: я отдаю то, что они отдали, утверждаю то, что они утвердили, и проклиная то, что они проклинали». Затѣмъ ангулемскій епископъ Жераръ, съ согласія папы и синода, прочиталъ слѣдующее заявленіе: «Мы всѣ, собравшіеся на этомъ священномъ синодѣ, проклинаямъ привилегію, которую король Ген-

рихъ силою исторгъ у папы Пасхалія и которая есть не привилегія, а злоупотребленіе (*non privilegium, sed pravilegium*), и объявляемъ ее недѣйствительной, ибо она требуетъ, чтобы избранный кандидатъ не прежде получалъ церковное посвященіе, какъ по принятіи инвеституры отъ короля». Когда папство обнаружилъ слабость, — сама церковь, преобразованная Григоріемъ VII и проникшаяся его духомъ, напомнила папѣ объ его обязанностяхъ.

Въ самой Германіи архіепископъ майнцскій Адальбертъ, бывшій до сихъ поръ правою рукою императора, замышляетъ заговоръ противъ него и попадаетъ въ тюрьму (1112). Въ Саксоніи вспыхиваетъ новое возстаніе (1113), но Генрихъ V усмиряетъ его. Въ 1114 году онъ торжественно празднуетъ въ Майнцѣ свой бракъ съ Матильдой, дочерью англійскаго короля Генриха I; но на этомъ самомъ празднествѣ, на которомъ онъ хотѣлъ показать свое могущество, собравшіеся здѣсь князья и сенеры снова затѣваютъ интриги. Арестъ и заточеніе Людовика Тюрингенскаго, участвовавшаго въ саксонскомъ возстаніи, окончательно выводятъ ихъ изъ себя. Въ то время, когда Генрихъ V готовится къ походу противъ Фрисландіи, которая отказывается платить свою ежегодную дань, возмущается, подъ руководствомъ своего архіепископа, Кельнъ, и его примѣру слѣдуютъ Лотарингія и Вестфалія. Генрихъ V терпитъ неудачу при осадѣ Кельна (1114); Саксонія снова поднимается, подъ предводительствомъ своего герцога Лотаря, и императоръ разбитъ при Вельфсгольцѣ (1115). Римскій легатъ, кардиналъ Дитрихъ, объѣзжаетъ страну, оглашая постановленія Латеранскаго собора и апапскому, произнесенную надъ Генрихомъ. Въ самомъ Майнцѣ, куда императоръ созвалъ князей на съѣздъ, граждане осаждаютъ его дворецъ и принуждаютъ освободить ихъ архіепископа Адальберта (1115).

Однако, положеніе дѣлъ въ Италіи повидимому должно вознаграждать его за неудачи въ Германіи. Маркграфиня Матильда умираетъ, завѣщавъ свои обширныя владѣнія св. Престолу; но приверженцы Генриха V приглашаютъ его вступить во владѣніе наслѣдствомъ (1115). Такимъ образомъ возникаетъ новый конфликтъ между имперіей и папствомъ, который тянется много лѣтъ. Если Матильда могла свободно распоряжаться своимъ аллодальнымъ имуществомъ, то кто далъ ей право завѣщать феодалы, которые она держала отъ имперіи? Въ 1116 г. Генрихъ является въ Италію и занимаетъ владѣнія Матильды. Несмотря на близость императора, Пасхалій II настаиваетъ на своихъ заявленіяхъ. На новомъ

синодъ въ Латеранѣ (1116) онъ признаеть, что дурно дѣйствоваль въ 1111 году, и самъ проклинаеть ту привилегію, которую тогда дароваль императору. Феодалное возстаніе, поднятое сыномъ городского префекта, Петромъ, которому онъ не хотѣлъ передать отцовскаго званія, заставляеть его покинуть Римъ. Мятежники призываютъ Генриха, который 2 іюня 1116 года вѣнчается здѣсь на царство свою жену Матильду. Но этотъ успѣхъ не имѣлъ послѣдствій.

IV.— Окончаніе спора объ инвеститурѣ.

Вормскій конкордатъ.—По смерти Пасхалія II (январь 1118) папой былъ избранъ монте-кассинскій монахъ Іоаннъ изъ Гаэты, принявшій имя Геласія II. Императорская партія, подъ предводительствомъ Ченчо Франджипани, напала на него и бросила его въ темницу, но принуждена была освободить. Генрихъ V вступилъ въ Римъ, откуда Геласій II бѣжалъ. Потерявъ надежду свергнуть папу, онъ выбралъ анти-папу, стараго епископа Браги, Бурдина, который принялъ имя Григорія VIII. Но и эта мѣра не помогла; анти-папы имѣютъ еще меньше вліянія, чѣмъ анти-короли. Развѣ самъ Генрихъ V въ 1111 году не принесъ въ жертву Пасхалію II анти-папу Сильвестра IV? Геласій апеллировалъ на императора къ христіанскому міру. Бѣжавъ въ Бургундію, онъ созвалъ синодъ въ Вьеннѣ (январь 1119) и самъ предсѣдательствовалъ на немъ. Спустя нѣсколько дней онъ умеръ въ Клуни; но его преемникъ, вьеннскій архіепископъ Гвидо, принявшій имя Каликста II, былъ давно извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ страстныхъ противниковъ Генриха V.

Наконецъ, послѣ новой попытки борьбы, императоръ рѣшился уступить. На съѣздѣ въ Вюрцбургѣ, въ 1121 году, онъ заключилъ миръ съ Адальбертомъ майнцскимъ и нѣмецкими князьями. Съ папою, вступившимъ въ Римъ, соглашеніе состоялось на сеймѣ въ Вормсѣ (сентябрь 1122). Обѣ стороны приняли на себя взаимныя обязательства. «Я, Генрихъ, предоставляю Господу, святымъ апостоламъ Петру и Павлу и святой католической церкви всякую инвеституру посохомъ и кольцомъ; я соглашаюсь, чтобы во всѣхъ церквахъ моего королевства и имперіи выборы совершались согласно уставу церкви и посвященіе было свободно. Что касается помѣстій и регалій св. Петра, отобранныхъ со времени возникновенія этого спора, при моемъ отцѣ и при мнѣ,

то я возвращаю тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ моемъ владѣніи, и буду содѣйствовать папѣ вернуть тѣ, которыми теперь владѣютъ другіе. Во всѣхъ случаяхъ, когда римская церковь будетъ требовать моей помощи, я буду ей вѣрнымъ союзникомъ»— «Я, Каликстъ, признаю, что выборы германскихъ епископовъ и аббатовъ, зависящихъ отъ королевства, должны совершаться въ твоёмъ присутствіи, безъ симоніи и насилія, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ разногласія, ты, по совѣту и съ согласія архіепископа и его викаріевъ, утвердилъ и поддержалъ самаго достойнаго изъ кандидатовъ. Избранный долженъ получать отъ тебя, чрезъ принятіе скиптра, владѣнія и регалии безъ лихоимства, исключая тѣхъ, которыя будутъ признаны собственностью римской церкви, и исполнять по отношенію къ тебѣ свои законныя обязательства. Во всѣхъ частяхъ имперіи посвященный въ епископы или аббаты долженъ получать регалии черезъ скиптръ въ теченіе шестимѣсячнаго срока и долженъ исполнять вытекающія отсюда обязанности. Я чистосердечно даю миръ тебѣ и тѣмъ, кто были твоими приверженцами въ теченіе этого спора». Это былъ ненадежный миръ, потому что его условія не были точно формулированы и могли дать поводъ къ новымъ столкновеніямъ.

Послѣдніе годы Генриха V.— Несмотря на всѣ эти уступки, послѣдніе годы Генриха V не принесли ему ни спокойствія, ни счастья. Когда онъ въ союзѣ со своимъ тестемъ, Генрихомъ I англійскимъ, предпринялъ походъ противъ капетинга Людовика VI, Франція выставила противъ него огромную армію, и лишь немногіе сеньеры отозвались на его призывъ. Дойдя до Меца, онъ отказался отъ своего предпріятія. «Нѣмцы», говоритъ по этому поводу лѣтописецъ Экгартъ, «неохотно нападаютъ на чужіе народы». Этой сомнительной похвалой онъ, безъ сомнѣнія, хотеть дать понять, что они предпочитаютъ междоусобныя войны. Дѣйствительно, онъ прибавляетъ: «Въ это время, сначала въ Саксоніи, а затѣмъ почти во всей Германіи, вѣщныя войны прекратились и начала свирѣпствовать буря внутреннихъ междоусобій. Повсюду развелись, подъ именами рыцарей, грабители, опустошавшіе церковныя помѣстья и поля и грабившіе крестьянъ». Генрихъ V умеръ въ Утрехтѣ 23 мая 1125 года. Измѣнникъ по отношенію къ отцу, жестокой и честолюбивый, онъ потерпѣлъ неудачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Результатомъ его дѣятельности было то, что императорская власть была сужена, королевскій авторитетъ ослабленъ, Германія полна раздоровъ и междоусобій. Благодаря

и продолжаетъ обращать въ орудія своей власти всѣ церковныя учрежденія, начиная съ епископата и кончая монашескими орденами.

Соборъ, открывшійся въ мартъ 1123 года въ Латеранѣ, былъ какъ бы торжественнымъ признаніемъ этого новаго порядка вещей. Отъ Сугерія, который присутствовалъ на немъ, мы знаемъ, что здѣсь собралось болѣе трехсотъ епископовъ. Имъ былъ сообщенъ Вормскій конкордатъ; въ то же время цѣлый рядъ постановленій закрѣпилъ реформы церкви и ея побѣды надъ свѣтскимъ обществомъ: запрещеніе симоніи; запрещеніе священникамъ, дьяконамъ, подьяконамъ и монахамъ вступать въ бракъ или имѣть наложницъ; запрещеніе князьямъ и свѣтскимъ лицамъ налагать руку на церковное имущество; отлученіе отъ церкви всѣхъ, кто будетъ грабить или облагать новыми поборами паломниковъ, отправляющихся въ Римъ.

Папскій авторитетъ въ Германіи.—Въ слѣдующемъ году папскій легатъ Вильгельмъ, епископъ Палестрины, получаетъ порученіе объѣхать Германію для окончательнаго умиротворенія церквей. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, какъ велико было здѣсь въ это время вліяніе папы. Въ теченіе борьбы число епископовъ, аббатовъ, благочестивыхъ христіанъ, сторонниковъ Рима и реформы, не переставало увеличиваться. Идеи Григорія VII были съ энтузіазмомъ приняты въ монашескихъ кружкахъ, и отсюда получили дальнѣйшее распространеніе. Это движеніе было особенно сильно въ Швабіи. Тамъ, въ Шварцвальдѣ, находился большой Гиршаускій монастырь, который можно было бы назвать «нѣмецкимъ Клоуни», и во главѣ котораго съ 1069 по 1091 г. стоялъ баварецъ Вильгельмъ, горячій приверженецъ реформаціонной идеи. Онъ распространилъ ее въ обителяхъ Швабіи, гдѣ Генрихъ IV встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Гиршау находился въ сношеніяхъ съ Клоуни, который основалъ въ этой области монастырь св. Власа. Было еще одно обстоятельство, которое благопріятствовало вліянію монаховъ на общество: Гиршау ввелъ въ Германіи орденъ бѣльцовъ; тогда стали присоединяться къ монашеству не только люди изъ простонародья, но и крупные помѣщики, и такъ какъ число ихъ безпрестанно увеличивалось, то многіе изъ нихъ жили внѣ монастыря. Въ Швабіи также было учреждено Общежительное братство, аналогичное позднѣйшему «третьему ордену» францисканцевъ; къ нему присоединились цѣлыя деревни. Эти адепты монашества, живя среди свѣтскаго общества, распространяли въ

немъ свои идеи. Изъ Швабін вліяніе Гиршаускаго монастыря и монастыря св. Власа перешло въ сосѣднія области, Франконію, Тюрингію, Баварію, Каринтію. Они преобразовали находившіеся здѣсь монастыри и основали новыя поселенія. Всѣ эти монахи и полу-монахи составляли пылкую и дѣятельную армию на службѣ папства и епископства, которыя вдохновлялись ею.

Нѣмецкая церковь также съ согласія папы старалась распространить свои завоеванія на сосѣдніе народы. Епископъ бамбергскій, Оттонъ, во время борьбы императора съ папой постоянно хлопоталъ о возстановленіи мира; когда ему минуло 60 лѣтъ, онъ сдѣлался апостоломъ Помераніи, которую незадолго передъ тѣмъ Болеславъ Польскій покорилъ цѣлымъ рядомъ удачныхъ походовъ. Съ одобренія Рима онъ углубился въ эту страну (1124); хорошо принятый герцогомъ померанскимъ, Вратиславомъ, онъ объѣхалъ населенные пункты, проповѣдуя христіанство. Когда онъ вернулся въ Польшу (1125), болѣе 22000 померанцевъ было обращено въ христіанство и освящено одиннадцать церквей. Позже тамъ было основано епископство. Съ другой стороны, Каликстъ II па Латеранскомъ соборѣ (1123) старался возстановить вліяніе гамбургско-бременскаго архіепископа на сѣверныя страны; онъ создалъ зависимое отъ послѣдняго епископство въ Скандинавіи. Этой попыткѣ подчинить христіанскую Скандинавію нѣмецкой церкви не суждено было имѣть успѣха.

Папство и Италія.—Въ Италіи епископы Ломбардіи и Романьи послѣ продолжительнаго сопротивленія подчинились Риму; епископы южныхъ областей нуждались въ его поддержкѣ противъ посягательствъ норманнскихъ князей. Въ Средней Италіи, въ своей собственной области, папство пыталось сломить могущество свѣтскихъ владѣтелей, которые захватили мелкія княжества во владѣніяхъ св. Петра. Каликстъ II снарядилъ противъ нихъ нѣсколько экспедицій и преслѣдовалъ ихъ въ ихъ убѣжищахъ. Онъ старался также ослабить тѣ мятежныя фамиліи, которыя, воздвигая свои укрѣпленныя башни на улицахъ и даже въ древнихъ памятникахъ Рима, терроризировали городъ и возбуждали въ немъ смуты: башня семьи Ченчю Франджинани, «обитель тираніи и несправедливости», была сравнена съ землей. Однако событія, послѣдовавшія за смертью Каликста II (дек. 1124), доказали, что честолюбіе семьи Франджинани далеко еще не было сломлено. Городъ, опустошенный норманнами, представлялъ самый жалкій видъ. Епископъ турскій, Гильдебертъ, посѣтившій Римъ въ 1106 г., оплакалъ его разру-

шеніе въ поэмѣ, полной краснорѣчивой грусти: «Ничто не сравнится съ тобою, о Римъ! ты почти весь лежишь въ развалинахъ, но и послѣ разрушенія ты свидѣтельствуешь о томъ, каково было прежде твое величіе. Вѣка разрушили твои великолѣпные памятники; дворцы императоровъ, храмы боговъ лежатъ въ болотахъ». Каликстъ II старался залечить раны, нанесенныя войной; водопроводы были исправлены, произведены были нѣкоторыя работы въ храмѣ Петра и въ Латеранѣ. Въ городѣ былъ возстановленъ порядокъ, и можно было безъ страха выйти на улицу: «Съ этого времени», пишетъ современный авторъ, «въ Римѣ настала такой глубокой миръ, что ни одинъ гражданинъ, ни одинъ иностранецъ не носилъ больше оружія, вопреки прежней привычкѣ».

Такимъ образомъ, въ 1124 г. папство господствовало надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ; но условія мира не были точно оговорены, и имперія, принужденная идти на уступки, должна была вскорѣ искать случая отмстить за свое пораженіе.

ГЛАВА III.

Папство, Германія и Италія, Фридрихъ Барбаросса.

(Отъ 1125 до 1190 г.)

I.—Германія; императоръ Лотарь, Гогенштауфены.

Второй періодъ борьбы.—Послѣ короткаго перемирія (1123—1157) борьба между папствомъ и имперіей возобновляется въ новой формѣ и при иныхъ условіяхъ: противъ папства выступаетъ могущественнѣйшій изъ среднѣвѣковыхъ нѣмецкихъ императоровъ. Однако, энергіи и ума Фридриха Барбароссы оказывается недостаточно для того, чтобы доставить побѣду императорской власти; его чрезмѣрное честолюбіе вредитъ его успѣху. Въ то время, какъ папа и императоръ оспариваютъ другъ у друга главенство надъ христіанскимъ міромъ, рядомъ съ ними развиваются другія силы, другія государства, исторія которыхъ представляетъ столь же глубокий и часто еще болѣе реальный интересъ. Феодалная и городская Германія является почти такою, какою она останется до новѣйшаго времени, съ ея запутанной системой княжествъ и сенерій, съ ея промышленными городами, ревниво оберегающими свои привилегіи. Италія съ своей стороны дѣлается страной большихъ муниципальныхъ республикъ, въ которыхъ политическая жизнь бьетъ ключемъ, безпрестанно раздражаясь распрями и внезапными мятежами, но зато побуждая людей къ энергической дѣятельности и поддерживая въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства. Эти республики растутъ благодаря трудолюбію населенія, разсѣваютъ свои конторы по всѣмъ странамъ, посылаютъ свои корабли во всѣ моря, отъ Англіи до крайняго Востока; онѣ болѣе прочно завоевываютъ міръ торговлей, чѣмъ крестоносцы оружіемъ.

Лотарь: борьба съ Гогенштауфенами.—Когда Генрихъ V умеръ, не оставивъ сыновей, въ Майнцѣ собрался большой сеймъ (августъ 1125). Многие могущественные князья, вѣроятно, мечтали о коронѣ. Самымъ честолюбивымъ изъ всѣхъ былъ Фридрихъ Гогенштауфенъ. Еще совсѣмъ молодой, тридцати-пяти лѣтъ отъ роду, онъ былъ главою дома Вейблингенъ, герцогомъ Швабии. Энергичный, смѣлый, племянникъ Генриха V по матери своей Агнесѣ, онъ былъ братомъ Конрада, герцога Франконіи. Съ другой стороны, онъ былъ женатъ на Юдиои, дочери баварскаго герцога Генриха Чернаго, изъ фамиліи Вельфовъ, которая боролась съ предшествовавшими императорами и обширныя владѣнія которой простирались вдоль Альпъ, въ Саксоніи и Италиі. Въ сравненіи съ этимъ молодымъ человѣкомъ, жаждавшимъ власти, Лотарь сунплинбургскій, герцогъ саксонскій, маркграфъ мейссенскій и лузацскій, былъ старикомъ; но онъ опирался на наиболѣе объединенную, наиболѣе дорожившую своею независимостью часть Германіи. Высокомѣріе Фридриха безпокоило князей; архіепископъ майнцскій, Адальбертъ, убѣдилъ ихъ избрать Лотаря. По свидѣтельству одного современника, правда, оспариваемому нѣкоторыми, Лотарь, обязанный своимъ избраніемъ церкви, отблагодарилъ ее за эту услугу слѣдующими привилегіями: «Церковь получаетъ свободу, къ которой она всегда стремилась... она пользуется свободой выбора въ духовныхъ дѣлахъ, не стѣсняемая страхомъ передъ императорскою властью или, какъ раньше, присутствіемъ императора;... императоръ имѣетъ право давать торжественную инвеституру по сохому на владѣніе церковнымъ имуществомъ только тому, кто свободно избранъ и посвященъ на каедру по духовному уставу». Однако на дѣлѣ Лотарь неуклонно пользовался правами, которыя Вормскій конкордатъ призналъ за императоромъ.

Гогенштауфены, обманутые въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, сдѣлались естественными врагами Лотаря. Вскорѣ послѣ своего избранія онъ началъ преслѣдовать ихъ, обратившись на сеймѣ въ Регенсбургѣ (1125) къ князьямъ съ вопросомъ, должны ли владѣнія, конфискованныя у изгнанныхъ мятежниковъ, считаться государственнымъ имуществомъ, или частною собственностью короля. Сеймъ рѣшилъ, что они принадлежать государству и, слѣдовательно, не могутъ быть отчуждаемы. А Фридрихъ унаслѣдовалъ отъ Генриха V владѣнія, происхождение которыхъ было именно таково. Въ то же время Лотарь задумывалъ уже походъ противъ Гогенштауфеновъ; сильный союзомъ съ папой, онъ

добился того, что Гонорій II отлучилъ ихъ отъ церкви (1125). Прежде всего онъ постарался приобрести союзниковъ. Хотя въ Богеміи, гдѣ тогда шелъ споръ изъ-за наслѣдованія герцогскаго престола, онъ потерялъ въ нѣраженіе и ему не удалось провести своего кандидата, однако Собеславъ, которому досталась побѣда, призналъ себя его вассаломъ и принесъ присягу на вѣрность. Въ 1127 году сынъ и наслѣдникъ Генриха баварскаго, Генрихъ Гордый женился на Гертрудѣ, дочери Лотаря. Такъ возникло это соперничество между Вельфами и Вейблингенами, Гвельфами и Гибелинами, которое, много разъ измѣняя свой характеръ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ играетъ важную роль въ политической исторіи Германіи и Италіи и даже во внутреннихъ раздорахъ городовъ.

Война началась въ этомъ же году. Осада Нюренберга Лотаремъ окончилась неудачей. На это нападеніе Фридрихъ и Конрадъ отвѣтили смѣлой выходкой. Во время праздниковъ Рождества Лотарь узналъ, что Конрадъ только что провозгласилъ себя королемъ. Въ 1128 г. Конрадъ перешелъ Альпы; онъ былъ хорошо принятъ жителями Милана, находившимися въ ссорѣ съ папою; архіепископъ короновалъ его въ Мошцѣ. Однако ему не удалось упрочить свое господство въ Италіи и позднѣе онъ принужденъ былъ покинуть ее. А въ Германіи Лотарь торжествовалъ побѣду: въ 1129 г. онъ отнялъ у Гогенштауфеновъ Шпейеръ, въ 1130 г.—Нюренбергъ, въ 1134 г. онъ страшно опустошилъ Швабію. Не въ силахъ долѣе бороться, Фридрихъ явился въ Фүльду, чтобы изъявить свою покорность (окт. 1134). Соперникъ короля, Конрадъ, вскорѣ сдѣлалъ то же самое. Обоимъ Лотарь оставилъ ихъ аллоды и лены, и на Бамбергскомъ сеймѣ (мартъ 1135 г.) онъ провозгласилъ всеобщій миръ для всей Германіи.

Германія и восточные сосѣди.—Теперь Лотарь былъ достаточно силенъ, чтобы приняться за возстановленіе авторитета Германіи среди сосѣднихъ народовъ. Въ Даніи оспаривавшіе другъ у друга власть короли, Эрикъ и Магнусъ, одинъ за другимъ признали себя его вассалами. Магнусъ обѣщалъ даже, что никто изъ его преемниковъ не возложитъ на себя корону безъ согласія императора (1134). Въ Венгріи король Бѣла II просилъ у него помощи противъ своего соперника Бориса и польскаго герцога, Болеслава (1134). Послѣдній далъ Лотарю клятву въ вѣрности, обязался платить ему дань и владѣть Помераніей на правахъ его ленника. При дворѣ Лотаря, на ряду съ славянскими князьями

или ихъ послами, можно было видѣть и посланниковъ отъ константинопольскаго и венеціанскаго дворовъ.

Подобно Карлу Великому и Оттонамъ, Лотарь хотѣлъ обезпечить вліяніе Германіи при помощи христіанства. Съ его разрѣшенія Оттонъ Бамбергскій въ 1128 г. возвратился въ Померанію, гдѣ язычество снова окрѣпло и подрывало успѣхи христіанства. Въ Брандебургѣ венденскій князь Прибиславъ принялъ христіанскую вѣру. Маркграфъ Сѣверной марки, Альбрехтъ Медвѣдь, своими побѣдами и своимъ вліяніемъ энергично содѣйствовалъ миссіонерамъ. Прибиславъ заключилъ съ нимъ союзъ и, будучи бездѣтнымъ, сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ: такъ началось могущество асканійской династіи въ Брандебургѣ ¹⁾). Магдебургъ при епископѣ Норбертѣ, избранномъ въ 1126 г., опять сдѣлался средоточіемъ миссій для востока, для славянскихъ странъ; Норбертъ хотѣлъ, чтобы новыя епископства, основанныя въ Польшѣ и въ Помераніи, были подчинены магдебургскому митрополиту. Папа, которому онъ былъ вѣрнымъ и вліятельнымъ помощникомъ въ сношеніяхъ съ королемъ, далъ ему согласіе на это въ 1133 г. Такимъ образомъ, польская церковь потеряла свою независимость; гнѣзненскій архіепископъ пересталъ быть митрополитомъ. На сѣверѣ папа возстановилъ права архіепископа бременскаго надъ скандинавскими церквами и особенно надъ лундскимъ епископствомъ. Впрочемъ, это были безуспѣшныя мѣры: епископъ лундскій по-прежнему остался митрополитомъ Скандинавіи; епископъ гнѣзненскій послѣ смерти Норберта, въ 1135 г., снова получилъ свои старинныя привилегіи. По крайней мѣрѣ, премонстранскій орденъ, основанный Норбертомъ еще до избранія его архіепископомъ, способствовалъ обращенію славянъ въ христіанство. Съ другой стороны, изъ Бремена отправился Визелинъ, чтобы проповѣдовать Евангеліе у вагровъ и ободритовъ, среди которыхъ христіанство сдѣлало еще небольшіе успѣхи. По его совѣту Лотарь въ 1134 г. построилъ на берегу Травы крѣпость Сегебергъ, которая должна была господствовать надъ странюю и охранять содѣланный монастырь.

Споръ между Иннокентіемъ II и Анаклетомъ II. — Въ Италіи папство, тотчасъ послѣ своей побѣды, подверглось новымъ опасностямъ. Гонорій II, преемникъ Каликста II (1124), не пользовался такимъ авторитетомъ, какъ его предшественникъ.

¹⁾ См. ниже, гл. XIV.

Избранный фамиліей Франджипани, онъ имѣлъ противниковъ въ лицѣ фамилиі Пьерлеони. Феодальныя партіи, всегда готовыя къ смѣлымъ предпріятіямъ и мятежамъ, снова начали волновать Римъ.

На югѣ явилась другая опасность. Норманны, всегда своекорыстные и часто опасные союзники папы, основали сильное государство, уже одно сосѣдство котораго было угрозою. Послѣ смерти Роберта Гюискара (1085) между двумя его сыновьями, Рожеромъ Борсой и Богемундомъ, возникъ споръ изъ-за наслѣдованія Калабріи и Апуліи. Рожеръ Борса овладѣлъ наслѣдствомъ, а Богемундъ отправился искать счастья въ Св. Землѣ. Рожеру наслѣдовалъ его сынъ Вильгельмъ (1111); когда послѣдній умеръ бездѣтнымъ (1127), Рожеръ II, сынъ и наслѣдникъ завоевателя Сициліи Рожера I, также умершій бездѣтнымъ, соединилъ подъ своею властью всѣ норманнскія владѣнія. Энергичный, способный, умѣвшій ловко пользоваться событіями для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, Рожеръ, задавшись цѣлью съ самаго вступленія на престолъ подчинить себѣ аристократію, чтобы упрочить свою власть, пересталъ испрашивать папскую инвеституру для духовныхъ сановниковъ. Гонорій отлучилъ его отъ церкви, составилъ противъ него лигу изъ южныхъ князей, потребовалъ обратно Апулію и Калабрію; но все это было безуспѣшно: онъ принужденъ былъ уступить и снова дать Рожеру инвеституру на эти провинціи (1128).

Послѣ смерти Гонорія II (февраль 1130) разгорѣлась борьба соперниковъ. Въ то время какъ одна часть кардиналовъ наскоро избрала Иннокентія II, который опирался на фамиліи Франджипани и Корси, другая партія противопоставила ему кардинала Петра изъ фамиліи Пьерлеони, который принялъ имя Анаклета II. Иннокентій II долженъ былъ бѣжать въ Пизу. Его соперникъ остался одинъ господиномъ Рима. Оба обратились за помощію къ Лотарю. Посредничество въ ихъ спорѣ взялъ на себя св. Бернардъ, человекъ, который въ теченіе цѣлой части этого столѣтія былъ душой христіанскаго міра. Онъ родился въ 1091 г. въ Бургундіи и на двадцать второмъ году поступилъ монахомъ въ тотъ самый Ситосскій монастырь, который благодаря своему настоятелю Этьену Гардингу сдѣлался центромъ монастырской реформы. Въ 1115 году онъ сдѣлался аббатомъ цистерціанскаго монастыря въ Клерво. Аскетъ и мистикъ, онъ однако соединялъ въ себѣ практическую энергію съ созерцательнымъ умомъ. Онъ принималъ участіе въ мірскихъ дѣлахъ и переѣзжалъ изъ страны

въ страну, защищая дѣло церкви и папства, реформу духовенства, священную войну. Всюду, гдѣ раздавалась его проповѣдь, онъ своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ увлекалъ князей и народы, отрывая ихъ отъ ссоръ, страстей и мелкихъ заботъ. Когда на соборѣ въ Этампѣ французскій король Людовикъ VI и епископы предложили ему разрѣшить споръ между Иннокентіемъ II и Анаклетомъ, св. Бернардъ высказался въ пользу перваго изъ нихъ, и его примѣру послѣдовало почти все духовенство Франціи, за исключеніемъ Аквитаніи (1130). Иннокентій, нашедшій убѣжище во Франціи, предсѣдательствовалъ на Клермонскомъ соборѣ. Въ томъ же году (1130) въ Германіи Вюрцбургскій соборъ также принялъ его сторону. Вскорѣ послѣ этого онъ имѣлъ въ Люттихѣ свиданіе съ Лотаремъ, причемъ состоялось формальное соглашеніе между папствомъ и имперіей (мартъ—апрѣль 1131). На Реймскомъ соборѣ онъ короновалъ новаго короля Франціи, Людовика VII. Англія, Кастилія, Арагонія въ свою очередь признали его. Единственнымъ союзникомъ Анаклета былъ Рожеръ Сицилійскій, которому онъ въ 1130 г. пожаловалъ титулъ короля; да и Рожеръ былъ скорѣ побѣжденъ возставшими апулійскими сеньорами (1132).

Лотарь въ Италіи.—Таково было положеніе дѣлъ, когда въ концѣ 1132 г. Лотарь съ небольшою арміею спустился въ Италію. Встрѣтивъ враждебный пріемъ въ Ломбардіи, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы вступить въ Верону, и не могъ справиться съ маленькимъ городомъ Кремой. На югѣ Реджо и Болонья заперли передъ нимъ свои ворота. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1133 года онъ въ сопровожденіи Иннокентія II вступилъ въ Римъ и овладѣлъ императорскимъ дворцомъ на Авецтинѣ, между тѣмъ какъ Анаклетъ занялъ città Leonina и замокъ св. Ангела: поэтому ему пришлось возложить на себя императорскую корону не въ церкви св. Петра, а въ Латерацѣ (іюнь 1133). По показанію Оттона Фрейзингенскаго, Иннокентій II впоследствии заказалъ картину, которая изображала его сидящимъ на тронѣ, въ то время, какъ преклоненный Лотарь получаетъ изъ его рукъ корону. Подъ картиною была слѣдующая надпись: «Король подходитъ къ воротамъ, присягая предварительно соблюдать привилегіи города, потомъ онъ дѣлается слугою папы, отъ котораго получаетъ корону»:

Rex venit ante fores, jurans prius urbis honores;
Post homo fit papae, sumit quo dante coronam.

Это надменное толкованіе церемоніи коронаванія Лотаря, кажется, совершенно неосновательно: Иннокентій II призналъ все права, дарованныя императору вормсскимъ конкордатомъ. Что касается имущества графини Матильды, то было заключено соглашеніе, предоставлявшее императору право владѣть тѣми имѣніями, которыя были ленами имперіи; аллодіальными же помѣстьями онъ могъ пользоваться за ежегодную дань въ 100 ливровъ, а послѣ его смерти они должны были отойти опять къ куріи. Въ 1137 г. папа пожаловалъ ихъ на тѣхъ же условіяхъ зятю короля, Генриху Баварскому.

Въ сентябрѣ 1136 г. Лотарь во второй разъ перешелъ черезъ Альпы. Иннокентій II все еще боролся съ Анаклетомъ, и кромѣ того константинопольскій и венеціанскій дворы просили у императора помощи противъ Рожера Сицилійскаго. Энергичный и умный король норманновъ стремился создать однородное государство, подчиненное сильной власти. Его противниками были сеньеры и города южной Италіи, которые очень тяготились сицилійскимъ господствомъ и опирались на союзъ съ Пизой, Генуей и Венеціей. Однимъ изъ самыхъ страшныхъ его противниковъ былъ св. Бернардъ, который преслѣдовалъ его какъ сторонника Анаклета и проповѣдовалъ противъ него настоящій крестовый походъ на сѣверѣ и въ центрѣ Италіи. Жиггели Милана, воспламененные его краснорѣчіемъ, не хотѣли отпустить его отъ себя, намѣреваясь противъ его воли сдѣлать его своимъ архіепископомъ. По отношенію къ Лотарю многіе ломбардскіе города сохранили свое независимое положеніе, несмотря на сильную армію, которую онъ въ этотъ разъ привелъ съ собою; но когда онъ вмѣстѣ съ папой вступилъ въ южную Италію, онъ всюду одерживалъ побѣды и въ короткое время овладѣлъ городами, которые пробовали оказать сопротивленіе, какъ напримѣръ Бари и Салерно. Имперія мстила за пораженія, которыя потерпѣлъ нѣкогда въ этой странѣ Оттонъ II. Однако, когда зашелъ вопросъ о распредѣленіи завоеваній, императоръ и папа едва не поссорились. Папа смотрѣлъ на Апулію и Калабрію, какъ на лены св. Петра. Нужно было найти такое рѣшеніе, которое удовлетворило бы обѣ стороны: когда новый герцогъ Апуліи, Райнульфъ, получалъ герцогское знамя, императоръ и папа вручили его ему, держа каждый одинъ конецъ знамени. Въ интересахъ мира между церковью и имперіей обимъ союзникамъ пора была разстаться. Спѣша возвратиться въ Германію, престарѣлый императоръ не сдѣлалъ даже

попытки снова водворить Иннокентія II въ Римѣ, который находился въ рукахъ Анаклета. Лотарь умеръ во время пути, въ одной тирольской деревнѣ, 4 декабря 1137 г. Послѣ его удаленія въ Апулію и Калабрию вступилъ Рожеръ, чтобы наказать ихъ, и отдалъ ихъ на разграбленіе своимъ сарадинскимъ отрядамъ.

«Вполнѣ справедливо», говоритъ одинъ современный писатель, «мы называемъ Лотаря отцомъ отечества, ибо онъ мужественно защищалъ его и всегда былъ готовъ подвергнуть свою жизнь опасности во имя справедливости; подъ его управленіемъ народу нечего было бояться; каждый мирно и спокойно пользовался своимъ имуществомъ». Его имя менѣе извѣстно, чѣмъ имена многихъ другихъ императоровъ; но въ средневѣковой исторіи Германіи было мало такихъ счастливыхъ царствованій, какъ царствованіе Лотаря. Онъ сумѣлъ принудить къ покорности могущественную фамилію, которая оспаривала у него власть, подчинить себѣ князей, возстановить спокойствіе, внушить сосѣдямъ уваженіе къ Германіи. Благочестивый, искренній покровитель церкви и папства, онъ ни въ чемъ не поступилъ вормскимъ конкордатомъ: онъ намѣревался даже возстановить тѣ права относительно церковныхъ выборовъ, которыми прежде пользовался императоръ.

Воцареніе Гогенштауфеновъ: Конрадъ III.—Послѣ смерти Лотаря во всей имперіи не было князя, который могъ бы сравниться по могуществу съ его зятемъ, главою дома Вельфовъ, баварскимъ герцогомъ Генрихомъ Гордымъ. Лотарь, не имѣвшій сыновей и видѣвшій въ немъ своего преемника, старался расширить его владѣнія и упрочить за нимъ территориальное положеніе, необходимое для того, чтобы энергически пользоваться императорскою властью. Такимъ образомъ, въ Германіи Генрихъ Гордый присоединилъ къ Баваріи Швабію и Саксоцію; въ Италіи онъ владѣлъ ленами, доставшимися ему изъ наслѣдства Матильды, напримѣръ, маркграфствомъ тосканскимъ, и въ силу договора, заключеннаго съ папой въ 1137 г., имѣлъ въ пожизненномъ пользованіи аллодіальныя помѣстья, которыя принадлежали къ этому наслѣдству. «Онъ хвасталъ», говоритъ Оттонъ Фрейзингенскій, «что распространилъ свою власть отъ одного моря до другого (отъ Сѣвернаго до Средиземнаго)». Такое могущество, въ связи съ пылкимъ честолюбіемъ и энергическимъ характеромъ Генриха Гордаго, страшило и свѣтскихъ князей, и епи-

скоповъ. Въ то время какъ маркграфъ Сѣверной марки, Альбрехтъ Медвѣдь, оспаривалъ у него саксонское наслѣдство, тѣ германскіе князья, которые были его противниками, собрались въ Кобленцѣ (мартъ 1138) и избрали королемъ Конрада Гогенштауфена—того самаго, который въ предшествовавшее царствованіе оспаривалъ корону у Лотаря.

Такъ началась, на этотъ разъ непосредственно, борьба Вельфовъ и Вейблингеновъ. Чтобы сломить могущество Генриха Гордаго, Конрадъ отпаялъ у него Саксонію и отдалъ ее Альбрехту Медвѣдю. Храбрый маркграфъ, который уже столько лѣтъ съ такой энергіей добивался господства надъ сѣверными областями, естественно былъ для Вельфовъ страшнымъ противникомъ. Другой королевскій указъ лишилъ Генриха Баварію, которую Конрадъ отдалъ своему сводному брату, австрійскому маркграфу Леопольду, изъ дома Бабенберговъ. Генрихъ не хотѣлъ уступить. Въ 1139 г. онъ изгналъ Альбрехта Медвѣдя изъ Саксоніи; но внезапно умеръ отъ лихорадки (октябрь 1139 г.), во цвѣтъ лѣтъ, на 35-мъ году жизни. оставивъ свое опасное наслѣдство десятилѣтнему сыну Генриху, который впоследствии получилъ названіе Льва. Борьба продолжалась. Позже, въ 1142 г., во Франкфуртѣ былъ подписанъ договоръ: саксонскіе сеньеры подчинились королю, который призналъ молодого Генриха саксонскимъ герцогомъ; вдова Генриха Гордаго, Гертруда, вышла замужъ за брата Конрада, маркграфа Генриха Язомирготта, который въ слѣдующемъ году получилъ въ управленіе Баварію. Тѣмъ не менѣе миръ въ Германіи не былъ восстановленъ: сторонники Вельфовъ не разоружались вполне; повсюду вспыхивали войны между крупными сеньеріальными фамиліями; Рожеръ Сицилійскій и венгерскій король вербовали себѣ союзниковъ среди нѣмецкихъ князей, чтобы поддерживать раздоры въ Германіи; въ Провансѣ и Бургундіи власть Конрада была ничтожна.

Несмотря на столько затрудненій внутри государства, Конрадъ составилъ между тѣмъ планъ цѣлаго ряда походовъ. Онъ заключилъ съ константинопольскимъ дворомъ союзный договоръ противъ Рожера Сицилійскаго (1142); позднѣе императоръ Мануиль Комнинъ женился на его свояченицѣ, Бергѣ зульцбахской (1146). Увлеченный св. Бернардомъ, онъ возложилъ на себя крестъ въ Шпейерѣ на Рождествѣ 1146 года. Князья и сеньеры послѣдовали его примѣру; междоусобныя войны прекратились. Во Франкфуртѣ (мартъ 1147 г.) провозглашенъ былъ всеобщій

миръ. Въ маѣ Конрадъ, короновавъ своего десятилѣтняго сына Генриха, выступилъ въ походъ со множествомъ искателей приключеній, бѣдняковъ и богатыхъ, даже женщинъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Среди нихъ, рассказываетъ лѣтописецъ, было много людей, которыхъ гнали изъ отечества крайняя бѣдность, долги, стремленіе покрыть забвеніемъ какой-нибудь проступокъ. Это былъ второй крестовый походъ; извѣстно, какъ неудачно онъ кончился ¹⁾.

Въ самой Германіи многіе сеньеры, особенно саксонскіе, мало интересуясь посѣщеніемъ Іерусалима, организовали подъ вліяніемъ св. Бернарда крестовый походъ противъ вендовъ. Успѣху нѣмецкаго вліянія въ этой странѣ помѣшали раздоры между Альбрехтомъ Медвѣдемъ и Генрихомъ Гордымъ. Между тѣмъ графъ Адольфъ голштинскій возобновилъ борьбу со славянами, завоевалъ Вагрію, возстановилъ Любекъ, покровительствовалъ христіанскимъ миссіямъ, призвалъ колонистовъ изъ Фландріи, Голландіи и Вестфаліи, обѣщая имъ землю, богатую плодами, стадами, пастбищами. «Несмѣтное множество народа откликнулось на этотъ призывъ» (Гельмольдъ). Онъ завязалъ дружескія сношенія съ ободритскимъ княземъ Никлотомъ. Крестовый походъ чуть не разрушилъ всей его работы, вызвавъ нашествіе вендовъ: они снова разрушили Любекъ и опустошили поселенія нѣмецкихъ колонистовъ. Походъ, предпринятый противъ нихъ, продолжался только нѣсколько недѣль; единственнымъ серьезнымъ результатомъ его было обращеніе въ христіанство Ратибора, герцога Помераніи. Адольфъ получилъ возможность возстановить свое вліяніе въ Вагріи, но больше всего эти событія послужили на пользу Генриху Льву, который упрочилъ свою власть въ Саксоніи и завоевалъ область дитмаршей (1148). Между тѣмъ его соперникъ Альбрехтъ Медвѣдъ, послѣ смерти бранденбургскаго князя Прибислава (1150), унаслѣдовалъ его княжество; онъ ввелъ здѣсь германское устройство и довершилъ распространеніе христіанства, покровительствуя пропагандѣ премонтранцевъ. Епископство Гавельбергское также обязано было ему своимъ развитіемъ. Несмотря на анархію, которою ознаменовалось царствованіе Конрада, предѣлы германскаго міра все-таки расширились въ ущербъ славянству.

Послѣдніе годы Конрада прошли такъ же тревожно. Во время

---

¹⁾ См. ниже, гл. VI.

крестоваго похода князья возмутились противъ его сына Генриха; графъ Вельфъ VI въ союзѣ съ Рожеромъ Сицилійскимъ старался возбудить большое возстаніе. Возвращеніе короля (май 1149 г.) не возстановило порядка. Вельфъ продолжалъ свои происки. Генрихъ Левъ взялся за оружіе и потребовалъ назадъ Баварію. Умирая (февраль 1152 г.), Конрадъ оставилъ Германію глубоко разстроеною, а королевскую власть—совершенно безсильной.

Фридрихъ Барбаросса.—Скоро положеніе измѣнилось. Конрадъ оставилъ послѣ себя только одного восьмилѣтняго сына; онъ понималъ, что долженъ отказаться отъ мысли передать ему престолъ, и указалъ избирателямъ на своего племянника Фридриха Швабскаго. Нѣмецкіе князья, собравшись во Франкфуртѣ, приступили къ осуществленію своего права, «ибо», говоритъ Оттонъ Фрейзингенскій, «таковъ законъ римской имперіи, что короли выбираются князьями, а не получаютъ престолъ по наслѣдству». Но они послѣдовали совѣту Конрада. Епископъ-историкъ, приходившійся дядей новому королю, прибавляетъ, что къ этому рѣшенію ихъ побудила жажда мира: «Среди фамилій имперіи были тогда двѣ знаменитыя, Вейблингены и Вельфы, изъ которыхъ первая обыкновенно держала сторону императоровъ, вторая оказывала поддержку могущественнымъ герцогамъ. Ихъ соперничество часто бывало причиной волненій въ государствѣ. Но по волѣ Провидѣнія, въ царствованіе Генриха V отца Фридриха изъ фамиліи Вейблингеновъ женился на дочери герцога Вельфа Баварскаго. Такимъ образомъ, князья избрали Фридриха не только ради его энергіи и вліянія, но и потому, что онъ могъ примирить обѣ враждебныя фамиліи».

Еще молодому (ему было около тридцати лѣтъ), умному, честолюбивому Фридриху Барбароссѣ суждено было въ теченіе тридцати восьми лѣтъ волновать міръ и господствовать надъ нимъ. Онъ воплотилъ въ себѣ всѣ типичныя черты средневѣковаго германскаго императора и неумоимо стремился къ осуществленію всѣхъ плановъ и надеждъ, которыя его современники связывали съ этимъ званіемъ. Доблестный рыцарь и выдающійся государственный человѣкъ, онъ, правда, не во всѣхъ предпріятіяхъ имѣлъ успѣхъ, но его царствованіе покрыто необыкновеннымъ блескомъ, усиленію котораго какъ-будто способствовали всѣ обстоятельства. Германія XII вѣка пробуждается къ новой жизни, города процвѣтають, народная поэзія нарождается и быстро раз-

вивается; и если это не есть дѣло собственно Фридриха, то онъ способствовалъ этому расцвѣту своей настойчивостью въ устройствѣ порядка и рыцарскимъ блескомъ своего двора.

Фридрихъ Барбаросса преслѣдовалъ одновременно двоякаго рода политику: королевскую и имперскую. Какъ король Германіи, онъ хотѣлъ установить въ ней болѣе единство управленія, ослабить крупныхъ феодаловъ и въ то же время положить конецъ насиліямъ мелкихъ сеньеровъ. Какъ императоръ, онъ руководился традиціями; онъ считалъ себя наслѣдникомъ Константина, Юстиніана, Оттона, Карла Великаго. Тотчасъ послѣ своего избранія онъ писалъ папѣ, что его цѣль—«возстановить величіе Римской имперіи въ ея прежней силѣ и блескѣ», и лѣтописецъ Радвинъ говоритъ по этому поводу: «Во все время своего царствованія онъ ни о чемъ такъ не заботился, какъ о возстановленіи прежняго значенія Римской имперіи». Приводя въ исполненіе свои планы, онъ часто обнаруживалъ умъ болѣе ясный и болѣе практической, чѣмъ его нѣмецкіе предшественники. Ни Карлъ Великій, ни Оттонъ не знали точно имперскаго права, на которое они ссылались; не то было при Фридрихѣ: легисты, болонскіе доктора, которыми онъ окружалъ себя и къ которымъ обращался за опредѣленіемъ своихъ правъ, были истолкователями послѣднихъ. Они постарались найти положенія наиболѣе благопріятныя для его власти; они внушили императору, что его желаніе имѣти силу закона, что ему принадлежитъ не только верховная власть, но и право собственности надъ міромъ. Вооруженный этими краткими аксіомами, Фридрихъ владѣлъ ими съ такою же силой и искусствомъ, какъ своимъ мечомъ. Храбрый, какъ Ричардъ Львиное Сердце, подчасъ ловкій политикъ, какъ Филиппъ Августъ, онъ напоминаетъ Филиппа Красиваго своими ссылками на римское право и тѣмъ, что во всемъ опирается на юристовъ; но въ то время какъ Капетинги направляютъ свои усилія къ вполнѣ опредѣленной цѣли, онъ еще всецѣло находится во власти химеръ прошлаго. Въгъ почему, достигнувъ большихъ успѣховъ какъ король, онъ потерпѣлъ неудачу какъ императоръ. Несмотря на свою настойчивость и на жестокія мѣры, къ которымъ онъ прибѣгалъ, онъ не сумѣлъ справиться ни съ напствомъ, ни съ ломбардскими городами; стремясь поработить Италію, онъ возбудилъ въ ней стремленіе къ независимости и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ папство болѣе популярнымъ.

II.— Италия и Фридрихъ Барбаросса.

Ломбардскіе и тосканскіе города.—Чтобы понять борьбу, которую велъ Фридрихъ Барбаросса по ту сторону Альпъ, нужно познакомиться съ этой новой, полной жизни и страсти Италией, съ которой онъ столкнулся здѣсь.

Ломбардія сдѣлалась по преимуществу страной муниципальныхъ учрежденій. Если новѣйшія работы доказали, что невозможно установить прямую преемственность между римскими муниципіями и муниципіями среднихъ вѣковъ, то по крайней мѣрѣ съ увѣренностью можно сказать, что ломбардскіе города всегда играли важную роль и что въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ городская жизнь сохранилась тамъ лучше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ мѣстѣ. Въ IX и X вѣкахъ епископы сдѣлались фактическими господами ломбардскихъ городовъ: они присоединили къ своей власти власть древнихъ графовъ; въ ихъ рукахъ сосредоточиваются администрація, судъ, полиція, наборъ войска какъ въ городѣ, такъ и въ его округѣ. Многочисленные акты объ иммунитетахъ, дарованныхъ императорами церквамъ Модены, Реджо, Мантуи, Пармы, Бергамо, Кремоны, Лоди, Верчелли и пр., даютъ намъ ясное представленіе объ этой организаціи. Если въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Миланѣ, государство еще держитъ графовъ и маркграфовъ, то они играютъ жалкую роль рядомъ съ архіепископомъ. Далѣе на югъ картина мѣняется: въ Тосканѣ могущество епископа не достигаетъ такихъ размѣровъ; маркграфы обладаютъ дѣйствительной властью.

Подъ прикрытіемъ епископской власти и образуются ломбардскія муниципіи. Даже тамъ, гдѣ власть епископа простирается на цѣлое графство, городъ остается центромъ послѣдняго. Окруженный стѣнами, населенный людьми, которыхъ связываетъ другъ съ другомъ множество общихъ интересовъ, онъ рано начинаетъ сознавать свою индивидуальность и свою силу; купцы и ремесленники образуютъ самоуправляющіяся корпораціи, которыя, соединяясь, и создадутъ позже коммунальную администрацію. При томъ, епископъ, управляющій городомъ, является до извѣстной степени муниципальнымъ магистратомъ: юридически, хотя не всегда фактически, граждане принимаютъ участіе въ его избраніи; онъ самъ назначаетъ ассесоровъ, т. е. уполномоченныхъ, которые судятъ и управляютъ отъ его имени; онъ выбираетъ ихъ изъ

среды буржуазіи, и такимъ образомъ съ своей стороны содѣйствуетъ подготовкѣ муниципальнаго строя. Примѣромъ такого устройства можетъ служить Миланъ. Въ IX вѣкѣ власть архіепископа тамъ безгранична; но городъ обнаруживаетъ необыкновенную живучесть: въ XI вѣкѣ число его жителей достигаетъ 300,000; его промышленность и торговля находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Архіепископы управляютъ городомъ, назначаютъ муниципальных чиновниковъ, сзываютъ общія народныя собранія; въ первой половинѣ XI вѣка архіепископъ Герибертъ, поддерживаемый гражданами, вступаетъ въ борьбу съ самимъ императоромъ.

Почти во всѣхъ этихъ городахъ съ теченіемъ времени наступаетъ минута, когда та часть населенія, которая объединилась подъ покровомъ епископской власти, начинаетъ стремиться къ освобожденію отъ этого верховенства, находя его слишкомъ тяжелымъ. Въ Кремонѣ, въ началѣ XI вѣка, граждане отказываются уплатить епископу Ландульфу (1003—1031) различныя повинности, изгоняютъ его и разрушаютъ его замокъ. Реформы въ устройствѣ церкви, произведенныя въ теченіе второй половины XI вѣка, и споръ изъ-за инвеституры ослабили могущество епископовъ, вызвали броженіе въ городахъ и благопріятствовали стремленію гражданъ къ независимости. Въ Миланѣ народъ съ этого времени безпрестанно бунтуетъ противъ архіепископовъ, и среди этихъ-то смутъ возникаетъ муниципальное устройство. Съ другой стороны, города уже представляютъ собою силу, поддержку которой папа и императоръ наперерывъ стараются пріобрѣсти путемъ уступокъ. Подстрекая жителей Лукки къ возстанію противъ ихъ епископа Ансельма, Генрихъ IV вознаграждаетъ ихъ важными привилегіями и приказываетъ, чтобы съ этихъ поръ «ни одинъ епископъ, герцогъ, маркизъ, графъ или кто бы то ни былъ не смѣлъ нарушать ихъ правъ». Въ противномъ лагерѣ также стараются обезпечить себѣ вѣрность городовъ, какъ показываютъ привилегіи, пожалованныя графиней Матильдой Мантуѣ въ 1090 году. Мантуанцы не хотятъ болѣе подчиняться епископской власти: они изгоняютъ своего епископа Гуго, который умираетъ въ изгнаніи въ 1109 году, и его преемникъ Манфредъ во время одного мятежа съ трудомъ спасается отъ смерти. Регалии, пріобрѣтенныя или захваченныя епископами, переходятъ въ руки гражданъ.

Итакъ, въ концѣ XI-го и въ первой половинѣ XII-го вѣка совершается революція, благодаря которой епископское управле-

ніе во многихъ городахъ замѣняется муниципальной автономіей. Въ Ломбардіи однимъ изъ признаковъ этой революціи является распространеніе консулата, который уже и раньше встрѣчается въ нѣкоторыхъ итальянскихъ городахъ, напримѣръ, въ Веронѣ, Орвіето, Равеннѣ и др. Въ 1093 году консулы появляются въ Бландратѣ, въ 1095—въ Асти, въ 1109—въ Комо, въ 1107—въ Миланѣ, въ 1115—въ Гвасталѣ, въ 1126—въ Піаченцѣ, въ 1150—въ Моденѣ, и т. д., а за предѣлами Ломбардіи—въ 1094 году въ Пизѣ, въ 1099—въ Генуѣ, и т. д.

Муниципальное управленіе состоитъ изъ трехъ основныхъ элементовъ: консуловъ, совѣта и народнаго собранія.

Консулы являются администраторами, судьями и военачальниками. Въ нѣкоторыхъ городахъ каждое сословіе назначаетъ своихъ консуловъ. Дѣло въ томъ, что муниципія заключаетъ въ себѣ соперничающія сословія: знать (*milites, capitanei, vavassores*), буржуазію и чернь. Во многихъ мѣстахъ знать первоначально даже вовсе не входитъ въ составъ муниципальнаго общества. Въ Моденѣ она только въ 1185 году присоединяется къ нему, т. е. начинаетъ участвовать въ консульскихъ выборахъ и обязывается подчиняться муниципальнымъ магистратамъ. Итакъ, консулы являются главами ассоціаціи, которая можетъ обнимать собою и не всѣ классы населенія; такъ, въ Генуѣ, около середины XII-го вѣка, духовенство и чернь (*minores*) пользуются покровительствомъ ассоціаціи, но не входятъ въ ея составъ. Во многихъ городахъ число консуловъ достигаетъ двѣнадцати; но число это постоянно мѣняется, часто даже въ одномъ и томъ же городѣ: въ Миланѣ ихъ было въ 1117 году восемнадцать, въ 1130 двадцать, въ 1162 восемь. Иногда число консуловъ находится въ соотвѣтствіи съ количествомъ кварталовъ (*rigioni, sestieri*)—дѣленіе, служащее цѣлямъ администраціи и военного устройства муниципіи.

При консулахъ находится совѣтъ, называемый обыкновенно *credentia*, такъ какъ члены его (т. наз. *sapientes, prudentes*—«мудрые») давали присягу довѣрять консуламъ: *credentiam consulum juraverunt*. Они даютъ совѣты консуламъ, и въ нѣкоторыхъ городахъ консулы не могутъ принимать важныхъ мѣръ безъ ихъ согласія. О способѣ назначенія членовъ совѣта мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Общее собраніе, *concio publica, parlamentum*, заключаетъ въ себѣ всѣхъ, кто участвуетъ въ ассоціаціи,—*communitas*. Оно со-

зывается только въ наиболѣ важныхъ случаяхъ. Однако въ нѣкоторыхъ городахъ консулы обязаны, по окончаніи срока службы, отдавать ему отчетъ въ своей дѣятельности.

Каждый городъ имѣетъ свои обычаи, записанные въ его статутахъ, гдѣ римское право смѣшивается съ ломбардскимъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ городахъ процвѣтаетъ юридическое преподаваніе,—особенно въ Болоньѣ, которая, по выраженію одного современника, «въ преподаваніи свободныхъ искусствъ превосходила тогда все города Италіи». Со всехъ концовъ міра стекались туда студенты. Тамъ преподавалъ въ началѣ XII вѣка знаменитый Ирриерій, который своими лекціями о законодательствѣ Юстиніана прославилъ болонскую школу. Римское право преподавалось въ Болоньѣ и до него. Въ концѣ XII вѣка тамъ насчитывается около 10,000 студентовъ, благодаря привилегіямъ, которыя даровалъ болонскимъ профессорамъ и студентамъ Фридрихъ I въ 1158 году. Но университетъ въ настоящемъ смыслѣ слова возникаетъ въ Болоньѣ гораздо позже.

И въ другихъ городахъ старинныя школы начинаютъ вскорѣ развиваться и превращаться въ университеты, *studia generalia*. Одинъ новѣйшій историкъ, глубоко изучившій исторію средневѣковыхъ университетовъ, говоритъ, что «въ Италіи основаніе университетовъ совпало съ эпохой свободныхъ городовъ», и въ промежутокъ времени отъ начала XIII до начала XV вѣка онъ указываетъ двадцать два города, которые учредили у себя университеты.

Въ центрѣ Италіи, въ Тосканѣ, муниципальный строй организуется на счетъ власти маркграфовъ: въ Луккѣ, около 1134 года, жители принуждаютъ своего маркграфа бѣжать въ Пизу. Въ 1160 году герцогъ Вельфъ VI, получившій въ ленъ Тоскану, уступаетъ луккамъ за ежегодную дань все пошлны, собираемыя имъ въ городѣ и его округѣ. Изъ тосканскихъ городовъ наиболѣе быстро растетъ Флоренція благодаря своей промышленности. Флорентинскія сукна уже тогда славились. На ряду съ промысломъ *Calimala* (улица, гдѣ находились лавки суконщиковъ, называлась *Callis Malus*) появляются другія отрасли промышленности—шелковое и шерстяное производства, мѣняльное дѣло—такъ какъ флорентинцы уже приобрѣли опытность въ банковыхъ дѣлахъ. Другіе промыслы возникаютъ въ концѣ XII вѣка. Эти корпораціи имѣютъ своихъ ректоровъ или пріоровъ, позднѣе—ремесленныхъ консуловъ. Онѣ обсуждаютъ дѣла,

затрогивающія интересы города, и вмѣшиваются въ ихъ рѣшеніе: отсюда и возникаетъ муниципальная организація. Въ 1101 году мы слышимъ уже о консулахъ, о народныхъ собраніяхъ.

Таково въ общихъ чертахъ это устройство, которое въ различныхъ городахъ различается своими деталями. Историкъ Фридриха Барбароссы, Оттопъ Фрейзингенскій, описалъ, не безъ нѣкотораго негодованія, управленіе этихъ городовъ, гдѣ знать должна дѣйствовать заодно съ буржуазіей, гдѣ люди низкаго происхожденія, мастеровые, занимающіеся «презрѣнными ремеслами», могутъ носить оружіе, предоставленное въ другихъ мѣстахъ только рыцарямъ, и достигать въ городскомъ управленіи почетныхъ должностей. Но онъ признаетъ, что благодаря этому устройству итальянскіе города «превзошли богатствомъ и могуществомъ всѣ остальные города міра».

Между тѣмъ, во внутренней жизни города нѣтъ ни свободы, ни спокойствія. «Въ итальянскомъ городѣ», справедливо говоритъ Гебгартъ, «свобода и равенство господствуютъ только съ виду. Община наблюдаетъ за индивидуумомъ и стѣсняетъ его дѣятельность. Гражданинъ такъ же строго прикрѣпленъ къ своему городу, какъ колонъ къ своему участку... Онъ заключенъ въ одну изъ группъ, совокупность которыхъ составляетъ коммуну; онъ всю жизнь принадлежитъ опредѣленному классу, цеху, корпораціи, приходу или кварталу. Его консулы и совѣтники не только отмѣриваютъ ему его часть политической свободы, но и регулируютъ путемъ декретовъ акты его частной жизни, опредѣляя число фиговыхъ и миндальныхъ деревьевъ, которыя онъ имѣетъ право посадить на своемъ полѣ,—число священниковъ и восковыхъ свѣчей, которыя будутъ сопровождать его гробъ»... Добавимъ, что онъ долженъ принадлежать къ одной изъ партій, на которыя распадается городъ, которыя вступаютъ между собою въ ожесточенныя битвы и обгагриваютъ кровью улицы. Борьба между крупной буржуазіей (*popolo grasso*) и чернью (*popolo minuto*) продолжается до тѣхъ поръ, пока ослабѣвшія муниципаліи не подпадутъ подъ иго тирановъ. Знатныя фамиліи, аристократія, слѣдятъ за этими раздорами и стараются извлечь изъ нихъ выгоду; города покрываются башнями—укрѣпленіями знати. Союзы или распри между фамиліями, изъ которыхъ каждая окружена вооруженной кліентелой, также ведутъ къ образованію партій. Нерѣдко одинъ кварталъ враждуетъ и воюетъ съ другимъ кварталомъ, одна улица—съ другою,

Съ другой стороны, непримиримая ненависть раздѣляетъ города одной и той же области; они истощаютъ свои силы, разоряя другъ друга. «Казалось», говорить одинъ итальянскій писатель того времени, котораго нельзя заподозрить въ пристрастности, «что каждое поколѣнiе старается по мѣрѣ силъ увеличить эту пагубную наслѣдственную ненависть. Местнi домогаются съ ужа-сающей настойчивостью, осуществляютъ ее съ самой варварской жестокостью. Миланцы, овладѣвъ Лоди послѣ продолжительной осады, разрушаютъ стѣны, сжигаютъ дома, разгоняютъ население и оставляютъ на мѣстѣ города груды развалинъ... Когда Миланъ былъ покоренъ Фридрихомъ Барбароссой, жители Лоди, Кремонн, Новары, Павии просили привилегіи разрушить стѣны и дома побѣжденнаго города». Исторія Ломбардіи представляетъ не мало примѣровъ такого рода; въ Тосканѣ уже началась борьба между Пизой и Луккой, между Флоренціей и Сиенной.

Морскія республики. — Нѣкоторые изъ большихъ итальянскихъ городовъ XII и XIII вв., расположенные въ глубинѣ страны, были по преимуществу промышленными городами, какъ напр. Флоренція и Миланъ.

Другіе, лежащіе при морѣ, были торговыми республиками, напр., Венеція, Генуя, Пиза, Амальфи. Они вели торговлю съ востокомъ, который, благодаря разнообразію своихъ продуктовъ, былъ для нихъ неисчерпаемымъ источникомъ богатствъ. Жадные до прибыли, мало разборчивые въ средствахъ, они поддерживали связи и съ мусульманскими князьями, и съ греческимъ императоромъ, извлекали свои выгоды изъ крестовыхъ походовъ, основывали колоніи и учреждали конторы во всѣхъ странахъ вплоть до Чернаго моря. Съ VIII-го вѣка исторія и культура Венеціи носятъ столько же византійскій, сколько итальянскій характеръ; ея дожи ловко пользуются должностными титулами, которые жалуетъ имъ византійскій императоръ. Даже внѣшность города, съ его памятниками и костюмами,—совершенно восточная. Во второй половинѣ XII-го вѣка здѣсь начинается то политическое движеніе, которое, ограничивая власть дожей, приводитъ къ установленію аристократическаго образа правленія, значительно отличавшагося отъ государственнаго устройства остальной Италіи. Званіе дожей существовало уже очень давно; избираемые пожизненно, они не разъ старались сдѣлать свою власть наслѣдственною. Уже законъ 1032 г. запрещаетъ дожу вмѣшиваться въ избраніе своего преемника и даетъ ему въ помощь двѣхъ совѣтниковъ,

безъ которыхъ онъ не можетъ предпринять никакого серьезнаго рѣшенія.

Руководимыя своими интересами, эти морскія республики еще задолго до крестовыхъ походовъ оснашивали у арабовъ Средиземное море. Въ 1001 году Пиза вмѣстѣ съ Генуей предприняла походъ въ Сирію, въ 1088 г.—въ Тунисъ. Въ первомъ крестовомъ походѣ Генуя участвовала 34 кораблями, Пиза—120; Венеція въ нѣсколько пріемовъ снарядила 200 кораблей. Нерѣдко они предпринимали крестовые походы на свой счетъ: въ 1113 г. Пиза объявила войну королю Майорки, Назардеку, и отняла у него его островъ, въ то время какъ ея соперница Генуя завладѣла Миноркой. Греческая имперія считалась съ ними, искала ихъ союза; венеціанцы устраивались въ Константинополѣ, какъ у себя дома ¹⁾). Пизанцы и генуэзцы также имѣли тамъ свои кварталы и пользовались привилегіями, дарованными имъ въ силу императорскихъ грамотъ. Въ латинскомъ королевствѣ инна изъ трехъ большихъ морскихъ республикъ владѣла цѣлой третью города: напримѣръ, Генуя въ Триполи. Вездѣ, въ Ифѣѣ, въ Тирѣ, въ Антиохіи, въ Акрѣ, въ Сидонѣ, въ Иерусалимѣ и т. д., имъ принадлежали цѣлыя кварталы, съ площадями, улицами, церквями; онѣ образовали тамъ самостоятельныя государства, имѣли свои суды, своихъ правителей (консулы въ генуэзскихъ колоніяхъ, балы—въ венеціанскихъ) и совѣты при нихъ. Однимъ словомъ, онѣ основывали небольшія общины съ такими же учрежденіями, какія были въ метрополіи.

Къ несчастію, среди морскихъ республикъ существовала такая же сильная и упорная вражда, какъ и среди ломбардскихъ или тосканскихъ городовъ. Онѣ нападали другъ на друга то въ своихъ колоніяхъ за границей, то непосредственно: въ 1136 г. Пиза овладѣла городомъ Амальфи и разрушила его; позднѣе Генуя сокрушила Пизу; между Генуей и Венеціей война продолжалась до конца среднихъ вѣковъ.

Римъ: папство; Арнольдъ Брешиѣскій.—Въ то время какъ въ сѣверной и средней Италіи точно опредѣлилось устройство городскихъ общинъ, въ Римѣ вспыхнула городская революція совершенно особеннаго характера, въ которой традиціи и воспоминанія о древности страннымъ образомъ перемѣшались съ современными страстями.

¹⁾ См. ниже, глава XV, § II.

Папы отчасти одержали побѣду въ спорѣ объ инвеститурѣ; они увлекли міръ въ походъ къ святымъ мѣстамъ; но по странной ироніи, ихъ положеніе ппгдѣ не было болѣе шатко, ппгдѣ не относились къ нимъ съ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ въ Римѣ. Здѣсь господствуютъ феодальныя партіи,—Франджипани, Пьерлеони, Колонна, Корсини; вопреки декрету 1059 г., эти могущественныя фамиліи оказываютъ вліяніе на избраніе папъ, готовы впрочемъ, если того требуютъ ихъ интересы, пожертвовать избраннымъ ими же папой ради другого, противъ котораго они раньше боролись,—Анаклетомъ ради Иннокентія II.

Въ 1137 г., послѣ долгихъ испытаній, Иннокентій II вернулся въ Римъ. Подъ конецъ своего правленія онъ не позволилъ римлянамъ разрушить ненавистный имъ городъ Тиволи. «Тогда (1143)», говоритъ Оттонъ Фрейзингенскій, «римляне подняли возстаніе и собрались на Капитоліи; желая возвратити городу его старинное величіе, они возстановили давно исчезнувшее учрежденіе—сенатъ».

Какъ и въ другихъ городахъ, населеніе Рима дѣлилось на нѣсколько классовъ. Первое мѣсто занимала городская аристократія: члены ея обыкновенно обозначались названіемъ *consules*, которое не было связано съ какою-нибудь должностію, а лишь съ общественнымъ положеніемъ. Рядомъ съ ними стояли бароны римской области, *capitani*. Ниже ихъ идутъ *milites*, которые образуютъ мелкую аристократію. Еще ниже слѣдуетъ чернь. До сихъ поръ въ Римѣ господствовали *consules*, *capitani* и ихъ сторонники. Между тѣмъ чернь имѣла военное устройство: каждый кварталъ составлялъ отрядъ подъ командой начальника. Недовольная господствомъ консуловъ, она нашла союзниковъ въ классѣ *milites*, которые не менѣе страдали отъ этого господства, и она-то произвела революцію 1143 года.

Но въ Римѣ это движеніе должно было получить другой характеръ, чѣмъ въ торговыхъ и промышленныхъ городахъ остальной Италіи. Здѣсь все говорило о славномъ прошломъ, воспоминанія о которомъ, переплетенныя съ легендами, воспламеняли воображеніе народа. Авторы, писавшіе въ то время для пилигримовъ и толпы маленькіе путеводители, которые извѣстны были подъ именемъ *Mirabilia urbis Romae*¹⁾, связывали съ

¹⁾ Эти любопытныя сочиненія были изданы, главнымъ образомъ, Ulrich's'омъ въ *Codex urbis Romae topographicus*, 1871.

момъ; по онъ былъ отбитъ и, раненный камнемъ, вскорѣ умеръ (феврели. 1145 года). Община выбрала себѣ въ пачальники патриція Джордано Шерлеоне, одного изъ немногихъ членовъ аристократіи, которые стали на сторону народа. Она объявила, что папа долженъ отречься отъ свѣтской власти въ пользу этого магистрата. Нобили, находившіеся въ Римѣ, принуждены были признать власть «патриція»; народъ разрушалъ феодальныя башни. Въ 1144 году организовался сенатъ, и акты датировались «отъ восстановления священнаго сената». Сенаторовъ было 56, по четыре отъ каждая округа. Одинъ удѣлѣвшій документъ, подписанный 25 сенаторами, показываетъ, что это были люди изъ низшихъ классовъ: очевидно, что все движеніе носило демократическій характеръ.

Послѣ смерти Луція II ни одинъ изъ кардиналовъ не рѣшался принять власть въ такую критическую минуту; отыскали одного цистерціанскаго монаха, чуждаго политической жизни,— аббата монастыря св. Анастасія въ Tre-Fontani близъ Рима. Новый папа, Евгеній III, былъ простодушный и робкій человекъ; по за сипной этого монаха, внезапно вырваннаго изъ тиши монастырской жизни и брошеннаго въ водоворотъ самой опасной борьбы, какую когда-либо перенесло папство, стоялъ его учитель, дѣйствительный глава христіанскаго міра, святой Бернардъ. Онъ обратился къ Евгенію III съ трактатомъ *De consideratione*, представляющимъ цѣнный документъ для пониманія этой эпохи; здѣсь онъ утѣшаетъ его, ободряетъ и напоминаетъ ему объ обязанностяхъ папы. Св. Бернардъ зналъ слабыя стороны церкви: онъ беспощадно бичевалъ пороки и недостатки духовенства и его вождей. Въ сочиненіи *De consideratione* онъ упрекаетъ папъ въ томъ, что они предпочли наслѣдіе Константина наслѣдію св. Петра и придаютъ больше значенія своей свѣтской власти, чѣмъ своему духовному сану. Онъ хотѣлъ бы также, чтобы церковь отрѣшилась отъ заботъ о земныхъ дѣлахъ: «Пусть ни одинъ изъ тѣхъ», говоритъ онъ, «кто обрекъ себя на служеніе Богу, не вмѣшиваются въ дѣла вѣка». Въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Евгенію III, онъ восклицаетъ: «Кто дастъ мнѣ возможность увидѣть передъ смертью церковь Божью такою, какою она была въ древнее время, когда апостолы закидывали свои сѣти для того, чтобы ловить души, а не золото и серебро?» Но требуя, подобно Ариольду Брешійскому, преобразования церкви, онъ хочетъ, чтобы дѣломъ реформы руководило папство.

На одну минуту между Евгеніемъ III и коммунною установился миръ: римляне просили папу вернуться въ Римъ; онъ вернулся, потребовавъ только уничтоженія должности патриція. По согласіе не могло быть продолжительно. Въ мартѣ 1146 года Евгеній III покинулъ Римъ; мы находимъ его сначала въ Витербо, затѣмъ во Франціи, гдѣ его приняли съ большимъ почетомъ, потомъ въ Германіи. Въ іюнѣ 1148 года онъ вернулся въ Италію. Во время его скитаній Арнольдъ Брешиійскій господствовалъ въ Римѣ.

Кто могъ рѣшить споръ между ними? И тотъ, и другой обращалъ взоры къ германскому королю. До насъ дошло страшное письмо, съ которымъ «сенать и народъ римскій» обратились, въ 1149 или 1150 году, къ Конраду: «Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ», говорится здѣсь, «мы руководствуемся вѣрностью и почтеніемъ, которыя мы обязаны оказывать вамъ. Мы хотимъ прославить и возвеличить королевство и римскую имперію, надъ которыми Господь поставилъ васъ владыкой, и возстановить ихъ въ томъ же видѣ, какъ во времена Константина и Юстиніана, которые по уполномоченію сената и народа римскаго правили всѣмъ міромъ. Поэтому мы возстановили сенать и низвергли большинство изъ тѣхъ, которые всегда были непокорны вашей власти; мы энергично боремся, дабы вы всѣми средствами и при всякихъ обстоятельствахъ могли получать то, что принадлежитъ кесарю и имперіи». Они жалуются на то, что ихъ преданность этому дѣлу навлекла на нихъ ненависть папы, знати, Рожера Сицилійскаго. «Придите же къ намъ, потому что вы можете получить въ Римѣ все, чего пожелаете,—можете прочно утвердиться въ городѣ, который есть глава міра, можете лучше, чѣмъ большинство вашихъ предковъ, владычествовать надъ Италіей и Германіей, освобожденной отъ оковъ духовенства».

Многіе изъ біографовъ Арнольда Брешийскаго невѣрно принимали это письмо; они смѣялись надъ республиканцами, слѣдующими призвать короля римлянъ. Но люди этого времени, говоря о древнемъ Римѣ, имѣли въ виду не республику, а имперію; великіе образы, встававшіе передъ глазами Арнольда и его приверженцевъ въ ихъ мечтахъ о древности, которая представлялась имъ золотымъ вѣкомъ, были образы Цезаря, Августа, Константина, Феодосія, а также Юстиніана, законодательство котораго—вопреки обычному мнѣнію, никогда не забытое—поль-

зовалось теперь снова большимъ вліяніемъ ¹⁾. Арнольдъ Брешійскій и его партія не оспаривали правъ императора и не стремились къ тому, чтобы исключить его изъ того политическаго строя, который они хотѣли установить: въ ихъ глазахъ власть императора и его пребываніе въ Римѣ не заключали въ себѣ ничего несомнѣстимаго съ возстановленіемъ сената и римскаго народа.

Рожеръ Сицилійскій и Южная Италия.—Въ то время, какъ въ сѣверной и средней Италиі распространялось муниципальное устройство, на югѣ Рожеръ Сицилійскій въ теченіе многихъ лѣтъ съ неослабной энергіей и ловкостью извлекалъ выгоду для себя изъ всѣхъ событій. Въ 1130 году, въ Палермо, онъ надѣлъ на себя королевскую корону. Всѣ усилія Иннокентія II сломить норманнскую монархію были тщетны. Снова овладѣвъ южными провинціями послѣ смерти императора Лотаря, Рожеръ взялъ въ плѣнъ Иннокентія II, который продолжалъ воевать съ нимъ, и принудилъ его подписать въ Миньяно (1139) договоръ, въ силу котораго эти земли оставались за нимъ. Во время этой борьбы онъ не стѣснялся вооружать противъ христіанъ своихъ сицилійскихъ сарациновъ,—примѣръ, которому позже слѣдуетъ Фридрихъ II. Съ этихъ поръ онъ оставался лукавымъ и своекорыстнымъ союзникомъ папства, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ возстанія въ Германіи, чтобы помѣшать вмѣшательству Конрада въ Италиі. Съ другой стороны, онъ вмѣшивался въ распри африканскихъ арабовъ, и, воспользовавшись ихъ междоусобицами, въ 1135 году захватилъ островъ Джербу въ заливѣ Габесъ. Послѣдній изъ князей Зиридовъ въ Медіи, Гассанъ, долженъ былъ признать себя его вассаломъ и принять его политическія и торговыя условія. Въ 1146 году сицилійскій адмиралъ Георгій Антиохійскій овладѣлъ Триполи; въ слѣдующемъ году Габесъ призналъ его верховную власть. Такимъ образомъ, вся эта часть Африки должна была, казалось, сдѣлаться придаткомъ норманнскаго королевства. Въ 1148 году Рожеръ снарядилъ сюда большую экспедицію; когда его флотъ явился передъ Медіей, Гассанъ отказался отъ борьбы. Затѣмъ были покорены Суса и Сфаксъ. Сицилійскій адмиралъ запретилъ насилія и грабежи, чтобы снизить расположеніе жителей. Завоеваніе ограничилось той частью

¹⁾ Объ этомъ предметѣ и о преподаваніи римскаго права въ Италиі въ средніе вѣка см., кромѣ извѣстнаго сочненія Савинья, *Fitting, Les commencemens de l'école de droit de Bologne*, перев. Leseur'a, 1888.

прибрежья, которая заключена между Триполи и мысом Бонъ. Нѣсколько позже Тунисъ и Бона сдѣлались данниками Рожера. Но норманнамъ не удалось упрочить свое владычество въ этихъ странахъ; ему угрожали уже успѣхи Альмогадовъ, владѣвшихъ Испаніей и Западной Африкой. Что касается византійской имперіи, то здѣсь Рожеръ воевалъ съ Мануиломъ Комниномъ, который вступилъ въ союзъ съ императоромъ Конрадомъ 1).

Внутри Рожеръ съ непреклонной твердостью устраиваетъ норманнское государство. Онъ безощадно подавляетъ всякое сопротивление: «*siluit terra in conspectu ejus*», говоритъ одинъ лѣтописецъ того времени, пользующійся библейскими выраженіями для характеристики этого суроваго режима. Между тѣмъ Рожеръ по темпераменту не вспыльчивъ и не жестокъ; по онъ не хочетъ оставлять феодализму независимый авторитетъ рядомъ со своимъ собственнымъ. Вся его дѣятельность направлена къ поддержанію порядка и развитію народнаго благосостоянія. Ни одно государство того времени не управлялось такъ мудро, какъ королевство Рожера. Онъ достигъ того, что народности разныхъ расъ и религій, населявшія его владѣнія, мирно уживались другъ съ другомъ: мусульманъ не изгоняли и не преслѣдовали; они сохраняли свои кварталы, свои мечети и даже своихъ судей; они принимали участіе въ общественной жизни. Такой же свободой пользовались и византійцы; лучший полководецъ королевства, Георгій Антиохійскій, былъ грекъ. Арабскій и греческій языки были такими же официальными языками, какъ латинскій, и употреблялись въ королевскихъ актахъ; на монетахъ надписи дѣлались арабскими буквами. Самый дворъ носилъ вполнѣ восточный характеръ; арабскіе поэты прославляли его блескъ. Образованный, другъ наукъ, Рожеръ былъ сотрудникомъ арабскаго географа Эдризиды; благодаря ему, благодаря собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, географія становится точной наукой. Среди покровительствуемыхъ имъ людей находились также врачъ Абу-Сальтъ Оммея, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и астрономомъ, композиторомъ и поэтомъ, и грекъ Доксонатеръ, авторъ сочиненія о патриаршихъ престолахъ, въ которомъ оспаривалось первенство папъ. Это искусное и удачное смѣшеніе арабскихъ, византійскихъ и латинскихъ элементовъ обнаруживается даже въ архитектурныхъ памятникахъ, воздвигнутыхъ въ его царствованіе,

---

1) См. ниже, гл. XV, отд. II.

каковы соборъ въ Кефалу, капелла въ Палермо, церковь св. Маріи dell'Ammiraglio: напримѣръ, въ капеллѣ надъ мозаиками въ греческомъ стилѣ разстилается потолокъ въ арабескомъ стилѣ, украшенный куфическими надписями.

Таково было то могущественное и цвѣтущее государство, которое Рожеръ II основалъ на границѣ христіанскаго міра и вліяніе котораго давало себя чувствовать какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Когда онъ умеръ (февраль 1154 года), всего пятидесяти лѣтъ отъ роду, его сынъ Вильгельмъ I, прозванный Злымъ, своей грубостью и жестокостью быстро разрушилъ воздвигнутое имъ зданіе.

Фридрихъ Барбаросса въ Италіи.—Съ этой-то Италіей XII вѣка, гдѣ рядомъ уживается столько разнообразныхъ формъ, гдѣ жизнь и энергія бьются черезъ край, Фридрихъ Барбаросса вступаетъ въ двадцатидвухлѣтнюю войну, полную мрачныхъ и драматическихъ эпизодовъ.

Уже въ концѣ 1154 года (ноябрь—декабрь) мы находимъ его на Ронкальской равнинѣ, на рѣкѣ По, близъ Піаченцы: онъ держитъ здѣсь сеймъ, какъ дѣлали всѣ нѣмецкіе короли, когда спускались въ Италію. Здѣсь свѣтскіе и духовные вассалы имперіи и консулы городовъ присягаютъ ему на вѣрность, представляютъ на его рѣшеніе свои споры, добиваются подтвержденія своихъ леновъ и привилегій. По его поведенію ломбардскіе города тотчасъ замѣчаютъ, что война близка и что она будетъ ужасна. Быстро переходя съ мѣста на мѣсто, онъ повсюду оставляетъ за собою развалины, разрушаетъ Тортону, союзницу Милана. Затѣмъ онъ направляется къ Риму и приходитъ туда въ іюнь.

Евгеній III умеръ въ іюль 1153 года. Напой сдѣлался одинъ англичанинъ, принявшій имя Адріана IV; укѣпившись въ città Leonina, онъ палагаетъ интердиктъ на Римъ и снимаетъ его только въ мартѣ 1155 года, добившись изгнанія римлянами Арнольда Бреннійскаго. Положеніе коммуны колеблется: она лишилась того, кто былъ ея душою. Она знаетъ, что Фридрихъ относится къ ней враждебно. Одинъ изъ ея вождей, Ветцель, въ письмѣ къ молодому императору, упрекаетъ его въ томъ, что онъ слѣдуетъ «совѣтамъ священниковъ и монаховъ» вмѣсто того, чтобы смотрѣть на императорскій санъ, какъ на эманацию величія римскаго народа. Еще весною 1153 года между Евгеніемъ III и Фридрихомъ былъ заключенъ въ Констанцѣ договоръ противъ римской коммуны и Рожера Сицилійскаго. Однако римляне сдѣлали по-

слѣдную попытку привлечь короля на свою сторону. Ихъ послы встрѣтили его па дорогѣ изъ Сутри въ Римъ. Въ рѣчи, полной классическихъ воспоминаній, они заставляють говорить самый Римъ, который напоминаетъ императору о своемъ прежнемъ блескѣ и просить его позаботиться о своемъ возстановленіи. Гордые даже въ эту критическую минуту, они просили не милости, а признанія своихъ правъ, и осмѣлились заявить королю, что онъ получилъ свою власть отъ Рима. Если вѣрить Отгону Фрейзингенскому, приводящему рѣчи, которыми обмѣнялись стороны при этой встрѣчѣ, Фридрихъ съ надменной ироніей противопоставилъ миновавшей славѣ Рима его настоящую слабость; верховная власть перешла къ франкамъ, которые обязаны ею только самимъ себѣ. «Я законный обладатель ея; пусть, кто можетъ, вырветъ палицу изъ руки Геркулеса».

18 іюня 1155 года, въ храмѣ св. Петра, Фридрихъ Барбаросса былъ коронованъ папою въ императоры; но римляне собрались на Капитоли, бросились на città Leonina и вступили съ нѣмцами въ битву, которая продолжалась до самой ночи. Гонимый маляріей, Фридрихъ принужденъ былъ вернуться на сѣверъ, не взявъ Рима. Арвольдъ Брешиійскій былъ схваченъ въ Тосканѣ. Онъ былъ повѣшенъ, его трупъ сожженъ и прахъ брошенъ въ Тибръ. «изл. опасенія», какъ говоритъ Отгонъ Фрейзингенскій, «чтобы его останки не сдѣлались предметомъ поклоненія для безразсудной черни». Римская коммуна уцѣлѣла, но ограничила свои притязанія. Немного времени спустя между нею и Адрианомъ IV состоялось соглашеніе, условія котораго неизвѣстны.

Столкновеніе съ Адрианомъ IV. —Главнымъ результатомъ этого похода было то, что оба великихъ соперника, папство и имперія, снова встрѣтились въ лицѣ двухъ энергическихъ людей, одинаково убѣжденныхъ въ своихъ правахъ. Уже во время перваго ихъ свиданія Фридрихъ отказался держать подъ уздцы лошадь папы, какъ этого требовалъ обычай, и оскорбленный Адрианъ IV не хотѣлъ дать королю лобзаніе мира. Понадобился цѣлый день переговоровъ, чтобы склонить того и другого къ уступкамъ. Соглашеніе между папою и императоромъ возможно лишь тогда, когда оба они отвлечены другими заботами, или когда одинъ изъ нихъ настолько слабъ, что неизбѣжно долженъ подчиниться другому. Поэтому соглашенія между ними приводятъ къ непрочнымъ перемиріямъ, а не къ продолжительному миру. Императоръ ссылается на древнее имперское право, изъ котораго, по его убѣ-

жденію. вытекаетъ законность и сила его власти; папа объявляетъ себя облеченнымъ властью назначать императоровъ; тотъ и другой считаютъ свою власть божественнымъ установленіемъ. Въ обществѣ этого времени нѣтъ мѣста для двухъ силъ, которыя обѣ считаютъ себя абсолютными: каждый разъ, когда одна изъ нихъ встрѣчается съ другою, она чувствуетъ себя задѣтой въ своемъ самолюбіи. Въ спорѣ изъ-за инвеституры папа защитилъ церковь отъ вторженій въ нее гражданской власти. На этотъ разъ онъ отстаиваетъ свою свѣтскую власть, государство св. Петра, — протидѣйствуетъ господству императора надъ Италіей. Самый Римъ является предметомъ столкновенія: «Единый господинъ въ немъ—святой Петръ», говоритъ папа. «Если я не господствую въ немъ», отвѣчаетъ Фридрихъ, «я императоръ только по имени». Одинъ указываетъ на то, что папство вручило императорское достоинство франкамъ и германцамъ, другой—на то, что имперія подарила папамъ область св. Петра.

На сеймѣ въ Безансонѣ, въ октябрѣ 1157 года, кардиналъ Роландъ Бандинелли вручилъ Фридриху письмо Адриана IV, въ которомъ послѣдній говорилъ: «Вспомни, сколь много церковь римская способствовала тебѣ достигнуть вершины величія, даровавъ тебѣ императорское достоинство... Мы не раскаиваемся въ томъ, что исполнили такимъ образомъ все твои желанія; напротивъ, мы были бы рады, если бы ты принялъ изъ нашихъ рукъ еще болѣе цѣнныя благодѣянія (*beneficia*)». И когда нѣмецкіе князья были возмущены словомъ *beneficium*, которое по тогдашнему словоупотребленію обозначало ленъ и какъ бы обращало императора въ вассала папы, то кардиналъ воскликнулъ: «Да отъ кого же императоръ и держитъ свою власть, какъ не отъ папы?» Графъ Отгонъ Виттельсбахскій хотѣлъ убить его. Фридрихъ I удержалъ графа, но приказалъ римскимъ посламъ уѣхать на другой же день. «Если бы насъ не было въ церкви», сказалъ онъ имъ, «вы узнали бы, какъ тяжелы нѣмецкіе мечи». Вслѣдъ за тѣмъ онъ въ письмѣ ко всемъ своимъ подданнымъ объявилъ, что получилъ свою власть единственно отъ Господа путемъ избранія князей. Въ виду поведенія нѣмецкихъ епископовъ, которые отказывались осудить императора, Адрианъ IV написалъ Фридриху, что его невѣрно поняли, что слово *beneficium* означало въ его письмѣ «благодѣяніе, а не ленъ». Тѣмъ не менѣе борьба началась.

Война съ Миланомъ.—Въ июнѣ 1158 года Фридрихъ снова перешелъ Альпы. Онъ хотѣлъ наказати миланцевъ. «Ихъ высокомѣрие», писалъ онъ собственноручно, «издавни поднимало голову противъ римской имперіи и въ настоящее время старается возмутить всю Италію; поэтому мы хотимъ обратити противъ нихъ всѣ силы этой имперіи».

Ломбардскіе города уже въ предшествующемъ вѣкѣ начали составлять частныя лиги для защиты своихъ интересовъ или своей независимости; такъ, напримѣръ, въ 1093 году Миланъ, Кремона, Лоди и Пiacенца заключили между собою на двадцать лѣтъ союзъ противъ императора. Въ 1158 году стояли другъ противъ друга двѣ соперничающія лиги: съ одной стороны Миланъ, къ которому примкнули Брешиа, Пiacенца, Парма и Модена, съ другой—Павія съ Кремоной, Лоди и Комо. Изъ ненависти къ Милану, который претендовалъ на гегемонію въ Ломбардіи, вторая лига подстрекала императора и просила его о заступничествѣ. При первой осадѣ, въ июлѣ 1158 года, Миланъ сначала оказалъ энергическое сопротивленіе, но потомъ граждане вошли въ соглашеніе съ императоромъ: они поклялись въ вѣрности, дали заложниковъ и обязались впредь представлять на утвержденіе императора избранныхъ народомъ консуловъ.

Въ ноябрѣ Фридрихъ созвалъ сеймъ на Ронкальскомъ полѣ, рѣшивъ строгими мѣрами сломити въ итальянскихъ городахъ духъ независимости и мятежа, «слова провозгласити», по его выраженію, «законы имперіи, вышедшіе изъ употребленія и забытые». Архіепископъ миланскій заявляетъ ему: «Знай, что вся законодательная власть народа принадлежитъ тебѣ; твоя воля есть право, ибо сказано: то, что угодно князю, имѣетъ силу закона». Четыре болонскихъ доктора, ученики Ирперія, Булгаръ, Мартиль Госіа, Джакопо и Гуго de Porta Ravennate помогаютъ императору, за что послѣдній взамѣнъ принимаетъ подъ свое особое покровительство болонскихъ студентовъ и «профессоровъ законовѣдѣнія», которые съ этихъ поръ пользуются тѣми же преимуществами, что и рыцари. Князья, епископы, города принуждены возвратити императору всѣ «регалии», т. е. «герцогства, маркграфства, графства, консульства, право чеканки, заставныя пошлины, палогы, вѣсовыя деньги, сборы съ дорогъ, мельницъ, рыболовства, мостовъ и т. д.». Затѣмъ онъ снова жалуетъ эти регалии тѣмъ, кто можетъ удостовѣрити свои права законными докумен-

тами. Впредь «подеста, консулы и другіе магистраты городовъ будутъ избираться императоромъ съ согласія народа».

Подестать (градоначальство) былъ повымъ элементомъ, которій Фридрихъ хотѣлъ ввести въ организациі городовъ ¹⁾. Въ своемъ очеркѣ устройства послѣднихъ Оттонъ Фрейзингенскій указываетъ на то, что они ненавидятъ подестать, такъ какъ считаютъ его узурпаціей. Какъ представитель императора,—все равно, назначенный или только утвержденный имъ,—подеста дѣйствительно становится верховнымъ магистратомъ города. Онъ забираетъ въ свои руки большую часть функціи, принадлежавшихъ раньше консуламъ. Для того, чтобы онъ какъ можно менѣе зависѣлъ отъ мѣстныхъ интересовъ и партій, его почти всегда берутъ изъ другого города и недолго оставляютъ въ должности. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, когда это учрежденіе уже упрочилось, Брунетто Латини перечислилъ въ своемъ *Treſor* тѣ свойства, которыя необходимы для подеста. Склонные превышать свою власть, подеста представляли собою, по выраженію одного повѣйнаго историка, «естественный переходъ отъ консульства къ принципату».

Тотчасъ послѣ сейма канцлеръ Рейнальдъ Дассельскій и графъ Оттонъ Виттельсбахскій начали объѣзжать города, вводя всюду градоначальства. Въ Миланѣ ихъ пріѣздъ вызвалъ открытый мятежъ. Разгнѣванный императоръ пошелъ на Миланъ. Тогда началась, въ апрѣлѣ 1159 года, геройская защита города, продолжавшаяся до февраля 1162 года. Когда голодъ принудилъ жителей сдаться, консулы, рыцари и народъ въ теченіе трехъ дней приходили умолять Фридриха о помилованіи. Наконецъ привезли святыню города, колесницу (*carroccio*), вокругъ которой сражались миланцы и надъ которой возвышался крестъ съ изображеніемъ св. Амвросія. При звукѣ трубъ, «звучавшемъ какъ похоронная пѣснь надъ погибшей гордостью Милана», говоритъ одинъ изъ очевидцевъ этой сцены (нотаріусъ Бурхардъ), *carroccio* была преклонена предъ императоромъ, и миланцы пали на колѣни, плача и моля о пощадѣ. Всѣ зрители были потрясены, «по лицу императора не измѣнилось». Три раза графъ Бландратскій говорилъ въ пользу побѣжденныхъ, «но лицо императора

¹⁾ Подеста встрѣчаются кое-гдѣ и раньше, напр., въ Болоньѣ съ 1151 до 1153 г. Но какъ общее явленіе институтъ новъ; это отмѣчаетъ одинъ изъ современниковъ, Оттовъ Морена, упоминая о введеніи подестата въ Лоди въ 1159 году.

оставалось жесткимъ, какъ камень». Миланцы принуждены были сдаться на полную волю побѣдителя. Фридрихъ даровалъ имъ жизнь, но задержалъ, въ качествѣ заложниковъ, консуловъ и бывшихъ консуловъ, рыцарей, юсталией, легистовъ, судей. Валы, рвы, башни Милана были разрушены; гражданамъ было запрещено вновь селиться въ городѣ.

Александръ III.—Миланъ палъ, но борьба еще только начиналась. Въ одно время съ муниципальной Италией и заодно съ нею поднялось противъ императора папство. Уже въ 1159 году, послѣ Пасхи, къ Фридриху, стоявшему близъ Болоньи, явились четыре кардинала. Папа просилъ, чтобы императоръ не собиралъ болѣе податей и пошлинъ во владѣніяхъ апостола, исключая времени коронаванія, чтобы итальянскіе епископы были повинны императору только вѣрностью, но не оммажемъ, т. е. считались его подданными, а не вассалами, чтобы владѣнія графини Матильды, на которыя Фридрихъ только что далъ инвеституру герцогу Вельфу, были возвращены папскому престолу; наконецъ, онъ требовалъ для себя полного суверенитета въ Римѣ. Соглашенія не удалось достигнуть. Адрианъ IV закрѣпилъ свой союзъ съ королемъ Сициліи и вступилъ въ переговоры съ греческимъ императоромъ. Онъ заключилъ договоръ съ Миланомъ, Брешией, Пиаченцой и Кремой, которые обязались не вступать въ переговоры съ Фридрихомъ безъ его разрѣшенія. Такимъ образомъ, къ концу его правленія образовалась въ Италиі обширная коалиція. Послѣ его смерти большинство кардиналовъ избрало въ папы кардинала Роланда Бандинелли, того самаго, который въ 1157 году, на безансонскомъ сеймѣ, говорилъ такимъ гордымъ языкомъ. Новому папѣ, принявшему имя Александра III, сторонники имперіи тотчасъ противопоставили Виктора IV (сентябрь 1159 г.). Чтобы прекратить распрю, Фридрихъ созвалъ соборъ въ Павіи (февраль 1160 г.). Открывая его, онъ заявляетъ епископамъ, что имѣетъ право созвать соборъ, «что такъ поступали Константинъ, Феодосій, Юстиніанъ, Карлъ Великій, Оттонъ». Но Александръ III оспариваетъ у него это право и отказывается явиться на соборъ: «Никто не долженъ меня судить», говоритъ онъ, «ибо я самъ долженъ судить всѣхъ людей». Въ то самое время, какъ этотъ соборъ, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ императора, высказался за Виктора IV, короли Франціи и Англіи и христіанскіе государи Испаніи на синодѣ въ Тулузѣ (октябрь 1160 года) признали папою Александра III; ихъ примѣру послѣдовалъ весь христіанскій міръ, исключая Гер-

маніи. Даже греческій императоръ велъ переговоры съ Александромъ III; позже, въ 1167 г., онъ предложилъ ему подчинить папской власти греческую церковь, если Александръ отдастъ ему корону Фридриха и соединить такимъ образомъ обѣ имперіи. Вынужденный, вслѣдствіе происковъ Фридриха, покинуть Римъ, Александръ въ концѣ 1161 года удалился во Францію.

Такимъ образомъ, когда Фридрихъ въ 1162 году вернулся въ Германію послѣ четырехъ съ лишнимъ лѣтъ отсутствія, проведенныхъ главнымъ образомъ въ Италіи,—оказалось, что его побѣда и жестокія мѣры не привели ни къ какому прочному результату. Мятежные города разрушены, но они ожесточены и жаждутъ мщенія; вымогательства нѣмецкихъ чиновниковъ являются послѣдней каплей, переполняющей чашу. Папа бѣжалъ, но онъ остается папой. Тщетно нѣмцы противопоставляютъ ему, послѣ смерти Виктора IV, Пасхалия III; тщетно канцлеръ Рейпальдъ Дассельскій, въ письмѣ къ Людовику VII, провозглашаетъ «право императора рѣшить церковный споръ, возникшій въ его городѣ Римѣ». Въ ноябрѣ 1165 года Александръ III вернулся въ Римъ и объявилъ императора низложеннымъ, а его подданныхъ—свободными отъ присяги на вѣрность. «Приговоръ произвелъ свое дѣйствіе», говоритъ Іоаннъ Салисбѣрійскій: «произнесенный въ силу привилегіи св. Петра, онъ былъ, казалось, утвержденъ самимъ Господомъ. Итальянцы, узнавъ о немъ, отложились отъ императора. Они возстали въ Миланѣ, изгнали епископовъ-схизматиковъ, призвали вновь своихъ католическихъ епископовъ и единодушно стали на сторону св. Престола». Даже въ Германіи многіе епископы лишь противъ воли дали клятву повиноваться антипапѣ.

Ломбардская лига. — Въ октябрѣ 1166 года Фридрихъ снова спустился въ Италію, «чтобы водворить своего папу Пасхалия», какъ говоритъ Отгонъ Фрейзингенскій, «и чтобы наказать миланцевъ за вѣроломство». Въ январѣ онъ двинулся къ Риму и послѣ восьмидневной осады проникъ въ вѣчный городъ. Пасхалий короновалъ его и его супругу Беатрису въ храмѣ св. Петра (1 авг. 1167 г.), тогда какъ Александръ въ одеждѣ папника бѣжалъ въ Гаэту и оттуда въ Беневентъ. Внезапно въ нѣмецкомъ войскѣ обнаружилась страшная эпидемія, и императоръ, потерявъ значительную часть арміи, принужденъ былъ вернуться на сѣверъ. Въ это время позади его поднялась сѣверная Италія. Въ виду притязаній императора и его безжалостнаго деспо-

тизма, въ виду жадности и насилій его чиновниковъ, города за- были свои старыя распри: тѣ изъ нихъ, которые приняли было сторону императора, теперь отпали отъ него. Въ мартѣ 1167 года многіе изъ нихъ соединились въ одинъ союзъ, къ которому послѣ примкнули и другіе города, и въ декабрѣ организовалась зна- менитая ломбардская лига; въ нее вошли Миланъ, Кремона, Бер- гамо, Брешиа, Мантуа, Феррара, Верона, Виченца, Падуа, Лоди, Пиаченца, Парма, Модена, Болонья и даже Венеція. Союзники обязались взаимно оказывать другъ другу помощь «противъ всяка- го, кто захочетъ причинить имъ вредъ или начать съ ними войну, противъ всякаго, кто захочетъ взять съ нихъ больше, чѣмъ тре- бовали съ нихъ со времени Генриха V до вступленія на престолъ Фридриха». Императоръ лишь съ трудомъ добрался до Германіи, ведя съ собою остатки своей арміи. Въ Сусѣ онъ едва не былъ убитъ.

Ломбардская лига торжествовала; вступленіе въ союзъ нѣ- которыхъ новыхъ городовъ подкрѣпило ее. Папа далъ ей свое бла- гословеніе. «Нѣтъ сомнѣнія», писалъ онъ въ началѣ одной бул- лы, «что вы заключили этотъ союзъ мира и согласія и, соединив- шись, явно свергли съ себя иго рабства—въ силу божественнаго внушенія, съ цѣлью защитить свободу церкви Божьей и вашу соб- ственную противъ Фридриха, называемаго императоромъ». Онъ угрожалъ всякому, кто ослушается ректоровъ лиги, стоявшихъ во главѣ союза и выбранныхъ изъ числа консуловъ соединив- шихся городскихъ общинъ. Повидимому, ненависть къ Германіи пробуждаетъ въ Италіи сознание своей національности. Близъ Верчелли ломбардская лига основала новый, сильно укрѣпленный городъ, названный по имени папы Александріей, и снабдила его вѣмъ, что необходимо для долгой осады.

Проведя шесть лѣтъ въ Германіи, Фридрихъ въ 1174 году предпринялъ свой пятый походъ въ Италію. Архіепископъ майщ- скій Христіанъ удержалъ въ повиновеніи Тоскану и Умбрию, но потерпѣлъ неудачу при осадѣ Анконы; въ это время Фридрихъ осадилъ тотъ городъ, который сдѣлался какъ бы живымъ симво- ломъ ломбардской независимости. Войска лиги поспѣшили на по- мощь Александріи. Однако, прежде, чѣмъ дѣло дошло до битвы, въ Монтебелло начались переговоры; къ участію въ нихъ былъ приглашенъ и папа, но они не привели ни къ какому рѣшенію (1175). Осажденные защищались мужественно, приближалась зи- ма, и императоръ принужденъ былъ удалиться въ Павію. Оттуда

онъ пишетъ нѣмецкимъ князьямъ одно посланіе за другимъ, умоляя ихъ привести къ нему весною подкрѣпленія. Ниже мы увидимъ, какъ на свиданіи въ Кьявеннѣ самый могущественный изъ нѣмецкихъ князей, глава дома Вельфовъ, Генрихъ Левъ, отказалъ ему въ своей помощи. Въ маѣ 1176 года сами союзники напали на армію императора. При Леньяно произошла кровопролитная битва, въ которой они остались побѣдителями.

Венеціанскій и констанцскій договоры.—Теперь не оставалось ничего другого, какъ начать переговоры. Фридрихъ обратился сначала къ папѣ; онъ соглашался признать его, но хотѣлъ отвлечь его отъ ломбардцевъ. Александръ III отказался предать своихъ союзниковъ, какъ города, такъ и короля Сициліи. Въ концѣ марта 1178 года онъ прибылъ въ Венецію, въ сопровожденіи многочисленныхъ кардиналовъ и сицилійскихъ пословъ. Здѣсь онъ снова обѣщаль уполномоченнымъ лиги не заключать мира безъ нихъ. «Мы же», отвѣтили они, «желаемъ заключить миръ съ императоромъ, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы честь Италіи и наша свобода остались неприкосновенными». Эти слова показываютъ, что представленіе объ единой общей родинѣ на минуту овладѣло умами ¹⁾. Фридрихъ принужденъ былъ уступить и начать переговоры съ лигою. Затѣмъ, 24 іюля, по снятіи съ него отлученія, онъ съ большой пышностью вступилъ въ Венецію. Приведенный къ Александру III, который вмѣстѣ съ кардиналами и епископами ждалъ его въ атриумѣ храма св. Марка, «онъ былъ осѣненъ св. Духомъ и, пренебрегая своимъ императорскимъ достоинствомъ, палъ къ ногамъ папы». Александръ III поднялъ и облобызалъ его со слезами на глазахъ. Такимъ образомъ, по странному совпаденію, ровно черезъ столѣтіе, въ тотъ самый годъ, побѣжденная имперія снова преклонилась передъ папствомъ.

1-го августа Фридрихъ торжественно заявилъ, что поступалъ дурно, что ослушался «голоса справедливости», но просвѣщенный божественной благодатью примирился съ папою, съ королемъ Сициліи и ломбардцами. Тѣмъ не менѣе, условія мира было не легко установить, и для этого потребовалось нѣсколько договоровъ. Проектъ мира съ папою былъ выработанъ уже во время переговоровъ въ Ананьи, въ октябрѣ 1176 года; окончательно миръ былъ заключенъ въ Венеціи, въ августѣ 1177 года.

¹⁾ Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что писатели этого времени примѣняютъ имя Италіи, которое мы употребляемъ здѣсь, специально къ Ломбардіи.

Всѣ земли, отнятыя у св. престола, были возвращены ему; папа и императоръ должны были помогать другъ другу, причемъ папа долженъ былъ относиться къ императору, какъ къ доброму сыну, покорному и преданному, а императоръ къ папѣ—какъ къ любимому и уважаемому отцу. Съ ломбардцами и королемъ Сицилии Фридрихъ заключилъ перемирія; предпологалось при участіи представителей папы продолжать переговоры для заключенія полнаго мира. Византійскому императору также былъ обезпеченъ миръ. Наконецъ были приняты мѣры для устраненія раскола въ церкви. Договоръ съ ломбардцами былъ подписанъ лишь въ іюнѣ 1183 г. въ Констанцѣ. Императоръ уступалъ городамъ, мѣстамъ и лицамъ, принадлежавшимъ къ лигѣ, тѣ регалии и кутюмы, которыми они пользовались до сихъ поръ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ епископъ, въ силу императорской или королевской привилегіи, имѣетъ власть графа, консулы, если таковъ обычай, получаютъ свой санъ отъ него; въ остальныхъ городахъ они утверждаются императоромъ. Города имѣютъ право укрѣпляться, поддерживать и возобновлять лигу, когда пожелають. Императоръ сохраняетъ за собою право принимать апелляціи и собирать военные подати, *foedum*. Его представителями въ Италіи являются полномочные послы, которымъ помогаютъ викаріи и нуціи. О подестѣ въ договорѣ ничего не сказано; но очевидно, что они не были устранены, такъ какъ многіе изъ нихъ подписались подъ этимъ самымъ договоромъ; но документы этой эпохи показываютъ, что подестѣ избирались теперь городами. Подестѣ владѣетъ обширными полномочіями и неограниченной юрисдикціей; но онъ не можетъ рѣшить ни одного важнаго вопроса, не посоветовавшись съ думою, избранной городомъ. Мы знакомимся съ этой организаціей по многочисленнымъ статутамъ городовъ, составленнымъ въ XII и XIII вв. (Пистойя, Модена, Феррара, Сиенна и др.) и по одному трактату объ обязанностяхъ подестѣ (*Oculus pastoralis*).

Послѣ побѣды ломбардская лига быстро распалась. Между этими соперничавшими городами продолжительный союзъ былъ невозможенъ. Какъ прежде, начали образовываться частныя лиги, враждебныя другъ другу; такъ, въ 1191 году Кремона, Павія, Комо, Бергамо и Лоди соединяются противъ Милана и старой ломбардской лиги, и Генрихъ VI принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, чтобы извлечь выгоду изъ этихъ раздоровъ.

Тосканскіе города не вступали въ союзъ съ ломбардскими, и констанцскій миръ поэтому не касался ихъ. Тѣмъ не менѣе,

борьба, разыгравшаяся въ сѣверной Италіи, способствовала ихъ развитію. Въ 1162 году Фридрихъ даровалъ Пизѣ и Луккѣ право суда и консульскихъ выборовъ. Здѣсь, какъ и въ Ломбардіи, проснулся духъ независимости. Итакъ, къ концу XII вѣка они находились почти въ такомъ же положеніи, какъ и сѣверные города; они пользовались тѣми же преимуществами.

Что касается Венеціи, то ея политическій строй развился въ царствованіе Фридриха вслѣдствіе дальнѣйшаго ограниченія власти дожей. Въ 1172 году былъ образованъ Великій совѣтъ изъ 480 членовъ, который долженъ былъ обновляться каждый годъ; на него была возложена разработка и подготовка законовъ и дѣлъ, которые затѣмъ вносились на утверженіе въ вѣче. Кромѣ того, при дождѣ находился Малый совѣтъ, состоявшій изъ шести членовъ. Такимъ образомъ, власть дожа была введена въ болѣе точныя рамки; за умаленіе власти его вознаградили знаками почета. Эта революція носила аристократическій характеръ: дожъ долженъ былъ избираться не всѣмъ народомъ, а одиннадцатю избирателями, которыхъ назначалъ Великій совѣтъ. Такимъ образомъ, плодами народнаго возстанія воспользовалась аристократія. Учрежденіемъ новыхъ совѣтовъ, ограниченныхъ по числу членовъ и пополнявшихся изъ ея же среды, учрежденіемъ сената (*Pregadi*) и коллегіи Сорока она обезпечила свое преобладаніе. Впрочемъ, доступъ въ эту аристократію былъ открытъ для всѣхъ, кто по своему вліянію или богатству могъ вступить въ ея ряды; каждый гражданинъ могъ быть избранъ въ члены Великаго совѣта. Лишь въ концѣ XIII вѣка, въ 1296 году, этотъ совѣтъ перестанетъ пополняться путемъ выборовъ и обратится въ наслѣдственную олигархію, въ которую новый человекъ можетъ проникнуть лишь съ трудомъ: это называли «закрытіемъ Великаго совѣта» (*serrata del gran consiglio*). Съ этихъ поръ учрежденія Венеціи получаютъ совершенно иной характеръ, чѣмъ учрежденія остальной Италіи.

Итакъ, папа и города восторжествовали. Однако послѣ венеціанскаго мира Александръ III оказался безсильнымъ утвердить свой авторитетъ въ центрѣ полуострова; это показываетъ, что послѣ своего пораженія Фридрихъ былъ въ Италіи сильнѣе, чѣмъ до него: миръ, раздѣливъ его противниковъ, доставилъ ему такія выгоды, какихъ онъ не могъ добиться путемъ войны.

III. ГЕРМАНИЯ И ФРИДРИХЪ БАРБАРОССА.

Союзъ съ Генрихомъ Львомъ.—Употребляя часть своихъ силъ на улаженіе итальянскихъ дѣлъ, Фридрихъ Барбаросса не пренебрегалъ и внутреннимъ управленіемъ Германіи. Здѣсь онъ дѣйствительно могущественъ; онъ господствуетъ надъ крупными княжескими фамиліями, подавляетъ ихъ возстанія и суровыми мѣрами умиряетъ буйныхъ и хищныхъ бароновъ.

Онъ вступилъ на престолъ при чрезвычайно затруднительныхъ обстоятельствахъ. Царствованіе Конрада было періодомъ безначалія и насилій. Лицомъ къ лицу съ Фридрихомъ стоялъ домъ Вельфовъ, который, будучи лишень власти, былъ однако равенъ ему по вліянію. Во главѣ этой семьи стоялъ способный, энергичный и честолюбивый человекъ—Генрихъ Левъ. Другой изъ ея членовъ, Вельфъ VI, былъ ожесточеннымъ противникомъ Конрада III. Фридрихъ снискалъ дружбу Вельфа VI, приходившагося ему дядей, отдавъ ему въ ленъ земли маркграфини Матильды: маркграфство тосканское, герцогство сполетское и Сардинію. Своему двоюродному брату Генриху Льву онъ присудилъ герцогство баварское (1153), и между ними установилось такое согласіе, котораго, казалось, ничто не могло нарушить. Въ 1155 году, въ то время, когда Генрихъ Левъ былъ вмѣстѣ съ королемъ по ту сторону Альпъ, тѣ изъ князей, которыхъ наиболѣе раздражало его могущество и благосклонность къ нему Фридриха,—маркграфъ австрійскій Генрихъ Язомирготтъ, получившій ранѣе и Баварію, маркграфъ Сѣверной марки Альбрехтъ Медвѣдь, который въ царствованіе Конрада III тщетно пытался овладѣть Саксоніей,—оставались въ Германіи несмотря на призывъ короля. По Рейну сеньеры изъ своихъ замковъ, расположенныхъ на крутыхъ утесахъ, господствовали надъ рѣкой и дорогами и опустошали страну. Стремясь водворить порядокъ, Фридрихъ дѣйствовалъ съ той несокрушимой и стремительной энергіей, которая составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ его характера. На вормскомъ сеймѣ (декабрь 1155 года), разбирая споръ между архіепископомъ майнцскимъ и рейнскимъ пфальцграфомъ Германомъ, онъ присудилъ послѣдняго къ тому, чтобы онъ босикомъ прошелъ милью, неся на рукахъ собаку. Это былъ старинный родъ наказанія, выработанный нѣмецкимъ обычнымъ правомъ. «Когда былъ произнесенъ этотъ суровый приговоръ», говоритъ Оттонъ Фрейзишгенд-

скій, «людьми овладѣлъ такой ужасъ, что все предпочли жить въ мирѣ, чѣмъ бросаться въ водоворотъ войны». Фридрихъ объѣхалъ страну, разрушая замки и обезглавливая или вѣшая мятежниковъ. Затѣмъ, на регенбургскомъ сеймѣ (сентябрь 1156 г.) онъ примирилъ Генриха Льва съ Генрихомъ Язомирготтомъ, возвративъ первому Баварію, но взаменъ обративъ маркграфство второго (Австрію) въ герцогство. Онъ обезпечилъ себѣ поддержку крупныхъ сеньеровъ и поручилъ имъ обуздывать насилия мелкаго дворянства, водворять порядокъ въ Германіи.

Въ то же время, женившись на графинѣ бургундской Беатрисъ, онъ пытается пріобрѣсти дѣйствительное вліяніе надъ бургундско-арльскимъ королевствомъ, которое до сихъ поръ стояло лишь въ фактивной зависимости отъ имперіи и граница котораго почти непрерывно шла по линіи Соны и Роны, кое-гдѣ даже выступая за нее. Онъ нѣсколько разъ принимался за это дѣло, особенно въ 1169 г. Въ 1157 году, назначивъ на западъ своего брата Конрада рейнскимъ пфальцграфомъ, онъ на востокъ посредствомъ удачной экспедиціи заставилъ Болеслава IV польскаго принести себѣ присягу на вѣрность. Правда, Болеславъ не сдержалъ своего обѣщанія. Вскорѣ послѣ этого (январь 1158 года), герцогъ богемскій Болеславъ получилъ титулъ короля въ награду за услуги, оказанныя имъ Фридриху во время этой войны. Гейза II венгерскій въ 1157 году обѣщаль прислать войска для итальянскаго похода. Въ Даніи Фридрихъ въ 1152 году уладилъ споръ между Канутомъ и Свеномъ, которые оспаривали другъ у друга корону; Фридрихъ отдалъ ее Свену, и послѣдній призналъ себя его васаломъ. Даже англійскій король Генрихъ II въ одномъ письмѣ признаетъ надъ собою его верховную власть. На сеймѣ въ Безансонѣ, въ октябрѣ 1157 года, рядомъ съ множествомъ князей и бароновъ, присутствовали послы отъ Рима, Апуліи, Тосканы, Венеціи, Ломбардіи, Франціи, Англійи и Испаніи. «Вся земля», пишетъ лѣтописецъ Рагевинъ, «признавая его могущество и милосердіе, повинуюся одновременно любви и страху, старалась оказывать ему новые знаки почтенія, превозносить его новыми хвалами».

Сеймъ въ Безансонѣ обозначаетъ собою высшую точку, какой достигло могущество Фридриха въ первую половину его царствованія. Его власть въ Германіи казалась настолько упроченной, что во время своей борьбы съ папою и ломбардскими городами онъ могъ безпрестанно набирать въ Германіи новыя арміи. Мятежи умирались безпощадно; когда горожане Майнца убили своего

архієпископа, преданнаго Фридриху, городъ потерялъ свои привилегіи; его стѣны и башни были разрушены, рвы засыпаны (1163). И хотя въ Германіи еще не вполнѣ царилъ миръ, хотя между князьями возникали даже раздоры и войны, но надъ всѣми смутами господствовала воля императора. Даже нѣмецкіе епископы, сочувствовавшіе Александру III, не рѣшались противодѣйствовать Фридриху. Такимъ образомъ, Александръ III не могъ, подобно Григорію VII, опираться на Германію; несмотря на отлученіе, страна продолжала повиноваться Фридриху и не противопоставляла ему соперниковъ.

Генрихъ Левъ, Альбрехтъ Медвѣдь и славянскія земли.—Въ то время, какъ императоръ по ту сторону Альпъ воевалъ изъ-за теоретическихъ правъ и непрочныхъ выгодъ, Генрихъ Левъ съ безпощадной энергіей и замѣчательнымъ политическимъ талантомъ продолжалъ на сѣверѣ вѣчную борьбу германской расы со славянской. Стоя въ своемъ саксонскомъ герцогствѣ какъ на военномъ посту, онъ возобновилъ дѣло, начатое Германномъ Биллунгомъ и Геро, но главнымъ образомъ стремился къ тому, чтобы создать себѣ въ этой странѣ прочное государство. Въ 1156 году, во время войны съ архієпископомъ бременскимъ Гартвигомъ, котораго онъ лишилъ почти всякаго вліянія, какъ главы епархіи, онъ вступилъ въ Бременъ и обошелся съ нимъ, какъ съ завоеваннымъ городомъ. Адольфъ голштинскій принужденъ былъ уступить ему Любекъ (1158). Онъ разослалъ пословъ въ Данію, Швецію, Норвегію и Россію, предлагая государямъ и городамъ свободу торговли съ Любекомъ, и послѣдній скоро достигъ цвѣтущаго состоянія. Побѣдивъ, въ 1160 году, ободритскаго князя Никлота, онъ отстроилъ и укрѣпилъ Шверинъ и овладѣлъ страпою вендовъ. Если позже онъ, изъ политическихъ соображеній, и возвратилъ ее сыну Никлота, Прибиславу II, то лишь подъ условіемъ, чтобы послѣдній присягнулъ ему на вѣрность и принялъ христіанство; его сынъ Генрихъ Бордвинъ женился на побочной дочери Прибислава, Матильдѣ; однако Шверинъ онъ удержалъ за собою. Въ союзѣ съ Вальдемаромъ II датскимъ онъ усмирялъ славянскихъ иратовъ. Чтобы насадить культуру въ завоеванныхъ областяхъ, Генрихъ Левъ призывалъ даже иностранцевъ: Мекленбургъ наполнился фламандскими колонистами. Съ другой стороны, содѣйствуя распространенію христіанства, онъ стремился, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратить епископовъ въ своихъ вѣрныхъ и послушныхъ

служъ и избиралъ ихъ изъ числа преданныхъ ему людей. Къ этому времени относится устройство епископствъ въ Ольденбургѣ, Рацебургѣ, Мекленбургѣ-Шверинѣ и Любекѣ. Съ той же деспотической энергіей упрочилъ онъ свою власть въ Баваріи, гдѣ имъ былъ основанъ Мюнхенъ (1158). «Такъ росло его могущество», говоритъ Гельмольдъ, лѣтописецъ войнъ со славянами, «и онъ сдѣлался княземъ надъ князьями земли». Въ 1168 году онъ женился на дочери англійскаго короля Генриха II, Матильдѣ. И развѣ онъ самъ не былъ фактически королемъ сѣверной Германіи?

Между тѣмъ, въ Саксоніи и смежныхъ съ нею областяхъ могущество этого князя—суроваго, своекорыстнаго, всегда готоваго захватить земли и нарушить права своихъ сосѣдей—вызывало противъ него сильную ненависть. Нѣсколько разъ возникали коалиціи противъ него. Альбрехтъ Медвѣдъ и ландграфъ тюрингенскій были его заклятыми врагами. Въ 1166 году началась открытая война, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Архіепископъ кельнскій Рейнальдъ Дассельскій, архіепископъ бременскій Гартвигъ и епископъ любекскій Арнольдъ вступили въ коалицію противъ Генриха. Самъ императоръ лишь съ трудомъ примирилъ противниковъ. Два раза онъ тщетно приглашалъ саксонскихъ князей для разбора дѣла; лишь по третьему зову они явились въ Вюрцбургъ (въ іюнь 1168 года), и хотя формально миръ былъ восстановленъ, но вражда не улеглась.

Слѣдовавшіе затѣмъ годы были періодомъ блеска для Генриха. Его союзникъ Вальдемаръ, вмѣстѣ съ вассалами Генриха, совершилъ удачный походъ на островъ Рюгенъ—одинъ изъ центровъ славянскаго язычества—и ввелъ тамъ христіанство (1168). Генрихъ Левъ потребовалъ, на основаніи существовавшаго между ними договора, половины добычи. Отказъ Вальдемара повлекъ за собою опустошеніе его королевства войсками Генриха и славянскими морскими разбойниками. Въ 1172 году Вальдемаръ принужденъ былъ просить мира; его сынъ и наследникъ, Кануть VI, женился на дочери Генриха, Гертрудѣ. Благодаря побѣдамъ герцога и вліянію, которымъ онъ пользуется въ славянскихъ земляхъ, цистерціанскія и премонстранскія миссіи развиваются въ Помераніи, среди ободритовъ. Въ Даргунѣ, Кольбацѣ, Оливѣ, Доберау основываются новые монастыри; карминское епископство въ Помераніи щедро одаряется. Въ 1170 году смерть избавила Генриха Льва отъ самаго опаснаго изъ его вра-

говъ, Альбрехта Медвѣдя. Если этому храброму маркграфу и не удалось снова овладѣть Саксоніей, то онъ прочно утвердился въ Бранденбургѣ и подчинилъ себѣ племена, обитавшія по ту сторону Эльбы и Гавеля. «Такъ какъ славянское населеніе уменьшалось», говоритъ Гельмольдъ, «то онъ призывалъ изъ Голландіи, Дакіи и Фландріи множество колонистовъ и расселялъ ихъ по славянскимъ городамъ и укрѣпленіямъ. Они строили города и церкви, и богатство ихъ росло съ необыкновенной быстротой»¹⁾. Такимъ образомъ, начало исторіи Пруссіи неразрывно связано съ именемъ Альбрехта Медвѣдя. Въ 1172 году Генрихъ Левъ, во главѣ 500 рыцарей, отправился на поклоненіе св. мѣстамъ. Его слава была распространена по всему христіанскому міру; въ Константинополѣ и Іерусалимѣ онъ встрѣтилъ царскій приемъ.

Измѣна и осужденіе Генриха Льва.—Чтобы обезпечить себѣ дружбу своего двоюроднаго брата, Фридрихъ въ теченіе многихъ лѣтъ содѣйствовалъ усиленію его могущества. Онъ съ трудомъ защитилъ его противъ зависти и нападокъ его враговъ. Пока еще ничто не нарушило ихъ согласія. Въ 1169 году императоръ въ Ахенѣ короновалъ своего малолѣтняго сына Генриха римскимъ королемъ. Предполагаютъ, что Генрихъ Левъ отказался присягнуть на вѣрность юному наслѣднику; но источникъ, сообщающій намъ это извѣстіе, ненадеженъ. И вотъ, въ самый критическій моментъ своей борьбы съ ломбардской лигой, Фридрихъ, нуждаясь въ подкрѣпленіяхъ, обратился къ Генриху Льву. На свиданіи, которое произошло, вѣроятно, въ Къявениѣ, въ началѣ 1176 года, Генрихъ отказалъ ему въ своей помощи. Лѣтописцы начала XIII вѣка сообщаютъ, что императоръ въ отчаяніи упалъ къ ногамъ Генриха, и украшаютъ свой рассказъ объ этой сценѣ драматическими подробностями. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Фридриха Барбароссы (Гизебрехтъ) призналъ эти извѣстія вымышленными. О причинахъ, побудившихъ Генриха Льва къ отказу, мы можемъ только догадываться. Было ли то, какъ часто говорили, дѣло о наслѣдствѣ Вельфа VI? Старикъ, единственный сынъ котораго умеръ въ Италіи (1167), уступилъ недавно Фридриху за денежное вознагражденіе свои итальянскіе лены: герцогство сполетское, маркграфство тосканское, Сардинію и Корсику (1174). Въ слѣдующемъ году онъ предложилъ Генриху Льву на тѣхъ же условіяхъ свои аллодіальныя владѣнія;

¹⁾ См. выше, гл. III, отд. I.

Генрихъ согласился, но денегъ не далъ, и Вельфъ обратился позже къ Фридриху. Но въ началѣ 1176 года этой причины къ ссорѣ между двоюродными братьями, кажется, еще не существовало. Генрихъ отвергъ просьбу императора безъ сомнѣнія потому, что считалъ бесполезнымъ тратить свои силы и средства на итальянскую войну, отъ участія въ которой онъ устранился уже съ 1161 г. Это объясненіе вполне согласуется съ общимъ характеромъ его дѣятельности, направленной исключительно къ осуществленію его личныхъ и непосредственныхъ интересовъ. Но его самоувѣренность ввела его въ ошибку; слишкомъ полагаясь на свое могущество, онъ забылъ, что вмѣшательство Фридриха спасло его отъ коалиціи его враговъ; онъ еще болѣе нуждался въ императорѣ, чѣмъ послѣдній въ немъ.

Дѣйствительно, Фридрихъ и послѣ своего пораженія въ Италіи остался полновластнымъ господиномъ Германіи. Чтобы отомстить Генриху Льву, ему стоило только предоставить свободу дѣйствій его врагамъ, которыхъ онъ до сихъ поръ съ такимъ трудомъ обуздывалъ; но онъ не далъ воли своему гнѣву и сталъ выжидать благоприятной минуты. Лѣтомъ 1178 года онъ покинулъ Италію и чрезъ южную Францію, гдѣ въ Арлѣ короновался королемъ, черезъ Ліонъ и Безансонъ не спѣша вернулся въ Германію послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Здѣсь миръ снова былъ нарушенъ раздорами князей. Онъ объѣхалъ провинціи, созывая сеймы для восстановленія порядка, и нигдѣ не встрѣтилъ сопротивленія. Въ Саксоніи коалиція враговъ Генриха Льва приобрѣла нѣсколько новыхъ членовъ, и война не прекращалась. Фридрихъ потребовалъ, чтобы Генрихъ и его противники явились на сеймъ въ Вормсѣ (январь 1179 г.). Генрихъ не явился. Послѣ этого онъ, какъ обвиняемый, былъ, по феодальному обычаю, трижды призванъ на судъ въ различные сроки; наконецъ, такъ какъ онъ упорно отказывался явиться, онъ былъ присужденъ на вюрцбургскомъ сеймѣ (январь 1180 г.) къ изгнанію и лишенію леновъ и имущества за насилія надъ церквами и дворянами и за неповиновеніе императорскимъ вызовамъ; о личной обидѣ, панесенной ему Генрихомъ въ 1176 году, Фридрихъ умолчалъ. Герцогство саксонское онъ отдалъ Бернгарду ангальтскому, сыну Альбрехта Медвѣдя, изъ дома Асканіевъ; архіепископъ кельнскій Филиппъ получилъ Вестфалію, а Оттонъ Виттельсбахскій вскорѣ послѣ того—Баварію. Генрихъ отчаянно сопротивлялся, но его сторонники одинъ за другимъ покинули его. Его союзникъ, Вальде-

марь датскій, вошелъ въ соглашеніе съ Фридрихомъ. Генрихъ II англійскій, на котораго онъ возлагалъ надежды, ничѣмъ не могъ помочь ему. Когда императоръ, объѣхавъ побѣдителемъ Саксонію, принудилъ Любекъ сдаться, Генрихъ принужденъ былъ просить помилованія. Въ ноябрѣ 1181 года, на эрфуртскомъ сеймѣ, онъ упалъ къ ногамъ Фридриха. Императоръ поднялъ его «не безъ слезъ», но всѣ князья заклинали его не возвращать Генриху прежняго могущества. Генрихъ сохранилъ свои наслѣдственныя владѣнія, но ни Саксоніи, ни Баваріи ему не вернули. Кромѣ того, онъ принужденъ былъ, согласно приговору, отправиться въ изгнаніе.

Великій сеймъ въ Майнцѣ, созданный Фридрихомъ въ концѣ его царствованія (май 1184 года), по блеску походилъ на безансонскій сеймъ 1157 года. «Ни одинъ сеймъ», говорятъ современники, «не можетъ сравниться съ этимъ—такъ онъ былъ пышенъ и многолюденъ». На немъ присутствовало свыше 70 могущественныхъ князей, собравшихся изъ всѣхъ частей имперіи, послы соседнихъ государствъ и, по преданію, 70.000 рыцарей. За городомъ былъ воздвигнутъ великолѣпный деревянный дворецъ для императора, окруженный дворцами князей, изъ которыхъ каждый старался превзойти остальныхъ роскошью; кругомъ на большомъ пространствѣ раскинулись разноцвѣтные шатры. Казалось, что внезапно изъ земли выросъ огромный городъ. Здѣсь Фридрихъ посвятилъ въ рыцари своихъ сыновей—короля Генриха и Фридриха швабскаго.

Королевская власть въ Германіи.—Здѣсь не мѣсто давать общую картину германскихъ учрежденій. XII вѣкъ является для нихъ эпохою перерожденія, результаты котораго здѣсь еще не могутъ быть указаны. Тѣмъ удобнѣ именно въ этотъ періодъ, когда власть короля-императора была сильнѣе, чѣмъ когда-либо, изслѣдовать ея составъ и ея отношенія къ различнымъ классамъ германскаго общества.

Королевскіе выборы происходятъ въ одномъ изъ рейнскихъ городовъ—при Гогенштауфенахъ обыкновенно во Франкфуртѣ. Коронуется онъ въ Ахенѣ ¹⁾. Императорскую корону возлагаетъ на него въ Римѣ папа. Избирательной коллегіи, состоящей исключительно изъ опредѣленныхъ членовъ, пока еще не суще-

---

¹⁾ Какъ король Италиі, онъ коронуется въ Павіи, какъ бургундскій король—въ Арль.

ствуешь; юридически избрание принадлежит народу, собирающемуся на сеймъ, но фактически дѣло рѣшается соглашеніемъ князей, которые и отвѣчаютъ отъ имени своихъ областей. Первымъ высказывается архіепископъ майнцскій, за нимъ—архіепископы кельнскій и трирскій, и наконецъ свѣтскіе князья. Такъ напримеръ, въ 1125 году знатные поручили избрание десяти лицамъ изъ своей среды и обѣщали признать королемъ того, на кого падеть ихъ выборъ. Аристократія старается сохранить избирательный принципъ, тогда какъ короли стремятся установить принципъ наследственности. Начиная съ Оттона, императорамъ обыкновенно удается вѣнчать на царство своихъ сыновей. Фридрихъ хотѣлъ пойти дальше—обезпечить наследственную передачу императорскаго достоинства. Папа Луцій II воспротивился этому, объявивъ, что «не можетъ быть одновременно двухъ императоровъ, какъ не можетъ быть двухъ папъ». Тогда Фридрихъ по крайней мѣрѣ провозгласилъ Генриха цезаремъ (1186), сдѣлавъ его своимъ соправителемъ. Но въ то время, какъ во Франціи непрерывность капетингской династіи облегчаетъ установление наследственности, въ Германіи императорскія фамиліи быстро вымираютъ: саксонскій домъ прекращается въ 1024 году, франконскій — въ 1125.

Имперія есть священное учрежденіе: выраженіе Священная Римская Имперія встрѣчается съ XII вѣка.

Что касается матеріальнаго объема своей власти, то Фридрихъ считаетъ себя владыкою міра. По извѣстному анекдоту, сообщаемому Оттономъ Мореною, историкомъ Лоди, докторъ болонскаго университета Мартинъ увѣрялъ Фридриха, что онъ—*dominus mundi* какъ *de proprietate*, такъ и *de jure*. Императоры смотрятъ на себя, какъ на наследниковъ Римской имперіи, и заявляютъ притязаніе на всѣ ея части. Конрадъ III пишетъ Юанну Комнину: «Мои предшественники, римскіе императоры, вѣрили вашему предшественникамъ царство и народъ греческіе, и я сохраняю въ силѣ то, что они установили». Фридрихъ въ одномъ письмѣ къ Саладину выражается еще высокомѣриче (впрочемъ, подлинность этого письма оспаривается). Императоръ господствуетъ надъ всѣми остальными свѣтскими властями христіанскаго міра: въ 1162 году, на одномъ синодѣ, Фридрихъ называетъ королей Франціи и Англіи *reges provinciarum*, показывая тѣмъ, что считаетъ ихъ королевства частями имперіи. «Каждый разъ», говоритъ Рагевинъ, «когда короли Испаніи, Англіи, Франціи,

Давні, Богеміи и Венгріи писали къ нему или посылали посольства, они заявляли, что ему принадлежитъ верховная власть и что они готовы повиноваться». Для своей законодательной и судебной власти онъ такъ же не признаетъ никакихъ границъ, какъ и для территоріальнаго протяженія своей имперіи. Увѣренный въ томъ, что его воля—законъ, Фридрихъ, въ качествѣ преемника римскихъ императоровъ, возстановляетъ ихъ законы и къ послѣднимъ прибавляетъ новые. Такъ, въ *Corpus juris* и до сихъ поръ фигурируютъ ронкальскія постановленія 1158 года ¹⁾.

Однако, его идеаломъ, еще въ большей степени, чѣмъ Константинъ или Юстиніанъ, является Карлъ Великій. Въ Нимвегенѣ, въ Ингельгеймѣ онъ роскошно отстраиваетъ его дворцы и долгу живетъ въ нихъ; въ нимвегенскомъ дворцѣ родился его сынъ Генрихъ, будущій императоръ. Въ 1165 году, на Рождествѣ, онъ устраиваетъ въ Ахенѣ великолѣпныя празднества по случаю канонизаціи Карла Великаго антипапою Пасхалиемъ III; останки великаго императора, найденныя не безъ труда, были перенесены въ новую гробницу. Въ жалованныхъ грамотахъ Ахену онъ называетъ его «столицей имперіи, священнымъ городомъ». Канонизируя Карла Великаго, Фридрихъ имѣлъ въ виду придать императорской власти еще болѣе величія и святости. Во многихъ официальныхъ актахъ онъ заявляетъ, что намѣренъ слѣдовать примѣру Карла Великаго, и именно съ послѣднимъ сравниваютъ его современники.

Дѣйствительно, въ государственномъ строѣ Германіи, какъ и Франціи, еще ясно видны слѣды каролингскихъ учреждений. Люди этого времени крѣпко держатся за эту традицію и она является для нихъ чѣмъ-то въ родѣ политическаго догмата. Какъ и въ началѣ IX столѣтія, императоръ представляется имъ челоувѣкомъ, которому поручено Провидѣніемъ охранять миръ на землѣ; въ этомъ и Фридрихъ видитъ свое назначеніе, и иногда онъ официально принимаетъ прозваніе «миротворца» (*pacificus*). Онъ безпрестанно объѣзжаетъ провинціи Германіи, подтверждая указы о мирѣ (*Landfrieden*) и наблюдая за ихъ исполненіемъ. Въ 1179 г. онъ подтвердилъ въ рейнской области указъ о мирѣ, который при-

---

¹⁾ Впрочемъ, законодательная дѣятельность королевскаго правительства была очень невелика, даже при Фридрихѣ I. Одинъ нѣмецкій лѣтописецъ говорить, что его соотечественники не имѣютъ другихъ законовъ, кромѣ *Friedebriefe*, и прибавляетъ: „*sed nec eisdem recte utuntur tanquam gens agrestis et indomita*“. Въ Германіи господствовали тогда мѣстные кутюмы.

писывали Карлу Великому. Высшіе сановники, которые окружают его, носят тѣ же титулы, что въ IX вѣкѣ: канцлеръ, пфальцграфъ, маршалъ, камерарій, бутикуларій и проч. Эти званія возлагаются на самыхъ могущественныхъ князей имперіи, которые въ торжественныхъ случаяхъ и исполняютъ свои обязанности; но постепенно эти должности превращаются въ наследственные лены: саксонскій герцогъ—маршалъ, богемскій король—мундшенкъ, пфальцграфъ рейнскій—стольникъ, и т. д. Канцлеромъ Германіи является архіепископъ майнцскій, канцлеромъ Италіи—архіепископъ кельнскій, канцлеромъ Галліи—архіепископъ трирскій. Съѣзды каролингскаго времени обратились въ сеймы, Reichstage, мало, впрочемъ, измѣнившіеся со стороны формы. На великіе сеймы XII вѣка собираются князья, епископы, бароны, рыцари, горожане со всѣхъ концовъ имперіи, но въ обсужденіи дѣлъ фактически участвуютъ только крупныя сеньеры (principes, primates) ¹⁾. Король совѣтуется съ ними о церковныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, о военныхъ предпріятіяхъ и ви́шнихъ отношеніяхъ, о налогахъ и мѣрахъ къ водворенію порядка внутри государства, и т. д.; здѣсь же разбираются распри, возникающія между князьями. Одна изъ главныхъ причинъ могущества Фридриха заключается въ томъ, что, при всей безусловности своихъ теоретическихъ притязаній, онъ на практикѣ безпрестанно привлекаетъ магнатовъ къ участию въ дѣлахъ правленія, ежегодно по нѣскольку разъ созывая ихъ на сеймы и обращаясь съ ними, какъ со своими сотрудниками въ поддержаніи порядка и могущества имперіи. Но возрастающее вліяніе этой аристократіи является, очевидно, крупной опасностью для королевской власти, которая съ теченіемъ времени оказывается все менѣе способной держать ее въ повиновеніи.

Въ военной организаціи Германіи также сохраняются слѣды каролингскихъ традицій. Армія остается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ государственнымъ, а не исключительно феодальнымъ учрежденіемъ; напримѣръ, князья обязаны королю военной службой не въ качествѣ вассаловъ, а въ качествѣ графовъ; частные собственники, ничѣмъ не связанные съ феодальнымъ строемъ, также

¹⁾ Подъ *князьями*, какъ показываетъ одно замѣчательное мѣсто въ хроникѣ Альберика, надо понимать съ конца XII вѣка архіепископовъ, епископовъ, нѣкоторыхъ аббатовъ, герцоговъ, известное число маркграфовъ, ландграфа тюрингенскаго и пфальцграфа рейнскаго. Раньше этотъ терминъ имѣлъ болѣе общее значеніе и примѣнялся къ большому числу лицъ.

несутъ военную службу. То же самое касается городовъ. Тотъ, кто отказывается вступить въ военную службу,—«виновенъ въ оскорбленіи величества» и подвергается изгнанію. Правда, войска располагаются по областямъ и состоятъ подъ командой своихъ сеньеровъ, да и вообще вліяніе феодальнаго режима сильно даетъ себя чувствовать въ деталяхъ. Кавалерія занимаетъ все болѣе важное мѣсто въ составѣ войска; она становится его главною частью. Финансовыя средства короля ограничиваются доходами съ его помѣстій, заставными пошлинами, подарками и разнаго рода оброчными статьями; правильныхъ государственныхъ налоговъ въ его пользу не существуетъ.

Впрочемъ, подъ этой внѣшней оболочкой политическихъ учрежденій, которая остается, повидимому, неизмѣнной, совершается глубокій переворотъ, начало котораго восходитъ ко времени до Фридриха Барбароссы и послѣдствія котораго въ полномъ объемѣ обнаруживаются лишь въ концѣ слѣдующаго вѣка. Въ теченіе долгаго времени непосредственно подъ королевемъ стояла небольшая группа герцоговъ, владѣнія которыхъ географически почти совпадали со старыми племенными герцогствами IX-го вѣка. Не разъ, обезпоченные могуществомъ этихъ герцогскихъ династій, короли нападали на нихъ, отнимали ихъ владѣнія и раздавали послѣднія членамъ своей фамиліи или своимъ вѣрнымъ приверженцамъ; но новые владѣльцы основывали новыя династіи, и опасность, на минуту устраненная, вскорѣ возникала снова. Въ XII вѣкѣ короли, не отказываясь отъ этой политики, стараются съ другой стороны раздробить тѣ изъ крупныхъ герцогствъ, которыя еще сохранились ¹⁾. Въ теченіе первой половины своего царствованія Фридрихъ сдѣлалъ Генриха Льва какъ бы главою настоящаго государства; послѣ изгнанія Генриха онъ разбилъ это государство на части, подѣлилъ Саксонію между архіепископомъ кельнскимъ и Бернардомъ ангальтскимъ, отнялъ у Баваріи Штирію и Тироль. При другомъ случаѣ онъ оторвалъ отъ Богеміи Моравію. Самъ онъ, напротивъ, не упускалъ случая, чтобы увеличить владѣнія своей фамиліи въ Швабіи, Франконіи и Италіи. Но уменьшеніе размѣровъ крупныхъ герцогствъ имѣло послѣдствіемъ непрерывное увеличеніе количества княжествъ, владѣтели которыхъ являются настоящими областными

¹⁾ Въ концѣ XII вѣка существовало еще восемь герцогствъ: Саксонія, Франконія, Баварія, Швабія, Богемія, Лотарингія, Австрія и Каринтія.

повеніемъ, развитію промышленности и торговли въ ихъ различныхъ формахъ: размноженію рынковъ и ярмарокъ, усилению вліянія гильдій, т. е. торговыхъ товариществъ. Послѣдствіемъ этого расцвѣта является пріобрѣтеніе многочисленныхъ привилегій и специальныхъ правъ, находящихся подъ защитою королевской власти. Всѣ города считались зависящими отъ короля. Въ XIII вѣкѣ окончательно сложилась организація нѣмецкихъ муниципій съ ихъ думою (Rath). Въ деревнѣ рабство давно уступило мѣсто менѣ суровому крѣпостному состоянію, прикрѣпавшему челоуѣка къ землѣ, а не къ личности господина; социальное разстояніе между рабомъ и полусвободнымъ крѣпостнымъ (Höfinge) уменьшается. Надъ ними мелкіе свободные собственники образуютъ какъ бы сельскую аристократію, приближающуюся къ мелкой знати. Положеніе сельскихъ классовъ въ общемъ значительно улучшается: отношенія держателей и сеньеровъ регулируются договорами, кутюмами (Weisthümer). Поэтому земледѣліе прогрессируетъ, цѣнность земли возрастаетъ: въ долинахъ Рейна и Мозеля земля въ XIII вѣкѣ стоитъ въ семь разъ дороже, чѣмъ въ X-мъ; первобытные лѣса расчищаются, вспахиваются обширныя пространства, винодѣліе развивается.

Литература.—Въ сеньеріальномъ мірѣ, подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ и сношеній съ Провансомъ и Италіей, образъ жизни получаетъ новый, менѣ грубый характеръ, и возникаетъ даже извѣстный вкусъ къ духовнымъ наслажденіямъ.

Въ это время зарождается національная литература Германіи. Подвиги Фридриха Барбароссы воспѣвались въ латинскихъ поэмахъ и излагались по-латыни же лѣтописцами. Лучшій изъ этихъ лѣтописцевъ, дядя короля Оттона, епископъ Фрейзингенскій, не лишень даже историческаго чутья и вноситъ въ свой рассказъ жизнь и краски. Но на ряду съ этими клириками появляются и рыцари, миннезингеры, воспѣвающіе на народномъ языкѣ не только любовь, но и битвы и подвиги рыцарей; таковы Кюренбергъ, Генрихъ фонъ Вельдеке и др. Они опытны въ этомъ дѣлѣ: одни участвовали въ крестовыхъ походахъ, другіе—въ нѣмецкихъ войнахъ. Они являются на имперскіе сеймы, князя привлекаютъ ихъ къ своимъ дворамъ; такъ, дворы Генриха Льва, ландграфа тюрингенскаго, Клеве славятся своими поэтами. Рядомъ съ этой лирической поэзіей, нерѣдко заимствующей мотивы отъ провансальскихъ трубадуровъ, процвѣтаетъ и эпическая поэзія. Въ XII вѣкѣ сложилась въ той формѣ, въ которой она дошла до насъ, ве-

лика германская эпопея о Нибелунгахъ, герои которой страннымъ смѣшеніемъ рыцарскихъ чувствъ и грубости напоминаютъ иногда современниковъ Фридриха Барбароссы ¹⁾. Отъ французскихъ труверовъ нѣмецкіе поэты заимствуютъ свои обширныя рыцарскія поэмы (gestes), сюжетами для которыхъ служатъ сказанія каролингскаго, бретонскаго и античнаго цикловъ. Надѣляя своихъ героев привычками и нравами XII вѣка, Генрихъ фонъ Вельдеке воспѣваетъ Энея, священникъ Лампрехтъ—Александра, священникъ Конрадъ—Роланда. Вернеръ фонъ Тегеризей услаждаетъ благочестивыя души своей поэмою о жизни Маріи. Ниже этихъ духовныхъ и свѣтскихъ поэтовъ стоятъ жонглеры, распѣвающіе въ городахъ и деревняхъ свои Lieder въ услаждение простого народа. Иногда поэзія приближается къ исторіи: поэма о св. Ганнонѣ прославляетъ кельнскаго архіепископа, игравшаго такую видную роль въ политической жизни предшествующаго вѣка, при Генрихѣ IV. На простонародномъ же языкѣ написана—вѣроятно, послѣ 1146 года—стихотворная хроника императоровъ, Kaiserchronik, въ которой авторъ, пуская въ ходъ самые неожиданные анахронизмы, устанавливаетъ прямую связь между германскими и римскими императорами. Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать Германію время Фридриха Барбароссы, она представляется оригинальной страной, полной силъ и движенія.

Смерть Фридриха Барбароссы.—Съ 1184 года періодъ борьбы и испытаній смѣнился годами славы и мира. Увѣренныи въ своемъ могуществѣ, Фридрихъ въ 1185 году позволилъ Генриху Льву вернуться въ Германію; въ слѣдующемъ году онъ посѣтилъ Италію, и даже Миланъ устроилъ ему торжественную встрѣчу. Именно здѣсь Фридрихъ провозгласилъ цезаремъ своего сына Генриха, который незадолго передъ тѣмъ женился на Констанціи, наслѣдницѣ норманнскаго королевства Сициліи. Какъ бы для того, чтобы лишній разъ доказать, что прочный миръ между папствомъ и имперіей невозможенъ, въ это время едва не возобновилась борьба между нимъ и Луціемъ III, преемникомъ Александра III. Венеціанскій миръ не разрѣшилъ вопроса о родовыхъ

---

¹⁾ Ликтанбержэ (Le poème et la légende des Nibelungen, 1891) доказаль, что эта поэма образовалась изъ сліянія пѣсенъ, которыя распѣвались южногерманскими жонглерами. Не разъ пытались опредѣлить ея автора; указывали, напримѣръ, на Кюренберга; но все эти догадки не имѣютъ за себя никакихъ доказательствъ.

владѣніяхъ маркграфини Матильды; императоръ и папа равно утверждали, что она завѣщала эти земли имъ, и оба предъявили документы въ подтвержденіе своихъ правъ (1184). Съ другой стороны, Луцій III отказался короновать Генриха императоромъ при жизни отца. Несогласія продолжались и при Урбанѣ III, избранномъ въ 1185 году. Генрихъ опустошилъ церковную область (1187); Фридрихъ обвинялъ нѣмецкихъ епископовъ въ томъ, что они находятся въ союзѣ съ папой. Извѣстіе о взятіи Іерусалима Саладиномъ положило конецъ этому спору. Въ маѣ 1189 года Фридрихъ отправился въ Св. Землю; тамъ, въ рѣкѣ Селефѣ, онъ и кончилъ жизнь 10 іюня 1190 года¹⁾.

---

¹⁾ О крестовомъ походѣ Фридриха см. ниже, гл. VI. Что касается возникшихъ позже легендъ, которыя связаны съ именемъ Фридриха Барбароссы, то о нихъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Папство, Германія и Италія, Генрихъ VI и Фридрихъ II.

(1190—1268).

I.—ЦАРСТВОВАНИЕ ГЕНРИХА VI.

Генрихъ VI и сицилійское королевство.—Сынъ Фридриха Барбароссы нѣкоторыми чертами своего характера напоминалъ отца; подобно ему, онъ былъ храбръ, честолюбивъ и упоренъ; но онъ не обладалъ его благородной душой; онъ не оставался передъ обманомъ, и ради мести совершалъ неслыханныя жестокости, притомъ не вслѣдствіе внезапной вспышки гнѣва, а хладнокровно и систематически. Принужденный въ Германіи щадить своихъ враговъ, онъ хотѣлъ страхомъ держать въ покорности Италію, которую задался цѣлью всю поработить себѣ: неудивительно, что, посѣявъ насиліе, онъ пожалъ ненависть.

Дѣйствительно, политика Генриха VI всецѣло обращена фронтомъ къ Италіи, позже къ Востоку. Отецъ въ 1186 году женилъ его на теткѣ короля Сициліи Вильгельма Добраго, Констанціи, которая была на десять лѣтъ старше его. Бездѣтный Вильгельмъ взялъ клятву со своихъ бароновъ, что послѣ его смерти они признаютъ сюзеренами надъ собою Констанцію и Генриха. Спустя три года послѣ этого онъ умеръ (ноябрь 1189). Генрихъ, бывший еще только регентомъ за отсутствіемъ отца, бросился на богатое наслѣдство. Пользуясь отсутствіемъ Фридриха, Генрихъ Левъ сдѣлалъ попытку снова овладѣть Саксоніей; затѣмъ (1190) былъ заключенъ миръ; но Генрихъ Левъ не исполнилъ его условій. Молодой король стремился во что бы то ни стало развязать себѣ руки, чтобы заняться итальянскими дѣлами. Между тѣмъ Сицилія, отдан-

ная ему Вильгельмомъ Добрымъ, не хотѣла признать надъ собою его власть; въ Палермо былъ провозглашенъ королемъ побочный сынъ герцога Рожера, брата Констанціи, храбрый Танкредъ ди Лечче. Генрихъ VI предпринялъ свой первый походъ въ Италію; во время пути онъ узналъ о смерти отца, и заставилъ папу Целестина III короновать себя императоромъ. Чтобы сдѣлать возможнымъ коронованіе, онъ отдалъ на разграбленіе римлянамъ Тиволи, который раньше довѣрился ему. Римляне жестоко обошлись со своимъ старымъ противникомъ, и одинъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ признаетъ, что этимъ предательствомъ Генрихъ «не въ малой степени опозорилъ имперію». Затѣмъ онъ двинулся на югъ, но терпѣлъ неудачу при осадѣ Неаполя (1191).

Была минута, когда вопросъ о наслѣдіи норманскихъ королей сдѣлался какъ бы центромъ всей политики христіанскаго міра. Папѣ, хотя онъ и короновалъ Генриха, грозила страшная опасность. Наперекоръ заявленіямъ куріи относительно наслѣдства маркграфини Матильды, Генрихъ VI дѣятельно организовалъ имперскую администрацію въ средней Италіи: что ждало папу, если бы императоръ, владѣя, кромѣ того, и южной Италіей, сжалъ его какъ въ тискахъ? Естественно, что Целестинъ III утвердилъ избраніе Танкреда и далъ ему инвеституру на Апулію, Калабрию и Сицилію. Если старикъ Генрихъ Левъ не начиналъ враждебныхъ дѣйствій, то его сынъ Генрихъ брауншвейгскій заключилъ союзъ съ Танкредомъ. Въ то же время онъ собиралъ въ Германіи всѣхъ недовольныхъ, и нѣмцы, по словамъ лѣтописца, «говорили уже о выборѣ новаго короля». За Генрихомъ и Танкредомъ стоялъ англійскій король Ричардъ Львиное Сердце: братъ Жанны, вдовы Вильгельма Добраго, и шуринокъ Генриха Льва, онъ поддерживалъ враговъ Генриха VI и въ Италіи, и въ Германіи. Въ силу естественной реакціи французскій король Филиппъ-Августъ сталъ на сторону императора.

Генриха VI спасъ цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. На обратномъ пути изъ Палестины Ричардъ Львиное Сердце, выданный герцогомъ австрійскимъ, сдѣлался плѣнникомъ императора. Онъ принужденъ былъ на вормсскомъ сеймѣ (іюнь 1193) признать себя вассаломъ римскаго императора, отдать Генриху VI Англію и другія свои владѣнія и принять ихъ обратно въ качествѣ лена. Однако Генрихъ освободилъ его только въ февралѣ 1194 года, съ удивительнымъ вѣроломствомъ возстановивъ его противъ французскаго короля. Съ другой стороны, Генрихъ

брауншвейгскій, влюбленный въ двоюродную сестру императора, заключилъ миръ съ послѣднимъ; нѣмецкая коалиція распалась. Несчастный Танкредъ внезапно оказался изолированнымъ; онъ умеръ въ февралѣ 1194 года, оставивъ только одного трехлѣтняго сына. Въ нѣсколько лѣтъ южная Италия и Сицилія были покорены; страна была безпощадно разграблена, заговоры подавлены съ неслыханной жестокостью—съ заговорщиковъ съ живыхъ сдирали кожу. Въ средней Италиі Генрихъ, вопреки ранѣ состоявшимся соглашениямъ съ куріей, отдалъ своему брату Филиппу Тоскану и домены графини Матильды. На сѣверѣ онъ противопоставилъ ломбардской лигѣ лигу имперскихъ городовъ.

Планъ завоеванія Востока.—Никогда еще имперія не казалась столь могущественной. Что мѣшало ей присоединить къ Западу Востокъ? Фридрихъ Барбаросса думалъ объ этомъ, когда проѣзжалъ черезъ Восточную имперію. Въ Палермо Генрихъ VI взялъ въ плѣнъ дочь императора Исаака Ангела, Ирину. Она была вдовою старшаго сына Танкреда ди Лечче, Рожера. Генрихъ выдалъ ее за своего брата, Филиппа швабскаго. Затѣмъ, подъ предлогомъ защиты своего новаго родственника, Исаака Ангела, онъ отправилъ въ Константинополь шайку нѣмецкихъ авантюристовъ. Его намѣренія были очевидны; о нихъ говорятъ какъ западные, такъ и восточные лѣтописцы. Еще раньше, въ 1194 г., онъ отправилъ пословъ къ армянскому царю съ требованіемъ, чтобы послѣдній призналъ надъ собою его верховную власть; король Кипра, Амори Лузиньянъ, призналъ себя вассаломъ римской имперіи. Тѣмъ не менѣе, Генрихъ старался прикрыть свои честолюбивые замыслы мнимымъ желаніемъ совершить крестовый походъ.

Прежде чѣмъ отправиться на Востокъ, онъ сдѣлалъ попытку превратить императорскую власть въ наслѣдственную. На сеймѣ въ Вюрцбургѣ, въ апрѣлѣ 1196 года, онъ задался цѣлью, по выраженію одного изъ писателей того времени, «заставить князей подписать новое и неслыханное постановленіе, въ силу котораго королевская власть въ Священной Римской имперіи должна была сдѣлаться наслѣдственной, какъ во Франціи и другихъ королевствахъ». Посредствомъ угрозъ или обѣщаній ему удалось склонить нѣкоторыхъ на свою сторону, но, когда онъ перешелъ черезъ Альпы, нѣмецкіе князья собрались въ Эрфуртѣ и выразили протестъ противъ этого постановленія.

Въ концѣ 1196 года, когда онъ находился на югѣ Италиі,

всѣло занятый своимъ планомъ завоеванія греческой имперіи, въ странѣ внезапно вспыхнулъ мятежъ. Доведенные до отчаянія тираніей императора и вымогательствами его нѣмецкихъ чиновниковъ, духовенство, знать и чернь рѣшили умертвить Генриха VI и иностранцевъ. Сама императрица Констанція, горячо любившая Сицилію, прониклась жалостью къ своимъ несчастнымъ соотечественникамъ; говорятъ, что она приняла участіе въ заговорѣ. Взбѣшенный противодѣйствіемъ, разрушавшимъ его планы, Генрихъ VI подавилъ возстаніе съ безошадной жестокостью: мятежниковъ перепиливали пополамъ, сжигали на медленномъ огнѣ, зарывали живыми въ землю; на ихъ претендента, Джордано, была надѣта раскаленная до-красна желѣзная корона. Страна снова склонила голову подъ иго. Крестоносцы стекались въ портовые города Италіи, приготовленія къ отъѣзду были почти закончены; на этотъ разъ Генриху помѣшала осуществить его замыслы смерть, постигшая его въ сентябрѣ 1197 г. По странной ироніи судьбы, онъ, который хотѣлъ установить наслѣдственность императорскаго престола, оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына, и вопросъ объ его наслѣдіи явился поводомъ къ войнѣ и анархіи.

II. — Дѣятельность Иннокентія III.

Иннокентій III: его характеръ и убѣжденія.— Въ концѣ XII вѣка папство, несмотря на блестящіе успѣхи, достигнутые имъ въ борьбѣ противъ Фридриха I, несмотря на торжество, доставленное ему венеціанскимъ миромъ, находилось, страннымъ образомъ, въ чрезвычайно шаткомъ положеніи. Не довольствуясь присвоеніемъ спорнаго наслѣдства Матильды, Генрихъ VI захватилъ самую область св. Петра. «Генрихъ», говоритъ биографъ Иннокентія III, «овладѣлъ областью римской церкви вплоть до воротъ города, исключая Кампаніи, и его боялись тамъ больше, чѣмъ папы». Въ самомъ Римѣ папа былъ безсилнѣе, чѣмъ когда-либо. Александръ III вернулся въ свою номинальную столицу и прожилъ въ ней свои послѣдніе годы, почти лишенный власти надъ нею. Его преемникъ Луцій III уже не могъ оставаться въ Римѣ. Урбанъ III (1185—1187) все время своего правленія прожилъ въ Веронѣ. Только въ 1188 году папство, въ лицѣ Климента III, вернулось въ Римъ, но принуждено было принять условія римскаго сената, который датировалъ свои акты уже 44-мъ го-

домъ своего существованія. Если коммуна и присягнула на вѣрность папѣ, то она все-таки сохранила свою автономію. Целестинъ III (1191—1198) жилъ въ Римѣ, но не былъ его господиномъ.

Со вступленіемъ на папскій престолъ Иннокентія III (январь 1198) положеніе дѣлъ совершенно мѣняется. Новому папѣ было всего 37 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Онъ принадлежалъ къ знатной фамиліи изъ Лациума—къ графамъ Сеньи, учился въ цвѣтущихъ тогда университетахъ Парижа и Болоньи и былъ возведенъ въ кардиналы своимъ дядею Климентомъ III. Убѣжденный въ необходимости подчинить міръ папскому самодержавію, онъ нѣкоторыми чертами характера напоминаетъ Григорія VII: безграничнымъ властолюбіемъ, обнаруживающимся въ самой многочисленности дѣлъ, которыми онъ занятъ, неутомимой дѣятельностью, о которой свидѣтельствуетъ его обширная переписка, наконецъ, глубокимъ убѣжденіемъ въ законности своихъ правъ. Его честолюбіе безгранично, но искренно; такъ, его главная забота—крестовый походъ; ею онъ занятъ при вступленіи на престолъ и наканунѣ смерти, ей подчиняетъ даже свои замыслы о господствѣ надъ королями. Наконецъ, если его теоретическія требованія абсолютны, то въ практическомъ осуществленіи ихъ онъ обнаруживаетъ меньше упорства и больше благоразумія; онъ считается съ обстоятельствами, умѣетъ, когда нужно, уступать; однимъ словомъ, онъ болѣе дипломатиченъ.

Многое въ его убѣжденіяхъ и политикѣ объясняется характеромъ полученнаго имъ воспитанія. Иннокентій III—юристъ: онъ съ твердой увѣренностью подтверждаетъ свои притязанія ссылками на сборники, въ которыхъ сторонники папства собрали незадолго передъ тѣмъ, какъ въ арсеналѣ, всѣ документы, говорившіе въ его пользу.

Въ Болоньѣ, гдѣ онъ учился, было составлено *Decretum Gratiani*, которое тотчасъ же сдѣлалось официальнымъ трактатомъ и школьнымъ руководствомъ по церковному праву; его изучали и комментировали въ школахъ. Вдумываясь въ эти тексты, въ которыхъ поддѣлка смѣшана съ истиной, будущій папа какъ бы вооружилъ свой умъ всевозможными орудіями для защиты духовныхъ правъ папства. Съ другой стороны, въ *Liber censuum ecclesiae romanae*, составленномъ въ 1192 году Ченчіемъ, который позже, подъ именемъ Гонорія III, смѣняетъ его на пап-

скомъ престолѣ, онъ нашелъ какъ роспись доходовъ, которые собирало папство со всего христіанскаго міра, такъ и списокъ домовъ, дѣйствительныхъ и ложныхъ привилегій, составлявшихъ свѣтское государство римской церкви,—въ томъ числѣ и даръ Матильды. Наконецъ, подобно Фридриху Барбароссѣ, подобно большинству политиковъ того времени, онъ былъ убѣжденъ въ необходимости подчинить христіанскій міръ единой власти. Но его образцомъ въ прошломъ является не Константинъ или Карлъ Великій, а св. Петръ. «Королевская власть», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, «подчинена папской. Первая властвуетъ только на землѣ и надъ тѣлами, вторая—на небѣ и надъ душами. Власть королей простирается только на отдѣльныя области, власть Петра обнимаетъ всѣ царства, ибо онъ—представитель Того, Кому принадлежитъ вселенная». Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще яснѣе: «Господь предоставилъ Петру власть не только надъ вселенскою церковью, но и надъ всѣмъ міромъ». По его мнѣнію, «свобода церкви» обезпечена лишь тамъ, гдѣ «римская церковь пользуется неограниченной властью какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ».

Таковъ характеръ этого человѣка, таковы его представленія о роли папства. Ниже мы увидимъ, какъ онъ управлялъ церковью, какъ организовалъ въ ней папское самодержавіе, какъ относился къ ересямъ, съ какимъ жаромъ проповѣдовалъ и организовалъ крестовые походы ¹⁾. Здѣсь мы разсмотримъ его дѣятельность въ сферѣ свѣтской политики. Въ этой области обстоятельства, повидимому, благопріятствуютъ ему. Въ Германіи идетъ борьба за императорскій престолъ, и соперники, взаимно ослабляя другъ друга, даютъ папѣ возможность господствовать надъ ними. Въ Англіи Іоаннъ Безземельный своими жестокостями и трусостью подрываетъ авторитетъ королевской власти. Во Франціи она находится въ крѣпкихъ рукахъ Филиппа Августа, но она крайне осторожна и благоразумна и, если при случаѣ дастъ отпоръ папству, то едва ли рѣшится вступить въ ожесточенную борьбу. Однимъ словомъ, Иннокентій III находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ свѣтская власть.

Возстановленіе государства св. Петра.— Для того, чтобы папство могло дѣйствовать, оно должно, прежде всего, имѣть столицу и государство; на это и направлены первыя

¹⁾ См. ниже, гл. V, VI и XV.

усилія Иннокентія III-го. Въ Римѣ онъ столкнулся съ двумя соперничавшими силами: съ префектомъ города и коммуной. Уже въ февралѣ 1198 года, черезъ мѣсяцъ послѣ своего избранія, онъ преобразовалъ префектуру, обративъ префекта изъ имперскаго чиновника, какимъ онъ былъ при Генрихѣ VI, въ папскаго; онъ взялъ съ префекта клятву вѣрности и далъ ему инвеституру. Въ томъ же году онъ подчинилъ себѣ и коммуну. Произведенныя въ ней незадолго передъ тѣмъ реформы поставили во главѣ ея одного начальника, который носилъ названіе «высшаго сенатора», *summus senator*. Иннокентій III добился права назначать этого магистрата. Муниципалитетъ удержался, но подчинился верховной власти папы. Въ Римѣ, конечно, и въ его правленіе не разъ вспыхиваютъ мятежи, но въ концѣ-концовъ новое соглашеніе подтверждаетъ прерогативы папы (1205).

Къ сѣверу отъ Рима Иннокентію III приходилось имѣть дѣло съ тремя могущественными нѣмецкими князьями: Конрадъ, братъ Генриха VI, владѣлъ Тосканой, сенешаль Марквальдъ Анвейлеръ—экархатомъ, Конрадъ Урслингенъ—сполетскимъ герцогствомъ. Но какъ только получено было извѣстіе о смерти Генриха VI, эти области, слѣдуя воззванію Иннокентія III, возстали. Марквальдъ принужденъ былъ отказаться отъ своей добычи. Герцогство сполетское освободилось отъ нѣмецкаго владычества. Иннокентій III объѣхалъ герцогство, привлекая города на свою сторону признаніемъ ихъ муниципальныхъ вольностей. Въ Тосканѣ Флоренція, Сиенна, Лукка, Вольтерра, Ареццо, Прато и другіе города въ 1197 году образовали лигу, дружественную папству и враждебную имперіи. Иннокентій III одобрилъ ее; онъ вернулъ себѣ тѣ домены, которые принадлежали въ этихъ областяхъ графинѣ Матильдѣ, организовалъ ихъ администрацію и обезпечилъ ихъ защиту. На югѣ полуострова нѣмцевъ прогнали вонъ, и Констанція, умирая (ноябрь 1198), ввѣрила папѣ опеку надъ своимъ сыномъ. Чтобы обезпечить послѣднему сицилійскую корону, она отказалась за него отъ Германіи и имперіи.

Вмѣшательство Иннокентія III въ нѣмецкія дѣла. — Въ Германіи господствовала анархія. Сыну Генриха VI было всего три года. Образовались двѣ партіи: одна избрала Филиппа швабскаго ¹⁾, брата Генриха VI, другая—Вельфа

¹⁾ Любопытно отмѣтить, что онъ принялъ имя Филиппа II, считая Филиппа Араба первымъ Фидиппомъ въ ряду римскихъ императоровъ.

Оттона брауншвейгскаго, сына Генриха Льва. На сторонѣ Филиппа швабскаго были воспоминаія о его предкахъ - императорахъ, ихъ владѣнія, поддержка большей части князей и Филиппа-Августа; Оттона поддерживали только его дядя Ричардъ Львиное Сердце и небольшое число сторонниковъ. Поэтому онъ старался приобрести расположеніе папы покорностью и обѣщаніями, тогда какъ Филиппъ, по своему происхожденію и характеру, внушалъ Иннокентію III сильное недовѣріе. Папа заявилъ притязаніе на роль судьи въ этомъ спорѣ; тотъ, кто посвящаетъ императора, — писалъ онъ нѣмецкимъ князьямъ, — имѣетъ право распоряжаться императорскою короною; избиратели получаютъ отъ папы привилегію избирать римскаго короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и императоромъ. Промедливъ нѣкоторое время рѣшеніемъ, онъ въ мартѣ 1201 года приказалъ нѣмцамъ признать Оттона и освободилъ отъ клятвы вѣрности приверженцевъ Филиппа. Оттонъ взамятъ поклялся сохранять въ цѣлости «владѣнія, регалии и права римской церкви», въ томъ числѣ и наслѣдство Матильды.

Между тѣмъ Филиппъ швабскій старался убѣдить князей, что подобныя притязанія угрожаютъ ихъ свободѣ. Въ письмѣ, съ которымъ архіепископы, князья и сеньеры обратились къ Иннокентію III, они спрашивали его, «гдѣ онъ читалъ, чтобы его предшественники или ихъ легаты когда-либо вмѣшивались въ избраніе императора». Они напоминали ему, что «въ силу старинной привилегіи императорскаго престола», отъ которой императоры отказались только «изъ простодушія», имъ принадлежитъ власть утверждать папскіе выборы. Такимъ образомъ, въ этой новой стадіи борьбы между папствомъ и имперіей предметомъ спора является вопросъ о самомъ происхожденіи той и другой власти. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ папа тщетно напрягалъ свои силы, чтобы доставить торжество своему приверженцу. Въ 1206 году Оттонъ, потерпѣвъ поражение подъ Кельномъ, потерялъ этотъ городъ, державшій его сторону. Анархія достигла крайней степени, и вину въ ней сваливали на папу, на церковь. Иннокентій III принужденъ былъ уступить. Въ 1207 году онъ вошелъ въ соглашеніе съ Филиппомъ швабскимъ; такимъ образомъ, братъ Фридриха Барбароссы восторжествовалъ надъ папствомъ, которое было принуждено признать его. Но въ это самое время онъ былъ убитъ въ Бамбергѣ пфальцграфомъ Оттономъ виттельсбахскимъ, которому онъ отказалъ въ рукѣ своей дочери (іюнь 1208).

Если эта смерть была торжествомъ для Иннокентія III, то

онъ былъ обязанъ имъ случаю. Чтобы привлечь на свою сторону приверженцевъ Гогенштауфеновъ, Оттонъ женился на дочери Филиппа швабскаго, Беатрисѣ; съ другой стороны, чтобы удовлетворить Иннокентія III, онъ принялъ титулъ императора «милостью Божіей и палы». Въ октябрѣ 1209 года онъ былъ коронованъ въ Римѣ. Чувствуя себя теперь достаточно сильнымъ, онъ не замедлилъ нарушить все свои обѣщанія и клятвы. Онъ овладѣлъ землями маркграфини Матильды и напалъ на владѣнія сицилійской короны въ южной Итали. Иннокентій III, обманутый тѣмъ, кого онъ поддерживалъ, писалъ: «Многіе поносятъ меня теперь; они говорятъ, что я заслужилъ то, что терплю, что я собственными руками выковалъ мечъ, который теперь такъ жестоко ранить меня. Пусть отвѣтитъ имъ за меня Всевышній, который знаетъ чистоту моей души и который нѣкогда сказалъ о самомъ себѣ: «Я раскаиваюсь, что создалъ человѣка». Лишенный своихъ свѣтскихъ владѣній, онъ обратился наконецъ къ Филиппу-Августу и заключилъ съ нимъ союзъ. «Не безъ стыда», писалъ онъ французскому королю, «сообщаю я вамъ о моихъ опасеніяхъ, ибо вы не разъ предостерегали меня». Въ ноябрѣ 1210 г. онъ отлучилъ императора отъ церкви и разрѣшилъ его подданныхъ отъ клятвы вѣрности. Съ той же энергіей, съ которой онъ нѣсколько лѣтъ назадъ защищалъ Оттона, онъ старался теперь составить коалицію противъ него. На этотъ разъ его старанія увѣнчались болѣе большимъ успѣхомъ. Въ Германіи, гдѣ Оттонъ силился восстановить порядокъ, онъ своимъ высокоуміемъ и предпочтеніемъ, которое оказывалъ саксонцамъ и англичанамъ, нажилъ себѣ много враговъ. Между тѣмъ, Иннокентій III держалъ для него въ запасѣ опаснаго соперника. Констанція, вдова Генриха VI и наследница сицилійскаго королевства, согласилась принять папскую инвеституру. Передъ смертью (ноябрь 1198) она поручила Иннокентію III опеку надъ своимъ сыномъ, малолѣтнимъ Фридрихомъ. Иннокентій III добросовѣстно защищалъ своего питомца: онъ боролся съ Марквальдомъ Анвейлеромъ, который, пробравшись на югъ, пытался провозгласить себя такъ королемъ; позднѣе онъ энергически протестовалъ противъ попытки Оттона отнять у Фридриха его владѣнія. Но забота о независимости государства св. Петра заставляла его избѣгать сосредоточенія Германіи и сицилійскаго королевства въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Тѣмъ не менѣе, когда противники Оттона рѣшили противопоставить ему юнаго короля, ихъ взоры естественно обратились на молодого Фри-

дриха, которому тогда было семнадцать лѣтъ. Въ сентябрѣ 1211 г. король богемскій, герцоги австрійскій и баварскій, ландграфъ тюрингенскій и другіе князья, собравшись въ Нюренбергѣ, избрали Фридриха императоромъ. Ихъ посоль, Ансельмъ юстингенскій, отправился въ Римъ. Иннокентій III утвердилъ выборъ; его раздраженіе противъ Оттона заставило его забыть о непосредственномъ интересѣ св. престола. Однако, колебанія въ его политикѣ вызвали порицанія. «Это онъ», говорили недовольные, «возбудилъ всѣ эти раздоры, съ чрезмѣрнымъ жаромъ то поддерживая, то преслѣдуя Оттона». Въ мартѣ 1212 года Фридрихъ прибылъ въ Римъ; онъ присягнулъ на вѣрность Иннокентію III за сицилійское королевство. Вслѣдъ за тѣмъ онъ во главѣ небольшого отряда, счастливо избѣгнувъ опасностей, перешелъ черезъ Альпы и смѣло вступилъ въ Германію. Въ то время какъ Оттонъ, теряя одного за другимъ своихъ приверженцевъ, принужденъ былъ удалиться въ Кельнъ, Фридрихъ въ Вокулерѣ заключилъ съ Филиппомъ - Августомъ союзъ противъ своего соперника и противъ англійскаго короля Іоанна Безземельнаго. Затѣмъ, 9 декабря 1212 года онъ короновался въ Майнцѣ королемъ римлянъ. Разбитый при Бувинѣ Филиппомъ-Августомъ (іюль 1214), Оттонъ потерялъ и послѣднихъ своихъ приверженцевъ. Онъ умеръ въ маѣ 1218 года.

Стремясь къ власти, Фридрихъ не скупился на обѣщанія папѣ. Въ іюлѣ 1213 г. онъ подписалъ въ Эгрѣ Золотую Буллу, гдѣ онъ—«во вниманіе къ безграничнымъ и неисчислимымъ благодѣяніямъ своего защитника и благодѣтеля папы Иннокентія»—обѣщалъ повиноваться св. престолу, подтверждалъ свободу церковныхъ выборовъ и апелляцій къ папѣ, обязывался помогать папѣ противъ еретиковъ и, наконецъ, признавалъ принадлежащими папству тѣ земли въ Средней Италіи, на которыя оно изъявляло притязанія. 1-ю іюля 1216 года онъ издалъ въ Страсбургѣ декретъ, въ которомъ заявлялъ рѣшеніе тотчасъ послѣ своего вѣнчанія въ императорскій санъ короновать своего сына Генриха королемъ Сициліи, которая должна стать подъ верховную власть папы; онъ формально высказывался противъ соединенія имперіи съ сицилійскимъ королевствомъ. Иннокентій III и не подозрѣвалъ, что этотъ питомецъ папства нѣсколько лѣтъ спустя сдѣлается самымъ опаснымъ его противникомъ.

Борясь съ императорами, безпрестанно вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Германіи, Иннокентій III раздражилъ національное чувство нѣмцевъ и сдѣлалъ папство непопулярнымъ. Стихотворенія

Вальтера фонъ-дер-Фогельвейде, представляющія собой драгоцѣнный источникъ для исторіи этого времени, полны нападокъ на честолюбіе папъ: «Папы хотятъ уничтожить права мірянъ», восклицаетъ онъ. Въ колебаніяхъ и неудачахъ политики Иннокентія III, противопоставляющаго Фридриха II своему прежнему избраннику Оттону IV, онъ видитъ уловки и козни, и когда въ 1213 году папа объявляетъ сборъ лепты на крестовый походъ, онъ восклицаетъ: «Какимъ христіанскимъ смѣхомъ смѣется папа падъ нами, рассказывая своимъ итальянцамъ о томъ, какъ онъ обдѣлалъ это дѣло! Онъ никогда не смѣлъ и думать о томъ, о чемъ теперь говоритъ. Онъ говоритъ имъ: я надѣлъ одну корону па двухъ нѣмцевъ, чтобы они раздирали имперію и распространяли въ ней смуту и опустошеніе; а я между тѣмъ наполняю мою казну». Жадность римской куріи служитъ предметомъ наиболѣе ѣдкихъ его сарказмовъ. «Господинъ Мѣшокъ», говоритъ онъ, обращаясь къ папской кассѣ, «для того ли папа прислалъ васъ сюда, чтобы вы обогащали его и обирали насъ, нѣмцевъ?... Господинъ Мѣшокъ, вы присланы сюда на наше горе, чтобы отыскивать между нѣмцами дураковъ и сумасшедшихъ». Продажа индульгенцій возмущаетъ его, и онъ возстаетъ «противъ этой торговли благодатію, противъ этого промысла, запрещеннаго намъ крещеніемъ». Такъ Германія, устами одного изъ самыхъ популярныхъ своихъ поэтовъ, формулируетъ одну изъ тѣхъ своихъ жалобъ на папство, которыя позже лягутъ въ основаніе реформаціи.

Иннокентій III и короли.—На первый взглядъ можетъ показаться, что его владычество надъ государями гораздо прочнѣе. «Онъ вмѣшивается въ управленіе королевствъ», говоритъ Минье, «какъ въ администрацію церкви, и короли подчинены ему въ политическомъ отношеніи почти такъ же, какъ епископы—въ религіозномъ. Съ общимъ вліяніемъ на все христіанскія страны онъ соединялъ верховную власть надъ многими изъ нихъ. Этотъ суверенитетъ, будучи для тѣхъ, кто его признавалъ, особымъ видомъ зависимости отъ св. престола, обращалъ папу въ сенъера королей, а королей—въ вассаловъ папы. Наибольшіе размѣры онъ принялъ при Иннокентіи III. Сицилійское королевство, Швеція и Данія уже признали себя ленами св. престола: теперь къ нимъ присоединяются и другія государства. Король португальскій Санчо возобновилъ вассальную присягу, данную папѣ его предшественникомъ Альфонсомъ I въ 1144 году, и платилъ дань своему сюзерену папѣ. То же самое сдѣлалъ въ

1204 году арагонскій король Педро: онъ положилъ свою корону на главный алтарь храма св. Петра въ Римѣ, послѣ чего Иннокентій III надѣлъ ее на голову; такимъ образомъ, онъ сталъ вассаломъ св. престола, которому съ тѣхъ поръ обязанъ былъ платить ежегодную дань. Въ 1207 году верховную власть папы признала надъ собою и Польша». Сближенія съ папствомъ искали и многіе восточные государи: цари Арменіи и Болгаріи и великій жупанъ Сербіи Стефанъ Неманъ ¹⁾ пытались воссоединить свои страны съ римскою церковью.

Но было бы ошибочно судить по этимъ внѣшнимъ признакамъ. Государи, столь покорно преклонявшіеся передъ Иннокентіемъ III, или были слабы, или нуждались въ немъ. Совершенно иначе держалъ себя тотъ государь, который въ то время олицетворялъ собою принципъ королевской власти,—энергичный Филиппъ Августъ. Извѣстно, какъ, прогнавъ отъ себя Ингеборгу датскую, онъ сопротивлялся папѣ, который требовалъ ея возвращенія; чтобы принудить его къ повиновенію, Иннокентій III принужденъ былъ наложить инттердиктъ на Францію. Уже послѣ смерти Агнесы меранской Филиппъ Августъ снова началъ притѣснять Ингеборгу, несмотря на увѣщанія папы, и окончательно примирился съ нею лишь въ 1213 году. Здѣсь неправой стороной являлся Филиппъ Августъ: онъ поддадался вліянію страсти. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло исключительно о политическихъ вопросахъ, онъ говорилъ смѣлымъ и рѣшительнымъ тономъ, будучи такъ же глубоко убѣжденъ въ своихъ правахъ, какъ папа—въ своихъ ²⁾. Когда Иннокентій III сдѣлалъ попытку вмѣшаться въ его распрю съ Іоанномъ Безземельнымъ, Филиппъ Августъ заявилъ ему, что папѣ «нѣтъ никакого дѣла до того, что происходитъ между королями». Въ то время, когда Иннокентій III поддерживалъ Оттона Брауншвейгскаго, Филиппъ писалъ ему: «Я удивляюсь тому, что вы настойчиво покровительствуете князю, который въ силу своихъ фамилныхъ интересовъ неизбѣжно враждебенъ вашему государству. Да будетъ вѣдомо Вашему Святѣйшеству, что я смотрю на воцареніе этого князя, дѣло котораго вы такъ неосмотрительно поддерживаете, не только какъ на ущербъ для моего королевства, но и какъ на безчестіе для всѣхъ христіанскихъ государей. Если вы будете упорствовать, я постараюсь принять необходимыя мѣры». Позднѣе Иннокентію III пришлось просить Филиппа Авгу-

¹⁾ См. ниже, гл. XVI и XV.

²⁾ См. ниже, гл. V и VII.

ста о союзѣ противъ Оттона и признать, что король оказался проницательнѣе его ¹⁾.

Въ Англіи королевская власть унизилась передъ нимъ, по эта побѣда, можетъ быть, хуже пораженія. Когда освободилась кэнтерберійская архіепископская кафедра, Иннокентій III, несмотря на противодѣйствіе Іоанна Безземельнаго, возвелъ на нее Стефана Лангтона (1206), затѣмъ наложилъ интердиктъ на Англію, отлучилъ короля отъ церкви, объявилъ его низложеннымъ и предложилъ англійскую корону Филиппу Августу. Вынужденный уступить, Іоаннъ Безземельный отдалъ римской церкви Англію и Ирландію и принялъ ихъ обратно какъ ленъ, *tanquam feudatarius* (1213). Но Англія не хотѣла дѣлать униженіе со своимъ королемъ. Когда прибылъ туда кардиналъ Тускулума,—мѣры, которыя онъ принялъ совместно съ другимъ посланникомъ папы, Пандульфомъ, вызвали негодованіе въ англійскихъ епископахъ и, прежде всего,—въ архіепископѣ Стефанѣ Лангтонѣ. Во время своей борьбы съ баронами и народомъ, вынужденный подписать Великую Хартію (1215), Іоаннъ Безземельный зывалъ къ папѣ о помощи. Иннокентій III заступился за него: «Во имя всемогущаго Бога, именемъ свв. Петра и Павла и принадлежащую намъ властью мы всецѣло осуждаемъ и проклинаемъ эту хартію и подъ страхомъ анаемы запрещаемъ королю исполнять ее, а баронамъ—требовать ея исполненія». Онъ отлучилъ прелатовъ и бароновъ, сопротивлявшихся королю, но послѣдніе продолжали упорствовать, междоусобіе разоряло Англію, и англичане считали виновникомъ своихъ бѣдствій папу. «Первосвященникъ», пишетъ Матвѣй Парижскій, «который долженъ былъ бы быть источникомъ святости, зеркаломъ благочестія, стражемъ справедливости и защитникомъ истины, покровительствуетъ такому человѣку! Почему онъ поддерживаетъ его? Чтобы пучина римской жадности могла поглотить богатства Англіи». Такимъ образомъ, папство отталкиваетъ отъ себя цѣлую націю, защищая недостойнаго короля, который покоряется ему только ради выгоды ²⁾.

Иннокентій III и вѣстовый походъ.—Вліяніе Иннокентія III на феодальное общество было не болѣе реально, чѣмъ его вліяніе на государей. Онъ хотѣлъ соединить всю христіанскую Европу въ одной великой экспедиціи для освобожденія Гроба Господня. Но въ ту минуту, когда успѣхъ дѣла казался ему

¹⁾ См. выше, стр. 169.

²⁾ См. ниже, гл. XI.

уже почти обезпеченнымъ и крестоносная армія была сформирована, начальство надъ нею было поручено родственнику Филиппа швабскаго, Бонифацію монферратскому, и, несмотря на упреки и угрозы папы, крестоносцы, вмѣсто того, чтобы освободить св. мѣста, покорили византійскую имперію¹⁾. Итакъ, крестовый походъ ускользнулъ изъ рукъ Иннокентія III. Насилія, которымъ подверглись греки, еще усилили ихъ ненависть къ западнымъ народамъ; возстановленіе религіознаго единства и политическаго согласія становится менѣе достижимымъ, чѣмъ когда-либо. Такимъ образомъ, крестовый походъ, котораго такъ желалъ папа, не принесъ пользы ни церкви, ни христіанской Европѣ.

Другой крестовый походъ онъ организовалъ въ предѣлахъ самаго христіанскаго міра: чтобы искоренить альбигойскую ересь, онъ награвилъ феодаловъ сѣверной Франціи на южную²⁾. Увлекаемые своими грубыми страстями и жадностью, сеньеры и авантюристы безошадно рѣзали, жгли и грабили, такъ что самъ Иннокентій III отшатнулся отъ своего дѣла и совѣсть мучила его за это море пролитой имъ крови. Но было поздно. Онъ посѣялъ въ этихъ странахъ глубокую ненависть къ панству, пламеннымъ выраженіемъ которой является одна изъ сирвентъ трубадура Гильома Фигейраса: «Римъ, я нисколько не удивляюсь тому, что всѣ народы заблуждаются, ибо ты ввергнулъ нашъ вѣкъ въ смуту и войну; ты истребляешь и хоронишь заслугу и добродѣтель. Римъ, сарацинамъ ты причиняешь мало вреда, но грековъ и латинянъ ты ведешь на закланіе. Римъ, ты такъ глубоко развращенъ, что пренебрегаешь Богомъ и его святыми. Такъ порочно твое царство, лживый, вѣроломный Римъ, что въ тебѣ сочетаются и гнѣзятся всѣ пороки этого міра; такъ велика твоя несправедливость противъ графа Раймонда. Римъ, таковы подвиги твоего папы»³⁾.

Только въ двухъ областяхъ священныя войны этого періода способствовали распространенію христіанства. На сѣверо-востокѣ Европы иѣмцы, отгнѣняя славянъ, ввели и упрочили его въ Поме-

¹⁾ См. ниже, гл. VI и XV.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что ученіе катаровъ, еще прежде, чѣмъ оно получило такое широкое распространеніе на югѣ Франціи, распространилось въ Ломбардіи (въ первой половинѣ XI вѣка) и Тосканѣ (XII в.). Изъ Италіи оно перешло во Францію.—См. ниже, гл. V и VII.

³⁾ Полный русскій переводъ этой замѣчательной сирвенты можно найти въ „Исторіи среднихъ вѣковъ“ П. А. Осокина, т. II, ч. 1, стр. 182—183.

Прим. перев.

рані, Ливоніи и Эстоніи¹⁾; но эти успѣхи не были достигнуты непосредственно самимъ папствомъ. На юго-западѣ Иннокентій III организовалъ крестовый походъ противъ Альмогадовъ, которые, перейдя изъ Африки въ Испанію, угрожали здѣсь существованію христіанскихъ государствъ: христіане разбили ихъ въ великой битвѣ при Ласъ Навасъ де Толоса²⁾ (1212); но, по жестокой ироніи судьбы, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ участниковъ этой битвы, арагонскій король Педро, палъ въ слѣдующемъ году при Мюрэ подъ ударами крестоносцевъ, опустошавшихъ Лангедокъ.

Таково было положеніе Иннокентія III среди свѣтскаго общества: онъ заявлялъ притязанія на господство надъ міромъ и на управленіе государствами, но его планы безпрестанно разбивались о страсти тѣхъ, надъ которыми онъ хотѣлъ господствовать; тѣ, кому онъ оказывалъ покровительство, въ концѣ-концовъ возставали противъ него, не слушали его совѣтовъ или совершали подъ его именемъ величайшія насилія.

Иннокентій III и церковь.—Ниже мы увидимъ, каково было положеніе Иннокентія III внутри церкви³⁾. Достаточно сказать, что онъ и въ этой области не достигъ той цѣли, которую намѣтилъ себѣ. Наиболѣе благочестивые люди этого времени часто энергично порицали безграничное вмѣшательство римской курии во всѣ дѣла міра и глубокую испорченность, которая господствовала въ ней. Яковъ Витрійскій, ставшій позже кардиналомъ, писалъ: «Каждый разъ, когда я проводилъ нѣкоторое время при римскомъ дворѣ, я находилъ тамъ множество вещей, оскорблявшихъ мой духъ; эти люди были такъ заняты мірскими дѣлами, королями, государствами и тяжбами, что не позволяли даже заговорить о духовныхъ дѣлахъ». Тѣ новые монашескіе ордена, которыми позже была произведена церковная реформа, встрѣтили при своемъ возникновеніи глубокое недовѣріе со стороны папства и не разъ энергично выступали противъ него. Иннокентій III зналъ св. Доминика; но изъ среды доминиканцевъ вышелъ позже Савонарола. Въ правленіе Иннокентія III началъ проповѣдывать и Францискъ Ассизскій, а въ XIII вѣкѣ францисканцы будутъ страстно проклинать римскую церковь, какою ее сдѣлало папство, и возвѣстятъ наступленіе новой церкви. Развивающійся въ христіанскомъ обществѣ мистицизмъ идетъ въ разрѣзъ съ притяза-

1) См. ниже, гл. XIV.

2) См. ниже, гл. XII.

3) См. ниже, гл. V.

ніями папъ. Еще до Иннокентія III одна пророчица съ береговъ Рейна, Гильдегарда бингенская, говорила: «Когда ни князья, ни другіе люди, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, не найдуть больше въ папствѣ никакого благочестія, тогда они уменьшатъ его могущество. И папа, лишенный своей прежней власти, будетъ владѣть только Римомъ и небольшою областью вокругъ него».

Латеранскій соборъ.—Послѣднимъ крупнымъ актомъ правленія Иннокентія III было созваніе вселенскаго собора въ Латеранѣ (ноябрь 1215). Онъ хотѣлъ придать этому собору величайшую торжественность, и чтобы собрать на него возможно большее число епископовъ, началъ созывать ихъ съ апрѣля 1213 года. На соборѣ присутствовало 412 епископовъ и 800 аббатовъ или пріоровъ; тутъ были іерусалимскій патріархъ и представители отъ патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго, послы Фридриха II, Оттона IV, византійскаго императора Генриха, королей Франціи, Англии, Іерусалима, Арагоніи, Венгрии и пр. Можно было подумать, что здѣсь собралось великое религіозное и политическое судилище христіанскаго міра. Въ пригласительныхъ письмахъ Иннокентій III намѣтилъ программу работъ предстоявшаго собора: «Два дѣла наиболѣе озабочиваютъ меня: освобожденіе св. мѣстъ и преобразование вселенской церкви. Я рѣшилъ созвать всеобщій соборъ, который искоренилъ бы пороки, насадилъ добродѣтели, исправилъ ошибки, преобразовалъ нравы, уничтожилъ ереси, укрѣпилъ вѣру, прекратилъ раздоры, вдворилъ миръ, оградилъ свободу, привлекъ къ священной войнѣ христіанскихъ князей и народы и, наконецъ, издалъ бы мудрые уставы для высшаго и низшаго духовенства». Въ 70 постановленіяхъ (канонахъ), принятыхъ соборомъ, послѣдній осудилъ лжеученія Іоакима дель Фіоре, катаровъ и альбигойцевъ, опредѣлилъ наказанія, которымъ должны были подвергаться еретики, и способъ ихъ передачи въ руки свѣтской власти, установилъ порядокъ старшинства патріарховъ и ихъ отношенія къ Риму, обязалъ митрополитовъ созывать ежегодно синоды. Были приняты новыя мѣры относительно церковной юрисдикціи, дисциплины, избранія клириковъ, ихъ нравовъ, епископскихъ выборовъ, привилегій людей церкви, проповѣдей. Соборъ приглашалъ епископовъ учреждать школы для обученія клириковъ и «бѣдныхъ школьниковъ», гдѣ бесплатно преподавались бы грамматика и богословіе. Надъ монастырями былъ установленъ болѣе правильный и строгій надзоръ, но запрещено было основывать новыя ордена и издавать

новые монастырскіе уставы. Поединки были запрещены; духовнымъ лицамъ запрещено было освящать своимъ благословіемъ ордали, какъ испытаніе кипяткомъ и раскаленнымъ желѣзомъ. Имъ рекомендовалось быть осторожными въ наложеніи интердиктовъ; за незаконныя отлученія было установлено наказаніе. Запрещено было поклоненіе мощамъ, не признаннымъ папой, и щедрая раздача индульгенцій. Клирикамъ было предписано не требовать платы за бракосочетанія и погребенія, а довольствоваться добротными приношеніями. Многія изъ этихъ постановленій свидѣтельствуютъ о возвышенномъ и смѣломъ умѣ, о высокомъ представленіи относительно вліянія церкви на общество, объ искреннемъ желаніи улучшить духовенство и сдѣлать его по благочестію, просвѣщенію и чистотѣ нравовъ достойнымъ своей роли. Но если эти мѣропріятія и дѣлаютъ честь Иннокентію III, то большая часть злоупотребленій, противъ которыхъ они были направлены, пустили слишкомъ глубокіе корни, чтобы постановленія одного собора могли искоренить ихъ.

На соборѣ была выработана также обширная инструкція для предстоящаго крестоваго похода. Крестоносцы должны были двинуться въ путь въ маѣ 1217 года; были уже опредѣлены пункты, въ которыхъ должны были собраться отдѣльные отряды, и папа обѣщала пріѣхать на мѣсто сбора, чтобы лично благословить ихъ. Но ему не суждено было дожить до этой радости: объѣзжая Италію для ускоренія приготовленій къ походу, онъ внезапно скончался въ Перуджии (іюль 1216), всего пятидесяти шести лѣтъ отъ роду.

III.—Фридрихъ II: сицилійское королевство, крестовый походъ.

Фридрихъ II, какъ король Сициліи.—Со смертью Иннокентія III совпадаетъ начало дѣйствительнаго правленія Фридриха II. Въ его лицѣ на аренѣ средневѣковой исторіи появляется какъ бы новый типъ государя. Тѣ изъ современныхъ намъ писателей, которые изучали его жизнь, стараются опредѣлить это впечатлѣніе тѣмъ, что называютъ Фридриха то первымъ по времени государемъ новой исторіи, то предшественникомъ итальянскихъ тирановъ XV и XVI столѣтій. Но ни одно изъ этихъ выраженій не даетъ яснаго представленія объ этой странной и сложной натурѣ. До сихъ поръ большинство великихъ политиковъ средневѣковья—

Карль Великій, Оттонъ I, Григорій VII, Фридрихъ Барбаросса— были люди цѣльные, точно изъ одного куска. Мы сравнительно легко можемъ проникнуть въ ихъ душу, анализировать ихъ мысли и характеръ. Цѣльные въ своихъ идеяхъ, они такими же являются и во-внѣ, въ своемъ образѣ дѣйствій; они не умѣютъ схватывать отгѣнковъ, не понимаютъ компромиссовъ; они идутъ прямо впередъ свободнымъ и твердымъ шагомъ, и приступомъ берутъ каждое препятствіе. Умъ Фридриха II находится въ состояніи безпрерывнаго волненія; въ его характерѣ соединяются черты, которыя на первый взглядъ кажутся совершенно противорѣчивыми. Недовѣрчивый и лукавый, онъ вноситъ въ искусство управления такіе политическіе приемы, которые были чужды его предшественникамъ. Онъ обладаетъ болѣе тонкимъ и гибкимъ умомъ, чѣмъ они, но лишень настойчивой энергіи и упорства своего отца или дѣда. Если въ критическія минуты и сказывается въ немъ кровь Гогенштауфеновъ съ ихъ надменной твердостью и неумолимой жестокостью, то по инымъ чертамъ характера его можно отнести къ другой расѣ и другой эпохѣ. Привѣтливый, любезный, обольстительный, онъ напоминаетъ уже властителей временъ Ренессанса. Съ другой стороны, гдѣ бы мы ни наблюдали его—въ Германіи или Италіи,—не только его политика, но и принципы его правленія до такой степени измѣнчивы, что въ одномъ мѣстѣ онъ оставляетъ феодальный строй въ полной силѣ, тогда какъ въ другомъ организуетъ королевскую власть въ наиболѣе абсолютной формѣ, какую когда-либо видѣла Европа. Поэтому надо отказаться отъ попытки внести въ его портретъ единство, котораго нѣтъ въ его дѣятельности: эта личность, такъ часто мѣняющая свою фізіономію, выступитъ рельефнѣе въ самомъ изложеніи событій.

Чтобы вполне понять Фридриха, надо прежде всего ознакомиться съ его дѣятельностью въ южной Италіи. Сынъ сициліянки Констанціи, онъ выросъ въ Сициліи и позже всегда любилъ жить въ ней. Притомъ, по своимъ вкусамъ и по характеру своего образованія онъ походилъ на норманнскихъ королей, отъ которыхъ онъ унаслѣдовалъ свою корону и которые, стоя на томъ мѣстѣ, гдѣ скрещивались арабская, греческая и латинская культуры, старались сочетать разнородные элементы и поддерживать, такимъ образомъ, смѣшанную цивилизацію, полную жизни и блеска. Первымъ его дѣломъ было возстановленіе порядка въ этомъ королевствѣ, обнимавшемъ Сицилію и южную Италію. Здѣсь со времени смерти Вильгельма II господствовала анархія. Когда Иннокеній III сдѣ-

лался опекуномъ малолѣтняго Фридриха, сицилійскіе арабы, опасаясь преслѣдованій съ его стороны, возстали. Тщетно папа давалъ обѣщанія не нарушать ихъ обычаевъ и привилегій; онъ принужденъ былъ начать войну. Побѣжденные въ 1200 году, они вскорѣ опять возстали. Въ 1221—25 гг. Фридрихъ окончательно усмирилъ ихъ. При этомъ онъ переселилъ часть сицилійскихъ арабовъ въ южную Италію, въ Лючеру, позже въ Ночеру, и здѣсь образовалъ изъ нихъ военныя поселенія. Этимъ онъ не только обезпечилъ себѣ ихъ вѣрность, но и приготовилъ себѣ храбрую армію, готовую сражаться за него безъ религіозныхъ колебаній. Къ концу его царствованія населеніе Лючеры достигало по меньшей мѣрѣ 60.000 человекъ; изъ нихъ около трети были воинами, и эти сарадинскіе солдаты, къ великому соблазну христіанъ, участвовали въ итальянскихъ войнахъ императора.

Но не однихъ арабовъ пришлось усмирять Фридриху. Смуты, начавшіяся послѣ смерти Генриха VI, благопріятствовали стремленію къ независимости тѣхъ южныхъ областей, въ которыхъ владычество императора было установлено путемъ насилій и жестокости. Многіе норманнскіе и итальянскіе бароны фактически освободились отъ всякой зависимости, и Фридрихъ, вступивъ въ управленіе государствомъ, лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы сдѣлался дѣйствительно властелиномъ страны. Но и позже, во время его борьбы съ папствомъ, Югъ не разъ пользовался его затруднительнымъ положеніемъ. Въ 1228—30 гг., когда онъ былъ въ Палестинѣ и папскія войска, подъ предводительствомъ Іоанна Бриенскаго и двухъ кардиналовъ, вторглись въ Terra di Lavoro, — многіе сеньеры возстали и мятежъ охватилъ почти всю Апулію и даже нѣкоторыя части Сициліи. Спустя нѣсколько лѣтъ Мессина, Катана, Сиракузы и другіе города взяли за оружіе, чтобы отстоять свои вольности противъ покушеній императора. Въ 1234 г. вспыхнулъ мятежъ въ самой Италіи. Всѣ эти движенія были подавлены съ неумолимой жестокостью.

Для упорядоченія администраціи королевства Фридрихъ въ 1231 г. издалъ въ Мельфи «Уставы королевства Сициліи». Онъ хотѣлъ замѣнить феодальный строй монархическимъ, въ которомъ король, взявъ гарантируемаго имъ порядка и мира, располагалъ бы неограниченной властью и сосредоточивалъ бы въ своихъ рукахъ всю политическую жизнь страны. До него ни одинъ европейскій государь не рѣшался провести такую коренную ре-

форму; поэтому нѣкоторые историки утверждаютъ, что его примѣръ послужилъ образцомъ для Капетинговъ.

Феодализмъ лишается значительной доли какъ имуществъ, такъ и привилегій. Земли, оторванные отъ королевскаго домена, должны быть возвращены коронѣ; замки и крѣпости, построенныя сеньерами со смерти Вильгельма II, должны быть разрушены. Знать, подчиненная королевскимъ чиновникамъ, можетъ прибѣгать къ дуэли лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ; всякому, кто вызоветъ междоусобную войну, грозитъ смертная казнь; знатный, совершившій убійство, обезглавливается, его имущество конфискуется. Только люди, служащіе королю, могутъ носить оружіе. Наконецъ, сеньеры лишаются даже права женить своихъ сыновей или выдавать замужъ дочерей безъ разрѣшенія короля. Они сохраняютъ въ своихъ помѣстьяхъ право гражданскаго судопроизводства, но лишаются уголовнаго. Не менѣе строгъ Фридрихъ II и по отношенію къ церкви. Онъ подчиняетъ ее королевской юрисдикціи и облагаетъ податями; онъ совершенно лишаетъ ее права суда надъ мірянами, исключая случаевъ прелюбодѣянія; онъ запрещаетъ клирикамъ занимать какія-либо общественныя должности и заставляетъ ихъ ограничиваться исключительно ихъ религіозной ролью. Съ другой стороны, онъ наноситъ смертельный ударъ церковному феодализму, запрещая дарить и продавать землю церквамъ. Въ этомъ государствѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ не должна существовать ни одна независимая власть, нѣтъ мѣста, конечно, и такимъ своевольнымъ муниципіямъ, какія возникли на Сѣверѣ. Поэтому городамъ воспрещается избирать себѣ подеста, консуловъ или ректоровъ. Тѣмъ не менѣе, въ городахъ королевскаго домена, при королевскомъ чиновникѣ, который управляетъ городомъ, состоитъ совѣтъ нотаблей, избираемый гражданами. Король созываетъ также делегатовъ отъ городовъ въ общія собранія или парламенты королевства. Впрочемъ, мы не знаемъ, какова была роль этихъ уполномоченныхъ въ парламентѣ,—призывались ли они для того, чтобы излагать свои мнѣнія, или только для того, чтобы получать инструкціи.

Надъ сеньеріальнымъ классомъ, надъ духовенствомъ и народомъ, лишенными своей автономіи, Фридрихъ устанавливаетъ строго-правильную администрацію. На самомъ верху стоитъ король—единственный законодатель королевства. Высшимъ судебнымъ учрежденіемъ является верховный судъ (*magna curia*),

состоящіи изъ четырехъ судей подъ предѣдательствомъ великаго юстиціарія и находящійся въ Капуѣ. Онъ вѣдаетъ въ первой инстанціи все феодальныя дѣла и окончательно рѣшаетъ все остальные, какія вносятся въ него путемъ аппеляцій. Высшее финансовое учрежденіе, *magna curia rationum*, имѣетъ надзоръ за всемъ, что касается налоговъ, доходовъ короны. Въ провинціяхъ финансовыми и гражданскими дѣлами завѣдуютъ камераріи, уголовнымъ судопроизводствомъ и полиціей—юстиціаріи. Судъ—даровой; для того, чтобы онъ былъ безпристрастенъ, юстиціаріями назначаются люди чуждые той провинціи, въ которой служатъ, и не имѣющіе въ ней ни родственниковъ, ни помѣстій. Затѣмъ слѣдуютъ балъи или баюлы, сосредоточивающіе въ своихъ рукахъ административныя, судебныя и финансовыя функціи. Они разбираютъ въ первой инстанціи гражданскія дѣла и наблюдаютъ за сборомъ налоговъ. Вся областная администрація подчинена надзору великаго юстиціарія, который разъ въ годъ объѣзжаетъ провинціи. Эти постановленія, дававшія такую точную и твердую организацію королевскому абсолютизму, вызвали, между прочимъ, протестъ и со стороны папы. Григорій IX обвинялъ Фридриха въ томъ, что онъ «воздвигъ гоненіе на церковь и стѣснилъ общественную свободу».

Провѣщеніе при сицилійскомъ дворѣ. — Фридрихъ является какъ бы представителемъ новой эпохи; его справедливо называютъ предшественникомъ итальянскаго возрожденія въ его двойной формѣ—литературнаго гуманизма и артистическаго характера культуры. Выросши при палермскомъ дворѣ, гдѣ въ предшествующемъ вѣкѣ работало столько арабскихъ, греческихъ и латинскихъ ученыхъ, онъ самъ обладаетъ большими познаніями по математикѣ, живо интересуется естественной исторіей и нераздѣльными тогда астрономіей и астрологіей. Его трактатъ объ охотѣ, *De arte venandi cum avibus*, свидѣтельствуеетъ о его знакомствѣ съ анатоміей и зоологіей; онъ собралъ настоящую коллекцію животныхъ Востока и повсюду возилъ ее за собою во время своихъ итальянскихъ войнъ. Онъ занимался медициной, ветеринарнымъ искусствомъ, хирургіей; ему приписывается открытіе нѣкоторыхъ лѣкарствъ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ: кромѣ итальянскаго и нѣмецкаго, еще французскій, греческій и арабскій. Онъ писалъ стихи, притомъ не только на латинскомъ, но и на народномъ языкѣ, и Данте въ своемъ трактатѣ *De vulgari eloquio* говоритъ о немъ, какъ объ одномъ изъ пио-

неровъ итальянской поэзіи. Вокругъ него группируется цѣлая школа сицилійскихъ трубадуровъ, которые, по примѣру провансальскихъ, воспѣвають любовь и наслажденіе; между ними мы находимъ и нѣкоторыхъ сановниковъ Фридриха—напримѣръ, его канцлера Петра Винейскаго.

Наука, просвѣщеніе являются для Фридриха не просто предметами любознательности: онъ видитъ въ нихъ одинъ изъ элементовъ народнаго благоденствія. До него въ сицилійскомъ королевствѣ, по свидѣтельству одного современника, «вовсе не было или было мало образованныхъ людей». Чтобы распространить образованіе, онъ основалъ университетъ въ Неаполѣ. Онъ первый изъ императоровъ возымѣлъ мысль о подобномъ учрежденіи ¹⁾. Въ письмѣ, которымъ онъ учреждалъ университетъ и которое разослалъ по всему королевству (1224), онъ заявляетъ, что хочетъ доставить возможно большому числу людей выгоды и свѣтъ знанія. Въ Неаполѣ будутъ преподаваться всѣ науки, «для того, чтобы алчущіе знанія могли находить нужную имъ пищу въ самомъ королевствѣ, чтобы они не были принуждены покидать отечество для образованія и по крохамъ, какъ милостыню, собирать знанія на чужбинѣ». Въ Салерно находилась знаменитая медицинская школа; намъ извѣстны имена учителей, преподававшихъ тамъ въ XI вѣкѣ, даже раньше. Фридрихъ покровительствовалъ ей: онъ издалъ указъ, въ силу котораго право практиковать въ сицилійскомъ королевствѣ по медицинѣ или хирургіи предоставлялось только тѣмъ, кто прошелъ курсъ наукъ въ салернской школѣ (1231). Онъ привлекалъ къ своему двору писателей и ученыхъ, какъ, напримѣръ, Михаила Скота, который перевелъ для него многіе изъ трактатовъ Аристотеля, въ томъ числѣ и «Исторію животныхъ». Посылая эти переводы неаполитанскому университету, онъ пишетъ, что «наука должна идти объ руку съ законами и оружіемъ», что безъ нея «человѣкъ не умѣлъ бы достойнымъ образомъ пользоваться жизнью и что она укрѣпляетъ силу духа». Онъ указываетъ на то, что самъ онъ, любя науку съ раннихъ лѣтъ, старается заниматься ею и теперь, среди государственныхъ дѣлъ. «Приказавъ перевести сочиненія Аристотеля», говоритъ онъ, «мы подумали, что это великое пріобрѣте-

---

¹⁾ Правда, его предупредилъ король Кастиліи Альфонсъ VIII, основавшій въ 1212—14 гг. университетъ въ Валенсіи. Извѣстно также, какія льготы даровалъ Филиппъ-Августъ учителямъ и студентамъ парижской школы.

ніе не доставить намъ полнаго удовольствія, если мы не сдѣлаемъ его доступнымъ и для другихъ. Никто не имѣетъ большаго права на обладаніе источниками античной мудрости, чѣмъ тѣ, которые пользуются ими для утоленія духовной жажды юношества». Еще болѣе приближается онъ къ идеямъ новаго времени въ одномъ письмѣ къ жителямъ Верцелли: «Мы считаемъ выгоднымъ для себя», пишетъ онъ, «дать нашимъ подданнымъ средства къ образованію, ибо наука сдѣлаетъ ихъ болѣе способными къ самоуправленію и къ управленію государствомъ».

Среди ученыхъ, которымъ оказывалъ покровительство Фридрихъ, находился и великій математикъ XII столѣтія, Леонардъ Пизанскій, введшій въ христіанскую науку алгебру и арабскія цифры и посвятившій императору свой «Трактатъ о квадратныхъ числахъ». Фридрихъ не обращалъ никакого вниманія на вѣроисповѣданіе или религіозныя убѣжденія тѣхъ лицъ, которымъ покровительствовалъ. Особенно привлекала его арабская наука. Ученый еврей Яковъ бенъ Абба-Мари, переводчикъ сочиненій Аверроэса, поселившійся въ Неаполѣ, благодаритъ Бога за то, что Онъ «вложилъ въ сердце нашего господина, императора Фридриха, любовь къ наукѣ и ея служителямъ и внушилъ ему расположеніе къ нему, Якову, такъ что онъ помогаетъ ему и его семьѣ во всѣхъ нуждахъ». Фридрихъ находился въ сношеніяхъ съ учеными арабами Египта, Испаніи и Африки; онъ призвалъ къ себѣ Ибн-Сабина изъ Мурсіи; онъ предлагалъ этимъ ученымъ вопросы о происхожденіи міра, о безсмертіи души; до насъ дошелъ арабскій текстъ этихъ вопросовъ вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ: это такъ называемые Сицилійскіе вопросы. Вмѣстѣ съ знаніями онъ заимствуетъ у арабовъ и привычки. Онъ три раза былъ женатъ и окружалъ себѣ любовницами; въ Лючерѣ онъ имѣлъ, повидимому, гаремъ съ наложницами и одалисками; въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ объ ихъ нарядахъ и издержкахъ. Даже во время своихъ войнъ онъ возитъ съ собою цѣлую толпу женщинъ.

Религіозныя взгляды Фридриха II.— Каковы могли быть вѣрованія этого своеобразнаго ума? Его противники утверждали, что онъ вовсе не христіанинъ. Въ одномъ посланіи ко всему духовенству и всѣмъ правовѣрнымъ папа Григорій IX писалъ: «Этотъ царь пагубы, какъ мы можемъ доказать, открыто заявляетъ, что міръ былъ обольщенъ тремя обманщиками: Иисусомъ Христомъ, Моисеемъ и Магометомъ, и двое изъ нихъ умерли

въ почегѣ, третій—на крестѣ. Мало того, онъ утверждаетъ, что только дураки могутъ вѣрить, будто дѣвственница могла родить отъ Бога, творца вселенной; онъ говоритъ, наконецъ, что человѣкъ долженъ вѣрить только тому, что можетъ быть доказано силою вещей или здравымъ смысломъ». Одинъ изъ папскихъ агентовъ, Альбрехтъ Чехъ, упрекаетъ Фридриха въ томъ, будто онъ вѣритъ, что душа погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

Ничто не доказываетъ, чтобы императоръ заходилъ такъ далеко въ своемъ скептицизмѣ и невѣрїи. Напротивъ, онъ часто заявлялъ о своемъ благочестїи и, чтобы подтвердить эти увѣренїя, жестоко преслѣдовалъ еретиковъ какъ въ Италїи, такъ и въ Германїи. Онъ издалъ нѣсколько эдиктовъ противъ нихъ; особенно суровъ былъ эдиктъ, изданный имъ въ Равеннѣ, въ 1232 году ¹⁾. Но несмотря на всѣ эти признаки религіознаго усердія, многія мѣста его переписки свидѣтельствуютъ о глубокомъ невѣрїи. Думалъ ли онъ, какъ не разъ утверждали, объ основанїи независимой церкви подъ своимъ главенствомъ? Весьма возможно. Въ 1227 году онъ указываетъ на то, что «основами первоначальной церкви были бѣдность и простота». Онъ порицаетъ духовенство за его роскошную жизнь и богатства и во время борьбы съ папствомъ беретъ на себя роль руководителя реформой церкви: «Помогите намъ», пишетъ онъ, «противъ этихъ гордыхъ прелатовъ, чтобы мы могли укрѣпить нашу мать, св. церковь, давъ ей болѣе достойныхъ руководителей, и чтобы мы могли, какъ требуетъ нашъ долгъ, преобразовать ее на благо ей и во славу Божию». Онъ завидуетъ тѣмъ странамъ, гдѣ государи являются и духовными главами или гдѣ они имѣютъ неограниченную власть надъ священнослужителями: «Счастлива Азія», пишетъ онъ греческому императору Ватацису, «счастливы самодержцы Востока, которымъ нечего бояться ни оружія своихъ подданныхъ, ни козней своихъ первосвященниковъ». Задумалъ ли онъ, подъ вліяніемъ любимой имъ арабской культуры, сдѣлаться въ христіанскомъ мірѣ новодителемъ вѣрующихъ?

Съ другой стороны, можно думать, что онъ хотѣлъ заимствовать отъ древняго Рима ученїе о божественномъ происхожденїи императорской власти. Говоря о своемъ родномъ городѣ, онъ замѣчаетъ: «долгъ повелѣваетъ намъ любить Іези, благородный городъ Марки, гдѣ родила насъ наша божественная мать, откуда рас-

¹⁾ См. ниже стр. 194.

пространился блескъ нашей колыбели. Эта благословенная страна, этот Вилеемъ, гдѣ увидѣлъ свѣтъ цезарь, будетъ вѣчно жить въ нашей памяти и въ нашемъ сердцѣ». Его окружающіе усвоили эти идеи; императоръ становится вторымъ Богомъ; одинъ изъ его приверженцевъ заявляетъ: «Господь поставилъ своимъ помощникомъ и намѣстникомъ на землѣ римскаго императора, самодержавнаго по имени и на дѣлѣ, чей божественный духъ находится въ рукахъ Бога, направляющаго его по своему желанію». Канцлеръ Петръ Винеискій обращается въ апостола: «Петръ, на камнѣ котораго основана имперская церковь, Петръ, на комъ отдыхаетъ душа Августа, когда онъ совершаетъ вечерю со своими учениками». Возможно, что Фридрихъ пытался обратить въ свою пользу тѣ мистическія ожиданія, которыя въ эту эпоху охватили всю Италію, надежды на скорое воцареніе новой церкви. Въ каждомъ домѣ, вплоть до папскаго дворца, можно было найти слѣдующіе стихи: «Судьба возвѣщаетъ намъ, звѣзды и полетъ птицъ предсказываютъ, что впредь будетъ только одинъ молотъ для всего міра. Римъ, который, идя путемъ грѣха, давно колеблется, падетъ и перестанетъ быть столицей міра». И папа утверждалъ, что авторъ этихъ стиховъ—Фридрихъ.

Подобныя фразы, въ которыхъ языческія воспоминанія такъ странно смѣшаны съ христіанскими элементами, во всякомъ случаѣ не даютъ права утверждать, что Фридрихъ сознательно стремился къ основанію новой религіи и къ соединенію въ своихъ рукахъ власти первосвященника съ императорской. Не слѣдуетъ принимать на вѣру тѣ угрозы и рѣзкія выраженія, которыя вырвались у него въ самую критическую минуту его борьбы съ папствомъ.

Притомъ, въ духовной жизни южной Италіи обнаруживаются въ эту эпоху новыя теченія. Въ Калабріи благочестивый аббатъ Іоакимъ дель Фіоре (1132—1202), увлеченный видѣніями своей мистической фантазіи, возвѣщаетъ въ своихъ сочиненіяхъ «Вѣчное Евангеліе», наступленіе, послѣ царства Отца и Сына, царства Св. Духа; это ученіе удовлетворяетъ потребностямъ и ума, и сердца, потому что оно рисуетъ образъ христіанства болѣе чистаго и болѣе кроткаго, гдѣ все—свѣтъ и все—любовь, гдѣ полное обладаніе истиной не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ и тревогамъ. Оно увлекаетъ общество, и въ слѣдующемъ вѣкѣ пойдетъ пылкихъ послѣдователей въ средѣ учениковъ Франциска Ассизскаго.

Фридрихъ II и Гонорій III.—Воспитанникъ Иннокентія III, Фридрихъ въ юности избѣгъ разоренія только благодаря защитѣ папства. Онъ началъ свою дѣятельность, какъ «поповскій король», по выраженію Оттона IV. Естественно, что въ первые годы своего правленія онъ исполнялъ всѣ требованія куріи. Между ними было одно, имѣвшее для папъ наибольшее значеніе: если бы сицилійское королевство и имперія сосредоточились въ однихъ рукахъ, то папство въ случаѣ конфликта оказалось бы окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ смерти Иннокентія III на папскій престолъ вступилъ добродушный Гонорій III, бывшій раньше воспитателемъ Фридриха. Между нимъ и королемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разыгрывается странная комедія; Фридрихъ явно издѣвается надъ своимъ бывшимъ учителемъ. При своемъ вторичномъ коронованіи въ Ахенѣ, въ 1215 году, онъ далъ клятву совершить крестовый походъ: теперь онъ проситъ одной отсрочки за другою; онъ поклялся отказаться отъ Сициліи: теперь онъ снова отнимаетъ ее у своего сына Генриха; онъ не можетъ оторваться отъ этой прекрасной страны, въ которую вложилъ свою душу; онъ хочетъ добиться отъ папы разрѣшенія владѣть ею до своей смерти. Въ апрѣлѣ 1220 года онъ устраиваетъ избраніе своего сына Генриха въ римскіе короли и, чтобы успокоить Гонорія III, безстыдно пишетъ ему, что выборы произошли безъ его вѣдома. Въ сентябрѣ, по возвращеніи въ Италію, онъ держитъ себя кротко и миролюбиво: въ вопросѣ о наслѣдіи Матильды, который уже въ теченіе полутора вѣковъ служилъ предметомъ ожесточеннаго спора, онъ признаетъ справедливость папскихъ требованій; развѣ онъ не «преданный сынъ» Гонорія, какъ онъ охотно заявляетъ? Въ ноябрѣ 1220 года они вмѣстѣ вступаютъ въ Римъ: Фридрихъ коронованъ императоромъ; онъ добивается всѣхъ своихъ цѣлей; онъ получаетъ разрѣшеніе удержать за собой Сицилію подъ условіемъ дать ей административное устройство, независимое отъ имперіи. Мы видѣли выше, что онъ исполнилъ эту задачу, но своей реформою только раздражилъ папу. Впрочемъ, онъ не скупится на обѣщанія и уступки. Въ день своего коронованія онъ издаетъ указъ, предоставляющій церкви чрезвычайно обширныя привилегіи въ ущербъ вольностямъ муниципій: ловкая политика, направленная къ тому, чтобы поселить вражду между папствомъ и городами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ соглашается обратить свѣтскую власть въ орудіе церковныхъ отлученій, чему въ эту же эпоху съ такой разумной твердостью воспротивился

Людовикъ Святой, и предписываетъ своимъ чиновникамъ преслѣдовать еретиковъ. «Никто», говоритъ онъ далѣе, «не имѣетъ права взимать поборы съ церкви или церковнаго лица, никто не можетъ привлекать клирика къ свѣтскому суду ни по гражданскому, ни по уголовному дѣлу». Поступалъ ли онъ искренно, подчиняя такимъ образомъ государство церкви? Едва ли: стремленіе сохранить Сицилію опредѣляло всю его политику. Этой цѣли онъ приносилъ въ жертву все остальное; разъ добившись ея, онъ могъ откладывать до безконечности исполненіе тѣхъ обѣщаній, на которыя былъ такъ щедръ. Онъ несомнѣнно имѣлъ намѣреніе совершить крестовый походъ, который могъ принести ему и выгоды, и славу; но предварительно слѣдовало возстановить порядокъ въ сицилійскомъ королевствѣ. Пока онъ занятъ этимъ дѣломъ, крестоносцы, которые въ 1217 году переправились въ Египетъ подъ начальствомъ Іоанна Бріенскаго, принуждены сдать Даміетту ¹⁾ (1221). Папа обвиняетъ въ этомъ несчастіи Фридриха и грозитъ ему отлученіемъ отъ церкви. Императоръ успокаиваетъ его ласковыми словами; въ 1223 году на съѣздѣ въ Ферентино онъ даетъ клятву выступить въ походъ въ 1225 году и жениться на дочери Іоанна Бріенскаго Изабеллѣ, наслѣдницѣ іерусалимскаго королевства. Дѣйствительно, онъ дѣлаетъ большія приготовленія въ Германіи и Сициліи; Германъ Зальца, гросмейстеръ тевтонскаго ордена, старается склонить къ участію въ походѣ нѣмецкихъ князей. По истеченіи срока Фридрихъ проситъ новой отсрочки: онъ даетъ клятву отправиться въ Св. Землю въ августѣ 1227 года, женится на Изабеллѣ и тотчасъ, не обращая вниманія на права своего тестя, принимаетъ титулъ іерусалимскаго короля. Съ другой стороны, онъ заявляетъ о необходимости «возстановить права имперіи»; онъ требуетъ отъ населенія Сполето, подчиненнаго св. престолу, военной службы. Гонорій III возмущается, обвиняетъ Фридриха въ неблагодарности; послѣдній сбрасываетъ съ себя личину смиренія, но его тонъ и поведеніе начинаютъ беспокоить и города, которые чувствуютъ опасность, грозящую ихъ свободѣ. Въ мартѣ 1226 года ломбардская лига возстановляется на двадцать пять лѣтъ. Въ то время, какъ Фридрихъ спускается въ Италію, Верона отказывается пропустить его сына Генриха, командующаго однимъ изъ корпусовъ арміи, и Генрихъ принужденъ вернуться въ Германію.

¹⁾ См. ниже, гл. VI.

Епископъ гильдесгеймскій налагаетъ интердиктъ на лигу, императоръ въ Борго-Сан-Доннино объявляетъ мятежные города (Миланъ, Верона, Пиаченца, Верчелли, Лоди, Александрия, Тревизо, Падуя, Виченца, Туринъ, Новара, Мантуя, Брешия, Болонья, Фаэнца) лишенными всѣхъ имперскихъ правъ; но папа, котораго онъ принужденъ принять въ посредники спора, отказывается утвердить интердиктъ. Такимъ образомъ, союзъ между папствомъ и ломбардской лигой едва не возобновился даже при миролюбивомъ Гоноріѣ III.

Григорій IX. — Въ мартъ 1227 года этого добродушнаго и довѣрчиваго папу смѣнилъ Григорій IX, восьмидесятилѣтній старикъ, но еще запальчивый и страстный, неспособный на полумѣры и уступки. Комедія, которую такъ развязно игралъ Фридрихъ II въ теченіе десяти лѣтъ, тотчасъ превращается въ драму. Принужденный, наконецъ, выступить въ походъ, онъ 8 сентября отплываетъ изъ Бриндизи, но 11-го возвращается назадъ; ландграфъ тюрингенскій, который сопровождаетъ его, лежитъ при смерти, самъ онъ боленъ. Онъ пишетъ папѣ, извиняется передъ нимъ; но Григорій IX ничего не хочетъ слышать; 29 сентября, въ Ананьи, онъ провозглашаетъ императора отлученнымъ отъ церкви. Фридрихъ отвѣчаетъ на интердиктъ грамотой, гдѣ оправдываетъ себя и обвиняетъ римскую церковь въ томъ, что она обращается съ нимъ, какъ мачиха. Эту грамоту онъ приказываетъ прочесть на Капитоліи «по волѣ сената и римскаго народа». Онъ отмѣняетъ акты, по которымъ были уступлены римской церкви Анконская марка и владѣнія Матильды. По его наущенію гибеллинская партія, руководимая семьею Франджипани, производитъ бунтъ въ Римѣ, и въ понедѣльникъ на Пасхѣ 1228 года Григорій IX, оскорбленный толпою въ храмѣ Петра, принужденъ бѣжать изъ города.

Крестовый походъ Фридриха II. — Теперь роли перемѣнились. Папа запрещаетъ крестовый походъ, освобождаетъ крестоносцевъ отъ ихъ обѣта; онъ не хочетъ допустить, чтобы отлученный отъ церкви императоръ руководилъ священной войною. Напротивъ, Фридрихъ на этотъ разъ твердо рѣшилъ исполнить свой обѣтъ, чтобы имѣть право заявить, что онъ защищаетъ интересы христіанства противъ своекорыстнаго честолюбія папы. Въ юнѣ 1228 года онъ снова отплываетъ отъ Бриндизи; въ сентябрѣ онъ въ Палестинѣ.

Сношенія Фридриха II съ мусульманскими государями вызы-

вали рѣзкое осужденіе со стороны многихъ его современниковъ. Безъ сомнѣнія, ему были совершенно чужды тѣ чувства и иллюзіи, которыя, въ соединеніи съ нѣкоторыми менѣе благородными мотивами, повліяли на первые крестовые походы; но и многія изъ лицъ, окружавшихъ императора, раздѣляли его мнѣніе, что было бы наивно все еще мечтать объ истребленіи невѣрныхъ и что гораздо благоразумнѣе—вступить съ ними въ соглашеніе. Если онъ прибѣгалъ къ дипломатическимъ переговорамъ чаще, чѣмъ къ оружію, то это былъ не первый примѣръ, когда христіанскій государь подписывалъ договоръ съ невѣрными, и если его враги утверждали, что онъ продавалъ мусульманамъ христіанскихъ дѣвушекъ, то ничто не доказываетъ справедливости этихъ показаній. Наслѣдникъ норманнскихъ королей, онъ усвоилъ по отношенію къ арабскому Востоку такую политику, которая способствовала торговому расцвѣту итальянскихъ городовъ. Позже, въ промежуткахъ борьбы, когда папство на минуту становится способнымъ пожертвовать своими страстями интересамъ христіанства, оно утверждаетъ эти самые договоры, которыми враги Фридриха пользуются какъ орудіемъ противъ него. Дѣйствительно, онъ всегда при соглашеніяхъ съ мусульманами выговариваетъ освобожденіе изъ-подъ ихъ власти св. мѣстъ. Можетъ быть изученіе фактовъ покажетъ, что его образъ дѣйствій, менѣе героическій, чѣмъ образъ дѣйствій Готфрида Бульонскаго, былъ по крайней мѣрѣ практиченъ, тогда какъ папство, преслѣдуя его своей ненавистью за гранью моря, въ значительной степени способствовало гибели христіанскаго владычества надъ св. мѣстами.

Политика Фридриха по отношенію къ Востоку оставалась неизмѣнной съ начала до конца. Въ 1215 году онъ послалъ епископа г. Кефалу въ Египетъ, чтобы возобновить договоры, существовавшіе между этимъ государствомъ и Сициліей; но онъ не измѣнилъ и дѣлу крестовыхъ походовъ, такъ какъ въ 1221 году отправилъ подкрѣпленія христіанской арміи, воевавшей въ Египтѣ, и его адмиралъ пытался защитить Мальту. Если онъ самъ не торопится выступить въ походъ и тѣмъ поставить на карту интересы императорской власти въ Германіи и Италіи, то невозможно отрицать, что онъ дѣятельно готовится къ походу. Когда онъ, наконецъ, пускается въ путь, Григорій IX обвиняетъ его въ томъ, что онъ не ведетъ съ собою достаточныхъ силъ; но въ Сиріи его ждало 1.500 рыцарей и 10.000 солдатъ, въ томъ числѣ гросмейстеръ тевтонскаго ордена, храбрый и ловкій Германъ Зальца. Въ

эту минуту общественное мнѣніе въ общемъ на сторонѣ Фридриха: папу порицають за его жестокость и одинъ современникъ сравниваетъ Фридриха съ Христомъ, гонимымъ Каиафою.

Прибывъ въ Палестину, онъ, правда, вступаетъ въ переговоры съ каирскимъ султаномъ Малекъ-эль-Камелемъ, но обнаруживаетъ и готовность воевать. Перемиріе на десять лѣтъ, заключенное въ февралѣ 1229 года, доставило христіанамъ власть надъ Іерусалимомъ, Виолеемомъ, Назаретомъ и поселеніями, лежавшими на пути изъ Назарета въ Птолемаиду. Іерусалимскій патріархъ возсталъ противъ этого договора, тогда какъ другіе—напримѣръ, Германъ Зальца—находили, что онъ представляетъ серьезныя выгоды; въ письмѣ къ папѣ Германъ указывалъ на то, что Фридрихъ добился бы еще болѣе выгодныхъ условій, если бы на Востокѣ не было извѣстно о распрѣ между папствомъ и имперіей. 18-го марта отлученный Фридрихъ въ храмѣ св. Гроба самъ возложилъ на себя корону іерусалимскаго королевства, хотя ни церковный обрядъ коронованія, ни даже богослуженіе не были совершены. Затѣмъ отъ его имени было прочтано примирительное и очень искусное заявленіе, въ которомъ онъ, вмѣсто того, чтобы нападать на папу, прощалъ его. Тѣмъ не менѣе, архіепископъ Цезареи на слѣдующій день, по приказанію іерусалимскаго патріарха, наложилъ интердиктъ на св. мѣста. Упорное противодействие патріарха и тамплиеровъ вывело Фридриха изъ терпѣнія и заставило его прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ; но послѣ его отъѣзда Баліанъ сидонскій, которому онъ поручилъ управленіе королевствомъ, успѣшно боролся и съ султаномъ Дамаска, Ал-Ашрафомъ, и съ враждебной императору партіей, руководимой могущественной фамиліей Ибелиновъ. Впрочемъ, въ 1231 г. Григорій IX санкціонировалъ политику Фридриха: онъ предписалъ гросмейстеру тамплиеровъ исполнять договоръ 1229 года, столь необходимый для поддержанія спокойствія въ св. землѣ.

Чѣмъ же можно оправдать папу и его приверженцевъ, которые позже еще не разъ нарушали это спокойствіе? Когда возобновилась борьба между нимъ и императоромъ, было ли благоразумно перенести ее и въ Св. Землю и тѣмъ окончательно поколебать и безъ того шаткое положеніе христіанъ? Между тѣмъ, онъ поступалъ именно такъ: венеціанцы, по соглашенію съ папой, напали на владѣнія Фридриха въ Сиріи; противники императора, становясь все болѣе смѣлыми, изгнали его приверженцевъ изъ Сен-Жан-д'Акры; они нарушили договоры, заключенные съ еги-

петскимъ султаномъ Эюбомъ. Послѣдній, чтобы отомстить христіанамъ, призвалъ харизмійскихъ турокъ. Они напали на Іерусалимъ; такъ какъ укрѣпленія города не были возстановлены, то его пришлось покинуть, и латиняне, застигнутые врасплохъ въ своемъ убѣжищѣ, были перерѣзаны (1244). Іерусалимъ былъ окончательно потерянъ, и попытка сирийскихъ христіанъ вернуть его привела только къ новому пораженію—при Газѣ (октябрь 1244).

Сан-Джерманскій договоръ.— Въ іюнѣ 1229 года Фридрихъ II вернулся въ Италію. Да и пора было. Имперскія войска, правда, вторглись въ Анконскую марку; зато папа освободилъ подданныхъ Фридриха отъ клятвы вѣрности и двинулъ въ южную Италію наемное войско подъ начальствомъ бывшаго іерусалимскаго короля Іоанна Бриеннскаго и двухъ кардиналовъ. Поведеніе мѣстныхъ бароновъ, жаждавшихъ независимости, способствовало успѣху этого предпріятія. Въ Германіи Григорій IX пользовался услугами доминиканцевъ, чтобы возстановить общественное мнѣніе противъ Фридриха; онъ хотѣлъ противопоставить послѣднему соперника въ лицѣ вельфа Оттона Люнебургскаго, который, однако, отказался. Герцогъ баварскій Людовикъ измѣнилъ имперіи, но былъ побѣжденъ королемъ Генрихомъ. Внезапное возвращеніе Фридриха вызвало замѣшательство среди его противниковъ. Папскія войска принуждены были очистить сицилійское королевство, гдѣ снова водворился порядокъ. Григорій IX, будучи не въ силахъ продолжать борьбу, долженъ былъ вступить въ переговоры, которые, при посредничествѣ Германа Зальцы, и привели къ миру. Онъ былъ заключенъ въ Сан-Джермано, въ августѣ. Фридрихъ далъ амністію тѣмъ, кто принялъ сторону папы; онъ обѣщалъ вернуть тѣ части Анконской марки и сполетскаго герцогства, которыя были заняты его войсками; онъ предоставилъ духовенству сицилійскаго королевства важныя привилегіи, какъ напримѣръ, свободу отъ податей и свѣтской юрисдикціи. 28 августа 1230 года отлученіе было снято съ Фридриха. 1-го сентября въ Ананьи произошло торжественное свиданіе между противниками; они сѣли вмѣстѣ за столъ и долго разговаривали; единственнымъ свидѣтелемъ этой встрѣчи былъ Германъ Зальца. «Папа»,—писалъ Фридрихъ,—«говорилъ со мною чистосердечно, и успокоилъ и прояснилъ мой духъ; я не хочу болѣе вспоминать о минувшемъ».—«Императоръ»,—писалъ съ своей стороны Григорій IX,—«встрѣтилъ насъ съ сыновней преданностью; мы любовно бесѣдовали, и я убѣдился, что онъ готовъ всѣми средствами исполнять наши указанія и желанія во всѣхъ дѣлахъ».

IV. — Германія въ эпоху Фридриха II.

Сеньеры и города. — Промежутокъ времени отъ 1230 до 1235 г. представляетъ собою сравнительно спокойный періодъ въ царствованіи Фридриха. Именно въ эти годы, какъ мы выше видѣли, онъ организуетъ свое сицилійское королевство; въ этотъ же періодъ онъ старается упорядочить внутренній строй Германіи. Трудно представить себѣ что - нибудь менѣе единообразное, чѣмъ его политика: въ то время какъ въ Италіи онъ стремится сдѣлать королевскую власть абсолютной и съ этой цѣлью сокращаетъ могущество сеньеровъ и епископовъ, — въ Германіи онъ охотно увеличиваетъ привилегіи свѣтскихъ и духовныхъ князей. Германскій феодализмъ, какъ онъ господствуетъ въ ближайшій періодъ, окончательно складывается при Фридрихѣ II, который самъ способствуетъ его развитію. Поглощенный мыслью о господствѣ въ Италіи, онъ какъ - будто намѣренно жертвуетъ этой цѣли интересами центральной власти въ своемъ германскомъ королевствѣ. Въ самомъ началѣ своего царствованія, чтобы добиться избранія своего сына Генриха въ римскіе короли, онъ на франкфуртскомъ сеймѣ (апрѣль 1220) предоставляетъ духовнымъ князьямъ цѣлый рядъ привилегій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ архіепископъ кельнскій Энгельбертъ, «столикъ церкви и щитъ имперіи», отъ имени Генриха правитъ государствомъ, и своею мудростью, энергіей и нравственнымъ вліяніемъ поддерживаетъ въ странѣ сравнительное спокойствіе. Въ 1225 году онъ падаетъ жертвою убійства, и опять воцаряется анархія: «Снова настала смута, какъ нѣкогда въ Израилѣ, когда не было царя», — говоритъ современникъ; «каждый дѣлалъ, что хотѣлъ».

Въ нѣсколькихъ указахъ 1231 года, особенно въ *Statutum in favorem principum ecclesiasticorum et mundanorum*, изданномъ въ Вормсѣ, была подтверждена почти полная независимость высшаго феодальнаго класса, территоріальный суверенитетъ (*Landeshoheit*). Это была реакція протавъ политики молодого короля Генриха, который, управляя Германіей, старался, наоборотъ, ослабить могущество князей и поддержать враждебные ему города. «Каждый князь, — сказано въ этомъ декретѣ, — будетъ безпрепятственно, согласно обычаю страны, пользоваться вольностями, правами суда, графскими правами и сотнями, которыя принадлежать ему на правахъ собственности или

какъ феоды. Графы сотень, *centgravi*, будутъ держать эти сотни отъ сеньера данной территоріи». Дѣйствительно, съ этихъ поръ князья носятъ характерное имя «областныхъ господъ», *Landesherrn*. «Горожане, называемые *Phalburgeri* (*Pfahlbürger*, т. е. тѣ, которые, сами не живя въ данномъ городѣ, пользуются его правами и вольностями), лишаются своихъ правъ... Подданные князей, знатныхъ, церквей и княжескихъ людей (*ministeriales*) не будутъ болѣе получать права гражданства въ королевскихъ городахъ. Помѣстья и лены, полученные городами отъ князей, знатныхъ, ихъ людей и церквей, должны быть возвращены послѣднимъ. Юрисдикція городского суда ограничивается впредь предѣлами города. Король не построятъ болѣе ни одного новаго замка или города во вредъ князьямъ. Онъ не будетъ чеканить на территоріи княжескихъ владѣній новой монеты, которая могла бы нанести ущербъ монетѣ князя. Каждый епископъ и князь имперіи долженъ и можетъ, какъ въ интересѣ имперіи, такъ и въ своемъ собственномъ, укрѣплять свою резиденцію рвами, стѣнами и всякими другими средствами». Однако, эта почти абсолютная власть ограничивается постановленіемъ, что князья «не могутъ издавать законовъ и налагать новыхъ податей безъ согласія лучшихъ и знатнѣйшихъ людей своей области».

Такимъ образомъ, Фридрихъ II удовлетворяетъ честолюбіе князей въ ущербъ какъ городамъ, такъ и королевской власти. Свободу городскихъ общинъ въ Германіи, какъ въ Ломбардіи и сицилійскомъ королевствѣ, онъ считаетъ «ядовитымъ растеніемъ, которое слѣдуетъ вырывать съ корнемъ». Въ епископальныхъ и другихъ городахъ образовались могущественныя общины, развитію которыхъ благоприятствовали споръ изъ-за инвеституры и внутренніе раздоры въ Германіи. Въ Страсбургѣ, Кельнѣ, Трирѣ, Майнцѣ, Вормсѣ и проч. мы можемъ прослѣдить ихъ судьбы въ XI и XII столѣтіяхъ, ихъ подчасъ драматическую борьбу съ епископами. Во главѣ ихъ стоятъ совѣты, члены которыхъ избираются изъ среды городской аристократіи; въ XIII столѣтіи это учрежденіе становится общераспространеннымъ. Онѣ опираются на корпораціи или цехи, въ которыхъ соединяются всѣ купцы или ремесленники одной и той же профессіи. Ихъ происхожденіе различно: мы видимъ среди нихъ епископскіе города,—города имперскіе, лежащіе въ личныхъ помѣстьяхъ императора и особенно многочисленные на югѣ Германіи,—загѣмъ, сенеріальные города. Положеніе вольныхъ городовъ, характеръ которыхъ выяс-

няется лишь впоследствии, еще не вполне определенно; многие из них суть резиденции епископовъ. Императоры то общаются городамъ свою поддержку, чтобы обезпечить себѣ ихъ помощь, то обуздываютъ и даже наказываютъ ихъ, когда они нарушаютъ миръ въ государствѣ. Фридрихъ въ первую половину своего царствованія принимаетъ противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Въ 1232 году, на сеймѣ въ Равеннѣ, онъ издаетъ указъ, въ силу котораго они лишаются всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ. «Въ Германіи укоренились негодные обычаи, скрывающіе въ себѣ беззаконіе подъ видомъ общественнаго блага; они наносятъ ущербъ правамъ имперскихъ князей и тѣмъ ослабляютъ власть императора. Мы желаемъ, чтобы вольности и права, пожалованныя князьямъ верховной властью, истолковывались въ самомъ широкомъ смыслѣ, и чтобы они могли спокойно пользоваться ими. Посему мы этимъ указомъ отмѣняемъ и уничтожаемъ во всѣхъ городахъ и мѣстахъ Германіи городскія коммунъ, совѣты, магистратовъ или ректоровъ и всѣ другія общественныя должности, установленныя городскими общинами безъ согласія архіепископовъ и епископовъ. Мы уничтожаемъ также всѣ сообщества и товарищества ремесленниковъ... Въ прежнее время управленіе городами и всѣми имуществами, которыя были пожалованы императорами, принадлежало архіепископамъ и епископамъ; мы желаемъ, чтобы оно снова было предоставлено имъ и должностнымъ лицамъ, которыхъ они назначать. Мы уничтожаемъ всѣ привилегіи и всѣ пожалованныя грамоты, которыя нашей щедростью или щедростью нашихъ предшественниковъ или даже архіепископовъ и епископовъ были дарованы, во вредъ князьямъ и имперіи, какъ частнымъ лицамъ, такъ и городамъ касательно товариществъ, коммунъ и совѣтовъ». Это значило заставить исторію попятиться на два вѣка. Дѣйствовалъ ли Фридрихъ по убѣжденію, когда издавалъ этотъ указъ, или же, оказывая духовнымъ князьямъ мнимую услугу, онъ надѣялся еще усилить вражду между ними и городами? Каковы бы ни были его мотивы, равеннскій указъ былъ лишь въ немногихъ мѣстахъ осуществленъ частями, и позже Фридрихъ, напротивъ, самъ опирается на союзъ этихъ городовъ, у которыхъ онъ отнялъ всѣ права.

Преслѣдованіе еретиковъ. — Чтобы угодить папѣ, Фридрихъ II отдалъ Германію въ руки доминиканцевъ-инквизиторовъ. Въ одномъ указѣ 1232 года, издавшемъ въ Равеннѣ, онъ заявляетъ, что хочетъ «всѣми мѣрами очистить Германію, въ ко-

торой всегда господствовала истинная вѣра, отъ скверны ересей». Виновные, которые будутъ изобличены инквизиторами, посланными св. престоломъ, подвергаются смертной казни. Тѣ изъ нихъ, которые вернутся въ лоно истинной церкви, подвергаются пожизненному заключенію. Дѣти еретиковъ, ихъ сторонниковъ, ихъ защитниковъ и тѣхъ, кто давалъ имъ убѣжище, до второго поклобня лишены всеѣхъ свѣтскихъ преимуществъ и права занимать общественныя должности. Исключение дѣлается лишь для тѣхъ, кто донесетъ на своихъ родителей. Инквизиторамъ-доминиканцамъ обезпечивается особое покровительство императора. «Въ теченіе девятнадцати лѣтъ», говоритъ вормская лѣтопись, «францисканецъ Конрадъ марбургскій проповѣдовалъ и жегъ еретиковъ по всей Германіи, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія». Его officialный титулъ былъ—*inquisitor haereticae pravitatis*. Король Генрихъ покровительствовалъ дѣятельности этихъ фанатиковъ. «Мы будемъ во множествѣ сжигать богатыхъ», говорили они ему, по словамъ той же хроники, «и вы получите ихъ имущество. Въ епископскихъ городахъ половину будетъ получать епископъ, половину—король или тотъ, кому принадлежитъ право суда». «Какая бѣда, если мы сожжемъ сотню невинныхъ», прибавляли они, «лишь бы между ними былъ хоть одинъ виновный». Не соблюдалась ни одна изъ законныхъ формъ судопроизводства, и самое духовенство осуждало эти произвольныя казни, жертвами которыхъ являлись перѣдко наиболѣе благочестивые изъ католиковъ. Въ 1233 году Конрадъ марбургскій былъ наконецъ убитъ, и король Генрихъ долженъ былъ обуздать фанатизмъ инквизиторовъ по франкфуртскому миру 1234 года.

Этотъ дикій фанатизмъ, въ связи съ алчностью феодаловъ, вызвалъ крестовый походъ въ предѣлахъ самой Германіи. У устьевъ Везера, на границѣ между Фрисландіей и Саксоніей, жило небольшое племя стедишговъ, защищенное непроходимыми болотами и цѣлой сѣтью рѣкъ; они отказывались платить десятину и успѣшно боролись съ графами и епископами, которые пытались покорить ихъ. По другимъ извѣстіямъ, вина этихъ свободныхъ крестьянъ состояла въ томъ, что они защищались противъ людей графа Оттона Ольденбургскаго, которые увозили ихъ женъ и дочерей. Начиная съ 1213 года архіепископъ бременскій безпрестанно боролся съ ними; въ 1219 году мѣстный синодъ осудилъ ихъ, какъ еретиковъ. «Отъ имени папы», говоритъ кельнскій лѣтописецъ, «противъ нихъ былъ объявленъ крестовый походъ».

Герцога брабантскій, графы Голландіи, Клеве, Ольденбурга вторглись въ ихъ страну съ 40.000-нымъ войскомъ. Они были побѣждены и большою частью избиты; остальные бѣжали въ Фрисландію (1234).

Мятежи и договоры. — Какъ ни было слабо правленіе Фридриха въ Германіи, онъ все-таки приобрѣлъ себѣ тамъ враговъ. Когда въ 1231 году былъ убитъ Людовикъ баварскій, въ Германіи говорили, что виновникъ убійства—Фридрихъ, а убійца—посланецъ Горнаго Старца, союзника императора. Во главѣ его противниковъ стоялъ собственный сынъ, Генрихъ, непокорный и честолюбивый юноша. Мы видѣли, что онъ поддерживалъ въ Германіи города противъ князей. Въ 1232 году онъ возобновилъ свои притязанія, но былъ принужденъ просить прощенія въ Аквилеѣ и поклясться въ вѣрности. Его безразсудная политика еще увеличивала смуту въ государствѣ, гдѣ и безъ того царилъ анархія, гдѣ архіепископъ майнцскій и ландграфъ тюрингенскій вели между собой открытую войну. Получивъ выговоръ отъ отца за совершенную имъ экспедицію противъ Баваріи, онъ возмутился (въ 1234 г.) и пытался найти поддержку въ нѣмецкихъ городахъ, заключить союзъ съ ломбардскою лигою. Въ 1235 году Фридрихъ II снова появился въ Германіи, и партія его сына тотчасъ распалась; въ іюлѣ Генрихъ, по совѣту Германа Зальцы, явился въ Вормсъ, чтобы изъявить покорность. Но примиреніе не состоялось. Генрихъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ строгомъ заточеніи, и умеръ въ Апуліи въ 1242 году.

Императоръ объѣхалъ рейнскую область, встрѣчая блестящій приемъ во всѣхъ городахъ. Въ Вормсѣ (іюль 1235) онъ обвѣнчался съ Изабеллою, сестрою англійскаго короля Генриха, III. Въ августѣ онъ созвалъ въ Майнцѣ торжественный сеймъ. «Здѣсь», говоритъ кельнская хроника, «въ присутствіи почти всѣхъ князей нѣмецкаго королевства, былъ клятвенно подтвержденъ миръ, закрѣплены старыя права и установлены новыя; они были изложены и опубликованы на нѣмецкомъ языкѣ» ¹⁾. Повидимому, императоръ имѣлъ въ виду преобразовать внутренній строй Германіи, отчасти на тѣхъ началахъ, которыя онъ положилъ въ основаніе своей организаціи сицилійскаго королевства, но безъ умаленія привилегій

¹⁾ Дѣйствительно ли постановленія майнцскаго сейма были изложены по-нѣмецки? Это не доказано. Если и существовалъ тогда нѣмецкій текстъ, то это былъ, можетъ быть, переводъ; во всякомъ случаѣ, онъ не дошелъ до насъ, и мы знаемъ эти постановленія только по латинскому тексту.

князей. Право частной войны было уничтожено, исключая тѣхъ случаевъ, когда пострадавшій не могъ добиться суда. Былъ учрежденъ верховный королевскій судъ по образцу сицилійскаго, состоявшій подъ предсѣдательствомъ юстиціарія и засѣдавшій ежедневно¹⁾; этотъ судъ разбиралъ все дѣла, съ какими обращались къ нему, исключая дѣлъ чрезвычайной важности и тѣхъ, которыя касались личности и интересовъ князей и высшихъ сановниковъ. Дѣла рѣшались на основаніи мѣстнаго обычнаго права, а въ сомнительныхъ случаяхъ судъ руководствовался постановленіями императоровъ по важнымъ дѣламъ. Все прежнія уступки, сдѣланныя Фридрихомъ князьямъ, были подтверждены, и если не было возобновлено полное осужденіе муниципальныхъ учреждений, то епископскіе города попрежнему оставались въ зависимости отъ прелатовъ. Феодалы присвоили себѣ все регаліи: они творятъ судъ, чеканятъ монету, взимаютъ рыночныя и дорожныя пошлины и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, когда королевская власть не предоставляетъ имъ этихъ правъ официальнымъ актомъ, она смотритъ сквозь пальцы на ихъ захваты. Такова политика Фридриха: въ то самое время, когда во Франціи Капетинги энергично стараются возстановить центральную власть, въ Германіи самъ императоръ санкціонируетъ ея разложеніе.

Другія мѣры Фридриха II направлены къ тому, чтобы упрочить миръ въ государствѣ. Въ 1227 году умеръ послѣдній сынъ Генриха Льва, пфальцграфъ Генрихъ; не имѣя дѣтей мужского пола, онъ завѣщалъ свои аллодіальныя владѣнія своему племяннику и зятю Оттону люнебургскому. Между императоромъ и Оттономъ, который сдѣлался между тѣмъ баварскимъ герцогомъ, шла война изъ-за этого наслѣдства. Въ Майнцѣ былъ заключенъ миръ: для Оттона было образовано новое герцогство—брауншвейгское, обнимавшее Брауншвейгъ, Люнебургъ, Госларъ и Штаде. По этому договору Гогенштауфены примирились съ фамиліей Вельфовъ, которая уже ранѣе слилась съ домомъ Виттельсбаховъ.

Германскій и славянскій міръ.—На границѣ германскаго міра совершались важныя событія. На сѣверѣ Фридрихъ II въ 1214 году пытался путемъ уступки Нордальбингіи обезпечить себѣ союзъ короля Вальдемара II; Любекъ, графство Голштинія, Ратцебургъ и Шверинъ отпали отъ Германіи. Но въ

¹⁾ Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что королевскій судъ, *Hofgericht*,—болѣе древняго происхожденія; Фридрихъ II въ 1235 году лишь болѣе точно опредѣлилъ его организацію.

1223 году Вальдемаръ и его сыновья попали въ плѣнъ къ своему врагу, шверинскому графу Генриху. Переговоры велись при посредничествѣ великаго дипломата этого времени, Германа Зальцы, и въ іюлѣ 1224 года плѣнный король подписалъ договоръ, по которому онъ обязывался вернуть имперіи всѣ захваченныя имъ земли и принять свою корону изъ рукъ императора. Датскіе феодалы, въ особенности зять короля, графъ орлампюндскій Альбрехтъ, отказались утвердить договоръ. Началась война, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ; наконецъ, Вальдемаръ II былъ побѣжденъ въ битвѣ при Борнхеведѣ (1227). Съ этихъ поръ бранденбургскіе маркграфы господствуютъ надъ славянскими землями по ту сторону Эльбы и вскорѣ получаютъ отъ императора верховную власть надъ Помераніей. Славянскіе герцоги Помераніи, Барнемъ и Вратиславъ, тщетно пытались сопротивляться; въ 1244 и 1250 гг. они признали себя вассалами, и значительная часть ихъ владѣній перешла уже въ полную собственность дома Асканіевъ. Въ 1232 году маркграфы Іоаннъ и Оттонъ оторвали отъ Польши области Барнема и Тельтова, т. е. ту страну, гдѣ деревня Берлинъ скоро превращается въ городъ. Въ 1250 году они приобрѣтаютъ округъ Лебы, и ихъ владѣнія простираются до береговъ Одера, гдѣ спустя два года маркграфъ Іоаннъ разрѣшаетъ Франкфурту ввести у себя муниципальное устройство. Во второй половинѣ XIII столѣтія Бранденбургская марка продолжаетъ расширяться по направлению къ востоку.

Оставаясь вѣрными той политикѣ, которой слѣдовали въ предшествующемъ вѣкѣ Альбрехтъ Медвѣдь, Адольфъ голштинскій и Генрихъ Левъ, маркграфы открываютъ эти области для западныхъ колонистовъ и замѣняютъ славянское населеніе германскимъ. Если туземцы и не подвергаются систематическому истребленію, то они влечутъ жалкое существованіе въ своихъ бѣдныхъ селахъ и постепенно вымираютъ. Мало-по-малу ихъ племя и языкъ исчезаютъ. Вѣншіиі видъ страны мѣняется: появляются новыя села и города; ихъ основываютъ предприниматели, которые, по соглашенію съ маркграфами, становятся наследственными управителями этихъ поселковъ. Маркграфы поощряютъ основаніе городовъ нутемъ пожалованія муниципальныхъ льготъ, но умѣютъ все-таки сохранять верховную власть надъ страной. Даже епископы Марки принуждены признавать себя ихъ подданными и отдавать имъ десятину; если маркграфы, какъ они выражались, «исторгли землю изъ рукъ язычниковъ», то, конечно, не для того, чтобы въ ней воцарился,

въ ущербъ ихъ власти, церковный феодализмъ. Въ организаціи этой военной державы XIII вѣка обнаруживаются уже нѣкоторыя черты позднѣйшаго прусскаго государства.

Въ то время, какъ между Эльбой и Одеромъ развивается Бранденбургская марка, еще далѣе на востокъ, въ бассейнѣ нижней Вислы, зарождается новое нѣмецкое государство. Въ 1200 году рижскій епископъ Альбертъ Буксгевденъ основалъ орденъ меченосцевъ, задачей котораго было—подчинить христіанству Ливонію, Курляндію и Эстляндію. Съ юга къ этимъ областямъ примыкала Пруссія, ограниченная на югѣ Польшей, на западѣ Помераніей и Бранденбургскою маркой, дикая страна съ негостепримными берегами, покрытая озерами и лѣсами, населенная еще болѣе дикими народцами летто-литовскаго племени. Тщетно миссіонеры пытались распространить среди нихъ христіанство; въ концѣ X вѣка здѣсь погибъ Адальбертъ. Въ началѣ XIII столѣтія одинъ монахъ изъ монастыря Оливы въ Помераніи, по имени Христіанъ, принялъ титулъ епископа Пруссіи; чтобы доставить ему епархію, началъ объявлять крестовый походъ противъ этихъ язычниковъ. Пруссаки отомстили христіанамъ: въ 1224 году они вторглись въ Польшу, и одинъ изъ двухъ князей, которые владѣли государствомъ, Конрадъ мазовецкій, принужденъ былъ искать союзниковъ на сторонѣ. Онъ обратился за помощію къ рыцарямъ тевтонскаго ордена, основаннаго въ 1128 году для защиты Св. Земли. Гросмейстеръ ордена, Германъ Зальца, благодаря своему уму, выдержанности характера и политической ловкости, игралъ въ это время, можетъ быть, первую роль послѣ папы и императора. Въ награду за помощь Конрадъ предлагалъ уступить ордену Кульмскую землю. Германъ принялъ предложеніе, но постарался обезпечить договоръ самыми торжественными гарантіями. Въ мартѣ 1226 года Фридрихъ II далъ гросмейстеру полномочіе «завоевать Прусскую землю силами ордена». Совершенно игнорируя желанія польскаго князя, онъ прибавляетъ: «Мы жалуемъ навсегда ему, его преемникамъ и ордену земли, которая уступаетъ ему герцогъ Конрадъ и какія онъ завоеуетъ въ Пруссіи, дабы они свободно пользовались этими владѣніями, не будучи повинны никакой службою или данью и ни передъ кѣмъ не неся отвѣтственности». Съ своей стороны Григорій IX въ 1234, Иннокентій IV въ 1244 году объявили владѣнія ордена собственностью св. Петра и леномъ римской церкви.

Въ 1230 году Германъ Бальке, назначенный отъ ордена пра-

вителемъ Пруссін, началъ эту ожесточенную борьбу, продолжавшуюся болѣе полувѣка. Въ 1231 году былъ основанъ Торнъ, въ 1232—Кульмъ и Маріенвердеръ. Отсюда суровые рыцари ежегодно предпринимають экспедиціи вглубь страны, мало-по-малу завоевывая ее, строя крѣпости, а позже и деревни, заселяемые колонистами. Дѣло подвигается впередъ медленно, потому что рыцари малочисленны, а пруссы оказываютъ отчаянное сопротивление. Безпрестанно приходится начинать работу съизнова; побѣжденные встають и разоряють христіанскія поселенія. Однако, нѣсколько крупныхъ фактовъ способствуютъ успѣху завоеванія: въ 1237 году меченосцы сами просятъ о сляніи съ тевтонскимъ орденомъ; въ 1255 году богемскій король Оттокаръ предпринимаетъ походъ на помощь ордену. Возникаетъ Кёнигсбергъ. Война носитъ дикій характеръ: рыцари безоцадно избиваютъ побѣжденныхъ, болѣе стараясь истребить ихъ, чѣмъ обратитъ въ христіанство. Здѣсь туземное населеніе замѣщается германцами еще съ большею жестокостью, чѣмъ въ Бранденбургѣ ¹⁾).

Германская цивилизація въ эпоху Фридриха II.—

Такъ растетъ на востокъ могущество германской расы. Если внутри государства уступки Фридриха II ослабляютъ узы, связывающія отдѣльныя области, если оно превращается въ огромную федерацію княжествъ, то благодаря развитію промышленности и торговли благосостояніе и богатства растутъ, литература и искусства достигаютъ блестящаго расцвѣта.

Право.—Дѣятельность нѣмецкихъ городовъ съ XIII по XVI вѣкъ будетъ изображена въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Здѣсь мы ограничимся только сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о юридическомъ и умственномъ развитіи Германіи.

Разнородность нѣмецкихъ провинцій особенно ярко обнаруживается въ областномъ правѣ. Древнѣйшимъ письменнымъ кодексомъ нѣмецкаго обычнаго права является Саксонское Зерцало, *Sachsenspiegel*, составленное между 1215 и 1235 гг. Эйкомъ фонъ Репгофъ. Онъ написалъ его сначала по-латыни, но потомъ, по настоянію графа Гойера фонъ Фалькенштейнъ, рѣшилъ перевести его на нѣмецкій языкъ. Сборникъ Эйка состоитъ изъ двухъ трактатовъ: въ одномъ онъ излагаетъ областное право, въ другомъ—феодалное. Незнакомый ни съ римскимъ, ни съ каноническимъ правомъ, сторонникъ притязаній императора противъ при-

¹⁾ О происхожденіи тевтонскаго ордена см. ниже, гл. VI; объ его успѣхахъ и организаціи съ половины XIII вѣка—ниже, гл. XIV.

тязаній папы, онъ строго слѣдуетъ традиціямъ прошлаго, рисуя картину современнаго ему строя. Его сочиненіе имѣло большой успѣхъ, даже за предѣлами Саксоніи. Послѣ смерти Фридриха II, во второй половинѣ XIII вѣка, появилось еще два подобныхъ кодекса: Швабское Зерцало, *Schwabenspiegel*, и Нѣмецкое Зерцало, *Spiegel aller deutscher Leute*. Но еще задолго до составленія этихъ кодексовъ каждая область имѣла свои привилегіи, свое обычное право, свою юридическую и социальную организацію. Такъ, для большей части областей существовали особые указы о мѣстномъ мирѣ, *Landfrieden*, содержавшіе постановленія различныя въ разныхъ областяхъ и утверждавшіяся императорами; большинство дошедшихъ до насъ указовъ древнѣе Саксонскаго Зерцала. Города, въ свою очередь, имѣли свои особые кутюмы, свои муниципальные статуты. Нѣкоторыя части магдебургскаго статута, вліяніе котораго отразилось на организаціи многихъ городовъ Остфаліи, Бранденбурга, Мейсена, Силезіи, владѣній тевтонскаго ордена и Польши, относятся къ 1188 году. Обычное право Любека, установленное отчасти грамотами Генриха Льва, Фридриха Барбароссы и записанное въ первой половинѣ XIII вѣка, господствовало въ городахъ Голштиніи, Мекленбурга и Помераніи. Обычное право Брауншвейга было кодифицировано въ 1227 году. Муниципальные статуты Дортмунда и Сэста въ Вестфаліи, Ахена и Страсбурга въ рейнской области и многихъ другихъ городовъ, которые было бы слишкомъ долго перечислять, также распространялись на множество городовъ: отъ Сэста заимствоваль свое устройство Любекъ. Такое же разнообразіе мѣстныхъ учрежденій наблюдается, правда, и во Франціи, но въ Германіи, благодаря возрастающей слабости центральной власти, оно приводитъ къ гораздо болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ по ту сторону Рейна.

Литература.— Съ другихъ точекъ зрѣнія Германія представляетъ болѣе единства. Если одна область и отличается отъ другой діалектической формой языка, то по крайней мѣрѣ литературное развитіе каждой изъ нихъ не вполне изолировано. Послѣ смерти Генриха VI дворъ ландграфа тюрингенскаго Германа, мужа св. Елизаветы, становится излюбленнымъ мѣстомъ собранія миннезингеровъ (поэтовъ любви): въ его городѣ Эйзенахъ, въ его вартбургскомъ замкѣ жили Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, Вальтеръ фонъ дер-Фогельвейде, Генрихъ фонъ Офтердингенъ и др. Генрихъ устраиваль между ними поэтическія состязанія; фантасти-

ческую картину такихъ турнировъ даетъ старинная поэма о Вартбургской войнѣ и ѣвцовъ, гдѣ они соперничаютъ другъ съ другомъ въ поэтическомъ прославленіи своихъ двухъ покровителей, ландграфа и австрійскаго герцога Фридриха. Культъ женщинъ, незнакомый грубымъ поколѣніямъ настоящаго средневѣковья, поклоненіе рыцарской доблести—вотъ источники вдохновенія рыцарей-поэтовъ. Ихъ идеаломъ является уже не суровый и грубый воинъ X вѣка, а храбрый рыцарь, служащій одновременно Богу и своей возлюбленной, соединяющій въ себѣ мужество съ куртуазіей и изящными манерами. Вокругъ ихъ популярныхъ именъ образуются цѣлыя легенды, какъ, напримѣръ, легенды о Тангейзерѣ, рыцарѣ-поэтѣ, оболыщенномъ Венерою. Лучшій лирикъ среди нихъ, Вальтеръ фонъ дер-Фогельвейде, принималъ участіе въ войнахъ своего времени и видѣлъ начало царствованія Фридриха II. Въ своихъ пѣсняхъ, отражающихъ въ себѣ политическія страсти той эпохи, онъ страстно возстаетъ противъ вмѣшательства римской церкви и прославляетъ доблести иѣмцевъ: «И видѣлъ чужія страны», говоритъ онъ, «и не оспариваю ихъ славы, но горе мнѣ, если онѣ прельстятъ мое сердце. Какая польза отрицать то, что вѣрно и справедливо? Нравы иѣмцевъ перевѣшиваютъ все остальное. Я не знаю обычаевъ болѣе благородныхъ, чѣмъ тѣ, которые господствуютъ отъ Эльбы до Рейна, отъ Рейна до Венгріи. Я готовъ поручиться за это своимъ имуществомъ и жизнью; самая простая иѣмецкая женщина лучше знатнѣйшихъ дамъ другой страны». Трогательная судьба св. Елизаветы венгерской, жены Германа тюрингенскаго, которая вскорѣ послѣ своей смерти (1231) была канонизирована Григоріемъ IX, можетъ объяснить намъ этотъ энтузіазмъ.

Другіе поэты писали обширныя поэмы: Готфридъ Страсбургскій воспѣваетъ роковую любовь Тристана и Изольды и въ плѣнительныхъ чертахъ изображаетъ восторги и волненія страсти; Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ въ своей поэмѣ Парсиваль, грубой по формѣ, но проникнутой чувствомъ глубокаго мистицизма, излагаетъ кельтскую легенду о св. Граалѣ. Народная поэзія беретъ сюжеты также изъ легендарныхъ сказаній, которыми христіанская фантазія окружила жизнь Св. Дѣвы и святыхъ; въ Пассіоналѣ эти легенды сведены въ одинъ огромный сборникъ, въ которомъ насчитывается до 100.000 стиховъ. Нѣкоторые поэты занимаются сочиненіемъ грубыхъ сатиръ во вкусъ французскихъ Фаблю, другіе, напротивъ, пишутъ дидактическія поэмы, какъ,

напр., Фрейдапкъ, или изображаютъ добродѣтель въ дѣйствіи, какъ Гартманъ фонъ Ауэ въ своемъ Бѣдномъ Генрихѣ—самой изящной и трогательной изъ поэмъ этого рода. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ религиозное чувство получаетъ менѣе церковный, болѣе обывденный характеръ: ясно видно, что господство церкви слабѣетъ; монашеская литература смѣнилась рыцарской и свѣтской, которая вліяетъ на культуру и нравы общества. Но наука всецѣло остается въ рукахъ духовенства: самый замѣчательный нѣмецкій ученый XIII вѣка, Альбертъ Великій, учитель Томы Аквинскаго, сильный и оригинальный умъ, преугадавшій значеніе естественныхъ наукъ, былъ доминиканцемъ. Впрочемъ, центры научнаго движенія находятся внѣ Германіи—въ Болоньѣ, Павіи, Монпелье, особенно въ Парижѣ, куда и стекаются нѣмецкіе студенты. Альбертъ Великій преподавалъ въ Парижѣ, и въ слѣдующемъ столѣтіи нѣмецкіе университеты организуются *ad instar studii Parisiensis* ¹⁾.

Архитектура.—Объ руку съ расцвѣтомъ литературы идетъ расцвѣтъ искусствъ. Романскій стиль, замѣнившій потолокъ базилики сводомъ, развился въ Германіи уже въ XI и XII вѣкахъ. Къ этой эпохѣ относится постройка соборовъ въ Майнцѣ, Шпейерѣ, Вормсѣ, и, по крайней мѣрѣ отчасти, кельнскихъ церквей: св. Апостоловъ и св. Маріи Капитолійской, въ которыхъ кое-гдѣ обнаруживается вліяніе византійской архитектуры. Въ XIII вѣкѣ переходитъ въ Германію готическій стиль, который въ то время называли французскимъ, *opus francigenum*: возникнувъ во Франціи, онъ распространился отсюда по всей Европѣ и черезъ Германію проникъ до самой Венгріи. Иногда приглашаютъ даже французскихъ мастеровъ; такъ, векорѣ послѣ смерти Фридриха II деканъ вимпфенскаго собора поручаетъ архитектору, прибывшему изъ «Парижа во Франціи» построить церковь «во французскомъ стилѣ». Съ начала XIII вѣка на ряду съ романскимъ стилемъ начинаютъ примѣнять и готическій; таковы церковь св. Гереона въ Кельнѣ, соборъ въ Боннѣ, Гейстербахское аббатство. Въ царствованіе Фридриха II былъ построенъ храмъ Богоматери въ Трирѣ. Но въ Германіи цвѣтущимъ періодомъ готическаго искусства является не XIII вѣкъ, какъ во Франціи, а XIV-ый.

---

¹⁾ Французская литература и цивилизація чрезвычайно сильно вліяли тогда на Германію; любопытно въ этомъ отношеніи свидѣтельство современнаго нѣмецкаго историка Лампрехта—*Deutsche Geschichte*, B. III, s. 183 ff.

V. — Борьба на жизнь и смерть.

Фридрихъ II и ломбардскіе города.—На основаніи Сан-Джерманскаго договора между имперіей, папствомъ и ломбардскими городами установилось перемиріе; но оно непрочно и часто нарушается. Ломбардскіе города не обманываютъ себя насчетъ чувствъ императора, который при всякихъ обстоятельствахъ и во всѣхъ странахъ обнаруживаетъ ненависть къ городской автономіи. Въ 1232 году, на съѣздѣ въ Болоньѣ, ректоры лиги возобновляютъ свой союзъ «противъ всѣхъ лицъ, которыя рѣшились бы нарушить ихъ права или насильственно проникнуть въ ихъ территоріи». Они просятъ папу вступитья, «чтобы императоръ не вторгся въ Ломбардію съ войскомъ», утверждая, что это было бы нарушеніемъ констанцскаго мира. Въ борьбѣ примутъ участіе и тѣ города средней Италіи, въ которыхъ сильно развита муниципальная жизнь: Флоренція, Орвіето, Витербо, Ассизи, Перуджіа становятся на сторону «гвельфовъ». Образуются федераціи городовъ; такъ, въ 1237 году заключаютъ союзъ между собою Сполето, Перуджіа, Губбіо, Фолиньо и др. Союзъ между ломбардской лигой и его мятежнымъ сыномъ Генрихомъ окончательно вывелъ Фридриха изъ себя. Онъ, съ своей стороны, опирается на тирановъ, роль которыхъ уже начинаетъ намѣчаться въ сѣверной Италіи,—на Эццелино да Романо, который изъ Тревизской марки вторгается въ Ломбардію и покоряетъ себѣ Верону и Падую. Наконецъ, въ 1235 году Фридрихъ заявляетъ о своемъ рѣшеніи подавить вольность ломбардскихъ городовъ. Въ іюлѣ 1236 года мы видимъ его уже въ Италіи. На сторонѣ гибеллиновъ, стоятъ лишь немногіе города, какъ Кремона, Бергамо, Парма, Реджіо, Модена, Верона, тогда какъ лига, расширившись, обращается въ *Societas Lombardiae, Marchiae et Romagnae*. Успѣхъ сопутствуетъ Фридриху; онъ овладѣваетъ Виченцой. Проведя зиму въ Австріи, онъ снова возвращается въ Ломбардію. 27 ноября 1237 года, при Кортенуовѣ, онъ на голову разбиваетъ войско лиги и овладѣваетъ миланской колесницей (*саггоссіо*), которую отсылаетъ въ Римъ. Большая часть городовъ бассейна По и Тосканы изъявляютъ покорность; но Милань, Брешіа, Александрія, Пиаченца, Болонья и Фанца продолжаютъ борьбу.

Вмѣшательство Григорія IX.— Тогда и азашиту городовъ, какъ во время Фридриха Барбароссы, встаетъ папство. Григорій IX уже не разъ выступалъ посредникомъ между городами и императоромъ; особенно онъ старается не допустить ихъ полнаго пораженія, которое дало бы возможность Фридриху основать на сѣверѣ такую же абсолютную монархію, какую онъ организовалъ на югѣ,—а отъ этого зависитъ самое существованіе свѣтскаго государства церкви. Въ мартѣ 1236 года Григорій IX заявляетъ, что римская церковь не потерпитъ насилій надъ ломбардцами, которые отдались подъ ея покровительство. Въ письмѣ къ Фридриху (26 октября) онъ напоминаетъ ему о дареніи Константина, который предоставилъ римскому епископу, вмѣстѣ съ императорскими инсигніями и скипетромъ, не только Римъ и его область, но и западныя провинціи имперіи. Если папы вручали князьямъ императорское достоинство и «власть меча», то они «ни въ чемъ не уменьшали сущности своей верховной власти». И онъ прибавляетъ: «поэтому ты подчиненъ контролю папы». Съ своей стороны, Фридрихъ пишетъ епископу Комо, что онъ намѣренъ «привести центръ Италіи въ покорность и единство съ имперіей». Такимъ образомъ, каждая изъ сторонъ одинаково категорически требуетъ себѣ неограниченной единодержавной власти надъ христіанскимъ міромъ, и заявленія обѣихъ остры, какъ мечъ. Какъ разъ въ это время—точно примирителямъ болѣе нечего дѣлать на землѣ—умираетъ Германъ фонъ Зальца, который столько лѣтъ былъ посредникомъ мира между Фридрихомъ и Григоріемъ IX. 20 марта 1239 года папа отлучаетъ Фридриха отъ церкви, на что послѣдній немедленно отвѣчаетъ провозглашеніемъ жителей Анконской марки и сполетскаго герцогства свободными отъ вѣрности папѣ и присоединенными къ имперіи. Борьба получаетъ необыкновенно страстный характеръ. Въ ней принимаетъ участіе и демократическій орденъ францисканцевъ, который, путемъ учрежденія «третьяго ордена», открылъ и простому народу доступъ въ ряды воинства св. Франциска. Эти пылкіе монахи переходятъ изъ города въ городъ, проповѣдуя священную войну и возстановляя чернь противъ имперіи. Фридрихъ съ своей стороны также обращается къ общественному мнѣнію. Въ письмѣ отъ 20 апрѣля онъ приглашаетъ князей и народы въ посредники спора и странно оправдываетъ передъ ними свое поведеніе. Онъ заклинаетъ кардиналовъ созвать вселенскій соборъ, передъ которымъ онъ готовъ доказать справедливость обвиненій, возводимыхъ имъ

на палу. Наконецъ, онъ доказываетъ государямъ, что дѣло, которое онъ защищаетъ,—ихъ общее дѣло: «Если папа одолѣетъ римскаго императора, противъ котораго направлены его первые удары, ему не трудно будетъ унижить остальныхъ королей и князей. Поэтому мы просимъ васъ помочь намъ, чтобы міръ зналъ, что при каждомъ нападеніи на свѣтскаго государя страдаетъ наша общая честь».

Слѣдующій политикъ Григорія VII, Григорій IX старается возстановить противъ Фридриха Германію. Тамъ дѣйствуетъ, въ качествѣ его легата, пассаускій архидіаконъ Альбертъ Чехъ; онъ пользуется всеми поводами къ недовольству противъ императора и хлопочетъ объ избраніи въ римскіе короли молодого датскаго короля Абеля. Въ заговорѣ принимаютъ участіе могущественные государи—герцогъ австрійскій, король богемскій, герцогъ баварскій и другіе; но ихъ планъ разрушаетъ майнцскій архіепископъ Зигфридъ. Управляя Германіей отъ имени младшаго сына Фридриха, Конрада, который въ 1237 году, девяти лѣтъ отъ роду, былъ провозглашенъ королемъ, онъ не допускаетъ избранія антикороля, тогда какъ нѣмецкіе епископы, почти все безъ исключенія, несмотря на выговоры папы остаются вѣрны императору (1239).

Итакъ, Фридрихъ можетъ свободно дѣйствовать въ Италіи, гдѣ большая часть городовъ Ломбардіи, Умбрини и Тосканы держитъ сторону гвельфовъ и папы. Если гибеллинская Феррара пала, зато онъ захватываетъ земли римской церкви, овладѣваетъ Фолиньо, Витербо и, далѣе на сѣверѣ, Равенной и Фаэнцой. Онъ отвергаетъ предложенія папы, который проситъ перемирія, но съ тѣмъ, чтобы въ него были включены и ломбардскіе города. Между тѣмъ Григорій IX, сжатый со всѣхъ сторонъ, созвалъ въ Римѣ вселенскій соборъ, чтобы придать болѣе торжественный характеръ отлученію императора. Фридрихъ хочетъ во что бы то ни стало предупредить эту опасность. Въ апрѣлѣ 1241 года французскіе, англійскіе, итальянскіе и испанскіе епископы, собравшись въ Генуѣ, на 27 корабляхъ переправляются къ Риму. Къ юго-востоку отъ острова Эльбы, близъ Мелорини, имперскій флотъ нападаетъ на генуэзскіе корабли, овладѣваетъ 22 изъ нихъ и беретъ въ плѣнъ трехъ папскихъ легатовъ и множество архіепископовъ.

Въ это самое время страшное нашествіе монголовъ, предводимыхъ Батыемъ, грозитъ раздавить христіанскую Европу. Россія, Венгрія и Польша пали подъ натискомъ варваровъ; Германія вся, какъ одинъ человекъ, берется за оружіе; король Конрадъ,

окруженный князьями, выступаетъ противъ завоевателей. Но въ эту минуту смерть татарскаго хана Октая заставляеть татаръ отступить сначала въ Венгрію, а оттуда къ Волгѣ (1241).

Даже великая опасность, грозившая христіанскому обществу со стороны татаръ, не могла принудить къ уступкамъ обоихъ соперниковъ, спорившихъ изъ-за господства надъ нимъ. Фридрихъ II изъ Италіи посылаетъ инструкціи относительно мѣръ, которыя слѣдуетъ предпринять противъ монголовъ, но самъ не покидаетъ захваченныхъ имъ земель римской церкви. Въ августъ мы видимъ его въ Тиволи; онъ овладѣваетъ Альбано. Несмотря на затруднительность своего положенія, Григорій IX не обнаруживаетъ слабости. Ему удалось упрочиться въ Римѣ: вождь гибеллинской партіи, кардиналъ Коломна, принужденъ былъ бѣжать въ Палестрину; избранный въ 1241 году сенаторомъ Маттео Рубео—пламенный гвельфъ. Но 21 августа 1242 года Григорій IX умираетъ—почти столѣтній старецъ, обладавшій болѣе твердымъ и неукротимымъ духомъ, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Его правленіе было полно тяжелыхъ испытаній и борьбы, и часть своего первосвященства онъ прожилъ въѣ Рима, откуда изгнали его мятежи. Такъ, въ 1234 году римляне, предводимые своимъ сенаторомъ Лукою Савелли, оснаривали у насъ самую область св. Петра, изъ которой они хотѣли сдѣлать какъ бы муниципальное государство; кромѣ того, они требовали уничтоженія судебныхъ и финансовыхъ привилегій духовенства въ Римѣ. Латеранскій дворецъ и жилища кардиналовъ были разграблены. Григорій IX должецъ былъ вести войну со своими подданными, даже аппелировать къ императору. Но все эти препятствія до послѣдняго дня не могли сокрушить его страстной энергіи. Онъ палъ, можно сказать, на полѣ битвы, твердый до конца и не уступивъ ни пяди.

Иннокентій IV и ліонскій соборъ.— Кто рѣшится принять власть въ эту критическую минуту, передъ лицомъ врага? Фридрихъ надѣваетъ на себя личину смиренія и отступаетъ къ Неаполю, но въ 1243 году возвращается и снова опустошаетъ область св. Петра. Десять кардиналовъ избираютъ Целестина IV; но онъ умираетъ еще до посвященія (ноябрь 1241). Въ теченіе девятинадцати мѣсяцевъ папскій престолъ остается вакантнымъ. Наконецъ, въ іюль 1243 г. кардиналы, собравшись въ Ананьи, избираютъ Синибальдо Фіэски, который принимаетъ имя Иннокентія IV. Извѣстное восклицаніе, которое приписываютъ Фридриху: «Я потерялъ друга, потому что папа не можетъ быть гибеллиномъ»,— по всей

вѣроятности вымышлено. Напротивъ, императоръ обнаружилъ радость по поводу избранія Иннокентія IV, котораго называлъ своимъ «старымъ другомъ»; онъ приказалъ отелужить повсюду благодарственные молебны, и въ письмѣ къ нѣмецкимъ князьямъ выражалъ надежду, что повый папа поможетъ ему возстановить миръ. Начались переговоры, продолжавшіеся, хотя и не безъ труда, почти годъ; въ мартѣ 1244 года былъ даже заключенъ миръ; но искреннее соглашеніе было невозможно. Въ іюнѣ Иннокентій IV покинулъ Римъ и бѣжалъ въ свой родной городъ Геную. Въ декабрѣ онъ переѣхалъ въ Лионъ, который номинально принадлежалъ къ имперіи, а фактически былъ совершенно независимъ. Здѣсь онъ созвалъ вселенскій соборъ, который, не опасаясь насилій со стороны Фридриха, могъ рѣшить дѣло императора.

Засѣданія лионскаго собора начались 28 іюня 1245 года въ кафедральномъ храмѣ св. Іоанна. Онъ былъ чрезвычайно многолюденъ; на предварительномъ собраніи присутствовало 140 епископовъ; но нѣмецкихъ епископовъ было мало—потому ли, что Фридрихъ II запретилъ имъ явиться на соборъ, или потому, что папа не пригласилъ ихъ. Латинскіе патріархи Константинополя и Антиохіи и константинопольскій императоръ Балдуинъ II пріѣхали хлопотать по дѣламъ католическаго Востока. Представитель Фридриха, Өаддей Суэскій, заявилъ отъ его имени, что онъ готовъ заключить миръ. Въ качествѣ поручителей онъ указалъ на французскаго и англійскаго королей. Но Иннокентій IV отвергъ его предложеніе: «Сѣкира—у корня», сказалъ онъ. Онъ хотѣлъ положить конецъ комедіи переговоровъ. 17 іюля, въ послѣднемъ засѣданіи собора, Иннокентій IV прочиталъ приговоръ объ отлученіи Фридриха, виновнаго въ клятвенномъ преступленіи, ереси и святотатствѣ. Өаддей Суэскій во время этихъ долгихъ преній добросовѣстно и краснорѣчиво, одинъ противъ всѣхъ, защищалъ дѣло своего господина. Онъ заранѣе объявилъ приговоръ недействительнымъ, такъ какъ соборъ не выждалъ пріѣзда Фридриха и такъ какъ Иннокентій IV являлся и судьей, и стороной. «Дѣнь гнѣва, печали и пагубы!» воскликнулъ онъ, когда приговоръ былъ прочитанъ. Если вѣрнѣ Матвѣю Парижскому, Фридрихъ, бывшій въ это время въ Турніѣ, услышавъ о рѣшеніи собора, пришелъ въ ярость: «Папа на своемъ соборѣ низложилъ меня, лишилъ меня короны. Откуда взялъ онъ такую дерзость?» Онъ велѣлъ принести себѣ свои короны, надѣлъ одну изъ нихъ на голову, всталъ и грозно воскликнулъ: «Я еще не потерялъ своей короны и не поте-

ряю ея безъ кровавыхъ битвъ. Тѣмъ лучше: я былъ еще обязанъ этому человѣку нѣкоторой покорностью и уваженіемъ; теперь я свободенъ отъ всякаго обязательства».

Повсемѣстная война.—Съ этой минуты начинается борьба на жизнь и смерть. Мы не будемъ слѣдить за ея сложными перипетіями и ограничимся только указаніемъ ея общихъ чертъ. Иннокентій IV заявилъ, что не заключить мира ни съ Фридрихомъ, ни съ его сыновьями, «змѣшнымъ отродьемъ», и объявилъ крестовый походъ противъ него. Фридрихъ, въ свою очередь, призывалъ государей на помощь противъ папы. Первымъ изъ королей этого времени былъ Людовикъ Святой: властитель прочно организованнаго государства, онъ съ силою соединялъ нравственный авторитетъ Его дѣдъ, Филиппъ Августъ, былъ союзникомъ Фридриха II противъ Оттона Брауншвейгскаго. Во время борьбы между Григоріемъ IX и императоромъ Людовикъ Св. оставался нейтральнымъ. Когда папа предложилъ императорскую корону Роберту Артуа, Людовикъ Св. не позволилъ своему брату принять ее. Зато въ 1241 году, когда Фридрихъ при Мелоріи взялъ въ плѣнъ французскихъ епископовъ, онъ протестовалъ противъ ихъ ареста, заявивъ, что видитъ въ немъ личное оскорбленіе. «Пусть императоръ», писалъ онъ, «не поддается опьяненію властью и капризу, ибо французское королевство не настолько слабо, чтобы его можно было направлять ударами плети». По просьбѣ императора Людовикъ Св. взялъ на себя роль посредника. Дважды, въ 1245 и 1246 г., онъ видѣлся съ папою въ Ключи, но не добился никакого результата. Будучи по присущему ему духу справедливости и любви въ гораздо большей степени главою христіанства, чѣмъ Иннокентій IV, онъ съ полнымъ правомъ могъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Египеть, урекать его въ томъ, что онъ не умѣетъ прощать и губить дѣло христіанскаго міра на Востокѣ. И въ 1250 году графы Анжу и Пуатье, возвращаясь черезъ Ліонъ, могли обвинять папу въ томъ, что онъ способствовалъ неудачѣ крестоваго похода, употребляя на борьбу съ императоромъ деньги и войска, предназначенныя для священной войны. Они грозили даже изгнать его изъ Ліона и возстановить противъ него Францію.

Въ общемъ помощь, полученная Фридрихомъ отъ Франціи, выразилась только въ дипломатическомъ посредничествѣ. Остальные короли ничего не сдѣлали въ его пользу. Въ Германіи онъ наткнулся на мятежъ; несмотря на всѣ уступки, которыя онъ сдѣлалъ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, многіе изъ нихъ под-

дались увѣщаніямъ папы. Послѣ ліонскаго собора число измѣнившихъ ему стало быстро увеличиваться. 22 мая 1246 года противники Фридриха избрали въ римскіе короли ландграфа тюрингенскаго Генриха Распе. Онъ одержалъ побѣду надъ королемъ Конрадомъ при Франкфуртѣ (1246), но въ слѣдующемъ году умеръ. Тогда былъ избранъ Вильгельмъ голландскій, который и продолжалъ борьбу противъ Гогенштауфеновъ. Однако Конрадъ съумѣлъ удержаться до смерти Фридриха; онъ открыто опирался на союзъ городовъ, которые его отецъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ отдалъ на полный произволъ злымъ князьямъ. Поэтому одинъ изъ историковъ Фридриха II могъ сказать: «Расцвѣтъ городскихъ коммунъ представляетъ собою самый важный результатъ правленія Фридриха II и его сыновей въ Германіи». Дѣйствительно, многія изъ нихъ страстно защищали дѣло императора. «Съ 1246 г. Регенсбургъ становится однимъ изъ центровъ сопротивленія... Ни одинъ человекъ, носившій на платьѣ знакъ крестоваго похода противъ Фридриха II, не долженъ былъ показываться на его улицахъ; тотъ, кто осмѣливался на это, подвергался пыткамъ и казни. Долгое время находясь подъ штердиктомъ, граждане съумѣли обходиться безъ духовенства. Они сами хоронили своихъ мертвыхъ при звукѣ трубъ».

Особеннымъ ожесточеніемъ отличалась война въ Италіи. Здѣсь сосѣдніе города, стоя одни за гвельфовъ, другой за гибеллиновъ, нападаютъ другъ на друга, грабятъ и убиваютъ съ той неукротимой ненавистью, которую воспитали въ нихъ цѣлые вѣка зависти и соперничества. На сѣверѣ побочный сынъ Фридриха II, Энціо, и зять Фридриха, Эццелино Романо, стараются утопить гвельфскую лигу въ крови; другой побочный сынъ императора, Фридрихъ Антиохійскій, дѣйствуетъ противъ нея въ Тосканѣ. Въ 1247 году, въ ту самую минуту, когда Фридрихъ хочетъ двинуться къ Ліону, чтобы овладѣть папою, Парма измѣняетъ гибеллинамъ. Фридрихъ блокируетъ ее и, взбѣшенный ея сопротивленіемъ, твердо рѣшившись не выпускать ее изъ рукъ, основываетъ насупротивъ Пармы новый городъ Витторію. Въ февралѣ 1248 года жители Пармы, сдѣлавъ смѣлую вылазку, нападаютъ на Витторію, поджигаютъ ее и овладѣваютъ казною Фридриха, его короной и гаремомъ. Въ числѣ убитыхъ былъ и вѣрный слуга императора, Таддей Суэскій. Въ своемъ любимомъ сицилійскомъ королевствѣ Фридрихъ съ свирѣпой энергіей преслѣдуетъ легатовъ и монаховъ, которые по порученію папы волнуютъ население и

Манфредомъ, взявъ и разрушилъ возмущившійся Неаполь. Но вскорѣ между обоими братьями начались разногласія, и это спасло папу; а въ маѣ 1254 года Конрадъ умеръ, всего двадцати шести лѣтъ отъ роду. Въ томъ же году умеръ и Иннокентій IV въ Неаполь, въ который вступилъ незадолго передъ тѣмъ, заключивъ договоръ съ Манфредомъ. Во время правленія папы Александра IV (1254—1261), человѣка добродушнаго и мало пригоднаго для борьбы, Манфредъ господствовалъ въ Италіи: онъ возложилъ на себя королевскую корону въ Палермо и привлекъ на свою сторону въ сѣверной Италіи Венецію, Геную и гибеллинскіе города Ломбардіи, Романьи и Тосканы. Приобрѣтя, кромѣ того, большую популярность благодаря своему административному таланту, онъ, казалось, могъ уже разчитывать на побѣду, когда, въ 1261 г., на папскій престолъ вступилъ Урбанъ IV. Французъ по происхожденію, онъ обратился за помощію къ французскому государю, къ мрачному и суровому Карлу Анжуйскому, брату Людовика Св. Карлъ собралъ войско изъ провансальцевъ, брабантцевъ и итальянскихъ гвельфовъ. Несмотря на храбрость своихъ швабовъ, ломбардскихъ и тосканскихъ гибеллиновъ и сарацинъ, Манфредъ былъ разбитъ и убитъ на равнинѣ Гранделла близъ Беневента (26 февраля 1266 г.). Сынъ Конрада IV, пятнадцатилѣтній Конрадинъ, котораго итальянцы называли Коррадино, рѣшилъ отомстить за своего дядю. Въ сопровожденіи друга своего, Фридриха австрійскаго, онъ отправился въ Италію. Въ Пизѣ ему былъ оказанъ великолѣпный пріемъ; въ Римѣ сенаторъ Эприко Кастильскій привѣтствовалъ его, какъ императора. Но 23-го августа 1268 года онъ былъ разбитъ французскими рыцарями при Тальякоццо. Во время своего бѣгства чрезъ римскую область онъ былъ захваченъ однимъ изъ Франджипани, измѣнившимъ дѣлу гибеллиновъ. Выданный Карлу Анжуйскому, Конрадинъ былъ обезглавленъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ австрійскимъ. Въ Италіи его оплакивали гораздо больше, чѣмъ въ Германіи. Благодаря героической смерти Манфреда и молодого Конрадина домъ Гогенштауфеновъ по крайней мѣрѣ палъ со славою.

VІ.—Германія и Италія послѣ борьбы.

Каково было положеніе имперіи, папства и городовъ по окончаніи этой долгой борьбы между наслѣдниками цезарей и наслѣдниками св. Петра, между королевской властью и городами, между Германіей и Италіей?

Упадокъ императорской власти.—Имперія умерла. Мечта о всемірномъ господствѣ, опянявшая самыя крѣпкія головы—Оттона Великаго, Фридриха I,—еще продолжаетъ жить въ больномъ воображеніи немногихъ людей, но уже никому не придется на умъ жертвовать ей собою.

Послѣ смерти анти-императора Вильгельма голландскаго (1256) двѣ партіи продали императорскую корону, одна—графу Ричарду Кориуэльскому, брату англійскаго короля, другая—королю Кастиліи Альфонсу Мудрому; послѣдній никогда и не пріѣзжалъ въ Германію, а Ричардъ лишь на минуту показался въ ней. Когда кончается великое междуцарствіе, политическая система среднихъ вѣковъ оказывается преобразенной. Если императоры, для успокоенія своей совѣсти, и заявляютъ еще притязанія на всемірное владычество, то на практикѣ они остерегаются истощать свои силы на ихъ осуществленіе. Они боятся Италіи, гдѣ потеряли свое могущество столь многіе изъ ихъ предшественниковъ, гдѣ столько нѣмецкихъ армій погубило отъ меча и лихорадки. Они избѣгаютъ вмѣшиваться въ ожесточенную борьбу гибеллинскихъ и гвельфскихъ партій. «Римъ—логовище льва», сказалъ Рудольфъ Габсбургскій; «все слѣды указываютъ на то, что въ него входятъ, но я не вижу слѣдовъ, которые показывали бы, что изъ него и выходятъ». Рѣдко кто рѣшится перейти Альпы.

Ослабленіе папской власти.—Папство, формально одержавшее верхъ, оказывается, однако, значительно ослабленнымъ; уже близится время его испытаній и упадка. Папскіе выборы встрѣчаютъ большія затрудненія: малочисленные и честолюбивые избиратели, подчиняющіеся иноземнымъ вліяніямъ, часто не могутъ придти къ соглашенію. Во второй половинѣ XIII столѣтія папскій престолъ остается вакантнымъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, иногда—годовъ; христіанское общество привыкаетъ обходиться безъ папы, какъ оно обходится безъ императора. Даже въ своей столицѣ—въ Римѣ—папы встрѣчаютъ постоянную оппозицію со стороны своевольной римской коммуны; безпрестанно приходится имъ бѣжать изъ него, скитаться изъ города въ городъ. Въ 1253 году, когда Иннокентій IV, проведя шесть лѣтъ въ Ліонѣ, все еще не рѣшался вернуться въ Римъ, глава общины, сенаторъ Бранкалеоне ди Андало, союзникъ Магфреда, отъ имени римскаго народа потребовалъ, чтобы онъ вернулся; папа «дрожа» возвратился въ Римъ, но вскорѣ опять покинулъ его и поселился въ Авапни. Немного лѣтъ спустя Римъ является средоточіемъ союза,

направленнаго противъ папы и Карла Анжуйскаго и дружественнаго Конрадину; мы видѣли, что послѣдній встрѣтилъ тамъ блестящій пріемъ. Затѣмъ въ Римѣ властвуетъ Карлъ Анжуйскій съ титуломъ сенатора. Такимъ образомъ, папы, лишившись своей столицы, становятся чужды ей. Александръ IV (1254—1261) ни разу не показывается въ ней. Климентъ IV (1265—1268) дѣлаетъ своей резиденціей Перуджію. Тотъ же муниципальный духъ развивается и во многихъ другихъ городахъ области св. Петра: они или враждебны папѣ, или заключаютъ съ нимъ договоры, какъ держава съ державою. Въ концѣ концовъ папство, лишившись всѣхъ своихъ владѣній, должно терпѣть всю горечь изгнанія, всѣ униженія «вавилонскаго плѣна».

Далѣе, оно сильно поколебало свой правственный авторитетъ въ христіанскомъ обществѣ: та непримиримая ненависть, которую обнаружили папы въ своей борьбѣ противъ имперіи, беспокоитъ и оскорбляетъ даже благочестивыхъ людей; политическія притязанія папства тревожатъ государей и магнатовъ; его жадность въ отношеніи доходовъ раздражаетъ народъ. Одинъ изъ лѣтописцевъ, который часто является выразителемъ этихъ враждебныхъ чувствъ, Матвѣй Парижскій, рассказываетъ, что послѣ смерти Иннокентія IV его преемникъ Александръ IV видѣлъ во снѣ творящаго судъ Христа и близъ него—женщину, олицетворяющую церковь, а передъ нимъ умершій папа, простершись ницъ, умолялъ о прощеніи за свои грѣхи. Обвиненный въ томъ, что разорилъ церковь, онъ былъ осужденъ Христомъ, который сказалъ ему: «Ступай получить возмездіе за твои дѣла». Въ Англіи общественное мнѣніе высказывается противъ Генриха III, который не смѣетъ дать отпоръ римской куріи: на самомъ ліонскомъ соборѣ англичане протестуютъ противъ алчности легатовъ. Во Франціи Людовикъ Св. внушаетъ Иннокентію IV правила христіанской любви; съ другой стороны, герцоги, графы и бароны составляютъ лиги для борьбы съ жадностью куріи,—лиги, манифесты которыхъ дошли до насъ. Притомъ, вѣра среднихъ вѣковъ въ принципъ единства, какъ въ необходимое условіе управленія христіанскимъ обществомъ, начинаетъ исчезать. Въ предшествующіе вѣка на первомъ планѣ исторіи дѣйствуютъ только двѣ силы: папство и имперія; остальные христіанскія государства стоятъ какъ бы въ тѣни, предоставлены самимъ себѣ; многія изъ нихъ совершаютъ медленную работу своего внутренняго созиданія и накапливаютъ силы, въ то время какъ папство и

имперія изнуряють себя. Наоборотъ, въ концѣ XII и въ XIII вѣкѣ французскій и англійскій короли являются въ блескѣ могущества, и тѣ государства, которыя выработали свою самобытность, встаютъ противъ всякаго верховенства, отвергають всё притязанія на всемірное владычество, къѣмъ бы они ни предъявлялись. Съ того дня, какъ начинается упадокъ имперіи, они еще съ болышей подозрительностью смотрятъ на папство. Они готовятся вступить въ борьбу съ нимъ: Филиппъ Красивый отомститъ Бонифацію VIII за пораженіе Фридриха II.

Наконецъ, внутри самой церкви ¹⁾ нго римской куріи вызываетъ съ каждымъ днемъ все болышее недовольство. Ей ставятъ въ укоръ ся безпрестанное вмѣшательство, ея честолюбіе и алчность. Даже тѣ люди, которые были самыми пылкими ея воинами въ борьбѣ противъ императора,—нищенствующіе монахи францисканскаго ордена—становятся ея врагами, обвиняють ее въ томъ, что она губить церковь, и требуютъ реформы послѣдней.

Анархія въ Германіи.—Послѣдствіи борьбы тяжело отозвались на народахъ, вовлеченныхъ въ нее обѣими соперничавшими силами. Мы видѣли, какъ Германія изъ государства мало-по-малу превращается въ федерацію независимыхъ княжествъ. Въ XIV вѣкѣ нѣкоторымъ значеніемъ пользуются еще только тѣ изъ нѣмецкихъ государей, которые располагають болѣе или менѣе крупными наслѣдственными землями. Духъ независимости проникаетъ всюду. Древніи королевства Арль, Бургундія, Лотарингія отпадаютъ отъ имперіи; авторитетъ императорской власти, который всегда былъ слабъ въ этихъ областяхъ, теперь все болѣе вытѣсняется вліяніемъ французскаго короля. Въ Германіи высшіе сеньеры, *domini terrae*, пользуются полною независимостью, и наиболѣе крупные изъ нихъ образуютъ избирательную коллегію, которая все болѣе суживается; болышіе города превращаются въ настоящія республики. Въ послѣдніе годы царствованія Фридриха II, оставаясь въ общемъ вѣрны послѣднему, они однако не были склонны идти за нимъ до конца: въ 1250 году граждане Брейзаха заявляютъ, что «въ томъ случаѣ, если свѣтлѣйшій императоръ Фридрихъ будетъ униженъ до такой степени, что города, съ которыми они заключили союзъ, рѣшатся покинуть его и избрать другого государя вмѣсто него и его сына Конрада», то они, жители Брейзаха, не признають своимъ господиномъ никого другого, кромѣ базельскаго епископа. Города заключаютъ

¹⁾ См. слѣд. главу.

союзы между собою: въ 1255 году великая рейнская лига, возникшая при Фридрихѣ II, насчитывала 70 членовъ—городовъ и князей. Итакъ, Германія лишена всякаго единства; выраженіе «les Allemagnes», употребляемое иногда французскими лѣтописцами для обозначенія этой страны, вѣрно характеризуетъ ея положеніе.

Авархія въ Италіи.—Въ Италіи дробленіе еще глубже и значительнѣе. Въ городахъ, раздираемыхъ партійной борьбою, продолжаетъ жить партія, тоскующая по императорѣ и громко призывающая его, какъ миротворца по преимуществу, какъ представителя единства и порядка. Въ «Божественной Комедіи» и въ «De Monarchia» Данте обезсмертилъ пламенные надежды этихъ гибеллиновъ, которые не въ силахъ разстаться съ мечтою объ имперіи:

Vieni a veder la tua Roma che piagne,
Vedova et sola, e di e notte chiama:
Cesare mio, perchè non m'accompagne¹⁾?

Но если кто-нибудь изъ римскихъ королей, какъ прямодушный и рыцарственный Генрихъ VII люксембургскій, отваживается перейти Альпы и вступить въ «логовище льва»,—вокругъ него тотчасъ вспыхиваютъ мятежи и волненія.

Муниципальная Италія восторжествовала надъ ненавистью Гогенштауфеновъ, но она и во время борьбы была лишена единства, а послѣ побѣды тѣ лиги, которыя отстояли ея независимость, одна за другой распадаются. Война является нормальнымъ состояніемъ; каждый городъ находится въ ожесточенный борьбѣ со своимъ сосѣдомъ, жаждетъ его гибели и нападаетъ на него при малѣйшемъ поводѣ. Такъ напримѣръ, въ 1220 году споръ изъ-за собаки, происшедшій въ Римѣ между флорентинскимъ и пизанскимъ посланниками, становится причиною войны. Соперники борются и на итальянской почвѣ, и въ Италіи; Пиза, Генуя, Венеція воюютъ другъ съ другомъ въ Св. землѣ, въ Константинополѣ, на морѣ, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ встрѣтятся. Вновь возникающія лиги направлены не противъ чужеземцевъ, а противъ городовъ-соперниковъ. Ненависть руководитъ политикой; если одинъ городъ стоитъ за императора, то его соперникъ становится на сторону палы: если Флоренція за гвельфовъ, то Пиза—за гибеллиновъ. Вслѣд-

1) „Приди взглянуть на твой Римъ, который, какъ одинокая вдова, плачетъ и восклицаетъ день и ночь: зачѣмъ ты покинулъ меня, мой цезарь?“

стве 'этой закоренѣлой, ожесточенной злобы, побѣды сопровождаются невѣроятными жестокостями: когда Генрихъ VI выдалъ Тиволи римлянамъ, послѣдніе перебили и изувѣчили жителей и разрушили городъ. Еще болѣшимъ ожесточеніемъ отличаются внутренніе раздоры. «О порабоженная Италия», восклицаетъ Данте,—«обитель скорби, судно безъ кормчаго среди бури, уже не царица, а непотребный домъ народовъ... Твои обитатели теперь не могутъ жить безъ войны,—теперь грызутся тѣ, которые окружены одной и той же стѣною и однимъ и тѣмъ же рвомъ». Многія причины вызываютъ вражду партій. Старыя аристократическія фамиліи, которыя буржуазія—чтобы удобнѣе наблюдать за ними—принудила во многихъ городахъ жить внутри стѣнъ, вмѣшиваются въ политическую жизнь, нерѣдко захватываютъ въ свои руки власть и управляютъ подъ прикрытіемъ учреждений, созданныхъ въ оппозицію имъ. Въ Миланѣ въ концѣ XII вѣка они организуютъ такъ наз. *Crederenza dei Consoli* и захватываютъ всѣ муниципальныя должности; изгнанные въ 1221 г., они удаляются въ свои замки, основываютъ лигу Сан-Фаусто и вступаютъ въ борьбу со своими согражданами. Точно такъ же поступаютъ и знатные Пиаченцы, будучи изгнаны въ 1218 г. Такимъ образомъ, внѣ или внутри городовъ, они не перестаютъ быть опасными. Иногда крупная буржуазія вступаетъ въ союзъ съ ними, потому что внутренніе раздоры все болѣе и болѣе получаютъ соціальный характеръ. Ремесленники, низшій классъ населенія, *arti minori, popolo minuto*, настойчиво домогаются доступа къ муниципальному управленію, захваченному высшей буржуазіей, *arti maggiori, popolo grasso*. Именно таковы тѣ партіи, которыя борются другъ съ другомъ подъ именами гвельфовъ и гибеллиновъ; гибеллинскою является обыкновенно партія знати, высшей буржуазіи, гвельфскою—демократическая. Гибеллины или гвельфы одного города безъ стѣсненія вступаютъ въ союзъ съ гибеллинами или гвельфами враждебнаго города и воюютъ противъ своего отечества; въ битвѣ при Монтаперти (1260) флорентинскіе гибеллины сражаются въ рядахъ сиенцевъ; однако, когда побѣдители выразили желаніе разрушить Флоренцію и превратить ее въ рядъ открытыхъ поселковъ, флорентинецъ Форината дельи Уберти всталъ и заявилъ, что будетъ защищать свою родину до послѣдней капли крови. Внутри города партія иногда обращается въ регулярное правительство. Въ 1266 году флорентинскіе гвельфы, одержавъ верхъ, даютъ себѣ правильную политическую организацію: у нихъ есть и совѣты, и

выборные начальники, *Capitani della parte guelfa*; это— особое государство, стоящее рядомъ съ муниципальнымъ правительствомъ и, благодаря своему единству, господствующее надъ нимъ. Такимъ образомъ, каждый городъ представляетъ собою какъ бы поле битвы, на которомъ лицомъ къ лицу стоятъ двѣ враждебныя арміи, ежеминутно готовые броситься другъ на друга; города наполняются баннями, замки могущественныхъ фамилій обращаются въ мрачныя крѣпости; никто не выходитъ изъ дому безъ оружія. Какая бы изъ обѣихъ партій ни восторжествовала, она немедленно устраняетъ своихъ враговъ отъ муниципальнаго управленія, конфискуетъ ихъ имущество, изгоняетъ ихъ, объявляетъ внѣ закона или избиваетъ.

Но уже начинаютъ обнаруживаться признаки той революціи, которая эпоху муниципальной Италіи замѣнитъ эпохою княжествъ или тираній. Уже во время итальянскихъ войнъ Фридриха II знатныя лица, въ родѣ Эццелино Романо или Аццо д'Эсте, во многихъ мѣстахъ налагаютъ руку на городское управленіе. Каждой партіи нуженъ ловкій, энергичный вождь; знать выбираетъ себѣ вождя изъ своей среды, и противная партія также перѣдко избираетъ какого-нибудь честолюбиваго аристократа, который порвалъ со своимъ сословіемъ. Интересы партій сливаются съ интересами ея вождя, и борьба партій вскорѣ превращается въ борьбу двухъ могущественныхъ фамилій; такъ, въ Миланѣ Торріани борются съ Висконти, въ Болоньѣ—Ламбертацци съ Джеремеями, и т. д. Одержавъ верхъ, партія отдаетъ всю власть въ руки своего вождя: въ 1208 году народъ въ Феррарѣ избираетъ своимъ безсмысленнымъ сеніоромъ съ неограниченной властью маркиза Аццо д'Эсте. Существованіе подеста, замѣщаемаго теперь городами, благопріятствуетъ этимъ переворотамъ. Вскорѣ Данте будетъ писать: «Италія полна тирановъ, каждый крестьянинъ представляетъ собою партію и въ каждомъ сидитъ Марцеллъ».

Таково политическое состояніе муниципальной Италіи въ серединѣ XIII вѣка; но, несмотря на всѣ раздоры и войны, индивидуальная энергія, еще возбуждаемая этой жизнью, полной непрерывныхъ тревогъ и битвъ, приноситъ обильный плодъ. Флорентинскіе суконщики распространяютъ по всему свѣту свои узорныя ткани; флорентинскіе банкиры основываютъ конторы на всемъ пространствѣ отъ Англіи до дальняго Востока, ссужаютъ деньгами папъ и государей и, благодаря своей финансовой опытности, благодаря своему кредиту, приобрѣтаютъ вліяніе на внутреннее упра-

вленіе государствъ. Венеція сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ почти всю торговлю Востока съ Западомъ. Уже начинается Возрожденіе: во Флоренціи мы находимъ большое количество поэтовъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ Лапо дельи Уберти, Гвидо Кавальканти, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и выдающимися дѣятелями, вождями партій. Въ 1265 г. рождается Данте. Въ области искусства Николай Пизанскій, работавшій для Фридриха II, путемъ изученія римскихъ барельефовъ обновляетъ скульптуру. Въ концѣ вѣка флорентинецъ Джотто снова возвращаетъ живопись къ изученію природы, тогда какъ Арольфо дель Камбіо начинаетъ постройку дворца Сеньерин, церкви Santa-Maria del Fiore и Santa-Croce.

Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть, смерть Фридриха II и гибель Гогенштауфеновъ обозначаютъ конецъ средневѣковой эпохи, начавшейся съ Карла Великаго. Посредствомъ ряда послѣдовательныхъ измѣненій, которыя можно прослѣдить какъ въ политической исторіи, такъ и въ исторіи идей и искусствъ, за время борьбы между папствомъ и имперіей въ Италіи и Германіи, во Франціи и въ Англии формируется новое общество, обнаруживающее своеобразный складъ ума и выступающее на сцену съ оригинальной фізіономіей.

Легенда о Фридрихѣ II.— Однако, послѣдующія поколѣнія еще долго сохраняли память о томъ, кто такъ энергично боролся съ папствомъ. Многіе изъ его современниковъ даже не могли повѣрить его смерти. Его враги—францисканцы, основываясь на пророчествахъ Іоакима дель Фіоре, считали его Антихристомъ и предсказывали, что онъ снова явится, чтобы причинить еще больше зла церкви. Въ 1259 году, въ южной Италіи, одинъ отшельникъ, походившій на Фридриха, сталъ выдавать себя за него, собралъ кучку приверженцевъ и былъ признанъ «враждебными Манфреду баронами Сициліи и Апуліи. Манфредъ захватилъ его и казнилъ. Если память о Фридрихѣ и послѣ этого продолжаетъ жить въ Италіи, если, напримѣръ, Данте много разъ говоритъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, то вѣра въ его возвращеніе болѣе не возникаетъ. Но въ Германіи народное преданіе упорно хранитъ эту вѣру. Въ послѣдніе годы его царствованія швабскіе доминиканцы, отчасти подъ вліяніемъ іоакимитскихъ идей, въ свою очередь признали Антихристомъ Иннокентія IV и заявляли, что Фридрихъ и его сынъ—«совершенные», «справедные», что императоръ является защитникомъ и преобразователемъ церкви, *principalis defensor Ecclesiae*. Крушеніе Фридриха разбило ихъ

надежды, но не остановило работы их апокалиптического воображения. Они предсказывали, что онъ вернется завершить свой трудъ. Въ 1283 году въ Кельнѣ явился лже-Фридрихъ, Тиль Колоупъ или Дитрихъ Гольцшу. Итальянскій францисканецъ Салмбене изображаетъ его окруженнымъ большой толпой нѣмцевъ, которыхъ онъ щедро одаряетъ; даже ломбардскіе города посылаютъ гонцовъ въ Германію, чтобы собрать точныя свѣдѣнія о немъ. Но и послѣ того, какъ онъ, осужденный за колдовство, былъ сожженъ въ Майнцѣ въ присутствіи Рудольфа Габсбургскаго, и прахъ его разсѣянъ, народъ все еще не хотѣлъ вѣрить въ смерть Фридриха: онъ вернется, прогонитъ поповъ и освободитъ Германію отъ церковной тираніи. Новый самозванецъ, появившійся, спустя короткое время, въ Любекѣ, также былъ признанъ простонародьемъ. Легенда растетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и становится выраженіемъ чаяній нѣмецкаго народа: Фридрихъ возстановитъ миръ, завоюетъ св. Гробъ. Въ 1348 г. Иоаннъ Винтертурскій пишетъ, что распространяется увѣренность въ томъ, будто онъ явится во главѣ могущественной арміи, чтобы все преобразовать,— и, какъ францисканецъ, онъ считаетъ необходимымъ опровергнуть ожиданія тѣхъ, которые вѣрятъ въ Фридриха, какъ евреи въ своего Мессію. По однимъ извѣстіямъ, онъ исчезъ однажды во время охоты и живетъ со своими слугами за моремъ. Другіе— особенно писатели XV вѣка—сообщаютъ, что онъ живетъ въ Киффгейзерѣ въ Тюрингіи, въ пещерѣ или въ развалинахъ замка; онъ сидитъ передъ столомъ, вокругъ котораго нѣсколько разъ обросла его борода. Еще въ 1537 году, въ царствованіе Карла V, появилась поэма, предрекавшая его возвращеніе ¹⁾.

---

¹⁾ Впервые легенда Фридриха II была перелесена на Фридриха I въ 1519 г., въ *Volksbüchlein von Kaiser Friedrich*; эта же ошибка встрѣчается и въ *Alectryomantia* Иоанна П; еторіуса, изд. въ 1681 г., но окончательно она входитъ въ употребленіе благодаря балладѣ Рюккерта, изданной въ 1813 году. О происхожденіи и исторіи этихъ легендъ см. Ersch und Gruber, *Encyklopaedie*, ст. *Friederiche*, и повѣйшія изслѣдованія: Voelter, *Die deutsche Kaisersage* (*Historische Zeitschrift* Зибеля, 1871); Brosch, *Die Friedrichssage der Italiener*, тамъ же 1876; Voelter, *Die Secte von Schwäbisch-Hall und der Ursprung der deutschen Kaisersage* (*Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 1881); Schroeder, *Die deutsche Kaisersage*, 1891; здѣсь мы вкратцѣ изложили результаты послѣдняго изъ названныхъ изслѣдованій.

Г л а в а V.

Церковь и папская власть отъ Григорія VII до Бонифація VIII.

(1073—1294).

Тѣ два вѣка, которые отдѣляютъ восшествіе на престолъ Григорія VII отъ восшествія на престолъ Бонифація VIII (1073—1294), составляютъ самый блестящій періодъ въ исторіи церкви. Эта эпоха отмѣчена не только распреемъ изъ-за инвеституръ и великимъ движеніемъ крестовыхъ походовъ; это также эпоха реформы блага духовенства и развитія монашескихъ орденовъ, эпоха наибольшаго развитія церковной юрисдикціи и официальной кодификаціи церковнаго права, эпоха борьбы съ грозными ересями среднихъ вѣковъ и, наконецъ, эпоха окончательнаго упроченія папской власти. Мы видимъ здѣсь четыре ряда явленій, въ которыхъ съ возрастающей силою обнаруживается жизненность католической церкви и которая требуютъ отдѣльнаго изученія.

I. — Реформа блага духовенства и развитіе монашескихъ орденовъ.

Брагъ священниковъ и симонія.— Въ концѣ XI вѣка, въ то время, когда монахъ Гильдебрандъ готовился взойти на папскій престолъ и прославить имя Григорія VII, благае духовенство Европы находилось въ плачевномъ положеніи. Подъ вліяніемъ феодальной анархіи и частаго вторженія свѣтскихъ лицъ въ церковное управленіе, благае духовенство усвоило нравы того общества, съ которымъ оно находилось въ сопркосновеніи, и

имъ овладѣлъ глубокой развратъ. Эта деморализація обнаруживалась особенно въ презрѣнн къ двумъ главнымъ добродѣтелямъ духовныхъ лицъ: цѣломудрію и безкорыстію. Бракъ священниковъ и симонія, т. е. торговля священными предметами, — таковы были, не считая свѣтскихъ инвеституръ, тѣ раны, исцѣленіе которыхъ поставилъ своей задачей Григорій VII съ самаго своего вступленія на папскій престолъ.

Бракъ священниковъ, столько разъ запрещенный соборами, сдѣлался въ XI вѣкѣ общераспространеннымъ явленіемъ ¹⁾. Если бы эти нравы укоренились, духовенству грозила опасность сдѣлаться замкнутой кастой, своего рода наследственной аристократіей.

Этотъ порядокъ вещей вызывалъ уже до Григорія VII какъ жалобы со стороны епископовъ, оставшихся вѣрными принципу безбрачія, такъ и попытки реформъ со стороны папъ, напимѣръ Климента II, Льва IX, Николая II и Александра II; но несмотря на поддержку, которую оказывали этимъ попыткамъ черное духовенство и даже нѣкоторыя народныя сообщества въ родѣ миланской Патаріи, онѣ въ общемъ остались безуспѣшными. Болѣе энергичную попытку въ этомъ направленіи сдѣлать, тотчасъ послѣ своего избранія, Григорій VII. На синодѣ, засѣдавшемъ въ Римѣ въ 1074 году, онъ возобновилъ декреты своихъ предшественниковъ, отрѣшилъ отъ должности невоздержныхъ клириковъ и предложилъ народу прервать всякія сношенія съ ними. Эта рѣзкая мѣра возбудила противъ Григорія VII сильную оппозицію ²⁾; парижскій (1074) и винчестерскій (1076) соборы отказались повиноваться. Но толчекъ былъ данъ; папы и соборы уже не останутся прежде, чѣмъ одержать побѣду.

Въ 1089 году Урбанъ II завершилъ реформу Григорія VII, издавъ на соборѣ въ Мельфи указъ, которымъ опредѣлялись наказанія для высшихъ духовныхъ лицъ и ихъ женъ; съ этихъ поръ папа, повидимому, считаетъ бракъ духовныхъ лицъ недѣйствительнымъ. Этотъ порядокъ былъ окончательно упроченъ на второмъ вселенскомъ соборѣ въ Латеранѣ (1139), который категорически постановилъ, что союзъ, заключенный священникомъ, діакономъ или иподиакономъ съ женщиной, не составляетъ брака (*matrimonium non esse censemus*); другими словами,

¹⁾ См. выше, стр. 76.

²⁾ См. выше, стр. 77—78.

званіе священника, діакона и іподіакона является условіемъ, уничтожающимъ бракъ. Сопротивленіе и на этотъ разъ было очень сильно; духовенство Польши, Силезіи и Моравіи подчинилось лишь въ XII-омъ вѣкѣ, духовенство Швеціи, Далии и Венгріи— только въ XIII-омъ. Но въ тѣхъ странахъ, гдѣ христіанство было древнѣе, постановленія латеранскаго собора были скорѣе приняты (пизанскій соборъ 1135, и реймскій 1148 г.). Что касается пизага духовенства, то заключаемые имъ браки продолжали считаться законными; но декретами XIII-го вѣка установили, что женатые клирики теряютъ все свои бенефиціи; а второй вселенскій соборъ въ Лионѣ (1274) лишилъ, кромѣ того, «всякой духовной привилегіи» клириковъ-двоеженцевъ, т. е. тѣхъ, которые вступили въ бракъ не *cum unica et virgine* (не съ одною и при томъ не съ дѣвушкой).—Эти разнообразныя мѣры достигли дѣли, и энергія папъ въ концѣ-концовъ восторжествовала надъ невоздержностью духовенства.

Она восторжествовала также надъ симоніей, которая въ XI-омъ вѣкѣ господствуетъ на всѣхъ ступеняхъ церковной іерархіи. Кандидатъ въ епископы покупаетъ голоса своихъ избирателей за деньги или склоняетъ ихъ на свою сторону обѣщаніемъ услугъ. Собственникъ бенефиціи отдаетъ ихъ тому, кто больше заплатитъ. Церкви, бенефиціи, духовныя должности, рукоположенія—все покупается и продается, все становится предметомъ промысла и наживы. Такой порядокъ вещей неминуемо долженъ былъ вызвать реакцію. Она начинается обнаруживаться на соборахъ въ Буржѣ и Лиможѣ въ 1031 г.; понятно, что она не могла исходить ни отъ епископства, ни отъ блага духовенства, развращенныхъ свѣтскими интересами и симоніей. Протестъ противъ симоніи исходилъ отъ монаховъ, особенно клюнійскихъ, а первыя рѣшительныя мѣры противъ нея принялъ Левъ IX на реймскомъ соборѣ 1049 г. Съ этихъ поръ постановленія соборовъ и папскіе декреты безпрестанно нападаютъ на торговлю духовными мѣстами, карая всякаго клирика, уличеннаго въ симоніи, и наконецъ, при Григоріи VII и Урбанѣ II, образуютъ полное законодательство по этому предмету. Реймскій соборъ ограничился постановленіемъ, въ силу котораго всякій, кто продастъ или купитъ рукоположеніе, лишается своего званія; но вскорѣ затѣмъ руанскій (1050), тулузскій (1056) и турскій (1060) соборы и римскій синодъ 1060 года выработали болѣе детальныя правила, которыя были утверждены Григоріемъ VII на двухъ римскихъ соборахъ 1074 и 1075 гг. и отчасти

кодифицированы на соборѣ въ Пьяченцѣ 1095 г. По смыслу этихъ постановленій симонистомъ долженъ считаться всякій, кто добился рукоположенія въ духовный санъ или приобрѣлъ бенефиціи путемъ обѣщанія денегъ или услугъ, хотя бы оно было сдѣлано и третьимъ лицомъ,—всякій, кто на этихъ условіяхъ пожаловалъ санъ или достоинство, и наконецъ, всякій, кто служилъ посредникомъ (*mediator*) въ такомъ дѣлѣ; духовныя лица подлежали низложенію, свѣтскія—отлученію отъ церкви. Въ видѣ исключенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда продажа или покупка церковной должности была совершена третьимъ лицомъ и клирикъ воспользовался ею по незнанію, онъ могъ сохранить свое званіе.

Эти постановленія позволили Григорію VII приступить къ очищенію епископства. Онъ взялся за дѣло съ большой энергіей. Во Франціи ¹⁾ его легаты, и между ними особенно Гуго de-Die, такъ усердно преслѣдовали епископовъ-симонистовъ, что менѣе, чѣмъ въ 4 года, было низложено большинство епископовъ реймской и савенской провинцій и множество епископовъ Юга. Для этой надобности обыкновенная процедура была упрощена и измѣнена; такъ напримѣръ, вопреки общимъ принципамъ, о случаяхъ симоніи могъ доносить всякій, и, къ несчастію, ложные доносы не были рѣдкостью. Нѣкоторые епископы жаловались на это, но легатовъ это не останавливало. Притомъ, въ дѣлѣ реформы ихъ поддерживало общественное мнѣніе; народъ не хотѣлъ имѣть ни женатыхъ священниковъ, ни епископовъ-симонистовъ. Послѣднимъ иногда оказывали помощь и покровительство императоры, короли и крупныя феодальныя сеньеры, но никогда они не встрѣчали поддержки со стороны прихожанъ своей епархіи, которые иногда сами брались приводить въ исполненіе приговоры о низложеніи (Реймсъ, 1080; Терауанъ, 1082).

Епископскіе выборы.— Борьба противъ симоніи и шедшая параллельно съ нею борьба противъ свѣтскихъ инвествитуръ заставили папъ заняться епископскими выборами.

Въ этой области также была необходима реформа, и она была произведена. До сихъ поръ избраніе духовенствомъ и населеніемъ епископскаго города считалось единственной канонической формой замѣщенія епископскихъ кафедръ. Но если такова была теорія, то на практикѣ дѣло стояло совершенно иначе. Очень часто король, императоръ или какой-нибудь крупный феодальный

¹⁾ См. выше, стр. 90—91.

сеньеръ собственной властью назначалъ епископовъ въ тѣхъ епаріяхъ, которыя входили въ составъ его владѣній, или же, хотя и допускалъ производство выборовъ, но искажалъ ихъ въ самомъ принципѣ, заранѣе указывая или исключая того или другого кандидата. Такой порядокъ вещей, въ связи съ симоніей и инвеститурой, подготавливалъ порабощеніе церкви. Немногіе епископы, сохранявшіе еще чувство своей независимости и убѣжденные въ ея необходимости, требовали, чтобы духовенству и народу была предоставлена свобода въ выборѣ ихъ пастырей, и настаивали на возвращеніи къ канонической формѣ выборовъ. Пока сами папы утверждались въ своемъ санѣ императоромъ, эти требованія были неосуществимы. Но съ той минуты, когда папы освобождаются отъ этой зависимости, они стараются возстановить для епископства какъ каноническія условія избираемости, такъ и выборную систему.

Урбанъ II сначала запрещаетъ избирать въ епископы духовныхъ лицъ, не получившихъ по крайней мѣрѣ одной изъ высшихъ степеней: священства, діаконства или иподіаконства (бенеventскій соборъ 1091 г., клермонскій 1095 г.); даже избраніе иподіаконовъ подчинено извѣстнымъ ограниченіямъ. Кромѣ того, теорія промежуточныхъ и теорія неправильностей исправлены и точнѣе опредѣлены. Производства *res saltum* (скачкомъ) воспрещены. Чтобы достигнуть высшихъ степеней, надо прежде пройти низшія; иподіаконство становится необходимой ступенью для достиженія діаконства и священства, а епископство становится тѣмъ, чѣмъ оно осталось и до нашего времени,—высшей ступенью духовной іерархіи. Кромѣ того, отъ одного рукоположенія до другого долженъ пройти извѣстный періодъ времени. Съ другой стороны, отъ духовнаго званія отстраняются—за исключеніемъ случаевъ спеціальнаго разрѣшенія, которое въ принципѣ можетъ быть дано только папою,—все тѣ, которые не удовлетворяютъ извѣстнымъ условіямъ въ смыслѣ возраста, тѣлеснаго сложенія, образованія, нравственныхъ свойствъ и наконецъ происхожденія. Чтобы успѣшнѣе бороться съ браками духовныхъ лицъ, Григорій VII усиливаетъ строгость законовъ, которыми опредѣляется положеніе дѣтей, рожденныхъ отъ незаконнаго союза. Незаконорожденные и дѣти священниковъ не имѣютъ доступа къ духовнымъ званіямъ, развѣ получаютъ на то особое разрѣшеніе; но и въ послѣднемъ случаѣ они должны пройти предварительно чрезъ монастырь или капитулъ. Вопросъ о пригодности избраннаго, предоставлявшійся прежде на усмотрѣніе архіепископа, те-

перъ въ большинствѣ случаевъ рѣшается паною, либо лично, либо чрезъ легатовъ. Обыкновенно палѣ предоставляется и выборъ между двумя соискателями. Онъ присвоиваетъ себѣ до извѣстной степени общій надзоръ надъ избраніемъ епископовъ, притомъ гораздо болѣе дѣйствительный, чѣмъ прежде. Въ какой мѣрѣ и какими средствами была произведена эта реформа, мы увидимъ ниже. Теперь достаточно указать лишь на то, что въ теченіе всего XII-го вѣка выборы производились въ общемъ согласно съ каноническими правилами, хотя послѣднія время отъ времени нарушались насильственнымъ вмѣшательствомъ свѣтской власти.

Но въ то самое время, когда избирательный принципъ такимъ образомъ вновь одержалъ верхъ, въ составѣ того собранія, на обязанности котораго лежало избраніе епископовъ, подготавливалось важное измѣненіе. При Пасхалии II (1099—1118) старый составъ его остался неизмѣннымъ. Въ него входятъ всѣ прежніе избиратели: епископы, главнымъ образомъ данной провинціи; аббаты, обыкновенно тѣхъ аббатствъ, которыя находятся въ данной епархіи; клирики, и на первомъ планѣ архидіаконы, протоиерен, клирики соборной церкви; нѣкоторыя свѣтскія лица, именно вассалы епископа, делегаты короля или высшаго леннаго владѣтеля страны; наконецъ и главнымъ образомъ, каноники, составляющіе кафедральный капитулъ. Эти послѣдніе созываютъ прочихъ избирателей, руководятъ выборами и первые подають голоса; вслѣдствіе этого ихъ вліяніе, несмотря на оппозицію монаховъ, а иногда и народа, оказывается преобладающимъ. Въ промежутокъ времени отъ вормесскаго конкордата (1122) до четвертаго латеранскаго собора (1215) это вліяніе становится исключительнымъ: вслѣдствіе постепеннаго устранения остальныхъ избирателей, избраніе епископовъ незамѣтно переходитъ въ руки канониковъ. Свѣтскій элементъ исчезъ первымъ и безъ большого сопротивленія. Труднѣе было изгнать монашескій элементъ. Въ 1139 г. Иннокентій II объявилъ, что слѣдуетъ привлекать къ *consilium viros religiosos* подъ страхомъ недѣйствительности избранія. Но каноники, основываясь на ничтожномъ различіи между *consilium* (простой совѣтъ, мнѣніе) и *electio* (право выбора), заявили, что они одни имѣютъ право голоса. Эта теорія была направлена къ тому, чтобы устранить изъ избирательнаго собранія и остальныхъ духовныхъ лицъ. Чтобы сохранить свое вліяніе, монахи, архидіаконы и даже сельскіе архіерен стараются войти въ капитулы. Въ концѣ XII-го вѣка извѣстныя каноникальныя

пребены очень часто предоставляются монахамъ или архіереямъ, и съ другой стороны званіе великаго архидіакона становится капитульскимъ достоинствомъ. Благодаря этой системѣ, капитуль оказывается состоящимъ почти изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и старое избирательное собраніе; теперь уже не трудно было признать, что капитуль является представителемъ этого собранія, и въ концѣ-концовъ замѣнить имъ послѣднее. Въ 1215 году четвертый вселенскій соборъ въ Латеранѣ (канонъ 24-ый) призналъ за каѳедральными капитулами исключительное право назначать епископовъ.

Такимъ образомъ, значеніе капитула увеличилось, и въ XIII вѣкѣ онъ иногда соперничаетъ съ епископомъ въ управленіи епархіей.

Каѳедральные капитулы и архидіаконы.— Тѣмъ не менѣе, епископство остается высшей ступеню церковной іерархіи; съ духовной точки зрѣнія епископъ, подъ верховенствомъ папы, всегда остается главою своей епархіи. Онъ является здѣсь одновременно и первосвященникомъ, и законодателемъ, и администраторомъ, и судьей. Какъ первосвященникъ, онъ пользуется правами, полученными имъ при посвященіи и принадлежащими ему одному. Но въ другихъ отношеніяхъ авторитетъ епископовъ довольно тѣсно ограниченъ властью ихъ капитуловъ и независимостью ихъ главныхъ помощниковъ, архидіаконовъ. И тѣ, и другіе въ XIII вѣкѣ достигаютъ высшей точки своего могущества.

Въ эту эпоху большинство капитуловъ давно отказалось отъ совмѣстной жизни, которая была имъ предписана реформою Хродеганда (760). Они раздѣлили имущество капитула на пребенды, предоставляемыя или каноникамъ, часто подъ условіемъ дворянскаго происхожденія, или другимъ духовнымъ, капелланамъ или викаріямъ, которые, не имѣя кресла на клиросѣ и голоса въ капитулѣ, помогали каноникамъ, а иногда и замѣщали ихъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Эти клирики, вмѣстѣ съ церковными старостами, судейскими чиновниками и другими «помощниками», составляли многочисленный персоналъ, находившійся въ прямой зависимости отъ канониковъ и наполнявшій монастырь собора. Капитуль и его подчиненные стояли подъ властью должностныхъ лицъ, носившихъ въ разныхъ мѣстахъ различныя названія. Первымъ капитульскимъ достоинствомъ было въ Германіи званіе прево, установленное на ахенскомъ соборѣ 816 года, во Франціи— званіе декана, который почти вездѣ замѣнилъ прево. Затѣмъ

слѣдовали: канторъ, занимавшій второе мѣсто, далѣе великій архидіаконъ, преподаватель богословія, учитель схоластики, исповѣдникъ и т. д. Организованный такимъ образомъ капитулъ составляетъ прежде всего совѣтъ епископа, съ которымъ онъ дѣлитъ законодательную власть. Есть нѣсколько актовъ, которыхъ епископъ не можетъ совершить безъ согласія капитула, напр., отчужденіе церковныхъ имуществъ, измѣненіе штата бенефицій, введеніе новыхъ праздниковъ въ литургію епархіи. Относительно другихъ болѣе или менѣе важныхъ актовъ онъ долженъ еще спрашивать мнѣніе капитула, но не обязанъ ему слѣдовать. По смерти епископа и во все время, пока кафедрa остается свободной, капитулъ владѣетъ епископской юрисдикціей и на этомъ основаніи управляетъ епархіей, либо самъ, дѣйствуя *in corpore*, либо чрезъ посредство назначаемыхъ имъ викаріевъ. Однако тамъ, гдѣ свѣтскій государь владѣетъ правами *regalium*, капитулъ не наследуетъ юрисдикціи епископа надъ свѣтскими имуществами, зависящими отъ епископской кафедры.—Мало того, въ XIII-мъ вѣкѣ многіе капитулы изъяты изъ юрисдикціи епископа и подчинены непосредственно суду архіепископа или папы. Въ силу этого изъятія епископъ лишается права контролировать дѣла капитула, знакомиться съ тяжбами канониковъ, и теряетъ всякую юрисдикцію надъ обителью кафедральнаго собора и всѣмъ, что отъ нея зависитъ. Здѣсь право суда принадлежитъ капитулу, который осуществляетъ его чрезъ спеціальныхъ должностныхъ лицъ. Въ этомъ случаѣ капитулъ пользовался почти полною независимостью. Это часто было причиною нескончаемыхъ и бесплодныхъ столкновеній между епископомъ и канониками, пока тридентскій соборъ (XVI вѣкъ) не вернулъ епископамъ свободы дѣятельности, положивъ конецъ злоупотребленію изъятіями.

Другой причиною столкновеній была независимость архидіаконъ. Вначалѣ при епископѣ былъ одинъ только архидіаконъ, на обязанности котораго лежали управленіе низшими клириками, завѣдываніе церковными имуществами и помощь бѣднымъ. Позже на него была возложена обязанность наблюдать за состояніемъ епархіи и сообщать епископу о происходящихъ въ ней безпорядкахъ; нерѣдко онъ исполнялъ даже обязанности церковнаго судьи, но отъ имени епископа. При каролингахъ его полномочія увеличиваются: онъ становится главнымъ викаріемъ епископа (*post episcopum vicarius ejus in omnibus*) и въ концѣ-концовъ превращаетъ въ свою личную юрисдикцію

то право суда, которое онъ раньше осуществлялъ лишь въ качествѣ уполномоченнаго.—Съ другой стороны, епископъ—можетъ быть съ цѣлью защитить себя отъ захватовъ своего помощника—начинаетъ назначать нѣсколькихъ архиѳіаконовъ и отводить имъ отдѣльные округа, которые къ концу одиннадцатаго вѣка становятся подъ именемъ архиѳіаконовъ главнымъ подраздѣленіемъ епархіи ¹⁾. Архиѳіакопъ, оставшійся при епископѣ и являющійся преемникомъ прежняго единственнаго архиѳіакона, принимаетъ титулъ великаго архиѳіакона и играетъ въ епархіи главную роль послѣ епископа (*major post episcopum*). Въ XII вѣкѣ архиѳіаконы присвоиваютъ себѣ власть постановлять приговоры объ отлученіи и назначать духовныхъ лицъ въ своемъ округѣ, снабжая ихъ бенефиціями,—все это безъ приказа епископа, съ которымъ они соперничаютъ тѣмъ успѣшнѣе, что ихъ должность—пожизненная. Епископъ назначаетъ ихъ, но не можетъ ихъ смѣстить. Стѣняемые этою чрезмѣрною независимостью, епископы вступаютъ въ борьбу съ ними и стараются найти болѣе покорныхъ помощниковъ. Въ концѣ XII-го вѣка нѣкоторые изъ нихъ заставляють помогать себѣ въ управленіи епархіей и въ производствѣ суда главныхъ викаріевъ и оффиціаловъ, которые конечно могутъ быть смѣнены. Эта мѣра становится въ слѣдующемъ вѣкѣ общераспространенной и наноситъ чувствительный ударъ могуществу архиѳіаконовъ, противъ котораго борются кромѣ того и соборы (особенно соборъ въ Лавалѣ, 1242). Однако могущество архиѳіаконовъ не исчезло сразу, и еще въ XIII вѣкѣ управление епархіей дѣлилось между епископомъ, соборнымъ капитуломъ и архиѳіаконами.

Религіозные ордена въ XI и XII вѣкахъ.—Въ то время, какъ происходитъ реформа бѣлаго духовенства, черное духовенство умножается и усиливается. Въ періодъ времени отъ Льва IX до Григорія IX замѣчается, особенно во Франціи, небывалое развитіе монашеской жизни. Средніе вѣка, какъ уже не разъ было сказано, представляютъ собою эпоху контрастовъ: это эпоха насилій, грубостей и чувственности; но вмѣстѣ съ тѣмъ это и эпоха страстныхъ покаяній и долгихъ эпитимій, эпоха умерщвленія плоти и самобичеваній, одинъ рассказъ о которыхъ можетъ привести въ трепетъ изнѣженнаго человѣка нашихъ дней. Св. Бруно и св. Бернардъ, св. Гильдегарда и св.

¹⁾ Архиѳіаконовства въ свою очередь дѣлились на архіерейства, а послѣднія—на приходы.

Елизавета шёнауская, св. Францискъ Ассизскій и св. Доминикъ, св. Людовикъ французскій и св. Елизавета венгерская—эти великіе образы не единичны. Тысячи людей, охваченныхъ отвращеніемъ къ міру и одушевленныхъ стремленіемъ къ идеалу, подражаютъ имъ и большею частію ищутъ убѣжища въ монастыряхъ. Старые монастыри становятся недостаточны. Повсюду основываются новые, не считая религіозныхъ братствъ и всякаго рода ассоціацій, не считая и военныхъ орденовъ, этого оригинальнаго учрежденія, порожденнаго крестовыми походами ¹⁾. Если ограничиться собственно монашескими учрежденіями, то въ занимающемъ насъ періодѣ можно отмѣтить два основныхъ факта: 1) основаніе конгрегацій, которыя подчиняютъ часто очень большое количество монастырей одному общему управленію и ставятъ ихъ въ зависимость отъ одного какого-нибудь монастыря, который считается главою ордена, тогда какъ раньше монастыри не зависѣли другъ отъ друга; другими словами, мѣсто древнихъ изолированныхъ обителей занимаютъ религіозные ордена; 2) появленіе въ XIII-омъ вѣкѣ нищенствующихъ орденовъ; эти новые ордена имѣли совершенно иное назначеніе, чѣмъ ордена, существовавшіе до сихъ поръ и руководившіеся уставомъ св. Бенедикта или такъ называемымъ Августинымъ уставомъ. Разсмотримъ эти два явленія.

Конгрегація есть новый институтъ, созданный клюнійскимъ аббатствомъ, которое было основано въ 910 г. и находилось въ цвѣтущемъ состояніи до середины XII-го вѣка. Въ эту эпоху аббатство, управляемое Петромъ Преподобнымъ (1122—1156), имѣло подъ своей юрисдикціей болѣе 2000 монастырей, разсѣянныхъ по различнымъ странамъ; одни изъ нихъ были основаны имъ самимъ, другіе примкнули къ ордену путемъ акта присоединенія (affiliation). Эти акты присоединенія, добровольные или вынужденные, были очень часты въ XI вѣкѣ, въ ту эпоху, когда клюнійскіе монахи старались осуществить полную централизацию монашескаго міра. Однако ихъ попытка объединить монашество не могла имѣть успѣха, потому что они уже въ XI-омъ вѣкѣ утратили исключительное право на устройство конгрегацій. Возникли новые монашескіе центры, которые начали основывать новые ордена съ нѣсколькими видоизмѣненными уставами, въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, скопированными съ бенедиктин-

¹⁾ См. ниже, глава VI-я.

скаго. Первые такія конгрегаціи были основаны въ Италіи. Около 1018 г. св. Ромуальдъ, изъ фамиліи Онести въ Равеннѣ, основалъ Камальдудльскій орденъ, соединивъ отшельниковъ Камальдоли съ общежительнымъ братствомъ Val de Castro; этотъ орденъ, утвержденный въ 1072 г. Александромъ II, оказалъ палѣ дѣятельную поддержку въ дѣлѣ церковной реформы и былъ для Италіи тѣмъ же, чѣмъ Клюни для Франціи. Вскорѣ затѣмъ возникъ Валломбрезскій орденъ, происшедшій изъ пустыни, основанной въ 1038 г. въ долинѣ того же имени Жаномъ Гвальбертомъ, сеньеромъ Пистойи; именно въ Валломбрезѣ монахи начали раздѣляться на патеровъ и послушниковъ, смотря по тому, были ли они духовными или свѣтскими лицами; это раздѣленіе было позже принято и другими орденами, особенно цистерціанскимъ. Въ Германіи Гиршаускій монастырь въ Швабин, окончательно организованный въ 1071 г. настоятелемъ Вильгельмомъ по образцу клонійскаго аббатства, также становится родоначальникомъ особой конгрегаціи.

Послѣ этого движеніе возобновляется во Франціи, которая затѣмъ нѣкоторое время играетъ въ этомъ отношеніи руководящую роль. Прежде всего, въ 1076 г. тьерскимъ виконтомъ Етьеномъ былъ основанъ близъ Лиможа орденъ Grandmont; этотъ орденъ, предназначенный для созерцательной жизни, имѣлъ лишь второстепенное значеніе.—Затѣмъ въ 1086 году возникъ картезіанскій орденъ, самый строгій изъ всѣхъ; онъ былъ основанъ близъ Гренобля, въ дикой мѣстности, реймскимъ каноникомъ, уроженцемъ Кельна, Бруно, котораго шокировала и побудила покинуть міръ развратная жизнь его епископа. Статуты ордена были составлены около 1130 г. пятымъ картезіанскимъ пріоромъ, Гигомъ Прендобнымъ. Почти безусловное молчаніе, постоянное воздержаніе отъ мяса, раздѣленіе времени между молитвою и трудомъ—таковы главные пункты устава. Несмотря на строгость послѣдняя, орденъ быстро развился и привлекъ въ свои ряды даже женщинъ.—Черезъ 10 лѣтъ послѣ возникновенія ордена св. Бруно, бретонскій священникъ Робертъ Арбриссель, всю жизнь проповѣдывавшій покаяніе, основалъ орденъ Фонтевро на границѣ между Анжу и Пуату (1099). Это былъ двойной орденъ, состоявшій какъ изъ мужчинъ, такъ и изъ женщинъ; и тѣ, и другія были страншымъ образомъ подчинены юрисдикціи аббатиссы Фонтевро, высшаго лица въ орденѣ. Конгрегація насчитывала во Франціи до 60-ти обителей; за предѣлы страны она не перекла и въ концѣ-концовъ впала въ глубокую испорченность. Болѣе блестящую роль сыграли

цистерціанскій орденъ (близъ Дижона), основанный въ 1098 г. Робертомъ де Молэмъ. Основаніе этого ордена было вызвано желаніемъ возстановитъ бенедиктинскій уставъ, строгое исполненіе котораго и предписалъ сначала Робертъ. Но его преемникъ, аббатъ Альберикъ, ввелъ въ уставъ различныя измѣненія, которыя были утверждены въ 1119 году палоломъ Каликстомъ II и благодаря которымъ цистерціанскій орденъ долженъ считаться отличнымъ отъ клюнійскаго. Своею славою и развитіемъ цистерціанскій орденъ обязанъ главнымъ образомъ св. Бернарду. Въ годы, слѣдовавшіе за вступленіемъ св. Бернарда въ Ситò (1113), были основаны новые монастыри въ Лафертэ, въ Понтиньи, въ Клерво (въ Лангрокской епархіи) и т. д. Св. Бернардъ самъ сдѣлался аббатомъ въ Клерво ¹⁾, гдѣ и умеръ въ 1153 году. Благодаря ему вліяніе, которое до тѣхъ поръ имѣли на религіозныя дѣла клюнійскіе монахи, перешло къ монахамъ Ситò. Къ концу XIII-го вѣка цистерціанскій орденъ насчитывалъ, по самому умѣренному вычисленію, около 700 мужскихъ аббатствъ и еще болѣе женскихъ.

Въ то время, какъ бенедиктинскій уставъ пріобрѣлъ новую силу благодаря основанію этихъ разнообразныхъ конгрегацій, каноники, какъ мы уже сказали, почти повсюду отказались отъ совмѣстной жизни. Въ XII-омъ вѣкѣ произошла реакція, породившая новыя сообщества канониковъ,—сообщества съ болѣе строгимъ уставомъ, мало отличавшимся отъ монашескаго. Этотъ уставъ былъ заимствованъ изъ сочиненій св. Августина, почему такіе каноники и назывались монашествующими канониками св. Августина. Большинство этихъ новыхъ монашескихъ капитуловъ распалось на извѣстное количество конгрегацій, изъ которыхъ важнѣйшею была конгрегація Норбертинская или Премонстранская, учрежденная въ 1120 году кельнскимъ каноникомъ Норбертомъ, въ болотистой Премонстранской долинѣ, въ ланской епархіи. Премонстранскій орденъ быстро распространился въ Германіи, послѣ того какъ св. Норбертъ былъ избранъ въ магдебургскіе архіепископы (1126). Изъ другихъ извѣстныхъ монашескихъ орденовъ, основанныхъ въ эту эпоху, слѣдуетъ отмѣтить орденъ св. Виктора, учрежденный въ Парижѣ въ 1113 году Гильомомъ Шампо.

Къ концу XII вѣка были учреждены и нѣкоторые другіе менѣе важные ордена (Братъ-я-священнослужители, 1189;

¹⁾ См. выше, стр. 114.

Тринитаріи 1198; Госпитальеры св. Духа, 1198; Бегины и Бегарды, и т. д.). Движеніе не прекращалось и грозило извратиться. Разнообразіе уставовъ и соперничество конгрегацій подрывали дисциплину, и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ уже начинала обнаруживаться распущенность. Четвертый латеранскій соборъ ¹⁾ (1215), въ виду такого положенія дѣлъ, предписалъ каждой конгрегаціи созывать ежегодно генеральный капи ту л ь и воспретилъ основывать новые ордена (капонъ 24-й); выборъ между тѣми, которые существовали, оставался свободнымъ. Но это запрещеніе, возобновленное на ліонскомъ соборѣ 1245 г., имѣло лишь тотъ результатъ, что положило конецъ распространенію бенедиктинскаго устава. Оно не помѣшало возникновенію новыхъ уставовъ и конгрегацій, одушевленныхъ инымъ духомъ, смотрѣвшихъ на монашескую жизнь не столько какъ на цѣль, сколько какъ на средство. Мы имѣемъ въ виду великую реформу монашества, выразившуюся въ появленіи нищенствующихъ орденовъ.

Нищенствующіе ордена (XIII вѣкъ).—Первыми нищенствующими орденами, послужившими образцомъ для прочихъ, были ордена францисканскій и доминиканскій ²⁾. Эти два ордена были основаны почти одновременно, и если бы св. Францискъ пожелалъ, они составили бы одно цѣлое. Своимъ возникновеніемъ они обязаны преимущественно двумъ причинамъ. Съ одной стороны, паства нуждалась въ руководителяхъ, дѣйствительно одушевленныхъ духомъ Евангелія. Между тѣмъ въ началѣ XIII вѣка бѣлое духовенство, обогатившись болѣе, чѣмъ это было полезно, все еще, несмотря на реформу, было болѣе занято свѣтскими интересами, нежели духовными дѣлами. Черное духовенство, сосредоточенное въ монастыряхъ, которые всегда находились внѣ городовъ, въ очень отдаленныхъ мѣстностяхъ, было слишкомъ изолировано отъ свѣтскаго общества и, кромѣ того, также утратило чистоту нравовъ вслѣдствіе роста своихъ богатствъ. Такимъ образомъ, ни бѣлое духовенство, ни монашество, не могли доставлять народу необходимыхъ руководителей. Для этого нужны были люди, которые относились бы съ полнымъ

¹⁾ См. выше, стр. 176.

²⁾ Въ XIII же вѣкѣ возникаютъ ордена *Кармелитовъ* и *Августинскихъ отшельниковъ*, основанные оба въ 1156 году, по преобразованиямъ въ нищенствующіе ордена лишь вѣкомъ позже: Кармелитскій—Инокентіемъ IV въ 1254 г., Августинскій—Александромъ IV въ 1256 году.

презрѣніемъ къ мірскимъ благамъ, вели бы строгій образъ жизни въ кругу своихъ братій и безъ усталы проповѣдывали бы покаяніе и самоотреченіе какъ словомъ, такъ и личнымъ примѣромъ. Это была главная идея, вдохновившая св. Франсиска.—Съ другой стороны, католическая вѣра была поколеблена опасными ересями, которыя вкрадывались въ умы, придавая себѣ видъ высшей формы христіанства, и которыя грозили исказить чистоту догмата. Между тѣмъ, свѣтскому духовенству въ ту эпоху, когда только начинали образовываться университеты, часто недоставало образованія, необходимаго для борьбы съ еретиками. Что касается монашескаго духовенства, то если оно и не было лишено образованія,—его отдаленность отъ городовъ и склонность заниматься болѣе богослуженіемъ, чѣмъ богословіемъ; позволяли ему дѣйствовать лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Для борьбы съ опасностью нужны были люди, которые въ силу своего званія были бы обязаны изучать и проповѣдывать догму. Это была главная идея, вдохновившая св. Доминика.—Но если эти два новыхъ ордена нѣсколько отличались другъ отъ друга по своимъ задачамъ, такъ какъ одинъ стремился болѣе исправить нравы, другой—вѣру, то въ общемъ они преслѣдовали одну и ту же цѣль: преобразовать свѣтское общество. Они употребляли для этого одни и тѣ же средства: отреченіе отъ мірскихъ благъ, чтобы быть болѣе независимыми отъ условій своего времени; жизнь въ городѣ, чтобы быть въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ паствою; постоянная проповѣдь, чтобы распространять религіозное образованіе; наконецъ основаніе третьяго ордена, чтобы въ средѣ самаго свѣтскаго общества пріобрѣсти помощниковъ, пропитанныхъ ихъ духомъ.

Въ 1209 году Джованни, прозванный за свою склонность къ употребленію французскаго языка Франсискомъ, приступилъ къ осуществленію этого плана. Родившись въ 1182 году, сынъ богатаго купца въ Ассизи (въ Италіи), Петра Бернардоне, Францискъ Ассизскій предназначался сначала къ торговой дѣятельности и до 23-хъ лѣтняго возраста велъ довольно разсѣянный образъ жизни. Затѣмъ, внезапно отрекшись отъ міра и прогнанный отцомъ, онъ сталъ странствовать по Востоку и Западу, питаясь подаяніемъ, всюду проповѣдуя покаяніе и встрѣчая то почетъ, то насмѣшки. Когда къ нему примкнуло нѣсколько челоувѣкъ, увлеченныхъ его пламенной рѣчью, онъ начерталъ уставъ, основанный на послушаніи, цѣломудріи и полной бѣдности (1209); таково было скром-

ное происхождение ордена Миноритовъ. Въ 1212 году Францискъ своимъ примѣромъ и совѣтами склонилъ свою соотечественницу Клару Ассизскую къ постриженію; Клара вскорѣ собрала вокругъ себя нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, которыя и составили ядро ордена Бѣдныхъ Клариссъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ число послѣдователей св. Франциска и послѣдовательницъ св. Клары настолько увеличилось, что образовались два францисканскихъ ордена—мужской и женскій, и св. Францискъ былъ вынужденъ составить для нихъ болѣе подробныя правила. Уставъ ордена Миноритовъ былъ утвержденъ въ 1223 году папою Гоноріемъ III, который даровалъ этому ордену, какъ раньше доминиканцамъ, право повсемѣстно проповѣдовать и исповѣдывать; уставъ Клариссъ, составленный въ 1224 году, былъ утвержденъ въ 1251 году Иннокентіемъ IV. Кромѣ того, въ 1221 году св. Францискъ, видя стремленіе массъ вступать подъ его руководство, и боясь, какъ онъ говорилъ, лишитъ провинціи населенія, открывъ имъ свои монастыри, прибавилъ къ двумъ учрежденнымъ ранѣе орденамъ такъ называемый третій орденъ (*ordo tertius de poenitentia*), предназначенный для свѣтскихъ лицъ, которыя пожелали бы, не покидая міра и своихъ обычныхъ занятій, вести болѣе чистый образъ жизни и найти нѣкоторымъ образомъ монастырь въ своемъ собственномъ домѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ организація этихъ трехъ орденовъ была закончена, 4-го октября 1226 года, Францискъ Ассизскій скончался, простершись на помостѣ церкви Порціункула, своего любимаго мѣстопробыванія, вблизи Ассизи. Спустя два года Григорій IX причислилъ его къ лику святыхъ.

При совершенно иныхъ обстоятельствахъ возникъ орденъ доминиканцевъ. Доминикъ Гузманнъ, родившійся въ 1170 году въ Калагоррѣ, въ епархіи Осмы въ Испаніи, съ дѣтства обнаруживалъ большое усердіе въ молитвѣ и стремленіе къ подвижнической жизни, которыя должны были привести его къ духовному сану. Пробывъ 4 года въ валенсійскомъ университетѣ, онъ былъ рукоположенъ въ священники епископомъ Осмы, Діего, и сдѣлался каноникомъ-инокомъ этого города. Прибывъ въ 1206 году вмѣстѣ со своимъ епископомъ во Францію, онъ былъ охваченъ грустью при видѣ успѣховъ альбигойской ереси въ Лангедокѣ и рѣшилъ съ этого времени посвятить свою жизнь обращенію еретиковъ. Десять лѣтъ оставался онъ въ Южной Франціи, почти одинъ и безъ большого успѣха борясь съ ересью; но его мирный

крестовый походъ составлялъ утѣшительный контрастъ съ кровавымъ крестовымъ походомъ, который въ это же время предприняли рыцари сѣверной Франціи. Въ 1215 году, послѣ долгихъ размышленій, онъ отправился въ Римъ и представилъ Иннокентію III свой проектъ основанія общества проповѣдниковъ, которые, подчиняясь монашескому уставу, исполняли бы тѣ же обязанности, что и бѣлое духовенство. Иннокентій III утвердилъ проектъ и подчинилъ новый орденъ уставу св. Августина. Въ слѣдующемъ году Гонорій III даровалъ Доминику и его послѣдователямъ имя Братьевъ Проповѣдниковъ и право повсемѣстной проповѣди и исповѣди. Около этого времени состоялось знаменитое свиданіе Доминика съ Францискомъ Ассизскимъ, на которомъ первый предложилъ слить оба ихъ ордена въ одинъ. Св. Францискъ предпочелъ оставить ихъ раздѣленными; но св. Доминикъ не отказался отъ своего плана. На первомъ генеральномъ капитулѣ, который онъ собралъ въ Болоньѣ въ 1220 году, онъ отказался отъ августинскаго устава и принялъ францисканскій уставъ въ его главныхъ чертахъ. Онъ умеръ въ слѣдующемъ году (6-го августа 1221 года), оставивъ второй нищенствующій орденъ вполне организованнымъ и при немъ такой же женскій орденъ и третій орденъ для мірянъ. Но въ окончательной формѣ доминиканскій уставъ былъ составленъ лишь въ 1238 году третьимъ генераломъ ордена, св. Раймондомъ Пеннафортскимъ.

Къ этому времени первые два нищенствующихъ ордена достигли уже большого распространенія. Съ нескрываемымъ сочувствіемъ встрѣченные массою, которая чувствовала въ нихъ бѣольшую близость къ себѣ, чѣмъ въ бенедиктинскихъ орденахъ, и лучше сознавала ихъ благодѣтельное вліяніе, они распространились по всей Европѣ. Въ 1264 году генералу францисканцевъ были подчинены восемь тысячъ монастырей и двѣсти тысячъ монаховъ. Генералъ доминиканскаго ордена также начальствовалъ надъ настоящею арміею, всегда готовою принять миссію хотя бы въ самыя отдаленныя страны: въ 1280 году существовалъ монастырь Братьевъ Проповѣдниковъ въ Гренландіи. Этотъ изумительный успѣхъ нищенствующихъ орденовъ, въ началѣ поощряемый палствомъ, скоро отодвинулъ на второй планъ старыя монашескія ордена и не замедлил вызвать столкновеніе съ свѣтскимъ духовенствомъ и университетами. Съ одной стороны свѣтское духовенство было въ высшей степени недовольно тѣми обширными привилегіями, которыя получили Минориты и Проповѣдники, и иногда—какъ

напримѣръ Гильомъ де Сентъ-Амуръ въ 1255 году,—горько жаловалось на незаконное отправленіе ими церковной службы въ приходахъ. Съ другой стороны францисканцы и доминиканцы, считая преподаваніе частной формой проповѣди, заявили притязаніе на право преподавать въ университетахъ и начали противъ нихъ памятную борьбу, которая окончилась въ пользу монаховъ. Поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ и громадной извѣстностью нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, какъ напримѣръ доминиканца Томы Аквинскаго и францисканца Бонавентуры (оба умерли въ 1274 году), они въ концѣ-концовъ сосредоточили въ своихъ рукахъ почти все отрасли народнаго просвѣщенія.

Но этотъ необыкновенный расцвѣтъ не могъ быть продолжительнымъ. Въ концѣ XIII вѣка доминиканцы и францисканцы, забывъ о дружбѣ, соединявшей ихъ основателей, вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ; мало того: въ средѣ самихъ францисканцевъ возникаютъ раздоры. Еще при жизни св. Франциска среди его послѣдователей можно было различать два направленія: ригорическое, представителемъ котораго былъ самъ св. Францискъ, и болѣе умѣренное, во главѣ котораго стоялъ Илія Кортонскій, его викарій и первый преемникъ. Эти два направленія съ теченіемъ времени породили двѣ враждебныя партіи, которыя Бонавентурѣ удалось примирить во время его настоятельства; но послѣ его смерти антагонизмъ между ними возобновился. Въ 1279 году папа Николай III сдѣлалъ безплодную попытку вмѣшаться въ эти раздоры, издавъ буллу *Exiit qui seminat*, благоприятную для конвентуаловъ, т. е. для умѣренныхъ. Тогда ригористическая партія, носившая названіе *спиритуаловъ*, возмутилась противъ св. престола и, казалось, была близка къ отпаденію отъ церкви. Целестинъ V немедленно отдѣлилъ ее отъ францисканскаго ордена и соединилъ съ только что основаннымъ имъ орденомъ Целестинскихъ Отшельниковъ; но его преемникъ. Бонифацій VIII, наоборотъ неустанно преслѣдовалъ ее и принудилъ разсѣяться (1302).

Богослуженіе и таинства.—Реформа блага духовенства и развитіе монашескихъ орденовъ свидѣтельствуютъ о томъ сильномъ религіозномъ движеніи, которое охватило въ это время весь христіанскій міръ. Свѣтское общество также чувствовало на себѣ его вліяніе. Внѣшняя сторона богослуженія, центромъ котораго всегда было таинство евхаристіи, становится болѣе блестящей, болѣе мистической и болѣе возвышенной. Вмѣстѣ съ

тѣмъ стараются еще болѣе возвысить значеніе св. причастія, предупредить профанацію его и точнѣе опредѣлить его природу. Такъ, въ концѣ XI вѣка, въ виду ереси Беренгарія, вошло въ обычай воздымать во время обѣдни освященную гостію, чтобы паства преклонилась передъ нею; вслѣдствіе чуда въ Больсенѣ (1264) папа Урбанъ IV распространяетъ на всю церковь праздникъ св. причастія, установленный въ Люттихѣ еще въ 1246 году епископомъ Робертомъ; нѣсколько позднѣе Григорій X повелѣваетъ во время обѣдни стоять на колѣняхъ отъ освященія до причащенія и преклонять колѣна на улицѣ при встрѣчѣ со св. Дарами. Съ другой стороны, чтобы избѣгнуть пролитія Крови Христовой, въ XII вѣкѣ перестаютъ давать мірянамъ причастіе подъ обоими видами. Равнымъ образомъ, его перестаютъ давать младенцамъ тотчасъ послѣ крещенія и допускаютъ лишь по достиженіи ими разумнаго возраста. Наконецъ, богословы, какъ напримѣръ Иннокентій III, пишутъ спеціальныя трактаты объ евхаристіи, и четвертый латеранскій соборъ (1215 г.) создаетъ техническое слово пресуществленіе для обозначенія претворенія веществъ, употребляемыхъ при евхаристіи, въ тѣло и кровь Христовы. Но по странности, которая впрочемъ не единична въ исторіи,—по мѣрѣ того какъ развивается общественное богослуженіе, частный культъ сокращается и становится до извѣстной степени менѣе интимнымъ. Масса народа давно оставила привычку часто причащаться; даже благочестивые люди слѣдуютъ этому иримѣру и причащаются лишь въ главные праздники. Четвертый латеранскій соборъ былъ вынужденъ предписать всѣмъ христіанамъ причащеніе на Пасхѣ (канонъ 21-й).

Формы покаянія также сдѣлались менѣе строгими. Публичныя покаянія мало-по-малу вышли изъ употребленія: въ XIII вѣкѣ имъ подвергали лишь мірянъ, виновныхъ въ насиліи надъ личностью епископовъ. Это было слѣдствіемъ злоупотребленія выкупомъ покаянія и индульгенціями: упадокъ увеличивался по мѣрѣ того, какъ умножались эти средства уклоненія отъ старинныхъ строгостей. Тогда церковь направляетъ свои усилія къ тому, чтобы сохранить строгость частнаго покаянія; четвертый латеранскій соборъ устанавливаетъ, вмѣстѣ съ пасхальнымъ причащеніемъ, ежегодную исповѣдь и предписываетъ епископамъ разсылать по всей епархіи исповѣдниковъ для разрѣшенія тяжкихъ грѣховъ, которые могутъ быть отпущены только самимъ епископомъ (*cas réservés*).— Эти распоряженія лютеранскаго собора свидѣтель-

ствують о томъ, что духъ покаянія въ началѣ XIII вѣка значительно ослабѣлъ. Чтобы воскресить его въ массахъ, понадобилась проповѣдь Франциска Ассизскаго и нищенствующихъ орденовъ. Ихъ призывъ вызвалъ реакцію; на минуту возрождаются добровольныя публичныя покаянія. Такъ, въ 1261 г. городъ Перуджіа былъ весь охваченъ внезапнымъ порывомъ аскетизма: богатые и бѣдные, старые и молодые, рыцари и крестьяне ходили по улицамъ, обнаженные до пояса, покрывъ голову платкомъ, съ хоругвью или зажженнымъ факеломъ въ одной рукѣ, а въ другой держа кнутъ, которымъ они бичевали себя иногда даже до крови. Нѣкоторое время спустя флагеллянты появились и въ Страсбургѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ указать на широкое распространеніе проповѣди въ XIII вѣкѣ, вызванное также вліяніемъ нищенствующихъ орденовъ. Проповѣдь, произносимая съ этихъ поръ на простонародномъ языкѣ и часто подъ открытымъ небомъ, сопровождается всѣ акты общественной и частной жизни. Въ одной Франціи насчитывается въ теченіе XIII вѣка 260 проповѣдниковъ, имена или произведенія которыхъ намъ извѣстны. Въ Германіи францисканцы Давидъ Аугсбургскій и Бертольдъ Регенбургскій, умершіе на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (1271 и 1272), собирали вокругъ себя тысячи слушателей. Такъ какъ судебное и политическое краснорѣчіе въ эту эпоху еще не существовали, то все искусство слова сосредоточивалось въ религіозномъ краснорѣчьи.

II.— Высшее развитіе церковной юрисдикціи.

Судъ официаловъ; его происхожденіе и устройство.— Въ теченіе среднихъ вѣковъ церковь отправляла двоякаго рода юрисдикцію — духовную и свѣтскую, которая отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать. Духовная юрисдикція, вѣдающая лишь чисто религіозные вопросы, необходимо принадлежитъ церкви и не можетъ принадлежать никому другому: *est a clavibus*, какъ говорятъ канонисты. Свѣтскій судъ наоборотъ не подлежитъ необходимо вѣдѣнію церкви; онъ принадлежитъ свѣтской власти, которая можетъ передавать его церкви въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ: *non est a clavibus, est a gladio*. Въ царствованіе Константина и въ силу изданныхъ имъ эдиктовъ, епископы начинаютъ принимать участіе въ государственномъ судопроизвод-

ствѣ; можно сказать, что ко времени смерти Константина свѣтская юрисдикція церкви уже существовала въ зародышѣ. Она развилась на Востокѣ при Юстиніанѣ, въ Испаніи—при вестготскихъ католическихъ короляхъ, въ Галліи и Германіи—при франкскихъ князьяхъ, распространилась какъ на гражданскія, такъ и на уголовныя дѣла и въ концѣ XII вѣка достигла высшей точки своего развитія. Въ эту эпоху правомъ свѣтскаго суда владѣли уже не только епископы, какъ въ началѣ, но и другія должностныя лица или учрежденія церкви, какъ архидіаконы, архіереи, капитулы, аббаты монастырей. Но если формально между обѣими юрисдикціями существовало коренное различіе, то на практикѣ оно было ничтожно, потому что духовныя лица, облеченныя правомъ обѣихъ юрисдикцій, поручали отправление ихъ однимъ и тѣмъ же повѣреннымъ, которые такимъ образомъ оказывались уполномоченными какъ для духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ дѣлъ ¹⁾. Наибольше обширна была компетенція епископа. Поэтому намъ главнымъ образомъ и придется ознакомиться съ епископальной юрисдикціей. Посмотримъ прежде всего, какова была ея организація; затѣмъ мы рассмотримъ кругъ ея дѣйствій.

Въ началѣ епископъ лично отпращивалъ свой судъ, компетенція котораго была тогда ограничена; но когда его юрисдикція увеличилась и число подсудныхъ ему дѣлъ возрасло, онъ заставлялъ архидіакона помогать себѣ, а часто и замѣщать себя. Когда же послѣдній приобрѣлъ самостоятельное право суда и вступилъ въ борьбу съ епископомъ, о которой рѣчь была выше ²⁾, тогда епископъ долженъ былъ обратиться къ болѣе сговорчивымъ помощникамъ—къ главнымъ викаріямъ и оффиціаламъ. Главныя викаріи помогали ему особенно въ управленіи епархіей. Напротивъ, оффиціалы сдѣлались въ концѣ XII вѣка его специальными повѣренными для производства суда отъ его имени ³⁾. Въ Бретани эти оффиціалы носили названіе *allosati* или *alloés*—выраженіе весьма точное, такъ какъ оффиціаль дѣйствительно былъ только замѣстителемъ. Онъ не былъ, подобно архидіакону,

¹⁾ Духовныя лица, бывшія вмѣстѣ съ тѣмъ феодальными владѣльцами, могли имѣть еще свѣтскую *сенъеріальную* юрисдикцію, которая, однако, отнюдь не носила церковнаго характера. Это была свѣтская юрисдикція, основанная на свѣтскомъ, а не на каноническомъ правѣ и производившаяся не судьями церкви, а повѣренными, приставами (*balli*) или старшинами (*prebóti*).

²⁾ См. выше, стр. 228.

³⁾ Прочіе церковныя судьи по примѣру епископа также создали себѣ оффиціаловъ. Оффиціалы архидіаконовъ встрѣчаются съ 1200 года.

всѣмъняемъ, и не обладалъ самостоятельной властью. Епископъ назначалъ и смѣнялъ его по своему произволу, опредѣлялъ его полномочія и могъ всегда, если хотѣлъ, самъ вершить судъ вмѣсто него. Когда епископъ умиралъ, отказывался отъ своего сана или былъ низложенъ, полномочія оффиціала прекращались *ipso facto*, на основаніи извѣстнаго правила: *Resoluto jure dantis, resolvitur jus accipientis*.—Сначала епископы имѣли лишь по одному оффиціалу, которому они передавали всѣ свои судебныя права. Впослѣдствіи они часто назначали разъѣздныхъ оффиціаловъ (*officiales currentes*), компетенція которыхъ ограничивалась извѣстною частью епархіи или опредѣленными случаями. Только оффиціалъ, жившій въ епископскомъ городѣ (*officialis principalis*) и бывший преемникомъ прежняго единственнаго оффиціала, сохранилъ общее полномочіе, простиравшееся на всю епархію и на всѣ роды дѣлъ.

Оффиціалъ творилъ судъ единолично, но засѣдалъ не одинъ: при немъ находились его помощникъ (*vices gerens*) и ассесоры, имѣвшіе совѣщательный голосъ. Кромѣ того ему помогали въ исполненіи его обязанностей хранитель епископской печати (*sigillator*), приѣмщикъ актовъ (*receptor actorum*) и письмоводитель, обязанный вести списокъ дѣлъ (*registrator*). Весь этотъ персоналъ составлялъ то, что называли тогда церковнымъ судомъ или *curiae christianitatis*, а позже—судомъ оффиціала. Для составленія отъ имени сторонъ необходимыхъ для процесса документовъ, при вѣдомствѣ оффиціала состояли еще прокуроры, адвокаты и нотаріусы, не считая различныхъ чиновниковъ съ исполнительною властью и нѣкоторыхъ низшихъ помощниковъ. Въ XIII вѣкѣ судъ оффиціаловъ снабженъ уже всѣми этими органами; не достаетъ еще только фискала, который въ слѣдующемъ вѣкѣ будетъ играть при церковномъ судѣ ту же роль, какую въ свѣтскомъ судѣ играетъ государственный прокуроръ.

Компетенція суда епископскаго оффиціала.—Какова же была компетенція этихъ судовъ, съ устройствомъ которыхъ мы сейчасъ ознакомились? Эта компетенція, окончательно опредѣлившаяся въ XIII вѣкѣ, была двоякаго рода: она обнимала извѣстный кругъ лицъ и извѣстную категорію дѣлъ. Другими словами, консисторскій судъ дѣйствовалъ либо *ratione personae*, либо *ratione materiae*.

Первоначально извѣстныя лица пользовались преимуществомъ

быть судимыми исключительно судомъ церкви во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, за исключеніемъ тяжбъ, возникавшихъ на почвѣ феодальныхъ отношеній; въ послѣднемъ случаѣ право судьи-сенъера судить *ratione materiae* одерживало верхъ надъ правомъ консисторіальнаго суда судить *ratione personae*. Привилегіей церковнаго суда пользовались прежде всего духовныя лица, если жили сообразно со своимъ званіемъ (*clericaliter*), а тѣ изъ нихъ, которые были женаты,—если не провинились ни въ двоеженствѣ, ни въ барышничествѣ, ни въ лихоимствѣ. Кромѣ того, привилегіей церковнаго суда пользовался всякій, кто носилъ тонзуру; поэтому многіе міряне заставляли цирюльниковъ выстригать имъ гуменце въ надеждѣ, что ихъ дѣла будутъ переданы въ церковный судъ, гдѣ судопроизводство было болѣе разумно, судьи болѣе свѣдущи, наказанія мягче и право пощады. Судя по двумъ письмамъ Филиппа Красиваго, написаннымъ около 1288 года, въ одномъ лишь французскомъ королевствѣ было отъ десяти до двадцати тысячъ купцовъ, поступавшихъ такимъ образомъ,—болѣею частью итальянцевъ. Далѣе, консисторіальному суду были подсудны вдовы, сироты, крестопосцы и ученики университетовъ; но эти лица могли обращаться и къ суду свѣтскихъ трибуналовъ, что было запрещено духовнымъ лицамъ. Для этой группы лицъ право церковнаго суда было дѣйствительною привилегіей, которая лишь предлагалась имъ, тогда какъ для клириковъ она носила характеръ обязанности.

Ratione materiae консисторіальный судъ вѣдалъ тройкаго рода дѣла: во-первыхъ, всѣ духовныя дѣла, т. е. дѣла, касающіяся вѣры, таинствъ, обѣтовъ, церковнаго благочинія; во-вторыхъ, извѣстныя гражданскія дѣла, именно дѣла, касающіяся брака (помолвка, прекращеніе брачнаго сожителства, прелюбодѣяніе, законность дѣтей), церковной собственности (бенефиціи, подаванія, десятина), завѣщанія, которое до XIV вѣка вообще было болѣе религіознымъ, чѣмъ гражданскимъ актомъ, наконецъ договоровъ, скрѣпленныхъ клятвою, что давало возможность мірянамъ заранѣе подводить свои контракты подъ юрисдикцію церкви; въ третьихъ, извѣстныя уголовныя дѣла, именно преступленія противъ вѣры (святотатство, богохульство, чародѣйство), преступленія, совершенныя въ священныхъ мѣстахъ, и, наконецъ, нарушеніе различныхъ запрещеній, наложенныхъ церковью, какъ напимѣръ запрещенія отдавать деньги подъ проценты, или различныхъ установленій, находившихся подъ ея спеціальнымъ покровомъ.

вительствомъ, какъ напримѣръ Божьяго міра и Божьяго перемірія. Многія изъ этихъ преступленій преслѣдовались также и свѣтскимъ судомъ и поэтому назывались смѣшанными или привилегированными преступленіями. Виповный въ такомъ преступленіи могъ подвергнуться и каноническому, и свѣтскому наказанію.

Каноническія наказанія, утверждавшіяся свѣтскою властію, состояли преимущественно въ болѣе или менѣе продолжительныхъ эпитиміяхъ, въ обязательствѣ совершить паломничество *intra fines* или *extra fines regni*—напримѣръ въ Іерусалимъ,—въ заточеніи, примѣняемомъ особенно къ еретикамъ, въ штрафахъ, употреблявшихся на благочестивыя дѣла, наконецъ, во временномъ или полномъ отлученіи отъ церкви, которое въ XIII вѣкѣ употреблялось очень часто и примѣнялось къ цѣлымъ категоріямъ преступленій, не считая тѣхъ случаевъ, когда оно налагалось незаконно по политическимъ мотивамъ или за ничтожные проступки. Но церковь всегда отказывалась допускать смертную казнь и жестокія увѣчья, на которыя было такъ щедро тогда свѣтское право; этотъ принципъ каноническое право формулировало въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Ecclesia abhorret a sanguine*. Оно воспрещало также примѣненіе пытки, употреблявшейся для того, чтобы исторгнуть у осужденныхъ признаніе. Одинъ только исключительный трибуналъ—инквизиція,—происхожденіе котораго будетъ изложено далѣе, допускалъ въ извѣстныхъ размѣрахъ это «средство доказательства», возродившееся подъ вліяніемъ римскаго права и получившее громадное развитіе въ свѣтскомъ судопроизводствѣ. Иногда каноническое наказаніе казалось недостаточнымъ. Тогда судъ оффиціала, произнеся свой приговоръ, передавалъ виновнаго (предварительно лишивъ его сана, если это было духовное лицо) свѣтскому суду, который плагалъ на него наказаніе по общему праву. «Въ этомъ случаѣ», говоритъ Бомануаръ ¹⁾, «свѣтское правосудіе должно помогать святой церкви; ибо когда кто-нибудь по усмотрѣнію св. церкви осужденъ какъ еретикъ, то святая церковь должна передать его свѣтскому правосудию, и свѣтское правосудіе должно его сжечь, потому что духовное правосудіе никого не должно предавать смерти».

Столкновенія между церковной и свѣтской юрисдикціей.—Церковный и свѣтскій судъ, которые въ из-

¹⁾ Филиппъ де-Реми, сирѣ-де-Бомануаръ, авторъ *Coutumes de Beauvoisis*, которая онъ окончилъ въ 1283 году, — величайшій французскій правовѣдъ XIII вѣка.—Срав. *Coutumes de Beauvoisis*, XI, 2.

вѣстныхъ случаяхъ могли быть призываемы къ разсмотрѣнію однихъ и тѣхъ же дѣлъ и которые должны были взаимно помогать другъ другу, находились до середины XII вѣка въ довольно хорошихъ отношеніяхъ. Но съ этого времени короли и бароны находятъ, что компетенція церковныхъ судовъ слишкомъ обширна, что налагаемая ими отлученія слишкомъ часты, что свѣтскія лица слишкомъ охотно ввѣряютъ имъ свои дѣла, уклоняясь такимъ образомъ отъ свѣтскаго правосудія; и вотъ они начинаютъ борьбу противъ церковнаго суда, то тайную, то явную, которая продолжается въ теченіе всего XIII вѣка, приводитъ то къ торжеству, то къ пораженію церковнаго суда, и кончается въ слѣдующихъ вѣкахъ его прогрессивнымъ упадкомъ.

Первое крупное столкновеніе произошло въ Англіи во время тиранническаго правленія Генриха II Плантагенета (1154—1189). Оно было ознаменовано соборомъ въ Вестминстерѣ, изданіемъ «Кларендонскихъ постановленій», убійствомъ кэптерберійскаго архіепископа Томы Бекета и наконецъ подчиненіемъ и публичнымъ покаяніемъ Генриха II ¹⁾.

Въ Германіи борьба противъ церковной юрисдикціи была лишь эпизодомъ болѣе обширной борьбы между папствомъ и имперіей.—Наоборотъ, во Франціи отъ Филиппа Августа до Филиппа Красиваго она ограничивалась исключительно областью судопроизводства. Въ теченіе всего XIII вѣка мы видимъ коалиціи бароновъ, направленные специально противъ консесторіальныхъ судовъ. Въ 1204 году коалиція сеньеровъ жаловалась королю, что церковные суды привлекаютъ къ себѣ феодальные процессы и такимъ образомъ отнимаютъ у нихъ всякую юрисдикцію въ ихъ феодахъ (*propter hanc occasionem perdebant domini justitiam feodorum suorum*). Въ виду этихъ жалобъ Филиппъ Августъ запретилъ судамъ официаловъ вѣдать тяжбы, относившіяся къ феодамъ и цензивамъ, препятствовать задержанію свѣтскими судьями духовныхъ лицъ, которые осуждены самимъ церковнымъ судомъ и предварительно низложены, и отлучать отъ церкви тѣхъ, кто продаетъ съѣстные припасы въ воскресенье или ведетъ торговля сношенія съ евреями. Въ 1210 г. новый указъ призналъ за свѣтскими судьями право арестовать духовныхъ лицъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія, съ тѣмъ, чтобы немедленно передавать ихъ официалу. Наконецъ, такъ

---

¹⁾ См. ниже, глава XI, § 2.

спорныхъ вопросовъ между обѣими властями? Это неизвѣстно; какъ бы то ни было, въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ конфликтъ не возобновлялся.

Его возобновилъ германскій императоръ Фридрихъ II въ 1245 году, въ разгарѣ своей борьбы съ папою Иннокентіемъ IV, котораго онъ принудилъ покинуть Римъ и бѣжать въ Лионъ¹⁾. Повсюду отыскивая противниковъ папства, онъ ловко воспользовался враждою французскихъ бароновъ противъ церковнаго суда; онъ обратился къ нимъ въ 1245 и 1246 гг. съ нѣсколькими письмами, въ которыхъ просилъ у нихъ поддержки, изображая себя поборникомъ свѣтской власти противъ церковнаго судопроизводства. Его воззванія въ концѣ-концовъ увѣчались успѣхомъ. Въ концѣ 1246 года высшіе французскіе сеньеры образуютъ новую лигу, которая требуетъ ограниченія церковной юрисдикціи по отношенію къ свѣтскимъ лицамъ только процессами о бракахъ, лихонимствѣ и ереси. Протоколъ конфедераціи воспроизводитъ духъ и даже выраженія писемъ Фридриха II. Своими представителями, уполномоченными осуществлять ихъ требованія, французскіе бароны избрали четырехъ крупныхъ сеньеровъ: Гуго IV, герцога бургундскаго, Пьера Моклерка, Гуго X Лузиньяна, графа ангулемскаго, и графа Сень-Поля, Гуго шатильонскаго, ближайшаго союзника германскаго императора. Одновременно Фридрихъ II побудилъ и англійскихъ сеньеровъ принять аналогичное рѣшеніе. Папа не замедлилъ отвѣтомъ. 4 января 1247 года Иннокентій IV отлучилъ отъ церкви участниковъ конфедераціи, а также всѣхъ тѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ будетъ противодѣйствовать примѣненію церковной юрисдикціи въ дѣлахъ, подлежащихъ ей вѣдѣнію по праву или по обычаю (*de jure vel consuetudine approbata*).—Св. Людовикъ и его братья не принимали никакого участія въ этомъ послѣднемъ заговорѣ феодаловъ, несмотря на то, что въ 1246 и 1247 гг. между королемъ и Иннокентіемъ IV нѣсколько разъ возникали разногласія. Но св. Людовикъ обладалъ уравновѣшеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнымъ умомъ; онъ зналъ, что мягкостью можно достигнуть большаго, чѣмъ насиліемъ, и «благодаря его ловкости, соединенной съ умѣренностью духовенства и склонностью папы къ примиренію», ему удалось,—говоритъ Матвѣй Парижскій, «потушить заговоръ», возбужденный Фридрихомъ II.

¹⁾ См. выше, стр. 203.

количество. Обычай составлялъ неписанное каноническое право, которое имѣло лишь второстепенное значеніе. Декреты соборовъ и палъ составляли писанное каноническое право, которое и комментировали или кодифицировали канонисты. Кодификація соборныхъ каноновъ и папскихъ декреталій началась рано и породила уже множество сборниковъ. Сборникъ Діонисія Младшаго, V вѣка, *Collectio Hispana*, приписываемая Исидору Севильскому—VII в., *Codex Hadrianus*, конца VIII в., составленный папою Адрианомъ для Карла Великаго (774), лже-Исидоровы декреталіи середины IX вѣка, сборникъ Регино, аббата Прюмскаго, X в., *Decretum Бурхарда*, епископа вормскаго, XI в., и *Ранормія* Ива Шартрскаго—всѣ эти сборники (мы называли лишь главнѣйшіе) распространились повсюду и еще въ началѣ XII вѣка пользовались большою извѣстностью. Но они вскорѣ были вытѣснены новой компиляціей—*Decretum Gratiani*.

Она была составлена между 1140 и 1150 годами камальдульскимъ монахомъ изъ Болоньи, Граціаномъ ¹⁾, который задался цѣлью прежде всего сдѣлать критическую работу. Дѣйствительно, Граціанъ не ограничился сведеніемъ каноновъ и декреталій въ одну книгу. Онъ попытался привести ихъ въ порядокъ, расположить въ болѣе или менѣе систематической послѣдовательности, сгруппировать ихъ такимъ образомъ, чтобы они по каждому вопросу представляли цѣльное ученіе, и наконецъ сгладить противорѣчія между ними. Поэтому онъ и далъ своему труду выразительное названіе *Concordantia discordantium canonum*; но обычай рано замѣнилъ это названіе болѣе короткимъ *Decretum*, которое носили уже и многія другія компиляціи подобнаго рода. Декретъ Граціана имѣлъ быстрый успѣхъ. Онъ тотчасъ же былъ положенъ въ основу преподаванія на факультетахъ каноническаго права, которые вскорѣ получили названіе факультетовъ Декрета (*Facultés de Décret*). Затѣмъ цѣлый легионъ канонистовъ, получившихъ названіе декретистовъ, писали къ нему глоссы, комментировали и конспектировали его. Наконецъ онъ вошелъ въ составъ оффиціальнаго свода каноническаго права, *Corpus juris canonici*, какъ его первая часть.

Въ теченіе 40 лѣтъ ни одинъ новый сборникъ не оспаривалъ у Декрета Граціана того авторитета, которымъ онъ пользовался.

¹⁾ См. выше, стр. 165.

Но въ виду непрерывнаго накопленія новыхъ каноновъ и декреталій, Декретъ Граціана долженъ былъ вскорѣ отстать отъ движенія законодательства. Съ 1190 по 1226 годъ появились одинъ за другимъ пять сборниковъ, изъ которыхъ два носили официальный характеръ, будучи составлены по приказанію Иннокентія III и Гонорія III. Эти пять компиляцій, составляющія продолженіе одна другой, заключаютъ въ себѣ всѣ декреталіи отъ Александра III до Гонорія III (съ 1159 по 1226 годъ) и представляютъ ту особенность, что всѣ онѣ составлены по одному и тому же плану, который былъ придуманъ въ 1190 году Бернардомъ изъ Павіи и выраженъ имъ въ одномъ латинскомъ стихѣ: *Judex, judicium, clegus, connubia, crimen*. Ко времени вступленія на папскій престолъ Григорія IX эти пять компиляцій изучались въ университетахъ на ряду съ Декретомъ Граціана и другими текстами, подлинность которыхъ не была вполнѣ удостоверена. Вслѣдствіе этого, въ преподаваніи и судопроизводствѣ господствовалъ извѣстный беспорядокъ. Чтобы устранить его, Григорій IX въ 1230 году рѣшилъ издать официальный и единый кодексъ декреталій. Этотъ трудъ онъ возложилъ на своего духовника Раймонда Пеннафортскаго, стараго профессора права въ Болоньѣ, поручивъ ему въ случаѣ надобности измѣнять текстъ декреталій. Раймондъ Пеннафортскій не тронулъ граціанова Декрета, но слилъ всѣ пять компиляцій, прибавилъ къ нимъ около двухсотъ новыхъ декреталій, болшею частью изданныхъ Григоріемъ IX, и составилъ такимъ образомъ сборникъ почти въ полторы тысячи документовъ, расположенныхъ одновременно и въ систематическомъ, и въ хронологическомъ порядкѣ, согласно старому плану Бернарда Павійскаго. Этотъ сборникъ былъ одобренъ Григоріемъ IX, который въ 1234 году послалъ его въ болонскій и парижскій университеты съ приказаніемъ руководиться *in judiciis et scholis* исключительно имъ, а позже былъ внесенъ въ *Corpus juris canonici*, гдѣ онъ и составляетъ вторую часть. Онъ носитъ названіе *Decretales Gregorii noni*—названіе весьма неточное, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ не только декреталіи Григорія IX, но и декреталіи его предшественниковъ, начиная съ Александра III, а также извѣстное число соборныхъ постановленій.

Григорій IX запретилъ издавать новые каноническіе сборники безъ разрѣшенія св. престола; но такъ какъ декреталіи папъ и постановленія соборовъ безпрестанно накапливались, то

вскорѣ обнаружилась тѣ же затрудненія, какія вызвали составленіе Грегорианскаго свода. Послѣ нѣкоторыхъ перипетій Бонифаціи VIII, въ виду жалобы болонскаго университета (1294), велѣлъ составить новый сводъ, который онъ въ 1298 году разослалъ въ болонскій, парижскій, орлеанскій, тулузскій, саламанкскій и падуанскій университеты. Сводъ Бонифаціи VIII, составляющій 3-ю часть *Corpus juris canonici*, получилъ имя *Sextus*,—названіе опять-таки неточное, потому что *Sextus* заключаетъ въ себѣ пять книгъ, какъ и Грегорианскій сводъ, который онъ воспроизводитъ вплоть до подраздѣленій. Послѣ *Sextus* появились *Clementines* (четвертая часть *Corpus'a*), изданныя Климентомъ V въ 1313 году и посланныя сначала въ орлеанскій университетъ, а затѣмъ переизданныя Іоанномъ XXII въ 1317 г. и посланныя имъ въ болонскій и парижскій университеты. *Clementines* представляютъ собою послѣдній официальный сводъ каноническаго права, какой былъ изданъ. Но въ 1500 году одинъ французскій издатель по имени Шаппюи, издавая *Clementines*, прибавилъ къ нимъ двѣ серіи декреталій, изъ которыхъ однѣ были изданы Іоанномъ XXII, остальные—различными папами до Сикста IV (умеръ въ 1484 году) включительно. Эти двѣ серіи, которымъ дали названіе *Extravagantes*, такъ какъ онѣ первоначально не входили въ составъ официальныхъ сборниковъ, были включены въ нихъ въ XVI вѣкѣ и составили, такимъ образомъ, пятую и послѣднюю часть *Corpus juris canonici*, который съ тѣхъ поръ уже не подвергался измѣненіямъ ¹⁾.

III.—Ереси XII и XIII вѣковъ.

Размноженіе ересей.—Изображенное выше религіозное движеніе, которое привело къ реформѣ блага духовенства и къ распространенію монашескихъ орденовъ, имѣло не одни лишь хорошіе результаты: въ этой картинѣ есть и тѣнь. Дѣйствительно, во многихъ пунктахъ движеніе уклонилось отъ правильнаго пути: подъ предлогомъ реформы множество людей совратилось въ

¹⁾ Папа Павелъ V въ 1566 году приказалъ произвести общій пересмотръ *Corpus'a*, что и было исполнено комиссіей кардиналовъ и ученыхъ (*Correctores romani*); исправленный текстъ былъ официально изданъ Григоріемъ XIII въ 1580 году.

ересь. XII и XIII вѣка представляютъ собою эпоху, обильную ересями, когда раскольничьи секты размножились отчасти благодаря тому самому движенію, противъ котораго онѣ возставали. Однѣ изъ нихъ были заѣтыя прежними временами; но большею частью это были новыя ереси, которыя однако оказались не менѣе опасными, чѣмъ первыя. Порожденныя иногда возвышеннымъ чувствомъ, утверждаемыя усиліями, которыя, по видимому, ничѣмъ не отличаются отъ образа дѣйствій настоящихъ реформаторовъ, онѣ въ началѣ придавали себѣ видъ болѣе чистой формы христіанства или возвращенія къ духу первоначальной церкви; но съ теченіемъ времени, отчасти подъ вліяніемъ мистической экзальтаціи, онѣ вырождаются въ странныя и почти всегда безпривратныя ученія.

Притомъ эти ученія были часто крайне запутаны и безсвязны; отдѣльныя секты такъ развѣтвлялись, что ихъ трудно привести въ систему. Ихъ можно классифицировать лишь подъ тѣмъ условіемъ, если оставить въ сторонѣ: 1) еретиковъ, стоящихъ особнякомъ, въ родѣ Беренгарія Турскаго, лжеученія котораго о таинствѣ св. евхаристіи были осуждены нѣсколькими соборами въ промежутокъ времени отъ 1050 до 1080 года, и который умеръ, примирившись съ церковью, въ 1088 году; или въ родѣ двухъ сумасбродовъ—брабантца Танхельма, который торжественно обвѣнчался съ Пресвятою Дѣвою и былъ убитъ однимъ священникомъ въ 1124 году, и бретонца Эона де-Стелла, дворянина изъ Лудеака, который заявлялъ, что онъ призванъ предсѣдательствовать на Страшномъ Судѣ, и который былъ осужденъ на реймскомъ соборѣ 1148 года; 2) секты, просуществовавшія недолго и не получившія большого распространенія, какъ напримѣръ въ XII вѣкѣ секта Passagiens въ верхней Италіи, которые требовали соблюденія Моисеевыхъ законовъ и представляли Иисуса Христа первымъ изъ сотворенныхъ существъ; или въ началѣ XIII вѣка секта поклонниковъ Люцифера въ Германіи, которые утверждали, что Люциферъ былъ несправедливо изгнанъ съ неба, и предавали анаѣмѣ св. Михаила; или какъ секта Стединговъ въ Фрисландіи, которые были скорѣе мятежниками, чѣмъ еретиками, и которые были усмирены въ 1234 г. послѣ краткаго крестоваго похода, которымъ руководилъ бременскій архіепископъ.—Если исключить эти второстепенныя секты и ограничиться лишь главнѣйшими, то всѣ ереси разсматриваемой эпохи можно раздѣлить на три группы: однѣ вдохновля-

лись преимущественно монтаннскими припципами; другія придерживались главнымъ образомъ палтеистическихъ теорій; наконецъ, третьи всецѣло усвоили манихейское ученіе.

Монтаннстскія секты: петробрюзійцы и вальденцы.— Изъ монтаннстскихъ сектъ важнѣйшими были петробрюзійцы и вальденцы. Секта петробрюзійцевъ обязана своимъ происхожденіемъ и именемъ одному низложенному священнику, Петру де-Брюи, который около 1104 года началъ проповѣдовать на югѣ Франціи. Онъ отвергалъ крещеніе дѣтей, молитву за умершихъ, безбрачіе, поклоненіе иконамъ, внѣшнюю обрядность церкви, обѣдню и догматы истиннаго присутствія тѣла и крови Христовыхъ. Онъ проповѣдовалъ 20 лѣтъ. Въ 1124 году, сжегши въ Сень-Жиллѣ (близъ Арля) иконы и кресты, онъ до такой степени раздражилъ этимъ поступкомъ толпу, что она сожгла его самого. Его преемникомъ былъ клонійскій монахъ Генрихъ изъ Лозанны, который уже совершенно отрицалъ богослуженіе и, благодаря своей страстной проповѣди противъ безнравственности современнаго духовенства, приобрѣлъ множество послѣдователей въ Швейцаріи, Савойѣ и Манской епархіи, епископъ которой, Гильдебертъ, тщетно пытался вернуть его въ лоно католической церкви. Осужденный на реймскомъ соборѣ (1148), Генрихъ умеръ въ темницѣ около 1149 года. Часть секты петробрюзійцевъ, называвшихся также *генриціанами*, вернулась въ лоно церкви подъ вліяніемъ проповѣди св. Бернарда. Остальные продолжали упорствовать въ своемъ лжеученіи и въ 1184 году примкнули къ новой сектѣ вальденцевъ.

Основателемъ секты вальденцевъ (*Leonistae, Sabatati, Pauperes de Lugduno*) былъ богатый лионскій купецъ, Петръ Вальдо, или вѣрнѣе Вальдець (изъ деревни *Vaux*, близъ Ліона). Петръ Вальдець, потрясенный внезапной смертью одного изъ своихъ друзей, искалъ утѣшенія въ чтеніи Библии и твореній Отцовъ церкви (1173). Исторія св. Алексѣя произвела на него такое глубокое впечатлѣніе, что онъ раздалъ все свое имущество, частью своей женѣ, частью своимъ прежнимъ кліентамъ, частью бѣднымъ, поручилъ двумъ священникамъ перевести Священное Писаніе на романскій языкъ, а въ 1177 году началъ обходить страну, проповѣдуя народу покаяніе. Его главною мыслью было возстановить на землѣ жизнь апостоловъ, которая, по его мнѣнію, состояла въ бѣдности, скитаніи, проповѣди и ношеніи сандалій. Онъ привлекъ къ себѣ нѣсколькихъ послѣдователей,

ждало отъ грѣховъ и которое они совершали, возлагая руки и Евангеліе на избранныя; въ сплу этого обряда послѣдній переходилъ въ категорію «совершенныхъ». Дѣло въ томъ, что катары, подобно вальденцамъ, допускали раздѣленіе посвященныхъ на вѣрующихъ и совершенныхъ; только этихъ послѣднихъ принятое ими *consolamentum* обязывало жить въ полномъ отреченіи суровою и безгрѣшною жизнью. Но такъ какъ такая стойкость встрѣчалась рѣдко, то вожди секты стали давать *consolamentum* лишь на смертномъ одрѣ; кромѣ того, для большей вѣрности они часто склоняли больныхъ, готовившихся выздороветь, къ медленной голодной смерти; это добровольное мученичество называлось *enduga*.— Таково было ученіе катаровъ; отвергая всякій авторитетъ, осуждая бракъ и собственность, они естественно должны были казаться современникамъ опасными людьми, грозившими существованію не только западной церкви, но и самаго общества. Альбигойство было не только религіозною, но и соціальною ересью; этимъ отчасти и объясняется та безпощадность, съ которою оно было подавлено.

Въ теченіе XI и XII вѣковъ альбигойская ересь получаетъ широкое распространеніе. Въ 1010 году манихеи или катары появляются въ Ажанѣ, въ 1022 — въ Орлеанѣ, около 1030 — въ Ломбардіи. Отсюда ересь переходитъ въ Германію; въ 1126 г. мы встрѣчаемъ ее въ Трирскомъ округѣ, въ 1146 — въ Кельнѣ. Но главнымъ образомъ она распространяется въ Лангедокъ и наибольшее число послѣдователей пріобрѣтаетъ среди живого и впечатлительнаго населенія Южной Франціи. Здѣсь катары встрѣчаются съ вальденцами, которыхъ иногда ошибочно смѣшивали съ ними; напротивъ, вальденскіе проповѣдники нерѣдко вступали въ споръ съ священнослужителями катаровъ: ихъ ученія далеко не во всемъ были сходны, и обѣ секты никогда не вступили въ союзъ между собою. Въ концѣ XII вѣка главнымъ оплотомъ катаровъ южной Франціи было Альби (откуда и произошло ихъ наиболѣе употребительное названіе—*альбигойцы*), а ихъ явными или тайными покровителями было большинство южныхъ сеньеровъ, изъ которыхъ одни увлеклись ихъ ученіемъ, другіе боялись возбудить неудовольствіе своихъ подданныхъ, третьи же находили въ альбигойствѣ удобный поводъ грабить имущества монастырей и церквей. Между этими сеньерами слѣдуетъ отмѣтить особенно тулузскаго графа Раймонда VI изъ могущественной семьи Сен-Жилль, которая владѣла въ то время большин-

ствомъ крупныхъ леновъ южной Франціи, и Раймонда Рожера, виконта Безье.

Альбигойскій крестовый походъ.— Сильные этою поддержкою и организованные въ тайныя сообщества, альбигойцы начали пускать въ ходъ насиліе: нѣсколько епископовъ было свергнуто съ кафедръ, нѣсколько аббатовъ изгнано изъ ихъ монастырей, нѣсколько священниковъ задушено. Успѣхи ереси начинали безпокоить курію. Папа Александръ III и третій латеранскій соборъ (1179) приняли строгія мѣры противъ альбигойцевъ. По первымъ актомъ рѣшительной борьбы, приведшей къ искорененію ереси, было изданіе того знаменитаго декрета, который папа Луцій III съ согласія германскаго императора Фридриха I внесъ на веронскій соборъ 1184 года. Этотъ указъ, направленный противъ всѣхъ ересей той эпохи, предписывалъ епископамъ посылать комиссаровъ въ тѣ мѣстности, гдѣ они подозрѣвали существованіе еретиковъ, для производства слѣдствія (*inquisitio*) и для передачи виновныхъ въ руки свѣтской власти. Такъ какъ этотъ декретъ вначалѣ не привелъ ни къ какому результату, то Иннокентій III рѣшился дѣйствовать противъ ереси съ большей энергіей, хотя все еще мирными средствами. Тотчасъ по восшествіи на папскій престолъ (1198) онъ поручилъ двумъ цистерціанскимъ монахамъ, Гюи и Ренше, предпринять обращеніе еретиковъ въ качествѣ апостольскихъ легатовъ; немного спустя онъ присоединилъ къ нимъ Петра де Кастельно, архидіакона Магеллонскаго, кардинала Рауля и аббата Сито, Арно Амори, одного изъ краснорѣчивѣйшихъ людей того времени. Въ 1206 г. папскіе легаты встрѣтили осмійскаго епископа Діега, который вмѣстѣ со св. Доминикомъ проѣзжалъ черезъ Лангедокъ. Доминикъ, глубоко огорченный успѣхами ереси, рѣшилъ соединиться съ легатами для борьбы противъ нея, и въ теченіе десяти лѣтъ болѣе настойчиво, чѣмъ успѣшно, проповѣдовалъ еретикамъ, не принимая, впрочемъ, никакого участія въ начавшемся между тѣмъ крестовомъ походѣ.

Такъ какъ дѣло обращенія не подвигалось впередъ, то Иннокентій III, убѣдившись въ недействительности мирныхъ средствъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ силѣ; къ этому побудило его еще и слѣдующее обстоятельство. Въ 1207 году Петръ де Кастельно потребовалъ отъ тулузскаго графа, чтобы онъ вернулъ церквамъ то, что отнялъ у нихъ; Раймондъ VI отказался и былъ за это отлученъ отъ церкви. Въ раздраженіи онъ—какъ нѣкогда Генрихъ II

по отношенію къ Омѣ Бекету—неосторожно выразилъ желаніе быть отомщеннымъ. Одинъ изъ его рыцарей тотчасъ погнался за легатомъ, достигъ его въ Сен-Жиллѣ (близъ Арля) и убилъ его ударомъ кинжала (январь 1208 г.). Это убійство было сигналомъ къ крестовому походу. Иннокентій III въ свою очередь отлучилъ Раймонда VI, разрѣшилъ его подданныхъ отъ клятвы вѣрности, наложилъ интердиктъ на его владѣнія и предложилъ ихъ первому, кто ихъ займетъ. Въ то же время онъ умолялъ Филиппа-Августа и другихъ христіанскихъ государей идти противъ еретиковъ, которые, по его мнѣнію, были «хуже сарацинъ». Итакъ, начался настоящій крестовый походъ. Онъ продолжался 20 лѣтъ, но не долго сохранялъ свой первоначальный характеръ. Въ немъ можно различать три фазиса: въ началѣ преобладаетъ религіозный интересъ; война ведется исключительно противъ еретиковъ. Затѣмъ къ религіозному интересу примѣшивается политическій интересъ, что подвергаетъ риску полученные результаты. Послѣ латеранскаго собора (1215) этотъ политическій интересъ становится преобладающимъ, и крестовый походъ превращается въ династическую войну, которая въ концѣ-концовъ оказалась выгодной для Франціи, но не принесла никакой пользы церкви. Разсмотримъ вкратцѣ эти три фазиса войны.

Воззваніе Иннокентія III было услышано: крестъ приняли многіе рыцари сѣверной Франціи—герцогъ бургундскій, графы Невера, Оксерра, Сен-Поля, Фореца и Женева, графъ монфортскій Симонъ, нѣмецкіе сеньеры и, что особенно замѣчательно, нѣсколько сеньеровъ южной Франціи. Ихъ сопровождало множество епископовъ и аббатовъ; главное управленіе крестовымъ походомъ папа вручилъ своему легату, аббату Сито. Филиппъ Августъ, котораго Иннокентій III пригласилъ стать во главѣ крестоноснаго войска, отказался; до конца своей жизни, несмотря на многократныя увѣщанія съ разныхъ сторонъ, онъ строго соблюдалъ нейтралитетъ¹⁾. Впрочемъ, онъ позволялъ свободно проповѣдывать крестовый походъ, высшее командованіе которымъ было вручено Симону Монфору, одному изъ самыхъ искусныхъ полководцевъ своего времени. Испуганный этими приготовленіями, Раймондъ VI послѣдовательно обращался къ папскому легату, который потребовалъ поручительство, къ своему двюрод-

¹⁾ См. ниже, глава 7, § 2.

ному брату Филиппу Августу, который отказался вмѣшаться въ дѣло, и, наконецъ, къ Иннокентію III. Послѣдній благосклонно принялъ его оправданія, но настаивалъ на представленіи поручительства, которыхъ потребовалъ его легатъ. Раймондъ принужденъ былъ покориться: какъ кающійся, нагой, онъ подвергся бичеванію передъ церковью Сен-Жилля, въ присутствіи 20 архіепископовъ и епископовъ; онъ отдалъ ключи отъ своихъ замковъ, обязался поправить зло, которое онъ причинилъ церквамъ, и обѣщалъ наказать еретиковъ. На этихъ условіяхъ онъ былъ прощенъ, и самъ принялъ крестъ (18 іюня 1209 года).

Но его вассалъ Раймондъ Рожеръ, виконтъ Безьерскій и Каркассонскій, не выказалъ подобной покорности. Онъ отвѣчалъ на угрозы угрозами и приготовился сопротивляться. Противъ него Симонъ Монфоръ и направилъ свои усилія. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ отнялъ у него Безье, гдѣ произошла страшная рѣзня, Каркассонъ и множество замковъ. Послѣ этого разгрома легаты предложили его разоренныя владѣнія герцогу бургундскому и графу неверскому, которые однако не приняли ихъ, а затѣмъ Симону Монфору, который оказался менѣе совѣстливымъ и принялъ ихъ. Это была крупная ошибка со стороны легатовъ, потому что съ этой минуты религіозный интересъ перестаетъ быть единственной движущей силой крестоваго похода. Съ точки зрѣнія туземнаго населенія Симонъ Монфоръ воевалъ ради своей личной выгоды; онъ былъ уже не только бойцомъ за вѣру: ему приходилось кромѣ того совершить завоеваніе. Отсюда двойная перемѣна въ ходѣ экспедиціи: съ одной стороны французскіе рыцари, какъ только кончился срокъ ихъ службы, покидаютъ графа монфортскаго, съ другой стороны противъ него поднимаются сеньеры юга. Въ 1210 году изъ 200 замковъ, которые онъ успѣлъ покорить, подъ его властію оставалось лишь 8; ему приходилось съизнова завоевывать свои виконтства.

Пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, Раймондъ VI не исполнилъ ни одного изъ своихъ обязательствъ. Папскіе легаты снова отлучили его и наложили интердиктъ на тулузское графство. Какъ и въ первый разъ, Раймондъ обратился за помощію къ Филиппу-Августу, который оттолкнулъ его, и къ папѣ, который предложилъ ему оправдаться передъ соборомъ, засѣдавшимъ въ Сен-Жиллѣ. Графъ тулузскій отправился туда и, не успѣвъ оправдаться, получилъ отерочку. Въ 1211 году онъ въ Арлѣ снова предсталъ передъ соборомъ, который поставилъ ему слишкомъ

тяжелыя условія и тѣмъ побудилъ его снова взяться за оружіе. Начался новый крестовый походъ, который въ теченіе двухъ лѣтъ заливалъ кровью страну и главными моментами котораго были взятіе Лавора крестоносцами и ихъ пораженіе подъ Тулузой. Въ 1213 г. король арагонскій Педро II, который только что прославилъ себя борьбою съ испанскими мусульманами, вмѣшался въ дѣло альбигойцевъ и предложилъ свое посредничество. Инокентій III, видя, что религіозный интересъ начинается отбѣситься политическимъ, хотѣлъ положить конецъ насиліямъ. Онъ принялъ предложенія донъ Педро, приостановилъ проповѣдываніе крестоваго похода, умѣрилъ пылъ своихъ легатовъ и созвалъ соборъ въ Лаворѣ, чтобы еще разъ испытать мирныя средства. Но Инокентію III не удалось склонить къ примирительной политикѣ ни французское духовенство, ни крестоносцевъ. Они видѣли въ Раймондѣ VI единственную опору ереси и презирали его, какъ измѣнника; поэтому лаворскій соборъ подтвердилъ его отлученіе (1213). Раздраженный неудачею своего посредничества, донъ Педро повелъ войско на помощь графу тулузскому и осадилъ Мюре. 12 сентября 1213 года близъ города произошло большое сраженіе, въ которомъ донъ Педро былъ убитъ, и которое, благодаря ловкой тактикѣ Симона Монфора, окончилось блестящей побѣдой крестоносцевъ. Результатомъ этой побѣды было подчиненіе всей страны. Побѣжденный Раймондъ VI покинулъ Тулузу и принялъ всѣ условія, какія были ему поставлены, послѣ чего былъ освобожденъ отъ интердикта легатомъ Петромъ Веневетскимъ. Графы фуасскій и коминжскій и большинство ихъ вассаловъ также отдали себя и свое имущество въ руки легатовъ.

Послѣ этого областной соборъ въ Монпелье (1215) передалъ верховную власть надъ Лангедокомъ Симону Монфору, а немного спустя четвертый вселенскій соборъ въ Латеранѣ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ, какіе когда-либо собирались, снова осудилъ альбигойскую ересь, обязалъ населеніе Лангедока принести клятву вѣрности католической церкви, предписалъ епископамъ организовать слѣдственные комиссіи для преслѣдованія упорствующихъ, повелѣлъ свѣтскимъ князьямъ очистить ихъ земли отъ еретиковъ и окончательно опредѣлить судьбу владѣній графа тулузскаго. Симонъ де Монфоръ сохранилъ за собою почти все тулузское графство, герцогство нарбоннское и виконтства Каркассонъ и Безье. Графы фуасскій, коминжскій и беарискій были снова водворены въ своихъ владѣніяхъ. Графство велессекское

было присоединено къ владѣніямъ римской церкви. Наконецъ, остальные земли Раймонда VI, т. е. провансскій маркизатъ и часть тулузскаго графства, были оставлены его сыну Раймонду VII, въ пользу котораго онъ отрекся отъ власти.

Такимъ образомъ, религіозная война окончилась; начиналась династическая борьба между сен-жилльскимъ домомъ, который не хотѣлъ примириться съ потерей своихъ владѣній, и монфортскимъ домомъ, который не хотѣлъ отказаться отъ своихъ завоеваний. Эта война, начавшаяся въ 1216 году и искусно веденная Раймондомъ VII, который съумѣлъ никогда не дать повода къ обвиненію его въ ереси, продолжалась 13 лѣтъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Она будетъ подробно описана ниже ¹⁾; здѣсь достаточно лишь отмѣтить, что, когда послѣ смерти Симона де Монфора (1218) его сынъ Амори уступилъ свои права королю Франціи (1224), то регентша Бланка Кастильская заставила тулузскаго графа подписать въ Мо (1229) договоръ, въ силу котораго къ королю немедленно переходило владычество надъ страной, расположенной между Роной и Нарбонной, а послѣ смерти Раймонда VII— и надъ тулузскимъ графствомъ. Кромѣ того Раймондъ обязался распустить свое войско, вознаградить французскихъ рыцарей, терявшихъ свои феоды, которые большею частію были возвращены ихъ старымъ владѣльцамъ, и оказывать поддержку церкви въ борьбѣ съ еретиками. Подъ этими условіями съ Раймонда VII въ храмъ Богоматери въ Парижѣ было снято отлученіе, которое тяготѣло надъ нимъ, и война окончилась съ большою выгодой для французскаго королевства.

Что касается церкви, то она всегда должна была бояться возврата ереси, которую она хотѣла подавить. Такъ какъ война принесла католицизму больше вреда, чѣмъ пользы, то церковь рѣшилась прибѣгнуть къ другимъ средствамъ: именно въ это время она окончательно организуетъ инквизицію.

Инквизиція.—Начало инквизиціи или, по крайней мѣрѣ, инквизиціоннаго судопроизводства, слѣдуетъ искать въ декретѣ 1184 года, который предписывалъ епископамъ посылать комиссаровъ для производства слѣдствія въ тѣ мѣстности, гдѣ они подозрѣвали присутствіе еретиковъ; эти комиссары были первыми епископальными инквизиторами. Съ другой стороны, апостольскихъ легатовъ, посланныхъ въ Лангедокъ Иннокентіемъ III, мож-

¹⁾ См. ниже, глава VII, § 2.

но считать первыми папскими инквизиторами. Но самое учреждение было организовано лишь позднѣе. Четвертый латеранскій соборъ, установивъ, какъ карательныя мѣры для еретиковъ, лишеніе гражданскихъ правъ, запрещеніе занимать общественныя должности, конфискацію имущества и въ извѣстныхъ случаяхъ пожизненное тюремное заключеніе, поручалъ еще судъ надъ еретиками епископамъ или ихъ уполномоченнымъ (1215). Лишь въ 1229 году, послѣ договора въ Мо, тулузскій соборъ опредѣлилъ болѣе точно функціи епископальной инквизиціи: епископы должны были выбирать въ каждомъ приходѣ одного священника и двухъ уважаемыхъ свѣтскихъ лицъ, которые клятвенно обязывались бы разыскивать еретиковъ и доносить объ нихъ. Но чтобы избѣгнуть осужденія невинныхъ, было запрещено налагать какое бы то ни было наказаніе безъ вѣдома епископа или его уполномоченнаго ¹⁾. Въ 1233 году Григорій IX довѣрилъ розыскъ еретиковъ (*inquisitio hereticae pravitatis*) доминиканцамъ, которые должны были производить его отъ имени папы и постоянно. Теперь инквизиціонный судъ приобрѣлъ единство, котораго ему не доставало, отдѣлился отъ регулярнаго церковнаго суда и получилъ свои особые центры: важнѣйшій инквизиціонный трибуналъ находился въ Каркассонѣ, другіе—въ Тулузѣ и Альби. Кромѣ того, инквизиторы въ случаѣ надобности перѣзжали съ одного мѣста на другое; это не всегда было безопасно, какъ доказываетъ убійство нѣсколькихъ инквизиторовъ въ Авиньонѣ въ 1244 году.

Обязанности инквизиторовъ состояли, главнымъ образомъ, въ допросѣ подсудимыхъ и собираніи свидѣтельскихъ показаній, однимъ словомъ, въ производствѣ судебного слѣдствія: это и есть настоящій смыслъ слова *inquisitio*. Относительно приговора они должны были совѣтоваться съ своего рода «жюри», составленнымъ изъ духовныхъ лицъ и правовѣдovъ, и спрашивать мнѣнія епископа. Но въ отношеніи послѣдняго декреталии не всегда исполнялись: если нѣкоторые епископы оказывали инквизиторамъ дѣятельную помощь, то другіе вели безпрестанную борьбу съ инквизиціонными судилищами, и папѣ не разъ приходилось вмѣшиваться. Инквизиціонное судопроизводство во многихъ отношеніяхъ отличалось отъ обычной канонической процедуры; такъ,

¹⁾ О дѣятельности инквизиціи въ Германиі, начиная съ 1232 г., см. выше, стр. 195.

допускались свидѣтели, которые по общему праву могли быть отведены; ихъ имена не всегда сообщались подсудимому, чтобы предупредить, какъ говоритъ Гильомъ de Puylaurens, фамильную месть; посредничество адвокатовъ было запрещено; наконецъ Иннокентій IV разрѣшилъ инквизиторамъ употреблять пытку для того, чтобы вынуждать признанія; впрочемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ имъ налагать менѣ суровыя наказанія на тѣхъ еретиковъ, которые обнаружатъ хоть нѣкоторое раскаяніе. Главными изъ видовъ наказаній были—кромѣ публичнаго отреченія (актъ вѣры, auto-da-fé) и кромѣ лишенія правъ по приговору соборовъ или въ силу королевскихъ указовъ—эпитимии, штрафы и временное или пожизненное заключеніе. Но духовныхъ лицъ, уличенныхъ въ ереси, и мірянъ, впавшихъ въ расколъ, обыкновенно передавали въ руки свѣтскаго оудьи, который присуждалъ ихъ къ сожженію и конфисковалъ ихъ имущество. Эти конфискаціи, носившія названіе *incursus*, производились бальи или сенешалами въ пользу свѣтскихъ князей. Альфонсъ де Пуатье, сдѣлавшись въ 1249 году графомъ тулузскимъ, назначилъ даже особаго завѣдующаго инкурсамъ, который былъ обязанъ централизовать ихъ и управлять ими; онъ назывался Жакъ де Буа и обнаружилъ большое усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей. Такимъ образомъ, свѣтскіе князья были заинтересованы въ томъ, чтобы съжечь какъ можно больше еретиковъ, потому что это увеличивало ихъ доходъ съ конфискацій; и доминиканецъ Рено шартрскій, тулузскій инквизиторъ, въ письмѣ къ Альфонсу де Пуатье, написанномъ около 1255 года, раскрываетъ ужасныя преступленія нѣкоторыхъ изъ своихъ чиновниковъ, которые сжигали еретиковъ, присужденныхъ только къ пожизненному заключенію.

Инквизиція дѣйствовала не только въ южной Франціи, но съ XIII вѣка и въ Италіи, и въ Германіи, гдѣ ею нѣкоторое время руководилъ духовникъ св. Елизаветы Венгерской, суровый Конрадъ марбургскій, умершій въ 1233 году ¹⁾.

---

¹⁾ Церковную инквизицію XIII вѣка не слѣдуетъ смѣшивать съ испанскою королевскою инквизиціей XV вѣка.

IV. — УПРОЧЕНИЕ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ.

Конклавъ и кардиналы.— Споръ изъ-за инвеституръ, реформа духовенства, борьба съ ересями чаще прежняго давали поводъ папѣ вмѣшиваться въ дѣла христіанскаго міра. Благодаря этому папская власть должна была точнѣе опредѣлиться и окрѣпнуть. Дѣйствительно, въ промежутокъ времени, отдѣляющій Григорія VII отъ Бонифація VIII, совершаются оба эти процесса.

Въ серединѣ XI вѣка папы начали регламентировать порядокъ папскихъ выборовъ, чтобы предотвратить тѣ смуты, которыя такъ часто сопровождались послѣдніе, чтобы обезпечить ихъ независимость и по возможности освободиться отъ вмѣшательства римской знати и опеки нѣмецкихъ императоровъ. Николай II, избранный благодаря вліянію Гильдебранда, долженъ былъ бороться съ анти-папою, котораго выставила противъ него фамилія тускуланскихъ графовъ (1058), и эта борьба была кровопролитна. По окончаніи ея онъ издалъ на римскомъ соборѣ 1059 г. знаменитый декретъ, предоставлявшій право избранія папы кардиналамъ, т. е. той части римскаго духовенства, которая составляла постоянный совѣтъ папы. Составъ коллегіи кардиналовъ или священной коллегіи былъ изображенъ выше ¹⁾. Декретъ 1059 года предоставилъ кардиналамъ-епископамъ право предлагать кандидатовъ, между которыми затѣмъ выбирала священная коллегія въ полномъ составѣ. Результатъ выборовъ подлежалъ еще одобренію со стороны остального духовенства и римскаго народа, а затѣмъ сообщался императору, котораго приглашали признать избраннаго; но это право признанія было лишь знакомъ почета и не имѣло ничего общаго съ тѣмъ правомъ утвержденія, на которое раньше претендовалъ императоръ. По принципу кардиналы должны были собираться въ Римѣ, если только свобода выборовъ была тамъ обезпечена, и выбирать въ папы одного изъ членовъ римскаго духовенства, если между ними оказывался человекъ, достойный этого сана. Кромѣ того, декретъ 1059 года предусматривалъ тѣ, къ несчастію столь частые, случаи, когда война или какое-нибудь другое обстоятельство препятствовали восшествію папы на престоль: тогда папа имѣлъ право

¹⁾ См. выше, стр. 77.

му Александру III анти-папу Виктора IV. Фридрих Барбаросса, воевавший тогда съ куріей, успѣшилъ поддержать Виктора IV, тогда какъ законный папа постепенно былъ признанъ остальными христіанскими государствами ¹⁾. Миръ былъ восстановленъ лишь въ 1177 году. Собравшійся вскорѣ послѣ этого (1179) третій вселенскій соборъ въ Латеранѣ рѣшилъ дополнить декретъ Николая II, чтобы предотвратить возможность новыхъ расколовъ. Съ этою цѣлью онъ издалъ канонъ *Licet de vitanda*, который постановлялъ, что папою долженъ быть признанъ лишь тотъ, кто получить двѣ трети всего числа голосовъ; всякій же другой, кто присвоитъ себѣ этотъ санъ, подлежитъ отлученію.

Канонъ третьяго латеранскаго собора породилъ новыя затрудненія, обнаружившіяся въ XIII вѣкѣ. Чтобы собрать двѣ трети священной коллегіи, часто требовалось продолжительное время; папскіе выборы, которые въ XII вѣкѣ совершались быстро, теперь сдѣлались болѣе медленными. Съ 1241 года междоусобствія въ нѣсколько мѣсяцевъ случаются очень часто: Иннокентій IV былъ избранъ лишь черезъ полтора года послѣ смерти своего предшественника, Урбанъ IV—черезъ 4 мѣсяца, Григорій X—черезъ три года. Чтобы устранить подобныя замедленія, которыя, конечно, вредно отзывались на интересахъ христіанства, второй вселенскій соборъ въ Лионѣ (1274) образовалъ такъ называемый конклавъ, т. е. повелѣлъ запираеть на ключъ (*cum clave*) кардиналовъ-избирателей; если въ теченіе трехъ дней они не придутъ къ соглашенію, то въ слѣдующіе пять дней должны будутъ довольствоваться однимъ блодомъ (*uno solo ferculo sint contenti*). Но пригодность этой мѣры не успѣли оцѣнить, такъ какъ Іоаннъ XXI и Николай IV отмѣнили ее. По смерти послѣдняго (1292) между кардиналами въ теченіе двадцати семи мѣсяцевъ господствовало глубокое разногласіе, которое поддерживали соперничавшія партіи двухъ могущественныхъ римскихъ фамилій—Колонна и Орсини. Наконецъ они призвали на папскій престолъ неспособнаго къ правленію отшельника Целестина V; черезъ шесть мѣсяцевъ онъ отрекся, позаботившись, однако, подтвердить декретъ лионскаго собора, который такимъ образомъ окончательно урегулировалъ систему папскихъ выборов.

Отношенія папы къ церкви; упадокъ власти

¹⁾ См. выше, стр. 140.

архієпископовъ.—Что касается папской власти, то, благодаря дѣятельности богослововъ и канонистовъ, ея границы опредѣляются теперь съ большой точностью: первенство папы по отношенію къ церкви и его вліяніе надъ свѣтскими князьями достигаютъ въ XIII вѣкѣ высшей степени своего развитія. Вообще въ XIII вѣкѣ папская власть, какъ теоретически, такъ и фактически, занимаетъ въ христіанскомъ мірѣ первое мѣсто.

Самой характерной общей чертой въ отношеніяхъ папы къ церкви является то, что онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли управленія, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго. Вотъ главные пункты, по отношенію къ которымъ эта централизація проявляется наиболѣе ясно. Начиная съ XII вѣка папы присвоивали себѣ исключительное право отпущать извѣстные грѣхи, болѣею частью по личному произволу. Въ XIII вѣкѣ исключительное право отпущенія наиболѣе тяжелыхъ грѣховъ (святотатство, кровосмѣшеніе, содомскій грѣхъ, убійство духовнаго лица, поддѣлка папскихъ буллъ и проч.) становится законнымъ правомъ папы.—Александръ III въ 1153 году отнимаетъ у епископовъ право канонизировать святыхъ, а четвертый вселенскій соборъ въ Латеранѣ (1215) прибавляетъ, что только папа можетъ признавать подлинность мощей.—Папѣ принадлежитъ право давать разрѣшенія всякаго рода, включая и изъятія изъ епископской юрисдикціи, даруемая капитуламъ, монастырямъ или монашескимъ орденамъ. Точно также отнынѣ только папа сзываетъ вселенскіе соборы и утверждаетъ ихъ постановленія въ силу первенства, принадлежалцаго ему, какъ преемнику св. Петра.—Изъ этого же первенства вытекаетъ и представленіе о непогрѣшимости папы въ дѣлахъ вѣры и нравственности. Это ученіе, основывающееся на различныхъ мѣстахъ Новаго Завѣта, было ясно сформулировано Томою Аквинскимъ и косвенно признано ліонскимъ соборомъ 1274 года (канонъ Majoris). Не возвысившись еще до степени вѣрованія *de fide*, оно становится вѣрованіемъ *pro re fidei*, отъ котораго «безразсудно» уклоняться.—Апелляціи къ папѣ по дѣламъ одновременно духовнаго и свѣтскаго характера становятся настолько часты, что въ XII вѣкѣ Гильдебертъ Турскій, св. Бернарды и др. ставятъ въ упрекъ куріи неосторожность, съ какою она допускаетъ это средство защиты, превосходное въ принципѣ, но требующее регламентаціи. Кромѣ апелляціонной юрисдикціи, естественной принадлежности суверенной власти первосвященника, средневѣковые папы стремятся также

распространить свою непосредственную юрисдикцію на чужія епархіи, присвоивая себѣ право личною властью раздавать извѣстные бенефиціи. Начало этой политики положилъ Адріанъ IV (1154—1159), а его преемники развили ее. Сначала она давала хорошіе результаты, выводя изъ неизвѣстности людей, которые могли принести пользу церкви; но вскорѣ она начала искажаться. Въ 1245 г., на ліонскомъ соборѣ, и въ слѣдующіе годы англійскіе епископы, особенно епископъ линкольнскій Робертъ Гростэтъ (Большая голова), жаловались на то, что папа роздалъ итальянцамъ слишкомъ много англійскихъ бенефицій, и Иннокентій IV въ концѣ-концовъ обѣщалъ отказаться отъ своего права самовластно назначать духовныхъ лицъ. Его преемникъ Александръ IV объявилъ въ 1255 г., что ни одинъ капитулъ не будетъ обремененъ болѣе чѣмъ четырьмя «апостольскими мандатами»: такъ назывались указы, въ которыхъ папа повелѣвалъ снабжать бенефиціями указанныхъ имъ кандидатовъ. Немного поздиѣ Климентъ IV (1265—1268) присвоилъ святому престолу право распоряжаться всеми бенефиціями, «вакантными при римскомъ дворѣ», т. е. тѣми, обладатели которыхъ умерли въ резиденціи папскаго двора; въ то же время онъ установилъ какъ принципъ, что папѣ должно принадлежать безусловное право распоряжаться (*plenaria dispositio*) всеми церковными должностями.—Все эти черты свидѣтельствуютъ о централизаціи, установившейся теперь въ управленіи церковью; но еще яснѣе эта централизація обнаруживается въ прямыхъ отношеніяхъ папы къ епископамъ и особенно къ архіепископамъ. Поѣздки *ad limina*, которыя епископы обязаны были совершать послѣ посвященія, становятся въ XII вѣкѣ неизмѣннымъ правиломъ. Ни одинъ епископъ не можетъ выйти въ отставку безъ согласія папы, который, слѣдовательно, одинъ можетъ утверждать перемѣщенія съ одной кафедры на другую. Съ другой стороны, архіепископъ не можетъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, пока не утвержденъ папою и не получилъ отъ него палліи, признака архіепископскаго сана. Григорій IX, кромѣ того, требуетъ отъ всѣхъ архіепископовъ клятвы вѣрности. Наконецъ, когда папа, по указаннымъ выше причинамъ ¹⁾, увидѣлъ себя вынужденнымъ чаще вмѣшиваться въ епископскіе выборы, то начался быстрый упадокъ архіепископской власти.

¹⁾ См. выше, стр. 73—75 и 224—227.

Мало-по-малу, архієпископы потеряли принадлежавшее имъ до сихъ поръ исключительное право судить о томъ, исполнены ли каноническія условія избираемости, провѣрять выборы, рѣшать дѣло въ случаѣ соискательства двухъ или нѣсколькихъ лицъ, наконецъ, утверждать и посвящать своихъ викаріевъ. Всѣ эти функціи фактически перешли къ папѣ; но этотъ процессъ совершился медленно и безъ шума, безъ общихъ законодательныхъ мѣръ, въ силу естественнаго хода вещей. Оцѣнка каноническихъ условій избираемости была отнята у архієпископовъ въ силу мѣръ, направленныхъ противъ симоніи—преступленія, подлежавшаго суду папы, и въ силу декретовъ, относившихся къ промежуткамъ ¹⁾ и неправильностямъ, которыя могъ разрѣшать опять-таки только папа. Вмѣшательство папы въ провѣрку выборовъ, до тѣхъ поръ незначительное и рѣдкое, становится въ XII вѣкѣ нормальнымъ. Оно могло быть оправдано многими мотивами. Во-первыхъ, папа долженъ былъ слѣдить за исполненіемъ постановленія латеранскаго собора 1139 г., которое запрещало оставлять епархію вакантною долѣе трехъ мѣсяцевъ,—правило, исполненію котораго нерѣдко препятствовали народныя волненія пли предъявленіе свѣтскимъ княземъ его регальныхъ правъ: въ случаѣ насилія, папа приказывалъ приступать къ выборамъ, а иногда прямо назначалъ епископа. Точно также, когда выборы приводили къ разногласіямъ или когда нѣсколько соискателей считали себя избранными, то иногда для улаженія спора обращались къ архієпископамъ; но чаще всего обращались къ папѣ, и такимъ образомъ архієпископъ терялъ право рѣшать вопросы объ избирательныхъ соисканіяхъ. Кромѣ того, вмѣшательство папы испрашивалось либо избирателями, либо выбраннымъ, для утвержденія выборовъ. Съ этого времени папа, утверждавшій раньше только архієпископовъ, утверждаетъ и ихъ викаріевъ. Къ концу XII вѣка лишь немногіе епископы не обращались къ папѣ за утвержденіемъ; большею частію они называли себя: «епископъ по милости Божіей и св. апостольскаго и римскаго престола». Что касается посвященія, то въ принципѣ оно всегда принадлежало архієпископу; но когда на послѣднемъ тяготѣло какое-нибудь каноническое наказаніе или когда онъ отказывался посвятить избраннаго, то опять-таки вмѣшивался папа, и все болѣе укоренялось мнѣніе, что архієпископъ есть въ сущности уполномо-

¹⁾ См. выше, стр. 225.

ченный папы, котораго папа всегда может лишить полномочія. Такимъ образомъ, реформа духовенства оказалась гибельною для архіепископской власти.

Нѣкоторые историки обвиняли Григорія VII и его преемниковъ въ томъ, что они будто бы желали присвоить святому престолу верховную власть надъ епископами: но это мнѣніе не подтверждается ни однимъ документомъ той эпохи. Напротивъ, оно противѣчитъ тексту и духу каноническаго права. Точно такъ же папы не были, какъ думаютъ нѣкоторые, систематическими противниками архіепископовъ. Въ 1135 году Иннокентій II писалъ архіепископу Компостеллы, «что св. престолъ стремился вовсе не къ тому, чтобы отнять у другихъ церквей ихъ прерогативы, а къ тому, чтобы отстоять свои собственныя». Теоретически это было совершенно вѣрно. Папа ни въ какомъ отношеніи не умалилъ власти архіепископовъ; онъ только занялъ мѣсто рядомъ съ ними. Только папство почерпало въ своемъ происхожденіи силу для расширенія своей власти и авторитетъ, какими не могли обладать архіепископы: власть папы вытекала изъ божественнаго права, власть архіепископа—изъ права церковнаго; первая основывалась на Евангеліи, вторая—на простыхъ канонахъ. Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать тайну различія ихъ судебъ.

Въ управленіи церковью папа не всегда дѣйствовалъ самолично; онъ пользовался помощью легатовъ и примасовъ. Апостольскими л е г а т а м и назывались духовныя лица, которыя назначались папою и являлись его представителями—либо постоянными въ извѣстной области, либо временными въ одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ ¹⁾. Они дѣйствовали отъ имени папы въ предѣлахъ даннаго имъ полномочія; но иногда они переступали границы своего полномочія и дѣйствовали собственною властью. Въ XIII вѣкѣ они перѣдко злоупотребляли своею властью. Такимъ образомъ, это учрежденіе, которое въ предшествующемъ вѣкѣ было вообще хорошо принято и пользовалось уваженіемъ, теперь стало вызывать жалобы, затрогивавшія и св. престолъ. Александръ IV былъ огорченъ этимъ; въ письмѣ къ архіепископамъ Франціи онъ называетъ поведеніе нѣкоторыхъ своихъ легатовъ «святоотатственной дерзостью».—На ряду съ легатами, служившими могущественнымъ орудіемъ централизаціи, Григорій VII пытался учредить должность примасовъ—можетъ быть, подѣ

¹⁾ См. выше, стр. 78.

вліянієм лже-исидоровыхъ декреталій, теорія которыхъ по этому вопросу достаточно извѣстна. Въ 1079 г. онъ даровалъ ліонскому архіепископу приматство надъ санскою, турецкою и руанскою провинціями. Въ 1089 г. Урбанъ II пожаловалъ реймскому архіепископу титулъ примаса Второй Бельгіи. Въ 1126, 1208 и 1238 годахъ рядомъ папскихъ указовъ были утверждены притязанія буржскаго архіепископа, который именовалъ себя патріархомъ и примасомъ Аквитаніи, претендуя тѣмъ самымъ па приматство надъ ошскимъ, бордосскимъ и нарбоннскимъ архіепископствами. На протяженіи всего своего округа примасы должны были исполнять обязанности папскихъ викаріевъ; но епископы, преклонившіеся передъ легатами, отказались подчиниться примасамъ. Въ виду ихъ энергичнаго сопротивленія, званіе примаса, котораго часто добивалось нѣсколько соискателей, становитесь скорѣ чистой синекурою.

Отношенія папы къ свѣтскимъ князьямъ; папское верховенство.— Въ отношеніяхъ папы къ христіанскимъ князьямъ необходимо сдѣлать различіе, которымъ обыкновенно пренебрегаютъ историки, и которое, однако, имѣетъ важное значеніе. Дѣйствиелью, князей можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: они одновременно и христіане, и главы государствъ.

Какъ христіане, князья были естественно подчинены тѣмъ же обязательствамъ, какъ и остальные христіане, и если они совершали преступленіе, то должны были нести такія же наказанія. Съ этой точки зрѣнія король-прелюбодѣй, грабитель церкви или убійца духовнаго лица, подлежалъ отлученію отъ церкви наравнѣ съ послѣднимъ изъ своихъ подданныхъ: каноническое право не допускаетъ для однихъ и тѣхъ же проступковъ различныхъ наказаній, приуровненныхъ къ рангу виновнаго. И папъ нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы они въ этомъ отношеніи отступали отъ своихъ обязанностей. Филиппъ I и Филиппъ-Августъ, не говоря уже о вельможахъ, были отлучены за прелюбодѣяніе; многіе германскіе императоры были отлучены во время спора пзъ-за инвеституръ какъ грабители церкви, Болеславъ Польскій—какъ убійца св. Станислава (1079), Генрихъ II англійскій и тулузскій графъ Раймондъ VI—какъ подстрекатели къ убійству Тома Бекета и Петра Кастельно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ папѣ приходилось рѣшать не политическій, а церковно-юридическій вопросъ; папа, по выраженію Иннокентія III, *non judicabat de feudo, sed decernebat de peccato*.

Но иногда папа шелъ далѣе. Когда отлученія было недостаточно, онъ налагалъ интердиктъ на королевство виновнаго. Такъ, Александръ III въ 1180 году наложилъ интердиктъ на Шотландію, Иннокентій III въ 1200 году—на Францію, въ 1208—на Англію и владѣнія графа тулузскаго. Въ такомъ случаѣ церковная служба прекращалась до новаго приказа, двери церковей были заперты, иконы завѣшаны, колокола молчали. Нерѣдко население въ отчаяніи возставало противъ упрямаго князя, чтобы заставить его просить отлученія. Папа могъ также освобождать подданныхъ государя отъ клятвы вѣрности, какъ сдѣлалъ Григорій VII по отношенію къ Генриху IV (1076), Иннокентій III по отношенію къ Раймонду VI (1208). Онъ могъ даже въ крайнемъ случаѣ объявить государя низложеннымъ, какъ это сдѣлали тѣ же папы съ Генрихомъ IV (1080) и Іоанномъ Безземельнымъ (1212), Иннокентій IV—съ императоромъ Фридрихомъ II (1245). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, чѣмъ бы ни была вызвана та или другая мѣра, она несомнѣнно поражала въ государѣ не только христіанина, но и главу государства. Тогда вопросъ осложнился и затрогивалъ уже самыя отношенія между духовною и свѣтскою властью.

Въ этой послѣдней области папы, начиная съ Григорія VII, держались весьма ясной теоріи: папство, имѣющее власть на небѣ и надъ душами, должно господствовать надъ королевскою властью, повелѣвающей лишь на землѣ и только тѣлами. Короли заимствуютъ свою власть отъ главы церкви, какъ луна—свой свѣтъ отъ солнца; ихъ королевства суть лены, пожалованные имъ Богомъ. Оба меча, которыми управляется міръ, служатъ церкви; одинъ изъ нихъ держитъ въ своихъ рукахъ сама церковь, другимъ владѣютъ государи, пока это приказываетъ или терпитъ папа. Однако, если папа можетъ отнять у князей свѣтскій мечъ, которымъ они владѣютъ, то онъ не можетъ уничтожить этотъ мечъ, представляющій собою божественное установленіе. Напротивъ, онъ желаетъ, чтобы между папствомъ и имперіей, какъ между душою и тѣломъ, существовало тѣсное единеніе, «которое вмѣстѣ съ благоденствіемъ имперіи обезпечивало бы и свободу церкви, вмѣстѣ съ тѣлеснымъ спокойствіемъ—спасеніе душъ, вмѣстѣ съ правами духовенства—права государства». Такова вкратцѣ теорія, изложенная въ письмахъ и буллахъ Григорія VII, Иннокентія III и Бонифація VIII, т. е. тѣхъ трехъ папъ, которые съ наибольшей энергіей отстаивали верховныя права св. престола.

Было бы, конечно, слишком смѣло утверждать, что эти папы хотѣли преобразовать христіанское общество во всемірную абсолютную монархію, главою которой былъ бы папа; но очень вѣроятно, что они желали связать всѣ христіанскія государства со св. престоломъ своего рода феодальными узами, которыя обезпечивали бы ихъ покорность, не уничтожая ихъ независимости.

Эта теорія настолько согласовалась съ идеями эпохи, что неминуемо должна была, по крайней мѣрѣ отчасти, осуществиться на практикѣ, вопреки противоположнымъ теоріямъ, выставленнымъ королевскими легистами. И вотъ папа коронуетъ императора, и императоръ играетъ при папѣ роль оруженосца: «папа владѣеть обоими мечами», говоритъ Швабское Зерцало: «онъ оставляетъ себѣ духовный мечъ и отдаетъ императору свѣтскій; когда онъ садится на своего бѣлаго коня, императоръ долженъ держать ему стремя». Той же идеей объясняются отлученіе изъ-за политическихъ причинъ, интердиктъ, низложеніе, разрѣшеніе подданныхъ отъ клятвы. Ею же объясняется и вмѣшательство папы во внутреннія дѣла государствъ, въ качествѣ ли посредника между государемъ и его подданными, или въ качествѣ примирителя двухъ враждующихъ князей, или въ качествѣ судьи между двумя претендентами на престолъ. Въ Испаніи Александръ III учреждаетъ португальское королевство и отдаетъ его герцогу Альфонсу. Польша, Венгрія и Норвегія обращаются къ Иннокентію III съ просьбою рѣшить споръ между двумя претендентами. Въ Англіи онъ выступаетъ посредникомъ между Іоанномъ Безземельнымъ и англійскими баронами (1215). Въ Лангедокѣ, во время крестоваго похода противъ альбигойцевъ, его легаты раздають побѣдителямъ помѣстья побѣжденныхъ. Но, безъ сомнѣнія, самое характерное въ этой группѣ явленій—то, что князья очень часто болѣе или менѣе добровольно вручаютъ папѣ свои владѣнія или короны, чтобы затѣмъ получить ихъ отъ него обратно въ видѣ феода. Первый примѣръ такого добровольнаго вассалитета подала тосканская графиня Матильда, принявшая свои аллоды въ ленъ отъ папы Григорія VII.

Въ 1088 году графъ Петръ Субстантскій принимаетъ въ ленъ отъ Урбана II графство Магеллонское, которое онъ передъ тѣмъ передалъ Григорію VII. Въ 1204 году Педро II Арагонскій обращаетъ свое королевство въ апостольскій феодеъ. Князь болгарскій Іоанница и португальскій король Санчо I также призна-

ютъ себя вассалами святого престола. Въ 1213 году Іоаннъ Безземельный обязуется платить папѣ дань въ 1000 ливровъ и принимаетъ отъ него въ ленъ свое королевство. Казалось, мечта Григорія VII осуществляется и всѣ вѣнценосцы міра стремятся «опереться на апостольскій престолъ, чтобы на землѣ воцарились единство, правосудіе и миръ».

Съ другой стороны, папы среднихъ вѣковъ, убѣдившись въ томъ, что свѣтское верховенство является одною изъ вѣрнѣйшихъ гарантій независимости церкви, стремятся сохранить неприкосновеннымъ или даже расширить «наслѣдіе св. Петра», которое имъ удалось приобрести благодаря поддержкѣ Карла Великаго. Въ 1115 году, во время правленія Пасхалія II, умерла графиня Матильда, завѣщавъ свои аллоды св. престолу. Въ 1198 году, тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ, Иннокентій III направилъ свои усилія на то, чтобы собрать разсѣянные владѣнія св. престола; ему удалось вернуть Анконскую марку и приобрести Сполетское герцогство. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Николай III послѣ долгихъ переговоровъ приобрѣлъ и Романью (1278).

Въ то же время палское владычество распространялось и въ сѣверной Европѣ, благодаря обращенію въ христіанство новыхъ народовъ. Въ XII вѣкѣ померанцы и ливонцы, въ XIII пруссы и финны и нѣсколько позже лапландцы и литовцы одни за другими принимаютъ христіанство. Самъ константинопольскій императоръ соглашается признать авторитетъ св. престола ¹⁾, и второму вселенскому собору въ Ліонѣ (1274) удалось то, чего безуспѣшно добивались соборы 1215 и 1245 годовъ,—примирить греческую церковь съ католической. Правда, восемь лѣтъ спустя расколъ возобновился; но въ теченіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ, когда онъ казался устраненнымъ навсегда, папа приобрѣлъ такое же верховенство надъ восточною и сѣверной Европой, какимъ онъ уже раньше обладалъ по отношенію къ западной и средней.

Въ эту минуту палское верховенство, которому вскорѣ суждено было пойти на уклонъ, достигаетъ во всѣхъ отношеніяхъ высшей точки своего развитія. Папа—владыка области св. Петра, сюзеренъ королей, духовный вождь всего христіанства—занимаетъ высшее мѣсто въ цивилизованномъ мірѣ; и когда, съ тіарой на головѣ, въ той пышной и торжественной обстановкѣ, которая отнынѣ окружаетъ его, онъ провозглашаетъ свои законы «во имя

---

¹⁾ См. ниже, глава XV, § 4.

Иисуса Христа» или посылаетъ вселенной благословеніе *in nomine domini*,—онъ не только является стражемъ общественнаго права, оплотомъ противъ цезаризма, но и фактически разыгрываетъ роль представителя Бога на землѣ, «намѣстника Христова» ¹⁾.

---

¹⁾ Этотъ выразительный титулъ былъ принятъ Иннокентіемъ III; до него папы называли себя просто „намѣстниками св. Петра“.

ГЛАВА VI.

Крестовые походы.

I.—Востокъ въ XI вѣкѣ.

Мусульманскія государства Востока.—Къ концу XI вѣка Востокъ уже почти въ теченіе пяти вѣковъ раздѣленъ между византійской христіанской имперіей и арабскими мусульманскими государствами. Сами мусульмане также раздѣлены. На Востокъ не только существуютъ два враждебныхъ другъ другу халифа—ортодоксальный въ Багдадѣ и схизматическій въ Каирѣ ¹⁾, но и эти халифы являются государями лишь по имени, въ дѣйствительности же власть находится въ рукахъ ихъ генераловъ и вонновъ.

Наиболѣе могущественными изъ мусульманскихъ народовъ были турки, пришедшіе изъ Туркестана и поступившіе на службу къ багдадскимъ халифамъ. Одинъ изъ ихъ вождей, Сельджукъ, утвердившись въ Бухарѣ, соединилъ ихъ въ одинъ народъ, названный по его имени турками-сельджуками. Одинъ изъ преемниковъ Сельджука, Тогруль-Бегъ, прославился своимъ благочестіемъ: онъ ежедневно совершалъ всѣ пять молитвъ, предписанныхъ кораномъ, постился два раза въ недѣлю и основалъ мечети во всѣхъ своихъ городахъ. Багдадскій халифъ, въ войскѣ котораго всѣ генеральскіе посты были въ то время заняты персидскими шитами, призвалъ къ себѣ на помощь этого благочестиваго мусульманина, приказалъ провозглашать его имя въ молитвахъ

¹⁾ Схизматики этой категоріи не признаютъ ни *сунны*, т. е. преданія, ни наследственности халифовъ. Они признаютъ лишь потомковъ Али и его жены Фатимы, дочери пророка. Въ Египтѣ халифами были тогда *Алиды* или *Фатимиды*; Алиды или Фатимиды и ихъ приверженцы назывались *шитами*—слово, которое сдѣлалось синонимомъ схизматика.

вслѣдъ за своимъ и даровалъ ему титулы царя Востока и Запада, повелителя вѣрующихъ. Съ этихъ поръ турецкій султанъ становится истиннымъ властелиномъ багдадскаго халифата и старается путемъ завоеваній расширить его предѣлы. Одинъ изъ этихъ султановъ, Альп-Арсланъ, напалъ на византійскую имперію и завоевалъ Армению.

Въ 1072 году Альп-Арсланъ, «Храбрый Левъ», умеръ, и такъ какъ его наслѣдники не могли придти къ соглашенію между собою, то его имперія распалась на нѣсколько королевствъ, каждое съ отдѣльнымъ турецкимъ султаномъ во главѣ. Одинъ изъ нихъ, Солиманъ, иконійскій султанъ, отнялъ у константинопольскихъ христіанъ все, что у нихъ еще оставалось въ Малой Азіи, и основалъ свою резиденцію въ богатомъ городѣ Никеѣ. Тогда Малая Азія образовала Румское султанство, т. е. страну римлянъ (такъ какъ византійская имперія сохранила имя Римской). Христіане остались тамъ, но какъ подданные, обязанные платить подушную подать; церкви были у нихъ отняты.

Другіе турецкіе вожди завоевали Сирію, которою въ теченіе цѣлаго столѣтія владѣли египетскіе халифы, и гдѣ греки удержались въ Антіохіи до 1085 г. Тогда сельджукскіе князья появились въ Антіохіи, Дамаскѣ, Алеппо и Триполи.

Всѣ эти княжества были чисто военными государствами. Населеніе, состоявшее изъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ, большей частью христіанъ разныхъ сектъ, не принимало никакого участія въ управленіи и только платило налоги; оно обыкновенно пассивно переходило изъ-подъ власти одного государя подъ власть другого; никто не справлялся съ его волею, и оно относилось довольно индифферентно къ перемѣнѣ своихъ властителей. Какъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, каждая религіозная община составляла здѣсь почти самостоятельную группу, управляемую своими духовными главами; революціи не интересовали никого, кромѣ княжескихъ фамилій, ихъ приближенныхъ, фаворитовъ и воиновъ.

Князь былъ прежде всего военачальникомъ: онъ часто носилъ простой титулъ эмира (начальника). Резиденція его находилась въ укрѣпленномъ городѣ, который былъ окруженъ толстой стѣною съ башнями по угламъ; надъ городомъ обыкновенно господствовала цитадель. Здѣсь же, въ самой резиденціи или въ ея окрестностяхъ, располагалась толпа воиновъ, которые и составляли опору князя.

Какъ и на западѣ, воины составляли привилегированный классъ, жившіи насчетъ податей, которыя взымались съ земледѣльцевъ и купцовъ, и пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ князей; за службу свою они получали жалованье или помѣстья. Но эти пожалованія не становились наследственными, какъ лены на западѣ, и такимъ образомъ мусульманскіе воины всегда оставались въ зависимости отъ вождя, у котораго они находились на службѣ. Какъ и на западѣ, воины сражались обыкновенно верхомъ; они также имѣли своихъ оруженосцевъ, военныя упражненія, поединки и чувство рыцарской чести. Но тогда какъ западные рыцари представляли собою тяжелую кавалерію, тяжело вооруженную и на неповоротливыхъ лошадяхъ, восточные ѣздили на быстрыхъ коняхъ и употребляли въ сраженіяхъ легкое оружіе, — саблю съ тонкимъ и хорошо отточеннымъ лезвиемъ, острымъ, какъ бритва, копье изъ тростника и деревянный лукъ; ихъ оборонительное оружіе состояло только изъ легкаго деревяннаго щита и подбитаго шерстью плаща.

Какъ великъ былъ контрастъ между неповоротливыми христіанскими рыцарями и ловкими кавалеристами Востока, хорошо видно изъ слѣдующаго анекдота, рассказаннаго шайзарскимъ эмиромъ Узамой. Этотъ эмиръ отправился съ какимъ-то требованіемъ къ іерусалимскому королю Фулько. Король, между прочимъ, сказалъ ему: «Мнѣ говорили, что ты благородный рыцарь. Но я самъ совѣмъ не узналъ бы этого». «Посударь», отвѣтилъ Узама, «я рыцарь на манеръ моей расы и моей фамиліи. У насъ больше всего цѣнятъ въ рыцарѣ худощавость и высокій ростъ».

Эти воины набирались среди авантюристовъ самыхъ различныхъ племенъ: такъ какъ происхожденіе въ глазахъ мусульманъ не играетъ никакой роли, то единственнымъ условіемъ для того, чтобы быть допущеннымъ въ ихъ ряды, была мусульманская вѣра. Такимъ образомъ князья имѣли на своей службѣ арабовъ, курдовъ, берберовъ, христіанскихъ или византійскихъ ренегатовъ и черкесскихъ рабовъ, купленныхъ у кавказскихъ горцевъ. Но главную силу ихъ армій, начиная съ XI-го вѣка, составляли толпы турецкихъ кавалеристовъ.

Эти мусульманскія княжества безпрестанно возникали и распались, въ зависимости отъ случайностей войны, интригъ между князьями, наследованія, раздѣловъ или вымиранія фамилій; были и такіе князья, — особенно въ сирійскихъ горахъ, — всѣ владѣнія которыхъ заключались въ одной крѣпости съ прилежащимъ къ

ней округомъ ¹⁾. Надъ этими эфемерными княжествами и миниатюрными государствами возвышались князья, превосходившіе всѣхъ остальныхъ своимъ могуществомъ. Таковы были эмиры халебскій и дамаскій въ Сиріи, въ Египтѣ—военачальники, правившіе странюю отъ имени каирскаго халифа, фатимита; таковъ былъ въ особенности турецкій князь, наслѣдникъ Сельджукидовъ, утвердившійся въ области Евфрата, откуда онъ господствовалъ надъ Месопотаміей и Ираномъ и всегда могъ броситься къ западу на Малую Азію или къ югу на Сирію. Начиная съ конца XI-го вѣка, этотъ князь носилъ турецкій титулъ *А т а б е к а* (регента или опекуна) и жилъ обыкновенно въ Моссулѣ.

Оффициально эти князья находились въ зависимости отъ того или другого изъ багдадскихъ или каирскихъ халифовъ; они приказывали провозглашать его имя на общественныхъ богослуженіяхъ, что въ мусульманскихъ странахъ служитъ признакомъ подданства. Къ концу XI-го вѣка номинальное господство багдадскаго халифа простиралось надъ всей передней Азіей и Сиріей; владѣтельство египетскаго халифа было ограничено Египтомъ, Палестиной и сѣверной Африкой. Въ дѣйствительности князья, подчиненные халифамъ, постоянно воевали другъ съ другомъ, и каждый стремился стать независимымъ государемъ. Но во время общей опасности турецкіе султаны, господствовавшіе въ области Евфрата, составляли естественный центръ, вокругъ котораго группировалась конфедерація изъ всѣхъ мусульманскихъ князей и воиновъ Малой Азіи и Сиріи.

Христіанскія государства Востока. — Единственнымъ христіанскимъ государствомъ въ Азіи была тогда Арменія, расположенная среди крутыхъ скалъ Тавра, въ углу между Малой Азіей и Сиріей. Христіане явились сюда изъ кавказской Великой Арменіи, подвергавшейся въ XI вѣкѣ нападеніямъ какъ со стороны Сельджукидовъ, такъ и со стороны византійцевъ, которые и раздѣлили между собою власть надъ нею. Въ 1078 г. послѣдній царь изъ династіи Пагратидовъ, столь могущественной и славной въ IX и X столѣтіяхъ, бѣжалъ въ визан-

¹⁾ Типичный образецъ такихъ маленькихъ княжествъ представляетъ собою Шайзарское (кесарійское) княжество, находившееся во власти фамиліи Мушкидитовъ. Оно хорошо извѣстно благодаря автобіографіи одного изъ этихъ князей, Узамы, воина и поэта. См. въ *Publications de l'Ecole des langues orientales* ст. H. Derembourg'a, *Ousâma Ibn Mounkidh, un emir syrien au premier siècle des croisades*, t. 1, 1889.

тійскую Каппадокію и былъ убитъ тамъ греками. Эмигранты изъ Великой Арменіи присоединились къ своимъ братьямъ въ Малой Арменіи, которая уже давно имѣла своихъ отдѣльныхъ князей.

Въ непроходимыхъ горахъ Тавра армяне приступили къ реорганизациіи своего государства. Рубенъ или Рупенъ, воинъ, производившій свой родъ отъ Пагратидовъ, провозгласилъ себя ихъ княземъ и такимъ образомъ положилъ начало династіи Рупеновъ. Эти князья сначала основали свою столицу въ Сизѣ, расположенной въ долинѣ того же имени. Впослѣдствіи, когда они завоевали Тарсу и перенесли сюда свою резиденцію, Сиза служила имъ главнымъ убѣжищемъ при иноземныхъ нашествіяхъ. Согласно армянскому обычаю, подъ властью та к а в о р а (верховнаго князя или короля) находилась въ каждомъ округѣ военачальническая фамилія, жившая съ отрядомъ воиновъ въ укрѣпленномъ замкѣ и наслѣдственно управлявшая населеніемъ.

Духовенство сохранило свою литургію на армянскомъ языкѣ, свое монофизитское ученіе, своихъ священниковъ, епископовъ и верховнаго главу, католикоса, который не зависѣлъ ни отъ Константинополя, ни отъ Рима и жилъ въ одной изъ горныхъ крѣпостей.

Эта новая Арменія сумѣла отстоять свою независимость противъ турокъ и грековъ и даже завоевала у этихъ послѣднихъ часть Каппадокіи и Киликіи. Она играла видную роль въ исторіи крестовыхъ походовъ и почти всегда была союзницей латинянъ ¹⁾.

Святой Гробъ.—Св. Гробъ, т. е. гробница Христа, воздвигнутая въ Іерусалимѣ христіанскими императорами, пользовался уваженіемъ со стороны арабовъ-завоевателей. Въ теченіе пяти-вѣкового господства мусульманъ въ Іерусалимѣ, христіане не переставали приходить на поклоненіе Св. Гробу. Въ XI вѣкѣ, въ періодъ наибольшей напряженности религіознаго чувства, эти паломничества становятся болѣе частыми. Въ томъ случаѣ, когда христіанину приходилось искупать убійство или какое-нибудь другое преступленіе, церковь обыкновенно предписывала ему въ видѣ эпитиміи паломничество къ какой-нибудь далекой святынѣ—въ Римъ, въ Санъ-Яго де Компостелла или въ Іерусалимъ: это былъ способъ избѣгнуть болѣе тяжелаго наказанія. Изъ всѣхъ святынь наиболѣе почитаемой была Гробница Христова; прикосновеніе къ ней было самымъ дѣйствительнымъ средствомъ искупить

¹⁾ См. ниже, въ концѣ § IV.

свои грѣхи. Кающіеся небольшими группами садились на корабль въ какой-нибудь изъ итальянскихъ гаваней, высаживались въ Сиріи, караванами отправлялись въ Іерусалимъ и босые приходили приложиться къ Св. Гробу; многіе изъ нихъ купались въ Іорданѣ и уносили съ собою пальмовыя вѣтви съ Іерихона. Они етекались сюда изъ всѣхъ странъ Европы, даже изъ Норвегіи. Въ 1064 году архіепископъ майнцскій привелъ съ собою толпу паломниковъ въ 7,000 человекъ. Существовали небольшіе путеводители для богомольцевъ, гдѣ были указаны святыни и реликвіи Св. Земли.

Эти паломники находили Св. Гробъ во власти мусульманъ, и хотя имъ обыкновенно позволяли безпренятственно молиться передъ святынями, имъ казалось, что освобожденіе Св. Гроба отъ власти нечестивыхъ было бы дѣломъ пріятнымъ Христу. Такимъ образомъ, причину крестовыхъ походовъ слѣдуетъ искать не столько на Востокъ, въ тогдашнемъ состояніи мусульманскаго міра, сколько на Западѣ въ настроеніи умовъ христіанскаго общества въ концѣ XI вѣка. Впрочемъ, греческій императоръ Алексѣй Комнинъ находился въ сношеніяхъ съ папою Урбаномъ II¹⁾.

II.—Первый крестовый походъ.

Клермонскій соборъ.—Въ теченіе XI вѣка христіанское общество преобразовалось. Церковь поднялась изъ упадка, папа, освободившись отъ вліянія императора, былъ признанъ главою всего христіанскаго міра; монастыри, преобразованные по образцу Клуни, аскеты, ведшіе жизнь древнихъ отшельниковъ, способствовали возстановленію въ Европѣ благочестія и уваженія къ церкви. Христіанскіе воины, рыцари, организовались; они усвоили однообразную тактику, и могли теперь дѣйствовать со обща²⁾. До сихъ поръ они воевали большею частію другъ съ другомъ; папа внушилъ имъ мысль соединиться противъ враговъ христіанства. Крестовые походы были результатомъ союза между рыцарствомъ и папствомъ.

1) Въ 1093 г. на соборѣ, который созвалъ Урбанъ II въ Пьяченцѣ, греческое посольство ходатайствовало у папы о поддержкѣ противъ турокъ.

2) См. выше, глава I.

Прим. перев.

Уже въ 1074 году Григорій VII выражалъ желаніе лично повести христіанскихъ рыцарей «на борьбу съ врагами Господа до Гробницы Спасителя». Но ему еще приходилось защищаться противъ нѣмецкаго императора, и онъ ничего не могъ предпринять. Урбанъ II, французъ знатнаго происхожденія, пользовался бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ какой бы то ни было изъ его предшественниковъ; особенно была ему предана французская знать; онъ могъ, наконецъ, осуществить планъ Григорія VII.

Осенью 1095 года Урбанъ отправился во Францію, чтобы руководить соборомъ, созваннымъ съ цѣлью преобразовать французскую церковь и осудить короля Филиппа, который отказывался принять обратно свою жену. Соборъ заседалъ въ Клермонѣ; на немъ присутствовало 14 архіепископовъ, 250 епископовъ, болѣе 400 аббатовъ и тысячи рыцарей изъ южной Франціи, не говоря уже о несмѣтномъ количествѣ простого народа. Вся эта толпа не могла помѣститься въ городѣ; были разбиты палатки на полѣ. Когда соборъ, открывшійся 18 ноября, кончилъ свою работу, папа собралъ всю толпу подъ открытымъ небомъ, и здѣсь 26 ноября произнесъ рѣчь о Св. Гробѣ ¹⁾; онъ увѣщевалъ рыцарей взяться за оружіе, чтобы защитить Христа противъ невѣрныхъ, «сыновей Агари», и напоминалъ имъ слова Евангелія: «пусть каждый отречется отъ себя и возьметъ свой крестъ». Толпа, охваченная энтузіазмомъ, разразилась криками: «такъ хочеть Богъ! такъ хочеть Богъ!» Это былъ боевой кличъ крестоносцевъ. Епископъ города Пуи, Адемаръ Монтейльскій, преклонилъ колѣна передъ папою и просилъ благословить его на походъ къ Св. Гробу. Тысячи рыцарей послѣдовали его примѣру. На память о словѣ Христовѣ они прикрѣпляли къ плечу крестъ изъ матеріи (обыкновенно красной), который съ этихъ поръ становится обычнымъ значкомъ крестоносцевъ, отправляющихся въ Св. Землю. Выступая въ походъ, они прикрѣпляли его спереди, возвращаясь—на спину. Отсюда ихъ названіе крестоносцы.

Папа тотчасъ издалъ указъ относительно похода. Всякій берущій крестъ даетъ обѣтъ: онъ обязывается воевать съ невѣрными и не возвращаться на родину, пока не побываетъ у Св. Гроба. Взамѣнъ церковь освобождаетъ его отъ всѣхъ эпитимій, которыя онъ навлекъ на себя своими грѣхами. «Всякій», гласитъ декретъ,

¹⁾ Текстъ этой рѣчи не дошелъ до насъ, но мы имѣемъ рассказъ четырехъ лицъ, которыя слышали ее.

«кто отправится въ Иерусалимъ для освобожденія церкви Божіей единственно изъ благочестія, а не для пріобрѣтенія почестей или денегъ, заслужить своимъ путешествіемъ полное отпущеніе грѣховъ». Такимъ образомъ, крестоносець становится паломникомъ, человѣкомъ церкви: во время его паломничества кредиторы не могутъ преслѣдовать его; всякій, кто протянетъ руку къ его имуществу, подлежитъ отлученію.

Выступленіе крестоносцевъ.—Французскіе рыцари и папа рѣшили вопросъ о крестовомъ походѣ въ минуту энтузіазма, не обдумавъ его заранѣе. Было установлено, что рыцари выступятъ 15 августа будущаго года и соединятся въ Константинополь. Монахи и священники начали объѣзжать Францію и Германію, проповѣдывая крестовый походъ.

Самымъ знаменитымъ изъ этихъ проповѣдниковъ былъ отшельникъ, жившій въ окрестностяхъ Амьена, Петръ, который уже ранѣе совершалъ паломничество въ Св. Землю, человѣкъ невысокаго роста, худощавый, съ сверкающимъ взоромъ, одѣтый въ плащъ съ капюшономъ, подпоясанный веревкой; онъ проповѣдовалъ преимущественно между крестьянами.

Такимъ образомъ, на сѣверѣ Франціи собралась толпа жалкихъ крестьянъ, плохо вооруженная и безъ провизіи, которая двинулась въ путь вмѣстѣ съ женами и дѣтьми подъ предводительствомъ Петра Пустынника и одного бѣднаго рыцаря, Вальтера-Голяка. Они прошли черезъ Германію и, спустившись вдоль по Дунаю, достигли Константинополя.

Той же дорогой пошли и другіе отряды, образовавшіеся въ Германіи на берегахъ Рейна; передъ однимъ изъ этихъ отрядовъ выступали коза и гусь, священныя животныя древней германской мнѣологіи, которыя должны были служить вожатыми экспедиціи. Передъ выступленіемъ крестоносцы перебили въ рейнскихъ городахъ евреевъ, какъ враговъ Христа, и разграбили ихъ дома; когда архіепископъ кельнскій спряталъ кельнскихъ евреевъ въ первомъ этажѣ своего дома, толпа разбила дверь топорами и перерѣзала несчастныхъ.

Часть крестоносцевъ погибла въ битвахъ съ венграми и болгарами, которые, будучи раздражены ихъ буйнымъ поведеніемъ, рѣшили не пропускать ихъ черезъ свою страну. Тѣ изъ крестоносцевъ, которые дошли до Константинополя, начали грабить его: они срывали свинець съ церковныхъ крышъ и продавали его грекамъ. Они не хотѣли ждать рыцарей и заставили Петра Пусты-

ника тотчасъ вести ихъ противъ турокъ. Двамя отрядами они расположились подъ Никеей; одни, запертые въ своемъ лагерѣ, гдѣ они умирали отъ жажды, сдались или были избиты; другіе папали на турокъ и потерпѣли пораженіе. Лишь немногіе спаслись вмѣстѣ съ Петромъ Пустынникомъ; по словамъ лѣтописцевъ, кости христіанъ образовали холмы на Никейской равнинѣ.

Спустя нѣсколько лѣтъ возникла легенда, что настоящимъ инициаторомъ крестоваго похода былъ Петръ Пустыникъ, который и убѣдилъ папу взяться за это дѣло. Во время своего паломничества въ Іерусалимъ онъ заснулъ въ церкви Св. Гроба и во снѣ увидѣлъ Спасителя, который сказалъ ему: «Петръ, дорогой сынъ мой, встань, иди къ моему патриарху, и онъ дастъ тебѣ письмо твоего посланничества. Расскажи на твоей родинѣ о жалкомъ положеніи св. мѣсть и пробуди сердце вѣрующихъ, чтобы они освободили Іерусалимъ отъ язычниковъ». Петръ взялъ у іерусалимскаго патриарха письмо, отнесъ послѣднее къ папѣ и получилъ разрѣшеніе проповѣдывать крестовый походъ. Эта легенда пришлась по душѣ экзальтированнымъ христіанамъ, которымъ свѣтское духовенство казалось недостаточно преданнымъ дѣлу вѣры; было пріятно думать, что зачинщикомъ крестоваго похода былъ не папа, а отшельникъ.

Приготовленія къ экспедиціи, которая была рѣшена на Клермонскомъ соборѣ, закончились лишь черезъ годъ. Въ ней участвовало, по преданію, 100,000 рыцарей и 600,000 пѣхотинцевъ; но установить точное число крестоносцевъ нѣтъ никакой возможности (папа въ одномъ письмѣ говоритъ о 300,000 человекъ). Вооруженіе рыцарей состояло изъ копья и кольчуги; ихъ сопровождали слуги и повозки съ провизіей. Все крестоносное войско раздѣлилось на четыре ополченія, которыя шли до Константинополя разными путями:

1) Провансальцы и итальянцы, подъ предводительствомъ папскаго легата и тулузскаго графа Раймонда IV, шли черезъ Италію, Далмацію и эпирскія горы.

2) Нѣмцы и сѣверные французы спустились вдоль Дуная подъ начальствомъ Бальдуина геннегаускаго, Рено и Петра тульскаго, Гуго де Сен-Поля, герцога нижней Лотарингіи Готфрида Бульонскаго и его брата Бальдуина.

3) Третье ополченіе, образовавшееся въ южной Италіи и состоявшее изъ итальянскихъ крестоносцевъ и изъ рыцарей норманнскаго королевства Сициліи, подъ предводительствомъ нор-

маннского князя Богемунда тарентскаго и его племянника Танкреда, переправилось черезъ Адриатическое море и шло далѣе черезъ Эпиръ и Фракію.

4) Крестоносцы сѣверной Франціи, подъ предводительствомъ брата французскаго короля, графа Гуго Вермандуа, герцога нормандскаго Роберта, графовъ шартрскаго и фландрскаго, прошли Италію до Бриндизи и далѣе направились тѣмъ же путемъ, какъ Раймондъ.

Эти полчища не представляли собою настоящихъ армій; каждый крестоносецъ совершалъ походъ на собственный страхъ, не будучи никому обязанъ повиновеніемъ. Они естественно сгруппировались вокругъ наиболѣе извѣстныхъ сеньеровъ, но не обязались слушаться ихъ приказаній и по произволу переходили отъ одного къ другому. Папскій легатъ Адемаръ не былъ полководцемъ и могъ имѣть лишь нравственное вліяніе.

Позже, когда Готфриду Бульонскому было поручено управленіе Іерусалимомъ, возникло предположеніе, будто онъ съ самаго начала руководилъ походомъ, и вокругъ его имени сложилась цѣлая легенда. Его изображали идеаломъ рыцаря—одновременно и храбрымъ, и смиреннымъ; однимъ ударомъ меча онъ отрубалъ голову быку или разрубалъ турка до пояса; онъ несъ императорское знамя, собственноручно убилъ узурпатора Рудольфа и первый водрузилъ знамя императора на стѣнахъ Іерусалима. Въ дѣйствительности онъ провелъ свою жизнь въ мелкихъ битвахъ; но, повидному, онъ выдѣлялся изъ среды остальныхъ рыцарей своею набожностью и безкорыстіемъ.

Крестоносцы въ Константинополь.—Крестоносцы отдѣльными отрядами прибыли въ Константинополь (1096). Занятые рыцари, выдавшіе только мѣстечки и одноэтажные деревянные дома, были поражены при видѣ этого огромнаго города съ мраморными дворцами, золотыми куполами церквей и широкими улицами, наполненными народомъ. Это богатство возбуждало въ нихъ зависть, а греки-схизматики не внушали имъ почтенія. Дочь императора, Анна Комнина, съ негодованіемъ рассказываетъ о томъ, какъ вели себя крестоносцы въ Константинополь. Во время одной церемоніи одинъ изъ нихъ усѣлся на императорскомъ тронѣ, и императоръ ничего не сказалъ, «издавна зная дерзость латинянь». Графъ Бальдуинъ велѣлъ ему сойти съ трона, объяснивъ ему, что слѣдуетъ соображаться съ обычаями страны. Крестоносецъ вспылитъ и сказалъ, указывая на императора: «взгляните, пожа-

луйста, на этого мужика, который одинъ сидитъ, тогда какъ столько полководцевъ стоять на ногахъ».

Алексѣй Комнинъ потребовалъ, чтобы вожди крестоноснаго ополченія присягнули ему на вѣрность, т. е. признали себя его подданными. Готфридъ, прибывшій первымъ, расположился въ предмѣстьи Пера; онъ отказался исполнить требованіе императора, заявивъ, что будетъ вести переговоры лишь какъ равный съ равнымъ; императоръ двинулъ противъ него войска и принудилъ его дать клятву вѣрности, а затѣмъ и переправиться въ Азію. Остальные князья также согласились признать себя вассалами императора и обязались отдать ему все города Малой Азіи, какіе они отнимутъ у невѣрныхъ.

Уже эта первая встрѣча обнаружила ту глубокую ненависть, какую питали другъ къ другу крестоносцы и византійцы: византійцы находили, что латиняне грубы и нахальны, и жаловались на ихъ грабительство; крестоносцы обвиняли грековъ въ томъ, будто послѣдніе хотѣли отравить или предать ихъ, и называли ихъ трусами и лжецами. Они взаимно попрекали другъ друга ихъ вѣрою. Искреннее соглашеніе между греками и католиками было невозможно. Императоръ хотѣлъ воспользоваться крестоносцами, чтобы одолѣть турокъ и завоевать Азію. Западные князья стремились сдѣлаться самостоятельными государями на Востокъ и не хотѣли подчиняться императору.

Крестоносцы въ Малой Азіи.—Спѣша избавиться отъ крестоносцевъ, императоръ переправилъ ихъ черезъ Босфоръ. Въстѣ съ византійскимъ отрядомъ они осадили Никею и разбили турецкое войско, присланное никейскимъ султаномъ, чтобы освободить его столицу (іюнь 1097 года); но въ ту минуту, когда Никея уже готова была сдаться, греки тайно вступили въ соглашеніе съ осажденными, были впущены ими въ городъ и заперли ворота передъ крестоносцами.

Послѣ этого армія двинулась вглубь Малой Азіи; въ началѣ ее тревожили турецкіе конные отряды; но когда послѣдніе напали на нее въ открытомъ полѣ, близъ Дорилеи, то христіанскіе рыцари нанесли имъ жестокое пораженіе. Теперь крестоносцамъ предстояло пройти безлюдную и знойную страну, гдѣ нельзя было найти ни воды, ни съѣстныхъ припасовъ. Во время одной стоянки умерло отъ жажды 500 христіанъ; большая часть лошадей пала; кладъ везли на баранахъ и собакахъ. Рыцари принуждены были ѣхать верхомъ на волахъ и ослахъ. Тѣмъ не менѣе это полчище

подвигалось впередъ, поддерживаемое религіознымъ энтузіазмомъ. «Мы не понимали другъ друга», говоритъ одинъ французскій рыцарь, «но мы были точно братья, связанные любовью, какъ подобаетъ паломникамъ». Достигнувъ наконецъ горъ Киликіи, крестоносцы нашли тамъ друзей въ лицѣ армянъ, которые оказали имъ помощь.

Взятіе Эдессы.— Крестоносцы стремились прежде всего достигнуть Гроба Господня, чтобы исполнить свой обѣтъ; напротивъ, ихъ вожди хотѣли воспользоваться ими, чтобы завоевать себѣ княжества на Востокѣ. Племянникъ Богемунда, Танкредъ, задумалъ утвердиться въ Тарсѣ на киликійскомъ берегу. Братъ Готфрида Бульонскаго, Бальдуинъ, затѣялъ ссору съ нимъ и изгналъ его изъ Тарса, затѣмъ отдѣлился отъ арміи, направился на юго-востокъ въ страну Евфрата и достигъ Эдессы, гдѣ царствовалъ армянскій князь Өоросъ. Послѣдній объявилъ его своимъ наследникомъ, но Бальдуинъ хотѣлъ воцариться немедленно; онъ принудилъ Өороса отречься отъ власти и сдѣлался графомъ Эдессы (1098).

Взятіе Антиохіи.— Антиохія, которую крестоносцы встрѣтили на своемъ пути, была богатымъ торговымъ городомъ, расположеннымъ на разстояніи одного дня пути отъ моря, въ долинѣ Оронта и на склонѣ крутой горы. Въ ней было 360 церквей; ея стѣны, снабженныя 450 башнями, были такъ толсты, что по нимъ могла проѣхать четырехконная колесница. Ее защищала антиохійскій эмиръ, турокъ по происхожденію, съ отборнымъ войскомъ.

Крестоносцы расположились на равнинѣ передъ городомъ; наступило время дождей, съѣстные припасы истощились, и въ лагерѣ начали свирѣпствовать голодъ и болѣзни. Чтобы взять такой крѣпкій городъ, нужны были осадныя машины, а рыцари не умѣли ихъ построить. Но въ это время къ сирійскому берегу присталъ флотъ, на которомъ прибыла толпа итальянскихъ моряковъ, пилигримовъ, искаателей приключеній и пиратовъ, привлеченная извѣстіями о побѣдахъ крестоносцевъ. Богемундъ уговорилъ ихъ присоединиться къ крестоносцамъ и построить осадную башню. Киликійскіе армяне доставили припасы.

Между тѣмъ осада продолжалась уже болѣе года, и антиохійскій эмиръ пріобрѣлъ союзника въ лицѣ сельджукскаго султана Баркярока, который прислалъ ему на помощь моссульскаго эмира Кербогу съ арміей въ 200.000 человекъ, составленною изъ воен-

ныхъ отрядовъ всѣхъ мусульманскихъ князей. Если бы ему удалось соединиться съ осажденными, дѣло крестоносцевъ было потеряно. Начальникъ одной изъ антиохійскихъ цитаделей, армянинъ-ренегатъ, желая отомстить эмиру за оскорбленіе, предложилъ Богемунду, котораго онъ считалъ вождемъ крестоносцевъ, сдать ему свою башню. Богемундъ предложилъ остальнымъ князьямъ провести ихъ въ городъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдній былъ отданъ ему во владѣніе. Вожди сначала отказались, ссылаясь на клятву, данную ими императору. Приближеніе турецкаго войска заставило ихъ наконецъ уступить: они обѣщали Богемунду предоставить ему Антиохію. Въ ночь 2 іюня 1098 года Богемундъ провелъ свое войско по горнымъ тропинкамъ къ той башнѣ, которою командовалъ армянинъ; на разсвѣтѣ солдаты Богемунда по лѣстницамъ взошли на башню и овладѣли ею. Крестоносцы атаковали городъ съ равнины, наполнили улицы, перебили мусульманъ и разграбили ихъ дома.

Спустя три дня армія Кербоги окружила Антиохію; крестоносцы истребили всѣ съѣстные припасы въ городѣ, и голодъ сдѣлался настолько мучительнымъ, что они ѣли траву, древесную кору и кожаные ремни. Многіе ночью спускались на веревкахъ черезъ стѣну и старались убѣжать въ горы. Графъ Стефанъ Блуаскій вернулся во Францію, не исполнивъ обѣта.

Въ этой толпѣ людей, изнуренныхъ голодомъ и отчаявшихся въ спасеніи, посты и молитвы нерѣдко вызывали видѣнія. Одинъ провансальскій священникъ Петръ Вареоломей пришелъ къ графу тулузскому и сообщилъ ему, что ему явился во снѣ апостоль Андрей, указавъ въ церкви св. Петра то мѣсто, гдѣ было зарыто копье, которымъ былъ пронзенъ на крестѣ Спаситель, и сказалъ, что это копье дастъ побѣду христіанамъ. Графъ послалъ 12 работниковъ, которые цѣлый день рыли въ указанномъ мѣстѣ; къ вечеру Вареоломей нашелъ копье близъ ступеней алтаря. Провансальцы были увѣрены, что это есть дѣйствительно св. копье, но норманны утверждали, что Вареоломей самъ закопалъ его. Вареоломей предложилъ подтвердить истину своихъ словъ судомъ Божіимъ и прошелъ черезъ пылающій костеръ съ копьемъ въ рукѣ; онъ выдержалъ испытаніе, но вскорѣ послѣ этого умеръ. Его сторонники объявили, что онъ сгорѣлъ потому, что одну минуту поколебался въ своей вѣрѣ, и св. копье осталось почитаемой святыней.

Въ виду опасности положенія вожди рѣшили выбрать (только

на 15 дней) главнокомандующаго; избраннымъ оказался Богемундъ. Въ первый разъ съ начала похода былъ человекъ, который имѣлъ право отдавать приказанія. Нѣсколько отрядовъ отказались идти въ битву; Богемундъ велѣлъ поджечь ихъ квартиры. Онъ послалъ гонца къ Кербогѣ съ предложеніемъ очистить городъ. Эмиръ отвѣтилъ, что христіане имѣютъ выборъ между обращеніемъ въ мусульманство и смертью. Все крестоносное войско выступило изъ города, перешло черезъ мостъ на Оронтѣ и вступило въ битву съ мусульманами. Кербога не остапавливалъ ихъ. Его войско состояло изъ отрядовъ многихъ мусульманскихъ князей, которые ссорились другъ съ другомъ и плохо слушались его. Оно разсѣялось при первой же атакѣ. Христіане разграбили покинутый лагерь Кербоги (іюнь 1098).

Эта война отличалась дикимъ характеромъ. Капелланъ графа тулузскаго говоритъ въ своемъ повѣствованіи: «что касается женщинъ, оказавшихся въ лагерѣ, то крестоносцы не причинили имъ никакого другого вреда, кромѣ того, что пронзили имъ животы мечами». Къ арміи присоединилась шайка мародеровъ, вождемъ которой былъ бродяга, по прозванію «король нищихъ» (король Тафуръ). Но настоящимъ ея руководителемъ былъ Петръ Пустыжникъ, спасшійся послѣ гибели своего крестьянскаго ополченія; онъ сдѣлался героемъ народныхъ пѣсень, чѣмъ-то въ родѣ пророка, которому самъ Христосъ вручилъ руководство крестовымъ походомъ. Пѣснь объ Антиохіи рассказываетъ, что онъ отвѣтилъ своимъ людямъ, жаловавшимся на голодъ: «Развѣ вы не видите турецкихъ труловъ? Это отличная пища», и что войны Тафура изжарили и съѣли трупы невѣрныхъ. И авторъ прибавляетъ: «мясо турокъ вкуснѣе, чѣмъ павлинъ подъ соусомъ».

Раздоры между крестоносцами.—Крестоносцы оставались въ Антиохіи нѣсколько мѣсяцевъ, отдыхая отъ трудовъ, Между ними сильно свирѣпствовала эпидемія; жертвою ея палъ, между прочимъ, и папскій легатъ Адемаръ (1 августа). Онъ поддерживалъ миръ между вождями; послѣ его смерти ссоры стали переходить въ войны. Особеннымъ ожесточеніемъ отличалась распря между норманнами и провансальцами. Норманскій герцогъ Богемундъ хотѣлъ удержать Антиохію за собою; прованскій герцогъ Раймондъ хотѣлъ, чтобы ее отдали греческому императору, который незадолго передъ тѣмъ вернулъ подъ свою власть Малую Азію. Онъ заявилъ, что не уйдетъ изъ Антиохіи, пока въ

ней останется Богемундъ. Рыцари, споровшіе желаніемъ идти къ Іерусалиму, грозили разрушить городъ, изъ-за котораго шель споръ.

Наконецъ, въ ноябрѣ 1098 года Раймондъ выступилъ изъ Антиохіи; чтобы вознаградить себя, онъ осадилъ Ма-арру, укрѣпленный городъ внутри Сиріи; по туда же подошелъ и Богемундъ, и когда городъ былъ взятъ, норманны и провансальцы вмѣстѣ заняли его. Нѣсколько недѣль прошло въ раздорахъ. Наконецъ провансальцы, потерявъ тергѣніе, подожгли городъ, и въ это же время Богемундъ изгналъ изъ Антиохіи провансальскихъ рыцарей, которыхъ оставилъ тамъ Раймондъ. Послѣдній направился къ побережью и началъ завоевывать страну Триполи. Здѣсь крестоносцы оставались съ февраля по май 1099 года. Наконецъ, такъ какъ Раймондъ отказывался идти дальше, желая дожидаться прибытія императора Алексѣя, то они подожгли свои палатки и нестройной толпою двинулись къ Іерусалиму.

Взятіе Іерусалима.—Между тѣмъ фатимидскій халифъ Каира, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ сельджуковъ, отнялъ у нихъ Іерусалимъ (1098); онъ предложилъ крестоносцамъ приходить на поклоненіе св. мѣстамъ, но не иначе, какъ небольшими группами и безъ оружія. Вначалѣ крестоносцы попытались заключить союзъ съ фатимидами противъ сельджуковъ; но они не хотѣли оставлять св. Гробъ въ рукахъ мусульманъ. Они шли вдоль побережья, избѣгая городовъ, и затѣмъ повернули къ Іерусалиму. Ихъ оставалось 25,000 человекъ.

Приблизившись къ городу, они разсѣялись, и взобравшись кучками на высоты, съ которыхъ видны были стѣны, по обычаю того времени простерлись на землѣ, благодаря Бога за то, что онъ привелъ ихъ къ св. городу. Но Іерусалимъ былъ окруженъ крѣпкими стѣнами; крестоносцы не могли взять ихъ приступомъ; приходилось начинать правильную осаду.

Въ безплодной мѣстности, которою окруженъ Іерусалимъ, они не нашли ни съѣстныхъ припасовъ, ни дерева для постройки машинъ; Кедронскій ручей высохъ, цистерны были засыпаны; при невыносимомъ зноѣ нельзя было найти для утоленія жажды ничего, кромѣ лужъ зловонной воды. Генуэзскія галеры, приставшія къ Иффѣ, снабдили ихъ съѣстными припасами и орудіями. Они нарубили деревьевъ на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ города и построили двѣ деревянныя башни и лѣстницы. Прежде, чѣмъ идти на приступъ, они босикомъ и въ вооруженіи

совершили крестный ходъ вокругъ города (какъ повелѣлъ имъ легать Адемаръ, который явился во снѣ одному провансальскому священнику). Штурмъ продолжался полтора дня. Наконецъ имъ удалось перекинуть съ одной башни нѣсколько балокъ, которыя образовали какъ бы мостъ между башнею и стѣною. Первыми перешли черезъ него два фламандскихъ рыцаря, затѣмъ Готфридъ Бульонскій и его братъ; вскорѣ послѣ этого норманны съ другой стороны проникли въ городъ, пробивъ брешь въ стѣнѣ. Крестоносцы перебили всѣхъ, кого нашли въ городѣ. Въ мечети Омара, куда спрятались мусульмане, «кровь доходила до колѣнъ рыцаря, сидящаго на конѣ». Они на минуту прервали рѣзню, чтобы отираться босикомъ на поклоненіе Гробу Господню, и затѣмъ снова принялись убивать и грабить (15 іюля 1099 года).

Тенерь надо было подумать о томъ, кому вручить власть надъ Іерусалимомъ. Духовенство желало, чтобы во главѣ управленія стоялъ патріархъ,—рыцари требовали, чтобы власть надъ городомъ была предоставлена одному изъ нихъ. Въ концѣ-концовъ выбрали Готфрида Бульонскаго, который получилъ титулъ защитника Гроба Господня.

Вскорѣ послѣ этого армія въ 20,000 человекъ, присланная изъ Египта, подступила къ Іерусалиму со стороны Аскалона. Эта послѣдствіе спасла христіанъ. Крестоносцы не успѣли еще оставить городъ; Готфридъ повелъ ихъ противъ мусульманъ, которые были обращены въ бѣгство (12 августа). Но онъ не взялъ Аскалона изъ опасенія, чтобы Раймондъ не удержалъ его за собою.

Внослѣдствіи рассказывали, что Готфридъ былъ единогласно избранъ іерусалимскимъ королемъ, но что онъ отклонилъ это избраніе, не желая носить золотого вѣнца тамъ, гдѣ Царь царей носилъ терпový вѣнецъ. Это изреченіе принадлежитъ графу тулузскому или Бальдуину.

III.— Франкскія государства на Востокъ.

Іерусалимское королевство.—Крестовый походъ продолжался три года. Послѣдствіемъ его было то, что четыре христіанскихъ князя утвердились въ четырехъ пунктахъ Азии: Бальдуинъ въ Эдессѣ, Богемундъ въ Антиохіи, Раймондъ въ Триполи, Готфридъ въ Іерусалимѣ. Это еще не были государства: христіане занимали лишь нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ; но каждое изъ этихъ укрѣпленій сдѣлалось центромъ завоеванія.

«Иерусалимское королевство» было въ началѣ бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ христіанскихъ государствъ Востока. Исполнивъ свой обѣтъ, крестоносцы вернулись на родину; остались только Готфридъ съ 200 рыцарей. Въ юнѣ 1100 года, когда къ Яфѣ пришло пѣсколько венеціанскихъ кораблей, онъ отправился просить у нихъ помощи; венеціанцы согласились помогать ему въ течение двухъ мѣсяцевъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ была предоставлена греть городовъ, какіе будутъ завоеваны. Готфридъ умеръ въ 1100 году. Его братъ Бальдуинъ покинулъ Эдессу и явился въ Иерусалимъ, чтобы взять въ руки власть надъ королевствомъ. Онъ привелъ съ собою 200 рыцарей и ровно столько пѣхотинцевъ, сколько было достаточно, чтобы занять тѣ четыре города, изъ которыхъ состояло тогда королевство: Иерусалимъ, Рамлу, Каифу и Яффу.

Яффа была единственной гаванью, чрезъ которую королевство могло сношаться съ Европою. Одинъ паломникъ, посѣтившій Св. мѣста въ 1102 году, говоритъ, что дорога изъ Яффы въ Иерусалимъ покрыта трупами, которыхъ не успѣли похоронить, путнику на всемъ пути грозятъ нападенія сарацинскихъ всадниковъ и всюду встрѣчаются разрушенныя деревни. «Мы погибли бы», говоритъ капелланъ Бальдуина, «если бы мусульмане напали на насъ. Богъ помѣшалъ имъ сдѣлать это». Королевство было настолько бѣдно, что пришлось уничтожить часть древнихъ епископствъ, такъ что при христіанскихъ князьяхъ было меньше епископствъ, чѣмъ во времена мусульманскаго владычества.

Настоящимъ основателемъ королевства былъ Бальдуинъ (1100—1118). Онъ окончательно отразилъ нападенія египетскихъ армій и съ помощью венеціанскихъ и генуэзскихъ купцовъ постепенно завоевалъ всѣ города побережья (Арсуфъ, Цезарею, Сень-Жан-д'Акру или Итолемаиду, Сидонъ и Бейрутъ). Тиръ былъ взятъ лишь въ 1124 г., Аскалонъ—въ 1153 году. Только тогда и было закончено образованіе Иерусалимскаго королевства; оно обнимало все побережье отъ Аскалона до Бейрута, т. е. всю древнюю Финикию и часть Палестины.

Основаніе христіанскихъ княжествъ въ Сиріи.— Въ Сиріи остались сначала только норманны Богемунда, утвердившагося въ Антиохіи. Чтобы расширить свои владѣнія, онъ осадилъ было Халебъ, но по приглашенію одного армянскаго князя пошелъ въ глубь Малой Азіи, былъ застигнутъ врасплохъ отрядомъ туркменскихъ всадниковъ, побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ

(1100). Танкредъ, послѣ тщетныхъ попытокъ воцариться въ Іерусалимѣ, отправился защищать Антиохію, на которую напали турки, и освободилъ ее отъ осады (1101).

Въ эту минуту на Востокъ прибыло новое крестоносное войско. Оно образовалось подѣ влияніемъ извѣстій о побѣдахъ надъ невѣрными; здѣсь были отряды изъ всѣхъ христіанскихъ странъ: 50,000 воиновъ изъ сѣверной Італіи съ архіепископомъ миланскимъ во главѣ; аквитанскій герцогъ съ 50,000 человекъ; графы бургундскій, блуасскій, неверскій, епископы ланскій, суассонскій и парижскій, герцогъ баварскій, архіепископъ зальцбургскій и маркграфиня австрійская. За войскомъ слѣдовало множество женщинъ.

Первыми прибыли въ Константинополь ломбардцы (мартъ 1101 г.). Императоръ хотѣлъ отправить ихъ въ Азію; они отказались и взяли приступомъ укрѣпленный монастырь въ предмѣстьи Константинополя. Весною къ нимъ присоединились французы и нѣмцы, которые спустились вдоль Дуная и въ Болгаріи отразили нѣсколько нападений печенѣговъ, находившихся на службѣ императора. Крестоносцы раздѣлились на три арміи.

Первая, заключавшая въ себѣ около 260,000 человекъ и состоявшая преимущественно изъ ломбардцевъ и французовъ, выступила въ походъ въ іюнь вмѣстѣ съ Раймондомъ тулузскимъ и отрядомъ византійскихъ солдатъ, чтобы, пройдя Малую Азію, освободить Богемунда и затѣмъ двинуться на Багдадъ. Она дошла до Анциры, взяла ее и отдала грекамъ, затѣмъ пошла вдоль рѣки Галиса по странѣ, опустошенной мусульманами. Истощенное голодомъ, изнуренное и разстроенное крестоносное войско не было въ состояніи отразить мусульманъ, когда они напали на него на берегахъ Галиса; въ концѣ второго дня сраженія крестоносцы разсѣялись и въ безпорядкѣ пустились бѣжать къ берегу Чернаго моря; конница достигла Синопа, откуда затѣмъ переправилась въ Константинополь; пѣхотинцы, священники и женщины были перебиты или взяты въ плѣнъ.

Вторая армія, подѣ предводительствомъ графа неверскаго, двинулась въ путь нѣсколько недѣль спустя, чтобы присоединиться къ ломбардцамъ, но уже не застала ихъ въ Анцирѣ и повернула на югъ, направляясь въ Сирію; но безпрестанно подвергаясь нападеніямъ сельджуковъ и мучимая жаждою, она была разсѣяна и истреблена у подошвы Тавра.

Третья армія (аквитанцы и нѣмцы), состоявшая, по преда-

цію, изъ 100,000 человѣкъ, переправилась въ Малую Азію, ожесточенная противъ императора, котораго обвиняли въ желаніи предать латинянь туркамъ. Тысячи крестоносцевъ отказались вступить въ Малую Азію; одни переправились въ Сирію, другіе вернулись домой; остальные пошли тѣмъ же путемъ, которымъ шло первое крестоносное войско,—на Никею и Иконіумъ. Въ концѣ августа, изнуренные жаждою и усталостью, они наткнулись близъ Гераклеи на мусульманское войско, бѣжали безъ сопротивленія и почти всѣ были перебиты. Вильгельмъ аквитанскій и Вельфъ баварскій спаслись. Архіепископъ зальцбургскій погибъ; маркграфиня Ида и множество знатныхъ дамъ исчезли безъ слѣда (по одной легендѣ Ида была взята въ плѣнъ однимъ турецкимъ эмиромъ и сдѣлалась матерью знаменитаго позже Имад-эд-Дина Зенки).

Такъ потерпѣлъ крушеніе крестовый походъ 1101 года. Три громадныя арміи были уничтожены. Остатки бѣжали въ Антиохію,—въ томъ числѣ и Раймондъ тулузскій. Танкредъ арестовалъ его и освободилъ лишь тогда, когда Раймондъ поклялся, что не овладѣетъ ни однимъ городомъ между Антиохіей и Сен-Жанд'Акрой. Раймондъ уѣхалъ изъ Антиохіи и съ помощію небольшого генуэзскаго флота овладѣлъ Тортозой. Здѣсь провансальцами было основано новое княжество. Позже Раймондъ утвердился близъ Триполи и построилъ крѣпость передъ самымъ городомъ.

Норманны потеряли своего вождя Богемунда, попавшаго въ плѣнъ къ туркамъ. Танкредъ не торопился освобождать своего дядю, предпочитая править на его мѣстѣ. Выкупъ за Богемунда уплатилъ одинъ армянскій князь (1103). Тотчасъ по своемъ освобожденіи онъ заключилъ союзъ съ армянами, съ Бальдуиномъ эдесскимъ и своимъ вассаломъ Жосленомъ де Куртнѣ, смѣлымъ рыцаремъ, который въ 1101 г. получилъ въ ленъ нѣсколько крѣпостей на западъ отъ Евфрата; цѣлью союза была экспедиція противъ города Харрана, господствующаго надъ дорогою изъ Месопотаміи въ Сирію. Планъ Богемунда состоялъ въ томъ, чтобы изолировать сирійскихъ мусульманъ. Мусульманскіе князья съ десяти тысячнымъ войскомъ поспѣшили на выручку къ Харрану. Христіане напали на нихъ и обратили въ бѣгство; но эдесскіе рыцари, погнавшись за ними, забрались слишкомъ далеко и были частью разсѣяны, частью взяты въ плѣнъ; послѣ этого мусульмане бросились на остальную часть христіанскаго войска, на которую съ другой стороны, сдѣлавъ вылазку, напалъ харранскій гарнизонъ; христіане потерпѣли полное пораженіе. Результатомъ этой

битвы было уничтоженіе норманнскаго владычества на Востоку. Мусульмане осадили Эдессу и овладѣли окрестностями Антиохіи; греки заняли киликійскіе города. Раймондъ тулузскій продолжалъ свои завоеванія.

Богемундъ отправился въ Европу искать помощи (1104). Въ теченіе трехъ лѣтъ ему удалось собрать армию въ 35000 человекъ. Онъ отплылъ съ нею изъ Бриндизи на 230 корабляхъ (1107); но вмѣсто того, чтобы везти ее въ Сирію, онъ предпринялъ завоеваніе греческой имперіи. Онъ осадилъ Диррахіумъ, разломалъ свои корабли, чтобы построить осадныя машины, былъ отрѣзанъ византійскимъ флотомъ отъ всякихъ сношеній съ Европою и вследствие недостатка съѣстныхъ припасовъ принужденъ просить мира (1108). Онъ призналъ себя вассаломъ Алексѣя, который оставилъ ему Антиохію только какъ пожизненный ленъ. Онъ вернулся въ Италію и умеръ тамъ въ 1111 году.

Бальдуинъ эдесскій и Жосленъ, находившіеся въ плѣну у мусульманъ, были освобождены однимъ изъ двухъ эмировъ, оспаривавшихъ другъ у друга власть надъ Моссуломъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они помогли ему одолѣть его соперника; но когда они захотѣли вернуться въ свои города, которыми во время ихъ отсутствія правилъ Танкредъ, то послѣдній отказался вернуть имъ ихъ владѣнія. Онъ заключилъ союзъ противъ нихъ съ халебскимъ эмиромъ Ризваномъ, и въ 1108 году можно было видѣть странное зрѣлище, какъ крестоносецъ Танкредъ въ союзѣ съ невѣрнымъ ведетъ войну противъ крестоносцевъ Бальдуина и Жослена, которымъ помогаютъ армяне и мусульманины ¹⁾.

Послѣ смерти Богемунда императоръ потребовалъ, чтобы Танкредъ вернулъ ему Антиохію. Танкредъ отказался. Алексѣй обратился къ провансальцамъ и къ іерусалимскому королю съ просьбою о помощи противъ норманновъ. Но въ эту минуту ему пришлось идти въ Малую Азію противъ новаго иконійскаго

---

¹⁾ Около этого времени появляются въ Сиріи знаменитые ассасины, составлявшіе особую измаилитскую секту. Ихъ вождь, котораго христіане называли „Горнымъ Старцемъ“, а мусульмане „Горнымъ Княземъ“, владѣлъ нѣсколькими укрѣпленіями въ горахъ между Амамесъ и Тортозой. Самый извѣстный изъ вождей этой секты, Синанъ, жившій въ концѣ XII вѣка, игралъ видную роль, не вследствие обширности своихъ владѣній, которыя всегда были незначительны, а благодаря страху, который внушали его ассасины христіанскимъ и мусульманскимъ князьямъ; многіе изъ послѣднихъ были убиты по его приказанію.

султана, который въ 1110 году возобновилъ войну съ греками и опустошилъ Фригію почти до самаго Геллеспонта. Алексѣй принужденъ былъ отказаться отъ антиохійскаго княжества, которое осталось независимымъ государствомъ подъ властью норманнскихъ князей.

Въ Триполи Раймонду тулузскому, умершему въ 1105 году, наслѣдовалъ его сынъ Бертранъ, который въ 1109 году прибылъ на Востокъ съ провансальской арміей, взялъ Триполи и присягнулъ на вѣрность іерусалимскому королю какъ графъ Триполи.

Организація христіанскихъ владѣній на Востокѣ.—Такимъ образомъ, христіане основали четыре независимыхъ другъ отъ друга государства: королевство іерусалимское, княжество антиохійское, графства Эдессу и Триполи; каждое изъ нихъ имѣло своего особаго государя, часто находившагося во враждѣ съ остальными. Остальные князья часто признавали себя вассалами іерусалимскаго короля, но онъ всегда имѣлъ за предѣлами своего королевства только моральное первенство, лишенное всякой реальной силы.

Когда явились сюда крестоносцы, страна была населена христіанами—потомками прежняго греческаго населенія, которымъ мусульмане, по своему обычаю, оставили ихъ вѣру и законы подъ условіемъ уплаты податей. Эти туземцы имѣли своихъ епископовъ и патріарховъ, но, какъ и всѣ греческіе христіане, не признавали надъ собою власти папы. Они составляли основную часть населенія, классъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ; латиняне, которые презирали ихъ какъ схизматиковъ, продолжали обходиться съ ними какъ съ подданными. Католики, пришедшіе съ Запада, составили высшіе классы и удержали власть въ своихъ рукахъ. Они всегда были очень малочисленны, потому что большинство крестоносцевъ, исполнивъ свой обѣтъ, тотчасъ возвращалось на родину. На Востокѣ оставались лишь тѣ, которые являлись сюда искать счастья: рыцари, образовавшіе классъ сеньеровъ, и купцы, которые составили население городовъ.

Рыцари почти всѣ были французы: всѣ княжескія фамиліи въ Сиріи были французскаго происхожденія, французскій языкъ сдѣлался господствующимъ языкомъ всѣхъ западныхъ пришельцевъ въ Левантѣ. Купцы почти всѣ были итальянцы. Три итальянскихъ города—Венеція, Генуя и Пиза—имѣли тогда военные корабли и вели торговлю на Востокѣ. Какъ только они узнали объ успѣхахъ крестоносцевъ, они стали посылать въ сирійскіе

порты небольшія эскадры, чтобы принять участіе въ завоеваніяхъ. Эти итальянцы помогали князьямъ овладѣвать укрѣпленіями и заставляли дорого платить себѣ за свои услуги. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ итальянская нація, помогавшая при осадѣ его, получала въ полную собственность кварталъ (иногда треть города), рынокъ, церковь, баню, пекарню, часть набережной, магазинъ и право выгружать и продавать свои товары безъ уплаты пошлины. Этотъ кварталъ былъ подчиненъ правительству итальянской метрополи: оно присылало сюда губернатора, жившаго во дворцѣ. Въ городахъ іерусалимскаго королевства господствовала Венеція, въ городахъ графства Триполи и антиохійскаго княжества—Генуя; Пиза имѣла меньше поселеній, чѣмъ оба ея соперника (Марсель владѣлъ огороженнымъ кварталомъ въ Іерусалимѣ).

Завоеватели-христіане ежеминутно находились подъ страхомъ нападеній. Почти каждый годъ мусульманская конница опустошала окрестности городовъ. Христіане, слишкомъ малочисленные, чтобы заселить страну, сгруппировались отчасти въ укрѣпленныхъ прибрежныхъ городахъ, отчасти въ замкахъ, расположенныхъ на крутыхъ горахъ внутри страны до границъ пустыни по ту сторону Іордана ¹⁾.

Жители городовъ обогащались благодаря торговлѣ: они купали индійскіе товары, которые доставляли имъ мусульмане—шелкъ, пряности, мускусъ, алоэ, камфору, слоновую кость, жемчугъ, и перепродавали ихъ итальянскимъ, марсельскимъ и барселонскимъ купцамъ. Они торговали также сырыми продуктами Сиріи—алельсинами, вишней, ягодой, миндалемъ, сахаромъ, виномъ, оливковымъ масломъ и произведеніями туземной промышленности—триполійскими шелковыми тканями и тирійскими стеклянными издѣліями.

Рыцари, жившіе въ замкахъ, были землевладѣльцами. Они взи­мали подати съ сирійскихъ крестьянъ и грабили мусульманскіе караваны. На Востокѣ, какъ и на Западѣ, война была источникомъ наживы; рыцари предпринимали разбойничьи экспедиціи въ мусульманскія области, грабили поселенія, забирали въ плѣнъ жителей и заставляли ихъ платить выкупы. Въ началѣ плѣнникамъ послѣ битвы отрубали головы, но уже вскорѣ какъ христіане, такъ и мусульмане начали отпускать ихъ на волю за извѣстный выкупъ. Узама рассказываетъ, что въ 1119 году одинъ французскій сеньеръ,

---

¹⁾ До сихъ поръ сохранились колоссальныя развалины нѣкоторыхъ изъ этихъ замковъ.

будучи взять въ плѣнъ мусульманами, предложилъ 10000 золотыхъ, чтобы его отпустили на волю. Эмиръ сказалъ: «Отведите его къ Атабеку; можетъ быть Атабекъ, настраивъ его, заставитъ его уплатить болѣе выкупъ». Атабекъ шлъ въ своей палаткѣ. Увидѣвъ приближавшагося къ нему плѣнника, онъ всталъ, заткнулъ за поясъ полы своего платья, взмахнулъ своей саблей, подошелъ къ христіанину и отрубилъ ему голову. При встрѣчѣ эмиръ сталъ упрекать Атабека: «У насъ нѣтъ ни гроша денегъ, чтобы уплатить жалованіе туркменамъ. Плѣнникъ предлагаетъ намъ 10000 золотыхъ, я посылаю его къ тебѣ, чтобы ты выжалъ изъ него еще болшую сумму, а ты берешь и убиваешь его!...»

Туземцы называли всѣхъ этихъ иностранцевъ франками—название, усвоенное ими со временъ Карла Великаго, когда франкская монархія заключала въ себѣ всѣхъ западныхъ христіанъ. Эту привычку мусульмане сохранили и до сихъ поръ: въ Константинополѣ и въ Левантѣ всякаго европейца называютъ франкомъ ¹⁾.

Іерусалимскія ассизы. — Рыцари и горожане, поселившіеся на Востокѣ, не усвоили арабской культуры: они сохранили свои обычаи и законы.

Вожди, завоевавшіе страну, приняли титулы королей, князей и графовъ; рыцари, помогавшіе имъ, сдѣлались баронами или сирами (нѣкоторые—графами). По мѣрѣ того, какъ страна завоевывалась, князь дѣлилъ ее на большія помѣстія, которыя раздавалъ въ ленъ рыцарямъ подъ условіемъ военной службы. Такимъ образомъ феодальный строй былъ перенесенъ въ Сирію. Мы встрѣчаемъ здѣсь сировъ Тиверіады, Яффы и т. п.; мало того: феодальный строй былъ здѣсь организованъ правильнѣе, чѣмъ въ какой-либо изъ европейскихъ странъ. Даже іерусалимскій король считался только «высшимъ сеньеромъ» (сюзереномъ) и его власть была ограничена этимъ званіемъ. Всякое владѣніе было феодеомъ, каждый рыцарь—вассаломъ.

Въ Сиріи, какъ и въ Европѣ, права и обязанности князя и рыцарей не были опредѣлены никакимъ писаннымъ закономъ: ассизы, т. е. собранія рыцарей для рѣшенія судебныхъ дѣлъ, руководствовались феодальнымъ обычнымъ правомъ. Около конца XII вѣка нѣсколько частныхъ лицъ рѣшили собрать и записать

¹⁾ Ошибочно переводить слово „франкъ“ словомъ „французъ“; несмотря на то, что французы составляли главную часть крестоносныхъ армій, мусульмане плохо отличали ихъ отъ другихъ христіанъ.

обычаи, примѣнявшіеся въ ассизахъ Іерусалимскаго королевства. Составленный ими сборникъ получилъ названіе Іерусалимскихъ ассизъ.

Такъ какъ существовали двоякаго рода суды, то сборникъ состоитъ изъ двухъ частей. Рыцарскія ассизы представляютъ собою обычное право рыцарскаго суда; онѣ основаны на феодальномъ правѣ. Ассизы суда горожанъ содержатъ въ себѣ обычное право, примѣнявшееся въ судахъ горожанъ; онѣ представляютъ собой переработку обычая, которыми руководились суды провансальскихъ городовъ по торговымъ дѣламъ. Лишь въ XIII вѣкѣ этотъ сборникъ былъ признанъ обязательнымъ, и въ кипрекомъ королевствѣ ассизы господствовали до конца его существованія.

Долгое время думали, что эти сборники представляютъ собою воспроизведеніе болѣе древнихъ законовъ, которые называли Письмами Св. Гроба; они были составлены будто бы по приказанію Готфрида Бульонскаго тотчасъ послѣ взятія Іерусалима, но погибли въ 1187 году, когда св. городъ снова былъ взятъ турками. Эта легенда была придумана гораздо позже, чтобы возвысить авторитетъ ассизъ.

Такія же ассизы существовали и въ Антиохіи; до насъ дошелъ отрывокъ изъ нихъ въ армянскомъ переводѣ ¹⁾.

Рыцарскіе ордена.—Паломники приходили въ св. землю истощенные путешествіемъ; многіе заболѣвали и оставались безъ призрѣнія. Тотчасъ послѣ того, какъ Іерусалимъ былъ взятъ крестоносцами (1099), нѣсколько французскихъ рыцарей соединились, чтобы основать страннопріимный домъ, въ которомъ могли бы находить пріютъ паломники. Они образовали религіозную конгрегацию, члены которой обязывались посвящать себя уходу за бѣдными и больными, жить хлѣбомъ и водою и носить простое платье, «какъ бѣдные, ихъ господа». Они жили милостыней, которую разсылаемые ими люди собирали во всѣхъ христіанскихъ странахъ и которую они потомъ складывали въ комнаты для больныхъ. Ихъ госпиталь назывался «Страннопріимнымъ домомъ іерусалимскаго госпиталя» или госпиталемъ Св. Іоанна. Позже онъ измѣнилъ свой характеръ. Кромѣ рыцарей, здѣсь были и послушники, т. е. слуги, ходившіе за больными. Въ больницѣ находило пріютъ до 2000 больныхъ и ежедневно раздавалась мило-

---

¹⁾ См. ниже, гл. XV, объ Ассизахъ Романіи.

исхожденія; они одни могли быть начальниками монастырей и занимать должности въ орденѣ. Служителями были богатые горожане, которые отдали свое имущество ордену и занимали мѣсто либо оруженосцевъ, либо управителей; они руководили финансовыми дѣлами ордена; береговой командоръ, который наблюдалъ за посадкой на корабли и за высадкой богомольцевъ, былъ служителемъ. Священники исполняли духовныя обязанности въ орденѣ. Папы, которые очень покровительствовали Тамплиерамъ, позволили имъ имѣть собственныя капеллы и кладбища и выбирать себѣ священниковъ для отправленія божественной службы въ ихъ монастыряхъ. Они постановили, что всѣ духовныя лица, находящіяся на службѣ ордена, должны подчиняться не своему епископу, а гросмейстеру Тамплиеровъ (булла 1162 года). Такимъ образомъ орденъ Тамплиеровъ сдѣлался въ нѣдрахъ римской церкви независимой церковью, подчиненной одному только папѣ. Свѣтскіе князья, особенно французскіе, изъ уваженія къ этимъ рыцарямъ, которые посвящали себя непрерывной крестовой войнѣ, дѣлали имъ крупныя подарки. Позже орденъ владѣлъ 10000 обитателей въ Европѣ, флотомъ, банками и такой богатой казною, что могъ предложить за островъ Кипръ 100000 золотыхъ.

Какъ Госпитальеры, такъ и Тамплиеры были французскими орденами. Когда нѣмцы начали являться въ Св. Землю въ большемъ количествѣ, они также почувствовали необходимость имѣть страннопріимный домъ, въ которомъ говорили бы на ихъ языкѣ. Въ Іерусалимѣ существовало убѣжище для нѣмецкихъ паломниковъ, но оно зависѣло отъ ордена госпитальеровъ. Во время осады крестоносцами Сен-Жан-д'Акры (1189), нѣсколько нѣмцевъ собрали своихъ больныхъ на одномъ суднѣ, пришедшемъ въ негодность. Нѣмецкіе князья дали имъ средства для основанія больницы, которая и была организована въ 1197 году по образцу больницы св. Іоанна. Членами новаго ордена были нѣмецкіе рыцари, которые обязывались одновременно и ходить за больными, и воевать съ невѣрными. Они приняли наименованіе «Братьевъ Нѣмецкаго Дома» (мы называемъ ихъ рыцарями Тевтонскаго ордена). Во время пребыванія въ Палестинѣ императора Фридриха II они приобрѣли помѣстья и построили себѣ близъ Сен-Жан-д'Акры Монфортскій замокъ (1229), который оставался центромъ ордена до 1271 года.

Всѣ эти три ордена были религіозными братствами и принимали обычные три обѣта бѣдности, цѣломудрія и послушанія.

Каждый орденъ былъ организованъ по образцу Клюнійскаго или Цистерціанскаго. Генеральный капитулъ (т. е. собраніе должностныхъ лицъ и главъ обителей, входившихъ въ составъ ордена) управлялъ всею орденною. Отдѣльные монастыри были какъ бы угодьями, которыя управлялись на счетъ ордена. Но эти монахи были вмѣстѣ съ тѣмъ и рыцарями: ихъ миссіей была война. Они были все безъ исключенія благороднаго происхожденія, а ихъ вождями часто бывали крупные сеньеры. Глава ордена назывался не аббатомъ, а гросмейстеромъ, глава монастыря не пріоромъ, а командоромъ. Ихъ одежда была наполовину монашеская, наполовину военная: они носили рыцарскіе доспѣхи и сверху плащъ. У госпитальеровъ плащъ былъ чернаго цвѣта, крестъ—бѣлаго; у тамплиеровъ плащъ бѣлаго, крестъ краснаго цвѣта; у рыцарей Тевтонскаго ордена плащъ бѣлаго, крестъ чернаго цвѣта. Каждый орденъ, со своей казною, своими помѣстьями, крѣпостями и войнами представлялъ собою какъ бы маленькое государство.

IV.— Крестовые походы XII вѣка.

Второй крестовый походъ.—Одной экспедиціи оказалось достаточно, чтобы создать въ Сиріи рядъ христіанскихъ государствъ; но ихъ положеніе было очень непрочное. Мусульмане, вытѣсненные изъ береговой полосы, сохранили господство во внутренней части страны, а у христіанъ осталось лишь ничтожное количество воиновъ. Только новыя подкрѣпленія изъ Европы могли дать имъ возможность удержать свои завоеванія. Дѣйствительно, за первымъ крестовымъ походомъ послѣдовалъ рядъ другихъ. Обыкновенно насчитываютъ восемь походовъ, но это число неточно; въ него не вошли походы 1101, 1172, 1179, 1197, 1239 и 1240 гг. Поэтому цифры, которыми обозначается тотъ или другой походъ, совершенно условны; тѣмъ не менѣе и мы будемъ придерживаться ихъ, такъ какъ онѣ вошли уже во всеобщее употребленіе.

Въ теченіе первой половины XII вѣка крестоносцы переходили на Востокъ мелкими отрядами и помогали франкскимъ князьямъ довершать завоеваніе. Вскорѣ явился опасный противникъ. Атабекъ мосульскій, Имадъ эд-Динъ-Зенки, покоривъ уже многія изъ мусульманскихъ княжествъ Сиріи, рѣшилъ разрушить христіанскія государства. Эдесское графство, какъ ближайшее

къ мусульманамъ, первое подверглось нападенію. Турки внезапно явились передъ городомъ, подкопали стѣны, подперли подкопы бревнами и зажгли послѣднія; когда стѣна велѣдствіе этого рухнула, они вошли черѣзъ проломъ въ городъ и перебили жителей (1144). Остальные христіанскія государетва не успѣли подать помощь Эдессѣ.

Это несчастіе повергло въ уныніе христіанскій міръ. Св. Бернардъ, передъ которымъ преклонялся тогда весь Западъ, взялся соединить всѣхъ христіанъ въ одну великую армію, во главѣ которой стало бы духовенство. Король Франціи, Людовикъ VII, уже раньше далъ обѣтъ предпринять крестовый походъ, чтобы искупить свой проступокъ (въ 1143 году, взявъ шампанскій городъ Витри, онъ сжегъ церковь, въ которой заперлось около тысячи человѣкъ). Бароны и прелаты, собравшись въ Буржѣ вмѣстѣ съ королемъ, не могли придти къ соглашенію относительно похода. Сугерій отговаривалъ короля отъ этого предпріятія. Пригласили св. Бернарда, а онъ посоветовалъ обратиться къ папѣ. Евгений III въ своемъ отвѣтѣ восхваляя храбрость французовъ, убѣждалъ ихъ отомстить за Спасителя его врагамъ, и обѣщаль отпущеніе грѣховъ и покровительство церкви каждому, кто возьметъ крестъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ св. Бернарду проповѣдовать крестовый походъ. На Пасху 1146 г. было созвано собраніе въ Везеле (Vézelay), въ Бургони. Среди поля былъ воздвигнутъ помостъ. Бернардъ явился на немъ вмѣстѣ съ королемъ, платье котораго уже украшалъ крестъ; онъ прочелъ писмо папы и произнесъ проповѣдь, въ которой приглашалъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви помочь ихъ братьямъ. Какъ иѣкогда въ Клермонѣ, толпа отвѣтила радостными кликами и окружила помостъ, требуя крестовъ. У св. Бернарда не хватило готовыхъ крестовъ, и онъ разорвалъ свое платье, чтобы приготовить изъ него новые. Даже королева Элеонора выразила желаніе принять крестъ; ея примѣру послѣдовали иѣкоторыя придворныя дамы. Обѣхавъ большую часть Франціи, Бернардъ отправился въ Германію, гдѣ его повсюду привѣтствовали какъ святого. Онъ явился на соборъ, созванный въ Шпейерѣ на Рождествѣ 1146 г. Императоръ германскій Конрадъ III отказался принять участіе въ походѣ, заявивъ, что долженъ посоветоваться со своими сановниками. Онъ присутствовалъ при богослуженіи въ кафедральномъ соборѣ. Св. Бернардъ просилъ разрѣшенія сказать проповѣдь; онъ говорилъ объ опасностяхъ, грозящихъ церкви, о заслугахъ крестоносцевъ; за-

тѣмъ, обратившись къ Конраду, онъ спросилъ его, что онъ отвѣтитъ Христу въ день Страшнаго Суда. Конрадъ, потрясенный, со слезами на глазахъ, тотчасъ же взялъ крестъ, предложенный ему св. Бернардомъ. Позже Бернадъ, говоря объ этой сценѣ, называлъ ее «чудомъ изъ чудесъ». Регенсбургскій сеймъ (февраль 1147 года) увеличилъ число крестоносцевъ.

Такимъ образомъ составились двѣ арміи: французская и нѣмецкая. Во главѣ каждой стоялъ король и папскій легатъ; въ каждой насчитывалось до 70000 рыцарей, не считая огромной массы пѣхотинцевъ. Греки опредѣляли общее число крестоносцевъ въ 900000 человекъ (цифра безъ сомнѣнія преувеличенная). Обѣ арміи пошли путемъ перваго крестоваго похода, черезъ дунайскую область и Тракію.

Нѣмцы, выступившіе въ походъ въ іюнь 1147 года, опустошили долины Тракіи и разграбили предмѣстья Константинополя. Они такъ торопились начать войну съ невѣрными, что рѣшили идти черезъ Малую Азію кратчайшимъ путемъ, черезъ Никею и Иконіумъ; но это недисциплинированное полчище подвигалось впередъ крайне медленно. Турецкіе всадники на своихъ легкихъ коняхъ безпрестанно тревожили нѣмцевъ, и тяжело вооруженные рыцари выбивались изъ силъ, ирелѣдуя ихъ. Наконецъ истощенные, умирая отъ жажды и потерявъ всякую надежду на успѣхъ, они повернули къ берегу, чтобы соединиться съ французами. Большая часть изъ нихъ была перебита или погибла отъ лишеній во время пути; остальные пришли въ Никею и застали тамъ французовъ. Послѣдніе только что покинули Константинополь; императоръ Мануиль, чтобы поскорѣе избавиться отъ нихъ, сообщилъ имъ, будто нѣмцы уже овладѣли Иконіумомъ.

Избѣгая той дороги, на которой погибли нѣмцы, французская армія обошла Малую Азію вдоль берега, черезъ Смирну, Эфесъ и Лаодикею. Имъ пришлось переходить черезъ горы по узкимъ скалистымъ тропинкамъ; войско разъединялось и подвергалось нападеніямъ со стороны турокъ; однажды самъ король Людовикъ VII, укрывшись на скалѣ, принужденъ былъ одинъ защищаться противъ множества враговъ. Только находившійся при войскѣ отрядъ тамплиеровъ показалъ крестоносцамъ примѣръ правильнаго движенія колонною; наконецъ они добрались до Атталіи, небольшого порта на скалистомъ берегу Памфиліи. Здѣсь они нашли припасы для людей, но лошадей нечѣмъ было кормить. Крестоносцы рѣшили перенравиться въ Сирію морскимъ путемъ

и послали просить кораблей у грековъ; послѣдніе прислали такъ мало кораблей, что на нихъ могли помѣститься только рыцари. Остальные крестоносцы заявили, что будутъ продолжать походъ сухимъ путемъ; они почти все погибли.

Изъ двухъ громаднѣхъ армій, которыя отиравились на Востокъ, въ Палестину прибыло лишь нѣсколько отрядовъ рыцарей съ обоими королями (1148). Иерусалимскіе рыцари соединились съ ними и убѣдили ихъ идти на завоеваніе Дамаска. Послѣдній, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Востока, расположенъ при выходѣ изъ горъ въ хорошо орошаемой долинѣ, покрытой свѣжей зеленью, среди знойной пустыни. Предмѣстья состояли изъ окруженныхъ стѣнами садовъ, среди которыхъ кое-гдѣ были разбросаны небольшіе деревенскіе дома. Крестоносцы заняли эти сады и разсѣялись въ нихъ для грабежа. Такимъ образомъ эмиръ имѣлъ время укрѣпить городъ. Въ это время распространилось извѣстіе, что на выручку къ Дамаску идетъ съ сѣвера мусульманская армія, посланная Атабекомъ. Иерусалимскіе рыцари не имѣли охоты продолжать осаду: они предпочитали видѣть Дамаскъ въ рукахъ эмира, чѣмъ подъ властью Атабека. Они убѣдили крестоносцевъ напасть на Дамаскъ съ юго-востока, чтобы избѣгнуть садовъ. Здѣсь нельзя было найти никакой защиты отъ палящихъ лучей солнца; мѣстность была безводная и лишенная растительности. Крестоносцы не могли оставаться здѣсь; они принуждены были отступить и скоро вернулись въ Европу.

Этотъ великій крестовый походъ не принесъ никакой пользы, и это такъ удивило христіанъ, что одни изъ нихъ доискивались, за какіе грѣхи постигла ихъ эта неудача, другіе приписывали вину въ ней плутнямъ грековъ и измѣнѣ восточныхъ христіанъ. Рассказывали, что іерусалимскіе христіане были подкуплены дамасскимъ эмиромъ, отъ котораго получили 250000 золотыхъ; но эмиръ будто бы обманулъ ихъ и далъ имъ мѣдныя позолоченныя монеты.

Гибель Іерусалима. — Атабекъ Шуреддинъ (Свѣточъ Вѣры) удержалъ Эдессу и, подвигаясь далѣе, овладѣлъ Дамасскомъ (1154) и началъ наступать на передовые посты іерусалимскаго королевства, къ востоку отъ Іордана. Въ это время христіане были заняты своими внутренними распрями: въ Іерусалимѣ королева Мелизенда ссорилась со своимъ сыномъ Балдуиномъ III, въ Антиохіи—принцесса Констанція со своими баронами, въ Триполи—графиня Годіерна со своимъ мужемъ, графомъ Раймондомъ

До сихъ поръ христіанамъ съ юга не грозило никакой опасности: фатимидскій халифъ Егнита жилъ въ мирѣ съ ними. Положение дѣлъ перемѣнилось, когда Нуреддинъ задумалъ распространить свою власть на Египетъ. Два генерала халифа оспаривали другъ у друга званіе визиря, которое давало власть (потому что халифъ былъ государемъ лишь номинально); побѣжденный, Шаверъ, бѣжалъ въ Дамаскъ и просилъ помощи у Нуреддина.

Атабекъ послалъ въ Египетъ войско подъ предводительствомъ курдскаго князя Ширкуха (курды—воинственное горное племя, обитающее въ области древней Ассиріи). Шаверъ, получившій благодаря Ширкуху званіе визиря, скоро убѣдился въ томъ, какъ опасно для него присутствіе его покровителя, и обратился за помощью къ іерусалимскому королю. Христіане, соединившись съ египетской арміей, принудили Ширкуха очистить страну (1164). Однако въ 1167 году Ширкухъ вернулся и взялъ Александрію. Союзники снова заставили его уйти изъ Египта. Но на этотъ разъ христіане, возбужденные выгодами экспедиціи (визирь платилъ имъ 10000 золотыхъ ежегодно), вздумали лапастъ на своего союзника. Они вторглись въ Египетъ и принялись грабить (1168). Шаверъ въ отчаяніи обратился за помощью къ Нуреддину. Каирскій халифъ, Аладгидъ, послалъ ему пряди волосъ своихъ женъ и писалъ въ письмѣ: «женщины, чьи волосы я посылаю тебѣ, заклинаятъ тебя охранить ихъ отъ обидъ, которыя ждуть ихъ со стороны франковъ».

Ширкухъ снова вступилъ въ Египетъ и на этотъ разъ остался въ немъ; онъ казнилъ Шавера, принялъ титулъ великаго визиря и подъ именемъ халифа сдѣлался властелиномъ Египта. Спустя короткое время онъ умеръ. Ему наслѣдовалъ его племянникъ Юсуфъ, сынъ Эюба, по прозванію Саладинъ (Сала-эд-Динъ,—«защитникъ вѣры»). Онъ воспользовался смертью халифа (говорятъ даже, что онъ велѣлъ его убить), чтобы уничтожить каирскій халифатъ (1171). Затѣмъ послѣ смерти Нуреддина (1174) онъ постепенно подчинилъ себѣ Сирію и Месопотамію и принялъ титулъ султана. Это былъ благочестивый мусульманинъ, который считалъ изгнаніе христіанъ съ Востока своимъ религіознымъ долгомъ.

Іерусалимскіе христіане, которымъ теперь грозила опасность и съ юга, и съ востока, уже не чувствовали себя въ силахъ дѣйствовать наступательно. Послѣ неожиданной побѣды при Аскалонѣ (1177) и пораженія на берегахъ Іордана (1179), они заключили съ Саладиномъ первое перемиріе, во время котораго

онъ одолѣлъ иконійскаго султана и покорилъ халебскій эмиратъ; въ 1184 году было заключено второе перемиріе. Но одинъ христіанскій сеньеръ, Рено Шатильонскій, типъ рыцаря-разбойника, овладѣвшій сильной крѣпостью Керакомъ, расположенной на крутой горѣ по ту сторону Іордана, началъ на караванъ, который направлялся изъ Дамаска въ Аравію, разграбилъ его и заковалъ въ цѣпи купцовъ. Саладинъ потребовалъ освобожденія каравана, но король отказалъ. Саладинъ поклялся, что убьетъ Рено своей рукою; онъ велѣлъ объявить священную войну въ Месопотаміи, Сиріи и Египтѣ, вторгся въ іерусалимское королевство (1187) и осадилъ Тиверіаду.

Христіане расположились на западной сторонѣ города. Ихъ было, по преданію, 2000 рыцарей и 18000 плѣшнихъ воиновъ, всѣ въ богатомъ вооруженіи. Стоялъ невыносимый зной. Вожди медлили. Однажды утромъ король Гюи внезапно рѣшилъ начать битву. Сраженіе продолжалось до полудня, затѣмъ рыцари, выбившись изъ силъ, отступили къ крутой скалѣ близъ Хаттпна. Сарацины подожгли траву и кустарники; рыцари, измученные жаждою, зноемъ и дымомъ, болѣе не имѣли силъ сражаться; они были отброшены на скалу, окружены, перебиты или взяты въ плѣнъ. Между плѣнными находились іерусалимскій король и гроемейстеръ тамплиеровъ; въ руки Саладина попалъ и Животворящій Крестъ, который служилъ христіанамъ знаменемъ во время битвы. Саладинъ велѣлъ привести къ себѣ плѣнниковъ, и самъ подалъ пить королю. Затѣмъ онъ сталъ упрекать Рено Шатильонскаго въ грабежахъ и разбояхъ и, согласно своему обѣту, собственноручно убилъ его. Тамплиеры, іоанниты и незнатные плѣшники были казнены.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ города королевства, исключая Іерусалима и Тира, сдались Саладину. Затѣмъ онъ осадилъ Іерусалимъ; когда ему удалось пробить брешь въ стѣнѣ, христіане сдались на капитуляцію; Саладинъ согласился отпустить ихъ, но безъ имущества, при чемъ они должны были уплатить по 10 золотыхъ монетъ съ мужчины, 5—съ женщины и 30000—за всю массу бѣдныхъ. Большинство этихъ изгнанниковъ погибло отъ нужды и лишеній.

Вступивъ въ Іерусалимъ, Саладинъ велѣлъ сбросить съ церквей кресты, разбить колокола и окропить мечети розовой водою или обкурить ладаномъ. Онъ сидѣлъ въ своей палаткѣ съ открытой дверью, принимая посѣтителей и щедро одаряя ихъ. Одинъ

ше и они разсѣялись; большинство вернулось на родину, остальные отправились въ Антиохію, гдѣ ихъ истребила эпидемія (іюнь 1190).

Короли французскій и англійскій, которые въ минуту крестоваго похода воевали другъ съ другомъ, въ январѣ 1188 г. съѣхались подъ Жизорскимъ вязомъ, обнялись и приняли крестъ. Они приказали проповѣдывать въ своихъ государствахъ крестовый походъ и, чтобы покрыть издержки войны, постановили обложить каждаго, кто остается дома, податью, равную $\frac{1}{10}$ его дохода (эта подать называлась С а л а д и н о в о й д е с я т и н о й). Однако война возобновилась. Оба короля выступили въ походъ лишь въ 1190 г.

Они рѣшили совершить походъ морскимъ путемъ. Филиппъ-Августъ направился въ Геную, чтобы сѣсть тамъ на корабли; Ричардъ шель черезъ Францію и Италію. Оба войска соединились въ Мессинѣ. Тотчасъ же начались раздоры. Сициліанцы съ ненавистію смотрѣли на этихъ чужеземцевъ. Однажды англійскій солдатъ затѣялъ ссору съ торговкою изъ-за стоимости хлѣба; мессинское населеніе побило его, возмутилось и заперло ворота города. Ричардъ взялъ Мессину и отдалъ ее на грабежъ войску (именно тогда устрешенные сициліанцы, по преданію, прозвали его Львинымъ Сердцемъ). Филиппъ потребовалъ своей части добычи и тайно писалъ сицилійскому королю, предлагая ему помощь противъ англичанъ.

Всю зиму арміи ссорились между собою, а рыцари издерживали свои деньги. Весною 1191 года французы переправились въ Сирію. Часть англійскаго войска, которая послѣдовала за ними, была занесена вѣтромъ къ берегамъ Кипра, которымъ правилъ тогда узурпаторъ Исаакъ Комнинъ. Онъ ограбилъ нѣсколько кораблей; Ричардъ высадился на островъ, разбилъ греческое войско, расположенное на берегу, и въ 25 дней завоевалъ весь островъ. Онъ отнялъ у населенія половину земель, роздалъ ихъ въ ленъ рыцарямъ и во всѣ крѣпости поставилъ гарнизоны.

Когда Филиппъ и Ричардъ прибыли въ Сирію, тамъ крестоносцы изъ всѣхъ странъ Европы уже въ теченіе двухъ лѣтъ осаждали Сен-Жан-д'Акру. Они предприняли эту осаду по совѣту іерусалимскаго короля Гюи Лузиньяна, который считалъ наиболѣе необходимымъ приобрѣсти гавань. Сен-Жан-д'Акра, построенная на скалѣ, была окружена крѣпкой стѣною; крестоносцы, расположившись на равнинѣ, окружили свой лагерь рвомъ; ихъ корабли блокировали портъ. Саладинъ, прибывшій со своей арміей,

сталъ лагеремъ на холмѣ по другую сторону города; онъ сносился съ осажденными при помощи почтовыхъ голубей и водолазовъ. Время отъ времени мусульманскимъ кораблямъ удавалось доставлять въ городъ провизію.

Осада подвигалась медленно. Крестоносцы, привезя изъ Италіи дерево, съ трудомъ построили три осадныхъ машины, въ 5 этажей каждая, но осажденные подожгли ихъ. Затѣмъ начались зимніе дожди, и въ лагерѣ появилась эпидемія. Подъ конецъ прибыли французы съ Филиппомъ-Августомъ и нѣмцы съ австрійскимъ герцогомъ Леопольдомъ. Стычки продолжались еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ послѣ двухлѣтней осады гарнизонъ сдался на капитуляцію; ему дозволено было уйти съ тѣмъ условіемъ, чтобы Саладинъ заплатилъ 200000 золотыхъ монетъ, вернулъ Животворящій Крестъ и освободилъ христіанскихъ плѣнниковъ въ 40-дневный срокъ; въ обезпеченіе договора осажденные дали 2000 заложниковъ (іюль 1191 года).

Стычки подъ Сен-Жан-д'Акрою доставили Ричарду славу храбрѣйшаго изъ христіанъ. Когда онъ возвращался въ лагерь, его цѣпять, по преданію, бывалъ унизать стрѣлами, какъ подушка иголками. Онъ былъ страшилищемъ мусульманъ; матери пугали имъ дѣтей: «Молчи, не то я позову короля Ричарда!» Когда лошадь пугалась, всадникъ спрашивалъ ее: «Развѣ ты увидѣла короля Ричарда?». Этотъ идеальный рыцарь былъ грубъ и жестокъ. Вступивъ въ Сен-Жан-д'Акру, онъ велѣлъ сорвать со стѣны австрійское знамя и бросить его въ грязь. Когда Саладинъ не могъ собрать условленной суммы въ 40-дневный срокъ послѣ капитуляціи, Ричардъ велѣлъ вывести 2000 заложниковъ передъ стѣны города и казнить ихъ. Саладинъ не отдалъ ни денегъ, ни плѣнниковъ, ни Животворящаго Креста.

Филиппъ-Августъ спѣшилъ вернуться во Францію и уѣхалъ тотчасъ по окончаніи осады, поклявшись Ричарду, что не нападетъ на его владѣнія. Ричардъ тратилъ время на небольшія экспедиціи вдоль побережья. Когда онъ наконецъ рѣшился выступить къ Іерусалиму, уже приближалась зима; онъ былъ застигнутъ холодными дождями и вернулся на побережье (1192). Онъ вновь отстроилъ Аскалонскую крѣпость; затѣмъ отправился выручать Сен-Жан-д'Акру, которую оспаривали другъ у друга оба претендента на іерусалимскую корону (съ одной стороны Конрадъ Монферратскій, поддерживаемый французами и генуэзцами, съ другой стороны Гюн Лузиньянъ съ англичанами и пизанцами).

Здѣсь онъ узналъ, что его братъ Іоаннъ вступилъ въ соглашеніе съ французскимъ королемъ, съ цѣлью отнять у него его владѣнія; эти извѣстія побудили его вернуться въ Европу. Конрадъ заключилъ союзъ съ Саладиномъ, но внезапно былъ убитъ двумя ассасинами, посланными Горнымъ Старцемъ (1192). Саладинъ умеръ въ 1193 году.

Новое пѣмецкое крестоносное войско, прибывшее изъ Италіи по морю (1197), помогло сирійскимъ христіанамъ снова овладѣть всѣми приморскими городами; но когда было получено извѣстіе о смерти императора Генриха VI, пѣмцы разсѣялись, и Іерусалимъ остался во власти мусульманъ.

Въ концѣ XII вѣка христіанскія владѣнія въ Левантѣ перемѣщаются. Христіане потеряли свои завоеванія внутри страны; они отброшены къ побережью. Іерусалимское королевство ограничивается одною Финикіею. Его столицей становится Сен-Жан-д'Акра, куда тамплиеры и госпитальеры переносятъ свою главную обитель. Графство Триполи и Аптіохійское княжество соединяются подъ властью одного князя. Эдесса безвозвратно потеряна. Четыре государства XII вѣка сведены къ двумъ.

Зато на Западѣ христіане пріобрѣли два новыхъ государства. Островъ Кипръ, который Ричардъ завоевалъ и отдалъ Гюи Лузиньяну, становится кипрекимъ королевствомъ. На материкѣ армянскій князь Левъ II, получившій отъ императора Генриха VI титулъ короля, подчинилъ себѣ всѣ небольшія армянскія области Киликіи; онъ распространилъ свою власть за горы Тавра: къ западу—на все побережье до Памфилійскаго залива, къ востоку—до равнины Евфрата. Онъ призывалъ европейскихъ рыцарей и купцовъ и отводилъ имъ для житья замки и кварталы въ городахъ. Онъ превратилъ армянскихъ вождей въ вассаловъ, ихъ владѣнія—въ лены. Несмотря на сопротивленіе духовенства и низшихъ классовъ, онъ перенялъ обычаи и законы франковъ (Аптіохійскія ассизы); онъ заставилъ свой народъ признать верховенство папы. Палскій легатъ прибылъ въ Тарсъ, чтобы короновать Льва королемъ Арменіи. Такъ возникло новое царство Малой Арменіи, гдѣ надъ низшимъ слоемъ населенія, сохраняющимъ свою армянскую національность, образуется французская аристократія, и которое можно разсматривать какъ франкское государство.

V. — Крестовые походы XIII вѣка.

Четвертый крестовый походъ.—Иннокентій III, вступившій на папскій престолъ въ 1198 году, считалъ освобожденіе св. города своей обязанностью. Всѣ государи, говорилъ онъ, суть вассалы Христа и должны помочь Ему вернуть Его владѣнія. Онъ разослалъ во всѣ католическія страны своихъ легатовъ проповѣдывать крестовый походъ; онъ потребовалъ, чтобы всѣ духовныя лица отдали сороковую часть своего имущества на снаряженіе крестоносцевъ и чтобы въ церквахъ были поставлены кружки для сбора пожертвованій.

Государи были заняты своими войнами, и никто не взялъ креста. Но одинъ французскій проповѣдникъ, Фулькъ Нейльскій, возбудилъ такой энтузіазмъ, что изъ его рукъ приняло крестъ, по преданію, до 200000 человѣкъ. Онъ явился на турниръ, устроенный графами Шампанскимъ и Блуасскимъ, и убѣдилъ ихъ принять крестъ (1199). Такимъ образомъ, на сѣверо-востокъ Франціи образовалась армія изъ сеньеровъ и рыцарей.

Для переѣзда въ Св. Землю имъ нуженъ былъ флотъ. Шестеро изъ нихъ отправились просить кораблей у венеціанскаго сената; въ числѣ этихъ шести былъ и сиръ Виллардуэнъ, шампанскій сеньеръ, который позже написалъ исторію этого похода. Венеціанскій сенатъ согласился перевезти и кормить въ теченіе года армію въ 4500 рыцарей, 9000 оруженосцевъ и 20000 слугъ (пѣхоты) и присоединить къ экспедиціи 50 галеръ. Крестоносцы обязывались уплатить 85000 марокъ серебра (420000 франковъ); все, что было бы завоевано во время похода, должны были раздѣлить между собою крестоносцы и венеціанцы. Крестоносцы выбрали своимъ вождемъ одного пьемонтскаго князя, маркиза Монферратскаго Бонифація, котораго рыцари любили за его храбрость, поэты—за щедрость. Венеціанцами командовалъ ихъ дожъ Дандоло, 90-лѣтній старикъ.

Крестоносцы хотѣли напасть на мусульманъ въ Египтѣ; но въ интересахъ Венеціи было направить экспедицію противъ Константинополя ¹⁾. Крестоносцы собрались въ Венеціи. Такъ какъ они не могли уплатить всю сумму, то сенатъ предложилъ имъ взаимнѣнъ остальныхъ денегъ (34000 марокъ) послужить Ве-

¹⁾ См. ниже, глава XV.

неці своимъ оружіемъ. Они согласились, и венеціанцы повели ихъ осаждать городъ Зару на далматскомъ берегу, сильно вредившій ихъ торговлѣ на Адриатическомъ морѣ (1202). Папа запретилъ имъ подъ страхомъ отлученія нападать на христіанскій городъ; но когда они взяли Зару (1203), онъ отлучилъ отъ церкви только венеціанцевъ, а крестоносцевъ простилъ, не запретивъ имъ даже продолжать сношенія съ отлученными.

Между тѣмъ въ Константинополѣ произошла дворцовая революція. Императоръ Исаакъ былъ свергнутъ Алексѣемъ III, который велѣлъ выколоть ему глаза и держалъ его въ заключеніи вмѣстѣ съ его сыномъ Алексѣемъ. Въ 1201 году послѣдній бѣжалъ и обратился съ просьбою о помощи сначала къ папѣ, потомъ къ германскому королю Филиппу, женатому на его сестрѣ; Филиппъ рекомендовалъ его крестоносцамъ. Алексѣй прибылъ въ ихъ лагерь подъ Зарою и обѣщалъ, если они помогутъ ему изгнать узурпатора, уплатить имъ 200000 марокъ, доставить имъ 10000 солдатъ и признать верховенство папы. Дандоло воспользовался этимъ случаемъ, чтобы увлечь крестоносцевъ къ Константинополю. Это будетъ, говорилъ онъ, лишь началомъ крестоваго похода. Папа ограничился лишь указаніемъ на то, что хотя греки и провинились передъ Богомъ и церковью,—не дѣло паломниковъ наказывать ихъ.

Крестоносцы вышли на берегъ передъ Константинополемъ. Войско Алексѣя III состояло исключительно изъ недисциплинированныхъ наемниковъ. Константинополь защищали одни только варяги, привыкшіе хорошо драться, и пизанскіе купцы, враги венеціанцевъ. Послѣ 13-и дневной осады Алексѣй III бѣжалъ. Исаакъ, освобожденный изъ темницы, былъ провозглашенъ императоромъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Алексѣемъ IV. Но онъ не имѣлъ возможности исполнить ни одного изъ обѣщаній, данныхъ имъ крестоносцамъ,—ни заплатить 200000 марокъ, ни принудить свое духовенство къ подчиненію папѣ. Греки возмутились и провозгласили новаго императора подъ именемъ Алексѣя V. Онъ потребовалъ, чтобы крестоносцы въ восьмидневный срокъ удалились.

Крестоносцы съизнова осадили городъ (ноябрь 1203 года). Наступила зима, и они терпѣли недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ; но они не могли уйти, потому что греки перебили бы ихъ во время отступленія. Эта вторая осада отличалась большою жестокостію. Наконецъ крестоносцы, во время одного сраженія подъ стѣнами, овладѣли императорскимъ знаменемъ и чудотвор-

ной иконой Божіей Матери. Нѣсколько дней спустя Константинополь былъ взятъ штурмомъ. Вопреки приказаніямъ вождей, крестоносцы разграбили и сожгли городъ. Мы ниже увидимъ, какъ они организовали завоеванную ими имперію ¹⁾.

Пятый и шестой крестовые походы.—Иннокентій III не отказался отъ мысли завоевать Іерусалимъ. Въ 1213 г. онъ съизнова разослалъ пословъ проповѣдовать крестовый походъ, поручивъ имъ давать крестъ всякому, кто пожелаетъ,— даже уголовнымъ преступникамъ. Ежемѣсячно въ торжественныхъ процессіяхъ молили Бога о побѣдѣ. Духовенство возвѣщало, что царство лже-пророка близко къ концу, ибо онъ есть тотъ самый, кто въ Апокалипсисѣ названъ дикимъ звѣремъ: звѣриное число— 666, и именно 666 лѣтъ назадъ явился Магометъ. Крестъ приняли три государя: Іоаннъ англійскій, Андрей венгерскій и Фридрихъ II, императоръ и король Сициліи, всѣ трое—вассалы папы. Латеранскій соборъ (1215) постановилъ, что всѣ крестоносцы выступать въ походъ въ іюнѣ 1217 года изъ Мессины и Бриндизи. Онъ предписалъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ рыцари не вели войнъ и не устраивали турнировъ, а духовенство вносило на нужды похода двадцатую часть своихъ доходовъ. Папа и англійскій король умерли до начала похода. Результатомъ приготовленій были двѣ экспедиціи: венгерскій король отправился въ Св. Землю въ 1217 г. (5-ый крестовый походъ), императоръ—лишь десять лѣтъ спустя (6-ой крестовый походъ) ²⁾.

Въ крестовомъ походѣ 1217 года принимали участіе нѣмцы и венгры. Они сѣли на корабли въ Спалато на Адриатическомъ морѣ и переправились въ Сен-Жан-д'Акру: здѣсь они провели

---

¹⁾ См. ниже, глава XV.

²⁾ Къ этой эпохѣ относится по рассказамъ, достовѣрность которыхъ подлежитъ сомнѣнію, *крестовый походъ дѣтей*. Молодой пастухъ изъ окрестностей Валдома, Этьенъ, обошелъ Францію, рассказывая, что Господь повелѣлъ ему вести христіанъ на освобожденіе Св. Земли. Онъ собралъ толпу подростковъ, къ которымъ пристали крестьяне, мастеровые и женщины; онъ выступилъ въ походъ, сидя на колесницѣ, покрытой ковромъ, въ сопровожденіи 30000 паломниковъ. Въ Марсели два купца взялись доставить ихъ въ Сирію, посадили ихъ на 3 корабля и перевезли въ Египетъ, гдѣ продали ихъ въ рабство мусульманамъ. По преданію, Фридрихъ II въ 1229 году освободилъ тѣхъ, которые еще оставались въ живыхъ. Другое дѣтское ополченіе—пѣмецкое (по преданію, 20000 человекъ), подъ предводительствомъ 10-лѣтняго мальчика достигло Бриндизи, гдѣ хотѣло сѣсть на корабли, но было задержано епископомъ; дѣти попытались вернуться домой, но почти всѣ погибли, не достигнувъ Германіи.

цѣлый годъ, предпринимая неудачныя экспедиціи и ссорясь съ сирийскими христіанами. Нѣсколько позже ихъ прибылъ въ Акру флотъ въ 300 кораблей съ крестоносцами изъ сѣверной Германіи и Фрисландіи, которые, собравшись на берегахъ Рейна, поплыли обходнымъ путемъ чрезъ Гибралтарскій проливъ и цѣлый годъ воевали съ невѣрными въ Португаліи.

Самымъ могущественнымъ изъ мусульманскихъ государей былъ въ это время египетскій султанъ Аладиль. Онъ пополнялъ свою армію молодыми людьми, купленными у горцевъ Кавказа и приученными къ военной службѣ. На своихъ быстрыхъ коняхъ они составляли превосходный кавалерійскій отрядъ. Ихъ называли *м а м е л ю к а м и* (рабами).

Сирийскіе христіане убѣдили крестоносцевъ прежде всего напасть на Египеть. Крестоносцы высадились передъ Даміетой. Это былъ большой торговый городъ, расположенный на восточномъ берегу одного изъ рукавовъ Нила и защищенный тройнымъ кольцомъ стѣнъ; на одномъ изъ острововъ Нильскаго рукава стояла большая башня, отъ которой были протянуты къ городу цѣпи, запиравшія рѣку. Фризскіе моряки построили деревянную башню, которую они укрѣпили на мачтахъ двухъ кораблей; отсюда крестоносцы проникли въ башню; теперь они могли блокировать городъ, въ которомъ скоро наступилъ голодъ. Осада была продолжительна. Эпидемія унесла, по преданію, шестую часть осаждающихъ. Султанъ пытался снабдить осажденныхъ продовольствіемъ, спуская по теченію рѣки трупы верблюдовъ, желудки которыхъ были наполнены съѣстными припасами; но христіане переловили ихъ. Султанъ предложилъ крестоносцамъ, если они снимутъ осаду, возвратитъ имъ Животворящій Крестъ и іерусалимское королевство, но палскій легатъ Пелагій, испанскій священникъ, заставившій провозгласить себя главнокомандующимъ, отвергъ это предложеніе. Наконецъ, крестоносцы взяли Даміету внезапнымъ нападеніемъ, разграбили ее, набрали добычи на 400000 золотыхъ и поставили здѣсь епископа (ноябрь 1219 года). Въ Даміетѣ тотчасъ же утвердились итальянцы и сдѣлали изъ нея центръ своей торговли съ Египтомъ. Эта побѣда произвела большой шумъ въ Европѣ. Папа назвалъ Пелагія «вторымъ Иисусомъ Навиномъ». На Востокѣ мусульмане разрушили стѣны Іерусалима и начали выселяться изъ него. Христіане готовились завоевать Египеть. Но они дѣйствовали такъ медленно, что султанъ успѣлъ собрать армію и построить крѣпость, названную имъ Мансурою (Побѣдо-

посною). Вся зима прошла въ спорахъ о томъ, кому владѣть Даміетой; весною къ нимъ присоединилась новая крестоносная армія, прибывшая изъ Германіи и жаждавшая воинскихъ подвиговъ. Наконецъ, въ іюлѣ 1221 года крестоносцы выступили въ походъ. Султанъ снова предложилъ имъ обмѣнять Даміету на іерусалимское королевство, но Пелагій снова отвергъ его предложеніе. Христіане подпустили къ Мансурѣ, не принявъ во вниманіе періодическаго разлива Тила, который вскорѣ превратилъ ихъ лагерь въ островъ. Мусульмане отрѣзали имъ путь къ отступленію; христіане, оцѣлленные кругомъ и лишенные припасовъ, были счастливы, когда султанъ согласился отпустить ихъ подъ условіемъ очищенія ими Даміеты.

Крестовый походъ Фридриха II и его договоръ съ египетскимъ султаномъ были описаны выше. Одинъ мусульманскій лѣтописецъ рассказываетъ, что однажды муэдзинъ съ вышины минарета, находившагося близъ лагеря Фридриха II, по мусульманскому обычаю призывалъ вѣрующихъ на молитву; султанъ изъ любви къ своему союзнику приказалъ сказать муэдзину, чтобы онъ замолчалъ, но императоръ воспротивился этому. Эта терпимость болѣе всего возбуждала христіанъ противъ Фридриха; его обвиняли въ томъ, что онъ въ глубинѣ души мусульманинъ.

Послѣ отъѣзда Фридриха французскіе рыцари возмутились противъ его правителей. Въ теченіе ближайшихъ пятнадцати лѣтъ Іерусалимское королевство было полно войнъ и грабежей. Его спасло лишь то, что египетская монархія, обнимавшая Сирію и Месопотамію, снова раздѣлилась между двумя соперничавшими князьями. Въ 1244 году полчище туркменскихъ всадниковъ, призванныхъ султаномъ Эюбомъ изъ Харизма, взяло Іерусалимъ и истребило христіанскую армію близъ Газы.

Седьмой и восьмой крестовые походы.—Иннокентій IV на Ліонскомъ соборѣ (1245) провозгласилъ четырехлѣтній миръ и выступилъ съ планомъ новаго крестоваго похода для освобожденія Іерусалима отъ певѣрныхъ. Но Германія и Италія были поглощены борьбою между папой и императоромъ. Оба послѣдніе крестовые походы были совершены однимъ только Людовикомъ Св., королемъ Франціи; въ нихъ участвовали исключительно французы. Норвежскій король Гаконъ, принявшій крестъ сначала въ 1237 году и потомъ снова послѣ паденія Іерусалима, получилъ разрѣшеніе отъ папы исполнить свой обѣтъ путемъ борьбы съ язычниками сѣверной Европы.

Седьмой крестовый походъ (1248) былъ почти копіей пятого. Мы хорошо знаемъ его благодаря наивному разсказу Жуанвила, который сопровождалъ короля. Людовикъ Св. торжественно отправился въ Сен-Дениское аббатство, чтобы взять орифламу, и выступилъ въ походъ какъ настоящій паломникъ, въ платьѣ темнаго цвѣта безъ мѣха, безъ украшеній изъ драгоценныхъ металловъ, съ желѣзными шпорами. Его рыцари послѣдовали его примѣру. Онъ спустился по долигѣ Роны и сѣлъ на корабль въ недавно пріобрѣтенной имъ небольшой гавани Эгморгѣ. Часть крестоносцевъ во время пути осталась въ Лионѣ, гдѣ папа, по ихъ настоянію, освободилъ ихъ отъ обѣта. Тѣ, которые рѣшили продолжать походъ, сѣли на корабли въ разныхъ портахъ, большею частью въ Марсели. Все войско собралось на островѣ Кипрѣ, гдѣ Людовикъ Св. цѣлыхъ два года заготовлялъ припасы. Крестоносцы провели здѣсь всю зиму, ссорясь съ туземцами. Они рѣшили напасть на султана Эюба не въ завоеванной имъ Сириі, а непосредственно въ Египтѣ. Весною 1249 года они переправились въ Египетъ на 120 большихъ, 1600 малыхъ судахъ и вышли на берегъ близъ Даміеты. Мусульманскій гарнизонъ, испугавшись, ночью вышелъ изъ города, и на другой день французы безъ битвы вступили въ Даміету (1249). Но разлитіе Нила заставило ихъ провести здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ безъ дѣла, и эта праздность имѣла пагубное вліяніе на армію.

Султанъ Эюбъ умеръ. Его вдова Шеджеръ-Эддуръ держала его смерть въ тайнѣ, чтобы дать время своему сыну Тураншаху, правителю Месопотаміи, пріѣхать въ Египетъ. Эмиръ Факръ-Эддинъ руководилъ обороной и мелкими нападеніями тревожилъ крестоносцевъ.

Между тѣмъ послѣдніе получили подкрѣпленіе; это были англійскіе феодалы и братъ Людовика Св. Альфонсъ графъ Пуатье съ арміей. Вожди обсуждали вопросъ, слѣдуетъ ли предварительно взять Александрію и укрѣпиться на всемъ побережьѣ Египта или идти прямо на Каиръ, чтобы сразу сломить могущество султана. Робертъ графъ Артуа, братъ короля, пылкій и легкомысленный, добился рѣшенія въ пользу похода на Каиръ. Войско двигалось чрезвычайно медленно: 10 миль, отдѣляющія Даміету отъ Мансуры, оно шло цѣлый мѣсяць. Какъ и во время пятого крестоваго похода, христіане осадили Мансуру и стали лагеремъ на песчаной равнинѣ среди каналовъ; они истратили пятьдесятъ дней на постройку плотины, чтобы получить возможность перейти черезъ

каналъ, отдѣлявшій ихъ отъ Мансуры, и трехъ деревянныхъ башенъ, которыя мусульмане сожгли греческимъ огнемъ.

Одинъ бедуинъ предложилъ Людовику Св. показать ему бродъ черезъ каналъ; часть войска осталась въ лагерѣ, остальные перешли бродъ. Впереди должны были идти тамплиеры, знакомые съ тактикой мусульманъ, но Робертъ графъ Артуа упросилъ короля пустить его впередъ, обѣщая не нападать на враговъ преждевременно. Людовикъ уступилъ; но Робертъ, лишь только увидѣлъ мусульманъ, тотчасъ же съ военнымъ кличемъ бросился на нихъ. Христіане перебили множество мусульманъ, въ томъ числѣ и Факръ-Эддина. Графъ Артуа преслѣдовалъ побѣжденных до Мансуры и въ сопровожденіи своей свиты и тамплиеровъ, которые не желали покинуть его, ворвался въ самый городъ. Мусульмане, сплоченные энергичнымъ Бибарсомъ, забаррикадировали городъ, закрыли христіанамъ путь къ отступленію и перебили Роберта, 300 французскихъ рыцарей, 80 тамплиеровъ и почти всѣхъ англичанъ. Въ то же время подошла ихъ флотилія и уничтожила всю христіанскую эскадру. Остатокъ арміи былъ отброшенъ за каналъ. Самъ Людовикъ едва не попалъ въ плѣнъ (февраль 1250).

Христіане пали духомъ; они были измучены усталостью и страдали отъ жары, отъ смрада труповъ и дурного питанія; караваны попадали въ руки сарацинъ; былъ великій постъ, и единственная пища крестоносцевъ заключалась въ нильской рыбѣ. Въ лагерѣ свирѣствовала эпидемія, похожая на скорбутъ, отъ которой портились десны и кожа на ногахъ «покрывалась черными и бурными пятнами на подобіе стараго саюга, пролежавшаго въ сундукѣ долгое время» (Жуанвиль).

Больные и истощенные крестоносцы не могли болѣе держаться; Людовикъ Св. рѣшилъ вести ихъ обратно къ Даміетъ. Они не успѣли разрушить мостъ позади себя; мамелюки погнались за ними и безъ сопротивленія убивали или брали въ плѣнъ. Людовикъ Св. могъ бы спастись; но онъ хотѣлъ непременно идти въ аррьергардъ. Наконецъ, когда онъ уже больше не могъ держаться на ногахъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ; армія разсѣялась, и вся цѣликомъ попала въ плѣнъ. Мамелюки привели своихъ плѣнниковъ связанными въ Мансуру и перебили ихъ почти всѣхъ, исключая лишь наиболѣе богатыхъ (апрѣль 1250 года). За освобожденіе короля и вельможъ Тураншахъ потребовалъ сначала нѣсколько городовъ въ Палестинѣ, угрожая Людовику Св. пыт-

кою. Въ концѣ-концовъ онъ удовольствовался Даміетой и выкупомъ въ 800000 золотыхъ. Былъ заключенъ договоръ, но Бибарсъ и мамелюки, уже и ранѣе недовольные предпочтеніемъ, которое оказывалъ Турапшахъ своимъ фаворитамъ, приведеннымъ имъ изъ Месопотаміи, составили заговоръ противъ него. Они убили султана вблизи кораблей, на которыхъ находились христіанскіе плѣнники; жизнь послѣднихъ нѣсколько разъ подвергалась опасности, прежде чѣмъ они были освобождены.

Крестоносцы согласно договору очистили Даміету. Мусульмане перебили больныхъ паломниковъ, которые оставались въ городѣ; тѣмъ не менѣе Людовикъ Св. не счелъ себя свободнымъ отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ: онъ заплатилъ условленный выкупъ и удалился въ Сирію, гдѣ провелъ три года, тщетно ожидая подкрѣпленій. Слѣдствіемъ смерти Турапшаха были прекращеніе эюбитской династіи, основанной Саладиномъ, и вскорѣ затѣмъ вступленіе на египетскій престолъ Ибека, положившаго начало династіи мамелюкскихъ султановъ.

Именно въ Сиріи Людовикъ IX началъ обнаруживать тѣ черты, которыя заслужили ему имя святого короля. Онъ босикомъ во власяницѣ совершилъ паломничество въ Назаретъ, своими руками помогалъ возстановлять стѣны Цезарей и хоронить трупы христіанъ въ окрестностяхъ Сидона.

По возвращеніи во Францію (1254) онъ не оставилъ мысли о крестовомъ походѣ. Въ 1270 году онъ снова покинулъ Францію со своими тремя сыновьями, братомъ Альфонсомъ графомъ Пуатье, зятемъ и дочерью, королемъ и королевою Наваррскими, графами артуаскимъ, бретанскимъ и фландрскимъ ¹⁾; но число рыцарей, сопровождавшихъ его на этотъ разъ, было гораздо меньше; увлеченіе крестовыми походами во Франціи остыло. Даже Жуанвиль отказался сопутствовать королю; большинство рыцарей согласилось ѣхать только подъ условіемъ уплаты имъ жалованья королемъ. Крестоносцы сѣли на генуэзскіе корабли; Венеція отка-

---

¹⁾ Король арагонскій Іаковъ Завоеватель принялъ крестъ и въ сентябрѣ 1269 года отплылъ изъ Барселоны; но его флотъ былъ прибитъ бурей къ берегамъ Франціи, и онъ отказался продолжать походъ, „котораго, повидимому, не одобрялъ самъ Господь“. Такъ кончился единственный крупный крестовый походъ испанцевъ. Король Кастили, раздраженный тѣмъ, что Карлъ Анжуйскій заключилъ въ темницу его брата, Энрико Кастильскаго (см. выше, стр. 212), не принялъ участія въ походѣ. Зато принцъ Эдуардъ англійскій (будущій Эдуардъ I) высадился въ Кароагенѣ съ большимъ числомъ англійскихъ и шотландскихъ рыцарей; но это было уже послѣ смерти Людовика Св.

1270 г. былъ послѣднимъ. Въ теченіе столѣтія съ лишнимъ пала и христіанскіе государи продолжаютъ еще подготавливать новыя экспедиціи и собирать налоги, установленныя для покрытія издержекъ по крестовымъ походамъ; но болѣе уже никому не удается собрать войско для похода въ Сирію. Скоро въ Европу вторгаются турки-османы, и крестовый походъ сводится къ защитѣ противъ мусульманъ, а не къ борьбѣ противъ нихъ на Востокѣ. Въ Испаніи, Пруссіи и Венгріи было еще нѣсколько крестовыхъ походовъ, въ Св. Землѣ—ни одного.

Сирійскіе христіане, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, не могли долго держаться ¹⁾; туркменъ Бибарсъ, бывшій нѣкогда рабомъ и въ 1260 году сдѣлавшійся египетскимъ султаномъ, отнималъ у нихъ городъ за городомъ. Его система состояла въ томъ, чтобы разрушать прибрежныя города и укрѣплять замки, находившіеся внутри страны. Такъ были разрушены Пезарей, Арсуфъ (1265), Яффа и Антиохія (1268). Смерть Бибарса на время приостановила дѣло разрушенія, но эмиръ Килаунъ, сдѣлавшійся султаномъ въ 1280 году, продолжалъ и закончилъ дѣло Бибарса. Онъ напалъ прежде всего на княжество Триполи, взялъ крѣпость госпитальеровъ Маркабъ (1285) и затѣмъ Триполи (1289), сжегъ городъ, перебилъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей увелъ въ рабство. Затѣмъ дошла очередь до Иерусалимскаго королевства; въ немъ было избито до 100000 христіанъ. Сен-Жан-д'Акра, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ того времени, «дверь въ Св. Мѣста», крупное складочное мѣсто товаровъ, выдержала страшную осаду. У мусульманъ было 92 осадныхъ машины; они подрыли стѣны и вошли черезъ проломъ. Городъ былъ взятъ штурмомъ, сожженъ и разрушенъ до основанія (1291). Остальные города векорѣ сдались. Такъ исчезли христіанскія государства Сиріи. Оставшіеся въ живыхъ франки вернулись въ Европу.

¹⁾ Нѣкоторое время они ждали спасенія отъ полчища монгольскихъ всадниковъ, которые, разрушивъ Багдадъ (1258), проникли до Сиріи. Эти монголы находились въ сношеніяхъ съ христіанскимъ царемъ Малой Арменіи; ихъ надѣялись обратить въ христіанство; христіане говорили, что со времени императора Константина никто не оказывалъ болѣешихъ услугъ христіанству, чѣмъ ханъ Улагу и его жена. Ханъ потребовалъ, чтобы христіане признали его своимъ владыкой. Тамплиеры отвѣтили: „если придутъ монгольскіе дьяволы, они найдутъ служителей Христа готовыми къ битвѣ“. Монголы приняли магометанство и вернулись въ Малую Азію.

Большинство этихъ бѣглецовъ нашло убѣжище въ кипрскомъ королевствѣ, которое достигло цвѣтущаго состоянія и просуществовало еще около двухъ вѣковъ. Крупные города—Венеція, Генуя, Барселона—испросили себѣ у кипрскихъ королей торговля привилегіи ¹⁾.

Одинъ изъ кипрскихъ королей отнялъ у мусульманъ Смирну (1343); другой завоевалъ Атталію, взялъ и разграбилъ Александрію (1365). Затѣмъ королевство было разорено войнами противъ генуэзцевъ, которые взяли Фамагусту и владѣли ею почти цѣлое столѣтіе (1373—1464). Вдова послѣдняго короля, венеціанка Катерина Корнаро, завѣщала свое королевство Венеціи (1489).

Эмиграція христіанъ изъ Сиріи оказалась выгодной и для армянскаго царства. Оно изнемогало подъ тяжестью дани, наложенной на него египетскими мамелюками, и страдало отъ распрѣй между народомъ, упорно державшимся своей армянской вѣры, и королемъ и воинами, которые, чтобы пріобрѣсти поддержку франковъ, обѣщали вернуться въ лоно католической церкви. Бѣжавшіе сюда изъ Сиріи франкскіе рыцари усилили партію короля; итальянскіе купцы сдѣлали изъ Лаяццо въ глубинѣ Киликійскаго залива крупный торговый портъ, въ которомъ европейцы закупали азіатскіе товары, привозимые караванами изъ странъ, подвластныхъ монголамъ, союзникамъ армянскихъ царей.

Въ 1342 году династія Рупеновъ въ Арменіи прекратилась; наслѣдниками короны по женской линіи были кипрскіе Лузиньяны;

¹⁾ Кипрская гавань Фамагуста была нѣкоторое время самымъ значительнымъ портомъ Леванта. Пала запретилъ христіанамъ подъ страхомъ отлученія вести торговля сношенія съ иевѣрными; Фамагуста сдѣлалась складочнымъ пунктомъ, гдѣ европейскіе христіане забирали продукты мусульманскихъ странъ, особенно пряности, и куда они привозили строевой лѣсъ и желѣзо, въ которыхъ нуждались египетскіе мусульмане; здѣсь торговали также естественными произведеніями Кипра—виномъ, сахаромъ и хлопкомъ. Кипрскіе корабли исполняли роль морской полиціи и забирали въ плѣнъ суда „дурныхъ христіанъ“, которыя рѣшались приближаться къ берегамъ Египта. Ядро кипрскаго населенія составляли греки восточной вѣры, которые сдѣлались подданными франкскихъ рыцарей и всегда относились враждебно къ пришельцамъ-католикамъ. По на островѣ образовалась большая колонія купцовъ, духовныхъ и горожанъ католическаго исповѣданія, которая и составляла господствующій классъ. Король продолжалъ носить титулъ іерусалимскаго короля; его дворъ въ Никозіи былъ центромъ, куда стекались франкскіе сеньеры Леванта; въ королевствѣ по прежнему примѣнялось и развивалось феодальное право ассизъ.

но армяне отказались признать ихъ, какъ католиковъ, и гражданская война возобновилась. Мамелюки воспользовались смутю, вторглись въ королевство, разграбили города и деревни и истребили армию. Царь Левъ VI, осажденный ими въ одномъ горномъ замкѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Каиръ (1375). Страна осталась опустошенной и подвластной мусульманамъ.

Тамплиеры переселились сначала на Кипръ, позднѣе въ Парижъ; тевтонскіе рыцари—въ Венецію, а впоследствии—въ Мариенбургъ въ Пруссіи ¹⁾. Госпитальеры завоевали (1310) островъ Родосъ, которымъ они владѣли до 1522 года, и нѣсколько соседнихъ острововъ; на самомъ материкѣ имъ принадлежали Смирна (1343—1402) и крѣпость Сан-Пиетро.

VI.— Общая характеристика крестовыхъ походовъ.

Характеръ крестовыхъ походовъ.— Крестовые походы были военными экспедиціями христіанъ, организованными папою, главою всего католическаго міра; всякій крестоносецъ былъ вооруженнымъ паломникомъ, которому церковь, въ награду за это паломничество, прощала всѣ заслуженныя имъ церковныя наказанія. Паломники собирались большими ополченіями вокругъ короля, могущественнаго сеньера или даже папскаго легата; но они не были подчинены никакой дисциплинѣ, они свободно переходили изъ одного ополченія въ другое или даже совсѣмъ покидали экспедицію, когда считали свой обѣтъ исполненнымъ. Такимъ образомъ, крестоносная армія представляла собою не что иное, какъ совокупность отрядовъ, избравшихъ одинъ и тотъ же путь. Они подвигались въ беспорядкѣ и медленно, верхомъ на тяжелыхъ коняхъ, обременные обозомъ, множествомъ слугъ и мародеровъ, принужденные передъ каждымъ сраженіемъ надѣвать тяжелую кольчугу.

Они тратили цѣлые мѣсяцы на прохожденіе византійской имперіи и на войны съ турецкими всадниками Малой Азіи. Въ степяхъ и пустыняхъ, гдѣ не было воды или гдѣ нельзя было добыть сѣстныхъ припасовъ, люди и лошади падали отъ голода, жажды и усталости. На стоянкахъ недостатокъ ухода, лишенія и посты, смѣняемые часто излишествами въ употребленіи пищи

¹⁾ См. ниже, главъ XIV.

и напитоковъ, порождали заразы, истреблявшія крестоносцевъ тысячами. Лишь ничтожная часть паломниковъ достигала Сирии. Такимъ образомъ, на пути въ Св. Землю, особенно въ XII вѣкѣ, погибло огромное количество людей. Въ концѣ-концовъ, крестоносцы отказались отъ этой пагубной сухопутной дороги; въ XIII вѣкѣ всѣ шли уже морскимъ путемъ; итальянскія суда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ перевозили ихъ вмѣстѣ съ ихъ лошадьми въ Св. Землю, гдѣ и начиналась настоящая война. Эта перемѣна пути кореннымъ образомъ измѣнила самый характеръ крестовыхъ походовъ.

Въ сраженіяхъ съ мусульманами крестоносцы при равномъ числѣ обыкновенно одерживали верхъ: на своихъ крупныхъ коняхъ и въ непроницаемыхъ доспѣхахъ они образовали плотные батальоны, которыхъ сарацины на своихъ малорослыхъ коняхъ и вооруженные луками и саблями не могли прорвать. Правда, побѣды крестоносцевъ не имѣли прочныхъ результатовъ; побѣдители возвращались въ Европу, и мусульмане вновь становились господами страны.

Эти арміи, время отъ времени появлявшіяся въ Св. Землѣ, могли завоевать ее, но онѣ не были въ силахъ удержать ее за собою. Но вмѣстѣ съ крестоносцами, отправлявшимися въ Св. Землю только для того, чтобы поклониться Св. мѣстамъ, сюда являлись и рыцари, стремившіеся пріобрѣсти деньги, и кушцы, искавшіе наживы; для нихъ-то и было важно сохранить за собою страну. Имъ крестовые походы обязаны всѣмъ своимъ успѣхомъ, такъ какъ они воспользовались минутной силою, какую представляли массы паломниковъ, для прочныхъ завоеваній. Они руководили военными дѣйствіями, строили осадныя машины, брали города и укрѣплялись въ нихъ, чтобы быть въ состояніи дать отпоръ непріятелю, когда онъ вернется. Сами крестоносцы были совершенно неспособны вести войны въ отдаленныхъ странахъ; нышняя экспедиція, предводимая государями, всѣ до одной кончались самымъ плачевнымъ образомъ. Единственныя крестоносныя арміи, которыя добились дѣйствительнаго успѣха (первый крестовый походъ, приведшій къ завоеванію Сирии, и четвертый, результатомъ котораго было завоеваніе греческой имперіи), были руководимы — одна итальянскими норманнами, другая — венецианцами. Энтузіазмъ и храбрость крестоносцевъ представляли собою слѣпую силу, которая нуждалась въ руководствѣ опытныхъ людей. Такимъ образомъ, крестоносцы были лишь орудіями; истинными

же основателями христіанскихъ государствъ были искатели приключеній и купцы, которые, подобно эмигрантамъ нашего времени, отправлялись на Востокъ, чтобы прочпо осѣсть тамъ.

Эти эмигранты никогда не были настолько многочисленны, чтобы заселить страну; они представляли собою военный лагерь среди туземцевъ. Въ каждомъ изъ христіанскихъ княжествъ господствующій классъ до конца состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ французскихъ рыцарей и итальянскихъ кушцовъ. Эти княжества никогда не могли достигнуть прочности европейскихъ государствъ, заключавшихъ въ себѣ цѣлую націю. Они походили на тѣ государства, какія основывали арабскіе или турецкіе вожди, гдѣ населеніе оставалось индифферентнымъ къ тому, кто управляетъ имъ и гдѣ государство сливалось съ арміей и погибало вмѣстѣ съ нею. Эти княжества просуществовали около двухъ вѣковъ, т. е. дольше, чѣмъ многія изъ восточныхъ государствъ. Лишь могучая эмиграція могла бы дать имъ силу удержаться въ борьбѣ съ мусульманскою Азіей и Византіей; но средневѣковая Европа не могла питать такой эмиграціи.

Въ теченіе полувѣка христіанскимъ государствамъ пришлось воевать лишь съ мелкими князьями Сиріи и съ мосульскимъ Атабекомъ; египетскіе мусульмане жили въ мирѣ съ ними. Это было время ихъ расцвѣта. Но когда мѣсто каирскаго халифата, разрушеннаго Саладиномъ, заняло военное государство мамелюковъ, христіане, тѣснимые со стороны Египта, не могли долго противостоять, какъ доказываютъ побѣды Саладина. Если остатки ихъ государствъ держались еще цѣлое столѣтіе, то лишь потому, что султаны не дѣлали попытокъ разрушить ихъ. Какъ для мусульманъ, такъ и для христіанъ, эта война была, безъ сомнѣнія, священной войной. Но она часто прерывалась перемиріями въ нѣсколько лѣтъ. Не слѣдуетъ также думать, будто всѣ христіанскіе князья сплотились противъ всѣхъ мусульманскихъ князей. Политическіе интересы обыкновенно превозмогали религіозную ненависть. Безпрерывно шли войны христіанъ противъ христіанъ, мусульманъ противъ мусульманъ. Нерѣдко даже какой-нибудь христіанскій князь заключалъ союзъ съ мусульманскимъ вождемъ противъ другого христіанскаго князя.

Въ христіанскомъ лагерѣ никогда не господствовало полное согласіе. Религіозный энтузіазмъ, объединявшій крестоносцевъ, не заглушалъ въ нихъ ни торговаго соперничества, ни расовой ненависти; между князьями различныхъ государствъ, между францу-

были вытѣснены, и единственными слѣдами ихъ пребыванія на Востокѣ остались развалины ихъ замковъ въ портахъ и въ горахъ Греціи и Сиріи. Но въ теченіе двухъ вѣковъ своего господства на Востокѣ они установили правильныя сношенія между христіанами Европы и мусульманскими государствами.

Для перевозки паломниковъ въ Св. Землю города средиземнаго побережья организовали транспортныя флоты; кони, которыхъ всегда везли съ собою крестоносцы, перевозились на судахъ, гдѣ трюмъ открывался съ боку. Для защиты противъ пиратовъ употребляли корабли, оснащенные по-военному, и отправляли сразу цѣлый флотъ. Существовало два рейса: одинъ весной (большой рейсъ) для паломниковъ, которые ѣхали въ Св. Землю на Пасху, другой—лѣтомъ. Перевозка паломниковъ давала большіе доходы; поэтому сильныя города удержали ее за собою; можно было отѣзжать лишь изъ опредѣленныхъ портовъ: въ Италіи—изъ Венеціи, Пизы и Генуи, во Франціи—изъ Марсея. Тампліеры получили привилегію отправлять въ каждый рейсъ одинъ корабль.

Моремъ или сушею миллионы христіанъ отправлялись изъ Европы на Востокъ; крестовый походъ былъ для нихъ какъ бы образовательнымъ путешествіемъ. Они выходили изъ своихъ замковъ или мѣстечекъ болѣе невѣжественныя, чѣмъ наши крестьяне, и внезапно видѣли передъ собою большіе города, новыя страны и неизвѣстные обычаи. Все это будило ихъ умъ и обогащало его новыми идеями. Они знакомились съ народами Востока и перенимали у нихъ нѣкоторыя искусства и обычаи.

Кромѣ того, они получали болѣе правильное представленіе о мусульманахъ. Первые крестоносцы считали ихъ дикарями и идолопоклонниками, Магомета—кумиромъ, а позже еретикомъ. Въ XIII вѣкѣ христіане уже знали сущность ислама и признавали мусульманскую культуру выше своей собственной.

Однако трудно сказать съ точностью, чѣмъ обязана Европа крестовымъ походамъ. Христіане Запада въ теченіе среднихъ вѣковъ переняли у арабовъ и грековъ множество изобрѣтеній и обычаевъ. Когда видишь въ Европѣ какой-нибудь восточный обычай, невольно приходитъ на умъ, что онъ былъ занесенъ сюда крестоносцами; но крестовые походы представляютъ собою не единственный путь, которымъ онъ могъ перейти сюда. Восточная культура господствовала по всему африканскому побережью и въ южной Испаніи; христіане находились въ правильныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ египетскими, тунисскими и испанскими му-

сульманами и съ византійскими греками. Въ общемъ намъ хорошо извѣстно, что заимствовали христіане у Востока; но относительно отдѣльныхъ предметовъ или обычаевъ мы рѣдко знаемъ, перешли ли они въ Европу чрезъ Испанію, Сицилію, Византійскую имперію или крестоносцевъ. Приписывать вліянію крестовыхъ походовъ всѣ восточные обычаи, господствовавшіе въ Европѣ въ средніе вѣка, значитъ преувеличивать ихъ вліяніе или подводить подъ ихъ имя всѣ сношенія христіанъ съ мусульманами.

Несомнѣнно, что средневѣковая Европа многое усвоила отъ мусульманскихъ народовъ, но невозможно съ точностью опредѣлить роль крестовыхъ походовъ въ этомъ воспитательномъ вліяніи Востока на Европу. Единственное, что можно приписать имъ съ увѣренностью, это—перенесеніе на Западъ тѣхъ обычаевъ, которые возникли въ самой Сиріи; таковы въ области военнаго искусства арбалетъ, барабанъ, труба и копье съ перевязью; изъ растеній—кунжутъ, абрикосы (по-итальянски *d a m a s c o*), шарлотъ (изъ Аскалона) и арбузъ. На Востокѣ христіане, которые до тѣхъ поръ всѣ брились, начали впервые носить бороды. Вѣроятно также, что вѣтряная мельница перешла въ Европу изъ Сиріи.

Чтобы узнавать другъ друга среди огромной толпы воиновъ, рыцари должны были усвоить себѣ какіе-нибудь отличительные значки; уже и раньше вошло въ обычай изображать какой-нибудь орнаментъ на щитѣ. Во время крестовыхъ походовъ эти украшенія становятся фамиліными знаками, которые затѣмъ уже не мѣняются. Такъ возникла система гербовъ. Она сложилась на Востокѣ, какъ доказываютъ употребительныя въ ней восточныя слова: *g u e u l e s* (красный)—арабское слово (отъ *g û l*, розовый); *azur* (синій)—персидское слово, *sinople* (зеленый)—греческое; золотая монета называлась *безантомъ* (византійская золотая монета), геральдическимъ крестомъ служилъ греческій крестъ.

Крестовымъ походамъ приписывали и многія другія послѣдствія: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, усиленіе королевской власти, преобразование феодальнаго строя, развитіе эпической поэзіи, обогащеніе Италіи, даже упадокъ благочестія и ослабленіе папской власти—однимъ словомъ, почти всѣ переменны, происшедшія въ западныхъ государствахъ между XI и XIII вѣками. Крестовые походы, безъ сомнѣнія, имѣли глубокое вліяніе на общій ходъ развитія христіанскихъ государствъ, но каждое изъ этихъ явленій имѣло болѣе дѣйствительныя и несомнѣныя причины, которыхъ слѣдуетъ искать въ исторіи самихъ государствъ Запада.

Завоеваніе французскаго герцогства.—Людовикъ принялся за это трудное дѣло въ 1100 г., тотчасъ послѣ того, какъ былъ облеченъ королевскою властью. Съ первыхъ же шаговъ онъ зарекомендовалъ себя не какъ защитникъ королевскихъ интересовъ, миссія котораго—охранять права монархіи отъ хищеній и безчинствъ феодаловъ, а какъ покровитель слабыхъ и угнетенныхъ, и въ особенности, какъ мститель за клириковъ и монаховъ, ограбленныхъ свѣтскими владѣльцами. Эту роль верховнаго судьи и охранителя церковнаго имущества Капетинги теоретически присвоивали себѣ постоянно, съ первой минуты своего воцаренія. Но Людовикъ Толстый чаще и съ большею настойчивостью, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, провозглашалъ во вступленіяхъ къ своимъ грамотамъ, что короли должны защищать угнетаемую церковь. Ту же мысль повторяетъ и Сугерій на каждой страницѣ своей исторіи. Онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій для похвалы тому, кто первый сумѣлъ исполнить долгъ короля и подвергнуть гонителей духовенства карѣ, соотвѣтствующей ихъ беззаконіямъ.

Дѣйствительно, почти всѣ походы Людовика Толстаго были предприняты съ цѣлью удовлетворить жалобамъ какого-нибудь епископа или аббата. Нужно отдать честь одушевлявшимъ его рыцарскимъ чувствамъ, которыя дѣлали его покровителемъ всѣхъ слабыхъ; но не слѣдуетъ забывать и того, что интересы королевской власти здѣсь большею частью совпадали съ интересами церкви. Значительная часть земель, которыми владѣли капитулы и монастыри Иль-де-Франса, составляла собственность короля. Епископы и аббаты пополняли недостаточные государственные доходы и поставляли солдатъ въ королевскую армію. Защищая земли и доходы церкви противъ феодаловъ, Людовикъ преслѣдовалъ лишь самые настойчивые интересы своей власти и своей казны. Онъ боролся за свое собственное благо.

Трудъ, который онъ взялъ на себя, былъ тѣмъ тяжелѣе, что иль-де-франскимъ феодаламъ не разъ удавалось вступать въ союзъ съ самыми опасными врагами династіи, графомъ Блуаскимъ, Тибо IV и англійскимъ королемъ Генрихомъ I. Къ этому нужно еще прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ были страшны своей смѣлостью и энергіей во злѣ и могли навести ужасъ на судью менѣе неустрашимаго, чѣмъ сынъ Филиппа I. Извѣстно, какъ вели себя эти враги церкви и короля. Придти съ лошадьми и охотничьими собаками въ аббатство или монастырь для ночлега и

обѣда, отнять у монастырскихъ крестьянъ вино, хлѣбъ и скоть, обобратъ купцовъ, ѣдущихъ на ярмарку, — таковъ былъ ихъ образъ жизни изо дня въ день. Но нѣкоторые изъ нихъ занимались грабежомъ такъ беззащѣнно и въ такихъ необыкновенныхъ размѣрахъ, что потомство никогда не забудетъ ихъ именъ. Достаточно упомянуть о Гюгѣ де-Пюизе, этомъ типѣ барона-опустошителя, и о Томасѣ де-Марлѣ, злодѣѣ высшаго сорта, олицетворявшемъ собою самую гнусную преступленія феодальнаго порядка.

Во времени монморансійскаго похода, которымъ начался рядъ этихъ военныхъ экспедицій, продолжавшихся затѣмъ въ теченіе 35 лѣтъ (1101—1135), главныя группы помѣстій или превоствъ, изъ которыхъ состоялъ королевскій домень, распределялись неравными участками по двѣнадцати современнымъ департаментамъ ¹⁾. Каждая изъ нихъ имѣла своимъ центромъ епископскій городъ или укрѣпленное мѣстечко, подчиненное праву постоя, гдѣ находился или королевскій дворецъ, или замокъ, или башня, занятая гарнизономъ короля. Такими центрами были Парижъ, Манть, Дрѣ, Этампъ, Орлеанъ, Буржъ, Сансъ, Мелёнъ, Бовэ, Санлисъ, Нойонъ, Компьень, Суассонъ, Ланъ, Пероннъ, Монтрейль s/M. Нѣкоторые города, какъ Амьенъ, Реймсъ, Шалонъ на Марнѣ, Шартръ, Арра, Туръ (Châteauneuf), могли считаться королевскими городами въ томъ смыслѣ, что тѣсныя узы, соединявшія ихъ епископовъ или аббатовъ съ короной, позволяли королю жить тамъ и осуществлять нѣкоторыя права. Поэтому, многочисленныя военныя экспедиціи Людовика Толстаго имѣли цѣлью то обезпеченіе безпрепятственнаго сообщенія между этими пунктами, то усиленіе королевской или епископской власти путемъ ослабленія власти виконтовъ и кастеляновъ, то избавленіе церковныхъ поселеній отъ хищеній сосѣднихъ сеньеровъ. Правда, королю не всегда приходилось прибѣгать къ военнымъ дѣйствіямъ: часто простой угрозы, вызова на судъ, предьявленія иска въ королевскій судъ было достаточно, чтобы заставить притѣснителей покориться. Но въ какой бы формѣ ни проявлялось вліяніе Людовика Толстаго, можно сказать, что не было ни одного королевскаго или епископскаго города, который не испыталъ бы на себѣ благодѣтельныхъ послѣдствій его дѣятельности.

Отъ одного конца капетингскихъ владѣній до другого, отъ долины верхней Оазы до истоковъ Индра, гдѣ только угрожала

¹⁾ Seine, Seine-et-Marne, Seine-et-Oise, Eure-et-Loir, Loiret, Cher, Oise, Somme, Pas-de-Calais, Aisne, Marne, Yonne.

опасность тѣсно связаннымъ между собою интересамъ королевской власти и церкви, Людовикъ являлся съ оружіемъ въ рукахъ, готовый уничтожить притоны феодаловъ и положить конецъ страданіямъ народа. Такая дѣятельность естественно возбуждала удивленіе въ современникахъ, особенно въ духовенствѣ, которому она приносила такую большую выгоду. Поэтому пельзя отрицать значенія военныхъ успѣховъ, достигнутыхъ сыномъ Филиппа I. Его старанія умирить мелкихъ феодаловъ прежняго герцогства французскаго увѣнчались двойнымъ успѣхомъ, моральнымъ и матеріальнымъ. Первый выразился въ томъ, что онъ возвысилъ достоинство короля, дискредитированное раньше во мнѣніи какъ знати, такъ и народа. Матеріальный успѣхъ состоялъ въ томъ, что онъ положилъ начало возстановленію той территоріальной основы, на которой его династія возводила поемпогу великое заданіе объединенія Франціи.

Людовикъ VI и крупные феодалы.—Людовикъ Толстый, кажется, меньше всѣхъ остальныхъ Капетинговъ вмѣшивался въ дѣла крупной аристократіи. Тѣмъ не менѣе его отношенія къ областнымъ династіямъ заслуживаютъ вниманія со стороны историка. Нѣкоторыя изъ этихъ княжествъ, благодаря поддержкѣ, которую они неизмѣнно оказывали царствующему дому, или, наоборотъ, благодаря безпрестаннымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ него, имѣли большое вліяніе на жизнь короля и на характеръ его политики.

Графъ блуасскій, Тибо IV, былъ злымъ геніемъ Людовика Толстаго. Онъ велъ со своимъ сюзереномъ непрерывную войну, продолжавшуюся слишкомъ двадцать четыре года, въ продолженіе которыхъ онъ не упускалъ случая наносить вредъ своему врагу. Съ 1111 по 1135 г. Людовикъ всюду сталкивается съ нимъ: въ Нормандіи, гдѣ графъ блуасскій вмѣстѣ съ своимъ братомъ Этьеномъ постоянно принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ своего дяди Генриха I; въ Босѣ, Иль-де-Франсѣ и Бри, гдѣ онъ безпрестанно подстрекалъ и поддерживалъ грабителей-феодаловъ въ ихъ борьбѣ съ королевскимъ правосудіемъ, которому стоило столько труда умирять ихъ. Онъ былъ душою этихъ безпрестанно возобновлявшихся коалицій, въ которыхъ англійскій король и его племянникъ подавали руку Гюгу де-Креси, Гюю де-Рошфору и даже Гюю дю-Пюизѣ, наслѣдственному врагу шартрскаго дома.

Послѣ графства блуасскаго главное мѣсто въ заботахъ и

общей политикѣ Людовика Толстаго занимало другое феодальное государство—графство фландрское. Но здѣсь мы наблюдаемъ совершенно иную картину. Въ теченіе большей части царствованія фламандцы были самыми преданными союзниками и главной поддержкою царствующаго дома. Исторія отношеній между Людовикомъ Толстымъ и Фландріей показываетъ намъ, какъ велико могло быть въ эту эпоху вліяніе представителя монархіи на крупныя независимыя феодалы. Феодальные князья вродѣ Роберта II іерусалимскаго и Балдуина VII la Насче были въ сущности намѣстниками французскаго короля во время его войнъ съ мятежными феодалами и съ англійскими королями. Оба они умерли на его службѣ.

Могущественное нормандское герцогство занимаетъ особое мѣсто въ кругу феодальныхъ княжествъ, съ которыми находился въ сношеніяхъ Людовикъ Толстый. Дѣйствительно, судьбы этого княжества съ 1106 года (битва при Теншбре) были связаны съ судьбами англійской монархіи. По обѣимъ сторонамъ Ламанша одна и та же сильная и грубая рука держала подданныхъ подъ игомъ своей власти. Такимъ образомъ Капетингамъ приходилось имѣть дѣло съ Вильгельмомъ II и особенно съ Генрихомъ I (1100—1135) не только какъ съ вассалами, но и какъ съ вождями другой націи. Но наиболѣе тѣснымъ образомъ исторія англо-нормандскаго государства связана съ исторіею царствованія Людовика Толстаго. Въ эту эпоху Нормандія попрежнему является центромъ интригъ и коалицій, направленныхъ противъ французскаго короля,—чѣмъ-то вродѣ отталкивающаго полюса, сосѣдство котораго еще долго будетъ составлять постоянную опасность для національной династіи. Когда подумаешь о томъ, какъ даровиты были нѣкоторые изъ этихъ королей (напримѣръ, Генрихъ I), какъ многочисленно и воинственно было нормандское населеніе, какъ легко этотъ врагъ могъ добраться до капетингскаго короля въ самомъ центрѣ его государства, въ какомъ согласіи обыкновенно находились между собою англійскій король, графъ блуасскій и мелкіе феодалы, враждебные Людовику Толстому, то съ удивленіемъ спрашиваешь себя, какимъ образомъ послѣдній со своими слабыми силами могъ отражать непрерывныя нападенія своего страшнаго сосѣда. Успѣхъ этого сопротивленія объясняется затрудненіями, которыя встрѣчалъ Генрихъ I въ самой Англій, раздорами и мятежами его нормандской знати, а главное тѣмъ, что онъ не могъ удержать въ союзѣ съ собою Фландрію и Анжу.

Принужденная обороняться съ сѣвера противъ фламандцевъ, съ юга противъ анжуйцевъ, съ востока, въ Вексенѣ,—противъ французовъ, Нормандія почти всегда должна была дѣлить свои военныя силы на три части. Этому обстоятельству слабое капетингское королевство въ значительной степени обязано своимъ спасеніемъ.

Присоединеніе герцогства аквитанскаго.—Всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Людовика VI произошло присоединеніе герцогства аквитанскаго,—событіе столь же важное, сколько и непредвидѣнное. Вильгельмъ X умеръ во время своего паломничества въ Санъ-Яго де-Компостелла, не оставивъ наслѣдниковъ мужского пола. Знатнѣйшіе аквитанскіе сеньеры засвидѣтельствовали, что онъ намѣтилъ въ мужья своей дочери Элеонорѣ наслѣдника французскаго престола Людовика. Этотъ бракъ сразу удвоилъ территорію капетингскихъ владѣній. Онъ далъ возможность французскимъ королямъ подчинить своей непосредственной власти часть Пуату, Сентонжа и Бордо и распространить свое верховенство до пиренейской границы. Однако это блестящее приобрѣтеніе не настолько увеличило богатство и реальное могущество французской короны, какъ этого можно было бы ожидать. Эти южныя провинціи, безпрестанно волнуемыя своевольной знатью, были слишкомъ удалены отъ старыхъ королевскихъ доменовъ; монархія была слишкомъ слаба, чтобы прочно привязать ихъ къ себѣ, минуя независимыя феодальныя княжества Турени, Анжу, Берри, Марки и Пуату. Онѣ доставили Людовику VII столько же хлопотъ, сколько выгодъ.

Союзъ съ папствомъ.—Однимъ изъ факторовъ, наиболѣе способствовавшихъ увеличенію нравственнаго авторитета Капетинговъ въ XII вѣкѣ, былъ союзъ, заключенный въ эту эпоху между наслѣдниками св. Петра и французскою короною.

Короли XI вѣка далеко не всегда обнаруживали склонность удовлетворять притязанія римской куріи и поддерживать ея вмѣшательство въ дѣла французскаго духовенства. Гуго Капетъ защищалъ противъ нея независимость своихъ церквей, особенно архіепископства реймскаго, и традиціи галликанской церкви, провозглашенныя на сень-бальскомъ соборѣ. Робертъ II въ этой области уступилъ; но будучи лично привлеченъ къ отвѣтственности палкою за безнравственность своей частной жизни, онъ оказалъ папѣ болѣе упорное и продолжительное сопротивленіе, чѣмъ обыкновенно принято думать. Генрихъ I возобновилъ политику своего дѣда и старался отстоять противъ папскихъ притязаній

права свѣтской власти и вольности французскаго духовенства. Въ 1049 году, когда Левъ IX явился въ Реймсъ, чтобы предсѣдательствовать на созванномъ здѣсь соборѣ, Генрихъ сталъ къ нему почти во враждебныя отношенія; большой холодностью отличались и его отношенія къ Виктору II и Николаю II, пока римская курія не прислала двухъ легатовъ освятить своимъ присутствіемъ коронаваніе принца Филиппа. Поведеніе трехъ первыхъ Капетинговъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что въ теченіе первой половины XI вѣка папство было послушнымъ орудіемъ въ рукахъ нѣмецкихъ императоровъ. Національный интересъ заставлялъ слѣдить за тѣмъ, чтобы реймское архіепископство и остальные французскія епархіи не подпали подъ власть иноземной державы.

При Филиппѣ I положеніе дѣлъ мѣняется. Папы взяли въ свои руки руководство церковной реформой и должны были бороться съ имперіей. Казалось, ихъ собственный интересъ заставлялъ ихъ опереться на капетингскую династію, чтобы облегчить себѣ борьбу противъ франконскихъ государей. Но римская курія не сочла возможнымъ теперь же усвоить эту естественную политику.

Потому ли, что они придавали мало цѣны союзу съ капетингскимъ королемъ, или же увлеченные пылкостью своихъ религіозныхъ убѣжденій, Григорій VII и Урбанъ II стремились во Франціи, какъ и въ другихъ государствахъ, доставить торжество своимъ идеямъ и отнюдь не хотѣли щадить такого своевольнаго государя, какъ Филиппъ I. Между тѣмъ радикальное примѣненіе реформаціонныхъ началъ причиняло чувствительный ущербъ свѣтскимъ интересамъ монархіи. Филиппъ, поддерживаемый значительной частью своего духовенства, далъ отпоръ папству и клонійскимъ монахамъ. Хотя во Франціи вопросъ объ инвеститурахъ не имѣлъ того рѣзкаго характера, какъ въ Германіи, однако король не хотѣлъ отказаться отъ прибылей, какія доставляла ему его власть надъ епископствами и аббатствами его королевства. Результатомъ этого сопротивленія была непрерывная вражда между римской куріей и французской короной, продолжавшаяся съ 1073 до 1104 года. Притомъ личная жизнь Филиппа вызывала противъ него суровыя мѣры со стороны реформаторовъ, и борьба еще осложнилась отлученіемъ отъ церкви французскаго короля.

Въ началѣ XII вѣка въ отношеніяхъ папства къ капетингской династіи произошла перемѣна, которую не трудно было предвидѣть. Преемники Урбана II—Пасхалий II, Каликстъ II, Гоно-

рій II и Иннокентій II—хотя и были воодушевлены тѣмъ же духомъ и такъ же были тверды въ своей вѣрѣ, не обладали страстной энергіей своихъ предшественниковъ и были болѣе склонны добиваться своей цѣли путемъ уступокъ. Продолжая борьбу противъ нѣмецкаго императора съ прежней настойчивостью, римская курія начинаетъ уступать требованіямъ времени. Она сближается съ французской короной и дѣлаетъ Францію своей главной точкой опоры противъ наладеній императорской партіи. Именно въ эту эпоху напы, для которыхъ пребываніе въ Римѣ и вообще въ Италіи всегда было опасно, а юдчасъ и невозможно, перепосыть свою резиденцію на французскую территорию, проводятъ сряду цѣлые годы во владѣніяхъ французскаго короля и созываютъ здѣсь соборы, откуда гремятъ проклятія противъ императора и его приверженцевъ. Такимъ образомъ, при Людовикѣ Толстомъ Капетинги дѣйствительно начинаютъ заслуживать имя «старшаго сына церкви», которое ихъ преемники сохраняютъ до крушенія стараго порядка.

Правда, союзъ между папствомъ и капетинскимъ королевствомъ пережилъ не мало перипетій и не разъ держался на волоскѣ. Однако онъ продолжалъ существовать, потому что былъ необходимъ обѣимъ сторонамъ. Королевская власть извлекала изъ него столько же и даже больше выгоды, чѣмъ папство. Онъ способствовалъ упроченію династии и увеличенію ея нравственнаго авторитета. Званіе старшаго сына церкви было въ средніе вѣка силою. Притомъ Людовикъ Толстый благодаря своей твердости не такъ часто являлся жертвою папскихъ притязаній. Курія обращалась съ нимъ снисходительно или ласково, къ чему совершенно не привыкъ Филиппъ I. Съ слабохарактернымъ Людовикомъ VII она будетъ обращаться высокоумрно и повелительно; она съ самаго начала сломитъ его сопротивление, а затѣмъ его необдуманная покорность окончательно отдастъ его въ ея руки. Людовикъ Младшій будетъ покорнымъ слугою папской власти, которой его отецъ сумѣлъ быть только союзникомъ.

Борьба Людовика Толстаго съ французскимъ духовенствомъ.— Людовикъ VI подчинился вліянію церкви, потому что онъ былъ человѣкомъ своего времени и потому что традиціонное благочестіе капетинскихъ государей налагало на него обязательства, нарушеніе которыхъ возстановило бы противъ него общественное мнѣніе. Но отсюда не слѣдуетъ заключать, будто его отношенія къ духовенству всегда отличались той почти-

тельностью, какую капетинское правительство в нормальное время оказывало прелатамъ, наполнившимъ его арміи и совѣты. Напротивъ, темпераментъ и военныя привычки Людовика Толстаго увлекали его къ актамъ насилія и къ самымъ рѣзкимъ столкновеніямъ съ духовенствомъ, которыя папская политика была бессильна предотвратить. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы воля короля почиталась во всѣхъ епархіяхъ, на которыя законнымъ образомъ могла распространяться власть королевскаго правительства. Онъ хотѣлъ быть господиномъ своего духовенства, какъ хотѣлъ быть властелиномъ своихъ прямыхъ вассаловъ, и жестоко преслѣдуя мятежныхъ феодаловъ, онъ не щадилъ и епископовъ, которые пытались ускользнуть отъ его вліянія и не хотѣли признавать монархическихъ правъ, освященныхъ традиціей. Три факта характеризуютъ его отношенія къ епископству: 1) онъ пытался заставить духовенство признать компетенцію и приговоры королевскаго суда; 2) онъ энергично отстаивалъ свое право вмѣшиваться въ церковныя выборы; 3) онъ вступилъ въ открытую борьбу съ самыми видными представителями реформаціонныхъ идей: онъ замучилъ Ива Шартрскаго, нанесъ оскорбленіе Гильдеберту de Lavardin, изгналъ Этьена де-Санлисъ и возстановилъ противъ себя св. Бернарда, который громилъ его своей недодующей рѣчью.

Людовикъ Толстый и низшіе классы.— Завоеваніе низшими классами гражданской свободы и ихъ вступленіе въ политическую жизнь также должны были имѣть извѣстное вліяніе на судьбы этого нарождающагося королевства. Царствованіе Людовика Толстаго какъ разъ совпадаетъ съ періодомъ наиболѣе быстрого и наиболѣе широкаго развитія муниципальных вольностей въ сѣверной Франціи. Отношеніе Людовика VI къ коммунамъ было нерѣшительно, непослѣдовательно и наполовину враждебно ¹⁾. Тѣмъ не менѣе изъ его канцеляріи вышло довольно много грамотъ, даровавшихъ жителямъ обезлюдѣвшихъ или истощенныхъ вымогательствами городовъ изыятія по отношенію къ налогамъ, судебныя, военныя и другія привилегіи. Правда, большая часть этихъ пожалованій обнаруживаетъ не столько заботливость короля о мелкихъ свободныхъ хлѣбопашцахъ, сколько его желаніе оказать услугу духовенству путемъ улучшенія экономическаго положенія крестьянъ, жившихъ на землѣ аббатствъ и

¹⁾ См. ниже, гл. VIII.

капитуловъ. Во всякомъ случаѣ, для потомства онъ остается авторомъ знаменитой лорриской грамоты, пользовавшейся такою популярностью и составлявшей предметъ столькихъ желаній. Отыскивая средства примирить свои традиціонныя права съ новыми учрежденіями, долженствовавшими поднять уровень благосостоянія его собственной буржуазіи, капетингскій король вмѣстѣ съ тѣмъ стремился, путемъ *pariages*¹⁾, распространить свою прямую власть на города, принадлежавшіе частнымъ сеньеріямъ.

Такимъ образомъ, раздача привилегій и вольностей дополняла дѣлю этой сильной руки, всегда готовой защитить слабого и угнетеннаго. крестьянина и монаха (*agrato rem et orato rem*, какъ говоритъ Сугерій), противъ тираніи сильнаго. Благодѣтельная королевская власть, помогавшая обездоленнымъ и каравшая угнетателей, неизбежно должна была вскорѣ сдѣлаться популярной. Съ этихъ поръ она начала пускаться глубоке корни въ сердцахъ всѣхъ, кто страдалъ и надѣялся. Капетингская легенда, возникшая уже при королѣ Робертѣ, теперь развивается. По словамъ Гвиберта Ножантскаго, воинственный Людовикъ Толстый былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чудотворцемъ. Онъ исцѣлялъ больныхъ прикосновеніемъ.

Людовикъ VII (1137 — 1180). — «Князь довольно одаренный, но набожный и мягкій», такъ характеризуетъ Людовика Младшаго одинъ изъ лѣтописцевъ. Слабый, нерѣшительный, благочестивый, какъ никто, этотъ «христіанинѣйшій» король, «отецъ церкви», ревностно соблюдаетъ религіозные законы. Онъ исправно постится каждую субботу, ограничиваясь хлѣбомъ и водою. Онъ напоминаетъ монаховъ-аскетовъ XI вѣка.

Нельзя отрицать, что развитіе королевской власти при Людовикѣ Младшемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замедлилось. Эта задержка была вызвана главнымъ образомъ слѣдующими двумя причинами: во-первыхъ, вторымъ крестовымъ походомъ, — во-вторыхъ, образованіемъ обширнаго англо-французскаго государства, сосредоточившагося въ рукахъ анжуйскаго дома.

Продолжительное пребываніе Людовика VII на Востокѣ было, съ точки зрѣнія истинныхъ интересовъ королевской власти, величайшей политической ошибкой. Правленіе Сугерія въ годы отсутствія короля (1147—1150) было сплошной борьбою противъ броженія, сепаратистскихъ стремленій и склонности къ раздорамъ,

¹⁾ См. ниже, стр. 348.

овладѣвшихъ всѣми провинціями. Феодалнымъ партіямъ едва не удалось произвести политическую революцію, низложить Людовика VII и возвести на престолъ его брата Роберта. Только твердость Сугерія сумѣла ослабить пагубныя послѣдствія кризиса. Самый походъ, стоившій столькихъ денегъ и людей, нисколько не увеличилъ престижа Людовика VII. Общественное мнѣніе осуждало неудачу экспедиціи, и самъ св. Бернардъ, проповѣдывавшій этотъ походъ, не стѣснялся открыто выражать свою досаду.

Едва была устранена эта первая опасность, какъ на монархію обрушилось новое бѣдствіе, которое надолго подвергло опасности ея будущность. Сугерій, пока былъ живъ, умѣлъ предотвратить разводъ Людовика VII съ Элеонорой Аквитанской. Первымъ послѣдствіемъ его смерти было осуществленіе этого пагубнаго съ политической точки зрѣнія акта. Разводъ состоялся въ 1152 году на соборѣ въ Божанен. Юго-западная Франція была надолго оторвана отъ отчизны и надолго ускользнула изъ-подъ власти Капетинговъ.

Для королевства была пагубна не столько потеря аквитанскаго герцогства, которое лежало далеко отъ центра и которое было трудно удержать мирными средствами: опасность заключалась въ томъ, что, перейдя въ руки новаго мужа Элеоноры, Генриха Плантагенета, феодалная группа Гиени, Пуату и Сентонжа непосредственно слилась съ сопредѣльнымъ феодаломъ Анжу и Мэна, который въ свою очередь незадолго передъ тѣмъ соединился съ Нормандіей. Такимъ образомъ вдругъ и какъ бы неожиданно образовалось сплошное государство, обнимавшее большую часть западной Франціи и заключавшее въ себѣ безъ перерыва всѣ земли отъ границы Никардіи до границы Лабура. Приобрѣтеніе англійскаго королевства и затѣмъ Бретани завершило эту огромную политическую систему. Бокъ-о-бокъ съ тѣмъ государствомъ, которое основалъ Гуго Капетъ, выросло новое государство, грозное и враждебное. Положеніе Людовика VII и его династіи было тѣмъ болѣе опасно, что владѣлецъ западной Франціи былъ необыкновенно дѣятельный и энергичный человѣкъ, столь же настойчивый въ своихъ взглядахъ, какъ и предприимчивый въ практической дѣятельности. Не довольствуясь своими обширными владѣніями, Генрихъ II воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы принудить графа тулузскаго дать ему клятву феодалной вѣрности. Съ другой стороны онъ стремился наложить руку на Овернь, за-

являлъ притязанія на Берри и заключилъ знаменательный союзъ противъ Капетинговъ съ Савойей.

Борьба между обоими государями, между которыми такъ неравномѣрно раздѣлилась Франція, была неизбежна. Она продолжалась двадцать лѣтъ (1160—1180). Людовикъ VII не устоялъ бы противъ своего противника, если бы не нашелъ союзниковъ сначала въ лицѣ кентерберійскаго архіепископа Томы Бекета, изгнаннаго Генрихомъ II, а затѣмъ въ лицѣ мятежныхъ сыновей англійскаго короля. Онъ естественно слѣдовалъ политикѣ, предписанной самымъ положеніемъ дѣлъ. Она состояла въ томъ, чтобы заставить Генриха II раздать свои континентальныя владѣнія въ фактическое управленіе своимъ тремъ сыновьямъ; это уничтожило бы единство власти во владѣніяхъ анжуйскаго дома.

Но, несмотря на всѣ эти опасности и ошибки, королевская власть продолжаетъ развиваться и при Людовикѣ VII. Если съ военной и территоріальной точки зрѣнія это царствованіе представляетъ собою шагъ назадъ, то нравственный и политическій авторитетъ государя значительно возрастаетъ въ другомъ отношеніи. Основнымъ фактомъ царствованія Людовика Младшаго является усиленіе королевскаго авторитета въ удаленныхъ отъ центра областяхъ. Людовикъ Толстый, всецѣло поглощенный концентраціей монархическихъ силъ въ предѣлахъ древняго герцогства Иль-де-Франса, не заботился объ остальныхъ частяхъ государства. Напротивъ, въ царствованіе Людовика Младшаго сношенія королевскаго правительства съ самыми отдаленными церковнымъ и свѣтскимъ сеньеріями увеличиваются, приобретаютъ все большую важность и въ концѣ-концовъ—чего раньше никогда не бывало—становятся почти ежедневными. Сношенія сына Людовика Толстаго съ Бургундіей и Лангедокомъ не всегда носили мирный характеръ. Онъ не разъ появлялся съ оружіемъ въ рукахъ въ долину Роны и на плоскогоріяхъ Оверни и Велэ. Но въ общемъ вліяніе французскаго короля распространялось черезъ посредство епископовъ и аббатовъ, ревностныхъ защитниковъ этой далекой и благодѣтельной власти, которую они безпрестанно противопоставляли болѣе или менѣе ненавистному владычеству мѣстныхъ сеньеровъ.

Можно сказать, что при Людовикѣ VII королевская власть, благодаря своему союзу съ церковнымъ обществомъ, повсюду дѣлаетъ настоящія моральныя завоеванія, которыя являются предвѣстниками военныхъ завоеваній и матеріальныхъ успѣховъ, неразрывно связанныхъ съ именемъ Филиппа-Августа.

II. — Филиппъ-Августъ.

Филиппъ-Августъ (1180—1223). — Одинъ каноникъ церкви св. Мартина въ Турѣ оставилъ намъ портретъ Филиппа-Августа, отличающійся, повидимому, большимъ сходствомъ. «Онъ обладалъ превосходнымъ тѣлосложеніемъ, изящными формами и пріятной фізіономіей, былъ плѣшивъ и красенъ и великій мастеръ поѣсть и выпить. Онъ былъ очень откровененъ съ друзьями и очень замкнутъ по отношенію къ тѣмъ, кто ему не нравился. Предусмотрительный, упорный въ своихъ рѣшеніяхъ и твердый въ вѣрѣ, онъ обнаруживалъ замѣчательную быстроту и прямоту въ своихъ сужденіяхъ. Баловень судьбы, вѣчно опасаясь за свою жизнь, онъ быстро приходилъ въ гнѣвъ и также быстро успокаивался; онъ былъ суровъ по отношенію къ знатымъ, которые не оказывали ему повиновенія, любилъ возбуждать между ними раздоры и охотно приближалъ къ себѣ незнатныхъ людей». Статуя, воздвигнутая въ аббатствѣ Викторіи, близъ Савлиса, представляетъ его колѣнопреклоненнымъ со сложенными руками, плотной и красивой фигурой, завитыми волосами, энергичными бровями, изящнымъ и слегка заостреннымъ носомъ. У большинства лѣтописцевъ, описывавшихъ подвиги Филиппа-Августа, его имя сопровождается однимъ неизмѣннымъ эпитетомъ: они называютъ его мудрымъ Филиппомъ. Дѣйствительно, средніе вѣка видѣли мало такихъ оригинальныхъ фигуръ: если по своему суетвѣрію, жестокости, вѣроломству и совершенной неразборчивости въ выборѣ средствъ онъ вполнѣ сынъ своего времени, то съ другой стороны, онъ значительно уклоняется отъ типа феодальнаго рыцаря. Онъ, если не хладнокровенъ и терпѣливъ, то по крайней мѣрѣ настойчивъ и скрытенъ; онъ умѣетъ выжидать и разсчитывать, рѣдко выдаетъ свои намѣренія и дѣйствуетъ лишь навѣрняка. Онъ политикъ.

Борьба съ высшимъ феодальнымъ классомъ. — Уже его первый шагъ былъ мастерски задуманъ. Когда онъ вступилъ на престолъ въ 1180 году, произошло то же самое, что происходило при всякой смѣнѣ правителей. На всемъ протяженіи капетинской Франціи пробудилось въ феодалахъ стремленіе къ независимости, и противъ молодого короля образовалась обширная коалиція. Одно и то же чувство ненависти соединило графовъ Фландріи, Геннегау и Намюра, герцога бургундскаго, графовъ

Блуа, Сансерра и Шампани. Филиппъ разбилъ ихъ одного за другимъ и сумѣлъ извлечь большія выгоды изъ своей побѣды. По договору, который онъ заключилъ въ 1186 году съ графомъ фландрскимъ, послѣдній отказывался отъ Амьена съ небольшимъ округомъ Сантерра и отъ Вермандуа, исключая Сэнъ-Кантена и Перонна, которые оставались въ его пожизненномъ владѣнн. Такимъ образомъ Филиппъ началъ свое царствованіе одною изъ самыхъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ феодализмомъ. Сеньеріальная коалиція была сломлена: грозная Фландрія была побѣждена и унижена; къ небольшому королевскому домену навсегда присоединились богатые долины Оазы и Соммы. Этотъ суровый урокъ послужилъ предостереженіемъ для феодальнаго класса, который вскорѣ долженъ былъ еще яснѣе увидѣть, какую опасностью грозитъ ему королевская власть въ рукахъ человѣка дѣятельнаго, энергичнаго и честолюбиваго.

Борьба съ анжуйскими королями.—Самыми могущественными феодалами Франціи и слѣдовательно самыми опасными врагами Филиппа-Августа были англійскій король Генрихъ II и его сыновья Генрихъ Младшій, Жофруа бретанскій и Ричардъ аквитанскій. Поэтому мы видимъ Филиппа всегда на сторожѣ, всегда готовымъ воспользоваться смертью или отсутствіемъ того или другого анжуйскаго государя, чтобы заявить притязаніе на одну изъ многочисленныхъ сеньерій, составлявшихъ обширный доменъ Плантагенетовъ. Въ теченіе своего сорокатрехлѣтняго царствованія онъ ни разу не пропустилъ къ ряду двухъ веснъ безъ того, чтобы не затѣять войны съ англійскимъ королемъ или его баронами. Это было главнымъ дѣломъ всей его жизни. Всѣ его мысли и всѣ его дѣйствія были направлены противъ этихъ опасныхъ вассаловъ, державшихъ владѣть во Франціи втрое болышимъ количествомъ людей и земель, чѣмъ ихъ сюзеренъ, король Франціи. Цѣль, къ которой онъ стремился и которой въ концѣ-концовъ добился, состояла въ томъ, чтобы отнять у нихъ всѣ французскія владѣнія и заточить ихъ на туманныхъ островахъ ихъ англо-норманнскаго королевства. Онъ достигъ полнаго успѣха, но нельзя отрицать, что ему значительно способствовали въ этомъ предпріятн благоприятныя обстоятельства и счастливыя случайности.

Владычество Плантагенетовъ во Франціи было во многихъ отношеніяхъ непрочно. Анжу и Нормандія были искренно преданы имъ. Но бретонцы и аквитанцы, жаждавшіе независимости, не любили ихъ и готовы были воспользоваться первымъ удобнымъ слу-

чаемъ, чтобы свергнуть съ себя иго. Тактика Филиппа-Августа естественно должна была заключаться и дѣйствительно заключалась въ томъ, чтобы поддерживать мятежниковъ. Его задача значительно облегчалась непрерывными раздорами въ средѣ самой анжуйской фамилии. Четверо сыновей Генриха II, то одинъ за другимъ, то всѣ вмѣстѣ возставали противъ него; не разъ они также воевали другъ съ другомъ. Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ этимъ несчастнымъ домомъ; въ немъ безпрестанно господствовали раздоры и ненависть. Филиппъ, конечно, пользовался этими смутами. Онъ соединялся съ сыновьями противъ отца, съ братомъ противъ брата, съ племянникомъ противъ дяди. Онъ защищалъ Ричарда противъ Генриха II, Иоанна Безземельнаго противъ Ричарда, Артура противъ Иоанна Безземельнаго. Не будь этихъ внутреннихъ раздоровъ, — весьма возможно, что могущественная монархія Плантагенетовъ уничтожила бы французскую королевскую власть, ничтожня владѣнія которой она стѣснила со всѣхъ сторонъ.

Однако, пока былъ живъ Генрихъ II, Филиппъ не извлекъ большихъ выгодъ изъ своего благопріятнаго положенія. Война, которую онъ затѣялъ съ Ричардомъ Львиное Сердце по возвращеніи изъ крестоваго похода (1194—1199), отнюдь не увѣнчала успѣхомъ французское оружіе. Ричардъ умеръ, не успѣвъ надѣлать безразсудствъ, которыя онъ впрочемъ умѣлъ заглаживать мужествомъ и расторопностью. Но ему наслѣдовалъ въ 1199 г. его братъ Иоаннъ, и это было концомъ анжуйскаго владычества на континентѣ. Таинственная смерть Артура бретанскаго, вѣроятно убитаго по приказанію своего дяди, дала французскому королю поводъ, котораго онъ такъ долго искалъ. Хотя историческая критика неопровержимо доказала, что Иоаннъ Безземельный не былъ присужденъ къ смерти за убійство молодого герцога, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что королевскій судъ постановилъ конфисковать его континентальныя владѣнія за нарушение феодальныхъ обязанностей и за неявку на судъ по вызову сюзерена (апрѣль 1202 года). Филиппъ началъ приводить въ исполненіе приговоръ.

Завоеваніе Нормандіи совершилось съ необыкновенной быстротой (1203—1204), которая объясняется не только бездѣйствіемъ англійскаго короля, но и состояніемъ самого герцогства, истощеннаго безпрестанными вымогательствами Плантагенетовъ. Послѣ взятія Нормандіи слѣдовало отнять у анжуйскихъ королей ихъ владѣнія въ бассейнѣ Луары, что представляло еще меньше

трудностей. Подвижные сеньеры Анжу и Пуату никогда не обнаруживали по отношенію къ владычеству французскихъ королевъ того упорнаго отвращенія, которое въ теченіе столь долгаго времени дѣлало населеніе Нормандіи неутомимымъ врагомъ Капетинговъ. Лошъ, Шинонъ и всѣ крупныя города графства изъявили покорность (1204—1206). Еще замѣчательнѣе, чѣмъ быстрота, съ которою Филиппъ-Августъ овладѣлъ обширными помѣстьями Плантагенетовъ, та политическая ловкость, съ какою онъ удержалъ ихъ за короною и заставилъ мирно признать свое владычество.

Коалиція 1214 года; сраженіе при Бувинь.—

Сведя къ одной Гіени грозное государство, созданное государями изъ анжуйскаго дома въ западной Франціи, и присоединивъ къ капетингскому домену наиболѣе богатыя части бассейновъ Сены и Луары, Филиппъ-Августъ разрушилъ феодальное равновѣсіе къ выгодѣ французскаго герцогства. Старый ленъ Гуго Капета теперь далеко превосходитъ остальные сеньеріальныя группы, какъ по размѣрамъ территоріи, такъ и по богатству. Королевство, существовавшее до сихъ поръ лишь по имени, теперь дѣйствительно организуется; благодаря присоединенію Нормандіи и Пуату, оно во многихъ пунктахъ соприкасается съ моремъ и становится морской державой. Такая революція должна была, конечно, задѣтъ множество интересовъ и вызвать энергичныя сопротивленія. Жалобы и протесты Іоанна Безземельнаго должны были встрѣтить откликъ со стороны французской знати, которая, хотя и не умѣла дѣйствовать единодушно и была лишена политическихъ идей, тѣмъ не менѣе не могла оставаться равнодушной при видѣ столь опаснаго для нея роста королевской власти. Тогда начались тѣ феодальныя коалиціи, которыя стремились уничтожить плоды дѣятельности Филиппа-Августа и отъ которыхъ такъ много пришлось выстрадать Людовику IX во время его малолѣтства.

Отличительнымъ признакомъ коалиціи 1214 года, организованной Іоанномъ Безземельнымъ, было то, что она заключала въ себѣ преимущественно высшихъ бароновъ сѣверной Франціи, Фландріи, Бельгіи и Лотарингіи. Это явленіе не трудно понять, если вспомнить, что Филиппъ своей войною противъ фландрскаго графства (1213) долженъ былъ сильно встревожить мѣстныхъ феодаловъ, пользовавшихся, благодаря своему положенію на границѣ Франціи и имперіи, почти полною независимостью. Съ другой стороны, быстрый ростъ королевской власти Капетинговъ значительно измѣнилъ взаимное положеніе силъ въ христіанскомъ

мірѣ; возникновеніе новой державы грозило всемогуществу германской имперіи, на оффиціальномъ языкѣ которой французское и англійское королевства назывались «провинціями», а ихъ государи—«царьками». Поэтому въ 1214 году на помощь врагамъ Филиппа-Августа явилась часть нѣмецкихъ феодаловъ подъ предводительствомъ Оттона Брауншвейгскаго.

Блестящая побѣда, одержанная французскимъ королемъ въ сраженіи при Бувинѣ (27 іюля 1214 года), въ которомъ коммунальнныя ополченія, конечно, не играли той преобладающей роли, какую приписываютъ имъ историки, была послѣднимъ и важнѣйшимъ эпизодомъ борьбы, предпринятой Филиппомъ-Августомъ противъ анжуйскаго дома; она закрѣпила и санкціонировала завоеванія французскаго короля, который съ 1214 года окончательно становится владыкою Нормандіи, Турени, Анжу, Мэна и Пуату. Всенародный энтузіазмъ, вызванный во всей капетингской Франціи извѣстіемъ объ этой великой побѣдѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что монархическая идея и династія, являвшаяся ея носительницею, сдѣлали огромные успѣхи ¹⁾.

Король и крестовый походъ противъ альбигойцевъ.—Въ то время, какъ король сражался при Бувинѣ, Симонъ де Монфоръ и его крестоносцы, сами того не зная, служили ему своимъ оружіемъ въ южной Франціи ²⁾. Разрушеніе тулузскаго графства крестоносцами отдало въ руки французскаго короля значительную часть Лангедока.

Филиппъ-Августъ принималъ въ этомъ крупномъ событіи только слабое косвенное участіе. Благоразуміе, обнаруженное имъ въ этомъ дѣлѣ, и сопротивленіе, которое онъ все время оказывалъ увѣщаніямъ папы, свидѣтельствуютъ о его глубокой политической проницательности. Виолнѣ раздѣляя предрасудки своихъ современниковъ относительно еретиковъ, Филиппъ тѣмъ не менѣе, по крайней мѣрѣ въ началѣ, не одобрялъ мысли о крестовомъ походѣ и всегда умѣлъ находить превосходные предлоги, чтобы уклониться отъ участія въ немъ. Когда въ 1208 году былъ убитъ папскій легатъ Петръ де Кастельно, курія сдѣлала новую попытку уговорить французскаго короля. Папа написалъ ему собственноручное письмо, въ которомъ извѣщалъ его объ этомъ святоотечественномъ убійствѣ. Но король обѣщалъ свою поддержку только

¹⁾ См. ниже, гл. XI, о вмѣшательствѣ Людовика французскаго въ англійскія дѣла.

²⁾ См. выше, гл. V, § 3.

условно, поставивъ ее въ зависимость отъ разрѣшенія наложить сборъ на духовенство; мало того: опираясь на феодальные обычаи, онъ оснаривалъ у всемогущаго Иннокентія III право распоряжаться владѣніями графа тулузскаго, своего вассала, объявленнаго еретикомъ.

Тѣмъ не менѣе, въ виду господствовавшаго тогда взгляда на альбигойцевъ и въ виду настоятельной необходимости для Филиппа жить въ мирѣ съ куріей, онъ не могъ оставаться вполнѣ безучастнымъ къ событіямъ, происходившимъ на югѣ. Въ 1213 году наслѣдный принцъ Людовикъ торжественно принялъ крестъ противъ еретиковъ; но только въ 1215 году отецъ позволилъ ему исполнить свой обѣтъ. Послѣ битвы при Мюрè (1213) дѣло графа тулузскаго казалось окончательно потеряннымъ; латеранскій соборъ отдалъ его земли Симону де Монфору, послѣ чего послѣдній отправился въ Парижъ принести за нихъ вассальную клятву своему сюзерену, королю. Безъ сомнѣнія, въ эту минуту у Филиппа должна была явиться надежда, что гибель тулузскаго дома когда-нибудь окажется полезной для французской короны. Вмѣшательство наслѣднаго принца выразилось только въ помощи, оказанной имъ Симону де Монфору при разрушеніи лагедокскихъ крѣпостей и при занятіи Тулузы, которую крестоносцы обратили въ открытый городъ.

Когда Симонъ, желая вернуть Тулузу, которую заставило его покинуть вспыхнувшее въ южной Франціи возстаніе въ пользу графа Раймонда, былъ убитъ камнемъ во время штурма (1218), то французскій король позволилъ своему сыну вторично предпринять походъ противъ альбигойцевъ (1219). Лично онъ снова далъ отпоръ увѣщаніямъ папскаго легата, который приглашалъ его заняться этимъ дѣломъ. Какая надобность была ему вмѣшиваться? Въ 1222 году случилось то, чего слѣдовало ожидать. Преемникъ Симона де-Монфора, Амори, будучи не въ состояніи собственными силами нести бремя войны, которой не предвидѣлось конца, задумалъ передать свои права и земли французскому королю. Эта передача не могла состояться при жизни Филиппа; но послѣ его смерти, послѣдовавшей 23 іюля 1223 года, Амори де-Монфоръ окончательно рѣшилъ передать тулузское графство французской коронѣ, и въ 1224 году осуществилъ это намѣреніе. Людовикъ VIII, усердно поддерживаемый южнымъ духовенствомъ, которое вручаетъ Лагедокъ этому «христианинѣйшему» королю, какъ епископы VI-го вѣка передали южную Францію православному

Хлодвигу, тотчасъ по своемъ восшествіи на престолъ, уступая настояніямъ папы, вступаетъ во владѣніе этими богатыми владѣніями, которыя договоромъ въ Мо навсегда закрѣпляются за французской короной.

Такъ были достигнуты оба великихъ политическихъ результата царствованія Филиппа-Августа: во-первыхъ, обширная феодальная группа, образовавшая анжуйскимъ домомъ и обнимавшая всю западную Францію, перестала существовать; во-вторыхъ, Лангедокъ наконецъ перешелъ подъ власть сѣвернаго короля. Пользуясь безповоротной гибелью тулузскаго дома, Капетинги впервые поставили ногу на территорію Лангедока. Они уже не выйдутъ изъ нея.

Развитіе королевской власти.—Естественнымъ послѣдствіемъ завоеваній Филиппа-Августа было развитіе моральнаго и политическаго авторитета, присущаго званію короля. Униженное и смиреннѣвшееся феодальное сословіе стремилось только къ тому, чтобы получать жалованіе отъ побѣдителя и сражаться подъ его знаменами. Самое духовенство не рѣшалось болѣе брать королевскую власть подъ свою опеку. Филиппъ-Августъ, вѣрный традиціямъ Людовика Толстаго, не щадилъ своихъ епископовъ и заставлялъ ихъ являться предъ королевскій судъ, участвовать въ покрытіи военныхъ расходовъ и даже служить въ своихъ арміяхъ. Онъ старался также давать отпоръ, насколько это позволяли чувства и идеи той эпохи, вмѣшательству иноземной церковной власти, т. е. папъ и папскихъ легатовъ. Конечно, его борьба съ всемогущимъ Иннокентіемъ III не всегда была для него удачна. Ему не разъ приходилось уступать, но онъ всегда оставался достаточно сильнымъ, чтобы въ свою очередь приудить и папу къ уступкамъ ¹⁾. Въ общемъ его царствованіе представляетъ собою огромный шагъ впередъ въ смыслѣ освобожденія королевской власти и въ смыслѣ развитія того свѣтскаго и національнаго духа, который въ концѣ-концовъ восторжествуетъ надъ римской теократіей и приведетъ къ крушенію политической и религіозной системы, столь прочно организованной средневѣковымъ папствомъ.

Филиппъ-Августъ также лучше, чѣмъ кто-либо, понялъ, какую большую пользу можетъ извлечь монархія изъ того великаго народнаго движенія, которое охватило Францію и всю Европу

¹⁾ См. выше, стр. 172.

съ начала XII вѣка; объ этомъ свидѣлствуютъ его многочисленные ордонансы, касающіеся коммунъ и привилегированныхъ городовъ. Изученіе этихъ документовъ показываетъ, съ какой заботливостью и усердіемъ французскій король стремился распространить свое господство на городскія и сельскія общины въ ущербъ мѣстнымъ властямъ. Онъ создалъ или закрѣпилъ муниципальный строй во множествѣ городовъ и мѣстечекъ. Его дѣятельность простиралась даже—что особенно замѣчательно—на земли высшихъ независимыхъ феодаловъ. Одинъ изъ наиболѣе обычныхъ его приемовъ состоялъ въ томъ, что онъ принималъ города и нерѣдко даже простыя деревни подъ королевскую защиту. Эта защита такъ хорошо обезпечивала безопасность, что мелкіе свѣтскіе сеньеры и аббаты начинаютъ наперерывъ предоставлять королю охрану своихъ феодальныхъ и аллодіальныхъ правъ. Договоры объ опекахъ (*ragiage*) становятся очень многочисленными къ великой выгодѣ королевской власти.

Не довольствуясь дарованіемъ муниципальной свободы городамъ, Филиппъ заботился также объ ихъ очищеніи и украшеніи. Онъ обладалъ чутьемъ порядка и прогресса. Лѣтописцы единодушно хвалятъ его за то, что онъ реставрировалъ во всемъ королевствѣ стѣны городовъ и замковъ, укрѣпилъ замками и оградами открытыя поселенія, вымостилъ крупныя города, поощрялъ промышленность и жаловалъ привилегіи ремесленнымъ цехамъ. Просвѣщенные взгляды, которыми онъ руководился въ своихъ сношеніяхъ съ представителями промышленности и торговли, заставили его пойти еще дальше. Онъ даровалъ различныя льготы даже иностраннымъ купцамъ, желая привлечь ихъ на французскіе рынки. Своеобразное и невиданное зрѣлище представляла собою эта королевская власть, заботившаяся о рабочихъ классахъ и старавшаяся всѣми мѣрами оградить торговлю и промышленность отъ произвола феодаловъ. Та же потребность въ порядкѣ и точности должна была заставить Филиппа-Августа преобразовать административное устройство королевскаго домена, который такъ увеличился благодаря его завоеваніямъ. Дѣйствительно, до него короли, какъ и всѣ крупныя феодальныя собственники, управляли своими помѣстьями черезъ посредство чиновниковъ, называвшихся прево и соединявшихъ въ своихъ рукахъ всѣ виды власти: прево творилъ судъ, собиралъ королевскіе доходы и сзывалъ вассаловъ на военную службу. Эта зачаточная организація удовлетворяла потребностямъ первыхъ капетингскихъ государей. Но

въ концѣ XII вѣка начали понимать, что для представленія короля въ его сношеніяхъ съ владѣльцами крупныхъ феодровъ и для увеличенія его престижа среди низшаго населенія ему нужны болѣе видные чиновники. И вотъ Филиппъ-Августъ передъ своимъ отъѣздомъ въ крестовый походъ создалъ должность такъ называемыхъ бальи, іерархически стоявшихъ выше прево. Они были обязаны разъ въ мѣсяцъ собирать судъ, въ которомъ творили расправу отъ имени короля, пріѣзжать въ Парижъ, чтобы отдавать здѣсь отчетъ въ своей дѣятельности, наконецъ собирать суммы, взысканныя прево, и вносить ихъ въ королевское казначейство.

Но какъ бы важно ни было это новое учрежденіе, Филиппъ-Августъ не былъ, строго говоря, королемъ-администраторомъ и законодателемъ. Онъ боролся съ феодализмомъ и ослабилъ его преимущественно дипломатическими средствами и мечомъ. Будучи прежде всего завоевателемъ, онъ доставилъ французской коронѣ ту матеріальную силу, которой ей недоставало. Главнымъ результатомъ его дѣятельности было то, что къ небольшой группѣ владѣній, завѣщанныхъ ему Людовикомъ VII, онъ присоединилъ обширныя провинціи, которыя сдѣлали французскаго короля самымъ крупнымъ собственникомъ королевства. Онъ первый изъ Капетинговъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы не имѣть надобности короновать своего сына при своей жизни. Этотъ мелкій фактъ лучше доказываетъ прогрессъ королевской власти, чѣмъ все теоретическія разсужденія. Династія Гуго Капета понадобилось двѣсти лѣтъ, чтобы достигнуть этого успѣха

III. — Людовикъ VIII.

Трехлѣтнее царствованіе Людовика VIII было продолженіемъ и какъ бы заключеніемъ царствованія Филиппа-Августа. Будучи въ теченіе всей жизни своего отца только наслѣднымъ принцемъ и владѣя однимъ только Артуа, гдѣ онъ прошелъ свою административную школу, Людовикъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ завоевателя. Послѣдній, не привлекая его оффиціально къ участию въ правленіи, пользовался имъ въ своихъ войнахъ съ Плантагенетами и носылалъ его къ границѣ для переговоровъ съ Лотарингіей и Германіей. Неудачная англійская экспедиція (1216—1217) была дѣломъ рукъ самого принца; но она свидѣтельствуеъ не столько объ его прозорливости, сколько о его мужествѣ.

Тридцати шести лѣтъ, упрочивъ уже свою репутацію какъ воина и дипломата, Людовикъ вступилъ на престолъ, унаслѣдовавъ власть, которая болѣе не имѣла соперниковъ ни во Франціи, ни въ Европѣ. Если онъ не обладалъ политическимъ гениемъ Филиппа-Августа, то превосходилъ его личными добродѣтелями и нравственнымъ чутьемъ. Его правленіе было слишкомъ кратковременно, чтобы онъ могъ направить королевскую власть по повому пути и осуществить свою собственную политику. Но онъ оказалъ услугу Франціи, употребивъ свои способности и силы на то, чтобы завершить дѣло своего предшественника. Одинъ фактъ наполняетъ все царствованіе Людовика VIII—его блестящій походъ въ Западную и Южную Францію. Ему оставалось лишь пожать плоды отцовскаго посява.

Завоеваніе Пуату. Альбигойская война и капетингская корона.—Смерть настигла Филиппа-Августа въ ту минуту, когда онъ собирался возобновить неоконченное завоеваніе Пуату и прогнать англичанъ за Гаронну. Надо было воспользоваться его приготовлениями и извлечь выгоду изъ благоприятныхъ обстоятельствъ. Оставшись почти безъ призора во время мирнаго правленія Губерта Бургскаго, канцлера англійскаго короля Генриха III, коммуны Пуату и Сентожа искали какой-нибудь сильной власти, которая могла бы защитить ихъ противъ мѣстныхъ феодаловъ. Самый могущественный изъ сеньеровъ этой области, графъ маршскій, желалъ лишь выгоднаго союза съ французами, чтобы начать открытый мятежъ. Договоръ былъ заключенъ, и быстро законченная кампанія 1224 г. доставила Людовику VIII Ниоръ и Ларошель. Результатомъ этого событія было подчиненіе всей аквитанской области до границъ Гасконни. Даже Бордо оказался въ опасности (1225). Министры Генриха III, вмѣсто того, чтобы прислать войско, занимались дипломатическими переговорами. Они поддерживали тайныя сношенія съ вѣроломнымъ Бальдуиномъ, графомъ фландрскимъ, съ графами Тулузы и Бретани и особенно съ папою, который «во имя всеобщаго мира» все время хлопоталъ о томъ, чтобы остановить французскую армію. Людовикъ VIII, заключивъ тайный союзъ съ императоромъ Фридрихомъ II, продолжалъ свой побѣдоносный походъ, не обращая вниманія на платоническіе протесты римской курии. Неизвѣстно, какъ далеко простеръ бы онъ свои завоеванія, если бы внезапно его не отвлекъ отъ юго-западной Франціи соблазнъ другого завоеванія, можетъ быть болѣе легкаго, и во всякомъ случаѣ, какъ онъ полагалъ,

болѣе выгоднаго по своимъ непосредственнымъ и реальнымъ послѣдствіямъ.

Альбгойская война возобновилась съ новою силою; по на этотъ разъ побѣда была на сторонѣ еретиковъ и тулузскаго графа Раймонда VII. Успѣхи, достигнутые папами и монфортскимъ домомъ, подвергались серьезной опасности. Неспособный преемникъ Симона де Монфора, его братъ Амори, видя, что всѣ завоеванія крестоносцевъ мало-по-малу ускользаютъ изъ его рукъ, принужденъ былъ вскорѣ прибѣгнуть къ послѣднему средству спасенія—предоставить французскому королю руководство военными дѣйствіями и верховную власть надъ завоеванной страной (1222). Филиппъ-Августъ, который при своей тонкой политической проицательности несомнѣнно предвидѣлъ и, быть можетъ, даже учелъ этотъ результатъ, пришелъ на помощь Амори въ его критическомъ положеніи, но помогать ему лишь время отъ времени, ни разу настолько, чтобы обезпечить ему побѣду. Онъ постоянно отказывался лично вмѣшаться въ борьбу и даже не дѣлалъ попытокъ принять предложенное ему наслѣдство. Людовикъ VIII, который былъ болѣе молодъ и болѣе дѣятеленъ, чѣмъ его отецъ, обнаружилъ менѣе осмотрительности. По своему искреннему благочестію онъ считалъ своимъ долгомъ уступить настоящимъ папѣ и взять на себя роль защитника вѣры—роль, которая именно въ этомъ дѣлѣ была такъ тѣсно связана съ интересами короны. Такимъ образомъ, было рѣшено предпринять крестовый походъ; кардиналъ св. Ангела, присланный въ Парижъ съ исключительными полномочіями, помогать королю организовать его. На соборѣ въ Буржѣ отлученный отъ церкви Раймондъ VII открыто порвалъ съ католической церковью, а Амори де Монфоръ навсегда отказался отъ своихъ «правъ» въ пользу Капетинговъ. Недоставало денегъ для похода; ихъ добыли, обложивъ духовенство и народъ тяжелой податью. Это вызвало возмущеніе; но на него не обратили вниманія: дѣло шло о предпріятіи, угодномъ Богу.

Снова сѣверная Франція, собравшись подъ знаменами своего короля, шла войною на южную. Исходъ борьбы можно было предвидѣть заранее. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія Людовика VIII въ Лангедокъ множество городовъ, сеньеровъ и особенно епископовъ сѣшили прислать въ Парижъ предложенія своихъ услугъ или выраженія покорности. Устрашенные южане заранее признавали себя побѣжденными, и графъ тулузскій вскорѣ оказался изолированнымъ. Если бы не пришлось осадить Авинь-

онъ, населеніе котораго упорно отказывалось пропустить короля черезъ Рону, то крестовый походъ сначала до конца былъ бы однимъ триумфальнымъ шествіемъ. Обойдя съ войскомъ весь Лангедокъ, Людовикъ VIII остановился передъ Тулузой, которой, однако, не взявъ, и ограничился тѣмъ, что паскоро организовалъ свои новыя владѣнія. Утомленные продолжительностью экспедиціи, крупные бароны начали обнаруживать недовольство; въ королевскомъ войскѣ свирѣпствовала эпидемія; приходилось возвращаться на сѣверъ. Но одинъ важный результатъ былъ достигнутъ. Въ первый разъ капетингскій король появился въ Лангедокѣ съ оружіемъ въ рукахъ и приобрѣлъ тамъ владѣнія; это былъ рѣшительный шагъ къ національному единству. Немногіе короли такъ блестяще начинали свое царствованіе. Къ несчастью Людовикъ VIII не пошелъ дальше начала. Заболѣвъ лихорадкою въ Оверши, онъ не успѣлъ даже вернуться въ Парижъ. Онъ умеръ въ минуту триумфа, и эта неожиданная смерть была причиною чрезвычайно тяжелаго кризиса какъ для династіи, такъ и для королевства (1226).

Удѣлы. — Передъ смертью Людовикъ сдѣлалъ ошибку, какой Филиппъ-Августъ не сдѣлалъ бы. Его предшественники не оставляли удѣловъ своимъ дѣтямъ или отчуждали въ ихъ пользу только незначительныя участки королевскаго домена: Людовикъ VIII порвалъ съ этой традиціей. Онъ удѣлилъ по завѣщанію своимъ младшимъ сыновьямъ обширныя территоріи: второму сыну—графство Артуа, третьему—графства Анжу и Мэнъ, четвертому—графства Пуату и Овернь. Причиной, побудившей его произвести этотъ раздѣлъ, было желаніе предупредить раздоры между своими сыновьями. Впрочемъ, онъ принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности: онъ постановилъ, что эти удѣлы должны возвращаться къ коронѣ въ томъ случаѣ, если ихъ владѣльцы умрутъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ. Тѣмъ не менѣе, это завѣщаніе было большою политической ошибкой. Въ серединѣ тринадцатаго вѣка образуются обширныя княжества, которыя тѣсными узами связаны съ королевскимъ доменомъ, но которыя, несмотря на родственныя связи и на вассальную клятву, не разъ причиняютъ серьезныя затрудненія главѣ монархіи. Многіе историки указывали на опасность этой системы удѣловъ, «которая дѣлала изъ плодovitости королевскаго дома общественное бѣдствіе, въ каждое царствованіе подвергала риску могущество правящей линіи и замедляла територіальное объединеніе королевства». За-

мѣнивъ старый независимый феодализмъ феодализмомъ удѣльнымъ, королевская власть открыла новую эру внутреннихъ раздоровъ и ожесточенной борьбы. Но если нельзя отрицать, что починъ Людовика VIII имѣлъ—особенно для королевской власти XIV вѣка—роковыя послѣдствія, то прежде, чѣмъ произносить судъ надъ этимъ королемъ, слѣдуетъ принять во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства, смягчающія его вину. При томъ уровнѣ могущества и славы, котораго достигла Капетингская династія при Филиппѣ-Августѣ и его преемникахъ, главѣ государства было трудно держать своихъ братьевъ въ положеніи значительно худшемъ того, въ какомъ находились высшіе изъ бароновъ. Ихъ неудобно было оставлять безъ поземельныхъ владѣній, которыя были тогда признакомъ высокаго происхожденія и необходимой принадлежностью всякаго виднаго положенія въ феодальномъ мірѣ. Кромѣ того, какъ мѣтко говоритъ Минье, «удѣлы были для монархіи удобнымъ средствомъ управлять завоеванными странами, во главѣ которыхъ она ставила такимъ образомъ династіи, взятыя ею изъ своей собственной среды. Эти династіи, замѣняя въ областяхъ старыя феодальныя фамиліи, переносили туда служилое дворянство, языкъ и нравы центральной Франціи. Такимъ образомъ, правленіе удѣльныхъ князей было для этихъ провинцій переходной эпохой, въ теченіе которой онѣ привыкали болѣе покорно переносить капетингское владычество».

IV'.—Правленіе Бланки Кастильской.

Королева - мать; феодальная реакція противъ политики Филиппа - Августа.—На престолѣ сидѣлъ двѣнадцатилѣтній Людовикъ IX; правленіе находилось въ рукахъ регентши, Бланки Кастильской, къ которой французы относились недовѣрчиво и съ антипатіей, какъ къ иностранкѣ: оба эти обстоятельства, вмѣстѣ съ неурядицей, какаѣ всегда сопровождаетъ неожиданную смерть главы государства, благопріятствовали интригамъ высшихъ феодаловъ. Только сила могла держать бароновъ подъ игомъ въ теченіе двадцати лѣтъ, но они ждали лишь случая, чтобы поднять голову и жестоко отомстить за свое униженіе. Завоеванія и политика Филиппа-Августа, продолженная Людовикомъ VIII, дѣлали реакцію неизбежною. Страшный кризисъ, вызванный ею, продолжался пять лѣтъ (1226—1232). Всѣ

новые и старый враги династии—графъ тулузскій, король англійскій, графъ бретанскій, Пьеръ Моклеркъ; графъ болонскій, Филиппъ Нугерел, дядя молодого короля; герцогъ бургундскій, графъ маршскій, сеньеръ де-Куси—все тѣ, кто хотѣлъ отомстить за какую-нибудь обиду или просто поживиться,—соединились съ цѣлью погубить монархію. Феодалная коалиція не была направлена противъ самаго принципа королевской власти: онъ стоялъ выше партійной вражды и пустилъ слишкомъ глубокіе корни, чтобы ему могла грозить какая-нибудь опасность. Бароны встали противъ регентши, которой они не избрали; они требовали, чтобы она была замѣнена однимъ изъ ихъ среды—братомъ Людовика VIII, Филиппомъ Нугерел; нѣкоторые намѣревались даже, по преданію, замѣнить царствующую фамилію чисто феодалной династіей. Кромѣ того, они требовали освобожденія знатныхъ плѣнниковъ, заточенныхъ въ Луврѣ, признанія ихъ избирательныхъ правъ, возвращенія доходовъ и земель, «незаконно» отнятыхъ у сеньеровъ, и соответствующаго ихъ достоинству участія въ общемъ управленіи странюю. Глава и душа этой лиги, предприимчивый, хитрый и задорный Пьеръ Моклеркъ, Капетингъ младшей линіи, былъ тѣмъ опаснѣе, что онъ, кромѣ того, находился въ близкомъ родствѣ съ династіей. Онъ разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на поддержку англійскаго короля. Генриху III внушили надежду на возвращеніе Нормандіи и на восстановленіе континентальной державы Плантагенетовъ. Цѣль союзниковъ была совершенно ясна: они стремились, очевидно, къ тому, чтобы ниспровергнуть зданіе, воздвигнутое обоими завоевателями, Филиппомъ и Людовикомъ, и принудить монархію пойти вспять.

Возстаніе почти всего высшаго феодалнаго класса—сѣвернаго и южнаго—было не единственной опасностью, грозившею регентшѣ. Ея враги въ то же время предприняли противъ нея и другого рода кампанію, еще болѣе опасную: кампанію клеветъ, разглашаемыхъ пѣвцами, состоявшими на службѣ коалиціи. Они прилагали все усилія, чтобы очернить и унижить ее, какъ женщину, супругу и королеву. Они говорили, что испанка обираетъ французскій народъ и отсылаетъ его деньги за Пиренеи. Нѣсколько неосторожныхъ стиховъ графа Тибо Шампанскаго, единственнаго барона, оставшагося вѣрнымъ коронѣ, и непонятное упорство кардинала Св. Ангела, который во что бы то ни стало хотѣлъ оставаться въ Парижѣ, вблизи регентши, подали поводъ къ самымъ

гнуемымъ навѣтамъ на ея частную жизнь. Союзники дошли до того, что обвинили ее въ ускореніи смерти Людовика VIII, которую они упорно признавали насильственной.

Къ счастью для королевской власти и для династіи, эта иностранка, на которую сразу обрушилось столько бѣдствій, оказалась на высотѣ своей задачи. Въ теченіе обоихъ предыдущихъ царствованій Бланка Кастильская не играла никакой политической роли. Съ первыхъ минутъ своего регентства она обнаружила всѣ черты своего характера; это была женщина, обладавшая мужественнымъ умомъ и сердцемъ, нечувствительная къ обидѣ, одаренная властной энергіей, не исключавшею ни дипломатіи, ни коварства, и одержимая такимъ властолюбіемъ, что не могла отказаться отъ власти даже тогда, когда ея сынъ достигъ совершеннолѣтія. Послѣ того, какъ она десять лѣтъ правила отъ его имени, она и при немъ не переставала принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ до послѣдняго дня своей жизни.

Одаренная тонкимъ политическимъ чутьемъ и преданная дѣлу вѣры съ пылкостью кастильянки, она воспитала Людовика IX по своему образцу и сдѣлала изъ него короля и святого, котораго средніе вѣка превозносили до небесъ и которому донинѣ удивляется исторія. Въ томъ заключалась ея главная заслуга; но ей принадлежитъ и честь побѣды надъ коалиціей 1226 года и спасенія монархіи. Хладнокровіе, твердость, рѣшительность этой героини вполнѣ объясняютъ ея побѣду; прибавимъ, что ей благоприятствовали и ошибки ея противниковъ. Главною изъ ихъ ошибокъ, съ точки зрѣнія коалиціи, было то, что они никогда не дѣйствовали единодушно и выходили на бой одинъ послѣ другого.

Лига бароновъ; Тибо Шампанскій; москскій договоръ. — Изолированная среди враждебныхъ феодаловъ, Бланка Кастильская могла рассчитывать лишь на традиціонную привязанность къ королевской власти духовенства и народа и на нравственную поддержку святого престола. Она ловко сумѣла заинтересовать въ своемъ дѣлѣ и особенно удержать въ союзѣ съ собою графа Тибо Шампанскаго, человѣка легкомысленнаго и непостояннаго, котораго ей нѣсколько разъ приходилось удерживать, чтобы онъ не поддавался вліянію Пьера Моклерка. Въ Франціи, продолжая политику Людовика VIII, она добилась отъ Фридриха II обѣщанія, что онъ не приметъ участія въ смутѣ и не позволитъ также ни одному нѣмецкому князю применить къ врагамъ французской короны. Обезпечивши себя съ этой стороны,

она могла дѣйствовать противъ лиги съ быстротою и рѣшительно-
стью и отражать наносимые ей удары. Она послѣшио вѣнчала
своего сына на царство въ Реймсъ, заперла его въ Монлери, а затѣмъ
въ Парижѣ, чтобы предохранить его отъ похищенія, овла-
дѣла беллэмскою крѣпостью, которую укрѣпилъ Пьеръ Моклеркъ,
и пришудила графа тулузскаго отдѣлится отъ коалиціи. Не рѣ-
шаясь вступить въ открытую борьбу съ самимъ королемъ, мятеж-
ники обратились противъ графа Тибо, объявили незаконными его
права на Шампань и вторглись въ его графство. Бланка вмѣстѣ
съ сыномъ поспѣшила на помощь къ Тибо и торжественно водво-
рила его въ Труа, въ самомъ центрѣ оспариваемой области. На-
страцавъ одну часть союзниковъ, она искусно вошла въ согла-
шеніе съ другою и безъ единой битвы освободила шампанское
графство. Но Пьеръ Моклеркъ упорно продолжаетъ борьбу; онъ
ждетъ грозной англійской арміи, которую ему безпрестанно обѣща-
ють и которой все еще нѣтъ. Королева и молодой король бро-
саются въ Ансени, созываютъ собраніе бретонскихъ бароновъ и
объявляютъ бретонскаго графа низложеннымъ. Наконецъ Ген-
рихъ III прибылъ въ Нантъ; но со своими ничтожными силами онъ
не рѣшается идти дальше и вскорѣ возвращается на свой островъ.
Коалиція, оставленная англичанами, дробится и мало-по-малу раз-
сѣвается. Въ 1231 году, послѣ того, какъ всѣ его союзники и онъ
самъ изъявили покорность, Пьеръ Моклеркъ пытается затѣять
новую интригу, для чего убѣждаетъ Тибо жениться на его доче-
ри. Но одного грознаго слова Бланки Кастильской оказывается
достаточно, чтобы вернуть графа шампанскаго на путь истины
и разрушить дерзкую мечту о независимости. Дѣло феодаловъ
безвозвратно погибло. Ловкость и мужество одной замѣчательной
женщины спасли капетингскую монархію отъ самой страшнѣйшей опас-
ности, какаю грозилъ ей со времени битвы при Бувишѣ. Болѣе
счастливая, чѣмъ Филиппъ-Августъ, Бланка Кастильская почти
безъ битвы удержала за собою поле сраженія.

Всякій неудавшійся мятежъ удваиваетъ силу правительства,
противъ котораго онъ былъ направленъ. Коалиція 1226 года по-
ставила королевскую власть далеко выше всѣхъ сенъеріальныхъ
властей и безповоротно рѣшила участь послѣднихъ. Договоръ,
заключенный регентшею въ Мо съ графомъ тулузскимъ (1229),
былъ прямымъ послѣдствіемъ и внѣшнимъ выраженіемъ этой по-
бѣды. Самый независимый изъ высшихъ бароновъ унизился до
того, что принялъ слѣдующія условія: онъ обязался срыть стѣны

и дальнѣйшія жалобы; профессора и студенты толпою покинули Парижъ и разсѣялись по провинціальнымъ и заграничнымъ университетамъ. Знаменитый университетъ, воспитатель христіанскаго міра, прекратилъ свое существованіе. Въ виду этого событія Бланка рѣшила, наконецъ, пойти на уступки; вмѣшательство папы Григорія IX помогло ей исправить ошибку. И не только въ общественной жизни обнаружила она свой цѣльный характеръ; благодаря болтливости добраго Жуанвила мы знаемъ, чего стоила Маргаритѣ Прованской честь быть невѣсткой Бланки Кастильской и какимъ тяжкимъ крестомъ была для Людовика IX его сыновьяя покорность.

V.—Св. Людовикъ; его политика.

Король.—Людовикъ IX, самая свѣтлая личность среднихъ вѣковъ, извѣстенъ намъ лучше, чѣмъ какой бы то ни было другой дѣятель этой эпохи. О немъ давно все сказано, какъ о человѣкѣ, королѣ и святомъ; интимныя воспоминанія и всякаго рода документы, подлинность которыхъ стоитъ внѣ сомнѣній, всесторонне освѣтили эту замѣчательную личность. По наружности это былъ, по словамъ Жуанвила, «прекрасный рыцарь»: высокаго роста, отлично сложенный, сильный, съ симпатичной и открытой фizioноміей, живымъ взоромъ, бѣлокурыми волосами, свѣтлымъ цвѣтомъ лица и румянцемъ сѣверянина,—«ангельская фигура», какъ замѣчаетъ одинъ современникъ, братъ Салимбене, видѣвшій его вблизи. Веселый и остроумный, онъ любилъ непринужденныя бесѣды со своими близкими, и официальная важность и этикетъ были неизвѣстны при его дворѣ; въ теченіе большей части своей жизни этотъ ласковый и добродушный король вѣсье не былъ тѣмъ строгимъ богомольцемъ, какимъ изобразили его пѣкаторыя монахи. Счетныя книги его дворца показываютъ, что онъ любилъ охоту, тратилъ большія деньги на лошадей, собакъ и соколовъ, одѣвался въ золотую парчу, въ шелкъ и пурпуръ и на придворныхъ празднествахъ обнаруживалъ ту роскошь и расточительность, которыя въ то время считались добродѣтелью среди высшаго общества. Посредственный полководецъ, но очень храбрый солдатъ, онъ обнаруживалъ на войнѣ спокойное безстрашіе, которое возбуждало удивленіе въ его врагахъ. Извѣстно, какъ высоко стоялъ онъ въ нравственномъ отношеніи; это

былъ образецъ всѣхъ добродѣтелей, законченный типъ христіанина и вѣрующаго—въ такую эпоху, когда вѣра, утративъ уже свою непосредственность, начинала ослабѣвать,—набожный до того, что утомлялъ своихъ духовниковъ, страстный поклонникъ благочестивыхъ дѣлъ, одержимый тѣмъ «безуміемъ вѣры», котораго не понимали уже и сами папы: однимъ словомъ, король-святой XI вѣка, случайно попавшій въ XIII-й. Внутренняя и вѣдшняя политика, законодательство и дипломатія—все подчинено у него христіанской идеѣ, тому чисто религіозному міровоззрѣнію, которое прежде всего дѣлаетъ короля, путемъ любви и милосердія, отцомъ его народа, и путемъ правосудія—главою государства, обязаннымъ охранять права каждаго и внушать уваженіе къ предписаніямъ какъ церковныхъ, такъ и феодальныхъ законовъ,—однимъ словомъ, воплощеніемъ порядка и мира.

Въ другихъ отношеніяхъ Людовикъ IX—вполнѣ сынъ своего времени. Изъ политическаго и территоріальнаго наслѣдія Филиппа-Августа онъ взялъ лишь то, что слѣдовало ему, что позволила ему взять его щепетильная честность святого; но то, что онъ оставилъ за собою, онъ охранялъ съ непоколебимой твердостью. Ревностный христіанинъ, онъ неослабно защищалъ королевскія прерогативы и права свѣтскаго общества противъ захватовъ духовенства. Относясь съ большимъ уваженіемъ къ обычаю и феодальной традиціи, онъ тѣмъ не менѣе въ значительной степени расширилъ монархическую власть, достигнувъ этого ничѣмъ инымъ, какъ исполненіемъ своихъ королевскихъ обязанностей. Честолюбивая завоевательная политика, которую завѣщали ему его предшественники, окрѣпла въ его рукахъ единственно въ силу его личныхъ добродѣтелей и его правосудія. Было бы такъ же наивно упрекать его за самовластіе его правительственныхъ мѣръ и за фанатизмъ нѣкоторыхъ указовъ, какъ и за бесполезность и опасность его заморскихъ экспедицій. Все это объясняется искренностью его вѣры и тѣмъ глубокимъ сознаніемъ своей отвѣтственности, которое заставляло его не только охранять интересы его подданныхъ въ этомъ мірѣ, но и, въ особенности, предуготовлять имъ спасеніе въ жизни будущей. Правленіе Людовика Св. есть правленіе исключительной личности, которая подчинялась христіанскому чувству и которою постоянно руководили принципы болѣе высокіе, чѣмъ политика традицій.

Королевская власть въ 1236 году.— Въ ту минуту, когда начинается личное правленіе сына Бланки Кастильской,

королевская власть уже сдѣлала самый трудный свой шагъ и исполнила самую трудную часть своей задачи. Король сдѣлался самымъ крупнымъ собственникомъ королевства: его матеріальное могущество наконецъ соответствуетъ его достоинству. Къ старому королевскому домену, обнимавшему Пикардю, Иль-де-Франсъ и Берри, присоединились группа сеньерій, отнятыхъ у Плаптагенетовъ (Нормандія, Анжу, Мэнъ и Турэнь, Пуату и Сентонжъ), недавнія приобретения въ средней Франціи (Овернь) и наслѣдіе монфортскаго дома (сенешальства Бокэръ и Каркассонъ). Сюда еще не входятъ ни отдѣльныя помѣстья, разсыпанныя по всѣмъ провинціямъ, ни коммуны, подчиненныя королевской власти, ни сѣверныя и южныя епископства, въ большей или меньшей степени зависѣвшія отъ короля. Во Фландріи, Бретани, Шампани, Бургундіи, Гасконн и Лангедокъ еще существуютъ крупныя феодальныя княжества; но каждое изъ нихъ стоитъ подъ бдительнымъ надзоромъ могущественныхъ чиновниковъ, представителей королевскаго правительства, стоящихъ во главѣ сенешальствъ и судебныхъ округовъ; многія изъ этихъ княжествъ уже сильно распаты и неспособны къ сопротивленію. Тулузское графство существуетъ лишь по имени. Раймондъ VII видѣлъ, какъ дробилось его государство, и не могъ свободно располагать даже тѣмъ жалкимъ обломкомъ своихъ владѣній, который оставили ему изъ милосердія: его наслѣдникъ предписанъ ему: это—одинъ изъ братьевъ французскаго короля. Ему суждено было видѣть, какъ водворилась въ его земляхъ инквизиція, полновластно исполнявшая свое кровавое дѣло, и возникъ тулузскій университетъ, другое оружіе противъ ереси и ея покровителей. Фландрія, опасная при Филиппѣ-Августѣ, уже не беспокоитъ Людовика IX: ея взоры направлены на Востокъ, и она истощаетъ свои силы въ непосильной задачѣ: снабжать королями и деньгами Латинскую имперію. Бургундія всегда была самымъ слабымъ изъ крупныхъ феодаловъ: ея герцогъ, безсильный самъ по себѣ, всецѣло поглощенъ заботою составить себѣ доменъ и борьбою съ епископальными и монастырскими сеньеріями, занимающими большую часть территоріи герцогства. Въ Бретани Пьеръ Моклеркъ, униженный, лишенный Беллэма, уже не думаетъ возобновлять свою неудачную попытку. Графъ шампанскій унаслѣдовалъ наваррское королевство, безполезное вслѣдствіе своей отдаленности; взамѣнъ этого приобретения онъ принужденъ былъ уступить коронѣ суверенитетъ надъ половиной своего феода (Блуа, Шартръ, Сансерръ, Шатодепъ).

Остается Аквитанія и Гасконь, владѣнія англійскаго короля,—единственный опасный пунктъ, откуда еще можно ждать грозы; ибо, если французскіе феодалы не смѣютъ поднять головы, то соперничество между королями Франціи и Англійи, которое началось въ XI вѣкѣ и продолжится вплоть до новаго времени, постоянно существуетъ въ скрытомъ состояніи.

Внутренняя политика Людовика Св.; феодальная война и война съ Англійей.—Война 1242 года была однимъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ этого вѣкового соперничества. вмѣстѣ съ тѣмъ она является и послѣдней конвульсіей умирающаго феодализма. Въ Пуату—главномъ центрѣ духа сенсериальной независимости—къ ужасу крайне непостоянной и дисциплинированной знати упрочилъ свое господство Капетингъ Альфонсъ, графъ Пуатье и братъ Людовика Св. Въ 1241 г. бароны Пуату начинаютъ волноваться, созывать тайныя собранія, подстрекать другъ друга къ сопротивленію. «Французы», говорили они, «всегда презирали насъ, пуатусцевъ; они хотятъ отнять у насъ всѣ наши земли, чтобы по праву завоеванія присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ, и будутъ обращаться съ нами хуже, чѣмъ съ нормандами и альбигойцами; ибо теперь послѣдній слуга короля полновластно распоряжается въ Шампани, въ Бургундіи и во всей странѣ, потому что бароны—настоящіе рабы, и никто изъ нихъ не рѣшается что-либо сдѣлать безъ его приказанія». Зависть одной женщины, Изабеллы, графини маршской, вдовы Тоалпа Безземельнаго, взбѣшенной пренебреженіемъ, которое оказали ей королевы во время совѣщаній въ Пуатье, объединила всѣхъ недовольныхъ. Коалиція, образованная Гюгомъ маршскимъ, быстро распространилась и пожаромъ разлилась по всей странѣ. Въ нее вошли феодалы Гаскони и Аженэ, графъ Тулузскій, виконтъ Нарбонскій, англійскій король, сынъ Изабеллы маршской, и даже король Арагонскій, владѣлецъ Монпелье, которому грозила опасность быть вытѣсненнымъ изъ Лангедока. Графъ маршскій какъ бы торопится сыграть свою роль. Онъ является въ Пуатье, публично бросаетъ вызовъ своему сюзерену, графу Альфонсу, и покидаетъ городъ, сжегши въ знакъ разрыва домъ, въ которомъ жилъ. Людовикъ IX ждалъ лишь этого объявленія войны, чтобы выступить въ поле. Онъ долженъ былъ предупредить коалицію и нанести ей рѣшительный ударъ, прежде чѣмъ англійскій король, высадившійся въ Сентонжѣ, успѣлъ бы собрать вокругъ себя силы своихъ многочисленныхъ союзниковъ.

Въ то время, какъ капетингскій флотъ собрался у Ларошели, сохранявшей вѣрность французскому королю, и крейсировалъ вдоль береговъ Сентонжа и Вандей, королевская армія подъ личнымъ предводительствомъ Людовика IX вступила въ Пуату и, одно за другимъ, заняла всѣ укрѣпленныя мѣста. Устрашенные пуатусцы напрасно разоряли страну передъ врагомъ, засыпали колодцы, отравляли источники: ничто не могло удержать французовъ. Последнее усиліе отдало въ ихъ руки Фронтнэ, главную крѣпость графа маршскаго, которую защищалъ его собственный сынъ, попавшій въ руки Людовика Св. Гюгъ маршскій погибъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло владычество англичанъ въ Пуату. Только теперь англійскій король рѣшился покинуть Руанъ и двинуться навстрѣчу побѣдоносному врагу; но и на этотъ разъ онъ опоздалъ, какъ всегда (іюль 1242 года).

Въ первомъ сраженіи Людовикъ IX принудилъ англичанъ очистить Тэльбургскій мостъ, что дало ему возможность перейти Шаранту. Спустя два дня онъ снова встрѣтился съ врагомъ подъ стѣнами Санта (22 іюля 1242 года) и разбилъ его на голову. Впечатлѣніе, произведенное этой побѣдой, было несравненно важнѣе, чѣмъ самое сраженіе. Генрихъ III во всю прыть ускакалъ изъ Санта, бросая по дорогѣ свой багажъ, утварь изъ своей часовни и свои реликвіи. Онъ остановился лишь въ Блэ, а почувствовалъ себя въ безопасности лишь за Гаронной, въ Бордо. Какъ и всякій побѣжденный, онъ обвинялъ своихъ союзниковъ въ предательствѣ и особенно проклиналъ графа маршскаго; онъ написалъ императору Фридриху II жалобное письмо, въ которомъ признавался, что «переѣхалъ въ Гасконь, такъ какъ, не желая рисковать жизнью, не могъ оставаться среди вѣроломнаго и неразумнаго населенія Пуату». Людовикъ IX готовился идти на Бордо, но въ Блэ заболѣлъ и дезинтерія начала косить его армію. Онъ считалъ свою побѣду достаточной и только пожалъ ея плоды. Потерявъ надежду на спасеніе, Гюгъ маршскій, вмѣстѣ съ женою, надменной королевой Изабеллой, и двумя сыновьями отправился къ побѣдителю и палъ къ его ногамъ. Людовикъ предписалъ имъ тяжелыя условія; въ Пуату навсегда было восстановлено капетингское владычество, и принцъ Альфонсъ оставленъ въ немъ неограниченнымъ правителемъ.

Югъ участвовалъ въ возстаніи. Въ Авиньонѣ было убито два инквизитора; графы тулузскій и фуасскій напали на королевское сенешальство Каркассонъ. Но здѣсь, какъ и повсюду, извѣ-

стіе о побѣдѣ при Сэнтѣ сразу остановило мятежь. Оба графа, которымъ съ одной стороны грозили королевскіе чиновники Лангедока, съ другой—сѣверная армія, опасаясь новаго крестоваго похода, отдались на полную волю короля. Лоррисскій миръ (1243) лишь возобновилъ для лангедокскихъ феодаловъ тѣ униженія, которымъ подвергъ ихъ договоръ, заключенный въ Мо. «Съ этого времени», говоритъ лѣтописецъ Гильомъ де-Нанжи, «французскіе бароны болѣе ничего не предпринимали противъ своего короля, помазанника Господня, ясно видя, что рука Всевышняго содѣйствуетъ ему».

Опаснымъ врагомъ оставался еще только герцогъ аквитанскій, потому что онъ могъ отстаивать свою феодальную независимость силами цѣлой монархіи. Людовикъ IX поспѣшилъ заключить съ нимъ перемиріе, слишкомъ любя миръ, чтобы затѣять борьбу на жизнь и смерть, и будучи готовъ на всякія жертвы, чтобы получить возможность осуществить свой планъ крестоваго похода. По возвращеніи въ свое государство (1254), онъ могъ бы безъ большаго труда воспользоваться необыкновенно удобнымъ поводомъ, который представился ему тогда, чтобы покончить съ англичанами и прогнать ихъ на ихъ островъ. Генрихъ III, ослабленный возстаніемъ гасконскихъ феодаловъ и еще болѣе—возстаніемъ англійскихъ бароновъ, былъ не въ силахъ защищаться. Король вродѣ Филиппа-Августа наловилъ бы рыбки въ этой мутной водѣ. Но Людовикъ IX стоялъ выше обычныхъ политическихъ пріемовъ: традиціи своего дѣда онъ противопоставилъ свое собственное чувство права. Законность пріобрѣтеній Филиппа-Августа казалась ему не вполне установленной, и христіанская совѣсть не позволяла ему отнять у сына Юанна Безземельнаго то, что еще принадлежало ему на французской почвѣ. Онъ не только пренебрегъ случаемъ взять Бордо и Гасконь, но 28 мая 1258 года онъ добровольно уступилъ своему сопернику нѣкоторыя изъ завоеванныхъ областей: Перигоръ, Лимузень, Керси, часть Сентонжа и часть Аженэ. Взамѣнъ англійскій король безусловно отказался въ его пользу отъ всѣхъ остальныхъ континентальныхъ владѣній Плантагенетовъ, призналъ за нимъ суверенитетъ надъ Бретанью, Овернью, Маршемъ и Ангумуа и формально принесъ ему вассальную клятву за герцогства Гіень и Гасконь. Таковъ былъ этотъ знаменитый парижскій договоръ, на который такъ негодовали политики еще при жизни Людовика IX, и который, одобряя или осуждая, изслѣдовало столько историковъ. Можно признать, что

неудобства этого договора уравнивались его выгодами; но главною цѣлью Людовика Св. было успокоить свою совѣсть и возстановить справедливость. Онъ не зналъ другихъ политическихъ правилъ: всякій договоръ, подписанный имъ, долженъ былъ прежде всего быть орудіемъ мира.

Монархическое правленіе въ Лангедокѣ: Людовикъ Св. и Альфонсъ Пуатьескій.—Послѣднее возстаніе Раймонда VII, сурово подавленное Людовикомъ, имѣло послѣдствіемъ окончательное подчиненіе Лангедока. Графъ тулузскій тщетно пытался вступить въ новый бракъ и приобрести много наслѣдника, чѣмъ братъ французскаго короля, Альфонсъ Пуатьескій. Провансальская принцесса, руки которой онъ искалъ, вышла замужъ за другого брата Людовика Св., Карла Анжуйскаго. Капетингское владычество, утвердившись въ долинахъ Роны и Луары и проникая все далѣе и далѣе, стягивало Лангедокъ все болѣе тѣснымъ кольцомъ. Смерть Раймонда VII (1247) отдала въ руки графа Альфонса Тулузу. Такъ закончилась многолѣтняя ожесточенная борьба, которая вмѣстѣ съ независимостью южнаго населенія уничтожила и его цивилизацію. Соединеніе обѣихъ Францій, основанное на родствѣ крови, было навѣки закрѣплено.

Благодаря сердечному согласію между Альфонсомъ Пуатьескимъ и Людовикомъ Св., главнымъ же образомъ—благодаря умѣренности короля, Югу не пришлось сильно пострадать отъ перемѣны правительства, и онъ безъ сопротивленія подчинился сѣвернымъ правителямъ и учрежденіямъ. Монархія продолжала упрочиваться въ этой отдаленной странѣ, руководясь интересами порядка и мира. Альфонсъ ввелъ въ своемъ удѣлѣ администрацію, почти подобную той, какая существовала въ королевскомъ домѣнѣ, и неизмѣнно слѣдовалъ тѣмъ принципамъ, которыми руководился въ своей дѣятельности Людовикъ Св. Онъ ввелъ въ своемъ государствѣ ту же систему отчетности, которая господствовала въ королевствѣ, а также институтъ слѣдователей; онъ учредилъ даже для всѣхъ своихъ владѣній въ средней и южной Франціи единый парламентъ, который по компетенціи и вліянію стоялъ значительно выше феодальныхъ судовъ, какіе существовали во всѣхъ крупныхъ феодахъ. Новѣйшіе изслѣдователи, изучавшіе административную систему Альфонса Пуатьескаго, всѣ безъ исключенія отзываются съ большою похвалою о дѣятельности Людовика Св. и его брата. «Въ общемъ», говоритъ

Молнии, «ихъ правленіе было такъ хорошо, какъ только могло быть правленіе государя XIII вѣка. Въ первый разъ со времени славнаго господства римской имперіи Югъ управлялся разумно. Государь обнаруживаетъ, можетъ быть, слишкомъ непосредственное и слишкомъ активное вліяніе на ходъ правительственныхъ дѣлъ, но теорія королевской прерогативы, какъ ее позднѣе формулируютъ легисты Филиппа Красиваго, еще не народилась, и можно сказать, что какъ Лангедокъ, такъ и Франція, были бы счастливы, если бы никогда не знали другого режима».

Внѣшняя политика Людовика Св.—Со времени битвы при Бувишѣ и ослабленія германской имперіи, обезсиленной своей борьбою съ папствомъ, Франція заняла преобладающее положеніе въ Европѣ. Людовикъ Св. воспользовался имъ лишь для того, чтобы осуществить за предѣлами своего королевства тотъ идеалъ справедливости и высшаго порядка, которымъ онъ неизмѣнно руководился во внутренней политикѣ. Его отношенія къ иностраннымъ державамъ были подчинены, прежде всего, великому дѣлу крестоваго похода, затѣмъ желанію поддержать миръ у всѣхъ своихъ сосѣдей,—желанію, которое не часто встрѣчается среди государственныхъ людей. И здѣсь христіанскъ господствовалъ надъ королемъ и предписывалъ ему его образъ дѣйствій.

Испанія, поглощенная своей борьбой съ арабами и крайне раздробленная въ политическомъ отношеніи, не могла грозить развитію и безопасности французскаго королевства. Однако надо было помѣшать Англій пріобрѣсти себѣ тамъ союзниковъ и надо было положить конецъ притязаніямъ арагонскихъ королей, графовъ барселонскихъ, па Лангедокъ и Провансъ. Людовикъ IX устранилъ первую опасность тѣмъ, что обручилъ своего старшаго сына съ сестрою короля Кастиліи, свою дочь Изабеллу—съ молодымъ королемъ Наварры, Тибо V, и своего второго сына Филиппа—съ одною изъ арагонскихъ принцессъ. Вторую опасность онъ мудро предупредилъ тѣмъ, что заключилъ съ Арагономъ корбейльскій договоръ (11 мая 1258 года), положившій конецъ территориальнымъ канризамъ феодальной географіи и впервые сдѣлавшій Пиреней настоящей границей между обѣими націями. Барселонское графство, принадлежавшее Франціи со времени Карла Великаго, окончательно отошло къ Испаніи; графство фуасское осталось за Франціей, и Арагонъ навсегда отказался отъ всякихъ поборовъ и территорій въ области, лежащей къ сѣверу отъ Руссильона. Отказываясь отъ Каталоніи, Людовикъ терялъ лишь тѣмъ

суверенитета, потому что со времени вступленія на престолъ Филиппа-Августа французскій король утратилъ даже платоническую честь видѣть акты этой страны помѣченными годомъ своего царствованія. Взамѣнъ онъ приобрѣлъ одну реальную выгоду—именно ту, что навсегда разорвалъ связь, такъ долго соединявшую югъ Франціи съ сѣверной Испаніей, и остался единственнѣмъ господиномъ Лангедока.

Болѣе щекотливую и сложную задачу приходилось ему рѣшать на другой сухопутной границѣ королевства—тамъ, гдѣ оно соприкасалось съ Германіей. Если бы Людовикъ IX обладалъ натурой завоевателя, ему ничего не стоило бы воспользоваться тѣмъ политическимъ хаосомъ, который господствовалъ въ арльскомъ королевствѣ, и отодвинуть традиціонную границу Франціи за Сону и Рону. Ему достаточно было бы воспользоваться распреею между папствомъ и имперіей и особенно смутою, наступившей въ Германіи послѣ смерти Фридриха II. Онъ не сдѣлалъ этого и оставилъ эту благодарную задачу своему сыну и внуку, удовольствовавшись тѣмъ, что путемъ покупки графства маконскаго приобрѣлъ позицію въ Бургундіи, и тѣмъ, что въ Провансѣ водворилась калетингская династія. Онъ стремился не къ тому, чтобы расширить свои владѣнія, а къ тому, чтобы водворять миръ и распространять свое нравственное вліяніе. Да и это не всегда было легко.

Борьба на жизнь и смерть между палкою и императоромъ сильно огорчала благочестиваго короля. Онъ не могъ отказаться ни отъ почтительной преданности, какую долженъ оказывать главѣ церкви всякій христіанинъ, ни отъ чувства благодарности и признанія собственнаго интереса, которыми Франція была связана съ Фридрихомъ II. Было бы вполне естественно, если бы Людовикъ Св. поддерживалъ папство противъ государя, благочестіе котораго подлежало сомнѣнію, противъ друга сицилійскихъ сарацинъ. Но отлученный императоръ былъ союзникомъ Людовика VIII, Бланки, затѣмъ ихъ сына; его благожелательный нейтралитетъ облегчилъ калетингской династіи ея борьбу съ крупными феодалами и англичанами. И вотъ, въ 1239 г., когда пала Григорій IX обратился къ французскому королю съ просьбою о помощи противъ императора и предложилъ императорскую корону Роберту Артуа, Людовикъ отказался за своего брата отъ этого опаснаго подарка и занялъ строго-нейтральное положеніе. При Иннокентіи IV конфликтъ сдѣлался болѣе рѣзкимъ и соблюденіе

нейтралитета—болѣ затруднительнымъ. Людовикъ по временамъ вмѣшивался въ борьбу, но лишь для того, чтобы умѣрять пылъ противниковъ и поддерживать равновѣсіе между ними. Сначала онъ отказывается принять палу въ свои владѣнія и совершенно игнорируетъ низложеніе и отлученіе императора. Позднѣе, когда Фридрихъ II задумываетъ походъ на Ліонъ и личности Иннокентія IV грозить опасность, Людовикъ IX готовится идти на помощь папѣ. Какъ истинный представитель феодальнаго средне-вѣковья, онъ считаетъ обѣ эти власти необходимыми для христіанскаго міра и не допускаетъ, чтобы одна изъ нихъ сокрушила другую. Поэтому онъ безпрестанно хлопочетъ обѣ ихъ примиренію, особенно на сѣздахъ въ Ліонѣ и Клоуи. Онъ желалъ міра—во-первыхъ изъ принципа, во-вторыхъ потому, что считалъ его необходимымъ для осуществленія своего великаго плана: освобожденія Гроба Господня.

Когда онъ вернулся изъ Іерусалима, борьба уже была закончена смертью одного изъ противниковъ. Фридрихъ II умеръ: династія Гогенштауфеновъ, какъ и та опасная утопія, которую называли римской имперіей германской націи, безвозвратно погибла. Отношенія Людовика IX къ Германіи во время междуцарствія ограничивались прежде всего тѣмъ, что онъ не допустилъ исконнаго врага Франціи, Плантагенета, овладѣть наслѣдіемъ швабскаго дома. Между тѣмъ Ричардъ Корнуэльскій добился избранія въ императоры; но калетингское правительство не признало его и даже выставило противъ него конкуррента, короля Кастиліи Альфонса X. Настоящимъ наслѣдникомъ Гогенштауфеновъ была нѣмецкая феодальная знать. Людовику IX оставалось только слѣдить за процессомъ разложенія, который проникалъ до глубочайшихъ нѣдръ сосѣдней націи. Онъ безъ единой битвы воспользовался послѣдствіями Великаго Междуцарствія, и по своимъ взглядамъ не желалъ идти далѣе.

Преобладаніе Франціи въ Европѣ.—Несмотря на свое отвращеніе къ свѣтскимъ дѣламъ и на свою любовь къ миру, Людовикъ Св. долженъ былъ, однако, считаться съ послѣдствіями того преобладающаго положенія, которое заняла Франція на западѣ. Область вліянія и дѣятельности династіи съ каждымъ днемъ расширялась. Палство, которому грозила новая борьба съ государемъ изъ швабскаго дома, предложило корону обѣихъ Сицилій французскому князю—Карлу Анжуйскому (1261). Для себя лично король отказался отъ этой короны, но онъ не могъ быть недо-во-

ленъ тѣмъ, чтобы въ Неаполѣ и Палермо царствовалъ капетингскій государь, его собственный братъ. Но еще болѣе важно было для него то, что онъ сдѣлался для всей Европы чѣмъ-то вроде верховнаго судьи, живымъ воплощеніемъ права и справедливости: его рѣшенія имѣли силу закона. Люди XIII вѣка видѣли зрѣлище, единственное въ исторіи среднихъ вѣковъ: король Франціи, исключительно въ силу своихъ добродѣтелей (ибо Людовикъ былъ обязанъ этимъ положеніемъ болѣе своему личному вліянію, чѣмъ престижу своей монархіи) признавъ всеобщимъ судьей, рѣшаетъ самые щекотливые вопросы и не разъ водворяетъ миръ между спорящими сторонами. Отовсюду обращались къ этому святому съ просьбою примирить интересы, утишить страсти: авельская и дамьерская династіи, графъ бретанскій и графъ шампанскій, графы шалопскій и бургундскій, графъ барскій и герцогъ лотарингскій добровольно отдавали на его судъ свои споры. Но высшимъ триумфомъ Людовика была просьба о посредничествѣ, съ которою въ 1264 году обратились къ нему англійскіе бароны и король Генрихъ III. Приходилось рѣшать споръ между знатною, жаждавшею вольностей, и монархіей, ревниво оберегавшею свои традиціонныя права; надо было оправдать или осудить поведеніе великаго агитатора Лейстера, освятить или отвергнуть Оксфордскія постановленія. Едва ли когда-нибудь судья приходилось рѣшать болѣе трудное и болѣе отвѣтственное дѣло. Безпристрастіе Людовика IX стояло выше всякаго подозрѣнія; но легко было предвидѣть, что французскій король, при томъ высокомъ представленіи, какое онъ имѣлъ о званіи монарха, осудитъ правительственную систему, основанную на болѣе или менѣе замаскированномъ ниспроверженіи королевскаго авторитета. Приговоръ, произнесенный имъ въ Амьенѣ, по многимъ пунктамъ призналъ правымъ Генриха III. Англійскіе бароны, которые пригласили его въ посредники, первые не подчинились его приговору. Въ дѣйствительности ни одна сторона не желала мира: его желалъ только судья. При этихъ условіяхъ вмѣшательство Людовика IX, хотя и безуспѣшное, показало всѣмъ, что думали даже враги его династіи объ его личности и о французской коронѣ, какою онъ ее сдѣлалъ,—безусловно первой въ Европѣ вслѣдствіе нравственнаго превосходства ея носителя.

VI. — Людовикъ Св.; его учрежденія.

Общія отношенія между короной и феодализмомъ. — Царствованіе Людовика Св. отмѣчено значительнымъ развитіемъ королевской власти или, что то же, возрастающимъ упадкомъ сеньеріальныхъ властей. Отсюда не слѣдуетъ заключать, будто король умышленно дѣйствовалъ противъ феодализма, какъ впоследствии министры Филиппа Красиваго. Людовикъ IX не разъ показывалъ, что законныя привилегіи и традиціи феодализма были въ его глазахъ столь же почтенны, какъ и права самой монархіи. Онъ олицетворялъ собою не какое-нибудь спеціальное право, а абсолютную справедливость; всѣ установленныя власти, разъ онѣ не выходили за свои законные предѣлы, находили въ немъ защитника. Поэтому не удивительно, что онъ не разъ отстаивалъ владѣнія и права крупныхъ и мелкихъ сеньеровъ противъ чрезмернаго усердія и злоупотребленій своихъ чиновниковъ. Онъ предоставлялъ полную независимость судьямъ, засѣдавшимъ въ его парламентахъ, и они часто пользовались ею для того, чтобы выражать порицаніе королевскимъ чиновникамъ, ожесточеннымъ противъ знати и слишкомъ склоннымъ игнорировать какъ традиціонныя права сеньерій, такъ и предписанія областныхъ кутюмовъ. Но, признавая законными тѣ правила и обычаи, которые составляли феодальное право, Людовикъ IX въ то же время съ непреклонной твердостью заставлялъ сеньеровъ сообразовать свой образъ жизни съ тѣми высшими началами справедливости и правды, которыми руководился онъ самъ. Знатнѣйшій изъ бароновъ не могъ рассчитывать на его снисхожденіе, разъ было доказано, что онъ нарушилъ законъ. Людовикъ бросилъ въ темницу и приговорилъ къ большому штрафу сеньера де-Куси, сжегъ одну знатную даму, убившую своего мужа, и даже самаго надменнаго изъ своихъ братьевъ, Карла Анжуйскаго, заставилъ признать права слабaго и принципъ апелляціи къ королю. Далекій отъ мысли извлекать выгоды изъ расирей, возникавшихъ между его баронами (какъ дѣлали многіе государи и до, и послѣ него), онъ вмѣшивался лишь для того, чтобы примирять противниковъ. Озабоченный прежде всего интересами мира и общественнаго порядка, руководствуясь все тою же христіанскою идеей и предписаніями церкви, онъ запретилъ частныя войны, судебный поединокъ и турпиры.

Національное духовенство. Гильомъ Оверньскій.— Можно было опасаться, что, въ виду глубокаго благочестія короля и его преданности церкви, епископство воспользуется тѣсными узами, соединявшими его съ престоломъ, чтобы увеличить свои привилегіи, расширить свою юрисдикцію и усилить свою власть въ ущербъ гражданскому обществу. Съ тѣмъ высокимъ безпристрастіемъ, которое составляетъ отличительную черту его политики, Людовикъ IX защищалъ своихъ епископовъ противъ захватовъ и злоупотребленій балы и ихъ подручныхъ. Въ пользованіи своимъ правомъ раздачи церковныхъ бенефицій онъ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ, обнаруживалъ умѣренность и справедливость, строго придерживался каноническихъ правилъ и обращался за указаніями къ совѣту изъ епископовъ и аббатовъ, которые помогали ему находить наиболѣе подходящихъ людей для замѣщенія свободныхъ должностей. Щепетильный во всякомъ дѣлѣ, онъ осудилъ постановленіемъ своего парламента хранителей королевской регалии ¹⁾, воспользовавшихся своимъ положеніемъ для незаконной наживы, и запретилъ даже графу шампанскому взимать чрезмѣрные поборы съ вакантныхъ епископскихъ каедръ своей области. Наконецъ, онъ счелъ необходимымъ облегчить возвращеніе церкви десятины, перешедшей путемъ пожалованій въ руки свѣтскихъ лицъ, отказавшись отъ тѣхъ церковныхъ сборовъ, которыми самъ владѣль, какъ доманіальный собственникъ, и разрѣшивъ всѣмъ своимъ вассаламъ свободно пользоваться ихъ сборами на пользу духовенства.

Но этотъ же самый король, такъ зорко охранявшій имущество и права своихъ епископовъ отъ всякаго покушенія, не допускалъ, чтобы церковь переступала границы своей компетенціи. Извѣстно, съ какой твердостью и съ какимъ благоразуміемъ Людовикъ Св. отстаивалъ прерогативы короны противъ притязаній епископства, отказавъ ему даже (хотя и не такъ безусловно, какъ представлено дѣло у Жуанвила) въ помощи свѣтской власти для преслѣдованія упорствующихъ еретиковъ. Именно начиная съ его царствованія, церковное общество регулярно несетъ тяжелое бремя податей ($\frac{1}{10}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{100}$), наложенныхъ на него французскимъ правительствомъ съ согласія римской куріи. Французская церковь облагается податю сначала подъ предлогомъ по-

¹⁾ *Régale* называлось право французскаго короля получать доходы вакантныхъ епископскихъ каедръ и раздавать зависѣвшіе отъ нихъ бенефиціи.

крытія издержекъ на крестовые походы, затѣмъ — для поддержки нерелигіозныхъ предпріятій, одобренныхъ папствомъ, наконецъ просто для покрытія правительственныхъ расходовъ. Съ другой стороны Людовикъ Св., какъ и его предшественники, не былъ склоненъ поощрять захваты епископскаго суда. Онъ не только поддерживалъ жалобы и рѣшенія французскихъ бароновъ, составившихъ въ 1235 и 1246 гг. лиги для противодѣйствія захватамъ церковной юрисдикціи, но и добился отъ папы постановленія, чтобы женатые или занимающіеся торговлей клирики болѣе не подлежали церковному суду.

Епископъ парижскій (1228—1249) Гильомъ Оверньскій былъ въ это царствованіе типомъ свѣтскаго прелата, до такой степени преданнаго монархическимъ учрежденіямъ и королевской политикѣ, что иногда защищалъ ихъ наперекоръ папѣ. Въ церковномъ мірѣ онъ игралъ роль посредника и миротворца, аналогичную той, которую присвоилъ себѣ самъ король по отношенію къ феодальному обществу. Пользуясь неизмѣнной поддержкою Людовика Св., которому онъ служилъ какъ бы первымъ министромъ по религіознымъ дѣламъ, онъ основалъ большое количество церквей и богадѣлень, воспользовался распаденіемъ университета, чтобы предоставить Братьямъ-Проповѣдникамъ ихъ первую богословскую кафедрю, преобразовалъ аббатства, поддерживалъ нищенствующіхъ монаховъ противъ зависти клириковъ и энергично боролся противъ совмѣщенія церковныхъ должностей.

Людовикъ Св. и нищенствующіе ордена.—Однако главною опорой Людовика Св. была не свѣтская церковь. Онъ отдавалъ предпочтеніе черному духовенству и особенно покровительствовалъ нищенствующимъ орденамъ. Поддерживаемый какъ королемъ, такъ и папою, орденъ Братьевъ-Проповѣдниковъ, назначеніемъ котораго было вначалѣ обращеніе еретиковъ, мало-по-малу присвоилъ себѣ монополію на проповѣдь и на защиту вѣры. Инквизиція, учрежденная сначала на югѣ Франціи и направленная исключительно противъ альбигойцевъ, правильно организовалась во всѣхъ областяхъ. Людовикъ Св. по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ инквизиторамъ и принялъ ихъ подъ свое особое покровительство. Народное просвѣщеніе, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ, въ значительной степени перешло въ руки нищенствующихъ монаховъ. Нерѣдко они занимаютъ даже высшія церковныя должности. Францискаецъ Эдъ Ряго, ближайшій другъ и совѣтникъ Людовика Св., въ 1248 году былъ назначенъ руап-

скимъ архіепископомъ. Но еще большее влияние имѣють эти монахи въ качествѣ капеллановъ и духовниковъ французскаго короля, который при всякомъ случаѣ выказываетъ имъ свое благоволеніе. Онъ поручаетъ имъ дипломатическія миссіи, избираетъ изъ ихъ среды своихъ слѣдователей и священниковъ для своей арміи; они—обычное орудіе его политики и его благочестія. Это исключительное предпочтеніе не разъ возбуждало негодованіе народа. Одна женщина, имѣвшая дѣло въ парламентѣ, однажды бросила ему въ лицо такія грубыя слова: «Тьфу! И это король Франціи? Всякій другой былъ бы лучше на твоёмъ мѣстѣ, потому что ты принадлежишь къ шайкѣ проповѣдниковъ, миноритовъ и клириковъ; срамъ, чтобы ты былъ французскимъ королемъ, и чудо, что тебя до сихъ поръ не прогнали».

Отношенія къ папству. Прагматическая санкція, приписываемая Людовику Св.—Убѣжденный защитникъ лиценствующихъ орденовъ, Людовикъ IX въ этомъ отношеніи безсознательно игралъ въ руку папству, которое находило въ Миноритахъ и Проповѣдникахъ покорную и преданную армію, отлично организованную для осуществленія его плана всемірной теократіи. Тѣмъ не менѣе, Людовика Св. нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ содѣйствовалъ чрезмѣрному росту папскаго могущества. Онъ относился къ папамъ, какъ и къ своимъ собственнымъ епископамъ,—какъ государь, уважающій законныя права, но всегда готовый отстаить достоинство и независимость своей короны противъ всякаго покушенія. Люди XV вѣка, приписывавшіе ему апокрифическій памятникъ, извѣстный подъ именемъ «Прагматической санкціи Людовика Св.» и отмѣченный 1269 годомъ, были довольно хорошо освѣдомлены относительно того, что произошло за два вѣка до великой реформы галликанства. Они предполагали, и не безъ основанія, что сынъ Бланки Кастильской долженъ былъ враждебно относиться къ злоупотребленіямъ въ области церковныхъ выборовъ, къ симоніи, къ поборамъ римской куріи и особенно къ свѣтскимъ притязаніямъ святаго престола. Прагматическая санкція должна была до извѣстной степени соотвѣтствовать основнымъ принципамъ церковной политики Людовика Св., если столько поколѣній могли признавать ее подлинной и ставить ученіе галликанской церкви подъ эгиду благочестивѣйшаго изъ государей.

Подчиненіе коммунъ монархической власти.— Политическое значеніе третьяго сословія, т. е. массы народа, про-

должаетъ возрастать и при Людовикѣ Св., въ томъ смыслѣ, что граждане крупныхъ городовъ пріобрѣтаютъ все больше вліянія въ королевскихъ совѣтахъ. Это доказывается, между прочимъ, участіемъ нотаблей главныхъ городовъ въ составленіи знаменитаго ордонанса 1262 года о денежной системѣ. Въ качествѣ членовъ парламента, балы, прево, судей и всякаго рода администраторовъ, буржуазія овладѣваетъ въ это время значительною долей власти. Людовикъ Св. ускорилъ этотъ процессъ, запретивъ назначать людей знатнаго происхожденія на низшія должности, подчиненныя балы и сепеналамъ. Въ качествѣ повѣренныхъ центрального правительства, люди третьяго сословія возвышаютъ буржуазію, изо дня въ день увеличиваютъ ея богатство и значеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они теряютъ ту независимость, которую они пріобрѣли подъ видомъ присяжныхъ коммунъ или консульскихъ городовъ. Ниже мы познакомимся съ политикой Людовика Св. по отношенію къ муниципальнымъ учрежденіямъ ¹⁾. Нельзя сказать, чтобы онъ преднамѣренно, какъ позднѣ Филиппъ Красивый, стремился къ уничтоженію коммунальныхъ порядковъ. Напротивъ, онъ пытался положить предѣлы злоупотребленіямъ, какія совершались въ коммунахъ, и внушалъ послѣднимъ идеи бережливости и порядка. Ордонансъ 1256 г. предписывалъ имъ мудрыя правила по избранію магистратовъ и завѣдыванію коммунальной казной. Но этотъ указъ плохо исполнялся и имѣлъ лишь незначительныя послѣдствія. Однако личное благоволеніе короля было безсильно предупредить пагубныя послѣдствія вражды, которую обнаруживали королевскіе чиновники къ коммунамъ, какъ и ко всѣмъ остальнымъ общественнымъ органамъ, затруднявшимъ дѣло монархической централизаціи. Ихъ склонность игнорировать въ коммунахъ сенъеріальныя и муниципальныя права не разъ вызывала порицанія со стороны Людовика Св. Онъ старался искоренить это зло путемъ формальныхъ постановленій своего парламента или путемъ выраженія своей личной воли. Но королевскіе слуги обращали мало вниманія на эти выговоры и порицанія и неуклонно продолжали дѣло разрушенія всѣхъ привилегій и вольностей. Результатомъ ихъ усердной дѣятельности было то, что въ концѣ царствованія Людовика Св. муниципальная юрисдикція существовала еще только по имени.

Развитіе королевской администраціи; слѣдователи.— Административный строй, отчасти созданный, отчасти

¹⁾ См. ниже, гл. VIII.

развитый Филиппом Августомъ, приобретаетъ въ царствованіе его вѣща правильность и значеніе, которыя дѣлаютъ его самымъ дѣйствительнымъ и самымъ надежнымъ орудіемъ династіи.

Въ центрѣ дворацъ первобытной эпохи, состоявшій изъ лицъ, которыя были одновременно и домашними слугами, и высшими сановниками монархіи, уступилъ мѣсто королевскому двору, гдѣ мы находимъ двѣ категоріи лицъ: 1) клириковъ и рыцарей, составляющихъ военную стражу, личный совѣтъ и домовую церковь короля; 2) дворцовыхъ слугъ, распадающихся на шесть службъ. Значеніе ближайшихъ совѣтниковъ короля, естественно, возрастаетъ при Людовикѣ Св. уже потому, что владѣнія и власть короля съ каждымъ днемъ расширяются. Могущественный классъ королевскихъ клириковъ и рыцарей былъ разсадникомъ, откуда выходили: 1) агенты центральной власти, судьи, административные и финансовыя чиновники, которые сопровождали короля въ его разъѣздахъ или постоянно засѣдали въ парламентѣ; 2) представители королевской власти въ провинціяхъ, балы, сеншалы и слѣдователи, на обязанности которыхъ лежали проведеніе и защита монархическихъ принциповъ на всемъ протяженіи королевства; 3) лица, получавшія дипломатическія миссіи за границу. Въ совѣтъ Людовика Св. все еще преобладаетъ церковный элементъ, что объясняется личными склонностями короля. Его совѣтники, люди опытные и осторожные, въ общемъ направляли дѣятельность капетинскаго правительства консервативнымъ путемъ, хотя и не уклонялись отъ необходимыхъ реформъ. Между ними уже не мало законовѣдовъ, но послѣдніе еще не получили того перевѣса, который въ царствованіе Филиппа Красиваго позволить имъ дѣйствовать революціонными средствами и довести развитіе монархіи до его крайнихъ послѣдствій.

Самая административная реформа, завершившаяся учрежденіемъ должностей балы и сеншала, была дополнена въ эту эпоху созданіемъ новаго органа, предназначеннаго связать центральное правительство съ его областными агентами и установить надъ послѣдними контроль, необходимый съ точки зрѣнія общаго блага. Мы имѣемъ въ виду слѣдователей или ревизоровъ, которые были обязаны контролировать дѣятельность мѣстной администраціи и возстановлять справедливость, нарушенную королевскими чиновниками. Лѣтописцы XIII вѣка приписываютъ Людовику Св. учрежденіе этихъ *missi dominici* капетинскаго монархіи. Но доказано, что этотъ король лишь придалъ общій харак-

новники, бароны и прелаты, призываемые болѣе или менѣе неправильно въ зависимости отъ характера дѣлъ. Дифференціація различныхъ органовъ парламента въ эпоху Людовика Св. едва замѣтна, хотя саювники, которымъ поручается веденіе слѣдствій, начинаютъ съ этихъ поръ засѣдать отдѣльно. Въ мѣстахъ своего пребыванія Людовикъ IX лично разбиралъ тлжбы своихъ подданныхъ, иногда самымъ простымъ и патріархальнымъ способомъ: кто не знаетъ судебныхъ разбирательствъ, которыя онъ производилъ подл венсенскимъ дубомъ? Судебная власть, осуществляемая лично королемъ, дала начало дворцовому суду, въ которомъ предсѣдательствовали или самъ король, или кто-либо изъ близкихъ ему лицъ по спеціальному назначенію короля. Отсюда же произошли и дворцовыя челобитныя, которыя принимали и передавали королю тѣ же лица, носившія названія королевскихъ спутниковъ. Они были членами политическаго совѣта и въ то же время имѣли право участвовать въ засѣданіяхъ парламента.

Судебная секція не только начинаетъ организоваться при Людовикѣ Св., но и значительно расширяетъ свою компетенцію. Принципъ феодальнаго строя, формулированный Бомануаромъ,— «что всякій, владѣющій свѣтской юрисдикціей, держитъ ее отъ короля непосредственно (какъ феодр) или косвенно (какъ субъ-феодр)»—сочетается съ чисто монархической идеей, «что король въ силу своего божественнаго права является единственнымъ источникомъ и высшимъ собственникомъ суда». Вслѣдствіе этого королю приписывается всеобщее право суда и безусловный суверенитетъ въ судебномъ отношеніи, такъ какъ остальные трибуналы существуютъ лишь въ силу даннаго имъ полномочія, такъ сказать—въ силу его терпимости. Быстрый ростъ королевской власти, которому такъ искусно содѣйствовали настойчивыя усилія слугъ короны, обнаруживается особенно въ правѣ апелляціи къ королю и въ теоріи королевскихъ случаевъ. Апелляція въ современномъ смыслѣ слова, т. е. обращеніе къ высшей судебной инстанціи, при Людовикѣ Св. окончательно замѣняетъ старую феодальную апелляцію, состоявшую въ вызовѣ судей на дуэль, и входитъ во всеобщее употребленіе. Развитие этого института идетъ рука объ руку съ развитіемъ судебного слѣдствія. Тотъ же указъ Людовика IX, которымъ запрещается судебный поединокъ (1258), устанавливаетъ право апелляціи. Съ этихъ поръ парламентъ играетъ роль апелляціоннаго трибунала,

не только по отношенію къ низшимъ королевскимъ судамъ, т. е. судамъ прево и бальи, но и по отношенію къ сеньеріальнымъ судилищамъ, что имѣло огромное политическое значеніе. Что касается теоріи королевскихъ случаевъ, которую королевскіе чиновники распространяли на всѣ отрасли судопроизводства, то она была, какъ извѣстно, главнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго правительство Людовика Св. и его преемниковъ незамѣтно расширало компетенцію королевскаго суда. Число королевскихъ случаевъ, которые никогда не были точно сформулированы, быстро возрастаетъ, обнимая всѣ гражданскія преступленія исключительной важности, а также всѣ проступки, клонившіеся къ нарушенію общественнаго спокойствія или къ оскорбленію достоинства короля.

Административныя и финансовыя реформы.—

Такимъ образомъ, королевская власть сильно возросла при Людовикѣ IX, не столько подъ вліяніемъ какой-нибудь могучей воли, готовой устранить всякое препятствіе, или даже нравственнаго превосходства, внушавшаго уваженіе и покорность, сколько благодаря естественной силѣ монархической эволюціи и пріобрѣтенной ею скорости. Онъ самъ такъ мало дорожилъ властью, что однажды даже рѣшилъ сложить ее съ себя и его лишь съ трудомъ удалось отклонить отъ этого рѣшенія. Царствовать—значило для него, прежде всего, быть реформаторомъ и законодателемъ, стараться осуществить въ сферѣ, подвластной его вліянію, христіанскій идеалъ, которымъ была проникнута его душа. Преобразовательная дѣятельность Людовика IX простиралась на всѣ части соціальнаго организма; но ея главной цѣлью было водворить правосудіе и нравственность въ сферѣ администраціи; не надо забывать, что въ эту эпоху, когда раздѣленіе властей было почти неизвѣстно, компетенція каждаго изъ представителей общественной власти была чрезвычайно широка и разнообразна.

Знаменитый ордонансъ 1254 года относительно бальи былъ однимъ изъ перловъ этого благодѣтельнаго законодательства. Цѣлью указа было устранить одно изъ органическихъ золъ средневѣковаго общества: эксплуатацію народа со стороны административныхъ чиновниковъ. Въ силу этого ордонанса, который лишь поянялся или дополнялся административными указами послѣдующихъ царствованій, бальи обязанъ былъ при вступленіи въ должность давать клятву, что будетъ творить судъ каждому безъ вражды и лицепріятства; что будетъ тщательно соблюдать права

короля и мѣстных вольности; что будетъ надзирать за подчиненными ему чиновниками и, въ случаѣ надобности, карать ихъ. Чтобы предупредить лихоимство, балы запрещается принимать отъ тяжущихся какіе бы то ни было подарки какъ для себя, такъ и для своихъ близкихъ; точно такъ же и онъ самъ не долженъ дѣлать подарковъ своимъ начальникамъ. Ему строго воспрещены всякія личныя и денежныя отношенія какъ съ подчиненными, такъ и съ начальниками. Чтобы предупредить злоупотребленіе властью, ему запрещается вступать въ бракъ и женить или выдавать замужъ своихъ дѣтей въ предѣлахъ своего округа, доставлять имъ бенефиціи въ этомъ округѣ, участвовать въ торгахъ, имѣть родственниковъ откупщиками или помощниками въ званіи прево, лейтенанта или судьи, безъ надобности входить въ монастыри, обирать населеніе и утруждать его перенесеніемъ съ мѣста на мѣсто центра балліальной администраціи. Ему предписывалось точно въ срокъ устранять судебныя засѣданія и особенно исполнять свои обязанности лично. Онъ могъ назначать замѣстителя или лейтенанта лишь въ случаѣ болѣзни или отлучки по дѣламъ королевской службы. Будучи обязанъ исполнять королевскіе приказы, онъ имѣлъ, однако, право сообщать государю официальнымъ письмомъ съ приложеніемъ печати законные мотивы, которые мѣшали ему исполнить полученный приказъ. Для вящей предосторожности ему предписывалось, по сложении имъ своего званія, оставаться въ данномъ округѣ сорокъ дней, чтобы населеніе могло заявить противъ него свои законныя претензіи, и чтобы онъ не могъ уклониться отъ отвѣтственности, тяжесть которой пала бы на его преемниковъ.

Эти предписанія, направленныя къ уничтоженію тираніи и лихоимства въ администраціи, не остались мертвой буквою. Одно извѣстное мѣсто Жуанвиля показываетъ намъ, какъ Людовикъ IX самъ примѣнилъ ихъ въ своей столицѣ, радикально измѣнивъ характеръ должности парижскаго прево: на мѣсто всеобщаго откупщика, ненавидимаго народомъ, онъ поставилъ чиновника, получавшаго жалованье, съ строго ограниченной властью, уполномоченнаго только творить правый судъ для парижанъ.

Тѣми же идеями нравственности и порядка руководился онъ, естественно, и въ финансовой области. Людовикъ IX не измѣнилъ кореннымъ образомъ ни общаго плана, ни органовъ финансоваго управленія: это сдѣлалъ позднѣе Филиппъ Красивый. Людовикъ удовольствовался тѣмъ, что увеличилъ нормальные и чрезвычай-

ные доходы короны, не погрѣшивъ противъ тѣхъ началъ умѣренности и щепетильной честности, которыя составляютъ отличительную черту его правленія. Къ его царствованію относится первый законодательный памятникъ, въ которомъ упомянуты члены королевскаго двора, специально предназначенные для контроля финансовыхъ чиновниковъ. Ордоначъ 1256 года объ администраціи городовъ предписываетъ мэрамъ ежегодно отдавать отчетъ въ своихъ доходахъ и расходахъ «королевскимъ людямъ, назначеннымъ для отчетности». Въ 1269 г. было создано въ Тамплѣ собраніе «завѣдующихъ отчетностью» (*gens des comptes*), составленное изъ придворныхъ сановниковъ,—зародышъ будущей Счетной Палаты. Ученые, изслѣдовавшіе дѣятельность финансового вѣдомства въ царствованіе Людовика Св., далеко не все изучили и далеко не все поняли. Однако, имъ удалось установить для этой эпохи приблизительный бюджетъ королевскаго правительства, и онъ оказался въ равновѣсіи. Нормальные расходы съ избыткомъ покрывались нормальными доходами. Въ бюджетахъ Людовика Св. мы всегда находимъ извѣстный излишекъ доходовъ, который составлялъ наличный запасъ «и давалъ возможность покрывать не только расходы по постройкѣ церквей и по дареніямъ на благочестивыя дѣла, но и большую часть непредвидѣнныхъ издержекъ, обусловленныхъ нуждами администраціи и политики, кромѣ расходовъ на войны и крестовые походы». Этотъ выводъ согласуется со всѣмъ, что сообщаетъ намъ исторія объ этомъ несравненномъ царствованіи. Спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти Людовика Св. картина совершенно мѣняется: политика Филиппа Красиваго нарушила финансовое равновѣсіе, и правительственный механизмъ подорванъ тяжестью расходовъ.

Главнымъ мѣропріятіемъ Людовика Св. и его совѣтниковъ въ этой области,—тѣмъ изъ ихъ дѣлъ, которое въ глазахъ средневѣковаго общества составляло одно изъ ихъ главныхъ правъ на славу,—была монетная реформа. Ея основною цѣлью было сдѣлать королевскую монету болѣе цѣпною и болѣе постоянною, чѣмъ сенъеріальная, и ввести ее во всеобщее употребленіе, добившись того, чтобы она циркулировала во всѣхъ частяхъ королевства. Съ одной стороны, король возстановилъ употребленіе монеты, введя въ обращеніе золотую и серебряную монету, которая почти совершенно исчезла, тщательно регулируя ея вѣсъ и пробу и особенно поддерживая валюту на одномъ уровнѣ. Съ другой стороны, онъ распространилъ и сдѣлалъ обязательнымъ ея употре-

бленіе за предѣлами королевскаго домена, въ крупныхъ независимыхъ феодахъ, часто въ ущербъ монетъ самого владѣльца. Знаменитый указъ отъ мая 1263 года постановлялъ: 1) что сенъеріальная монета должна по наружному виду отличаться отъ королевской; 2) что въ королевскомъ доменѣ и во всѣхъ областяхъ, гдѣ нѣтъ сенъеріальной монеты, должна быть въ обращеніи исключительно королевская монета, а въ тѣхъ сенъеріяхъ, которыя владѣютъ правомъ чеканки, она должна идти наравнѣ съ сенъеріальной; 3) чтобы предупредить незаконныя операціи съ королевской монетою, было запрещено, подъ страхомъ лишенія имущества и тѣлеснаго наказанія, урѣзывать или переплавлять монету, вышедшую изъ королевскихъ мастерскихъ. Чтобы усилить вліяніе и обезпечить исполненіе этого указа, Людовикъ Св. скрѣпилъ его подписями гражданъ Парижа, Провена, Орлеана, Салса и Лана: любопытное нововведеніе, показывающее, насколько король стремился въ этомъ дѣлѣ опереться на нравственный авторитетъ крупныхъ городовъ. Этимъ путемъ капетингское правительство обезпечило за королевскою монетою настоящую привилегію на повсемѣстное обращеніе; мало того: его агенты вскорѣ вывели изъ этого факта заключеніе, что всякое нарушеніе указа о монетахъ, въ какой бы сенъеріи оно ни произошло, подлежитъ исключительно вѣдѣнію короля: новая монополія, которая дѣлала невозможнымъ для бароновъ уклоненіе отъ королевскаго указа. Такимъ образомъ, подъ видомъ монетной реформы провозглашалось подчиненіе всѣхъ сенъеріальныхъ властей власти капетингскаго государя. Подобный политическій актъ былъ возможенъ лишь въ такую эпоху, когда авторитетъ короля сдѣлался преобладающимъ и когда высшая феодальная знать уже сама чувствовала себя неспособной къ сопротивленію.

Законодательство Людовика Св.; популярность короля.— Указанными законодательными мѣрами Людовикъ Св. исполнялъ обязанность государя, любящаго порядокъ и справедливость и стремящагося внушить своимъ подданнымъ привязанность къ своей власти. Но онъ издавалъ законы и какъ христіанинъ, проникнутый религіозною идеей, которая неудержимо влекла его согласовать гражданскіе законы съ каноническимъ правомъ. Убѣжденный въ томъ, что ученіе церкви осуждаетъ отдачу денегъ въ ростъ и что лихоимство оскорбляетъ Бога, онъ усилилъ репрессивныя мѣры, принятыя его предшественниками противъ евреевъ. Три ордоналсами была окончательно запрещена от-

дача денегъ въ ростъ и предписано произвести частичную конфискацію имущества еврейскихъ заимодавцевъ въ пользу короны и задолжавшихъ христіанъ. Нѣсколько разъ евреи даже поголовно подвергались лишенію имущества и изгнанію. Суровыя мѣры Людовика Св. противъ евреевъ объясняются не только тѣмъ, что они занимались ростовщичествомъ, но и ихъ принадлежностью къ отвергнутой и проклятой религіи; это доказывается его распоряженіями о сожженіи талмудическихъ книгъ и указомъ 1269 г. объ обязательномъ пошеніи полоски желтаго сукна. Впрочемъ, въ эту же эпоху королевское правительство, оставаясь послѣдовательнымъ, вообще запретило отдачу денегъ въ ростъ и изгнало изъ Франціи другихъ иностранцевъ-капиталистовъ и почти всѣхъ итальянцевъ, занимавшихся денежными дѣлами. Эти ломбардцы и кагортинцы, къ помощи которыхъ корона обращалась въ минуты затрудненій, были изгнаны изъ государства или по крайней мѣрѣ принуждены уплатить выкупъ. На югѣ Франціи правительство Альфонса Пуатьесскаго относилось къ евреямъ съ такою же враждой— правда, болѣе изъ финансовыхъ, чѣмъ изъ религіозныхъ соображеній; но оно встрѣчало затрудненія при исполненіи репрессивныхъ мѣръ, которыя лишь изрѣдка одобрялись лангедокскимъ и провансальскимъ населеніемъ, привыкшимъ относиться къ евреямъ съ болшею терпимостью.

То же чувство ревностнаго благочестія заставляло Людовика IX сурово карать за богохульство. Провинившійся въ богохульствѣ подвергался выставленію у позорнаго столба и штрафу. Эти наказанія не удовлетворяли совѣсти короля, который хотѣлъ бы ихъ усилить. Жуанвиль рассказываетъ, что король самъ придумывалъ болѣе строгія наказанія—такъ ненавистно было ему богохульство. «Я видѣлъ», говоритъ онъ, «какъ онъ велѣлъ повѣсить въ Цезарей одного ювелира, который былъ одѣтъ въ портки и рубаху и у котораго вокругъ шеи были обмотаны кишки и внутренности свиньи въ такомъ изобиліи, что онъ доходилъ ему до носа, и я слышалъ, что послѣ моего возвращенія изъ-за моря онъ велѣлъ выжечь носъ и губы одному изъ жителей Парижа посредствомъ круглаго куска желѣза, снабженнаго посерединѣ щеткою и специально изготовленнаго для этой цѣли». Но это были отдѣльные случаи. Людовикъ Св. видѣлъ, что общественное мнѣніе не слѣдуетъ за нимъ по этому пути. Сами епископы, къ которымъ онъ однажды обратился за совѣтомъ, желая съ ихъ помощью установить болѣе строгія мѣры противъ богохульства, обнаружили

мало сочувствія его мысли, — «и онъ былъ такъ потрясенъ этой холодною, что съ нимъ сдѣлалась сильная лихорадка», рассказываетъ Робертъ Сорбонскій. Такова темная сторона личности Людовика IX, преданнаго наивному фанатизму, какой господствовалъ въ первую половину среднихъ вѣковъ, и всегда готоваго принести человѣческіе интересы въ жертву «дѣлу, угодному Богу».

Однако то обстоятельство, что не все современники святого короля раздѣляли его религіозную ревность и что лишь немногіе одобряли его крестовые походы, не имѣетъ большого значенія. Это не уменьшало обаянія его личности, и огромная популярность, которою онъ пользовался при жизни и еще болѣе послѣ смерти, свидѣтельствуетъ о проникаемости общественнаго мнѣнія. Ни одинъ государь не принесъ больше пользы монархіи, чѣмъ Людовикъ IX, потому что, неуклонно продолжая дѣло политическаго и социальнаго преобразования Франціи, начатое его предшественниками, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ узаконилъ его въ глазахъ всехъ своей любовью къ справедливости и освятилъ своими добродѣтелями. Стоя между правленіемъ Филиппа-Августа, суроваго основателя королевскаго могущества, и правленіемъ Филиппа-Красиваго, который насильственно напрягъ пружины монархической власти и сдѣлалъ ее до такой степени абсолютной, что возбудилъ противъ нея ненависть французскаго общества, — царствованіе Людовика Св. осталось въ памяти народа, забывшаго о тяжкихъ временахъ регентства, эпохою мира, социальнаго прогресса и полнаго благоденствія. Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Людовика Св. ¹⁾, говоря объ его смерти, замѣчаетъ: «Сѣверныя и южныя области Франціи, погруженныя во всеобщую скорбь, впервые испытали горечь національнаго траура. Сѣверные труверы и послѣдніе трубадуры Прованса немедленно переложили народную скорбь въ пѣсни. Ремонъ Госельмъ Безьерскій, Асторъ д'Орлакъ и Дасполь на своемъ языкѣ прославляли короля Франціи. Анонимный авторъ, «Плача по королѣ Людовикѣ» (*Regrès du roy Loois*), въ трогательной формѣ выразилъ скорбь простаго народа сѣверныхъ областей, который утратилъ въ Людовикѣ IX живое воплощеніе правосудія и Промысла Божія. «Я говорю, что право умерло и законность исчезла, — Разъ умеръ добрый король, святой человѣкъ. — Къ кому воззоветъ теперь простой человѣкъ, — Когда умеръ добрый король, такъ любившій его?»

1) Ch.-V. Langlois, *Saint Louis*, стр. 161, 162.

ГЛАВА VIII.

Освобожденіе городовъ.—Коммуны.—Буржуазія.

I.—Зачатки городской самостоятельности.

Судьба древнихъ римскихъ городовъ.—Исторія городовъ и городской культуры въ теченіе перваго періода среднихъ вѣковъ мало извѣстна; пожалуй, правильнѣе было бы сказать, что мы совсѣмъ не знаемъ ее. Скудные документы, дошедшіе до насъ отъ этой эпохи, знакомятъ насъ лишь съ великими перипетіями политической исторіи, съ жизнью королей и нѣсколькихъ видныхъ личностей; но о судьбахъ народовъ, безыменныхъ массъ, мы встрѣчаемъ въ нихъ лишь немногія неопредѣленные упоминанія. Однако, несмотря на недостатокъ точныхъ документальныхъ извѣстій, мы попытаемся уяснить, хотя бы въ общихъ чертахъ, какова была судьба городскихъ поселеній и каково было положеніе отдѣльныхъ личностей, изъ которыхъ они состояли.

Средніе вѣка унаслѣдовали отъ римской имперіи довольно большое число городовъ: самыми важными по количеству населенія, по богатству и значенію были такъ называемыя *cités* (*civitates*); ихъ было въ древней Галліи около 112; остальные, такъ наз. *castra*, были простыми укрѣпленными мѣстечками. Эти города, которые долго пользовались довольно большою автономіей, имѣли муниципальныя учрежденія; но подъ давленіемъ фискальной политики и насильственной централизаціи городская автономія пришла въ полное разстройство уже въ IV вѣкѣ, еще раньше, чѣмъ набѣги варваровъ ускорили паденіе имперіи. Во время анархіи, послѣдовавшей за появленіемъ варваровъ, этотъ строй окончательно рухнулъ, такъ какъ никто не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы поддерживать его: римская муниципальная система исчезла.

Что случилось тогда съ городами? Въ большинствѣ изъ нихъ скоро выдѣлилось изъ среды прочихъ жителей одно лицо, приобрѣвшее надъ ними неоспоримое превосходство: это былъ епископъ. Онъ сдѣлался не только первымъ священнослужителемъ города, но и его сеньеромъ. Въ концѣ VII вѣка, а быть можетъ и раньше, Туръ находился подъ властью своего епископа. Такимъ образомъ, большинство старыхъ римскихъ городовъ сдѣлались въ средніе вѣка епископскими сеньеріями; такъ было съ Амьеномъ, съ Ланомъ, съ Бовэ и со многими другими.

Однако не все города постигла такая участь: нѣкоторые изъ нихъ влѣдствіе войнъ или раздѣловъ перешли въ руки свѣтскихъ князей: Анжеръ принадлежалъ графу анжуйскому, Бордо—герцогу аквитанскому, Орлеанъ и Парижъ были прямо подчинены королю. Иногда рядомъ со старымъ *citè*, подвластнымъ епископу, возникалъ новый городъ, бургъ (пригородъ), подчиненный другому сеньеру, свѣтскому или духовному: такъ, въ Марсели *citè* зависѣлъ отъ епископа, городъ—отъ виконта, и такимъ же образомъ различали бургъ и *citè* въ Арлѣ, Нарбоннѣ, Тулузѣ, Турѣ. Иные города, разоренные, разрушенные, обезлюдѣвшіе, потеряли значеніе городовъ и обратились въ простыя селенія или даже были совсѣмъ уничтожены: Лондонъ влѣдствіе набѣговъ англовъ представлялъ собою вѣроятно кучу щебня, и слѣды его древнихъ римскихъ улицъ настолько изгладились, что новыя улицы, проложенныя въ томъ же направленіи въ средніе вѣка при его восстановленіи, уже не совпадали съ древними улицами; У р и к о н і у м ѣ, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Бретани, совершенно исчезъ, и лишь въ наши дни, въ 1857 году, удалось опредѣлить его точное положеніе. Точно также города *Portus Itius*, находившійся на берегу Па-де-Калэ, и *Togonentum*, на провансскомъ берегу, были уничтожены такъ основательно, что ученые и до сихъ поръ не припили къ соглашенію относительно мѣстоположенія этихъ городовъ.

Таковы тѣ общія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ относительно политической метаморфозы, происшедшей съ римскими городами въ началѣ среднихъ вѣковъ; тѣмъ паче мы совершенно не знаемъ исторіи мелкихъ городовъ, простыхъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ, которыхъ въ концѣ имперіи было построено множество. Все они должны были обратиться въ сеньеріи, но мы не знаемъ, какимъ образомъ произошло это превращеніе.

Образованіе новыхъ городскихъ центровъ.— Итакъ, найдемъ ли мы на зарѣ XI вѣка лишь небольшое количе-

ство городовъ, представляющихъ собою жалкія развалины древнихъ *civitates* и *castra*? Вовсе нѣтъ. Въ то время, какъ они влачили свое темное существованіе до того дня, когда имъ суждено было возродиться для общественной жизни, повсюду возникли новые городскіе центры. Многочисленныя помѣстья, на которыя распадалась территория во времена римскаго владычества, имѣли различную судьбу: если въ большинствѣ изъ нихъ населенію накоплялось умѣренно, и они сдѣлались позднѣе простыми деревенскими приходами, то нѣкоторыя изъ нихъ привлекали къ себѣ толпы эмигрантовъ, селившихся подъ сѣнью сеньеріальнаго замка или аббатства, и на мѣстѣ этихъ поселеній медленно складывались будущіе города. Такое помѣстье, безыменное въ VI вѣкѣ, становится въ XI-мъ важнымъ центромъ. Можно указать множество городовъ, возникшихъ вокругъ замковъ: таковы въ южной Франціи Монпелье и Монтобанъ, въ сѣверной—Брюгге, Гентъ, Лилль, въ средней—Блуа, Шатодёнъ, Этампъ. Еще многочисленнѣе были, особенно на сѣверѣ, города, обязанные своимъ происхожденіемъ покровительству аббатства; таковы были Сен-Дени, Сент-Омэръ, Сен-Валери, Ремирмонъ, Мюнстеръ, Вейсенбергъ, Редонъ, Кондомъ, Орильякъ и мн. др.

Въ какую именно эпоху и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ совершился этотъ процессъ концентраціи, мы не знаемъ. По всей вѣроятности онъ былъ вызванъ самыми разнообразными причинами. Увѣренность найти подъ защитой извѣстныхъ сеньеровъ отеческое управленіе, безопасность, безпристрастное правосудіе и другія подобныя гарантіи должна была несомнѣнно привлечь въ ихъ помѣстья тѣхъ, кто искалъ лучшихъ условій жизни, и этимъ, можетъ быть, объясняется процвѣтаніе многихъ церковныхъ мѣстечекъ: «Хорошо жить подъ посохомъ», говорило старое изреченіе. Въ другомъ мѣстѣ какое-нибудь ловкое предпріятіе сеньера, на примѣръ учрежденіе рынка, приводило чужеземцевъ на его земли и быстро обращало простой замокъ въ городъ; таково, на примѣръ, происхожденіе Шато-Камбрези. Но главную изъ этихъ причинъ были набѣги норманновъ, которые въ теченіе цѣлаго вѣка разрушали деревни, разоряли крестьянъ и заставляли ихъ искать убѣжища въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Самый любопытный изъ примѣровъ этого рода представляетъ собою исторія происхожденія Сент-Омэра: будучи въ IX вѣкѣ простымъ аббатствомъ, стоявшимъ подъ защитою св. Бертина, оно два раза подрядъ, въ 860 и 878 гг., было опустошено вмѣстѣ со всею

ленія и что представляли собою тогда обитатели городовъ. Новыя мѣстечки тѣснились вокругъ замка, аббатства или церкви; древніе города, нѣкогда весьма обширные, уничтожали свои старыя предмѣстья и скучивались, чтобы въ случаѣ нападенія площадь, которую пришлось бы защищать, была меньше; такъ, въ Парижѣ, Бордо, Эвре, Пуатье, Сансѣ въ настоящее время находятъ развалины римскихъ памятниковъ за оградю стѣнъ, которую устроили себѣ эти города въ эпоху нашествій. Всѣ города по мѣрѣ возможности окружали себя укрѣпленіями, зубчатыми стѣнами и рвами и усеивали свои контрескарпы западнями, засѣками и частоколами. Внутри ихъ населеніе, хотя и немногочисленное, должно было жить въ тѣснотѣ, и это отразилось на архитектурѣ домовъ. Римское жилище располагалось въ ширину, имѣло внутри большой дворъ, атриумъ, и было вообще очень невысоко; теперь атриумъ исчезаетъ, застраивается, и крыша возвышается надъ цѣлымъ рядомъ этажей, выстроенныхъ, можетъ быть, уже съ выступами, чтобы сберечь еще больше мѣста. Украшеніемъ городовъ служатъ лишь памятники, которые остались отъ временъ римскаго владычества, если только ихъ не употребили для какихъ-нибудь экстренныхъ нуждъ (такъ, храмъ Везоны въ Перигѣ былъ превращенъ въ башню для цѣлей защиты, а амфитеатръ въ Нимѣ пріютилъ въ себѣ часть жителей и образовалъ настоящей кварталъ), или если ихъ не разрушили, чтобы употребить ихъ матеріалъ на новыя постройки, особенно на фортификаціонныя работы. Между церковью и жилищемъ сеньера, расположеннымъ обыкновенно въ сторонѣ, на кругомъ холмѣ или искусственномъ возвышеніи, проводилъ горожанинъ свою однообразную жизнь, и былъ счастливъ, если частная война или набѣгъ грабителей не навлекали на его жилище и на него самого ужасовъ осады и штурма.

Политическихъ правъ не существовало: сеньеръ или его приказчики полновластно распоряжались жителями, налагали на нихъ повинности, подвергали аресту и судили.

Гражданское положеніе жителей также должно было ухудшиться; дѣйствительно, число свободныхъ людей, повидимому, значительно уменьшилось какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ; только города Юга, благодаря своему привилегированному положенію, можетъ быть отчасти избѣгли такого соціальнаго упадка; но на сѣверѣ онъ представлялъ собой всеобщее явленіе: тамъ сохранили свою независимость только тѣ, кто сдѣлалъ своимъ ремесломъ пошеніе оружія за сеньеромъ и жилъ на чужой счетъ.

другу при всякихъ обстоятельствахъ, поддерживать другъ друга и мститъ одинъ за другого. Въ другихъ мѣстахъ жители соединялись съ религіозной цѣлью, чтобы вручить себя покровительству святыхъ, и составляли, такимъ образомъ, открытыя или тайныя общества, носившія названіе братствъ или благотворительныхъ обществъ.

Возникновенію въ средѣ городскихъ обитателей такихъ отношеній, которыя должны были въ концѣ концовъ сплотить ихъ въ одну общину, способствовали, конечно, и многія другія причины. Будучи подвластны одному и тому же сеньеру, судимы однимъ и тѣмъ же судомъ и связаны съ одною и тою же церковью, они терпѣли одни и тѣ же злоупотребленія и участвовали въ однихъ и тѣхъ же выгодахъ: естественно, что вслѣдствіе солидарности интересовъ между ними устанавливалось нѣчто въ родѣ корпоративной связи и въ то же время создавались обычаи, подготовлявшіе муниципальное обычное право. Работы, направленныя къ общей пользѣ, требовали общаго соглашенія. Такое же вліяніе имѣли и общественныя бѣдствія. Въ Бовэ, въ концѣ XI вѣка, споръ, вызванный тѣмъ обстоятельствомъ, что красильщики присвоили себѣ исключительное пользованіе водами рѣки Терэна, обнаружилъ какъ вражду населенія противъ калитула, такъ и существованіе общинной связи.

Конечно, нельзя утверждать, что въ этихъ неопредѣленныхъ органахъ лежалъ зародышъ муниципальнаго строя; городской автономіи еще нѣтъ и въ поминѣ и ее даже нельзя предвидѣть. Но пусть водворится порядокъ, пусть возродится торговля, пусть населятся города, пусть городское населеніе сознаетъ свою силу, — и оно найдетъ въ этихъ едва намѣченныхъ группахъ точку отправленія для развитія коммунальной и привилегированной организаціи.

II.— Коммунальная революція.

И вотъ насталъ день, когда города потребовали у своихъ сеньеровъ обезпеченій противъ произвольной эксплуатаціи, которой они подвергались, — когда нѣкоторые изъ нихъ потребовали и получили относительную автономію, — когда эти рабы и крестьяне, о которыхъ епископъ Адальберонъ говорилъ съ такимъ презрѣніемъ, начали заключать договоры со своими господами, какъ равный съ равнымъ. Этотъ процессъ освобожденія городовъ, охва-

тившій съ конца X по XIII вѣкъ всю западную Европу, получилъ названіе коммунальной революціи.

Происхождение городскихъ учреждений.— Какъ это часто случается, историки подыскивали глубокія и сложныя причины для этого весьма простаго явленія и относили его происхождение ко временамъ античной древности. Одни думали, что эта революція состояла лишь въ возстановленіи древнихъ римскихъ учреждений; они тщательно подбирали всѣ внѣшнія черты сходства между коммунальной системой и римской муниципальной организаціей временъ упадка, подчеркивая особенно выраженія *municipium*, *consul*, *libertas romana*, часто употреблявшіяся въ средніе вѣка. Эта гипотеза теперь оставлена, потому что, какъ мы видѣли, то устройство, которое даль городамъ Римъ, исчезло безъ слѣда. Что касается совпаденій, которыя поражали этихъ историковъ, то они легко объясняются употребленіемъ латинскаго языка и необходимостью обозначать новыя учрежденія античными именами, болѣе или менѣе пригодными для этой цѣли.

Другіе ученые—германскіе, какъ Лео, Эйхгорнъ, Мауреръ, Гегель и другіе, полагали, что начало муниципальнаго строя слѣдуетъ искать не въ Римѣ, а въ германскихъ учрежденіяхъ, занесенныхъ въ Галлію и Италію нашествіями варваровъ. Доманіальный строй, организація виллы, марки, сотни или селенія съ ихъ должностными лицами, по мнѣнію этихъ ученыхъ, съ самаго начала заключали въ себѣ всѣ элементы, которые, преобразуясь и приноровляясь къ потребностямъ времени, мало-помалу и образовали основу средневѣковой муниципальной системы.

Не останавливаясь на детальной критикѣ обѣихъ этихъ теорій, имъ надо сдѣлать тотъ тяжелый упрекъ, что онѣ не объясняютъ коммунальной революціи. Въ самомъ дѣлѣ, почему это движеніе произошло именно въ данную эпоху, а не ранѣе? Почему оно приняло столь разнообразныя формы, почему оно проявилось одновременно и въ старыхъ, и въ новыхъ городахъ,—въ городахъ Италиі, гдѣ, можетъ быть, сохранилось воспоминаніе о римской цивилизаціи, и въ городахъ Сѣвера, на которыхъ такъ сильно отразилось германское вліяніе?

Настоящая причина освобожденія городовъ была болѣе непосредственна. Она заключалась исключительно въ томъ экономическомъ и социальномъ переворотѣ, который произошелъ между X и XII вв.,—въ возрожденіи труда и производства во всѣхъ ихъ формахъ, пробудившемъ Европу отъ сна. Начиная съ конца

Х вѣка феодальный міръ организуется; среди всеобщаго раздробленія водворяется относительный порядокъ. Анархія предшествующей эпохи исчезаетъ, и каждый сеньерь старается наиболѣе выгоднымъ для себя способомъ организовать и эксплуатировать свой феодеъ: открываются новые рынки, завязываются сношенія между городами. Число купцовъ увеличивается, и они рѣшаются удалиться отъ защищающихъ ихъ стѣнъ; снова начинаетъ входить въ употребленіе обмѣнъ продуктовъ, мѣстная торговля возрождается. Въ то же время общество, погибавшее отъ скуки въ своихъ селеніяхъ и мѣстечкахъ, пристращается къ путешествіямъ, приключеніямъ и паломничествамъ вплоть до Св. Земли; міръ расширяется, умственный кругозоръ увеличивается, снова завязываются сношенія между Сѣверомъ и Югомъ, между Западомъ и Востокомъ: возрождается всемірная торговля. Слѣдствія этого движенія немедленно отражаются на городахъ; по необходимости бѣдные и слабые пока не было торговли, они снова населяются и обогащаются. Вскорѣ горожане будутъ въ силахъ оказывать сопротивленіе своимъ сеньерамъ.

Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго можетъ служить то обстоятельство, что освободительное движеніе распространяется именно по большимъ торговымъ путямъ этого времени. Первыми поднимаются итальянскіе города; затѣмъ идутъ города Рейна, этого великаго мѣноваго пути, соединявшаго сѣверную Европу съ побережьями Средиземнаго моря, и главные центры Фландріи, Геннегау и Пикардіи, т. е. торговыя метрополіи среднихъ вѣковъ. Съ другой стороны, коммунальной революціей въ каждомъ городѣ руководили купцы: ихъ ассоціаціи были колыбелями коммунъ, и часто помѣщеніе, въ которомъ они собирались,—ихъ guild-hall, напримѣръ мѣсто собранія суконщиковъ, какъ въ Бовэ, Ипернѣ, Арра,—было первой городской ратушей.

Но почему—пожалуй, спросить кто-нибудь—эти купцы повсюду организовали сопротивленіе противъ своихъ сеньеровъ? Какимъ образомъ сумѣли они повсюду сплотить вокругъ себя своихъ согражданъ? Дѣло въ томъ, что города повсюду страдали отъ однихъ и тѣхъ же золь. Въ предисловіяхъ коммунальныхъ грамотъ мы встрѣчаемъ на этотъ счетъ чрезвычайно краснорѣчивыя признавія. Людовикъ VII утверждаетъ мантскую коммуну «въ виду чрезмѣрныхъ притѣсненій, подъ гнетомъ которыхъ стонутъ бѣдные». Графы Понтье утверждаютъ вольности городовъ Аббевида и Дуллена, «чтобы оградить ихъ отъ убытковъ и отъ вымо-

гательствъ, которымъ постоянно подвергаютъ горожанъ сеньеры страны». Зло, на которое указываютъ эти документы, было безъ сомнѣнія очень старо; оно, вѣроятно, издавна вызывало жалобы; но когда въ каждой городской общинѣ явилась торговая аристократія, богатая, смѣлая, готовая посвятить свои силы дѣлу общаго освобожденія, тогда отъ жалобъ перешли къ дѣйствіямъ, и началась революція.

Благопріятное положеніе городовъ южной Европы. — Она началась очень рано на берегахъ Средиземнаго моря, въ Италіи и Провансѣ. Здѣсь старые города никогда не прекращали своихъ дѣловыхъ сношеній съ Востокомъ, и ихъ торговля, хотя и ослабленная всеобщей смутой, которая охватила всю Европу въ началѣ среднихъ вѣковъ, повидимому никогда не прекращалась совершенно; даже новые города принимали участіе въ этой торговлѣ, иногда довольно значительное. Не только Венеція, Генуя и Амальфи посылаютъ свои галеры въ византійскую имперію, но и менѣе важный городъ, Арль, поддерживааетъ съ Греціей настолько правильныя сношенія, что лѣтопись считаетъ нужнымъ упомянуть о нихъ подъ 921 г. Въ XI и XII вв., когда распространилась страсть къ паломничествамъ и крестовымъ походамъ, быстро развилась и торговля, притомъ не только съ Константинополемъ, но особенно съ невѣрными. Поэтому южныя городскія общины рано сдѣлались болѣе богатыми и болѣе многолюдными, чѣмъ города какой бы то ни было иной страны; въ нихъ образовалась богатая буржуазія, привыкшая къ практической дѣятельности, способная оказывать сопротивленіе сеньерамъ и даже одерживать верхъ надъ ними. Не слѣдуетъ также забывать, что населеніе этихъ городовъ, въ отличіе отъ сѣверныхъ мѣстечекъ, состояло не изъ однихъ простолюдиновъ: въ нихъ жили также мелкіе дворяне, рыцари, вавассоры, капитаны, привыкшіе командовать и дѣйствовать мечемъ, не зависѣвшіе отъ крупныхъ сароновъ, тѣмъ ревнивѣе оберегавшіе свои прерогативы, что такихъ прерогативъ у нихъ было немного, и всегда готовые поддержать требованія горожанъ: союзъ, драгоцѣнный для горожанъ, такъ какъ онъ давалъ имъ то, чего особенно недоставало сѣверяпамъ, именно помощь военныхъ людей. Съ другой стороны, сеньеры Юга, будучи болѣе образованными и обладая болѣе развитымъ и принципиальнымъ умомъ, интересовались не только войною и крестовыми походами, но и торговлею, которая обогащала ихъ, обогащала ихъ подданныхъ. Они, можетъ быть, скорѣе поняли, какую вы-

году должно доставить имъ освобожденіе рабочихъ классовъ, степень благосостоянія которыхъ зависить отъ степени ихъ самостоятельности, и поэтому не оказывали усиліямъ коммунальныхъ общинъ того рѣзкаго и упорнаго противодѣйствія, какое мы видимъ въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, суверены находились очень далеко: французскій король, вѣроятно, никогда не вступался за вассала вродѣ графа тулузскаго, которому угрожали честолюбивыя притязанія его крестьянъ; германскій императоръ никогда не являлся въ Провансѣ и лишь изрѣдка и на короткое время наѣзжалъ въ Италію. Однимъ словомъ, множество разнообразныхъ условій способствовало тому, чтобы ускорить и облегчить полное освобожденіе городовъ средиземнаго побережья.

Города Прованса и Лангедока.— Освобожденіе общинъ Прованса совершилось съ такою же быстротою и влѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ и освобожденіе итальянскихъ городовъ, но нѣсколько болѣе запоздало. Если итальянскіе города въ XI в. достигли уже полной свободы, то преобразование городовъ южной Франціи въ это время еще только начиналось, и эта работа освобожденія, совершаясь при менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, продолжалась до 1200 года и долѣе.

Трудно съ большею точностью опредѣлить эпоху, въ которую городамъ южной Франціи удалось свергнуть съ себя иго сеньеріальнаго произвола. Было бы ошибочно думать, что они стали пользоваться извѣстной самостоятельностью лишь съ той минуты, когда приобрѣли коммунальную грамоту и правильно организованную муниципальную администрацію; все это появляется гораздо позже. Самыя древнія хартіи вольностей, дарованныя городамъ, относятся къ XII вѣку и вовсе не древнѣе такихъ же хартій, приобрѣтенныхъ сѣверными городами, а многія изъ нихъ составлены даже только въ началѣ XIII вѣка. Между тѣмъ въ эту эпоху южныя коммуны уже давно пользовались—если не юридически, то *de facto*—непреложными привилегіями, изъ которыхъ многія были приобрѣтены ими, можетъ быть, въ очень отдаленное время. Такъ на примѣръ, Арль, исторія котораго была очень бурна и который въ 1154 году еще не имѣлъ оффиціально признанныхъ привилегій, такъ какъ императоръ Фридрихъ I предоставилъ этотъ городъ архіепископу въ качествѣ полной сеньеріи (*cum omni integritate sua*),—въ XI и даже въ X вѣкѣ обладалъ извѣстными правами. Жители принимали участіе въ общественной жизни; съ наиболѣе выдающимися изъ нихъ совѣщались

въ важныхъ случаяхъ, и объ ихъ одобреніи особливо упоминалось въ общественныхъ актахъ. Въ 962 году графъ Бозонъ заключаетъ договоръ съ аббатствомъ Св. Виктора въ Марсели «въ присутствіи всѣхъ горожанъ Арля и по совѣту знатныхъ Арля» (затѣмъ слѣдуетъ перечень именъ). Сто лѣтъ спустя, между 1065 и 1079 гг., дареніе графа тому же монастырю также получаетъ «одобреніе гражданъ, и всѣ присутствующіе подтверждаютъ его». И все-таки еще долго послѣ этого мы ничего не слышимъ ни о хартіи, ни о муниципальномъ строѣ. Въ 1067 году графъ тулузскій жалуетъ жителямъ Муассака привилегіи, а текстъ обычаявъ они получаютъ лишь въ первой половинѣ XII вѣка. Въ Нимѣ 7 мая 1080 года архіепископъ сзываетъ гражданъ (*cives*) на общее собраніе, чтобы они утвердили дареніе одной церкви. «На собраніе явились всѣ... Архіепископъ дѣйствовалъ по волѣ и по просьбамъ сенъеровъ и гражданъ... Этотъ актъ былъ утвержденъ и скрѣпленъ всѣми гражданами города». Но намъ могутъ возразить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ горожане играли чисто формальную роль нѣмыхъ свидѣтелей. Вотъ случай, гдѣ они несомнѣнно играютъ роль иниціаторовъ. Дѣйствіе происходитъ въ Каркассонѣ въ концѣ XI вѣка, между 1096 и 1107 гг.; 485 человекъ, представителей общины, приносятъ присягу графу барселонскому; нѣсколько позже, около 1107 года, другая группа принимаетъ на себя тѣ же обязательства, но не по отношенію къ барселонскому графу, а къ его сопернику, виконту Бернарду Аттону, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы, делегаты Каркассона, рыцари, горожане и весь остальной народъ и пригородные жители, обѣщаемъ тебѣ вѣрность». Они ведутъ рѣчь согласно со своимъ саномъ, держатся, какъ независимые люди,—не какъ крестьяне, а какъ вассалы. Между тѣмъ первая хартія вольностей, дарованная этому городу, помѣчена 1184 годомъ.

Намъ было необходимо привести такое большое количество примѣровъ, чтобы показать, насколько этотъ обратный порядокъ развитія былъ всеобщимъ. Какъ объяснить это противорѣчіе? Надо думать, что на Югѣ освобожденіе началось очень рано, около конца X вѣка,—что, не встрѣчая непреодолимаго сопротивленія, оно совершалось постепенно, росло безъ скачковъ, слѣдуя нуждамъ дня, путемъ ряда прецедентовъ, которые, повторяясь, стали закономъ, и что такимъ образомъ установился порядокъ вещей, лишенный опредѣленныхъ формъ и очень несходный въ разныхъ городахъ. Позже насталъ день, когда захотѣли сдѣлать

это положеніе дѣлъ правильнымъ, оффиціальнымъ, окончательнымъ, когда захотѣли облечь дѣйствительность теоріей; тогда городамъ были даны хартіи вольностей, быть можетъ, ни на іоту не увеличивавшія ихъ привилегій. Эта гипотеза категорически подтверждается текстомъ грамоты города Альби. Она относится лишь къ 1220 году. Между тѣмъ жители Альби уже въ 1035 г. обладали достаточнымъ вліяніемъ, чтобы добиться постройки моста. Но что это была за грамота? Она представляла собою сводъ старыхъ общественныхъ обычаевъ въ тринадцати параграфѣхъ, и ничего болѣе. Мы узнаемъ, что она была подписана послѣ того, какъ городскіе старѣйшины разсмотрѣли, «каковы были въ старину вольности и обычаи» (*qualiter... libertates et consuetudines steterant antiquitus*). То же произошло и въ Монтобанѣ. Такимъ образомъ, можно сказать вообще, что коммунальная грамота, появляющаяся на Югѣ очень поздно, была скорѣе подтвержденіемъ или, самое большее, расширеніемъ старинныхъ льготъ, чѣмъ дарованіемъ новыхъ привилегій.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться тому, что этотъ скромный, медленный, неуловимый процессъ освобожденія совершился мирнымъ путемъ, безъ войнъ, безъ драмъ. Притомъ ему естественно благоприятствовали нѣкоторыя особенныя обстоятельства. Большинство этихъ городовъ принадлежало сразу нѣсколькимъ сеньерамъ, свѣтскимъ и духовнымъ: эти совладѣльцы, находившіеся въ постоянной борьбѣ между собою, старались пріобрѣсти въ средѣ мѣстнаго населенія союзниковъ, которыхъ надо было щадить, привлекать на свою сторону; эти конфликты, безъ сомнѣнія, способствовали увеличенію привилегій общины. Такъ, Арль въ XII вѣкѣ былъ раздѣленъ на четыре города, окруженные отдѣльными оградами: *Cité*, принадлежавшую архіепископу; *Vieux Bourg*, принадлежавшій тремъ владѣльцамъ: графамъ прованскимъ, архіепископу и фамиліи Порселле; *Maiché*, зависѣвшій отъ архіепископа, который отъ себя отдалъ одну половину его въ ленъ виконтамъ марсельскимъ, а другую—земскимъ судьямъ Арля; наконецъ, *Bourg-Neuf*, помѣстье сеньера Бо. Легко понять, какой характеръ должны были носить отношенія между этими сварливыми баронами и какую выгоду могло извлекать населеніе изъ ихъ раздоровъ. Начиная съ XI вѣка, оно обыкновенно поддерживало своихъ прелатовъ въ ихъ нескончаемыхъ ссорахъ съ графами прованскими; позднѣе, въ XIII вѣкѣ, когда

Франція и Германія оспаривали другъ у друга права на Провансъ и когда Карль Анжуйскій покорилъ эту провинцію, жители Арля приняли сторону императора. Благодаря этимъ столкновеніямъ и развилась ихъ независимость. Такимъ образомъ, сами сеньеры вводили городскія общины въ кругъ политическихъ интригъ; коммуны становились общественной силой, и имъ оставалось только требовать платы за свое содѣйствіе.

Бунты въ городахъ Лангедока.— Однако было нѣсколько случаевъ народнаго возмущенія, но лишь въ послѣднія времена, когда движеніе уже близилось къ концу. Въ 1188 году Тулуза возстала противъ своего графа Раймонда, и вспыхнула гражданская война. Въ Монпелье консулы въ 1142 году были отлучены отъ церкви за то, что изгнали своего сеньера Гильома. Жители Нима около 1207 года возстали противъ коннетабля и судьи графа тулузскаго; они умертвили судью, опустошили его помѣстья, разрушили его домъ, разграбили графскій дворець и мельницу, которая зависѣла отъ него, отказались впустить графа въ городъ, приняли къ себѣ его враговъ и отняли у его чиновниковъ право уголовнаго суда. Но самый драматическій эпизодъ произошелъ въ Безье въ 1167 году. Горожане жаловались на притѣсненія своего виконта. Во время похода, предпринятаго ихъ сеньеромъ Раймондомъ Тренкавелемъ, одинъ горожанинъ, находившійся въ его войскѣ, поссорился съ рыцаремъ и отнял у него вычную лошадь; сеньерь выдалъ виновнаго рыцарямъ, и послѣдніе, по таинственному выраженію лѣтописца, подвергли его, «правда, легкому, но обезчестившему его на всю жизнь наказанію». Горожане поклялись отомстить и по окончаніи войны обратились къ виконту съ просьбою смыть этотъ позоръ, нававшій на нихъ всѣхъ. Раймондъ снисходительно объяснилъ имъ, что принужденъ былъ успокоить рыцарей своей арміи, что охотно поправитъ зло и что посовѣтуется съ знатнѣйшими изъ горожанъ. Въ назначенный день онъ отправился въ церковь Магдалины и вмѣстѣ съ епископомъ сталъ дожидаться горожанъ; они явились вооруженные и со спрятанными кипжалами. Явился и оскорбленный и спросилъ Тренкавеля, намѣренъ ли онъ отомстить за него; когда виконтъ снова отвѣтилъ, что онъ предоставитъ дѣло совѣту сеньеровъ и рѣшенію гражданъ, то заговорщики обнажили оружіе, бросились на Раймонда и, несмотря на заступничество епископа, убили графа и его бароновъ передъ алтаремъ. Его сынъ, Рожерь, былъ изгнанъ. Спустя два года онъ былъ снова призванъ, но

долженъ былъ поклясться коммуны, что не будетъ мстить за отца. Тотчасъ по своемъ возстановленіи онъ приказалъ своимъ арагонскимъ войскамъ приступить ко всеобщему избіенію жителей; пощадили только евреевъ, а также женщинъ, на которыхъ солдаты, по словамъ лѣтописца, позже женились, чтобы снова заселить городъ.

Это были почти единственные случаи муниципальных бунтовъ на югѣ Франціи. Безъ всякаго сомнѣнія, были и другіе подобные случаи, воспоминаніе о которыхъ, вслѣдствіе умолчанія лѣтописцевъ, до насъ не дошло. Но это молчаніе литературныхъ и документальныхъ источниковъ объясняется именно малочисленностью такихъ случаевъ.

Города сѣвера.— Вскорѣ за освобожденіемъ городовъ средиземнаго бассейна послѣдовало освобожденіе городовъ средней и сѣверной Франціи, Германіи и Англии. Первые признаки движенія обнаружались во Фландріи, на берегахъ Рейна и въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ Франціи. Въ 957 году жители Камбрэ, пользуясь отсутствіемъ своего епископа, образовали союзъ и по возвращеніи его имѣли смѣлость запереть передъ нимъ ворота его города. Въ 967 году аббатство Св. Арнульфа въ Мецѣ даровало хартію вольностей мѣстечку Морвиль на Сейлѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ 984 году, пожаловало такую же грамоту помѣстью Брокъ. Въ 1003 году императоръ Генрихъ II даровалъ привилегіи мѣстечку Шато-Камбрези. Во всякомъ случаѣ, это были рѣдкіе и преждевременные случаи, и прошло болѣе полу-вѣка, прежде чѣмъ обнаружались новыя попытки. Но теперь ихъ число быстро возрастаетъ. Сен-Каптэнъ приобрѣлъ коммунальныя права ранѣе 1077 года, Бовэ—ранѣе 1099; Арра сдѣлался независимымъ въ теченіе XI вѣка; Нойонъ освободился около 1108 года, Валансьенъ—въ 1114, Амьенъ—между 1113 и 1117, Корби—около 1120, Суассонъ—въ 1126, Брюгге, Лилль, Сент-Омэръ—около 1127, Гентъ и Льежъ—нѣсколько лѣтъ спустя. Это было героическое время коммунальной революціи. Далѣе движенію обостряется; стремленіе къ независимости охватываетъ одинъ городъ за другимъ. Освобожденные города служатъ примѣромъ; ихъ успѣхъ ободряетъ другихъ; въ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка движеніе достигаетъ наибольшей силы; затѣмъ оно постепенно ослабѣваетъ. Въ общемъ оно продолжается двѣсти лѣтъ. Города получили удовлетвореніе; карта феодальной Европы вся—отъ сѣвера до юга, отъ востока до запада—усѣяна незави-

симыми или привилегированными общинами; общественное сознание обогатилось новымъ понятіемъ—понятіемъ свободнаго города, политическій словарь обогатился новымъ словомъ—коммуна.

Это освободительное движеніе встрѣтило не мало затрудненій. Городскія общины Сѣвера были менѣе населены, менѣе богаты и менѣе сильны, чѣмъ коммуны средиземнаго района, а съ другой стороны, могущество сѣверныхъ феодаловъ было такъ велико, что крестьянамъ было, повидимому, совершенно не подѣ силу сокрушить его. Наконецъ, французскій и англійскій короли и императоръ Германіи находились вблизи, и казалось несомнѣннымъ, что они энергически будутъ поддерживать своихъ вассаловъ.

Духовенство и города.—Особенно неговорчивымъ оказалось духовенство. Часто цитируется знаменитое выраженіе Гвиберта Ножантскаго: «Коммуна! новое, отвратительное названіе». То же чувство испытывали всѣ люди церкви: монастырскіе лѣтописцы, проповѣдники, епископы наперерывъ громили эти «буйные заговоры», этотъ духъ мятежа, потрясавшій самыя основы соціального порядка. Ивъ Шартрскій, одинъ изъ самыхъ выдающихся прелатовъ своего времени, увѣрялъ въ 1099 году декана и канониковъ Бовэ, что они не были обязаны исполнять клятву, которою они недавно подтвердили вольности города. «Такіе договоры», говорилъ онъ, «ни для кого не обязательны и не имѣютъ силы, такъ какъ они противны каноническимъ законамъ и постановленіямъ святыхъ отцовъ». Епископъ города Турнэ, Этьенъ, въ XII в., выражалъ свое отвращеніе къ этимъ мятежнымъ городамъ въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ, хотя и менѣе торжественно и изящно: «На этомъ свѣтѣ», говорилъ онъ, «есть три и даже четыре рода крикуновъ, которыхъ трудно заставить замолчать: коммуна мужиковъ, желающихъ разыгрывать сенберовъ, споряція женщины, стадо хрюкающихъ свиней и несогласные между собою каноники. Мы смѣемся надъ вторыми, презираемъ третьихъ, но да избавить насъ Господь отъ первыхъ и послѣднихъ». Парижскій синодъ 1213 года наложилъ клеймо безчестія на эти «сообщества, основанныя ростовщиками и лихоимцами почти во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ Франціи,—такъ называемыя коммуны, которыя ввели дьявольскіе обычаи съ цѣлью ниспровергнуть юрисдикцію церкви». Наконецъ, само палство, начиная съ Иннокентія II и кончая Бонифаціемъ VIII, часто присоединяло свой голосъ къ этому хору проклятій, особенно, когда дѣло шло о церковныхъ городахъ. Григорій IX торжественно

отлучил горожанъ Реймса, которые возстали противъ своей матери-церкви, изгнали своего отца-архіепископа и присвоили себѣ его имущество, «превзойдя въ люлости ехиднѣ».

Сеньеры и города.— Что касается свѣтскихъ феодаловъ, то вначалѣ и они отнеслись къ городскимъ ассоціаціямъ не съ большей благосклонностью. «Благодаря коммунамъ», съ негодованіемъ говоритъ Гвибертъ Ножантскій, «оброчные люди освобождаются отъ произвольныхъ повинностей, которымъ подчинены рабы». Дѣйствительно, таково было значеніе коммуны въ глазахъ сеньеровъ: ихъ всемогущество ограничивалось, ихъ доходы, ихъ политическія и юридическія прерогативы умалались; на ихъ глазахъ сборище мужиковъ присвоивало себѣ долю ихъ власти. Поэтому большинство изъ нихъ въ XII вѣкѣ оказывали энергическое сопротивленіе этимъ притязаніямъ. Графъ фландрскій, Филиппъ эльзассскій, навелъ ужасъ на подвластные ему города рядомъ кровавыхъ расправъ. Тѣмъ не менѣе враждебность, съ которою они отнеслись къ освобожденію городовъ, была менѣе сильна, менѣе всеобща и, особенно, менѣе упорна, чѣмъ вражда духовенства; нѣкоторые изъ нихъ, нуждавшіеся въ деньгахъ и болѣе жадные до денегъ, чѣмъ до власти, сдались на звонкіе доводы, которыми звенѣли надъ ихъ ушами богатыя общины; другіе, какъ бургундскіе герцоги или неверскіе графы, содѣйствовали освобожденію городовъ изъ политическихъ соображеній, чтобы пріобрѣсти союзниковъ противъ сосѣднихъ сеньеровъ, и особенно изъ вражды къ упрямымъ церковнымъ сеньерамъ; третьи, наиболѣе проникательные, скоро поняли, что, освобождая свои города, они способствуютъ процвѣтанію и заселенію этихъ мѣстностей, и что такимъ образомъ они будутъ получать доходы, далеко превосходящіе всѣ произвольные налоги, которые они могли наложить на жалкихъ рабовъ; наконецъ, нѣкоторые изъ наиболѣе могущественныхъ сеньеровъ, какъ герцоги Нормандіи или шампанскіе графы, сумѣли предупредить возстанія, добровольно даруя вольности городамъ, и вмѣсто того, чтобы бороться съ освободительнымъ движеніемъ, предпочли направлять и сдерживать его. Однако, эти уклоненія обнаружилились лишь позднѣе, начиная съ конца XII вѣка; въ принципѣ феодалы были, повидимому, согласны насчетъ необходимости противодѣйствовать стремленіямъ городовъ.

Французскій король и города.—Французскіе короли, подобно феодаламъ и по тѣмъ же причинамъ, въ принципѣ отказывали своимъ городамъ въ независимости; Людовикъ VII су-

рово подавилъ попытку возстанія въ Орлеанѣ. Но по отношенію къ землямъ своихъ вассаловъ, гдѣ они вмѣшивались въ качествѣ сюзереновъ, имъ приходилось дѣйствовать по совершенно инымъ соображеніямъ. Здѣсь ихъ политика, не руководимая какимъ-либо опредѣленнымъ принципомъ, была лишена ясности и послѣдовательности. Историческая традиція раньше приписывала Людовику VI честь «освобожденія коммунъ». Но это совершенно невѣрно. Если этотъ государь и утвердилъ нѣсколько грамотъ, дарованныхъ сеньерами, то съ другой стороны онъ энергично поддерживалъ своимъ оружіемъ бароновъ въ ихъ борьбѣ съ мятежными коммунами, какъ напр., епископа пойнонскаго, аббатовъ Сен-Рикье и Корби. Въ одномъ и томъ же 1112 году онъ оказалъ поддержку амьенской коммунѣ и уничтожилъ ланскую. Будучи также очень падокъ до наживы, онъ охотно предлагалъ независимость городамъ; получивъ изрядную сумму, онъ не стѣснялся позже идти противъ нихъ, если находилъ это выгоднымъ для себя. Въ Ланѣ, который оспаривали другъ у друга епископъ и горожане, его помощь буквально продавалась съ торгу. Его преемникъ Людовикъ VII, повидимому, яснѣе понималъ, что коммуны, находившіяся на земляхъ могущественныхъ вассаловъ, являлись естественными союзниками короны въ непріятельскомъ лагерѣ и что въ его интересахъ было содѣйствовать ихъ развитію; если онъ защищалъ права архіепископовъ реймскаго и санскаго, епископовъ Бовэ, Шалона на Марнѣ и Суассона, аббатовъ Турню и Корби, то въ то же время охотно раздавалъ хартіи и поддерживалъ освобожденные города противъ враждебныхъ имъ сеньеровъ. Филиппъ-Августъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи еще рѣшительнѣе: онъ утверждалъ хартіи, дарованныя другими, и даже освободилъ множество коммунъ, какъ въ областяхъ, присоединенныхъ имъ къ королевству, такъ и на земляхъ своего домена; но онъ заставлялъ ихъ платить себѣ за свою поддержку и навязывалъ имъ свою опеку, одной рукою раздавая льготы, другой расширяя область королевскаго верховенства.

Эта систематическая поддержка явилась слишкомъ поздно, потому что коммунальная революція въ это время уже оканчивалась. Такимъ образомъ, въ общемъ можно сказать, что сначала города повсюду встрѣтили сопротивленіе, которое въ однихъ мѣстахъ никогда не прекращалось, въ другихъ смягчилось или измѣнило свой характеръ къ выгодѣ городовъ.

Присяжная коммуна.— Повидимому, почти повсюду одно и то же средство позволяло жителямъ городовъ приготовляться къ борьбѣ и часто обезпечивало ихъ побѣду: это былъ заговоръ. Жители, какъ мы уже знаемъ, соединялись въ различныя ассоціаціи, которыя носили разныя названія: гильдіи, дружества, братства, банкетовъ. Самыми важными по богатству и самыми вліятельными были союзы купцовъ или торговцевъ, часто обозначавшіеся особымъ именемъ, смотря по роду промысла, специально процвѣтавшаго въ томъ или другомъ городѣ: въ одномъ городѣ это была ассоціація мореплавателей, въ другомъ—суконщиковъ, въ третьемъ—мѣнялъ. Въ принципѣ онѣ не имѣли политическаго характера, но почти повсюду онѣ въ силу обстоятельствъ превращались въ настоящія лиги, группировали вокругъ себя остальныхъ жителей, заставляли ихъ клясться въ вѣрности общественному дѣлу и, опираясь на это согласіе и на эту клятву, договаривались съ сеньерами отъ имени всего населенія. Такой характеръ носило движеніе во всей сѣверной Европѣ, въ Германіи и во Франціи, во Фландріи и въ Англии; чаще всего коммуна была лишь расширеніемъ частной, но могущественной ассоціаціи.

Правда, иногда эту роль играла не ассоціація купцовъ, а религиозное братство. Въ Шатонефѣ, мѣстечкѣ, прилежащемъ къ городу Туру, братство Св. Элигія организовало заговоръ и въ 1305 году провозгласило свободу. Въ Пуатье сто пѣровъ, составлявшіе правительство города, принадлежали къ братству Св. Иларія. Впрочемъ, подобные случаи представляютъ собою, можетъ быть, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное исключеніе, и нѣкоторыя изъ этихъ сообществъ были просто купеческими корпораціями, усвоившими себѣ религиозное названіе: таково было братство Успенія Пресвятой Богородицы, создавшее, по преданію, коммуну въ Мантѣ. Что касается ремесленныхъ корпорацій, то онѣ не принимали никакого участія въ руководствѣ движеніемъ; простонародье стояло еще слишкомъ низко, чтобы имѣть глубокое и правильное вліяніе на событія; оно слѣдовало толчкамъ и, въ случаѣ надобности, усиливало ихъ, но никогда не выступало инициаторомъ.

Такимъ образомъ, творцомъ коммуны большею частью являлся союзъ всѣхъ жителей, сгруппированныхъ городекой аристократіей путемъ присяги. Отсюда названіе *присяжной коммуны*, которымъ часто обозначаются въ средніе вѣка свободные города

сѣверной Франціи. Отсюда же и названіе «заговора» (*conjuratio*), которое лѣтописцы даютъ этимъ городскимъ возстаніямъ: *turbulenta conjuratio factae communionis*, говорится о Бовѣ въ концѣ XI вѣка. Сеньеры очень боялись этихъ заговоровъ, которые вооружали противъ нихъ цѣлые города: когда въ 1208 году произошло столкновеніе между лондцами и ихъ архіепископомъ, то приговоръ, которымъ былъ прекращенъ конфликтъ, приписывалъ всю вину клятвѣ, взятой съ горожанъ, и объявлялъ, «что они даютъ клятву никогда болѣе не составлять подобнаго заговора, никогда не присягать коммуниъ или консулату».

Купцамъ мало было организовать коммуны и взять съ жителей клятву на вѣрность ей; пужно было прежде всего добиться того, чтобы сеньерь призналъ ее или подчинился ей.

Коммунальныя возстанія; Ланъ, Сансъ, Камбрэ.— Коммунальныя возстанія не были рѣдкостью въ XII вѣкѣ: Огюстѣнъ Тьерри, посвятившій имъ полные драматизма рассказы, любилъ представлять себѣ сильныхъ мастеровыхъ, вооруженныхъ своими колотушками, топорами и другими инструментами и удачно борющихся съ могущественными сеньерами въ лабиринтѣ узкихъ и кривыхъ улицъ. Мы только что видѣли, каково было участіе ремесленниковъ въ этой революціи; однако, въ исторіи этихъ возстаній несомнѣнно были и трагическіе дни.

Особенно интересно въ этомъ отношеніи возстаніе Лана. Этотъ городъ былъ въ началѣ XII вѣка разбойничьимъ притономъ; дворяне ночью, а иногда и среди бѣлаго дня, бросались на горожанъ и вышуждали у нихъ деньги; горожане захватывали крестьянъ, приходившихъ на рынокъ, и запирали ихъ въ своихъ домахъ. Наконецъ, епископы облагали жителей произвольными податями и подвергали карѣ несчастныхъ, которые были не въ состояніи удовлетворить ихъ требованіямъ. Новый епископъ, назначенный въ 1106 году, былъ воинственный норманнъ и страстный охотникъ, «болѣе всего любившій говорить о битвахъ, собакахъ и соколахъ». Онъ приказывалъ своему черному невольнику пытать тѣхъ, кто ему не нравился. Во время его поѣздки въ Англію, жители Лана сговорились между собою, приняли планъ коммуны и за извѣстную сумму заставили его утвердить нѣсколькихъ клириковъ и рыцарей, которые и правили въ его отсутствіе (1106). По возвращеніи епископъ выказалъ сильный гнѣвъ, но, смягченный крупной денежной суммой, утвердилъ коммуны. Наконецъ,

и самъ король, прельстившись обѣщаніемъ ежегодной дани, въ свою очередь утвердилъ ее. Золото горожанъ сдѣлало чудо; по прелать, жившій расточительно, не замедлилъ пожалѣть о томъ времени, когда ничто не ограничивало его вымогательствъ. Чтобы обезпечить себѣ поддержку Людовика VI, онъ обѣщаль ему 700 ливровъ; въ силу своей епископской власти онъ разрѣшилъ и его, и самого себя отъ клятвъ, данныхъ ими, и объявилъ хартію коммуны недѣйствительной (1112). Жители поражены; лавки, гостиницы остаются запертными; возбужденіе достигаетъ высшей степени, когда распространяется слухъ, что епископъ, чтобы уплатить обѣщанное вознагражденіе королю, взыщетъ со всякаго гражданина ту же сумму, какую каждый изъ нихъ внесъ на дѣло освобожденія. Ропотъ растетъ, и сорокъ человекъ изъ наиболѣе отважныхъ клянутся жизнью убить своего сеньера и его клеветовъ. Епископъ немедленно былъ извѣщенъ объ этомъ. «Какъ!» отвѣтилъ онъ, «чтобы я умеръ подъ ударами такихъ людей!» Многие дома, принадлежавшіе дворянамъ, были уже взяты и разграблены, но епископъ все еще не терялъ своей надменной самоувѣренности: «Вы думаете», говорилъ онъ, «что эта шайка что-нибудь сдѣлаетъ своимъ мятежомъ? Если бы мой негръ Жанъ схватилъ за пось самую страшную изъ этихъ горожанъ, онъ не посмѣлъ бы и пикнуть. Я заставилъ ихъ отказаться отъ того, что они вчера называли своей коммуною, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я живъ». На другой день по городу пропесня кличь: «Коммуна! коммуна!» Это было сигналомъ возстанія. Мятежники завладѣли церковью, неребили дворянъ, явившихся на помощь сеньеру, осадили епископскій дворецъ, силою проникли въ него, обыскали комнаты и въ концѣ-концовъ нашли епископа, который, переодѣвшись слугою, спрятался въ бочку въ глубинѣ подвала. «Кто здѣсь?», крикнулъ одинъ изъ бунтовщиковъ, отвѣсивъ тяжелый ударъ палкою.—«Жалкій плѣнникъ», дрожа, отвѣтилъ несчастный. Его узнали, за волосы вытащили на улицу и прикончили двумя ударами топора; даже его трупъ былъ оскверненъ: ему отрубили палецъ, чтобы снять епископское кольцо, его забросали камнями и запачкали грязью; знатнѣйшіе изъ дворянъ подверглись оскорбленіямъ или были избиты; горожане бросались на знатныхъ дамъ, срывали съ нихъ ихъ богатые одежды; дома дворянъ были зажжены, и цѣлый кварталъ охваченъ пожаромъ. Король двинулся къ городу; главные виновники скрылись; знатные принялись жестоко мстить за свои страданія, убивая

оставшихся жителей на улицах и даже въ церквахъ и въ свою очередь грабя дома своихъ враговъ, унося все, даже мебель и замки отъ дверей. Людовикъ VI возстановилъ порядокъ въ городѣ. Но шестнадцать лѣтъ спустя, въ 1128 году, его преемникъ, боясь новаго взрыва народной злобы, согласился дать населенію новую коммуну, которая получила, правда, менѣе рѣзкое названіе *institutio pacis*.

Легко было бы умножить число подобныхъ примѣровъ. Манъ, Амьенъ, Бовз, Гентъ боролись за свое освобожденіе. Въ Лиллѣ чиновники фландрскаго графа Карла Добраго хотѣли арестовать одного свободнаго челоуѣка, утверждая, что онъ рабъ: жители возстали и прогнали своего сеньера и его людей. Граждане Реймса въ 1130 году получили коммунальную хартію; но въ 1160 году архіепископъ сдѣлалъ попытку уменьшить вольности города; тотчасъ вспыхнуло возстаніе; король поддерживаетъ прелата, но мятежъ усиливается. Аббатъ Везеле между 1103 и 1106 годами обложилъ дома города налогомъ; жители возстали и убили его. Въ Сансѣ, въ 1146 году, крестьяне составили ассоціацію и, съ согласія Людовика VII, приняли суассонскую хартію вольностей. Но духовенство и особенно монахи *Saint-Pierre-le-Vif* подняли тревогу въ защиту своей юрисдикціи. Аббатъ монастыря *Saint-Pierre*, Гербертъ, изложилъ свои жалобы папѣ Евгенію III, проѣзжавшему черезъ Францію, и по просьбѣ папы король уничтожилъ коммуну. Лишь только аббатъ вернулся,—граждане собрались, выломали двери монастыря и убили прелата и его племянника. Тотчасъ же городъ былъ занятъ королевскими войсками; зачинщики и соучастники преступленія были схвачены; одни были казнены безъ суда, другіе, будучи заперты на вершинѣ башни *Saint-Pierre*, побросались внизъ, остальные были уведены въ Парижъ и приговорены къ смертной казни; что касается коммуны, то она была возстановлена лишь гораздо позже. Въ Камбрѣ борьба между епископомъ и его подданными отличается дикимъ характеромъ; жители составляютъ заговоръ въ отсутствіе сеньера; онъ набираетъ въ Германіи и Фландріи наемное войско, мирно возвращается въ дрожавшій городъ, затѣмъ внезапно предаетъ городъ своимъ наемникамъ, которые избиваютъ жителей на площадяхъ, на улицахъ, даже въ церквахъ, и пытаются своихъ плѣнниковъ, отрубая имъ руки или ноги, выкалывая глаза или выжигая имъ клеймо на лбу раскаленнымъ желѣзомъ. Вспыхиваетъ новое возстаніе, епископъ овладѣваетъ однимъ изъ горожанъ и, когда послѣдній

отказывается назвать своихъ сообщниковъ, велить сѣчь его розгами, затѣмъ вырвать языкъ, выколоть глаза и, наконецъ, прикончить ударами меча.

Эти примѣры показываютъ, что возстанія не всегда великъ успѣху. Нѣкоторыя общины упорно продолжали борьбу и, постоянно терпя пораженія, каждый разъ организовались снова. Жители Камбрэ боролись болѣе столѣтій, пока въ 1073 году устроили коммуну; немного спустя, она была уничтожена графомъ монскимъ. Въ 1107 году они возстановили ее; на этотъ разъ ее уничтожилъ императоръ; съ тѣмъ же упорствомъ, какое отличало ихъ враговъ, они возобновили ее въ 1127 году. Въ Везеле съ 1103 по 1250 годъ было не менѣе пяти возстаній, и почти всѣ они были безпощадно усмирены. Наконецъ, наиболѣе характернымъ примѣромъ является исторія мѣстечка Шатонель, близъ Тура. Въ промежутокъ времени отъ XII до XIV вѣка оно двѣнадцать разъ возставало противъ своего сеньера, аббата монастыря св. Мартина, и двѣнадцать разъ было побѣждено.

Но иногда община послѣ первой же попытки терпѣла такое тяжкое пораженіе, что болѣе не осмѣливалась требовать коммунальныхъ правъ. Такова была судьба королевскаго города Орлеана, который въ 1137 году устроилъ у себя коммуну. Людовикъ VII поспѣшилъ туда и, «такъ какъ безуміе нѣсколькихъ помѣшанныхъ замышляло гибель короля, то онъ мужественно подавилъ мятежъ, не безъ того, чтобы повредить нѣкоторымъ». Этотъ урокъ оставилъ такое глубокое воспоминаніе въ Орлеанѣ, что онъ болѣе никогда не возобновлялъ своей попытки.

Такимъ образомъ, съ успѣхомъ или безъ успѣха, многія общины искали свободы въ мятежѣ. Но не слѣдуетъ обобщать теорію мятежной коммуны. Это было ошибкою Огюстѣна Тьерри и историковъ его школы; они смотрѣли на освобожденіе средне-вѣковыхъ городовъ сквозь призму революцій XIX вѣка, представляли себѣ освобожденіе непремѣнно результатомъ мятежа и, найдя въ старыхъ документахъ не мало примѣровъ, способныхъ подтвердить эту мысль, объявили, что «коммунальный строй во всемъ своемъ развитіи издавна достигался не иначе, какъ путемъ открытой силы и принудительнаго соглашенія съ общественной властью». (*Lettres sur l'Histoire de France*, XIII). На самомъ же дѣлѣ война была въ общемъ лишь простой случайностью въ развитіи городовъ, и большинство изъ нихъ пріобрѣло привилегіи безъ вооруженной борьбы.

на шесть лѣтъ за ежегодный оброкъ въ двѣ тысячи провенскихъ ливровъ.

Мирный договоръ, заключенный съ сеньеромъ, былъ обыкновенно лишь перемиріемъ, и города не упускали случая добиваться новыхъ льготъ. Эти безпрестанные захваты достигались опять-таки путемъ денегъ. Въ 1186 году Филиппъ-Августъ даровалъ новыя привилегіи жителямъ Компьеня, которые приобрѣли самостоятельность еще въ 1153 году. Коммуна Бовэ, учрежденная ранѣе 1099 года, развилась между 1175 и 1217 годомъ въ правленіе Филиппа де-Дре, воинственнаго прелата, постоянно занятаго отдаленными войнами и постоянно нуждавшагося въ денежной помощи. Сент-Омэръ, освободившійся въ 1127 году, покупаетъ у графа Тьерри Эльзасскаго свою ратушу въ 1151 году и права на участіе въ ярмаркахъ Лилля, Мессины и Ипра въ 1157 году. Въ 1209 году сенешаль владѣльца продаетъ жителямъ лугъ, лежащій неподалеку отъ стѣнъ, а въ 1275 году отдаетъ имъ помѣщичьи права, которыя онъ еще сохранялъ относительно нѣкоторыхъ участковъ коммунальной территоріи, за сто шестьдесятъ парижскихъ ливровъ, «ради великой моей нужды, извѣстной и открытой», прибавляетъ онъ смиренно.

Наконецъ, и въ Англіи города не завоевывали своихъ знаменитыхъ муниципальных вольностей; они приобрѣли и расширили ихъ цѣною денегъ. Примѣръ такой купли представляетъ памъ одна лейстерская грамота—примѣръ наивный, можетъ быть, легендарный, но все-таки интересный, потому что онъ, хотя и въ символической формѣ, изображаетъ истину. Горожане жаловались на то, что ихъ въ случаѣ тяжбы подвергаютъ судебному поединку, и желали замѣнить его другими формами судопроизводства—очищеніемъ или свидѣтельскими показаніями сосѣдей и родственниковъ. «Случилось», говоритъ упомянутый документъ, «что два родственника—Николай, сынъ Акона, и Жоффрау, сынъ Николая—бились на дуэли изъ-за клочка земли, который они оспаривали другъ у друга; поединокъ продолжался отъ перваго до девятаго часа съ равнымъ успѣхомъ; одинъ изъ нихъ, отступая, взшелъ на закраину небольшого колодца и упалъ бы въ него, если бы противникъ не сказалъ ему: «Берегись, упадешь». При этихъ словахъ присутствующіе разразились такими громкими криками, что графъ, заинтересовавшись, спросилъ, въ чемъ дѣло; ему рассказываютъ о причинѣ дуэли, о поединкѣ, о великодушіи одного изъ противниковъ, и горожане, охваченные состраданіемъ

емъ, предлагаютъ ему ежегодную дань въ три пенса съ каждаго дома, выходящаго на большую улицу, если онъ согласится уничтожить судебный поединокъ и поручить двадцати четьремъ присяжнымъ судъ и расправу по всѣмъ ихъ тяжбамъ; такъ и было сдѣлано.

Нѣкоторые сеньеры не только не противодѣйствовали стремленіямъ городовъ, но даже покровительствовали имъ, отчасти изъ выгоды, отчасти по душевной добротѣ. Въ ихъ феодахъ городамъ вовсе не приходилось бороться и тратить деньги на дѣло освобожденія. Таковы были графы Понтье и, особенно, Вильгельмъ III, который въ началѣ XIII вѣка добровольно далъ коммунальныя хартіи городамъ Crotoy, Doullens, Ergnies, Rue, Saint-Josse-sur-Mer, гдѣ онъ дѣйствовалъ наперекоръ аббатству, которое дѣлило съ нимъ сеньеріальныя права надъ этимъ помѣстьемъ. Точно такъ же Жанна Константинопольская, бывшая съ 1211 по 1244 годъ фландрской графиней, относилась къ своимъ городамъ чрезвычайно предупредительно; она щедро раздавала привилегіи—Брюгге, Куртрэ, Дамму, Дюпкирхену, Экклоо, Фюрну, Генту, Миддльбургу, Мюду, Валансьену.

Наконецъ, нѣкоторымъ городамъ даже не приходилось просить о вольностяхъ: они получили свободу въ даръ отъ своихъ сеньеровъ; таковы были французскія общины, зависѣвшія отъ англійскаго короля. Между 1169 и 1179 годами Генрихъ II даровалъ Руану и Ларошели знаменитую муниципальную конституцію, извѣстную подъ именемъ Руанскихъ установленій (Etablissement de Rouen), и тотъ же статутъ былъ послѣдовательно введенъ въ городахъ Нормандіи, въ Сентѣ, Ангулемѣ, Пуатье, Копьякѣ, Сен-Жанъ-д'Анжели, Бордо, Байоннѣ, на островахъ Ре и Олеронѣ; это были вольности тщательно огражденные, которыхъ англійскому королю совершенно нечего было бояться, и которыя, повидимому, представляли средство для того, чтобы обезпечить ему симпатіи и союзъ мѣстнаго городского населенія.

Города германской имперіи.— Въ этомъ общемъ освободительномъ движеніи города германской имперіи занимаютъ совершенно особенное мѣсто: вмѣсто того, чтобы завоевывать свою свободу сразу, путемъ побѣды или какого-нибудь ловкаго маневра, и мало-по-малу расширять ее, пользуясь всякимъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, какъ дѣлали другія общины,—имъ пришлось пройти двѣ строго разграниченныя стадіи, прежде чѣмъ они достигли независимости. Въ XII вѣкѣ они, подобно всѣмъ

городскимъ общинамъ, дѣлали попытки къ освобожденію. Но императоръ, отъ котораго они прямо зависѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ, освободивъ ихъ отъ сеньеріальной власти, непосредственно подчинилъ себѣ,—держалъ ихъ въ строгомъ подчиненіи и, если даровалъ имъ льготы, то лишь гражданскаго характера; но каждый разъ, когда они требовали автономіи, онъ отказывалъ имъ. Въ 1161 году Барбаросса покорилъ горожанъ Трира, которые составили заговоръ противъ своего архіепископа; въ 1163 году, узнавъ, что жители Майнца убили своего господина, онъ послѣшилъ туда, разорилъ городъ и срылъ укрѣпленія. Такимъ образомъ, въ XII вѣкѣ города приобрѣтаютъ лишь самыя необходимыя права, гарантіи противъ сеньеріальнаго произвола, но отнюдь не политическую независимость. Но въ серединѣ XIII вѣка швабская династія прекращается; феодальная Германія пользуется выгодами продолжительнаго междоусобія; города, имѣя дѣло лишь съ мѣстными князьями, настойчиво заявляютъ свои требованія, и послѣ борьбы, сопровождаемой то успѣхами, то неудачами, многіе изъ нихъ одерживаютъ верхъ. Мецъ, который уже съ XII вѣка пользовался извѣстными привилегіями, достигаетъ въ это время полной независимости. Страсбургъ получаетъ муниципальную администрацію, отличную отъ епископской; Безансонъ учреждаетъ у себя коммуну и въ 1190 году заставляеть новаго императора, Рудольфа, утвердить свои вольности. Второю этапъ былъ пройденъ черезъ сто лѣтъ послѣ перваго, и именно въ это время организуются знаменитые свободные города Священной Римской Имперіи.

Такимъ образомъ, съ XI по XIII вѣкъ вся Европа представляеть одну и ту же картину: городскія общины, прежде столь смиренныя и до такой степени молчаливыя, что мы почти ничего не знаемъ о нихъ, развиваются, возвышаютъ голосъ, стремятся всѣ къ одной цѣли—къ освобожденію, и повсюду, несмотря на различіе странъ, эпохъ, обстоятельствъ, препятствій или опоръ, достигаютъ ея, либо болѣе или менѣе приближаются къ ней: всѣ онѣ увлечены однимъ общимъ потокомъ.

Сельскія коммуны.—Это движеніе было настолько всеобщимъ, что охватило даже деревню, и простыя селенія приобрѣли—путемъ ли добровольнаго пожалованія сеньеровъ, или посредствомъ возстаній—хартіи вольностей. До насъ дошло довольно большое число такихъ грамотъ, какъ, напримѣръ, грамоты коммунъ Аркъ во Фландріи, Брюэръ въ Пикардіи, и, по всей

вѣроятности, еще большее количество ихъ утрачено. Сельскія коммуны можно было найти въ каждой французской провинци, и мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что какая-нибудь скромная деревня въ двѣ или три сотни душъ, населеніе которой, вѣроятно, никогда и не было значительнѣе, въ XII и XIII вѣкѣ пользовалась правами коммуны. Часто также поселенія, слишкомъ слабыя, чтобы организоватья собственными силами, соединялись, заключали между собою союзъ и образовали такимъ путемъ нѣчто вродѣ коллективной коммуны. Такія коммуны можно было встрѣтить на югѣ Франціи, въ долинахъ Пиренеевъ, въ Альпахъ (ихъ называли *Escartons* въ Бриансонской области), а также на сѣверѣ въ Пикардіи, въ Понтъе, въ Артуа и во Фландріи (таковы: *Franc de Bruges, Quatre Métiers* въ помѣстьи *Saint-Bavon de Gand, Lederzeele*, мѣстность *Waes*). Изъ нихъ наиболѣе извѣстна ланская коммуна: она состояла изъ семнадцати сельъ, политическимъ центромъ которыхъ былъ *Anizy-le-Château*, получившій въ 1128 году ланскую хартію, такъ назыв. *institutio pacis*.

Каковы же были результаты этихъ всеобщихъ усилій, иногда героическихъ, часто продолжительныхъ, какія были употреблены общинами всѣхъ разрядовъ, крупными и мелкими, для освобожденія отъ произвольной сеньеріальной эксплуатаціи?

III.—Коммуны.

Средневѣковые города, добившіеся свободы самыми разнообразными путями, получили, конечно, не одинаковое устройство, и степень ихъ независимости, какъ и формы ихъ организаціи, были чрезвычайно различны. Одна коммуна почти автономна, другая принуждена довольствоваться лишь подобіемъ свободы; здѣсь вся власть принадлежитъ общему собранію жителей, тамъ власть находится въ рукахъ олигархіи, состоящей изъ нѣсколькихъ семействъ, которыя присвоили себѣ монополію на замѣщеніе магистратуръ и муниципальных должностей,—такъ что эти города невозможно опредѣлить какимъ-нибудь яснымъ и точнымъ терминомъ. Съ другой стороны, между наиболѣе независимыми мѣстностями и тѣми, которыя оставались подъ прямымъ надзоромъ королевскихъ или сеньеріальныхъ должностныхъ лицъ, было столько промежуточныхъ типовъ, столько степеней, отгѣнковъ свободы и подчиненности,—переходы отъ однихъ къ другимъ

были настолько нечувствительны, что трудно даже установить какія-нибудь категоріи, на которыя можно было бы разбить ихъ въ интересахъ методическаго изученія. Это была непрерывная и послѣдовательная іерархія, въ которой одно звено непосредственно прилегало къ другому. Тѣмъ не менѣе, историки обыкновенно дѣлятъ ихъ на два различныхъ класса: на коммуны и на города буржуазіи. Словомъ коммуна они обозначаютъ тѣ центры, которые добились извѣстной политической независимости по отношенію къ своимъ сеньерамъ; наоборотъ, въ городахъ буржуазіи жители обезпечили себѣ только гражданскія льготы, гарантіи противъ административнаго, финансоваго, судебнаго и военнаго произвола господина, но не приобрѣли права самоуправленія. Это дѣленіе совершенно условно; въ средніе вѣка его не знали, и на практикѣ было бы очень трудно, если не невозможно, установить точныя различія между наименѣе свободными коммунами и наиболѣе независимыми городами буржуазіи. Съ этой оговоркой мы принимаемъ его, такъ какъ оно общепотребительно и лучше соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чѣмъ всякое другое дѣленіе.

Коммунальная грамота.— Права коммуны, какъ бы они ни были обширны или ограничены, почти всегда облекались въ письменную форму; этотъ договоръ, заключенный между нею и сеньеромъ, носилъ названіе коммунальной грамоты; онъ представлялъ собою основной документъ, на который можно было ссылаться въ случаѣ новыхъ затрудненій или споровъ и который служилъ ей одновременно и метрикой, и текстомъ конституціи. Упоминаются, правда, нѣкоторыя мѣстности, въ родѣ Аббевиля, гдѣ освобожденіе сначала не было санкціонировано письменнымъ актомъ; но это были лишь исключенія.

Несмотря на то, что хартіи тщательно сохранялись въ сундукахъ, ключи отъ которыхъ находились только у муниципальныхъ властей, лишь немногія изъ нихъ дошли до насъ въ подлинникѣ, и большею частью мы знаемъ ихъ только по позднѣйшимъ подтвержденіямъ. Между ними есть странныя различія: такъ, хартія Корби заключаетъ въ себѣ только 7 параграфовъ, тогда какъ грамота маленькаго пикардійскаго мѣстечка Molliens-Vidame содержитъ ихъ 60, т. е. объемъ акта не стоитъ въ соотвѣтствіи съ важною мѣста. Онѣ составлены обыкновенно въ формѣ уступки сеньера, но иногда и въ безличной рѣчи. Что касается статей, то онѣ обыкновенно представляютъ собою безпорядочный

перечень, часто неясный и иногда не лишенный противорѣчій; ихъ содержаніе исчерпывается въ общемъ освященіемъ коммунальной связи, упорядоченіемъ отношеній между коммуной и ея сюзереномъ, особенно въ области суда и налоговъ, опредѣленіемъ правъ и привилегій горожанъ и ихъ—какъ говорили тогда—вольностей: ограниченіемъ податей, налоговъ, барщины, дорожныхъ пошлинъ, помѣщичьихъ правъ, разъѣздной и военной службы, установленіемъ формъ и компетенціи сенъеріального суда. Хартія рѣдко описываетъ намъ муниципальную конституцію во всей ея совокупности; обыкновенно она упоминаетъ лишь о нововведеніяхъ, разъясняетъ сомнительные пункты и обходитъ молчаніемъ тѣ части установленнаго порядка, которыя не подвержены спору; этимъ и объясняется ихъ кажущаяся несвязность, неопредѣленность и неполнота.

Зато хартія часто устанавливала извѣстные пункты обыкновеннаго права и служила до извѣстной степени гражданскимъ и уголовнымъ кодексомъ. «Въ силу хартіи», говоритъ Гвибертъ Ножантскій, «оброчные присуждаются за нарушеніе законовъ лишь къ опредѣленному закономъ штрафу». Вотъ въ какой, часто наивной формѣ выражались эти постановленія: «Кто совершитъ убійство въ городѣ, тотъ нигдѣ не найдетъ убѣжища. Если онъ спасется отъ наказанія бѣгствомъ, то его дома будутъ скрыты и имущество конфисковано, и онъ не сможетъ вернуться, пока не примирится съ родственниками своей жертвы и не уплатитъ двухсотъ су: ста—сеньеру и ста—коммунѣ на укрѣпленія.—Кто ранитъ кого-нибудь оружіемъ въ городѣ и будетъ уличенъ свидѣтелями, тотъ уплатитъ десять ливровъ: треть—пострадавшему, треть—сеньеру и треть—коммунѣ на укрѣпленія.—Кто ударитъ кого-нибудь въ городѣ, заплатитъ сто су. Кто вырветъ у кого-нибудь волосы, заплатитъ сорокъ су.—Кто обручаетъ кого-нибудь, заплатитъ сорокъ су.—Кто ранитъ кого-нибудь оружіемъ въ предѣлахъ городского округа, и будетъ уличенъ двумя свидѣтелями, заплатитъ сто су, а если убьетъ, то десять ливровъ—изъ нихъ сто су—сеньеру и сто коммунѣ на укрѣпленія». (Хартія Сент-Омера, 1168 года).

Большинство коммунальных хартій старалось также обезпечить безопасность иностранныхъ купцовъ: «Если чужеземный купецъ пріѣдетъ въ Бовэ на рынокъ и если кто-нибудь нанесетъ ему убытокъ или оскорбленіе въ предѣлахъ городского округа; если объ этомъ будетъ подана жалоба мэру и купецъ сумѣетъ

найти своего обидчика въ городѣ, то пэры будутъ судить его, если только купецъ не будетъ принадлежать къ числу враговъ коммуны». Наконецъ, эти акты почти всегда, въ самыхъ разнообразныхъ выраженіяхъ, устанавливали принципъ солидарности гражданъ: «Всѣ люди коммуны будутъ помогать другъ другу всѣми силами», говоритъ санлисская хартія. «Каждый изъ людей коммуны», читаемъ мы въ хартіи Аббевиля, «будетъ хранить вѣрность своему присяжному, будетъ поддерживать его помощью и совѣтомъ». «Если кто-нибудь», гласитъ другая грамота, «совершитъ проступокъ противъ чловѣка, присягнувшаго этой коммуны, то пэры коммуны, если имъ будетъ принесена жалоба, будутъ вершить судъ и расправу надъ тѣломъ и имуществомъ виновнаго по своему усмотрѣнію». Но не всякій подобный договоръ необходимо заключалъ въ себѣ всѣ эти разнообразные пункты: какая-нибудь статья, подробно развитая въ одномъ актѣ, въ другомъ совсѣмъ отсутствовала. Иногда договоръ состоялъ даже только въ амнистіи или въ добровольной уступкѣ сеньера, выраженной въ немногихъ строкахъ.

Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ преувеличивать это разнообразіе и думать, что каждая хартія представляла собою особый типъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя изъ нихъ играли роль образцовъ: имъ подражали, ихъ списывали и передавали изъ города въ городъ. Между 1130 и 1194 гг. графъ Понтье далъ Аббевилю конституцію «согласно съ правами и обычаями амьенской, корбийской и сен-каптэнской коммуны». Ардръ организовалъ свою коммуну въ XII вѣкѣ по образцу сент-омерской, Атье и Феррьеръ (деп. Сомма)—по образцу пероннской. Эти заимствованія объясняются или тѣмъ, что нѣкоторыя хартіи пріобрѣтали извѣстность вслѣдствіе достигнутыхъ успѣховъ и удачнаго примѣненія на опытѣ; или тѣмъ, что крупные центры заразительно дѣйствовали на мелкіе окружавшіе ихъ города, какъ Суассонъ и Дижонъ, хартія котораго была принята во всемъ бургундскомъ герцогствѣ; или тѣмъ, что какой-нибудь сеньерь изъ политическихъ соображеній заставлялъ принять одну и ту же конституцію въ цѣломъ рядѣ подвластныхъ ему мѣстностей. Нужно ли упоминать, что именно такова была исторія «Руанскихъ установленій»? Въ сѣверной Франціи городъ, служившій метрополіей, носилъ названіе *chef de sens*; города, организовавшіеся по его образцу, спрашивали у него разъясненій, когда смыслъ какой-нибудь статьи или параграфа казался имъ неяснымъ. Совѣ-

щанію предписывалось обычаемъ, а иногда и закономъ. Хартія являлась какъ бы священнымъ текстомъ, который метрополія диктовала въ минуту вдохновенія и который только она была въ правѣ комментировать.

Коммуна — коллективная сеньерія.— Давно высказано мнѣніе, что коммуна, какъ цѣлое, отвлеченное отъ представленія о составляющихъ его индивидуумахъ, была не чѣмъ инымъ, какъ коллективной сеньеріей. Это уподобленіе города феоду, какъ оно ни кажется страннымъ, вполне оправдывается и допускается всѣми современными историками. Замѣтимъ прежде всего, что коллективныя сеньеріи не были рѣдки въ средніе вѣка; таковы были, напримѣръ, аббатства и кашитулы. Коммуны, возникшія во время расцвѣта феодальной системы, когда сеньеріальный режимъ опутывалъ и тѣснилъ все—государство, личность, идею,—роковымъ образомъ отлились въ феодальную форму и выросли въ ней. Какъ ни былъ, повидимому, силенъ буржуазный элементъ въ коммунахъ, но въ дѣйствительности она обладала всѣми качествами феодальнаго владѣльца, и свободный городъ былъ феодомъ.

Отношенія между коммуною и ея сюзереномъ: оммажъ, повинности.—Отношенія между жителями и ихъ сеньеромъ, ихъ взаимныя обязательства были тождественны съ тѣми, которые въ феодальномъ обществѣ связывали сюзереновъ съ ихъ благородными вассалами.

Сеньеръ имѣлъ обязанностію по отношенію къ своимъ горожанамъ, какъ и по отношенію къ своимъ баронамъ; онъ обѣщаль не только уважать ихъ привилегіи, но и покровительствовать имъ: «Я обезпечу имъ миръ со стороны всѣхъ людей», говоритъ въ 1127 году графъ фландрскій въ грамотѣ сент-омэрекой коммуны; «я буду поддерживать и защищать ихъ противъ монаховъ и людей».

Взаимнѣ этого городъ, подобно вассалу, долженъ былъ давать сеньеру клятву вѣрности, быть повиненъ ему помощію и военной службою. Примѣры такихъ присягъ, которыя коммуны приносили чрезъ своихъ магистратовъ, весьма многочисленны; по содержанію и формѣ онѣ почти совпадали съ феодальной клятвой: «Мы клянемся», говорили консулы Периге, «сохранять вѣрность нашему господину, королю Филиппу II, славному королю Франціи, и его наслѣдникамъ противъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ». Эта клятва была повто-

ряема при всякой переменѣ созерена, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—и при всякой смѣнѣ муниципалитета.

Что касается денежныхъ обязательствъ, то они были въ разныхъ мѣстахъ неодинаковы; нѣкоторыя коммуны платили дань своему сеньеру, но размѣры этой дани всегда были установлены въ началѣ и не могли измѣниться. Кромѣ этой суммы, утвержденной разѣ навсегда, баронъ не могъ облагать горожанъ никакою другою податью. Многіе города въ силу своихъ привилегій были даже совершенно свободны отъ оброка. Но всѣ города безъ исключенія обязаны были, какъ и вассалы, доставлять субсидіи, феодальную помощь, въ извѣстныхъ четырехъ случаяхъ.

Военная служба коммунъ.—Точно такъ же они были повинны ему военной службой (*ost et chevauchée*). Въ одномъ мѣстѣ община несла эту обязанность лишь въ предѣлахъ опредѣленнаго пространства вокругъ коммуны; въ другомъ—лишь въ теченіе извѣстнаго количества дней. По акту 1212 года, Систеронъ выставлялъ въ войско своего сеньера, графа Форкалькье, сто пѣхотинцевъ и пять всадниковъ въ полномъ вооруженіи, но только въ случаѣ необходимости, причемъ графъ могъ удерживать этотъ отрядъ при себѣ не долѣе одного мѣсяца въ году и не могъ вести ихъ за предѣлы графства; въ 1257 году та же мѣстность обязалась доставлять Карлу Анжуйскому двѣсти вооруженныхъ человекъ (въ томъ числѣ пятьдесятъ стрѣлковъ изъ арбалета), которые должны были служить на свой счетъ ежегодно въ теченіе пятидесяти дней на всемъ протяженіи графствъ прованскаго и Форкалькье. Въ 1176 году Ницца обязана была доставлять графу прованскаго сто сержантовъ для разѣздовъ между Сіанью и Варомъ, и пятьдесятъ для разѣздовъ между Сіанью и Ронной. Въ другихъ мѣстахъ эта повинность была гораздо легче; служба, которую обязана была нести маленькая брүйерская коммуна въ Пикардіи, ограничивалась однимъ днемъ. Нѣкоторыя мѣстности несли свою службу на морѣ,—напримѣръ, Марсель, Байонна. Въ 1242 году Генрихъ III англійскій велѣлъ жителямъ Байонны послать ихъ галеры къ Ларошели и причинить этому городу возможно большой вредъ. Эти обязательства не были безусловны и подлежали извѣстнымъ ограниченіямъ; такъ, горожане Вальми въ 1202 году были обязаны военной службою графинѣ Бланкѣ Труаской лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама или, по крайней мѣрѣ, кто-нибудь изъ ея дома находился при войскѣ; часто также выговаривалось, что эта помощь

будеть требуема лишь въ случаѣ набѣга, или же что господинъ не будетъ требовать ее противъ извѣстныхъ лицъ, особенно противъ короля, императора или церкви. Часто свободные города какъ и феодальные замки, подлежали выдачѣ и возвращенію по первому требованію сюзерена.

Военная служба была очень не по душѣ жителямъ, особенно въ сѣверной Франціи; эти походы отрывали мирныхъ горожанъ и купцовъ отъ ихъ занятій и привычекъ, обыкновенно для того, чтобы осуществить какой-нибудь честолюбивый замыселъ, имъ совершенно чуждый. Ихъ роль въ этихъ походахъ была въ общемъ довольно жалка. Въ 1127 году кастелянъ Гента, если вѣрить лѣтописцу Гальберту, велѣлъ жителямъ собраться всей коммуною и произвести нападеніе на замокъ Брюгге, «такъ какъ они славились своимъ искусствомъ въ осадахъ и битвахъ», и ихъ силы были «безчисленны». Но такія извѣстія рѣдки. Ошибочно думать, что французскіе города играли въ войнахъ XII и XIII вв. такую видную роль, какую нерѣдко приписывали имъ новѣйшіе историки. Только невнимательное отношеніе къ тексту лѣтописи дало возможность допустить, что во время нѣмецкаго нашествія 1124 года городскія ополченія содѣйствовали защитѣ національной территоріи. При Бувинѣ ихъ поведение было далеко не такъ славно, какъ думаютъ нѣкоторые: будучи смяты въ началѣ сраженія, они едва не погубили судьбу этого дня, оставивъ короля безъ прикрытія. Если ихъ служба и была полезна, то лишь внутри укрѣпленій; англійскіе короли поняли это и, чтобы обезпечить защиту своихъ городовъ на континентѣ, обратили большую часть ихъ въ коммуны. То же самое набл. далось и во Франціи: Корби сумѣла дать отпоръ фландрскому графу Филиппу Эльзасскому (1185), и Мантъ, осажденный англійскимъ королемъ въ 1188 году, защищался довольно долго, пока не былъ вырученъ Филиппомъ-Августомъ. Но къ дальнимъ войнамъ они относились небрежно. Поэтому въ послѣдствіи они часто старались откупаться отъ военной службы. Арра, вмѣсто того, чтобы выставять тысячу сержантовъ, добился разрѣшенія платить 3000 ливровъ; Бовэ доставлялъ по своему выбору 1500 ливровъ или 500 сержантовъ. Въ XIII вѣкѣ во всѣхъ городахъ, зависѣвшихъ отъ короны, военная повинность мало-по-малу была замѣнена денежной податью, и личная служба сохранилась лишь въ видѣ сторожевой повинности. Но эта черта еще не уничтожаетъ сходства между городомъ и феодемъ: не одинъ изъ сеньеровъ

старался освободиться от военной повинности такимъ нерыцарскимъ способомъ.

Сеньеріальныя права коммунъ. — Если коммуны несли феодальныя обязательства по отношенію къ своимъ сюзеренамъ, то онѣ, въ свою очередь, обладали цѣлымъ рядомъ сеньеріальныхъ правъ. Прежде всего, пріобрѣтая помѣстья, онѣ могли отдавать ихъ въ ленъ и такимъ образомъ создавать себѣ вассаловъ, которые должны были служить въ ихъ войскѣ. Особенно много вассаловъ было у городовъ южной Франціи: въ 1220 году Пьеръ и Жеро Амикъ принесли Авиньону феодальную присягу за села и замки, полученные ими въ ленъ отъ этого города. Такъ же, какъ и вельможи, коммуны занимали особое мѣсто въ дворянской іерархіи.

Какъ между баронами одни были совершенно независимы отъ вмѣшательства короля, а другіе, наоборотъ, стояли въ тѣсной зависимости отъ своихъ сюзереновъ, такъ узы вѣрности, связывавшія городскую общину съ ея господиномъ, могли быть и очень тѣсны, и чрезвычайно свободны. Наибольшею независимостью пользовались итальянскіе города. Города южной Франціи, особенно Прованса, были почти столь же свободны: аптекая коммуна даетъ клятву вѣрности имперіи и несетъ службу при императорскомъ дворѣ, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ она совершенно свободна. Арль, заключающій въ себѣ 300 укрѣпленныхъ и снабженныхъ башнями домовъ, дѣйствуетъ въ XIII вѣкѣ какъ самостоятельное государство; въ 1222 г. онъ пріобрѣтаетъ отъ монашурскаго аббатства замокъ Мирама; въ 1224 году онъ покупаетъ сеньерію Орейль близъ Кро; въ 1225 получаетъ отъ Гюга де-Бо прудъ Валькаре, землю, носящую названіе Лонклонгъ, и виноградники въ Камаргѣ; въ 1226 году онъ даетъ взаимныя Раймонду VII тулузскому 40000 су и получаетъ взаимныя мѣстечки Баронъ, Мальмиссанъ и Notre-Dame de la mer; въ то же время городской совѣтъ отправляетъ депутацію изъ 12 гражданъ, чтобы заключить «союзъ, дружбу и сообщество» съ французскимъ королемъ Людовикомъ VIII. Въ другомъ году генеральный совѣтъ и старшины цеховъ отправляютъ восемь гражданъ Арля для переговоровъ съ графомъ прованскимъ; депутатамъ даютъ полномочія располагать даже самостоятельностью города. Эти примѣры, обнимающіе небольшой промежутокъ времени, показываютъ, насколько реальна была автономія города. Немногіе сеньеры имѣли болѣе гордый девизъ, чѣмъ тотъ, который въ XII вѣкѣ красовался

на муниципальной печати Арля. На одной сторонѣ былъ представленъ городъ съ тремя возвышающимися надъ нимъ башнями и съ такой надписью: «Городъ Арль есть врагъ и мечъ для враговъ» (*Urbs Arelatensis est hostibus hostis et ensis*); на обратной сторонѣ былъ изображенъ левъ, и надпись гласила: «Благороднѣйшимъ считается гнѣвъ льва» (*Nobilis in primis dici solet ira leonis*). Не менѣе свободны были Марсель, Безье, Нарбонна, Монпелье, Тулуза и Периге. Независимость этихъ богатыхъ городскихъ общинъ можно сравнивать съ независимостью крупныхъ феодаловъ.

Если въ Италіи и на югѣ Франціи сеньеры удержали за собою лишь почетныя привилегіи верховной власти, то во всѣхъ остальныхъ областяхъ они сохранили болѣе обширныя, болѣе реальныя и непосредственныя права надъ коммунами. Общины сѣверной и сѣверо-восточной Франціи, Артуа, Пикардіи, Фландріи, Бургундіи, приобрѣли большія привилегіи—право суда и самоуправления; но онѣ не представляли собою самодержавныхъ государствъ: въ политическомъ, финансовомъ и военномъ отношеніяхъ онѣ были вполнѣ подчинены, какъ и большинство феодаловъ, вассальнымъ обязательствамъ. Въ Англии и въ англо-нормандскихъ областяхъ западной Франціи вліяніе сюзерена было еще значительнѣе: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были приняты Руанскія установленія, ему принадлежала болѣшая часть доходовъ, верховный судъ и контроль надъ муниципальной администраціей; горожане пользовались лишь минимумомъ правъ, какими могла обладать коммуна; такъ же ограничены были права городскихъ общинъ и въ Германіи, и полную автономію онѣ приобрѣли только во второй половинѣ XIII вѣка; германскіе, англійскіе и англо-нормандскіе города можно сравнить со скромными феодами, владѣющими лишь частицею суверенитета.

Право войны и мира.—Всѣ эти общины обладали правомъ войны и мира, одни—безусловнымъ, другія—съ известными ограниченіями, а нѣкоторыя—лишь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Въ 1082 году Каркассонъ воевалъ съ феодалами; немного позднѣе Тулуза, Марсель, Авиньонъ, Периге и Нарбонна заключали между собою союзы, отдѣлялись, снова сближались, враждовали съ сеньерами, мстили за свои обиды съ оружіемъ въ рукахъ, осаждали непріятельскіе города и нападали на замки оскорбившихъ ихъ дворянъ. Арль замѣшанъ во всѣ интриги и во всѣ войны своей страны, ищетъ союзовъ и ссоръ даже

за горами, соединяется съ Генуей противъ Пизы, нѣсколько лѣтъ спустя заключаетъ съ Пизою союзъ, безъ устали воюетъ и заключаетъ договоры. Эта неутомимая пылкость, которую не могла удержать никакая узда, была свойственна многимъ городамъ южной Франціи. Что касается сѣверныхъ коммунъ, которыя пользовались меньшею самостоятельностью, то ихъ право войны и мира было обыкновенно ограничено. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ онѣ обладали одной странной привилегіей, очень походившей на право частной войны. Въ началѣ, когда кто-нибудь обижалъ ихъ, онѣ имѣли право съечь жилище виновнаго; это право называлось *droit d'arsin*. Но если мечь была мила сердцу вспыльчивыхъ гражданъ, то она могла быть чрезвычайно опасна для нихъ, потому что въ ту эпоху дома строились большею частью изъ дерева, и огонь могъ распространиться по всему городу. Поэтому позже, вмѣсто того, чтобы сжигать жилище обидчика, предпочитали разрушать его, и право поджога превратилось въ право сломки дома (*droit d'abatis de maison*). Когда зданіе, на которое обрушивался народный гнѣвъ, находилось въ оградѣ города, то исполненіе приговора обыкновенно не представляло затрудненій; но когда надо было разрушить замокъ, расположенный внѣ города, то устраивался настоящій военный походъ; городъ сзывалъ свою милицію, призывалъ вассаловъ и просилъ помощи у союзныхъ городовъ.

Союзы между коммунами.— Накопецъ, сознание сходства своего происхожденія, сознание того, что опасность, съ которою имъ приходилось бороться, и политика, которой имъ приходилось слѣдовать,—одинаковы, иногда соединяло города и мѣстечки одной страны въ крупные союзы, направленные противъ общихъ враговъ,—совершенно такъ же, какъ въ нѣкоторыхъ странахъ, на примѣръ, въ Англіи, большинство знатныхъ соединялось противъ деспотовъ-королей. Въ Италіи, гдѣ города были смѣлы и сильны, эти отношенія привели къ созданію могущественныхъ лигъ, о которыя иногда разбивалась сила феодаловъ и даже могущество императора; достаточно вспомнить исторію ломбардской лиги. Благодаря этимъ федераціямъ важнѣйшіе изъ городовъ, связывая со своей судьбою судьбу второстепенныхъ мѣстностей, превращались въ настоящія республики. Лишь путемъ заключенія союзовъ между собою или съ населеніемъ деревень или съ сосѣдними сеньерами, нѣмецкимъ городамъ удалось въ XIII, XIV и XV вв. обезпечить свою торговлю и отстоять свою

независимость: исторія рейнской лиги и швабскаго союза представляеть немало славныхъ страницъ. Наконецъ, въ южной Франціи крупныя центры также заключали прочныя союзы, которыя, однако, менѣе извѣстны, такъ какъ не принимали участія въ столь крупныя событія: Арль, Авиньонъ, Марсель и одинъ сеньерь по имени Барраль де-Во заключили въ 1247 году наступательный и оборонительный союзъ, который просуществовалъ пятьдесятъ лѣтъ; при этомъ каждая коммуна обязывалась содержать 100 всадниковъ въ военное и 50 въ мирное время; Марсель и Авиньонъ должны были, кромѣ того, вооружать 10 судовъ для охраны Камарги въ теченіе двухъ мѣсяцевъ жатвы. На сѣверѣ такіе союзы несравненно рѣже: общность хартій создавала между метрополіей и городами, принявшими ея конституцію, лишь формальную связь. Во Фландріи въ XII вѣкѣ зародилось нѣчто въ родѣ федераціи коммуны, въ которой роль метрополіи игралъ Арра; но вслѣдствіе различныхъ перипетій, которыя въ концѣ вѣка расчленили эту провинцію и нѣсколько позже привели къ образованію графства Артуа, этотъ союзъ распался и между составлявшими его городами началось торговое соперничество. Кромѣ того, подозрительная королевская власть мѣшала этимъ робкимъ союзамъ превращаться въ лиги, которыя могли бы сдѣлаться опасными для верховной власти, и всѣ попытки такого рода предупреждались или сурово подавлялись. Еще въ концѣ XIII вѣка законовѣдъ Бомануаръ видѣлъ въ нихъ грозную опасность, напоминалъ примѣръ ломбардскихъ городовъ и Фридриха Барбароссы и заявлялъ, что, лишь только образуется такой союзъ, слѣдуетъ уничтожить его, отнять льготы, разрушить города, заключить въ тюрьму жителей и перевѣшать вожаковъ.

Внутреннее устройство коммуны; граждане и горожане.— У себя дома коммуна были вполне или отчасти господами своихъ судебъ; онѣ издавали законы, судили, руководили администраціей и управляли своими финансами. Но что слѣдуетъ понимать подъ словомъ «коммуна»? Изъ какихъ элементовъ состояло это коллективное правительство? Надо думать, что въ принципѣ каждымъ изъ освобожденныхъ городовъ управляли тѣ лица, которыя соединились между собою и составили заговоръ съ цѣлью вынудить у сеньера уступку извѣстныхъ льготъ. Но какъ многочисленна была эта ассоціація, была ли она открыта для всѣхъ, кто хотѣлъ вступить въ нее, или, напротивъ, она представляла собою замкнутый кружокъ? Все наводитъ на мысль,

что въ героическую эпоху опасныхъ столкновений и переговоровъ вожаки должны были стараться набиратьъ возможно большее количество союзниковъ,—и нѣтъ сомнѣнія, что въ коммуну оказывались завербованными всѣ жители, нѣкоторые даже противъ воли. Въ нѣкоторыхъ центрахъ эта широкая система всеобщаго участія удержалась навсегда. Гильомъ, графъ Форкалькье, давая въ 1206 году грамоту Маноскѣ, предоставилъ жителямъ право собираться, когда они найдутъ это нужнымъ. Въ Марсели о важныхъ вопросахъ совѣщался весь народъ. Въ Лионѣ всѣ общественные акты начинались такимъ образомъ: «Мы, граждане, народъ и община города Лиона, собравшись по обычаю», и т. д. Точно также въ Бовэ, Саллисѣ, Руанѣ всякій, кто жилъ въ оградѣ стѣнъ и въ предмѣстьяхъ, обязанъ былъ присягать на вѣрность коммунѣ: «Если кто-нибудь откажется отъ этого», гласитъ компенская хартия, «то всѣ остальные постановятъ приговоръ о томъ, какъ распорядиться съ его имуществомъ». Въ этомъ случаѣ всѣ жители безъ исключенія получали наименованіе гражданъ (*citoyens*) или горожанъ (*bourgeois*)—первое въ епископскихъ резиденціяхъ, второе въ остальныхъ городахъ.

Но чаще всего пользованіе политическими правами составляло монополію привилегированнаго сословія. Иногда этого права были лишены крѣпостные, незаконнорожденные, несостоятельные должники, порою даже весь рабочій классъ. Во многихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Суассонѣ, Нойонѣ, Ланѣ, муниципальная конституція предоставляла политическія права лишь тѣмъ лицамъ, которыя не только жили, но и владѣли домами въ предѣлахъ ограды; кромѣ того, гражданинъ, удовлетворявшій этимъ предварительнымъ условіямъ, обязанъ былъ уплатить вступительный взносъ, который былъ неодинаковъ въ различныхъ мѣстахъ и иногда соразмѣрялся со степенью состоятельности кандидата. Здѣсь въ выгодахъ и преимуществахъ ассоціаціи принимали участіе одни собственники.

Точно такъ же, какъ необходимо было пріобрѣсти политическія права, недостойный могъ потерять ихъ: въ Турнѣ убійство влекло за собою для виновнаго потерю гражданскихъ правъ, но онъ могъ откупиться отъ этого наказанія, уплативъ четыре парижскихъ ливра.

Положеніе дворянъ и людей церкви было въ разныхъ мѣстахъ различно: въ иныхъ городахъ они были допущены къ участію во власти, въ другихъ—совсѣмъ устранены. Въ горо-

дахъ Италіи и южной Франціи вавассоры, капитаны и рыцари занимали видное мѣсто и пользовались всѣми общественными привилегіями; но въ сѣверныхъ городахъ первые два класса обыкновенно съ честью устранились; дворянамъ и духовнымъ иногда дозволялось присягать коммунѣ, но они отнюдь не входили въ ея составъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ законъ, какъ и всѣ средневѣковые законы, допускалъ множество исключеній. Въ Сен-Кантэнѣ и Эрѣ среди полноправныхъ гражданъ насчитывалось и нѣсколько рыцарей. Въ одномъ указѣ Филиппа-Августа отъ 1180 г., относящемся къ Корби, прямо указывается, что муниципальная община состоитъ изъ рыцарей, духовныхъ и горожанъ. Извѣстно даже, что въ началѣ XIII вѣка одинъ могущественный баронъ, Энгерранъ де-Куси, былъ гражданиномъ Лана, а сеньеръ Понтъе—мэромъ Аббевиля. Но эти исключенія не ослабляли дѣйствія общаго правила.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ привилегіями пользовалось лишь меньшинство; простонародье, ремесленники не принимали никакого участія въ управленіи; классъ богатыхъ купцовъ, усиленный на югѣ нѣсколькими дворянскими семьями, одинъ пользовался властью; только они, а не обыватели, были гражданами или горожанами: «Обыватели», говоритъ одинъ писатель того времени, «это тѣ, которые живутъ въ городахъ и не пользуются муниципальной свободой». И по мѣрѣ того, какъ развивалось благосостояніе городовъ, какъ муниципальныя привилегіи становились все болѣе цѣнными, а муниципальныя должности—болѣе выгодными,—въ составъ общины все рѣже допускались новыя лица и правящая каста стремилась сдѣлаться все болѣе замкнутою; лишь въ немногихъ мѣстахъ нося характеръ демократіи, этотъ политическій строй обыкновенно освящалъ господство своего рода денежной аристократіи, а иногда становился даже добычею олигархіи.

Общее собраніе жителей; парламентъ.—Въ нѣкоторыхъ коммунахъ источникомъ всякой власти являлось общее собраніе горожанъ; оно не только назначало магистратовъ, но отчасти руководило управленіемъ непосредственно, обсуждало важныя дѣла, принимало или отвергало налоги. Въ южныхъ городахъ эти собранія носили названіе парламента; въ Э, въ началѣ XIII вѣка, нотабли (*probi homines*) время отъ времени собирались *in pleno parlamento*. Въ Нарбоннѣ собраніе созывалось не менѣе одного раза въ мѣсяць, въ Систеронѣ и Монпелье—также очень часто. Въ Марсели весь народъ собирался

на площади Sainte-Marie-des-Accoules передъ ратушей (Palatium communis Massiliae); съ балкона ему сообщали рѣшенія Совѣта и выработанные проекты, и онъ утверждалъ ихъ одобрителными возгласами или отвергалъ рѣзкими криками. Въ Лионѣ въ 1292 г. всѣ жители безъ исключенія были торжественно, при звонѣ большого колокола, созваны въ церковь св. Низье, чтобы рѣшить вопросъ о принятіи или отклоненіи опеки французскаго короля; явилось большое количество народа (болѣе двухъ третей горожанъ), и все собраніе приняло то, что ему предлагали. И что особенно любопытно—документъ, передающій намъ это извѣстіе, сообщаетъ, что этотъ митингъ не представлялъ собою ничего необыкновеннаго: *more solito*. Здѣсь мы видимъ, по крайней мѣрѣ, вышшіе признаки непосредственнаго управленія; но послѣднее было возможно лишь въ простѣйшихъ случаяхъ, когда вопросы были ясно поставлены и когда политическая ассоціація въ ея цѣломъ должна была лишь принимать положительное или отрицательное рѣшеніе. Притомъ нельзя сказать съ увѣренностью, особенно въ отношеніи большихъ городовъ, представляло-ли подобное рѣшеніе дѣйствительную волю большинства. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общее собраніе владѣло правомъ назначать магистратовъ, его вліяніе на ходъ дѣла могло быть лишь спорадическимъ и его контроль надъ ними—мало обезпеченнымъ.

Муниципальная магистратура: южные города.—Совершенно иную роль играли магистраты: они-то и были въ дѣйствительности правителями и администраторами коммуны. Въ организаціи этихъ магистратуръ не было ничего однообразнаго; ихъ численность, наименованія и составъ были различны въ разныхъ мѣстахъ. На югѣ Франціи эти муниципальныя должностныя лица часто носили имя консуловъ или совѣтниковъ (*consiliarii*); такъ, консулы были въ Марсели, Авиньонѣ, Нарбоннѣ, Лектурѣ, Альби, Монпелье и др. Въ Тулузѣ, гдѣ ихъ собраніе составляло капитулъ, ихъ называли то *consules de capitulo*, то *capitularii*—терминъ, который въ народномъ языкѣ превратился въ *capitouls*; вотъ почему ратушу называли Капитоліемъ, чего вовсе не слѣдуетъ приводить въ связь съ мнимыми преданіями древности, какъ ошибочно утверждало мѣстное тщеславіе въ XIV вѣкѣ. Въ Бордо и окружающей его области—въ La Reole, Mont de Marsan, Dax—власть паходила въ рукахъ мэра и присяжныхъ (*jurati*)—слово, отъ котораго

въ XVI вѣкѣ произвели для обозначенія всей этой коллегіи ученый терминъ *jurade*. Въ другихъ мѣстахъ управление находилось въ рукахъ синдиковъ.

Число этихъ должностныхъ лицъ часто колебалось между 2 и 6; иногда оно было болѣе значительно: въ Авиньонѣ было 8 консуловъ, въ Марсели—12, въ Тулузѣ—24, въ Бордо—50 присяжныхъ; въ Монпелье было 12 старшихъ консуловъ (*consuls majeurs*), въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась администрація, и 7 консуловъ, являвшихся представителями 7 классовъ населенія.

Обыкновенно они управляли не одни, а съ помощью одного или двухъ совѣтовъ, представлявшихъ собою настоящія совѣщательныя палаты. Такъ, въ Марсели существовала въ XIII вѣкѣ коллегія изъ 89 лицъ; громадное большинство членовъ, около 80, принадлежало къ первому классу гражданъ—къ классу богатыхъ горожанъ; второй классъ—классъ духовныхъ, владѣвшихъ титуломъ доктора,—имѣлъ въ совѣтѣ 3 представителей; остальные 6 были старшины цеховъ. Въ Арлѣ *publicum consilium* состояло изъ архіепископа, консуловъ и наиболѣе видныхъ горожанъ (*principes*). Въ Бордо, во время господства англичанъ въ XIII вѣкѣ, рядомъ съ магистратурою существовали два собранія; одно состояло изъ 30 совѣтниковъ, другое—изъ 300 гражданъ, носившихъ названіе защитниковъ.

Избирательная система (гдѣ она существовала) была неодинакова въ разныхъ городахъ. Въ Лектурѣ, въ Альби консулы назначались прямой подачей голосовъ всѣхъ гражданъ; но этотъ способъ былъ слишкомъ простъ, чтобы быть принятымъ повсюду, и наши предки часто предпочитали ему чрезвычайно запутанныя системы. Предоставляя обыкновенно долю власти членамъ коммуны, они въ то же время признавали специальное право голоса за магистратами, оставляющими должность; эти два элемента, соединяясь въ неравныхъ частяхъ, и составляли избирательное собраніе, причемъ составъ послѣдняго могъ быть чрезвычайно различенъ. Такъ, въ Монпелье горожане назначали избирателей второго разряда, которые, вмѣстѣ съ отслужившими свой срокъ консулами, избирали 60 нотаблей; затѣмъ уже изъ среды послѣднихъ по жребію выбирались новые магистраты. Во многихъ городахъ населеніе было раздѣлено на нѣсколько классовъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ опредѣленное число представителей; особенно дворяне почти всегда избирали отдѣльныхъ чиновниковъ,

помимо избранныхъ горожанами; въ Арлѣ было по 2 консула отъ каждаго сословія, а позднѣе 4 отъ дворянъ и 8 отъ горожанъ; въ Кордѣ—2 и 6, въ Рабастанѣ—2 и 8. Въ Нимѣ въ 1208 году для обезпеченія общественнаго мира было рѣшено, что горожане будутъ избирать дворянскихъ консуловъ, а дворяне—консуловъ для горожанъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ сеньерь сохранялъ право вліять на выборы; такъ, арльскій архіепископъ принималъ участіе въ городскихъ выборахъ. Въ 1207 году, когда чиновники, отбывшіе срокъ службы, не могли прійти къ соглашенію относительно назначенія себѣ преемниковъ, архіепископъ назначилъ новыхъ консуловъ собственной властью, «и народъ принялъ ихъ съ благодарностью и благоволеніемъ». Въ другихъ мѣстахъ сюзерень выбиралъ этихъ магистратовъ по списку, составленному избирателями; иногда онъ только утверждалъ избраніе, не принимая въ немъ участія.

Единственной общей чертой всѣхъ этихъ способовъ избранія было то, что доступъ къ высшимъ должностямъ въ городахъ юга былъ открытъ лишь двумъ классамъ: дворянамъ и богатымъ горожанамъ, но не простонародью.

Почти повсюду горожане дѣлились на партіи, такъ что иногда было невозможно найти между ними людей, которые могли бы безпристрастно руководить общественной властью. Поэтому многіе города Прованса, по примѣру итальянскихъ городовъ, прибѣгли къ своеобразному учрежденію—къ подеста ту. Марсель въ 1214 году, Арль въ 1220, Авиньонъ въ 1223 призвали къ себѣ на помощь иностранцевъ, пользовавшихся хорошей репутаціей,—большею частью знатныхъ итальянцевъ,—которые, будучи равнодушны къ соперничеству мѣстныхъ партій, клялись править «безъ ненависти, лицепріятія, страха и личной выгоды». Ихъ облакали неограниченной властью, и вся конституція была подчинена имъ. Это была временная диктатура, поставленная во главѣ коммунальнаго строя; этотъ институтъ удержался до середины XIII вѣка.

Самой характерной чертой въ организаціи южныхъ городовъ, бросающейся въ глаза вопреки безконечному разнообразію формъ, является ихъ независимость; они сами управляли собою чрезъ посредство магистратовъ, которыхъ они избирали себѣ или одни, или, самое большее, по соглашенію со своими сеньерами. Они обладали большою свободою въ своихъ вѣдшихъ отношеніяхъ и почти полную автономіей внутри.

Магистратуры сѣверныхъ коммунъ.—Иначе об- стояло дѣло на сѣверѣ. Здѣсь коммунальные магистраты также по- сили различныя имена: во Фландріи, въ Артуа, въ Пикардіи, въ Бургундіи ихъ называли вообще эшевенами, подобно мѣстнымъ судьямъ каролингской эпохи, часть функцій которыхъ перешла къ нимъ; въ другихъ мѣстахъ, особенно на западѣ, ихъ называли *jurés* (присяжными)—терминъ, тождественный съ названіемъ *jurats*, которое носили магистраты въ области Бордо; часто ихъ называли пѣрами. Въ пѣкоторыхъ городахъ замѣчается на- копленіе самыхъ разнообразныхъ наименованій: въ Сен-Кантенѣ было два совѣта, высшій—совѣтъ эшевенонъ, и низшій—совѣтъ присяжныхъ. Лиллемъ управляли эшевенны, *gewards, voig- jurés (vere-jurati)*, присяжные и ганзейскіе гра- фы. Руанъ, какъ и всѣ мѣстности, гдѣ были введены знаменитыя установленія этого города, управлялся собраніемъ ста пѣровъ и двумя небольшими коллегіями, члены которыхъ избирались изъ числа ста пѣровъ,—коллегіей двѣнадцати присяжныхъ и кол- легіей двѣнадцати совѣтниковъ. Кромѣ того, во главѣ каждой изъ этихъ коммунъ стояло лицо (иногда два или три), облеченное высшею властью и руководившее дѣятельностью муниципалитета; это былъ мэръ [*maire* или *maieur (major)*]. Въ Турнѣ это долж- ностное лицо по исключенію называлось прево (*prevôt*), въ Отенѣ—*vierg*, въ Лиллѣ—*eward*.

Хартіи сообщаютъ намъ мало извѣстій относительно принци- повъ, которыми руководились при замѣщеніи этихъ магистратуръ. Долгое время думали, что основною особенностью всякой коммуны является періодическое избраніе ея магистратовъ жителями. Это невѣрно: во многихъ, притомъ довольно сильныхъ коммунахъ, магистраты назначались сеньеромъ. Въ Камбрѣ эшевенонъ и при- сяжныхъ назначалъ архіепископъ. Въ Отенѣ *vierg*’омъ былъ никто иной, какъ откупщикъ герцога бургундскаго; послѣдній назна- чалъ также мэра и эшевенонъ Дижона. Согласно Руанскимъ установленіямъ мэръ долженъ быть выбираемъ герцогомъ нор- мандскимъ изъ списка трехъ кандидатовъ, составленнаго муні- ципальной общиной. Въ корбійской грамотѣ сказано: «Эшевенны и эшевинажъ означеннаго города принадлежатъ церкви» (*Li esque- vins et l’esquevinage de ladite ville sont et appartiennent à l’église*). Иногда коллегія должностныхъ лицъ сама пополняла себя ну- темъ кооптациі. Въ Руанѣ дѣйствительная власть сосредоточива- лась въ рукахъ ста пѣровъ, которые сами назначали изъ своей

среды присяжныхъ и совѣтниковъ; когда одинъ изъ этихъ пэровъ умиралъ, то остальные замѣщали его по собственному выбору, не совѣтуясь съ остальной частью коммуны. Наконецъ, изъ сказаннаго явствуетъ, что во многихъ городахъ магистраты также не подвергались періодическому переизбранію: въ Брюгге, Брюссель и многихъ другихъ мѣстахъ ихъ служба была пожизненной. Зато въ другихъ городахъ, какъ Athyes, мэръ и двѣнадцать присяжныхъ ежегодно назначались «по избранію и съ согласія всего города» (*per communem electionem et assensum ville*). Эти аномаліи станутъ понятны, если мы вспомнимъ, что коммунальныя конституціи, какъ настоящіе договоры, возникшіе путемъ переговоровъ, покупокъ или войнъ, представляли собой результатъ соглашенія,—что горожане отнюдь не старались кореннымъ образомъ измѣнять существовавшіе органы сенъеріальной администраціи, но, напротивъ, по мѣрѣ возможности сохраняли ихъ и довольствовались тѣмъ, чтобы въ общемъ приноровить ихъ къ своимъ надобностямъ, поскольку соглашался на это сеньеръ,—наконецъ, что въ однихъ мѣстахъ горожанамъ удавалось совершенно забирать ихъ въ свои руки, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они принуждены были дѣлиться ими съ сюзереномъ. Вотъ почему скабинать—древнее каролингское судилище, присвоенное баронами,—почти повсюду сдѣлался правительствомъ города, сохраняя часто черты смѣшаннаго учрежденія, одновременно и феодальнаго и коммунальнаго. Стѣдуетъ прибавить, что въ теченіе XIII вѣка города все болѣе стремились лишить сеньера послѣднихъ признаковъ власти, выкупить эшевинажъ и сдѣлать его годовой должностью. Гентъ добился этого въ 1212 году, Мондидье—въ 1220, Брюссель—въ 1234, Лилль—въ 1235, Брюгге—въ 1241; аналогичное право было даровано Дуэ въ 1228 году, но, по любопытной особенноти, магистраты этого города избирались лишь черезъ каждые тринадцать мѣсяцевъ.

Если это преобразование увеличило независимость коммуны, какъ цѣлаго, то оно не принесло никакой выгоды массѣ жителей. Простонародье, можетъ быть, принимало участіе въ коммунальной революціи и всѣми силами поддерживало общественныя требованія, но, повидимому, оно вначалѣ не заявляло притязаній на доступъ къ муниципальнымъ должностямъ; оно просто перемѣнило господъ. Разстояніе, отдѣлявшее высшую буржуазію отъ простаго народа, не только не уменьшилось, но постоянно увеличивалось. Какъ ни разнообразны и сложны были способы избра-

нія, они повсюду имѣли тотъ результатъ, что власть постоянно оставалась въ рукахъ однихъ и тѣхъ же фамилій; эти привилегированные роды, постоянно снабжавшіе города эшевенами, носили въ городахъ Фландріи и восточной Франціи особое имя—*Lignages* или *Parages*; они составляли немногочисленную аристократію, которая все болѣе суживалась. Иногда они ссылались на старинныя права, чтобы оправдать и до нѣкоторой степени узаконить ту монополію, которою они пользовались; такъ, въ Верденѣ около конца XIII вѣка три семьи утверждали, что онѣ нѣкогда дали 20000 ливровъ, чтобы выкупить у епископа викариатство города, и на этомъ основаніи требовали для себя исключительнаго права на занятіе муниципальных должностей.

Менѣе искусная и менѣе независимая отъ вмѣшательства сеньера, муниципальная конституція сѣверныхъ городовъ отличалась еще болѣе олигархическимъ характеромъ, чѣмъ политическій строй южныхъ городовъ.

Компетенція коммунальных магистратовъ: судъ.— Эти должностныя лица, являясь органами коммуны, дѣйствовали всегда отъ ея имени, хотя и не всегда могли считаться ея уполномоченными. Какова же была ихъ власть, ихъ прерогативы? Совершенно тѣ же, какими пользовался владѣтель бароніи. Прежде всего—и это было одно изъ существенныхъ правъ—они производили судъ надъ своими согражданами, какъ сеньерь—надъ своими крестьянами. Въ средніе вѣка говорили: «Феодъ и судъ—одно и тоже». Могущественныя коммуны Юга и присяжные города Сѣвера обладали столь же неограниченною юрисдикціей, какъ и сеньеры; они присуждали виновныхъ къ штрафамъ, къ тѣлеснымъ наказаніямъ, къ смертной казни; они имѣли свои позорныя столбы, у которыхъ они выставляли и бичевали осужденныхъ, свою висѣлицу, на которой ихъ палачъ казнилъ тяжкихъ преступниковъ. Нѣкоторые историки считали это право даже однимъ изъ существенныхъ атрибутовъ коммунальнаго строя. Это невѣрно: нѣкоторые города, которые всѣ памятники и даже ихъ собственныя хартіи признаютъ коммунами, обладали этимъ правомъ лишь отчасти. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствовали Руанскія установленія, присяжные, избиравшіеся ежегодно пѣрами, вѣдали гражданскія и уголовныя дѣла; но въ области уголовной юрисдикціи имъ принадлежалъ лишь средній и низшій судъ, высшимъ же завѣдывали чиновники сюзерена. Первые присуждали къ штрафу, тюремному заключенію, выставленію у позорнаго столба; но къ изу-

вѣченію и смертной казни присуждали только послѣдніе. Другія коммуны владѣли только полицейскою и дорожною юрисдикціей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Шони въ Пикардіи, мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ самостоятельной юрисдикціи.

Ученые долго спорили о происхожденіи этихъ судебныхъ прерогативъ, стараясь объяснить, какимъ образомъ простымъ горожанамъ удалось въ такой большой степени раздробить феодальный суверенитетъ. Чтобы объяснить этотъ фактъ, надо прежде всего вспомнить, что трибуналы эшевенговъ часто являлись средоточіемъ новыхъ льготъ, что эти магистраты, оставаясь судьями, нерѣдко становились и первыми должностными лицами коммуны. Когда же, напротивъ, эшевинажъ въ силу обстоятельствъ сохранялъ свой сеньеріальный характеръ, община все-таки пріобрѣтала самостоятельную юрисдикцію—во-первыхъ, въ силу того рокового закона, по которому всякая власть стремится расширяться; во-вторыхъ, вслѣдствіе естественнаго развитія полицейскихъ правъ, которыми были облечены муниципальные власти,—права мести, сожженія или сломки дома виновнаго—правъ, которыми онѣ пользовались противъ всѣхъ, кто оскорблялъ городъ или нарушалъ его интересы; наконецъ, вслѣдствіе установленной учредительными хартіями солидарности между горожанами, обязавшей ихъ помогать другъ другу. Повседневное осуществленіе этихъ правъ и обычаевъ влекло за собою извѣстную юрисдикцію, которую легко было расширить рядомъ мелкихъ захватовъ.

Дробленіе городовъ въ судебномъ отношеніи.—

Кромѣ того, наше представленіе объ этихъ городахъ было бы совершенно ложно, если бы мы думали, что хотя бы въ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ наиболѣе благопріятномъ положеніи, отъ муниципальных магистратовъ зависѣло все населеніе. Обыкновенно въ нихъ оставались какъ бы островки, зависѣвшіе отъ короля, сюзерена или частныхъ лицъ; въ епископскихъ городахъ епископъ и его кашитулъ всегда сохраняли юрисдикцію надъ монастыремъ, нерѣдко даже надъ частью мѣстности, а иногда и надъ всѣмъ городомъ, такъ какъ случалось, что освобожденъ бывалъ одинъ бургъ; церкви, аббатства точно также сохраняли за собою свои помѣстья; часто замокъ или крѣпость оставались подвластны кастеляну, виконту или намѣстнику епископа, вассалу или чиновнику сюзерена, епископа или короля; наконецъ, и другія лица могли владѣть въ предѣлахъ самаго города феодами, изъятыми изъ

юрисдикціи коммуны, — улицей или кварталомъ, вродѣ квартала аббатства Saint-Vaast въ Арра. Въ Амьенѣ рядомъ съ муниципальной юрисдикціей дѣйствовали юрисдикція епископа, представленнаго викаріемъ, юрисдикція короля, представленнаго кастеляномъ, и юрисдикція графа, представленнаго другимъ кастеляномъ. Такимъ образомъ, коммуны никогда не обнимали всей территоріи тѣхъ городовъ, въ которыхъ онѣ были установлены. Правда, онѣ старались мало-по-малу подчинить ее себѣ, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, дѣйствуя то захватомъ, то переговорами или деньгами: Турнэ отнялъ у епископа всю его юрисдикцію. Но такого успѣха достигли лишь немногія коммуны. Даже когда онѣ достигли господства надъ всей территоріей, заключенной въ ихъ стѣнахъ, въ нихъ оставалось еще множество горожанъ, котѣрые по своему соціальному положенію были изъяты изъ-подъ власти коммунальныхъ законовъ: дворяне оставались подсудными феодальнымъ судамъ, духовные—суду церкви; рабы составляли, какъ и прежде, собственность своихъ господъ; мы не говоримъ уже объ извѣстныхъ группахъ лицъ, встрѣчавшихся въ большинствѣ этихъ городовъ,—лицъ, которыя подъ именемъ «свободныхъ людей», «свободныхъ горожанъ», «свободныхъ слугъ» (*francs hommes, francs bourgeois, francs sergents*) пользовались различными иммунитетами и зависѣли отъ какого-либо сеньера, отъ церкви или отъ короля. Историки муниципальнаго движенія слишкомъ часто упускали изъ виду эти явленія; но ихъ слѣдуетъ помнить, если мы хотимъ представить себѣ, каковъ былъ внутренній строй коммуны и какъ текла ежедневная жизнь горожанъ.

Но и эти конституціи, столь несходныя въ разныхъ мѣстахъ, и эти столь неравномѣрно распределенныя судебныя прерогативы, и эта невообразимая путаница соприкасавшихся и пересѣкавшихъ другъ друга территорій отнюдь не уничтожаютъ сходства между городомъ и феодеомъ; достаточно бросить взглядъ на карту любой феодальной провинціи, чтобы увидѣть, какъ дворянскія помѣстья прѣзывались одно въ другое, какъ хаотически они сплутывались и сколько прорѣхъ было въ каждомъ феодеѣ.

Законодательная и административная власть коммунальныхъ магистратовъ.—Коммунальные магистраты обладали законодательною властью, издавали указы и регламентировали промышленность. Они получали доходъ отъ штрафовъ, управляли—правда, очень дурно—муниципальными финансами, за-

вѣдывали коммунальными имуществами, назначали и взимали налоги, необходимые для поддержки зданій и укрѣпленій и для уплаты жалованья чиновникамъ: подати, дорожныя, заставныя и рыночныя пошлины. Наконецъ, они командовали милиціей, обучали ее и вели въ бой. Но была одна привилегія, которой—по крайней мѣрѣ, во Франціи—никогда не дѣлили съ сеньерами даже наиболѣе независимые города,—именно право чеканки. Хотя это и оспаривалось, но монеты, чеканенныя коммунами, не найдено ¹⁾.

Въ осуществленіи этихъ многочисленныхъ прерогативъ магистраты, разумѣется, пользовались помощью чиновниковъ; таковы были муниципальный сборщикъ, называвшійся на сѣверѣ *argentier, dépensier, trésorier*, на югѣ—*clavaire*, и коммунальный писарь (*clerc de la commune*), настоящій секретарь мэри, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и регистраторомъ суда; таковы были, далѣе, многочисленные служители, сержанты, пристава, полицейскіе чиновники, сторожа, привратники. Въ крупныхъ городахъ нѣкоторыя функціи поручались даже спеціальнымъ комиссіямъ, каковы комиссія *raiseurs*—нѣчто вродѣ мировыхъ судей, которые обязаны были склонять стороны къ примиренію до процесса, или *gard'orphénes*, которымъ поручалась опека надъ сиротами, а также другія комиссіи, наблюдавшія за состояніемъ укрѣпленій, за раскладкой податей и т. д.

Коммунальная печать.—Наконецъ, коммуны, пользуясь, подобно баронамъ, сеньеріальными правами, имѣли свою печать, символъ ихъ судебной, административной и законодательной власти; это былъ знакъ освобожденія, вступленія въ феодальный классъ. Сначала онѣ имѣли лишь одну коммунальную печать. Позднѣ эту большую печать стали прикладывать лишь къ торжественнымъ актамъ, имѣвшимъ значеніе для всей общины, и изготовили *scel aux causes*, называвшуюся въ другихъ мѣстахъ *scel aux connaisances*, меньшаго формата, для приложенія къ актамъ второстепенной важности, для утвержденія приговоровъ, частныхъ контрактовъ и т. д. Эти печати, сохранившіяся въ большомъ числѣ, чрезвычайно любопытны: это неоспоримые документы, происходящіе изъ самихъ коммунъ и чрез-

1) Вѣроятно, надо сдѣлать исключеніе для нѣкоторыхъ мелкихъ разнѣнныхъ монетъ—*mailles, pites* и *pougeoises*, которыя, повидимому, были выпущены въ нѣкоторыхъ городахъ коммунальною властью; но эти добавочные денежныя знаки, служившіе лишь для облегченія торговыхъ сдѣлокъ, не представляютъ собою настоящей монеты въ точномъ смыслѣ слова.

вычайно рельефно рисующіе характеръ и стремленія этихъ маленькихъ сеньерій. На однихъ, какъ на примѣръ на сент-омерской печати, изображено засѣданіе коммунальнаго совѣта; на другихъ, какъ на примѣръ, на arrasкой печати, изображено самое зданіе муниципалитета—монументальный навѣсъ, подъ которымъ собирались купцы и который сталъ теперь городской ратушей. Другія печати представляютъ уменьшенное изображеніе города или его стѣнъ. Нерѣдки также изображенія военного свойства—укрѣпленный замокъ, воинъ, мѣръ, стоящій съ каскою на головѣ и въ кольчугѣ, со щитомъ и мечемъ въ рукѣ. На печатяхъ Шуатье, Сен-Рикье, Сен-Жосса, Перошпа, Дуллена изображенъ рыцарь въ полномъ вооруженіи, олицетворяющій могущество буржуазіи.

Вѣчевая башня.—Кромѣ того, коммуна—укрѣпленное мѣсто, сходное съ сеньеріальнымъ замкомъ и окруженное стѣнами; оно имѣетъ даже свою башню, такъ называемый *beffroi*; это была высокая четырехугольная башня, которая возвышалась на одной изъ площадей города и на которой висѣли общественные колокола. Звонари, постоянно стоявшіе на стражѣ (отсюда и ихъ названіе *g u e t t e u r e s*—дозорные), находились на ней безотлучно, наблюдая съ одной и той же башенки за всѣми точками горизонта, и при первомъ появленіи опасности давали знать о ней населенію. Они же призывали гражданъ въ собраніе, рабочихъ—на работу и жителей—къ ночному покою, звономъ давая знать, что пора тушить огни. Такъ какъ въ эту эпоху города еще не обладали тѣми великолѣпными ратушами, какія нѣкоторые изъ нихъ построили себѣ въ XIV, XV и XVI вв., то каланча, за неимѣніемъ гостиннаго двора, часто служила сборнымъ мѣстомъ для гражданъ. Въ нижнемъ этажѣ башни помѣщались плѣнники и арестанты; въ слѣдующемъ этажѣ находилась зала, гдѣ собирались эшевены; еще выше хранились архивы, хартіи, печати и казна. Это былъ центръ, сборное мѣсто города.

Въ общемъ, освобожденные общины, подобно рыцарямъ, входили въ составъ феодальной іерархіи въ качествѣ вассаловъ и сюзереновъ. Все равно, было ли ихъ устройство вполне или лишь наполовину аристократическимъ, было ли число магистратовъ, носителей общественной власти, очень велико или ничтожно,—ихъ общую отличительную чертой было то, что онѣ, подобно феодальнымъ владѣльцамъ, пользовались судебной, законодательной и финансовой властью, что свободные города имѣли свою особую печать и свою башню—эмблемы сеньеріи, осязательные знаки ихъ

сходства съ феодальными помѣстьями. Когда король разрушалъ коммуну и обращалъ ее въ свою собственность, онъ приказывалъ сломать печать и снести городскую каланчу; когда онъ завладѣвалъ феодеомъ, онъ разрушалъ башню. Какъ внутри, такъ и снаружи, коммуна представляется намъ коллективной сеньеріей.

Общественный миръ въ коммунахъ.— Не слѣдуетъ думать, будто освободительныя грамоты положили конецъ ожесточенной борьбѣ городовъ съ сеньерами. Безъ сомнѣнія, общины перестали быть жертвами изнурительнаго произвола; но онѣ безпрестанно старались расширять свои прерогативы, тогда какъ сюзерены въ свою очередь силились уничтожить сдѣланныя ими уступки. Съ другой стороны, коммуны безпрестанно старались изгонять тѣхъ феодаловъ, которые сохраняли помѣстья или повинности на муниципальной территоріи; и такъ какъ освобожденіе доставило имъ могущественныя средства нападенія и защиты, то результатомъ этихъ стремленій были ожесточенныя распри, острые и продолжительные кризисы. И какъ ни пріятно обладать свободою и силами для борьбы, хотя бы она и была сопряжена съ рискомъ пораженія, — тѣмъ не менѣе населенію, вѣроятно, не разъ приходилось страдать.

Столкновенія съ церковью.— Особенно съ церковью бывали у горожанъ нескончаемые, иногда трагическіе споры. Если духовенство питало по отношенію къ нимъ чувство систематической враждебности, то и они относились къ нему не съ меньшею недоброжелательностію. Главнымъ образомъ, они стремились подчинить его коммунальной подати, заставить его нести часть общественныхъ расходовъ; это вызывало сопротивленіе и жестокія стычки. Въ началѣ XIII вѣка, когда жители Вердена принудили духовенство платить палогъ, епископъ собралъ войско, осадилъ городъ и покорилъ его. Далѣе, коммуны нарушали судебныя привилегіи капитуловъ и аббатствъ, вопреки праву убѣжища разыскивали преступниковъ въ ихъ помѣстьяхъ, арестовывали вассаловъ и слугъ духовныхъ лицъ. Въ Нойонѣ, въ 1222 году, магистраты захватили одного служителя капитула Богоматери на кладбищѣ этой церкви и бросили его въ тюрьму. Капитулъ тотчасъ наложилъ интердиктъ на городъ, отлучилъ мэра и присяжныхъ. Тогда граждане собрались и съ громкими криками: «Коммуна! Коммуна!» ворвались въ монастырь и въ соборъ, гдѣ изранили консисторскаго судью, декана и каноника; монаховъ преслѣдовали по улицамъ, оскорбляли и освистывали. Въ 1294 году въ Лафѣ

ву покорности, овладѣваетъ дворцомъ архіепископа, его помѣстьями и скотомъ и доходитъ въ своемъ безразсудствѣ до того, что налагаетъ интердиктъ на церковь, справляя свадьбы безъ посредства церкви и запрещая продавать что бы то ни было духовнымъ, даже носить имъ воду. Братство ежеминутно распадается и безпрестанно возникаетъ снова, по мѣрѣ того, какъ возобновляются ценовые и ценостоящія страсти.

Внутренніе раздоры и социальная борьба.—Когда горожане не боролись со своими общими врагами, они дрались другъ съ другомъ. Вся совокупность гражданъ распадалась обыкновенно на двѣ или нѣсколько партій, сгруппированныхъ вокругъ нѣсколькихъ семействъ, которыя держали въ своихъ рукахъ общественныя должности и оспаривали ихъ другъ у друга; онѣ вели между собою безконечныя войны, продолжавшіяся изъ рода въ родъ и столь ожесточенныя, что во многихъ городахъ Юга снѣ сдѣлали необходимымъ, какъ мы видѣли, учрежденіе подеста.

Въ XIII вѣкѣ эти фамилійныя соперничества осложнились чрезвычайно сильными социальными смутами. Вспомнимъ, что во всѣхъ городахъ, даже тамъ, гдѣ конституція носила въ началѣ демократическій характеръ, власть находилась въ рукахъ богатыхъ горожанъ, которые правили безраздѣльно и безконтрольно и неизмѣнному, безмятежному счастью которыхъ такъ завидовалъ одинъ клирикъ изъ Труа въ романѣ, посвященъ названіе «Renart le Contrefait». Эта каста, въ такой же степени исключительная и замкнутая, какъ феодальный классъ, обнаруживала такую же жестокость по отношенію къ простому народу, который ее поддерживалъ, изнуряла его налогами, повинностями и несправедливостями. Но народъ, составлявшій большинство жителей, не замедлил организовать и образовать въ средѣ большой коммуны маленькія ассоціаціи съ собственными уставами и вождями; эти ассоціаціи въ свою очередь составляли заговоры и затѣвали мятежи противъ аристократіи. Особенно ставилъ онъ въ упрекъ господствующей партіи дурное управленіе муниципальными финансами; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ обвинялъ магистратовъ въ лихоимствѣ и продажности и заявлялъ притязанія на право контроля надъ ними. «И послѣ этого», говоритъ Бомануаръ, «когда коммуна требуетъ отчета, они отлыниваютъ, говоря, что отдали отчетъ другъ другу». Неудовольствіе было основательно, потому что города должны были все болѣе и болѣе, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, какъ въ Германіи и Италіи, такъ и въ Ни-

дерландахъ. Послѣдствіемъ этого порядка вещей были частые бунты. Въ Бовэ, въ 1233 году, городъ раздѣлился на два лагеря, на простонародье и знать, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ банкировъ. Произошло возстаніе; народъ бросился на банкировъ, и съ обѣихъ сторонъ оказалось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Смута достигла такихъ размѣровъ, что Людовикъ Св. счелъ нужнымъ назначить въ Бовэ чужого мэра. Едва послѣдній вѣхалъ въ городъ, какъ мятежники пали на него и принялись поносить его и рвать на немъ одежду, крича: «Вотъ какъ мы дѣлаемъ тебя мэромъ». Тогда король пошелъ на взбунтовавшійся городъ, разрушилъ дома главныхъ вождей возстанія и увелъ 1500 бунтовщиковъ въ тюрьму.

Въ эту эпоху аристократія была еще слишкомъ сильна, чтобы допустить умаленіе своихъ привилегій; но съ теченіемъ времени зло, отъ котораго страдало городское населеніе, все болѣе усиливалось, и въ концѣ XIII вѣка народная несправедливость разразилась такими страшными мятежами, что подавить ихъ оказалось невозможнымъ. Въ итальянскихъ городахъ простонародье, или, какъ его называли во Флоренціи, *arti minori* добилось представительства въ общественныхъ совѣтахъ. Во фламандской области—въ Гентѣ, Дуэ, Брюгге, Ипрѣ, Арра—населеніе возстало между 1275 и 1280 годами. Въ Руанѣ около этого же времени былъ убитъ мэръ. Передъ этимъ потокомъ грозныхъ требованій буржуазія принуждена была отступить, и въ теченіе XVI вѣка фландрскія, какъ и германскія, коммуны предоставили рабочимъ корпораціямъ болѣе широкое участіе въ муниципальныхъ выборахъ.

Захватъ французскихъ коммунъ королевскою властью.— Во Франціи за водвореніе мира въ городахъ и мѣстечкахъ взялась королевская власть. Въ царствованіе Филиппа Августа коронные легисты провозгласили тотъ принципъ, что всѣ коммуны королевства, расположенныя какъ въ феодальныхъ сеньеріяхъ, такъ и на территоріи королевскаго домена, суть королевскіе города и зависятъ непосредственно отъ суверена. Ихъ преемники усилѣнно работали надъ проведеніемъ этой доктрины, перенося въ королевскій судъ такъ назыв. «королевскія дѣла», изымая ими изъ вѣдѣнія муниципальныхъ судовъ, допуская въ парламентѣ апелляціи на приговоры послѣднихъ, призывая на службу короля военныя ополченія городовъ, контролируя дѣятельность магистратовъ, вмѣшиваясь въ выборы и подвергая штрафамъ непокорныя коммуны. Заботясь объ удовлетвореніи народныхъ жа-

лобъ, объ ограниченіи произвола олигархіи, королевская власть часто измѣняла конституціи городовъ къ выгодѣ простого народа; но вмѣстѣ съ тѣмъ она пользовалась всякимъ подобнымъ случаемъ, чтобы конфисковать муниципальныя вольности, и именно вотъ какимъ образомъ. Въ царствованіе Людовика Св. Отчетная палата простерла свой контроль на управленіе муниципальными финансами. Бюджеты городовъ, дошедшіе до насъ во множествѣ, показываютъ, что въ большинствѣ случаевъ расходы превышали доходы и что въ общемъ долгъ достигалъ огромной цѣфры. Но слѣдуетъ прибавить, что отвѣтственность за это печальное положеніе дѣлѣ въ значительной степени падаетъ на фискальную политику королевской власти: не довольствуясь тѣмъ, что общины были обременены налогами и податями, она старалась совершенно разорить ихъ, взимала съ нихъ огромные штрафы за малѣйшія провинности, стремясь такимъ образомъ подчинить ихъ себѣ безусловно. Это была изнурительная, грабительская опека, которая подъ предлогомъ правосудія обирала тѣхъ, на кого распространялось ея покровительство. Разоренныя, волнуемая возстаніями простонародья, угнетаемая королевскими чиновниками, коммуну въ концѣ-концовъ отдавали себя во власть короны, что влекло за собою уничтоженіе ихъ привилегій, ихъ автономіи и независимости. Такимъ образомъ, покорилось множество городовъ, особенно при Филиппѣ Красивомъ; тѣ же, которые еще держались, сохраняли лишь тѣнь своего прежняго положенія. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ королевская власть поступала съ городами точно такъ же, какъ съ феодалами.

Мы переступили здѣсь хронологическія границы, поставленныя этому очерку; это было необходимо для того, чтобы изобразить политическій и соціальный строй, господствовавшій въ городскихъ общинахъ, и вызванныя имъ послѣдствія. Нескопчаемые споры съ сеньерами, ожесточенная борьба съ духовенствомъ, внутренніе раздоры и гражданскія войны, вызываемыя тираническимъ правленіемъ замкнутой олигархіи,—такова была повседневная жизнь свободныхъ городовъ въ средніе вѣка до той минуты, когда одни изъ нихъ преобразовали свой внутренній строй, а другіе были подчинены коронѣ. Эти муниципальныя конституціи иногда называли «мирными установленіями» (*institutions de paix*): горькая иронія! Никогда свобода не носила болѣе воинственнаго, болѣе исключительнаго характера, чѣмъ въ этихъ маленькихъ республикахъ, и можно спросить себя, не было ли поло-

женіе простого народа въ нихъ иногда такъ же печально, какъ и ранѣе. Съ этой точки зрѣнія единственный результатъ коммунальной революціи состоялъ въ томъ, что она освободила массы отъ произвола одного человѣка, чтобы сдѣлать ихъ жертвою эксплуатаціи со стороны цѣлой группы, и замѣнила сенъеріальную власть господина коллективной сенъеріальной властью нѣсколькихъ буржуа. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что коммунальный строй, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣлъ одну неоспоримую заслугу: онъ пробудилъ въ городахъ общественное сознаніе, вывелъ жителей изъ духовнаго оцѣпенѣнія, возбудилъ въ нихъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ и развилъ въ нихъ чувство благородной и независимой гордости, которую свобода внушаетъ не только тѣмъ, кто пользуется ея благами, но и тѣмъ, кто стремится достигнуть ея.

IV. — „Города буржуазіи“; „новые города“.

Города буржуазіи.—Этимъ условнымъ именемъ обозначаются, какъ мы видѣли, тѣ общины, которымъ не удалось раздробить въ свою пользу сенъеріальную власть и пріобрѣсти хотя бы малѣйшую частицу автономіи, но которыя тѣмъ не менѣе сумѣли ограничить произвольную эксплуатацію, тяготѣвшую надъ ними до тѣхъ поръ. Онѣ не имѣли ни права войны и мира, ни законодательной власти, ни независимой юрисдикціи, ни вѣчевой башни, ни муниципальной печати, но онѣ обладали гарантіями противъ злоупотребленій, которымъ могли подвергаться жители въ области палоговъ и податей, военной службы и суда. Въ подобномъ случаѣ хартія состоитъ преимущественно изъ ряда ограниченій сенъеріальной власти и представляетъ собою сводъ отрицательныхъ постановленій. Правда, она упоминаетъ и о прерогативахъ, о льготахъ, дарованныхъ жителямъ; но эти льготы не носятъ политическаго характера: это—фискальныя, судебныя и торговыя привилегіи.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ актовъ такого рода является хартія, пожалованная Людовикомъ VII небольшому городку Лоррису. Она состоитъ изъ 33 параграфовъ. Вотъ важнѣйшія изъ привилегій ограничительнаго свойства: ни одинъ изъ горожанъ Лорриса не будетъ обязанъ платить какой-либо потребительный налогъ, дорожную, рыночную или ввозную пошлину, не будетъ

нести сторожевой повинности, не будет подверженъ оброкамъ и вымогательству; барщинъ король не будетъ требовать, кромѣ развѣ перевозки его вина въ Орлеанъ, но не въ другое какое-либо мѣсто; каждый изъ горожанъ будетъ платить за свой домъ годовую подать въ шесть денегъ, не болѣе, и такую же сумму за каждый арпанъ земли, который онъ будетъ обрабатывать (этотъ пунктъ мы встрѣчаемъ въ большинствѣ подобныхъ хартій). Право займа, которымъ пользуются государь и его чиновники, урегулировано и ограничено пятнадцатю днями. Жители несутъ военную службу лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый разъ имѣть возможность возвращаться домой въ вечеръ того самаго дня, когда они ушли изъ дому; судъ будетъ производиться королевскимъ прево, но горожанамъ болѣе не придется покидать городъ, чтобы предстать передъ судомъ; они не будутъ подвергаться предварительному заключенію, если смогутъ представить поручительство; ихъ не будутъ подвергать испытанію посредствомъ судебного поединка; наконецъ, штрафы будутъ уменьшены.—Положительныхъ привилегій гораздо меньше; вотъ онѣ: прево и сержанты при вступленіи въ должность должны давать клятву, что будутъ соблюдать обычаи; ярмаркамъ и рынкамъ Лорриса обезпечивается полная безопасность; если рабъ проживетъ въ городѣ годъ и день, и его господинъ не заявитъ своихъ правъ на него, то онъ становится свободнымъ.—Въ другихъ мѣстахъ горожанамъ предоставляются и другія льготы; такъ, въ Вуржѣ хартія позволяетъ всѣмъ жителямъ пристраивать дома къ городской стѣнѣ; вдовамъ разрѣшается вторично выходить замужъ безъ согласія короля.

Въ этихъ грамотахъ не было ничего, что напоминало бы формальный договоръ; это былъ рядъ гарантій, милостей. Каждый житель Лорриса или Вуржа пользовался извѣстными привилегіями; община же не имѣла никакихъ правъ, — ея не существовало. Но въ такомъ положеніи находились не всѣ города буржуазіи; нѣкоторые изъ нихъ представляли собою общины и пользовались извѣстными коллективными правами: таково было маленькое мѣстечко Beaumont-en-Argonne, получившее около 1182 года грамоту въ 55 параграфовъ отъ реймскаго архіепископа Гильома Вѣлорукаго. Оно управлялось мэромъ и присяжными, которые ежегодно избирались жителями и отдавали отчетъ въ своемъ финансовомъ управленіи сенъеріальнымъ чиновникамъ; при нихъ состоялъ совѣтъ изъ сорока гражданъ, который имѣлъ

право измѣнять статуты и позднѣе прибавилъ къ нимъ гражданское уложеніе въ 134 параграфа. Городскимъ властямъ принадлежала даже часть юрисдикціи; онѣ производили низшій судъ отъ имени архіепископа, чиновники котораго разбирали лишь наиболѣе важные процессы. Подобнаго рода конституція близко подходила къ типу коммуны; и дѣйствительно, Бомонъ былъ коммуною въ миниатюрѣ—ему недоставало только этого названія. Это настолько вѣрно, что невозможно установить точное различіе между этими двумя видами городовъ.

Эти льготы были ограничены; города и мѣстечки, пользовавшіеся ими, далеко не были самостоятельными государствами; но зато въ нихъ царило спокойствіе; ихъ не истощали внутренніе раздоры. Пренимущества этихъ хартій, безъ сомнѣнія, должны были казаться современному обществу болѣе значительными, чѣмъ ихъ недостатки, потому что ихъ превозносили похвалами и онѣ распространялись съ необычайной быстротой. Хартія Лорриса была введена болѣе нежели въ 80 мѣстностяхъ Иль-де-Франса, Орлеанэ, Берри и Турэни, откуда она была перенесена въ Бургундію и англо-нормандскія провинціи. Бомонтскую конституцію приняло свыше 300 городовъ и мѣстечекъ сѣверо-восточной Франціи: реймскіе архіепископы, лотарингскіе и люксембургскіе герцоги и графы Шини наперерывъ распространяли ее въ своихъ владѣніяхъ.

Особенно многочисленны были эти полусвободные города въ центрѣ королевства, такъ что они отдѣляли поясъ консульскихъ городовъ отъ пояса присяжныхъ коммунъ. Причина этого явленія заключается въ томъ, что въ этой странѣ господствовалъ французскій король, который былъ достаточно могущественъ, чтобы помѣшать полному освобожденію, и слишкомъ прощителенъ, чтобы отказывать общинамъ въ наиболѣе необходимыхъ гарантіяхъ. Въ этой области было очень мало автономныхъ общинъ и очень много городовъ буржуазин. Орлеанъ и Парижъ никогда не знали другого строя.

Новые города.—Наконецъ, послѣднимъ фактомъ, способствовавшимъ распространенію этихъ хартій, было возникновеніе, въ періодъ отъ XI до XIV в., многочисленныхъ *новыхъ городовъ*. Въ XI в. многія аббатства и сеньеры пришли къ мысли устраивать въ своихъ помѣстьяхъ, для лучшей эксплуатаціи послѣднихъ, новыя поселенія. На старательно выбранномъ мѣстѣ, обставленномъ крестами—символомъ «Божьяго ми-

ра), который долженъ былъ господствовать здѣсь, строилась церковь, нарѣзывались участки земли для надѣловъ и возводилась ограда; затѣмъ издавалась хартія, заключающая въ себѣ условія поселенія: жителей привлекали посредствомъ льготъ и привилегій, путемъ учрежденія рынка, раздачи земли и общація безопасности. Съ этой минуты городъ становился убѣжищемъ, которое охранялось предписаніями соборовъ о Божьемъ мирѣ, церковными иммунитетами, спеціальными привилегіями и военнымъ могуществомъ самого сеньера. Сюда являлись крестьяне, ремесленники, желавшіе освободиться отъ рабскихъ повинностей, рабы, бѣжавшіе отъ господина, и множество другихъ подобныхъ кочевниковъ, которые въ средніе вѣка всегда были многочисленны и которыхъ такимъ образомъ удавалось прикрѣплять къ землѣ. Обыкновенно для такого предпріятія соединялись посредствомъ такъ назыв. «*charte de pariage*» два сеньера—чаще всего кака-нибудь церковь и какой-нибудь свѣтскій сеньеръ. Одинъ изъ нихъ давалъ мѣсто для поселенія, церковь распространяла на новый городъ права иммунитета, которыми пользовались ея владѣнія, и объявляла его убѣжищемъ, а сеньеръ обеспечивалъ ему свою военную помощь. Затѣмъ оба совладѣльца правили сообща, дѣля между собою обязанности и выгоды. Эти новыя поселенія долгое время носили во Франціи знаменательное названіе «*sauvetés*» (*salvitates*). Одни изъ нихъ были основаны на мѣстахъ до тѣхъ поръ необработанныхъ и ненаселенныхъ, другія, наоборотъ, возникли бокъ-о-бокъ съ старыми центрами, часто возлѣ монастырей, замка или даже стараго города. Большинство изъ нихъ навсегда осталось селами или маленькими мѣстечками, но нѣкоторыя сдѣлались городами: Лаворъ, Монтобанъ, Байонна, Ларошель и многіе другіе города были обязаны—одни своимъ происхожденіемъ, другіе своимъ ростомъ—подобнаго рода предпріятіямъ.

Число этихъ «новыхъ городовъ» особенно возросло въ XII вѣкѣ, когда свѣтская власть сдѣлалась болѣе могущественною и стала располагать болѣе обширными средствами. Часто сеньеры или церкви вручали опеку надъ поселеніемъ королю, и тогда представитель послѣдняго пріобрѣталъ право совладѣнія на земляхъ свѣтскихъ или духовныхъ вассаловъ. Понятно, что короли должны были покровительствовать основанію такихъ поселковъ, большинство которыхъ составляло для нихъ настоящія пріобрѣтенія. Такимъ образомъ, это движеніе быстро распростра-

нилось по всей Франціи. На сѣверѣ эти новые центры носили названіе *Villeneuve*. Изъ многочисленныхъ городовъ, носившихъ это названіе, большинство возникло именно такимъ искусственнымъ образомъ. Людовикъ VII основалъ *Villeneuve-le-Roi* въ Сенонэ, Вильневъ близъ Компьеня, *Villeneuve d'Etampes* и др.; графъ шампанскій основалъ въ 1175 году *Villeneuve-des-Ponts-sur-Seine*. На югѣ эти новыя поселенія назывались *bastides*, и одного этого имени достаточно, чтобы показать, что это были укрѣпленные мѣста. Дѣйствительно, къ другимъ выгодамъ, какія представляло основаніе такихъ поселковъ, часто присоединялся и военный интересъ. Англійскіе короли въ своихъ континентальныхъ владѣніяхъ и французскіе короли въ областяхъ южной Франціи послѣ парижскаго договора 1229 года выстроили множество бастидъ. Большинство изъ нихъ можно узнать еще и теперь по ихъ характерному имени, и особенно по ихъ правильному плану, отъ котораго въ большинствѣ случаевъ сохранились нѣкоторые слѣды. Это былъ всегда прямоугольникъ, правильный настолько, насколько позволяла природа мѣстности, окруженный стѣнами съ башнями и укрѣпленными воротами; въ центрѣ находилась большая четырехугольная площадь, рынокъ, окруженный галлереями, состоявшими изъ сводовъ или столбовъ, на которыхъ покоились зданія съ выступавшими впереди этажами; среди площади находился гостиницъ дворъ, верхній этажъ котораго служилъ думою; въ другомъ мѣстѣ помѣщалась другая площадь, кладбище, въ центрѣ котораго возвышалась церковь, часто укрѣпленная на случай нападенія. Къ этимъ площадямъ примыкали широкія прямыя улицы, пересѣкаемыя другими улицами подъ прямымъ угломъ, такъ что планъ бастиды имѣлъ видъ шахматной доски.

Этимъ городамъ, какъ на Югѣ, такъ и на Сѣверѣ, давали при основаніи хартіи обычаевъ, привилегій и вольностей, весьма сходныя съ тѣми, которыя мы выше разобрали. Бомонъ, важнѣйшія привилегіи котораго мы перечислили выше, былъ «новымъ городомъ», мѣстомъ убѣжища, гдѣ изгнанники, чужестранцы и осужденные могли найти пріютъ, если только они не совершили ни кражи, ни убійства. Ограниченіе палоговъ и барцинъ, точно установленныя размѣры штрафовъ, гражданское и уголовное уложенія—таковы часто были выгоды, общаемыя жителямъ. Въ общемъ этотъ строй мало чѣмъ отличался отъ конституціи Лорриса, и такимъ образомъ эти новыя поселенія, воз-

никавшія во множествѣ, превращались въ настоящіе города буржуазіи.

Менѣ шумныя, менѣ честолюбивыя и менѣ блестящія, чѣмъ автономные города, эти общины играли не менѣ важную роль въ исторіи городскихъ классовъ. Во-первыхъ, онѣ были очень многочисленны; ихъ насчитывали сотнями: это была наиболѣе распространенная форма частной эмансипаціи. Съ другой стороны, если въ нихъ не было такого класса гражданъ, который пользовался бы общественной властью вполнѣ независимо,—зато и простой народъ никогда не былъ угнетаемъ въ нихъ какою-нибудь господствующей партіей; всѣ жители пользовались одними и тѣми же правами, привилегіями буржуазіи: меньше преимуществъ для немногихъ, больше гарантіи для массъ. Наконецъ, если мы вспомнимъ, что, по крайней мѣрѣ во Франціи, автономія наиболѣе могущественныхъ коммунъ уже была осуждена на смерть алчной королевской властью и векорѣ должна была быть поглощена послѣднеею, то намъ станетъ понятно, почему многіе историки считали положеніе городовъ буржуазіи болѣе благоприятнымъ, чѣмъ положеніе свободныхъ городовъ. Если оно и менѣ льстило общественному тщеславію, то оно было спокойнѣе и прочнѣе; менѣ гордое, оно самою этою скромностью было предохранено отъ глубокихъ паденій.

Заключеніе.—Итакъ, положеніе городовъ въ серединѣ XIII в. было до крайности разнообразно и непостоянно. Они различались по своему происхожденію: одни были основаны еще въ древности; другіе, возникшіе въ IX и X вѣкахъ и вызванные къ жизни бѣдствіями того времени, развились медленно путемъ безпрестаннаго скупиванія вокругъ монастырей и замковъ; многіе возникли недавно, искусственнымъ образомъ, и были обязаны своимъ происхожденіемъ почину нѣсколькихъ бароновъ. Они различались по своей исторіи: одни вынесли долгую и суровую, иногда безнощадную борьбу; многіе приобрѣли мирнымъ путемъ больше привилегій, чѣмъ сколько завоевали; нѣкоторымъ не пришлось ни бороться, ни тратиться: имъ были дарованы привилегіи, которыхъ они и не добивались. Различны были и ихъ прерогативы: одни сдѣлались независимыми республиками, другіе—консульскими или присяжными коммунами, свободными какъ сеньеры и, какъ они же, включенными въ феодальную іерархію; наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ обладали въ гражданскомъ и административномъ отношеніи настолько ограниченными приви-

легіями, что историки выдѣлили ихъ въ особый классъ подъ названіемъ городовъ буржуазіи. Не будемъ удивляться этимъ безчисленнымъ различіямъ: таковъ законъ жизни и прогресса. Общества, какъ виды, дифференцируются по мѣрѣ своего развитія.

Дѣйствительно, развитіе было общей чертою исторіи городскихъ поселеній въ средніе вѣка. Они развивались до безконечности. Намѣтимъ характеръ того глубокаго преобразованія, которому они подверглись. Мѣсто тѣсныхъ бурговъ, стягивающихся съ каждымъ днемъ въ интересахъ защиты, пустѣющихъ вслѣдствіе войнъ, грабежей и голодовокъ не ослабляемыхъ торговлею, заняли болѣе многочисленныя и болѣе обширныя города съ ихъ могущественными предмѣстьями за оградою стѣнъ, кишачіе жителями вслѣдствіе развитія промышленности и торговли. Мѣсто жалкихъ поработенныхъ народовъ заняли новыя поколѣнія, достигшія благосостоянія, иногда богатства, а черезъ благосостояніе—и свободы: свободы личной и гражданской—всегда и вездѣ, а часто и свободы коллективной и политической, хотя и въ чрезвычайно разнообразныхъ пропорціяхъ и распределенной весьма неравномѣрно. Въ періодъ времени отъ VII до X вѣка городъ казался пѣвымъ; въ немъ царила атмосфера могилы; въ XIII вѣкѣ городъ жужжитъ, какъ улей; улицы еще узки, неправильны, нездоровы, но онѣ оживлены, запружены тюками, лотками, торговцами, выкрикивающими свои товары, громадными вывѣсками, качающимися по волѣ вѣтра и иногда грозными безопасности прохожихъ. Расцвѣтаетъ новая культура: изъ земли выросли великолѣпные памятники, обязанные своимъ происхожденіемъ богатству городовъ и генію скромныхъ строителей, имена которыхъ остались неизвѣстны: церкви въ романскомъ и готическомъ стилѣ, вздымающія къ небу свои купола, колокольни или шпицы; гордые башни, господствующія надъ окрестностями и угрожающія имъ, пока не затмятъ ихъ роскошныя зданія думъ. Муниципальный колоколь—общественный голосъ городовъ, какъ церковный колоколь—голосъ душъ: въ XIII вѣкѣ городъ живетъ, говоритъ и дѣйствуетъ. Это новый органъ въ обществѣ. Здѣсь медленно растетъ и крѣпнетъ классъ доселѣ неизвѣстный, котораго ждетъ длинный и славный путь: этотъ классъ есть среднее сословіе (Tiers État).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.	Стр.
Феодальный порядокъ отъ его возникновенія до конца XIII вѣка.	1
ГЛАВА II.	
Папство и имперія. Споръ объ инвеститурѣ	64
ГЛАВА III.	
Папство, Германія и Италія, Фридрихъ Барбаросса	110
ГЛАВА IV.	
Папство, Германія и Италія, Генрихъ VI и Фридрихъ II	161
ГЛАВА V.	
Церковь и папская власть отъ Григорія VII до Бонифація VIII.	221
ГЛАВА VI.	
Крестовые походы	276
ГЛАВА VII.	
Французское королевство	329
ГЛАВА VIII.	
Освобожденіе городовъ. — Коммуны. — Буржуазія	383

Изданія М. и С. СЯБАШНИКОВЫХЪ.

Москва, Тверской бульваръ, 6.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

- Велецкій, С. Земская статистика. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 3 тома. 7 р.
Дроздовъ, В. Около земли. Очерки по землеустройству. Ц. 40 к.
Струве, П. Крѣпостное хозяйство, 2 р.
Чупровъ, А. А. Очерки по теоріи статистики. 2 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Рѣчи и статьи. 3 тома. 7 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. 1 р. 20 к.
Чупровъ, А. И. Мелкій кредитъ и кооперація. 1 р.
Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2 р.
Чупровъ, А. И. Исторія политической экономіи. 80 к.
Чупровъ, А. И. Курсъ политической экономіи. 1 р. 20 к.
Прокоповичъ, С. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. 2 р.
Прокоповичъ, С. Кооперативное движеніе въ Россіи. 2 р. 60 к.
Тотоміанецъ В. Кооперація въ русской деревнѣ. 2 р. 60 к.
Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ. 50 к.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ и ПЕДАГОГИКИ.

- Бинэ, А. и Симонъ, Т. Ненормальная дѣти. 1 р.
Бреаль, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. 75 к.
Гильдебрандъ, Р. О преподаваніи родного языка въ школахъ и о національномъ воспитаніи и образованіи. 1 р.
Гиршъ, М. Народные университеты. 20 к.
Демени, Ж., Филиппъ, І., Расинъ, П. Курсъ теоріи и практики физическаго воспитанія. 1 р. 75 к.
Компере, Г. Умственное и нравственное развитіе ребенка. 2 р.
Паульсенъ, Ф. Образование. 15 к.
Ришаръ, Г. Экспериментальная педагогика. 1 р. 40 к.
Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.
Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.
Фореель, А. Гигіена духа и нервовъ. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Аврелій Маркъ. Наединъ съ собою. Пер. С. Роговина. 2 р.
Асвагоша. Жизнь Будды. Пер. К. Бальмонта. 2 р. 25 к.
Лукрецій. О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскаго. 2 р. 25 к.
Овидій. Баллады—посланія. Пер. Θ. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.
Софокль. Драмы. Т. I. Пер. Θ. Зѣлинскаго. 3 р.
Софокль. Драмы. Т. III. Пер. Θ. Зѣлинскаго. 3 р. (Т. II печат.)

Изданія М. и С. СЫВАШНИКОВЫХЪ.

Москва, Тверской бульваръ, 6.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

- Бѣлинскій, В. Г. Семь статей. Юбилейное изданіе. 1 р.
Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва. 1 р.
Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. 1 р. 50 к.
Кальдеронъ. Въ перев. К. Бальмонта. Т. I. 90 к. Т. II. 2 р. 25 к. Т. III. 1 р.
Огаревъ. Стихотворенія, въ 2-хъ т. 3 р. 50 к.
Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура. 1 р.
Сакулинъ, П. Изъ исторіи русск. идеализма. Князь В. О. Одоевскій 5 р. 50 к.
Словацкій, Ю. Три драмы. Пер. К. Бальмонта. 1 р. 60 к.
Шелли. Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 75 к.
Якушкинъ, В. О Пушкинѣ. 1 р.

ИСТОРИЯ.

- Беловъ, Г. Городской строй и гор. жизнь средневѣк. Германіи 1 р. 25 к.
Белохъ, Ю. Исторія Греціи, въ 2-хъ т. 3 р.
Богучарскій, В. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. 2 р.
Гершензонъ, М. Декабристы Кривцовъ и его братья. 2 р.
Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.
Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I. 1 р. 25 к. Ч. II. 1 р. 25 к.
Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. 1 р.
✓ Ланглюа, Ш. Инквизиція. 45 к.
Огарева-Тучкова, Н. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.
✓ Петрушевскій, Д. Возстаніе Уота Тайлера. 2 р. 75 к.

ФИЛОСОФІЯ и ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

- Аристотель. Политика. 3 р.
Беджготъ, В. Государственный строй Англіи. 1 р. 60 к.
Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституціи. 1 р.
Вундтъ, В. О наивномъ и критическомъ реализмѣ. 2 р.
Еллинекъ, Г. Права меньшинства. 20 к.
Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. 1 р.
✓ Зиммель. Религія. 40 к.

СТРАНЫ, ВѢКА И НАРОДЫ.

КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРѢ, ИСКУССТВУ.

ВЫШЛИ:

- Бёмеръ, Г.** Лезуиты. Пер. Н. Попова. 1 р. 25 к.
Вернионъ Ли. Италия. Пер. Е. Урениусъ. Подъ ред. и съ пред. П. Муратова. 1 р. 25 к.
Диль, Ш. По Греши. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.
Диль, Ш. Византійскіе портреты. Т. I. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.
Морэ, А. Во времена фараоновъ. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.
Морэ, А. Цари и боги Египта. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.
П. де Сень-Викторъ. Боги и люди. Пер. М. Волошина. 1 р. 25 к.

ГОТОВЯТСЯ:

Аллешъ, Г. Ренессансъ въ Италиі. — **Буассье, Г.** Археологическія прогулки по Риму. — **Волошинъ, М.** Духъ готики. — **Диль, Ш.** Византійскіе портреты Т. II. — **Диль, Ш.** По берегамъ Средиземнаго моря. — **Лихтенбержэ.** Современная Германія — **Масперо, Ж.** Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. — **Хлендовскій, К.** Люди Ренессанса и люди Барокко.

Очерки городовъ, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи: **Авинь, Ассизы, Константинополь, Лондонъ, Парижъ, Равенна, Римъ, и др.**

ИСТОРИЯ ЕГИПТА — **Джемса Генри Брэстеда**, профессора египтологіи и восточной исторіи въ Чикагскомъ университетѣ, директора Хаскельскаго Восточнаго Музея, члена-корреспондента Королевской Академіи Наукъ въ Берлинѣ. Авторизованный переводъ съ англійскаго, со специальнымъ предисловіемъ автора къ русскому изданію и многочисленными иллюстраціями.

Читальня
ЩГБ

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 628386

Изданія М. и С. СЪБАШНИКОВЫХЪ.

Москва, Тверской бульваръ, 6.

- Ришаръ, Г. Экспериментальная педагогика. 1 р. 40 к.
Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.
Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

- Бальмонтъ, К. Край Озириса. 2 р.
Бѣлинскій, В. Г. Семь статей. Юбилейное изданіе. 1 р.
Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва. 1 р.
Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго. 1 р. 50 к.
Кальдеронъ. Въ перев. К. Бальмонта. Т. I. 90 к. Т. II. 2 р. 75 к. Т. III. 1 р.
Огаревъ. Стихотворенія, въ 2-хъ т. 3 р. 50 к.
Розенбергъ, В. Лѣтопись русской печати. 70 к.
Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура. 1 р.
Сакулинъ, П. Изъ исторіи русск. идеализма. В. Ѳ. Одоевскій. 5 р. 50 к.
Словацкій, Ю. Три драмы. Пер. К. Бальмонта. 1 р. 60 к.
Шелли. Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 75 к.
Якушкинъ, В. О Пушкинѣ. 1 р.

ИСТОРИЯ.

- Беловъ, Г. Городской строй и гор. жизнь средневѣк. Германіи. 1 р. 25 к.
Белохъ, Ю. Исторія Греціи, въ 2-хъ т. 3 р.
Богучарскій, В. Активное народничество семидесятихъ годовъ. 2 р.
Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. 2 р.
Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.
Коринловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I. 1 р. 25 к. Ч. II. 1 р. 25 к.
Ч. III. 1 р. 50 к.
Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. 1 р.
Ланглуа, Ш. Инквизиція. 45 к.
Огарева-Тучкова, Н. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.
Петрушевскій, Д. Возстаніе Уота Тайлера. 2 р. 75 к.

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Аврелій Маркъ. Нзединъ съ собой. Пер. С. Роговина. 2 р.
Асвагоша. Жизнь Будды. Пер. К. Бальмонта. 2 р. 25 к.
Лукрецій. О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскаго. 2 р. 25 к.
Овидій. Баллады-посланія. Пер. Ѳ. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.
Софокль. Драмы. Т. I. Троянскій циклъ. Пер. Ѳ. Зѣлинскаго. 3 р.
Софокль. Драмы. Т. III. Пер. Ѳ. Зѣлинскаго. 3 р.
Фукидидъ. Исторія. Пер. С. Жебелева. (Печатается.)

Больше других устарѣла глава о городѣ. Какъ разъ въ то время, когда Жири и Ревилль писали свою восьмую главу, въ Германіи начался пересмотръ вопроса о происхожденіи города. Съ тѣхъ поръ въ обширной спеціальной литературѣ изученъ обильный новый матеріалъ и придуманъ длинный рядъ новыхъ ученыхъ теорій, видоизмѣненныхъ или совершенно новыхъ точекъ зрѣнія на раннюю городскую исторію. Историки французскаго города должны положить немало труда, чтобы догнать своихъ нѣмецкихъ товарищей. Между тѣмъ у Жири и Ревилля французскій городъ выдвинутъ на первый планъ и остріе ученыхъ возраженій направлено противъ теорій первой половины XIX вѣка.

И все-таки въ пользу переизданія книги можно привести вѣскаго соображенія. За послѣднія двадцать лѣтъ ученые представленія о западной Европѣ XII и XIII вѣка измѣнились въ несравненно меньшей степени, чѣмъ наши представленія о Древнемъ царствѣ, о сумерахъ и аккадахъ, о критской культурѣ. Основные линіи рисунка остались въ цѣлости. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ вѣрны и утвержденія осторожныхъ французскихъ историковъ относительно отдѣльных фактовъ. Если бы кому захотѣлось теперь переработать книгу и привести ее въ соотвѣтствіе съ теперешнимъ уровнемъ знаній, то пришлось бы не исправлять отдѣльныя утвержденія, но измѣнять подборъ матеріала и отчасти давать послѣднему новое освѣщеніе. Отдѣльныя главы книги написаны спеціалистами, изъ которыхъ одни, какъ Жири или Люшеръ, уже въ 1893 пользовались всеевропейскою ученою славою, а другіе, какъ Ланглуа или Сеньобо, пріобрѣли ее нѣскольکو позже. И эти выдающіеся ученые писали тѣмъ яснымъ и точнымъ, иногда острымъ и живописнымъ языкомъ, который дѣлаеть французскихъ спеціалистовъ лучшими въ мірѣ популяризаторами. Чтобы оцѣнить литературныя достоинства книги, лучше всего сравнить ее съ наиболѣе близкими къ ней коллективными работами, съ „Окефордской новой исторіей“ и съ недавно начатой „Кембриджской средневѣковой исторіей“. Англійскія „всеобщія исторіи“ въ общемъ выходятъ суше, тяжелѣе, разнокалибернѣе своей французской предшественницы.—Есть и еще доводы за переизданіе книги. На русскомъ языкѣ до сихъ

IV. — Германия въ эпоху Фридриха II.

Сеньеры и города, 192. — Преслѣдованіе еретиковъ, 194. — Мятажи и договоры, 196. — Германскій и славянскій миръ, 197. — Германская цивилизація въ эпоху Фридриха II, 200. — Право, 200. — Литература, 201. — Архитектура, 203.

V. — Борьба на жизнь и смерть.

Фридрихъ II и ломбардскіе города, 204. — Вмѣшательство Григорія IX, 205. — Иннокентій IV и ліонскій соборъ, 207. — Повсемѣстная война, 209. — Послѣдніе Гогенштауфены, 211.

VI. — Германия и Италия послѣ борьбы.

Упадокъ императорской власти, 213. — Ослабленіе папской власти 213. — Анархія въ Германіи, 215. — Анархія въ Италиі, 216. — Легенда о Фридрихѣ II, 219.

ГЛАВА V.

Церковь и папская власть

отъ Григорія VII до Бонифація VIII.

1073 — 1294.

(Составилъ *Эмль Шенонъ*).

I. — Реформа бѣлаго духовенства и развитіе монашескихъ орденовъ.

Бракъ священниковъ и симонія, 221. — Епископскіе выборы, 224. — Кафедральныя капитулы и архидіаконы, 227. — Религіозные ордена въ XI и XII вв., 229. — Нищенствующіе ордена (XIII в.), 233. — Богослуженіе и таинства, 237.

II. — Высшее развитіе церковной юрисдикціи.

Судъ официаловъ; его происхожденіе и устройство, 239. — Компетенція суда епископскаго официала, 241. — Столкновенія между церковной и свѣтской юрисдикціей, 243. — Кановическое право; составленіе „*Corpus juris canonici*“, 247.

V. — Крестовые походы XIII вѣка.

Четвертый крестовый поход, 312. — Пятый и шестой крестовые походы, 314. — Седьмой и восьмой крестовые походы, 316. — Конецъ крестовыхъ походовъ, 320.

VI. — Общая характеристика крестовыхъ походовъ.

Характеръ крестовыхъ походовъ, 323. — Послѣдствія крестовыхъ походовъ, 326.

ГЛАВА VII.

Французское королевство.

1108—1270.

(Составилъ *Люизэръ*).

I. — Людовикъ VI и Людовикъ VII.

Людовикъ VI (1108—1137), 329. — Завоеваніе французскаго герцогства, 330. — Людовикъ VI и крупные феодалы, 332. — Присоединеніе герцогства аквитанскаго, 334. — Союзъ съ папствомъ, 334. — Борьба Людовика Толстаго съ французскимъ духовенствомъ, 336. — Людовикъ Толстый и низшіе классы, 337. — Людовикъ VII (1137—1180), 338.

II. — Филиппъ-Августъ.

Филиппъ-Августъ (1180—1223), 341. — Борьба съ высшимъ феодальнымъ классомъ, 341. — Борьба съ анжуйскими королями, 342. — Коалиція 1214 г.; сраженіе при Бувинь, 344. — Король и крестовый походъ противъ альбигойцевъ, 345. — Развитіе королевской власти, 347.

III. — Людовикъ VIII.

Завоеваніе Пуату. Альбигойская война и капетингская корона. 350. — Удѣлы, 352.

IV. — Правленіе Бланки Кастильской.

Королева-мать; феодальная реакція противъ политики Филиппа-Августа, 353. — Лига бароновъ; Тибо Шампанскій; москкій договоръ, 355. — Бланка Кастильская, епископство и университетъ, 357.

пшеницы. Въ Вербное воскресенье онъ долженъ возносить подать съ овецъ, а если просрочить этотъ день, то сеньеръ беретъ съ него произвольный штрафъ. Въ Пасху онъ отбываетъ барщину; подъ видомъ барщины онъ обязанъ пахать, сѣять, боронить. Если крестьянинъ продаетъ свою землю, онъ обязанъ уплатить сеньеру тринадцатую часть ея цѣны; если выдаетъ дочь замужъ внѣ помѣстья, то платитъ 3 су брачной подати. Онъ подчиненъ сеньеріальной монополіи (бану) на мельницу и пекарню; его жена носитъ хлѣбъ; она платитъ *fournage* (за печеніе хлѣба), *le tortel*, *l'aïage*: пекарша ворчитъ, потому что она «больно горда и заносчива», пекаръ жалуется, что не получилъ своей части; онъ грозитъ, что печь будетъ плохо натоплена и что хлѣбъ крестьянина будетъ весь сырой и негодный. Картина кончается этой чертой, которая показываетъ, какъ много терпѣли крестьяне отъ придирокъ низшихъ чиновъ сеньеріального управленія.

Эта форма сельскохозяйственной эксплуатаціи идетъ въ разрѣзъ съ нашими обычаями. Она соединяетъ въ одну смѣшанную массу всѣ системы, которыя теперь дѣйствуютъ порознь.

Въ настоящее время мы знаемъ большое хозяйство, которое ведутъ крупные собственники, и малое хозяйство, которое ведутъ мелкіе собственники. Въ средніе вѣка господствуютъ крупная собственность и мелкое хозяйство; крупный собственникъ раздаетъ бѣольшую часть своего помѣстья крестьянамъ, которые ведутъ на этихъ участкахъ мелкое хозяйство подобно нашимъ мелкимъ собственникамъ.

Въ настоящее время собственникъ, не обрабатывающій самъ свою землю, выбираетъ одинъ изъ двухъ способовъ: или онъ воздѣлываетъ ее непосредственно при помощи платныхъ поденщиковъ, или предоставляетъ ее фермеру либо арендатору за условленную плату или часть сбора. Въ этомъ случаѣ онъ по истеченіи срока контракта получаетъ свою землю обратно. Въ средніе вѣка собственникъ употребляетъ однихъ и тѣхъ же людей какъ поденщиковъ—на запасной землѣ, и какъ арендаторовъ—на земляхъ, которыхъ онъ самъ не обрабатываетъ. Но это—поденщики, которые не получаютъ платы, и арендаторы, которые владѣютъ своимъ участкомъ наследственно и у которыхъ собственникъ не можетъ отнять его ¹⁾.

---

¹⁾ Встрѣчаются также (особенно начиная съ XII вѣка) фермеры и арендаторы временные, подобно нашимъ; но это исключительное явленіе.

на взаимной преданности сеньера и его людей. Такія отношенія могли существовать лишь въ примитивномъ обществѣ, которое складывалось изъ обособленныхъ другъ отъ друга группъ, состоявшихъ каждая изъ сеньера и его вассаловъ. Здѣсь было необходимо, чтобы каждый былъ лично преданъ своему сеньеру и служилъ ему одному. Вассалитетъ былъ важнѣе всего.

Установленіе наслѣдственности феодевъ разстроило эту систему. Вѣрность уступила мѣсто договору. Вассаль, сдѣлавшись, благодаря феодеу, матеріально независимымъ отъ сеньера, отдался отъ него и началъ смотрѣть на феода, какъ на существенную часть, а на вассальную службу, какъ на постороннее бремя, лежащее на феоде,—бремя очень тягостное, которое онъ старался уменьшить, замѣняя общую вѣрность специальными услугами. Сдѣлавшись наслѣдственными, феодеы стали переходить къ постороннимъ людямъ, которые были равнодушны къ сеньеру и становились его вассалами только для того, чтобы сохранить феода.

Тогда сдѣлались возможны случаи, что одинъ и тотъ же дворянинъ былъ вассаломъ сразу нѣсколькихъ сеньеровъ. Онъ не могъ служить имъ всѣмъ, особенно если они вели войну другъ съ другомъ. Поэтому пришлось ввести ограниченія: принимая феода, вассаль оговаривалъ свои обязанности по отношенію къ своимъ прежнимъ сеньерамъ; онъ клялся служить новому сеньеру, «сохраняя однако вѣрность такимъ-то», или служить «противъ всѣхъ, исключая такихъ-то». вмѣсто абсолютной преданности является лишь условная. Въ XII вѣкѣ отличаютъ уже *hompage lige*, который обязывалъ вассала служить безъ ограниченій, отъ *hompage plain*, который вассаль давалъ стоя и вооруженный, и который обязывалъ его лишь къ условной службѣ.

Феода скоро потерялъ характеръ награды, которую даютъ вѣрному человѣку, чтобы онъ устроился своимъ хозяйствомъ. Въ феода стали давать не только земли или должности (какъ министеріаламъ), но всякаго рода доходныя права: повинности, помѣщичьи монополіи, право суда, рынокъ, десятину и т. п.—до права забирать рои пчелъ, найденныя въ лѣсу. Давали даже денежныя пенсіи. Всѣ эти предметы и права дѣлили на части: въ феода давали половину помѣстья, одну комнату въ замкѣ, часть ограды, четверть права суда ¹⁾.

---

¹⁾ Въ Бургундіи встрѣчается „треть половины двухъ частей десятины (церковнаго сбора) такого то“.

Франціи, они становятся такъ рѣдки, что на аллодь смотрять, какъ на исключительный и неправдоподобный видъ владѣнія. Его называютъ иногда *franc alleu* (свободный аллодь), и говорятъ, что онъ никому ничѣмъ не повиненъ и зависитъ только отъ Бога ¹⁾; но въ его существованіе вѣрятъ только тогда, когда представляютъ формальныя доказательства, потому что каждый увѣренъ, что всякая земля есть или феодеъ, или держаніе: «*Nulle terre sans seigneur*» (нѣтъ земли безъ сеньера). Англійскіе юристы говорятъ, что существуетъ только одинъ собственникъ—король.

На югѣ Франціи осталось гораздо больше аллодоевъ. Когда, въ 1278 году, англійскій король производилъ перепись своего гіельскаго герцогства, многіе дворяне заявили, что ничѣмъ никому не повинны, или даже что не обязаны отвѣчать на вопросы герцога.

Право наслѣдованія.—Земля передается по двумъ противоположнымъ системамъ наслѣдованія. По древней системѣ, общей римскому праву и германскимъ обычаямъ, собственность дѣлится поровну между дѣтьми безъ различія пола. Это правило продолжаетъ примѣняться къ аллодамъ, какъ дворянскимъ, такъ и не-дворянскимъ, и распространяется на всѣ не-дворянскія земли (обремененныя повинностями, которыя наслѣдникъ—кто бы онъ ни былъ—можетъ нести); различаютъ только—въ томъ случаѣ, когда нѣтъ дѣтей,—наслѣдственную землю, которая, какъ достояніе фамилии, должна вернуться къ линіи, отъ которой она идетъ, и благопріобрѣтенную, которою собственникъ можетъ распоряжаться по своему произволу. Таково обычное право.

Напротивъ, въ наслѣдованіи феодеоевъ право наслѣдниковъ идетъ въ разрѣзъ съ правомъ сеньера. По строгой логикѣ феодеъ долженъ быть недѣлимъ и находится во владѣніи наслѣдника, способнаго къ службѣ: онъ переходитъ цѣликомъ къ старшему и всегда къ мужчине; право старшинства и исключеніе женщинъ суть отличительныя черты феодальнаго права. По принципъ—болѣе или менѣе, смотря по странѣ—отступилъ передъ всеобщимъ обычаемъ: младшіе были допущены къ дѣлежу со старшимъ (это называется *partage*), дочери—къ наслѣдованію въ случаѣ отсутствія сыноией. Только старшій получалъ болѣе крупную часть и мужчины имѣли преимущество передъ женщинами—наслѣдницами одинаковой съ ними степени.

1) Знаменитый „*roi d'Yvetot*“ былъ просто аллодіальнымъ владѣльцемъ.

Иногда патриархи александрийскій, іерусалимскій и антiохійскій, а позже и епископъ константинопольскій, занимали послѣ папы выдающееся мѣсто въ церкви; но теперь трое изъ нихъ, одинокіе среди невѣрныхъ, съ трудомъ поддерживали свое непрочное существованіе и уже не могли думать о какой-нибудь видной роли въ христіанствѣ. Что касается константинопольскихъ епископовъ, то они часто выступали ожесточенными противниками папства,—но они были лишены независимости: живя бокомъ-о-бокъ съ восточнымъ императоромъ, не рѣшаясь противодѣйствовать ему изъ страха быть низложенными, они не были способны проявлять значительное воздѣйствіе на христіанскій міръ. Притомъ вражда, существовавшая въ теченіе многихъ вѣковъ между западной и восточной церквами, раздѣлила ихъ судьбы; когда Гильдебрандъ сдѣлался папою, раздѣленіе церковей уже совершилось (1054) ¹⁾.

На Западѣ митрополиты пользовались большимъ вліяніемъ и распоряжались своими викарными епископами; но съ IX вѣка, тѣснимые съ одной стороны папствомъ и особенно Николаемъ I, съ другой—епископами, они лишились большей части своихъ правъ и привилегій. Наконецъ, епископы не только утратили ту власть и вліяніе надъ свѣтскимъ обществомъ, которыми они пользовались въ IV и V вв., но сами постепенно втянулись въ строй свѣтской феодальной жизни. Большинство изъ нихъ превратилось въ богатыхъ сеньеровъ, озабоченныхъ прежде всего своими матеріальными интересами; они усвоили склонность къ насилию и грубые нравы бароновъ, и почти совершенно утратили свой духовный характеръ. Ихъ поведеніе часто возбуждало негодованіе въ религіозныхъ людяхъ.

Итакъ, въ недрахъ церкви не было никакой власти, которая обладала бы достаточной силой, чтобы противостать папству въ ту минуту, когда оно снова заявитъ свои права на абсолютную власть. Кромѣ того, для него стояла на готовѣ сильная армія, набранная изъ самой чистой и дѣятельной части духовенства. Всѣ тѣ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ съ такимъ жаромъ требовали реформы, должны были собраться вокругъ него и признать его своимъ вождемъ. Работая для церкви, папство работало вмѣстѣ съ тѣмъ и для себя. Ихъ интересы слились въ умѣ Григорія VII, и если его честолюбіе было велико, то оно было и искренно-

¹⁾ См. ниже, гл. V.

камъ и кардиналамъ-діаконамъ позже присоединились семь кардиналовъ-епископовъ: это были кардиналы римской области (отсюда ихъ названіе подгородныхъ), которые, согласно постановленію римскаго синода 769 года, должны были по очереди еженедѣльнѣ отправлять службу въ Латеранской церкви. Уже это привилегированное духовенство имѣло чрезвычайное значеніе, такъ какъ тотъ же самый соборъ пытался установить, чтобы папа всегда избирался изъ среды кардиналовъ. Число кардиналовъ въ средніе вѣка часто мѣнялось; въ XII вѣкѣ, для котораго мы имѣемъ болѣе точныя данныя, кардиналовъ-епископовъ было семь (Остія, Порто, Санта-Рупина или Сильва-Кандида, Альбано, Сабина, Ту-скулумъ, Палестрина), кардиналовъ-священниковъ—двадцать восемь, кардиналовъ-дьяконовъ—восемнадцать. Указъ 1059 г. ввѣрилъ имъ, нѣкоторымъ образомъ, судьбы папства. Григорій VII изъ ихъ среды избиралъ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ. Петръ Даміанъ называетъ ихъ «духовными сенаторами вселенской церкви», *spirituales universalis ecclesiae senatores*.

Римская курія представляла собою центральную администрацію; но папству необходимо было имѣть и въ провинціяхъ христіанскаго міра преданныхъ намѣстниковъ, которые бы повсюду давали чувствовать его вліяніе, принуждали къ исполненію его приказаній и наблюдали за епископами и церквями. Этотъ институтъ не новъ; съ IV вѣка мы безпрестанно слышимъ о папскихъ легатахъ. Они засѣдаютъ въ первомъ ряду на соборахъ, сзываютъ областные синоды и председательствуютъ въ нихъ. Они избираются то изъ епископовъ, то изъ простыхъ священниковъ римской епархіи. Но до Григорія VII легаты являются въ большинствѣ случаевъ чрезвычайными уполномоченными; при немъ же они становятся однимъ изъ главныхъ органовъ церковнаго управленія. Они появляются всюду, во все вмѣшиваются, смѣщаютъ епископовъ, преобразовываютъ церковное благочиніе, борются противъ князей. Вообще, ихъ компетенція не ограничивается какимъ-нибудь опредѣленнымъ дѣломъ: они являются представителями папской власти въ ея полномъ объемѣ. Въ 1077 г. Григорій VII пишетъ жителямъ нарбоннскаго округа, Гаскони и Испаніи, посылая къ нимъ, въ качествѣ легата, епископа Амата: «Въ силу нашей апостольской власти мы приказываемъ вамъ принять его такъ, какъ вы приняли бы насъ самихъ или, вѣрнѣе, какъ вы приняли бы св. Петра, повиноваться ему во всемъ, внимать его словамъ, какъ

если бы они были произнесены нашими собственными устами». «Посланникъ папы», говоритъ онъ въ *Dictatus*, «даже если онъ низшаго званія, имѣеть на соборахъ первенство передъ всѣми епископами и можетъ произносить надъ ними приговоръ отрѣшенія». Дѣйствительно, онъ назначалъ ихъ по своему усмотрѣнью, не соображаясь съ іерархіей, и часто простой монахъ получалъ власть надъ епископами. Архіепископъ реймскій, Манассія, въ 1078 г. просить, чтобы папа назначалъ, по крайней мѣрѣ, римскихъ клириковъ; но Григорій VII, опираясь на традицію, отказывается въ какомъ бы то ни было отношеніи ограничить свою свободу выбора. Поэтому миссія легатовъ была трудна и даже опасна. Григорій VII заставляеть епископовъ клясться въ томъ, что они будутъ уважать папскихъ посланниковъ: «Я буду относиться съ почтеніемъ къ римскому легату при его прибытіи и отъѣздѣ, и буду помогать ему, когда это будетъ необходимо». Отправляются ли легаты въ Германію,—папа произноситъ отлученіе надъ тѣми, «кто интригами или насиліемъ будетъ мѣшать имъ трудиться надъ восстановленіемъ согласія въ королевствѣ». Во Франціи епископъ маконскій не оказалъ повинновенія епископу альбанскому, папскому легату. Григорій VII порицаеть его за это: «Если бы даже легатъ предписалъ тебѣ какую-нибудь необдуманную мѣру, чему мы не вѣримъ, ты долженъ былъ бы перенести это изъ уваженія къ апостольскому престолу». Но облакая своихъ легатовъ обширными полномочіями, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписываетъ имъ быть умѣренными, провѣряеть ихъ распоряженія, однимъ словомъ—въ свою очередь наблюдаетъ за тѣми, кому поручаетъ надзоръ надъ христіанскимъ обществомъ.

Григорій VII явнымъ образомъ нисколько не ограничилъ дѣятельности соборовъ и синодовъ; напротивъ, онъ видѣлъ въ нихъ одно изъ самыхъ надежныхъ орудій своей политики. Во время тѣхъ первосвященствъ, при которыхъ онъ управлялъ церковью, синоды часто собирались въ Римѣ. На нихъ осуждали духовенство, преданное симоніи и «прелюбодѣянью»; иногда на нихъ рѣшались и вопросы догматическаго характера. Въ 1059 году, при Николаѣ II, римскій синодъ осудилъ Беренгара, который, въ знаменитомъ спорѣ съ Ланфранкомъ, отвергъ догматъ пресуществленія и призналъ за евхаристіей только символическое значеніе. Гильдебранду уже приходилось заниматься этимъ споромъ во время одной изъ его поѣздокъ во Францію и во время турецкаго собора. Сдѣлавшись папою, онъ увеличилъ число этихъ собраній; часто

«услышь, молю, раба твоего, котораго ты воспитывалъ съ дѣтства и до этого дня спасалъ отъ руки нечестивыхъ, ненавидящихъ меня за мою вѣрность тебѣ. Ты мой свидѣтель вмѣстѣ съ Матерью Божьей и блаженнымъ Павломъ въ сонмѣ святыхъ, что римская церковь призвала меня къ власти противъ моей воли... Какъ твой представитель, я получилъ отъ Бога власть вязать и разрѣшать на небѣ и на землѣ. Увѣренный въ этомъ, я, ради чести и защиты твоей церкви, во имя всемогущаго Бога, Отца и Сына и Святого Духа, твоей властью лишаю короля Генриха, который съ неслыханной дерзостью возсталъ противъ церкви твоей, управленія Германіей и Италіей, разрѣшаю всѣхъ христіанъ отъ клятвы вѣрности, которую они дали или дадутъ ему, и запрещаю всѣмъ служить ему, какъ королю».

Генрихъ IV въ Каноссѣ.—Война была объявлена съ обѣихъ сторонъ. Генрихъ только тогда былъ бы въ состояніи вести ее, если бы могъ разсчитывать на нѣмецкихъ князей; но самые могущественные изъ нихъ, Рудольфъ Швабскій, герцогъ Каринтіи Бертольдъ, Вельфъ Баварскій, которыхъ онъ раздражилъ и озлобилъ противъ себя, соединились съ папою и его вѣрнымъ союзникомъ въ Германіи, мецкимъ епископомъ Германомъ. Имъ казалось, что, благодаря побѣдѣ надъ Саксоніей, могущество Генриха слишкомъ возросло и могло грозить ихъ интересамъ. Такимъ образомъ, когда Саксонія снова возмутилась, Генрихъ оказался одинокимъ.

Въ сентябрѣ 1076 года Григорій VII въ письмѣ къ епископамъ, князьямъ и всѣмъ правовѣрнымъ Германіи изложилъ планъ дѣйствій, которому намѣревался слѣдовать. Если Генрихъ хочетъ покориться, онъ долженъ доказать свою искренность и впредь относиться къ церкви «не какъ къ слугѣ, а какъ къ госпожѣ»; если же онъ будетъ упорствовать, то пусть они выберутъ другаго короля, котораго папа утвердитъ. Въ октябрѣ 1076 года враги Генриха собрались въ Трибурѣ, куда явились и папскіе послы. Императоръ, находившійся неподалеку, въ Оппенгеймѣ, попытался вступить въ переговоры. Онъ обѣщалъ управлять согласно съ желаніями князей, оставить имъ всю власть. Но они отказались слушать его, пока онъ не покорится папѣ, который—прибавляли они—обѣщаль пріѣхать въ Германію и собрать великій сеймъ, гдѣ будетъ обсужденъ вопросъ о положеніи государства и короля. Если Генрихъ до 22 февраля ближайшаго года не будетъ прощенъ папою, то они будутъ считать его низложен-

Если Филиппъ I не хотѣлъ уступить папѣ, когда послѣдній, по выраженію лѣтописца, «хотѣлъ отнять у него епископства его королевства», то еще менѣе онъ былъ расположенъ допустить вмѣшательство папской власти въ свою политику, когда Григорій VII вздумалъ запретить ему воевать съ новымъ королемъ Англіи, Вильгельмомъ Завоевателемъ, который пользовался покровительствомъ св. престола. Когда Вильгельмъ, предъявляя свои права на англійскую корону, обвинилъ Гарольда въ клятвопреступленіи, онъ предложилъ передать дѣло на судъ папы. Защитникомъ его интересовъ выступилъ тогда Гильдебрандъ. «Ты не забылъ», писалъ онъ ему въ 1080 г., «что еще до моего вступленія на папскій престолъ я доказалъ тебѣ мое искреннее расположеніе. Ты помнишь, какъ я старался для тебя, сколько употребилъ труда, чтобы помочь тебѣ получить корону. Эти усилія навлекли на меня неудовольствіе нѣкоторыхъ изъ моихъ братьевъ (т. е. кардиналовъ); они упрекали меня, что я поддерживаю предпріятіе, которое должно повлечь за собою гибель столькихъ людей». И онъ прибавляетъ, что сдѣлалъ это только вслѣдствіе увѣренности въ томъ, что Вильгельмъ будетъ преданнымъ слугою церкви. Александръ II отлучилъ Гарольда и послалъ нормандскому герцогу освященное знамя и реликвию св. Петра; послѣ побѣды Вильгельмъ, въ знакъ благодарности, прислалъ папѣ богатые подарки. Письма, которыми Григорій VII обмѣнялся съ Вильгельмомъ въ началѣ своего правленія, показываютъ, что въ это время между ними еще существовали дружественныя отношенія; но когда Григорій VII потребовалъ, чтобы нормандскій король торжественно призналъ свою покорность святому престолу (между 1078 и 1080 гг.), Вильгельмъ отказался. Онъ готовъ былъ платить Риму лепту св. Петра, но не хотѣлъ признать себя вассаломъ: «Я никогда не хотѣлъ изъявлять покорности», писалъ онъ, «и не хочу этого теперь». Съ этихъ поръ онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы устранить прямое вліяніе папы на англійское духовенство. «Онъ не допускалъ», говоритъ одинъ лѣтописецъ, «чтобы кто-нибудь признавалъ законнаго первосвященника города Рима главою апостольской церкви, прежде чѣмъ онъ самъ не признаетъ его, или чтобы получали письма отъ него, прежде чѣмъ онъ прочтаетъ ихъ». Позже Григорій VII снова писалъ ему въ примирительномъ тонѣ, но въ борьбѣ между папою и императоромъ Вильгельмъ остается нейтральнымъ.

Норманны южной Италіи также не всегда повинуются со-

Григорій VII интересовался судьбами христіанскаго Востока. Стремиться къ религіозному примиренію съ греческой имперіей, доставлять ей новыя силы для борьбы съ турками,—это была, безъ сомнѣнія, болѣе мудрая политика, чѣмъ та, которою впослѣдствіи руководились вожди большей части крестовыхъ походовъ.

Возобновленіе распри между Григоріемъ VII и Генрихомъ IV.—Генрихъ IV въ Каноссѣ склонилъ голову предъ папою, но это тяжкое униженіе не принесло ему ни одной изъ тѣхъ выгодъ, на которыя онъ рассчитывалъ. Вѣрный своему союзу съ пфѣмцкими князьями, Григорій VII отказался вести переговоры безъ нихъ. Съ другой стороны, враги папы въ сѣверной Италіи были возмущены поведеніемъ короля: они видѣли въ этомъ примиреніи измѣну. По извѣстію Ламберта Герсфельдскаго, они требовали, чтобы онъ отрекся отъ престола и чтобы королемъ былъ провозглашенъ его сынъ, хотя и малолѣтній. Послѣдняго они хотѣли привести въ Римъ, гдѣ долженъ былъ быть выбранъ новый папа и отмѣнены декреты Григорія VII. Чтобы снова привлечь ихъ на свою сторону, Генрихъ IV принужденъ былъ возобновить борьбу. Въ февралѣ 1077 года герцоги Рудольфъ, Бертольдъ и Вельфъ, архіепископы Майнца, Вюрцбурга и Меца собрались на сеймъ въ Форхгеймѣ. На приглашеніе папы отправиться туда, король отвѣтилъ, что его удерживаютъ дѣла въ Италіи.

На этомъ сѣздѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, союзники Григорія VII избрали въ короли Рудольфа Швабскаго; онъ былъ помазанъ на царство въ Майнцѣ. Правда, новый король долженъ былъ принять условія своихъ избирателей, которые вовсе не имѣли въ виду создать новую династію; взамѣнъ принципа наслѣдственности, на которомъ настаивалъ Генрихъ IV, они ввели избирательное начало. Притомъ, избранный саксонцами и швабами, Рудольфъ далеко не могъ рассчитывать на покорность всей Германіи. Рейнскіе города, въ которые онъ пытался вступить, были противъ него; въ Майнцѣ онъ былъ принятъ недружелюбно, Вормсъ отказался впустить его, и даже прежніе союзники покинули его. Напротивъ, Генрихъ снова укрѣпился въ сѣверной Италіи. Когда онъ явился въ Германію, у него тотчасъ нашлись приверженцы въ Баваріи, Богеміи, Каринтіи и Бургундіи. Большая часть городовъ была за него. Въ Регенсбургѣ подъ его начальствомъ собралось двѣнадцатитысячное войско, въ то время какъ Рудольфъ принужденъ былъ удалиться въ Саксонію, гдѣ находился центръ

борьбѣ между папствомъ и имперіей, феодальная партія чрезвычайно усилилась. Сенѣры все болѣе смотрѣли на себя, какъ на независимыхъ государей, и забывали различіе между своими аллодіальными владѣніями и феодами, которые они держали отъ короля; графства, вмѣсто того, чтобы быть частями государства, все болѣе обращались въ маленькія державы, и фамиліи, которымъ онѣ принадлежали, получали характеръ настоящихъ династій. Еще выше—князья привыкали жертвовать интересами королевской власти собственнымъ выгодамъ. Что касается класса свободныхъ людей, то онъ держится еще только въ городахъ. Если германскій король слабъ, то императоръ еще слабѣе. Въ Италиі—на югъ—все расширяется и усиливается норманское государство; на сѣверѣ—города, въ которыхъ развиваются муниципальныя учрежденія, уже доказали, поддержавъ возстаніе Конрада, какою опасностью грозитъ союзъ между ними. Въ Бургундіи авторитетъ императора лишь номиналенъ; на сѣверѣ и на востокъ славянскія государства, Венгрія, Данія, Скандинавія почти совершенно освободились отъ германскаго вліянія. Въ 1086 г. Генрихъ IV сдѣлалъ роковую ошибку, даровавъ богемскому герцогу Вратиславу титулъ короля Богеміи и Польши.

Торжество папства. — Итакъ, этотъ первый періодъ борьбы между церковью и имперіей окончился побѣдою папства. Правда, оно не достигло всего, чего требовалъ честолюбивый Григорій VII. Самый вопросъ объ инвеститурѣ былъ разрѣшенъ въ двусмысленныхъ выраженіяхъ, имѣвшихъ цѣлью пощадить самолюбіе императора; несмотря на то, что былъ признанъ принципъ свободы церковныхъ выборовъ, вмѣшательство императора не было окончательно устранено и епископы и аббаты не освобождены отъ всякой связи съ феодальнымъ обществомъ. Такъ обнаружилась невозможность отдѣлать церковное общество отъ свѣтскаго или исполнѣ подчинить послѣднее первому.

Дѣйствительный успѣхъ папства заключался въ томъ, что оно пропитало церковь своимъ духомъ, разъ навсегда упрочило надъ нею свою монархическую власть и сдѣлало Римъ единственнымъ средоточіемъ религіозной жизни христіанства. Въ теченіе среднихъ вѣковъ его ждуть еще тяжелыя испытанія: церковь старается вернуть свою свободу, подчинить папѣ авторитету соборовъ. Напрасныя усилія! Когда кончаются эти кризисы, апостольское самодержавіе восстанавливается по принципамъ Григорія VII, не отказавшись ни отъ одного изъ своихъ притязаній,

каждымъ храмомъ, съ каждымъ развалившимся памятникомъ чудесныя сказанія. «Капитолій», говорили они, «называется такъ потому, что онъ нѣкогда былъ главою міра; тамъ жили консулы и сенаторы, управлявшіе міромъ; тамъ былъ дворецъ, весь сіяющій золотомъ и драгоцѣнными камнями, а внутри его находилось столько статуй, сколько было провинцій въ имперіи». Учреждая на Капитоліи новую коммуну, римляне XII-го вѣка хотѣли вернуть себѣ все наслѣдіе прошлаго.

Эта революція олицетворилась въ Арнольдѣ Брешійскомъ. Къ несчастію, кромѣ сообщеній его враговъ, мы не имѣемъ о немъ почти никакихъ извѣстій. Уроженецъ Брешии, ученикъ великаго французскаго поватора Абеяра, воспламенявшаго тогда юношество смѣлостью своихъ ученій, Арнольдъ, по возвращеніи на родину, сдѣлался клирикомъ. Онъ нападалъ на папу и на высшее духовенство. Онъ хотѣлъ, чтобы церковь была преобразована, чтобы она отказалась отъ свѣтскихъ имѣній, отъ заботъ о дѣлахъ этого міра, и ограничилась исключительно своей духовной ролью. Обвиненный передъ папой въ ереси, онъ былъ осужденъ на Латеранскомъ соборѣ 1139 г. Затѣмъ онъ снова появляется во Франціи, гдѣ подвергается преслѣдованіямъ со стороны св. Бернарда, который видитъ въ немъ «оруженосца» Абеяра. Изгнанный изъ Парижа по приказанію короля, онъ бѣжалъ въ Цюрихъ. Св. Бернадъ преслѣдовалъ его безъ пощады. Вотъ что онъ писалъ кардиналу Гвидо, который покровительствовалъ ему: «Арнольдъ Брешійскій, рѣчь котораго—медъ, а ученіе—ядъ, чело-вѣкъ, котораго Брешія изрыгнула и которымъ Римъ гнушается, котораго Франція изгоняетъ, Германія проклинаяетъ, Италія отказывается принять,—этотъ чело-вѣкъ находитъ у тебя поддержку: быть расположеннымъ къ нему значитъ быть противъ папы и Бога». Таковъ былъ чело-вѣкъ, котораго мы видимъ въ 1147 г. во главѣ римлянъ, возбуждающимъ своею рѣчью толпу на Капитоліи. Испытанія закалили его характеръ и усилили страстность его убѣжденій; онъ хочетъ преобразовать церковь и государство, возстановитъ съ одной стороны простое и бѣдное христіанство первыхъ дней, съ другой стороны—древній Римъ. Однако, было бы ошибочно смотрѣть на него только какъ на мистика и мечтателя: будучи чело-вѣкомъ дѣла, онъ отличался быстрою рѣшимостью и живымъ краспорѣчіемъ.

Когда онъ явился въ Римъ, община торжествовала. Поддерживаемый знатію, папа Луцій II хотѣлъ взять Капитолій штур-

государями, *domini terrae*, передають свою власть по наслѣдству и присваиваютъ себѣ верховныя права. Въ XI и XII столѣтіяхъ возникаетъ множество укрѣпленныхъ замковъ, служащихъ виѣшнимъ признакомъ ихъ независимости. Королевская власть оказывается обыкновенно безсильною подавить распри и грабежи сеньеровъ. Эта политика дробленія съ теченіемъ времени все усиливается, распространяется потомъ и на мелкихъ сеньеровъ и приводитъ въ концѣ-концовъ къ распаденію Германіи на безчисленное количество мельчайшихъ частей. Но королевская власть ничего не выигрываетъ при этомъ: если ея противники въ отдѣльности и стали слабѣе, то ее осаждаетъ цѣлое полчище графовъ, маркграфовъ, ландграфовъ, бургграфовъ и пр. Вытекающую отсюда опасность Фридрихъ уже имѣлъ случай оцѣнить, когда въ одной изъ провинцій, гдѣ эта политика дробленія достигла наибольшихъ успѣховъ, — въ рейнской области — ему пришлось силой брать одинъ за другимъ грозные бургы рыцарей-разбойниковъ. Все болѣе и болѣе сгущается вокругъ короля этотъ феодальный лѣсъ, и все менѣе становится онъ способнымъ прорубать въ немъ широкія просѣки, черезъ которыя могло бы проходить вліяніе центральной власти ¹⁾.

Культурное состояніе Германіи въ эпоху Барбароссы.—Но въ 1184 году еще было далеко до этого. Напротивъ, никогда королевская власть не обладала болѣе могуществомъ, не пользовалась болѣе популярностью, чѣмъ въ это время. Подъ ея защитою нѣмецкая культура достигаетъ новаго расцвѣта. Въ городахъ развиваются муниципальныя учрежденія, и ростъ богатства обнаруживается въ самой виѣшности городовъ, въ возникающихъ архитектурныхъ памятникахъ. Новѣйшія изслѣдованія показали, въ какой степени нѣмецкіе города обязаны своимъ благосостояніемъ, часто даже своимъ возник-

¹⁾ Известно, въ чемъ заключались функціи *маркграфовъ*; но иногда этотъ титулъ носили и сеплеры, не управлявшіе марками. *Ландграфами* назывались тѣ графы, власть которыхъ простиралась на территорію болѣе обширную, чѣмъ простое графство. Назначеніе *пфальцграфовъ* заключалось въ томъ, чтобы надзирать за герцогами и уравнивать ихъ вліяніе. *Бургграфы* управляли замками, укрѣпленными городами; это былъ низшій классъ графовъ. За ними слѣдовали мелкіе дворяне, владѣльцы аллодовъ или небольшихъ леновъ. „Саксонское Зерцало“ начала XIII вѣка дѣлитъ все это сословіе благородныхъ на шесть классовъ или „щитовъ“ (см. выше, стр. 49). Наслѣдованіе феодаловъ установилось въ Германіи повсемѣстно въ XI столѣтіи. Благородное сословіе составляетъ кавалерію (*ordo equestris milites*).

подготавливаютъ возстаніе противъ императора. Онъ игнорируетъ здѣсь Иннокентія IV, пригуждая духовенство справлять богослуженіе вопреки интердикту. Именно къ этому времени относятся тѣ неясныя фразы и письма, которыя заставляютъ предполагать, что онъ мечталъ о роли главы преобразованной церкви. Доведенный до бѣшенства и отчаянія, онъ заподозриваетъ въ измѣнѣ своего ближайшаго совѣтника, Петра Винейскаго, которому онъ слѣпо довѣрялъ, который былъ его правой рукою въ политическихъ дѣлахъ и котораго придворные на своемъ мистическомъ языкѣ называли апостоломъ мессіи-императора. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что далъ палкѣ подкунить себя и пытался отравить императора,—хотя еще и теперь невозможно установить, дѣйствительно ли онъ былъ виновенъ. Ему выкололи глаза и, чтобы избѣгнуть новыхъ мученій, онъ разбилъ себѣ черепъ. Данте, который тѣмъ не менѣе помѣстилъ его въ адъ, не могъ повѣрить измѣнѣ того, кто, по его выраженію, «владеѣтъ обоими ключами къ сердцу Фридриха». «Клянусь», говоритъ у него Петръ Винейскій, «что я никогда не измѣнялъ моему господину, столь достойному уваженія. И если кто-нибудь изъ васъ вернется на землю, пусть онъ восстановитъ мою память, поверженную въ прахъ его ударомъ». Любимый сынъ императора, красавецъ Энціо, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ болонцами при Фоссальтѣ (май 1249); только смерть, постигшая его въ 1272 году, положила конецъ его заточенію. Не падая духомъ, Фридрихъ изъ южной Италіи снова пошелъ въ Ломбардію, но 13 декабря 1250 года скончался въ замкѣ Фіорентино близъ Лючеры. «Такъ кончилъ жизнь», говоритъ Матвѣй Парижскій, «величайшій изъ земныхъ государей, изумившій и взволновавшій міръ; передъ смертью съ него было снято отлученіе; на него надѣли мантію одного цистерціанскаго монаха, и умеръ онъ, какъ передаютъ, въ сокрушеніи и раскаяніи». Напротивъ, папскій біографъ изображаетъ его въ послѣднія минуты скрежещущимъ зубами и испускающимъ вопли. Но спокойствіе, съ которымъ онъ дѣлалъ распоряженія о своемъ наслѣдствѣ, опровергаетъ эту клевету.

Послѣдніе Гогенштауфены.—Тяжелая задача выпала на долю его преемника, Конрада IV. Онъ ошарашенъ въ Италіи на побочнаго сына Фридриха II, Манфреда, намѣстника своего отца въ южной части полуострова. Когда Иннокентій IV покинулъ, наконецъ, Лионъ и съ триумфомъ проѣхалъ по Ломбардіи, Конрадъ отправился въ Италію и, соединившись съ

какъ возбужденіе не прекращалось, то Филиппъ Августъ въ 1214 г. установилъ еще—«въ интересахъ мира между королевствомъ и папою и до слѣдующаго собора»—привилегіи для крестоносцевъ въ отношеніи суда. Слѣдующимъ соборомъ былъ латеранскій соборъ 1215 года, который нѣсколько ограничилъ примѣненіе интердиктовъ (канонъ 47) и по нѣкоторымъ пунктамъ точно опредѣлилъ компетенцію консисторіальнаго суда ¹⁾.

Но эта компетенція не была уменьшена, и свѣтскія лица упорно продолжали предпочитать церковный судъ сенъеріальному. Въ 1225 г. сенъеры, собравшись въ Мелёнѣ, подали королю Людовику VIII новую жалобу на узурпаціи духовныхъ лицъ. На этотъ разъ дѣло шло не о феодальныхъ процессахъ, а о гражданскихъ тяжбахъ свѣтскихъ лицъ. Такъ какъ король не принялъ никакого рѣшенія, то наиболѣе могущественные сенъеры Запада—Гуго Лузиньянъ, Пьеръ де-Дрѣ, графъ бретанскій, Амори де-Кранъ, сенешалъ анжуйскій, Савари де-Молеонъ и многіе другіе—составили новый заговоръ и возобновили свои жалобы. Кромѣ того Пьеръ де-Дрѣ, вложившій въ это дѣло столько страсти и ожесточенія, что приобрѣлъ имя Пьера Ненавистника поповъ (Pierre Mauclerc), собралъ въ Редонѣ сенъеровъ Бретани и заставилъ ихъ поклясться, что они болѣе не будутъ обращать вниманія на интердикты и употребятъ всѣ усилія, чтобы изъять изъ вѣдѣнія церковныхъ судовъ процессы, касающіеся десятинъ, наслѣдствъ по завѣщаніямъ, лихоимства и договоровъ, скрѣпляемыхъ клятвою. Когда бретонскіе прелаты отлучили Пьера Моклерка, то онъ изгналъ епископовъ изъ Ренна, Трегьера и Сень-Бріека.—Гонорій III и особенно ученый канонистъ Григорій IX, конечно, не могли не осудить этихъ притязаній. Буллы, которыми осуждались послѣдніа, встрѣтили, разумѣется, большое сочувствіе со стороны людей, подсудныхъ сенъерамъ; но въ средѣ феодаловъ они вызвали энергичный протестъ, который былъ формулированъ на собраніи въ Сень-Дени въ 1235 году и которому, повидимому, до извѣстной степени сочувствовалъ Людовикъ Св. ²⁾; по крайней мѣрѣ, его упрекаетъ въ этомъ Григорій IX въ письмѣ, написанномъ тотчасъ послѣ сѣзда въ Сень-Дени. Измѣнило ли это письмо намѣренія короля, убѣдивъ его въ необходимости конкордатовъ, т. е. взаимно-обязующихъ договоровъ для урегулированія

¹⁾ См. выше, стр. 175.

²⁾ См. ниже, глава XII, § 6.

Послѣ кризиса 1247 года борьба продолжалась уже не повсемѣстно, а лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ. Такъ, она продолжалась еще въ Шампани и въ парижской епархіи въ 1252 году. Въ 1254 году произошелъ какъ бы рецидивъ, вызвавшій со стороны папы новыя отлученія. Бароны отвѣчали на нихъ захватомъ церковныхъ доходовъ, заключеніемъ въ тюрьму низшихъ служителей консисторіальныхъ судовъ и даже признаніемъ безнаказанности преступленій, направленныхъ противъ духовныхъ лицъ. Послѣднія съ своей стороны составили конфедерацію противъ бароновъ, и уже готова была начаться анархія, когда вмѣшался Людовикъ Святой. Въ 1258 году онъ ведетъ переговоры съ Александромъ IV, въ 1268—съ Климентомъ IV, и заключаетъ съ ними настоящія конкордаты, которые на время возстановляютъ миръ. Филиппъ Смѣлый слѣдовалъ политикѣ своего отца, и въ его царствованіе столкновенія были рѣдки.—Такимъ образомъ, къ концу XIII вѣка французскому королю удалось установить извѣстное равновѣсіе между притязаніями духовенства и требованіями бароновъ. Теперь онъ самъ становится на мѣсто сеньеровъ и продолжаетъ борьбу противъ духовной власти; на этотъ разъ борьба выходитъ за предѣлы спора о юрисдикціи и при Филиппѣ Красивомъ простирается уже на вопросъ о взаимномъ отношеніи обѣихъ властей.

Каноническое право; составленіе „Corpus juris canonici“.—Во всѣхъ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ его юрисдикціи, церковный судъ руководился каноническимъ правомъ, которое было очень развито уже въ XI вѣкѣ, а въ XII, благодаря дѣятельности нѣсколькихъ выдающихся канонистовъ, какъ на примѣръ, Петра Ломбарда и Граціана, достигло наибольшаго развитія, и при Григоріи IX было официально кодифицировано. Въ разсматриваемую нами эпоху главными источниками каноническаго права были: обычай, который церковь принимала въ томъ случаѣ, если онъ былъ разуменъ (*rationabilis*) и согласовался съ общими принципами права; каноны соборовъ, особенно вселенскихъ соборовъ, которые созываются теперь чаще прежняго ¹⁾, наконецъ, декретапіи папъ въ неисчислимомъ

¹⁾ Въ XII и XIII вѣкахъ ихъ было шесть: четыре первыхъ въ Латеранѣ, два послѣднихъ—въ Ліонѣ (1123, 1139, 1179, 1215, 1245, 1274); первый латеранскій соборъ былъ девятымъ въ ряду вселенскихъ соборовъ, второй ліонскій—четырнадцатымъ.

которые, исполняя завѣтъ, данный Иисусомъ Христомъ апостоламъ, шли по двое на свое служеніе. Когда лѳонскій архіепіскопъ запретилъ Вальдецу проповѣдовать, послѣдній апеллировалъ къ папѣ Александру III, который посовѣтовалъ ему подчиниться (1179), затѣмъ къ папѣ Луцію III, который на веронскомъ соборѣ отлучилъ его отъ церкви (1184). Тогда Вальдець соединился съ петробрюзійцами, бѣжалъ во Францію, нѣкоторое время блуждалъ по Италіи и умеръ въ Богеміи въ 1197 году. Въ это время вальденцы, окончательно образовавшіе еретическую секту, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которые остались въ лонѣ церкви (вальденцы Метца), насчитывали уже множество приверженцевъ въ южной Франціи, верхней Италіи и Арагоніи, откуда король Альфонсъ II изгналъ ихъ въ 1194 году, какъ «враговъ Креста Христова и осквернителей вѣры». Ихъ вѣроученіе вполнѣ оправдывало такое обвиненіе. Вальденцы отвергали всякое церковное служеніе, кромѣ проповѣди, и всѣ таинства, кромѣ св. евхаристіи, утверждали, что всякій христіанинъ—священникъ, и осуждали молитвы за умершихъ, индульгенціи, военную службу, собственность и принужденіе къ труду. Секта заключала въ себѣ двѣ категоріи лицъ: вѣрующихъ, которые продолжали жить въ міру, и совершенныхъ, которые давали обѣтъ цѣломудрія и послушанія высшимъ, и на которыхъ лежала обязанность проповѣдовать. Но вскорѣ секта распалась. Первыми отдѣлились отъ общины ломбардскіе вальденцы; собраніе въ Бергамо, созванное въ 1218 году, чтобы возстановить единство секты, потерпѣло неудачу, и расколъ совершился. Въ то время, какъ французскіе вальденцы, оставаясь вѣрными своему лжеученію, старались все-таки не разрывать съ церковью—ихъ итальянскіе собратья совершенно отдѣлились отъ нея и выработали отдѣльный культъ. Первые не выходили за предѣлы пьемонтскихъ долинъ; вторые распространились въ Германіи, Богеміи и Польшѣ и въ XVI вѣкѣ примкнули къ протестантамъ. Въ долинахъ Дофинэ и Пьемонтскихъ Альпъ ихъ еще и теперь живетъ около двадцати тысячъ.

Пантеистическія секты.—Въ то время, какъ Петръ Вальдець распространялъ въ южной Франціи и сѣверной Италіи монтанистскія идеи, профессоръ логики, а позже богословія въ парижскомъ университетѣ, Амори де-Бэнъ, подъ вліяніемъ Скота Эригена и арабскихъ философовъ создалъ ученіе, основанное почти всецѣло на пантеистическихъ началахъ. Онъ училъ, что «каждый христіанинъ есть членъ Христа», что три лица св. Троицы

воплотились: Отець—въ Авраамъ, Сынъ—въ Иисусъ Христъ и св. Духъ—въ каждомъ христіанинѣ, который, такимъ образомъ, является сразу и Христомъ, и св. Духомъ. Отсюда онъ заключалъ о бесполезности таинствъ, такъ какъ освященіе состоитъ просто въ ощущеніи присутствія Бога и не можетъ быть утрачено даже чрезъ любодѣяніе. Присужденный Иннокентіемъ III къ публичному отреченію передъ парижскимъ университетомъ, Амори де Бэнъ умеръ, какъ говорятъ, отъ огорченія (около 1207 года). Послѣ его смерти обнаружилось, что онъ имѣлъ нѣсколькихъ послѣдователей, изъ которыхъ главными были парижскій ювелиръ Гильомъ и профессоръ Давидъ де Динанъ, продолжавшій проповѣдывать безнравственное ученіе Амори де Бэна. Оно было снова осуждено парижскимъ (1209) и четвертымъ латеранскимъ (1215) соборами, и многіе изъ сектантовъ были присуждены къ смертной казни.

Въ тѣсной связи съ Амориіцами стояла, повидимому, секта Братъевъ и сестеръ свободнаго духа, которыхъ называли также Бегардами, Швестріонами и Тюрлюпинами и которые около середины XIII вѣка появляются въ различныхъ городахъ Швабін, Швейцаріи и Италіи. Паптенсты подобно ученикамъ Амори де Бэна, они примѣняли къ самимъ себѣ слова Христа: «Азъ и Отець едино есмь». Они утверждали, что разъ человекъ пришелъ къ этому убѣжденію, онъ не принадлежитъ болѣе чувственному міру, не можетъ быть оскверненъ никакими плотскими излишествами и болѣе не нуждается въ приобщеніи къ таинствамъ. Эта теорія не была нова: нова была смѣлость, съ какою Братья Свободнаго Духа осуществляли ее на дѣлѣ. Ихъ безнравственное поведеніе вызывало противъ нихъ суровыя мѣры.

Манихейская секта: катары или альбигойцы. — Но изъ всѣхъ этихъ сектъ самой грозною была, безъ сомнѣнія, секта катаровъ (*Katharoi*, чистые) или альбигойцевъ, манихейское ученіе и революціонная проповѣдь которыхъ грозили существованію какъ церкви, такъ и государства. Вопросъ о происхожденіи этой секты до сихъ поръ остается спорнымъ. Согласно старой гипотезѣ, она произошла по прямой линіи отъ древнихъ гностическихъ и манихейскихъ сектъ, которыя будто бы всегда имѣли тайныхъ адептовъ въ южной Франціи и въ Италіи. По новѣйшему мнѣнію, она примыкаетъ скорѣе къ павликіанамъ и богомиламъ, ученія которыхъ были занесены на

западъ переселившимся туда болгарами: этимъ и объясняется названіе Bulgari, Bulgri, Boulgres, которое было дано этой сектѣ и которое въ концѣ-концовъ было распространено на все другія ереси¹⁾.

Впрочемъ, катаровъ слѣдуетъ представлять себѣ не какъ единичную секту, а какъ болѣе или менѣе безсвязный конгломератъ сходныхъ сектъ, представляющихъ, на ряду съ существенными различіями, нѣкоторыя общія черты, изъ которыхъ главною была манихейская вѣра въ два начала—добра и зла. Для нѣкоторыхъ катаровъ эти два принципа были совѣсны и являлись двумя различными богами: одинъ—добрымъ, другой—злымъ; это было почти павликіанское ученіе. Для другихъ, приближавшихся къ богомиламъ, доброе начало было истиннымъ Богомъ, который сотворилъ невидимый міръ духовъ и отъ котораго исходилъ Новый Заветъ; дурное начало, или Иегова, былъ лишь падшій духъ, сотворившій видимый міръ и давшій людямъ Ветхій Заветъ. Его сынъ Люциферъ соблазнилъ часть небесныхъ ангеловъ и заточилъ ихъ въ тѣла; чтобы освободить этихъ падшихъ ангеловъ, составлявшихъ особый, избранный классъ между людьми, сошелъ съ неба другой ангелъ, Христось, не принявшій, однако, ни челоуѣческой природы, ни истиннаго тѣла.

Изъ этихъ догматовъ вытекала чисто манихейская мораль, которая сводилась—насколько можно судить объ этомъ при отсутствіи сочиненій, написанныхъ самими еретиками,—къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) раздѣленіе людей на два класса, изъ которыхъ лишь одинъ принимаетъ участіе въ искупленіи и можетъ достигнуть спасенія, а другой, въ виду своего происхожденія отъ злого начала, неспособенъ къ освященію, что освобождало его отъ всякой нравственной отвѣтственности; 2) отрицаніе всякой власти, какъ церковной, такъ и свѣтской, что подрывало основы общественнаго строя; 3) наконецъ, осужденіе всего, что стоитъ въ какой бы то ни было связи съ матеріей, произведеніемъ злого начала; такъ, осуждаются употребленіе въ пищу животныхъ продуктовъ, бракъ, собственность, почитаніе креста и иконъ, сооруженіе церквей и таинства. Изъ таинствъ катары признавали лишь одно—нѣчто въ родѣ духовнаго крещенія, такъ называемое *consolamentum*, которое безъ покаянія освобо-

---

¹⁾ Во французскихъ текстахъ XIII вѣка *bougrerie* и *bougre* обозначаютъ ересь и еретика.

въ силу самаго факта избранія вступить въ обладаніе апостольскою властью. Этотъ декретъ вызвалъ въ Германіи сильное раздраженіе. Но Николай II заключилъ союзъ съ вождемъ южно-итальянскихъ норманновъ Робертомъ Гюискаромъ, который обѣщался защищать новую организацію папскихъ выборовъ ¹⁾; послѣдняя была потомъ еще два раза подтверждена Николаемъ II на латеранскихъ соборахъ 1060 и 1061 года.

Его преемникъ Александръ II былъ избранъ уже по новой системѣ (1061). Въ 1073 году Гильдебрандъ, фактически управлявшій церковью въ теченіе 25 лѣтъ, былъ единогласно избранъ духовенствомъ и народомъ; но чтобы не нарушить декрета Николая II, кардиналы дали свое согласіе на его избраніе. Несомнѣнно также, что Гильдебрандъ просилъ у императора Генриха IV его одобренія; но это былъ послѣдній разъ, когда папскіе выборы были поставлены въ зависимость отъ согласія германскаго императора. Вліяніе кардиналовъ, облеченныхъ отнынѣ исключительнымъ правомъ выбирать папъ, естественно очень усилилось, тѣмъ болѣе, что само папство становилось преобладающею силой въ христіанскомъ мірѣ. Такимъ образомъ, кардиналы, изъ которыхъ каждый занималъ до сихъ поръ въ церковной іерархіи такое мѣсто, какое принадлежало ему въ силу его сана, въ XIII вѣкѣ получили перевѣсъ надъ епископами, архіепископами и даже патріархами. Въ 1245 году Иннокентій IV даровалъ имъ, какъ знакъ отличія, знаменитую красную шапку.

Практическое осуществленіе декрета Николая II вызывало въ началѣ нѣкоторыя затрудненія, особенно послѣ смерти Григорія VII и его преемника Пасхалія II ²⁾. Но затѣмъ въ теченіе полутора вѣковъ съ лишнимъ папскіе выборы производились по этой системѣ. Къ несчастію, Николай II не предусмотрѣлъ того случая, когда кардиналы раздѣлятся и произведутъ двойные выборы: стоило лишь меньшинству не уступить, и расколъ былъ неизбеженъ. Именно такой случай произошелъ въ 1130 году, когда одновременно были выбраны Иннокентій II, признанный Франціей, Англіей и Германіей, и анти-папа Анаклетъ II, который сумѣлъ привлечь на свою сторону Римъ, Сицилію и Шотландію. Расколъ продолжался восемь лѣтъ ³⁾. Въ 1159 г. меньшинство священноі коллегіи противопоставило правильно избранно-

¹⁾ См. выше, стр. 69 и слѣд.

²⁾ См. выше, стр. 99—100.

³⁾ См. выше, стр. 113.

стыня; рассказывают даже, что султанъ Саладинъ переодѣлся нищимъ, чтобы ознакомиться съ благотворительною дѣятельностью госпитальеровъ. Орденъ сохранилъ свое имя госпитальеровъ Св. Іоанна и свою печать, на которой былъ изображенъ простертый на ложѣ больной съ крестомъ въ головахъ и свѣтильникомъ въ ногахъ. Но рыцари, вступавшіе въ орденъ, образовали военное сообщество, задачей котораго была борьба съ невѣрными. Въ него допускались уже только рыцари благороднаго происхожденія или побочные сыновья князей; каждый новый членъ долженъ былъ приносить съ собою полное вооруженіе или вносить въ арсеналь ордена 2000 турецкихъ су. Во всѣхъ государствахъ Сиріи князья предоставили госпитальерамъ право строить замки внѣ городовъ и укрѣпленные дома въ городахъ. Ихъ главныя поселенія находились въ областяхъ Антиохіи и Триполи, вокругъ Тиверіадскаго озера и на египетской границѣ. Ихъ Маркабскій замокъ, построенный въ 1186 г., занималъ всю площадь плоскогорья, круто спускавшагося въ долину; онъ заключалъ въ себѣ церковь и деревню; въ немъ находился гарнизонъ въ 1000 человекъ и припасы на 5 лѣтъ; здѣсь нашель убѣжище епископъ Валенн. Во всѣхъ странахъ Европы госпитальеры приобрѣли владѣнія; въ XIII вѣкѣ они имѣли, по преданію, 19000 обитателей. Въ каждой изъ нихъ жило нѣсколько рыцарей съ командоромъ; многія деревни, посвяція имя Св. Іоанна (Saint-Jean), суть древнія госпитальерскія командорства.

Прежде чѣмъ орденъ измѣнилъ свой характеръ, нѣсколько рыцарей, наскучивши уходомъ за больными, захотѣли найтн такое занятіе, которое болѣе соотвѣтствовало бы ихъ вкусамъ. Въ 1123 г. восемь французскихъ рыцарей составили братство, члены котораго обязались сопровождать паломниковъ по дорогѣ въ Іерусалимъ, чтобы защищать ихъ противъ невѣрныхъ; гротмейстеромъ ордена они избрали Гуго de Payens'a. Король Балдуинъ предоставилъ имъ часть своего дворца, такъ называемый Temple, построенный на мѣстѣ древняго Соломонова храма; они приняли имя «Бѣдныхъ Братьевъ Іерусалимскаго храма» или Тамплиеровъ. Св. Бернардь покровительствовалъ имъ и принималъ участіе въ составленіи ихъ устава, который частью воспроизводитъ цистерціанскій уставъ. Уставъ Тамплиеровъ былъ утвержденъ на соборѣ въ Труа (1128). Орденъ состоялъ изъ членовъ троякаго рода; монашескіе обѣты бѣдности, послушанія и цѣломудрія были обязательны для всѣхъ. Рыцарями были люди благороднаго про-

арабскій историкъ прибавляетъ: «читались манифесты, въ которыхъ султанъ объявлялъ о счастливомъ событіи, звучали трубы и всѣ глаза наполнялись слезами радости, всѣ сердца благодарили Аллаха за побѣду, всѣ уста славословили его».

Третій крестовый походъ.—Гибель Иерусалима повергла въ скорбь христіанскій міръ. Пала Урбанъ III писалъ всѣмъ князьямъ, приглашая ихъ соединиться противъ невѣрныхъ; онъ установилъ посты и торжественныя богослуженія, общалъ полное отпущеніе грѣховъ всякому, кто возьметъ крестъ, и провозгласилъ всеобщій миръ на семь лѣтъ.

На этотъ разъ крестъ приняло трое государей. Фридрихъ Барбаросса созвалъ на сеймъ въ Майнцѣ всѣхъ нѣмецкихъ князей; здѣсь проповѣдывали крестовый походъ: «Фридрихъ не могъ устоять противъ дуновения Св. Духа и принялъ крестъ». Чтобы избѣгнуть переполненія арміи негодными элементами, что оказалось столь гибельнымъ для экспедиціи Конрада, было запрещено принимать въ войско людей, не владѣвшихъ, по крайней мѣрѣ, тремя марками серебра (150 франковъ). Нѣмецкая армія (около 100000 человекъ) пошла путемъ перваго крестоваго похода—вдоль Дуная и чрезъ Болгарію. Она двигалась почти въ полномъ порядкѣ; императоръ раздѣлилъ ее на батальоны въ 500 человекъ, каждый съ особымъ начальникомъ во главѣ; кромѣ того, онъ образовалъ военный совѣтъ изъ 60 сановниковъ. Прежде всего пришлось выдержать борьбу съ византіяцами¹⁾. Наконецъ нѣмцы получили корабли, переправились черезъ Геллеспонтъ и, вступивъ въ горы Малой Азіи, начали углубляться въ страну, опустошенную войнами. Вскорѣ у нихъ не оказалось ни фуража, ни припасовъ; лошади стали падать. Наконецъ, истощенные и измученные безпрестанными нападеніями турецкихъ всадниковъ, крестоносцы прибыли къ Иконіуму. Они раздѣлились на два отряда; одинъ черезъ ворота ворвался въ городъ, другой, предводимый самимъ императоромъ, разбилъ турокъ при крикахъ «Христосъ царствуетъ! Христосъ побѣждаетъ!» Въ теченіе нѣсколькихъ дней крестоносцы отдыхали въ городѣ. Затѣмъ армія по горнымъ тропинкамъ перешла Тавръ. Наконецъ она прибыла въ Сирію, въ долину Селефа, и расположилась здѣсь на отдыхъ; вечеромъ Фридрихъ, пообѣдавъ на берегу рѣки, захотѣлъ выкупаться въ ней и былъ унесенъ теченіемъ. Нѣмцами овладѣло отчая-

¹⁾ См. ниже, глава XV, § 2.

залась дать суда, чтобы не поспориться съ египетскимъ султаномъ. Первая остановка была въ Кальярн (въ Сардиніи); здѣсь крестоносцы принялись обсуждать вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи похода. Братъ Людовика Св. Карлъ Анжуйскій, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ сдѣлался королемъ Сициліи, отклонилъ крестоносцевъ отъ естественной цѣли похода—Сирии или Египта.

Въ то время, когда сицилійское королевство принадлежало Гогенштауфенамъ, гафсидскій султанъ Туниса обязался платить имъ дань. Послѣ пораженія ихъ партіи, въ 1266 году, султанъ Эль-Мостансеръ далъ у себя пріютъ ихъ приверженцамъ и отказался платить дань Карлу Анжуйскому. Карлъ хотѣлъ принудить его къ уплатѣ дани и къ выдачѣ своихъ противниковъ¹⁾. Съ этой цѣлью онъ посовѣтовалъ крестоносцамъ обратить свое оружіе прежде всего противъ Туниса. Людовикъ Св. уступилъ; его увѣрили, что одного вида христіанской арміи будетъ достаточно, чтобы заставить султана принять христіанство. Крестоносцы, выйдя на берегъ близъ развалинъ Кароагена, закрыли пробоины въ стѣнахъ досками и снова обвели крѣпость рвомъ. Но мусульмане блокировали крѣпость, и крестоносцы сильно страдали отъ жажды. Людовикъ Св. не хотѣлъ вступать въ сраженіе до прибытія Карла Анжуйскаго, надѣясь, что ему удастся безъ кровопролитія склонить эмира къ крещенію. Въ христіанскомъ лагерѣ открылась эпидемія, жертвами которой пали сынъ Людовика Св. Тристанъ Неверскій и множество сеньеровъ. Когда наконецъ прибылъ Карлъ, самъ Людовикъ Св. былъ уже при смерти; онъ умеръ 25 августа. Крестоносцы отразили мусульманъ, которые напали на ихъ лагерь, и заняли часть тунисскаго озера. Но сеньеры торопились вернуться; они заключили договоръ съ султаномъ, который обязался платить сицилійскому королю дань въ двойномъ размѣрѣ, выдать христіанскихъ плѣнниковъ, уплатить военныя издержки въ 210000 унцій золота и разрѣшить свободное управленіе христіанскаго богослуженія въ Тунисѣ.

Конѣцъ крестовыхъ походовъ.—Крестовый походъ

---

¹⁾ Кромѣ того, Карлъ Анжуйскій поддерживалъ болѣе или менѣе справедливыя требованія франкскихъ, особенно провансальскихъ, купцовъ: послѣдніе требовали съ Эль-Мостансера сумму въ 300000 динаровъ (3000000 франковъ), которую будто бы задолжалъ имъ крупный тунисскій пегоціантъ Абуль-Аббасъ Эль-Луліани, такъ какъ султанъ казнилъ его и конфисковалъ его имущество (Ibn-Khaldoun, Hist. des Berbèges, т. II, стр. 358 и слѣд.).

зами, пѣмцами и англичанами, между генуэзскими и венеціанскими купцами, между тамплиерами и госпитальерами шли вѣчныя пререканія, не разъ приводившія къ вооруженнымъ стычкамъ. Въ 1256 году въ Сен-Жан-д'Акрѣ вспыхнула война между венеціанцами и генуэзцами изъ-за монастыря, построеннаго на холмѣ, который раздѣлялъ ихъ кварталы. Госпитальеры, каталонцы, анконцы и пизанцы стали на сторону генуэзцевъ; тамплиеры, тевтонскіе рыцари, провансальцы, іерусалимскій патріархъ и король Кипра поддерживали Венецію. Генуэзцы разрушили башню пизанцевъ, венеціанцы сожгли генуэзскіе корабли и взяли штурмомъ генуэзскій кварталъ. Эта война продолжалась два года.

Тѣ же вѣчныя ссоры между крестоносцами, приходившими изъ Европы, и сирійскими франками. Живя среди сарадинъ, франки переняли ихъ обычаи, ихъ бани, ихъ развѣвующіяся одежды; они организовали у себя легкую кавалерію, вооруженную птурецки, и принимали на службу мусульманскихъ солдатъ (туркополи); они были склонны относиться къ мусульманскимъ князьямъ какъ къ сосѣдямъ, и не нападать на нихъ безъ причины. Западные рыцари, приносившіе съ собою изъ Европы закоренѣлую ненависть противъ невѣрныхъ, хотѣли бы всѣхъ ихъ истребить и возмущались этой терпимостью. Лишь только они высаживались на берегъ, они бросались на мусульманскую территорію, жаждая битвъ и грабежей, часто вопреки совѣтамъ туземныхъ христіанъ, лучше знакомыхъ съ характеромъ восточной войны. Западные писатели среднихъ вѣковъ смотрятъ на христіанъ Св. Земли, какъ на предателей, и приписываютъ ихъ винѣ гибель сирійскихъ государствъ. Справедливы ли эти обвиненія? Безъ сомнѣнія эти франкскіе авантюристы, быстро обогатившись и живя въ роскоши среди развращеннаго населенія, должны были заразиться многими изъ ихъ пороковъ, особенно тѣ, которые родились въ Сиріи (ихъ называли *roulains*); но не европейскимъ крестоносцамъ было судить ихъ. Они сами, благодаря своей близорукости и отсутствію дисциплины, сдѣлали больше вреда, чѣмъ сирійскіе христіане—своею изнѣженностью.

Послѣдствія крестовыхъ походовъ.—Прямымъ результатомъ крестовыхъ походовъ, если оставить въ сторонѣ гибель милліоновъ людей, было основаніе на Востокѣ, на счетъ мусульманъ и византійской имперіи, нѣсколькихъ католическихъ государствъ, занятыхъ французскими рыцарями и итальянскими купцами. Эти европейцы, никогда не достигавшіе большого числа,

ГЛАВА VII.

Французское королевство.

(1108—1270).

I.—Людовикъ VI и Людовикъ VII.

Людовикъ VI (1108—1137).—Людовикъ VI унаследовалъ отъ своего отца высокой ростъ и тучность, которая уже въ XII вѣкѣ доставила ему прозваніе «Толстаго». Онъ былъ чувственъ и жаденъ, какъ Филиппъ I. Но всѣ его современники единодушно восхваляютъ его мягкость, гуманность, привѣтливость по отношенію ко всякому человѣку и особаго рода искренность или естественное добродушіе, которое они называютъ его «простотою». Эта мягкость характера обнаруживалась особенно въ его отношеніяхъ къ членамъ семьи. Онъ былъ превосходнымъ сыномъ, и это было тѣмъ похвалыѣе, что его отцомъ былъ Филиппъ I, а мачихой—Бертрада монфортекая. Врожденное благородство заставляло его обыкновенно нападать открыто, презирать хитрость и коварство. Самой замѣтной чертой этого рыцарственнаго характера, которую Сугерій съ явнымъ предпочтеніемъ выдвигаетъ впередъ въ своей исторіи, была неутомимая энергія, пылкое мужество, иногда даже безразсудная смѣлость солдата. Дѣйствительно, Людовикъ Толстый былъ прежде всего воиномъ. Онъ былъ всецѣло поглощенъ своей военной дѣятельностью до той минуты, когда, добившись почти полнаго успѣха и ослабленный тѣлесными немощами, счелъ возможнымъ, наконецъ, дать себѣ отдыхъ, котораго раньше никогда не зналъ. Но и послѣ этого онъ не переставалъ воевать до послѣднихъ лѣтъ своей жизни: лишь въ 1135 году онъ сжегъ свой послѣдній замокъ.

Тулузы и тридцати другихъ городовъ Лангедока, отдать на десять лѣтъ во власть короля свой тулузскій замокъ, преслѣдовать еретиковъ и тѣхъ изъ сенсеровъ, которые будутъ покровительствовать ереси, примириться съ церковью и отправиться на пять лѣтъ воевать въ Палестинѣ, наконецъ, выдать свою дочь за одного изъ братьевъ французскаго короля, который такимъ образомъ сдѣлается прямымъ наслѣдникомъ тулузскаго графства. На этихъ условіяхъ коропа соглашалась оставить во владѣніи Раймонда VII западную половину Лангедока; она удовольствовалась тѣмъ, что окончательно укрѣпилась въ восточной.

Бланка Кастильская, епископство и университетъ.— Не одно только феодальное сословіе испытало на себѣ твердость этой женской рукъ. Бланка стремилась къ тому, чтобы все покорялось ея авторитету; она заявляла и осуществляла свои права съ энергіей, которая не отступила даже передъ церковью. Руанскій архіепископъ превысилъ свою власть, вмѣшавшись въ выборы аббатиссы; онъ былъ вызванъ на судъ и присужденъ къ лишенію своихъ доходовъ; въ отвѣтъ на этотъ приговоръ онъ палагаетъ интердиктъ на свою епархію: этотъ скандалъ продолжался бы долго, если бы папа не посовѣтовалъ регентшѣ рѣшить дѣло мирнымъ путемъ. Въ Бовэ она воспользовалась мятежомъ противъ епископа, прямого владѣльца города, чтобы ввести туда королевскія войска, самовластно назначить мэра и перевѣшать сотни мятежниковъ. Епископъ протестовалъ противъ такого нарушенія феодальнаго права. Въ отвѣтъ на этотъ протестъ Бланка потребовала отъ него 800 ливровъ постоянной подати и, такъ какъ епископъ не соглашался платить, она захватила владѣнія его кафедръ. Наложеніе интердикта епископомъ Бовэ на его епархію и архіепископомъ реймскимъ—на всю провинцію, огромный процессъ и многолѣтняя борьба капетинскаго правительства съ частью епископства—таковы были послѣдствія этой непреклонной агрессивной политики, которой, къ счастью, не продолжалъ Людовикъ IX. Эта неумолимая суровость, возведенная въ систему, не разъ компрометировала королевскую власть и создавала для нея затрудненія. Въ 1229 г., во время карнавала, нѣсколько учениковъ парижскаго университета избили какихъ-то горожанъ; королевская полиція такъ звѣрски наказала виновныхъ, что совѣтъ профессоровъ счелъ нужнымъ обратиться къ регентшѣ съ рѣзкимъ протестомъ. Она отказалась дать удовлетвореніе; университетъ прекратилъ свои занятія. Не больше успѣха имѣли

теперь средству, применявшемуся его предшественниками. Притомъ, его мѣропріятія были обусловлены однимъ особеннымъ обстоятельствомъ: его желаніемъ удовлетворить требованія своей совѣсти, прежде чѣмъ отправиться въ крестовый походъ. Въ 1247 г. онъ предпринялъ обширное слѣдствіе по всѣмъ частямъ королевской администраціи, приказалъ мѣстнымъ чиновникамъ собрать и представить ему жалобы и требованія населенія и разослалъ повсюду комиссіи слѣдователей, поручивъ имъ собрать справки о злоупотребленіяхъ, совершенныхъ этими самими чиновниками. Первоначально въ слѣдователи назначались почти исключительно доминиканцы и францисканцы; лишь позднѣе ихъ стали брать также изъ среды свѣтскаго духовенства и даже рыцарства. Свои слѣдствія они производили публично и составляли по нимъ официальные доклады, изъ которыхъ многіе дошли до насъ цѣликомъ или въ отрывкахъ. По возвращеніи короля изъ крестоваго похода 1248 года институтъ этихъ «возстановителей справедливости» получаетъ правильный характеръ. Въ своихъ указахъ касательно балъи Людовикъ Св. говоритъ о немъ, какъ о нормальномъ элементѣ администраціи.

Королевскій дворъ и совѣты; парламентъ.—

Группа королевскихъ совѣтниковъ, специальное назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы помогать государю въ отправленіи текущихъ административныхъ и политическихъ дѣлъ (*grand conseil*), лишь въ царствованіе Людовика Св. начинаетъ обособляться отъ другихъ двухъ группъ, которымъ король поручалъ руководство судебными дѣлами (*parlement*) и финансовый контроль надъ агентами короны (*chambre des comptes*).

Политическій совѣтъ короля еще долго сохранялъ свой походный характеръ. Государю нужно было повсюду, гдѣ онъ поселялся, имѣть подъ рукою своихъ помощниковъ въ дѣлѣ правленія. Съ другой стороны, три секціи, на которыя распался старый королевскій дворъ, сохраняютъ въ эту эпоху свой прежній составъ, и члены ихъ съ чрезвычайной легкостью переходятъ изъ одной въ другую.

Юридическая секція, или парламентъ въ собственномъ смыслѣ слова, становится въ царствованіе Людовика Св. почти осѣдлымъ, и мѣстомъ его засѣданій служитъ самый дворецъ. Въ его составѣ есть неизмѣнный элементъ—совѣтники по профессіи, назначаемые королемъ и получающіе отъ него жалованье,—клирики, рыцари и балъи, и элементъ менѣе постоянный—королевскіе са-

окружавшею его мѣстностью. Монахи, наученные опытомъ, обвели свой монастырь кольцомъ стѣнъ, и когда норманны въ 891 г. пришли въ третій разъ, аббатство могло оказать имъ сопротивленіе. Помѣстье заселилось такъ быстро, что въ X вѣкѣ прежній монастырь сталъ городомъ.

Въ настоящее время изъ 500 французскихъ городовъ не больше восьмидесяти ведутъ свое происхождение отъ галло-римской эпохи; остальные суть большею частью старинныя укрѣпленныя селенія, и нарицательное имя, которымъ обозначаютъ ихъ французы (ville), есть ничто иное, какъ латинское слово villa, обозначающее сельское помѣстье.

Положеніе городовъ до XI вѣка.—Однако не слѣдуетъ составлять себѣ преувеличеннаго представленія относительно важности этихъ городскихъ общинъ въ теченіе первыхъ столѣтій средневѣковаго періода: онѣ были болѣе многочисленны, чѣмъ значительны, и не были, вѣроятно, ни густо населены, ни очень богаты. При низкомъ уровнѣ культуры города не могутъ развиваться: большой городъ можетъ жить лишь обмѣномъ предметовъ своего производства на съѣстные припасы, которыхъ онъ не производитъ и которые доставляются ему со стороны. Нѣтъ торговли—нѣтъ и большихъ городовъ. Между тѣмъ въ темный періодъ времени отъ V до X вв. торговля ограничивалась лишь необходимымъ минимумомъ, исключая кратковременнаго расцвѣта при Карлѣ Великомъ. Только берега Средиземнаго моря не переставали посѣщаться купцами, и сношенія между Провансомъ, Италіей, Греціей и Востокомъ никогда не прекращались совершенно; поэтому въ городахъ этой привилегированной полосы, повидимому, сохранились и торговый классъ, и извѣстная степень благосостоянія. Въ другихъ мѣстахъ торговля повсюду почти совершенно исчезла, такъ какъ не находила ни необходимой для нея безопасности, ни центровъ обмѣна. Каждое помѣстье жило само по себѣ, само удовлетворяло почти всѣ свои потребности, обрабатывало для своего употребленія желѣзо, дерево и шерсть, производило свой хлѣбъ; такъ же должны были поступать и города: это были сельскія мѣстечки, и горожане были крестьянами, обрабатывавшими окрестности города. Притомъ, и мода не способствовала ихъ развитію: короли, вельможи, галло-римскіе и германскіе собственники предпочитали жить въ деревнѣ; города перестаютъ быть ареною великихъ событій.

Трудно представить себѣ, чѣмъ были тогда городскія посе-

Такимъ образомъ, съ VI по X-й вѣкъ горожане не играютъ никакой роли въ обществѣ, и епископъ Адальберонъ въ знаменитой поэмѣ, обращенной имъ къ королю Роберту, принимаетъ въ расчетъ только два класса: людей церкви и дворянъ, за которыми, но гораздо ниже, стоятъ крестьяне, обрабатывающіе землю.

Первыя соединенія городскихъ жителей. — Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно утверждать, что городская община, какъ таковая, совершенно не существовала въ эту эпоху, т. е. не имѣла никакой реальности внѣ составлявшихъ ее индивидуумовъ. Уже въ эту отдаленную эпоху городское населеніе начинаетъ группироваться.

Во-первыхъ, слѣдуетъ думать, что право суда не было исключительной привилегіей сеньера. Въ Страсбургѣ, какъ показываетъ одинъ документъ, относящійся къ концу X вѣка, епископъ вполне самостоятельно избиралъ своихъ должностныхъ лицъ, исключая *advocatus*, который пожизненно производилъ высшій судъ надъ горожанами и котораго онъ назначалъ «по выбору и съ согласія церковно-служителей и горожанъ» (*cum electione et consensu canonicorum ministerialium et burgensium*). Мало того, мы знаемъ, что въ каролингскихъ трибуналахъ, гдѣ председательствовали графы или ихъ *missi*, засѣдало въ качествѣ ассессоровъ извѣстное количество свободныхъ людей—постоянныхъ судей, выбранныхъ изъ числа мѣстныхъ жителей, такъ наз. скабины (*scabini*). Этотъ институтъ, повидимому, удержался какъ въ южныхъ, такъ и въ сѣверныхъ городахъ, потому что мы снова встрѣчаемъ его здѣсь въ XI вѣкѣ: это былъ какъ бы первый органъ общины, неполный, зависѣвшій отъ сеньера, который назначалъ этихъ скабиновъ, но все-таки независимый, такъ какъ они избирались, повидимому, на всю жизнь и съ согласія (по крайней мѣрѣ формальнаго) жителей.

Съ другой стороны, институтъ товарищества былъ очень распространенъ въ средніе вѣка: когда полиція и законы оказывали недостаточную защиту индивидууму, — онъ долженъ былъ защищать себя самъ, и тогда естественно прибѣгалъ къ ассоціаціи съ другими. Въ однихъ мѣстахъ возникаютъ ассоціаціи купцовъ, какъ въ Валансеньѣ, гдѣ общество купцовъ носило названіе *Frairie de la Halle basse*, въ Арра и во многихъ городахъ сѣверной и восточной Франціи. Въ англійскихъ мѣстечкахъ процвѣтали лиги мира, *Frith Gilds*, члены которыхъ, проникнутые чувствомъ общей отвѣтственности, клялись помогать другъ

Другіе способы освобожденія.— Часто, когда сеньерьъ былъ занятъ войною, община уклонялась отъ оказанія ему помощи, предлагала свои условія обѣимъ сторонамъ, продавала свой союзъ съ торговь, поддерживала того, кто больше давалъ, и, пользуясь военнымъ положеніемъ, добивалась независимости. Такъ, Невшатель устроилъ у себя коммуну въ 1231 году, пользуясь войною между герцогомъ лотарингскимъ Матвѣемъ и шампанскимъ графомъ Тибо, и получилъ отъ послѣдняго помощь противъ своего сеньера. Съ своей стороны феодалы щедро раздавали привилегіи городамъ, когда нуждались въ ихъ помощи; и когда нѣсколько претендентовъ оспаривали другъ у друга какой-нибудь феодеъ, то иногда они старались превзойти другъ друга великодушіемъ. Такой случай былъ во Фландріи въ 1127—1128 гг. Гильомъ Клитонъ, внукъ Вильгельма Завоевателя, въ 1126 г. женился на Жаннѣ Савойской, сестрѣ французской королевы, и получилъ въ ленъ фландрское графство; чтобы пріобрѣсти популярность, онъ тотчасъ по пріѣздѣ даровалъ гарантію жителямъ Лилля, Гента, Брюгге, Арденбурга, Ветюна, Теруанна и Сент-Омэра (1127). Но у него есть соперникъ—Тьерри Эльзасскій; послѣдній нападаетъ на него и, пользуясь тѣмъ же оружіемъ, даетъ привилегіи Арра, Теруанну, Брюгге, Сент-Омэру, Лиллю и Юру. Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ этихъ городовъ сосали двухъ матокъ.

Чаще всего города пріобрѣтали независимость при помощи денегъ. Сеньеры были бѣдны или расточительны и всегда нуждались въ деньгахъ; хотѣли ли они ѣхать въ Св. Землю, основать монастырь, предпринять походъ или заплатить выкупъ, они обращались къ снисходительности своихъ подданныхъ, а послѣдніе не иначе развязывали шнурки своего кошелька, какъ въ обмѣнъ на пергаментъ. Большинство коммунальныхъ хартій было добыто, вѣроятно, путемъ купли, хотя эта торгашеская сдѣлка, дѣлающая мало чести господской гордости, рѣдко упоминалась въ нихъ. Людовикъ VI продалъ городу Амьену освободительную грамоту. Хартія, дарованная въ 1174 году жителямъ Лана, была уничтожена влѣдствіе ихъ столкновеній съ ланскимъ епископомъ; но горожане снова купили ее, обязавшись платить суверену цѣлый рядъ повинностей; позднѣе они выкупили эти повинности, уплативъ единовременно извѣстную сумму (1196). Въ 1216 или 1217 году—примѣръ единственный въ своемъ родѣ—горожане Оксерра добились того, что ихъ графъ отдалъ имъ городъ внаймы

два дворянина оскорбили горожанина; народъ возсталъ на защиту послѣдняго и устроилъ охоту на обидчиковъ, но они скрылись въ соборѣ; одинъ сановникъ, надѣясь спасти ихъ, ввелъ ихъ на башню, и такъ какъ ихъ отказались выдать, то толпа оставила у дверей караульныхъ; на слѣдующій день набатъ призвалъ всѣхъ жителей къ оружію, толпа съ шумомъ ворвалась въ церковь, схватила дворянъ и укрывателя и потащила ихъ за ноги и за волосы по улицамъ и площадямъ къ дому оскорбленнаго горожанина; здѣсь толпа принялась пенствова битъ ихъ кулаками, палками и топорами и затѣмъ бросила въ тюрьму, гдѣ одинъ изъ нихъ умеръ. Въ Бовэ, въ Реймсѣ, въ Арра всѣ горожане обязуются ничего не продавать духовнымъ и ихъ слугамъ, т. е. морять ихъ голодомъ. Духовные сеньеры, съ своей стороны, выказывали не больше мягкости: аббатъ Везеле, епископъ Бовэ блокировали свои собственные города, запрещая жителямъ сосѣднихъ мѣстностей доставлять съѣстные припасы своимъ подданнымъ. Въ 1305 г. епископъ Бовэ, слѣдуя примѣру архіепископа Камбрэ, выдалъ свой собственный городъ вооруженнымъ шайкамъ, которыя опустошили его огнемъ и мечемъ. Въ другихъ мѣстахъ церковные суды, поддерживаемые королевскими трибуналами, изнуряли общины штрафами. Исторія суассонской коммуны представляетъ собою непрерывный рядъ столкновеній между городской магистратурой и капитуломъ. Бовэ, Корби, Ланъ, Сен-Рикье находились въ постоянной враждѣ съ церковью.

Братства горожанъ въ городахъ южной Франціи.— Не болѣе спокойно было и въ городахъ Юга. Здѣсь жители въ интересахъ борьбы со своими общими врагами учреждали настоящія тайныя общества, носившія названіе братствъ. Въ Марсели граждане въ 1212 году составили братство, «чтобы защищать невинныхъ и противодѣйствовать несправедливымъ насиліямъ». Тулуза, Байонна имѣли свои политическія братства, которыхъ сеньеры очень боялись. Въ Авиньонѣ, въ 1215 году, дворяне жаловались, что они ограблены братствами. Въ Арлѣ, въ первой половинѣ XIII вѣка, архіепископу приходилось упорно бороться съ этими присяжными товариществами. Около 1232 года Бертрапъ Аламанонъ въ одной сирвентѣ обвинялъ прелата въ томъ, что онъ умерилъ въ тюрьмѣ нѣкоего Жюнкера (можетъ быть, Гильома Жоньера) за принадлежность къ одному братству. Въ 1235 году одно изъ этихъ обществъ свергаетъ подеста, беретъ въ свои руки бразды правленія, заставляетъ всѣхъ жителей принести клят-